H270 20

9(с)16
Ш 43

СОЧИНЕНІЯ

Н. В. ШЕЛГУНОВА.

Томъ I.

1127023 Р (23)

Изданіе
«РУССКОЙ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ.»

ТЮМЕНСКАЯ
областная библиотека
Сектор редкой книги

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. В. Демакова. В. О., 9., № 22.

1871.

ОГЛАВЛЕНІЕ I ТОМА.

Стран.

УБЫТОЧНОСТЬ НЕЗНАНІЯ.

I. Рабство 1
II. Войны 23
III. Благотворительность 44
IV. Заключеніе 56

РАБОЧІЙ ПРОЛЕТАРІАТЪ ВЪ АНГЛІИ И ВО ФРАНЦІИ 64

Рабочіе въ Англіи 70
I. Машины и англійская промышленность . . . . . —
II. Пролетарій въ большихъ городахъ 87
III. Соперничество.—Лишніе люди 95
IV. Болѣзни.—Невѣжество.—Развратъ 99
V. Честность фабрикантовъ. 108
VI. Женщины и дѣти 112
VII. Чулочныя издѣлія и кружевное производство 118
VIII. Печатаніе матерій и разрѣзальщики бархата 120
IX. Швеи 122
X. Мастера металлическихъ издѣлій. 123

Рабочіе во Франціи. 128
I. Пьянство и развратъ. 129
II. Помѣщеніе рабочихъ. 134
III Ручные ткачи 140
IV. Кружевницы и цвѣточницы. 141
V. Шляпныя мастерицы и дѣвушки въ магазинахъ 143
VI. Прачки и прислуга 144
VII. Швеи 146
VIII. Условія жизни работницъ 150
IX. Соперничество тюрьмъ, монастырей и швейной машины . . . 154
X. Помощь буржуазіи и попытки пролетарія. 158

СИБИРЬ ПО БОЛЬШОЙ ДОРОГѢ.

I. Тверь.—Бурлаки.—Волжское пароходство 183
II. Упадокъ Казани и казанскихъ промысловъ. 195
III. Кама.—Пермь.—Русскія механическія способности 203
IV. Пашня вмѣсто дороги.—Екатеринбургъ.—Фэбричные.—Ихъ техническая неразвитость. 212

V. Сибирскій холодъ 216
VI. Непроизводительность Сибирскаго труда 219
VII. Зачатки пролетаріата.—Экономическая неразвитость.—Кто поможетъ 222
VIII. Тюменскіе постоялые дворы.—Хлѣбъ-глина.—Сибирская малоземельность 229
IX. Сибирское пароходство.—Чайная торговля.—Русская переносливость и русскій разсчетъ 233
X. Тобольскъ 237
XI. Образованіе.—Смертность.—Голодный годъ.—Послѣдніе люди . 239
XII. Сибирская честность.—Одно слово сочувствія и три слова бранныхъ.—80% бродячаго населенія 250
XIII. Шоссе.—Лошади.—Ссыльные, какъ причина безпорядочности.—Вымираніе ссыльныхъ.—Не быть имъ землевладѣльцами . . 259
XIV. Сибирскіе «Амуры».—Иркутскъ 274
XV. Сибирская дороговизна.—Невыгоды отъ высокаго уровня потребностей 279
XVI. Казаки.—Буряты.—Какъ живутъ горные рабочіе 283
XVII. Бродяги 293
XVIII. Сибирь какъ золотое дно 298

ГРАЖДАНСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ ИРКУТСКАГО КРАЯ.

I. Статистическіе источники 299
II. Сибирь та-ли Русь 302
III—IV. Бродячее населеніе и сибирская безопасность 314
V. Купечество 344
VI. Мѣщане 363

УБЫТОЧНОСТЬ НЕЗНАНІЯ.

Въ настоящихъ четырехъ главахъ предлагается читателю обзоръ главнѣйшихъ обстоятельствъ, мѣшавшихъ матеріальному благосостоянію людей.

Вопросы экономическаго быта считались всегда самыми существенными, но по разнымъ причинамъ человѣчество еще не доросло до взаимно-выгоднаго практическаго ихъ разрѣшенія.

—

Бѣдность создавалась главнѣйше рабствомъ и войнами.

I.

Рабство.

Изъ всѣхъ существующихъ знаній самое слабое, разумѣется, исторія.

Въ физіологіи, химіи, математикѣ не можетъ быть произвольныхъ толкованій. Физіологія знаетъ отправленіе сердца, сущность кровообращенія, пищеваренія, значеніе нервовъ. Для нея невозможно навязывать желудку то, что зависитъ отъ нервовъ, или смѣшивать отправленіе головнаго мозга съ отправленіемъ кишекъ. Въ химіи то же самое. Условія, при которыхъ соединяются тѣла и образуются новыя, извѣстны уже на столько, что химія знаетъ точно, что при соединеніи кислорода съ водородомъ въ данной пропорціи образуется непремѣнно вода, а не камень, не дерево.

Очевидно, что науки эти овладѣли уже нѣкоторыми основаніями, и тѣ непреложныя условія, при сочетаніи которыхъ образуются непремѣнно извѣстныя ощущенія, или соединенія, они называютъ законами. Но подобныхъ законовъ исторія, какъ наука, для себя еще не открыла. Поэтому, ни одно знаніе не представляетъ болѣе удобнаго случая для личныхъ соображеній и заключеній, т. е. для произвольныхъ гипотезъ, какъ исторія.

Разумѣется, дѣло исторіи труднѣе, чѣмъ какого бы то ни было другого знанія, потому что исторія, какъ общій законъ всего хода развитія человѣ-

чества поглощаетъ въ себѣ всѣ остальныя знанія. Но трудность разработки этой науки не столько качественная, сколько количественная, вслѣдствіе обилія вспомогательныхъ знаній.

Исторія, желающая открыть законы развитія и жизни народовъ, разумѣется, прежде всего должна знать тѣ законы, которые открываетъ физіологія, изучающая организмъ отдѣльнаго человѣка и вліяніе на него внѣшней среды. Съ знаніемъ физіологическихъ законовъ и съ тѣми фактами, которые открываетъ статистика, исторія перестанетъ быть сборникомъ анекдотовъ и разныхъ разсказовъ, изъ которыхъ каждый читатель выбираетъ то, что ему по вкусу. Такъ человѣкъ съ нервами жесткими восторгается всѣми военными событіями и приходитъ въ особенный восторгъ именно отъ такихъ изъ нихъ, гдѣ наболѣе пролито крови, и гдѣ люди походили наболѣе на дикихъ звѣрей. Другой, человѣкъ болѣе мягкій, впадаетъ въ нѣжную чувствительность отъ добродѣтелей Тита и готовъ благодѣтельствовать все человѣчество, не понимая однако, что значитъ добро. Третій хочетъ видѣть въ исторіи наставника; ищетъ въ ней какіе-то уроки, не подозрѣвая вовсе, что до сихъ поръ исторія не дала еще никому ни одного полезнаго для человѣчества наставленія, и только собирается искать общіе законы прогресса.

Но исторія и не сдѣлаетъ успѣховъ до тѣхъ поръ, пока историки не познакомятся лучше съ естественными науками; пока они не узнаютъ физіологіи и взаимно-дѣйствующихъ вліяній отправленій организма и внѣшней среды; пока они не узнаютъ статистики.

Какъ ни слабы успѣхи естественныхъ наукъ, но они настолько богаты наблюденіями, что въ состояніи помочь историкамъ въ ихъ дѣлѣ.

Если же историковъ не удовлетворяютъ факты, разъясненные естественными науками; если ни физіологія, ни статистика не представляютъ, по ихъ мнѣнію, достаточный запасъ точныхъ наблюденій, чтобы по нимъ дѣлать безошибочныя заключенія, хотя о нѣкоторыхъ историческихъ явленіяхъ, то это недовольство не должно бы мѣшать воспользоваться другимъ открытіемъ естествоиспытателей—ихъ научнымъ пріемомъ, съ помощью котораго они, если не всегда могутъ сказать, когда то или другое предположеніе вѣрно, зато всегда безошибочно могутъ опредѣлять, когда оно невѣрно.

Критическое изложеніе событій съ исключительнымъ указаніемъ того, что приносило человѣчеству пользу и что приносило вредъ, привело бы къ заключенію, можетъ, нѣсколько обидному для самолюбія человѣчества, но зато во всякомъ случаѣ къ заключенію болѣе полезному, чѣмъ отсутствіе всякихъ выводовъ.

Принимая основаніемъ только признанную физіологіей и статистикой полезность и безполезность тѣхъ или другихъ явленій для отдѣльнаго и для коллективнаго организма, пришлось бы всѣ дѣйствія человѣчества раздѣлить на двѣ группы —на группу явленій полезныхъ и явленій вредныхъ для прогресса.

Подобной группировкой явленій, если и не всегда опредѣлится, что нужно дѣлать, то ужь во всякомъ случаѣ разъяснится, чего дѣлать не слѣдуетъ.

Исторія покажетъ тогда, что человѣкъ напрасно гордился тѣмъ, что онъ вѣнецъ творенія; что коллективный человѣкъ, несмотря на прожитыя имъ тысячелѣтія, умѣлъ только чувствовать, когда его кололо что-нибудь, но не умѣлъ устранить безпокоившаго его предмета; что коллективный человѣкъ не научился еще согласовать ощущеній съ дѣйствіями, и шелъ такимъ медленнымъ путемъ, что даже нынче, послѣ многихъ вѣковъ, большинство людей на земномъ шарѣ находится на той же степени знанія, на какой оно было при сотвореніи міра.

Даже исторія гордой своей цивилизаціей Европы представляетъ исключительно факты, подобные тѣмъ, какіе замѣчаются въ жизни младенца: это барахтанье ребенка, рядъ неудачныхъ попытокъ и опытовъ, моменты отчаянія и безнадежности.

На сколько это справедливо—указываетъ статистика прошедшаго и факты, сообщаемые исторіей преимущественно древняго міра.

Что представляетъ намъ исторія древняго міра? Самъ онъ не понималъ себя; у него не было никакихъ знаній, кромѣ нѣкоторыхъ ложныхъ догадокъ и гипотезъ, которыя составляли его вѣчное несчастіе и постоянно заставляли его дѣлать только то, что вредило ему. Эти первые шаги коллективнаго человѣка, которые онъ дѣлалъ совершенно наудачу, показались послѣдующей Европѣ почему-то наслѣдіемъ вѣковъ.

Ошибка такого заключенія была въ томъ, что человѣкъ, вмѣсто правильнаго понятія о періодѣ развитія, составилъ себѣ чисто-условную идею о прогрессѣ, смѣшавъ его съ движеніемъ времени. Разумѣется, 2,500 лѣтъ сравнительно съ 50 лѣтнимъ вѣкомъ человѣка величина большая, но въ періодѣ развитія они ничего не значатъ. Здѣсь важно не 2,500 лѣтъ, а сумма всѣхъ условій, необходимыхъ для развитія. А какія именно эти условія, были ли всѣ они на лицо и отчего они зависятъ?

Исторія въ томъ видѣ, какъ ее обыкновенно разсказываютъ, не даетъ не только отвѣта на этотъ вопросъ, но она даже не посмотрѣла на прожитую человѣчествомъ жизнь съ этой раціональной точки зрѣнія. Вотъ почему и нужно ожидать, что наконецъ явится новая разработка исторіи древняго міра, не похожая на прежніе труды историковъ. Это значитъ, что съ успѣхами естественныхъ наукъ и физіологіи, и при посредствѣ статистическихъ изслѣдованій историки попытаются прослѣдить вновь періодъ развитія человѣчества, называемый древнимъ міромъ, и опредѣлить законы его жизни совершенно также, какъ это дѣлаетъ физіологъ, наблюдающій зачаточный періодъ или дѣтскій возрастъ ребенка.

Какъ физіологія опредѣляетъ условія, необходимыя для развитія каждаго отдѣльнаго организма, опредѣляетъ что̀ для него вредно и что полезно, и при какихъ данныхъ возможно вполнѣ самобытное, правильное и здоровое существованіе, такъ и исторія, эта физіологія и патологія коллективнаго человѣка, опредѣляетъ тѣ неизбѣжные законы, при которыхъ должно совершаться здоровое развитіе общественнаго организма.

Если съ этого физіологическаго основанія смотрѣть на факты, представ-

ляемые исторіей древняго міра, то поучительность такого изученія окажется преимущественно въ его отрицательномъ свойствѣ. Главнѣйшій урокъ прошедшаго въ томъ, чтобы не повторять стараго.

Здѣсь мы взглянемъ на нѣкоторыя явленія, представляемыя исторіей исключительно въ смыслѣ ихъ экономическаго значенія, т. е. вліянія на бѣдность и богатство народовъ. Факты эти самые крупные и потому самые легкіе для пониманья.

Не существуетъ никакихъ причинъ думать, чтобы матеріальныя потребности людей были прежде иного свойства, чѣмъ у людей нашего времени.

Напротивъ, человѣчество не стремилось никогда такъ сильно къ удобствамъ и къ наслажденію жизнью, какъ въ древнемъ мірѣ. Эти наслажденія и удобства были однако такого свойства, что должны были вести за собой самыя печальныя послѣдствія, какъ для отдѣльныхъ организмовъ, такъ и для всего общества.

Причина, почему матеріальный бытъ древняго Рима долженъ былъ привести къ тому явленію, какое обыкновенно называютъ его паденіемъ, заключалась исключительно въ томъ, что Римъ жилъ гипотезами, что у него не было точныхъ знаній, что его философія и наука были произвольными толкованіями ежедневно представляющихся явленій. Это былъ первый опытъ убѣдившій въ несостоятельности гипотезъ, правильность которыхъ ничѣмъ не доказана.

Самая крупная гипотеза древняго міра заключалась въ томъ ученіи, которымъ опредѣлялись гражданскія отношенія людей между собой. Эврипидъ, принимая закономъ существующій фактъ, говоритъ, что сама природа назначила грекамъ быть свободными, и варварамъ быть рабами.

Но Эврипидъ былъ поэтъ, т. е. онъ могъ ошибаться легче, увлекаясь призраками воображенія. Этого однако нельзя, по крайней мѣрѣ, не слѣдуетъ предполагать, относительно тѣхъ великихъ умовъ древности, гипотезы которыхъ служили такъ долго Европѣ исключительнымъ источникомъ знанія.

Аристотель прямо признаетъ рабство естественнымъ явленіемъ, неизбѣжнымъ въ человѣчествѣ. Онъ говоритъ, что такъ же естественно, чтобы между людьми одни были свободными, какъ другіе рабами, и что для послѣднихъ рабство такъ же полезно, какъ и справедливо. Когда одинъ человѣкъ на столько ниже другого, на сколько тѣло ниже души, на сколько скотъ ниже человѣка, и когда исключительно физическая сила есть единственная способность человѣка—такой человѣкъ есть рабъ по натурѣ. Такому человѣку лучше всего отдаться подъ власть господина.

Здѣсь Аристотель возводитъ прямо въ право то, что требуетъ еще доказательствъ.

Платонъ, напротивъ, выражается осторожнѣе. Онъ говоритъ, что человѣкъ есть животное, которымъ управлять не легко, и которое отдается съ большимъ трудомъ разграниченію между свободнымъ и рабомъ, господиномъ и слугой, введенному по необходимости. Рабъ—мебель довольно стѣснительная, прибавляетъ Платонъ.

Ясно, что Платонъ какъ будто бы сомнѣвался въ правильности существующаго факта, но у него не было другого идеала, кромѣ того, что онъ видѣлъ; а воображеніе его было такъ слабо, что, черпая матеріалы изъ окружавшаго его міра, онъ не могъ предвидѣть возможности общества на иныхъ основаніяхъ.

Такимъ образомъ и Аристотель, и Платонъ возводили въ законъ существующее, потому что не видѣли фактовъ другого рода, которые бы могли привести ихъ къ инымъ заключеніямъ. Отъ этого не только они, но и все древнее общество, идя весьма логически отъ своего невѣрнаго основанія, должны были придти къ выводамъ довольно страннымъ, хоть и послѣдовательнымъ. Поэтому понятно, почему Платонъ пришелъ къ такому заключенію: если рабъ, говоритъ Платонъ, убьетъ свободнаго человѣка, даже защищаясь противъ него, то долженъ быть наказанъ, какъ за отцеубійство.

Философы своимъ ученіемъ оправдали только то, что жило и безъ нихъ въ общемъ убѣжденіи. Они не сказали ничего новаго, не открыли никакой истины; они даже и не могли придти путемъ логическихъ построеній къ правильнымъ выводамъ, потому что не владѣли никакими знаніями и не могли ничѣмъ провѣрить себя.

Во всемъ этомъ видѣнъ только первый опытъ незнанія и приложенія ошибочной гипотезы къ политическимъ учрежденіямъ огромнаго размѣра.

Основаніе, изъ котораго шли римляне было весьма просто. Это законъ, существующій теперь и который будетъ существовать вѣчно. Законъ этотъ— польза, выгода.

Римляне, какъ люди практическаго смысла, дѣлали только то, что казалось имъ выгоднымъ и полезнымъ. Только эта причина и заставила ихъ оставить манеру дикарей, убивающихъ побѣжденныхъ ими непріятелей. Для римлянина, жившаго гражданскимъ обществомъ, было выгоднѣе взять врага къ себѣ въ работники и избавить себя тѣмъ отъ непріятной необходимости трудиться.

Писатели нынѣшняго времени обыкновенно возмущаются отвращеніемъ римлянъ отъ труда, и тѣмъ, что для нихъ война и грабежъ казались занятіемъ болѣе достойнымъ гражданина. Причина этого взгляда римлянъ на трудъ объясняется очень просто.

Извѣстно, что трудъ такъ же необходимъ для человѣческаго организма, какъ ѣда и сонъ. Извѣстно также, что единственнымъ побужденіемъ къ труду служитъ личная необходимость человѣка удовлетворить своимъ потребностямъ; однимъ словомъ, человѣкъ трудится потому, что ему нужно пить, ѣсть, имѣть одежду, помѣщеніе и удовлетворять и другимъ своимъ потребностямъ. Во всѣхъ родахъ труда, гдѣ человѣкъ долженъ произвести самъ всѣ необходимые ему предметы, трудъ не заключаетъ въ себѣ ничего пріятнаго. Вспахать собственными руками десять десятинъ земли, взборонить ихъ, засѣять, сжать, привести хлѣбъ домой, высушить, вымолотить, смолоть—все это требуетъ очень усиленной дѣятельности мышцъ,—болѣе усиленной, чѣмъ сколько это нужно для поддержанія организма въ здоровомъ состояніи. А всякая уси-

ленная дѣятельность, т. е. трудъ бо́льшій, чѣмъ сколько нужно его собственно для организма, есть уже непріятность. Люди съ неразвитыми потребностями, когда имъ приходится работать самимъ на себя, стараются по возможности облегчить свой трудъ, выполняя его кое-какъ. По этой причинѣ забайкальскій житель строитъ себѣ обыкновенно одну избу, маленькую, изъ тонкаго лѣса, потому что ему пріятнѣе жить въ тѣсномъ углу и зябнуть, чѣмъ трудиться на столько, чтобы вмѣсто одной имѣть двѣ избы; по этой же причинѣ забайкалецъ не дѣлаетъ при домѣ ни хлѣва, ни амбаровъ, не ростъ колодца, потому что ему выгоднѣе, т. е. легче держать коровъ на открытомъ воздухѣ во всю зиму и кормить скотъ скудно, не смотря на то, что половина его погибнетъ къ веснѣ, чѣмъ строить хлѣвъ, или рыть колодезь, когда можно пользоваться хоть и грязной, но готовой водой; по этой же причинѣ забайкальскія бабы доятъ коровъ бурятскимъ способомъ, припуская теленка и необмывая вымя, потому что бабѣ выгоднѣе пить молоко воняющее навозомъ, чѣмъ обмывать вымя. Это все разные способы убавить непріятность труда, или довести трудъ до минимума. Если бы каждому изъ насъ пришлось убирать самому свои комнаты и оправлять постели, то непріятность труда, разумѣется, пріучала бы насъ быть менѣе взыскательными на чистоту, чѣмъ это нынче, когда чистота комнатъ лежитъ на обязанности прислуги. Не существуетъ и не можетъ существовать на свѣтѣ такого нормальнаго человѣческаго организма, которому бы усиленный трудъ былъ полезенъ и слѣдовательно пріятенъ. Поэтому каждый человѣкъ стремится къ облегченію своего труда на столько, на сколько позволяетъ минимумъ потребностей, и въ этомъ же причина, почему изобрѣтеніе машинъ должно современемъ оказать человѣчеству большую услугу. Чтобъ довести трудъ до такого размѣра и качества, чтобы онъ былъ только пріятенъ и никакъ бы не приближался къ предѣлу, за которымъ начинается его усиленное дѣйствіе на организмъ, т. е. непріятность, нужны такіе успѣхи знанія, какими человѣчество еще не располагаетъ.

Когда человѣчество даже нынче не дошло еще до такихъ успѣховъ въ механикѣ и въ техническихъ занятіяхъ, то что же могло быть въ древнемъ Римѣ, когда не только не существовало промышленной технологіи и механики, но даже не было хорошо устроенныхъ дорогъ. Вотъ почему римляне, желавшіе, какъ и всѣ люди нынче, убавить свой трудъ, нашли одно средство для этого — рабство. Они разсуждали правильно, что усиленный трудъ ослабляетъ умственныя способности; они знали изъ опытовъ, что, проработавъ съ утра до вечера до упадка силъ, невозможно заниматься уже дѣлами управленія. И римлянинъ по своему былъ правъ, когда, считая себя господиномъ, онъ приводилъ къ себѣ домой своего плѣннаго врага и дѣлалъ его своимъ рабочимъ, а самъ занимался исключительно дѣлами государственными и разными, какъ ему казалось, высшими соображеніями.

Въ томъ, что римлянинъ дѣлилъ трудъ правильно — на трудъ пріятный и непріятный, нѣтъ ровно еще никакой причины негодовать на древній міръ за неуваженіе его къ труду. Нельзя чувствовать ни любви, ни уваженія къ

тому, что производитъ на насъ непріятное впечатлѣніе. Это физіологическій законъ, на которомъ основанъ весь прогрессъ человѣчества. Это законъ, который разъясняетъ намъ двѣ трети историческихъ фактовъ. Такимъ образомъ теоретическій взглядъ римлянъ на трудъ былъ вполнѣ правиленъ, но они не умѣли только разрѣшить его практически и поплатились за это тѣмъ, что ихъ громадное государство разсыпалось.

Выгода и облегченіе всѣхъ матеріальныхъ трудностей жизни были такимъ же основнымъ экономическимъ закономъ древняго міра, какимъ они остаются и до нынѣ. Предполагая, что только человѣкъ, избавленный отъ физическаго усиленнаго труда, можетъ владѣть вполнѣ своими умственными средствами, древній міръ, въ лицѣ представителей своей умственной дѣятельности, какъ Платонъ, Ксенофонтъ, Цицеронъ, Аристотель, возвелъ это мнѣніе въ соціальный принципъ. Всѣ ручныя работы были признаны ими недостойными людей свободныхъ, и даже торговля допускалась ими для свободныхъ людей подъ двумя условіями: чтобы она приносила громадныя выгоды, и чтобы плоды ея можно было превратить въ недвижимое имущество. Въ Финахъ, кто занимался разнымъ трудомъ, могъ воспользоваться правами гражданина только десять лѣтъ спустя послѣ того, какъ онъ оставилъ свое ремесло. У грековъ презрѣніе къ труду было такъ велико, что философъ Діофанъ рѣшился предложить обратить всѣхъ ремесленниковъ въ государственныхъ рабовъ.

Какъ нынче въ облегченіе труда стараются придумать разныя механическія средства и орудія, такъ древній Римъ замѣнялъ ихъ живой машиной — рабомъ. Рабъ былъ больше ничего, какъ извѣстная сила, которою римлянинъ старался довести свой личный трудъ до минимума.

Но эта живая машина была все-таки человѣкъ. Онъ могъ быть и очень слабыхъ умственныхъ способностей, но могъ быть человѣкомъ и другого закала, потому что въ числѣ народовъ, побѣжденныхъ римлянами, были и такіе, которые стояли если не выше, то и не ниже ихъ по цивилизаціи и развитію. Съ такой машиной управляться было не легко. И вотъ — цѣлая система законодательства, которой старались держать раба въ тѣхъ предѣлахъ, какіе были выгодны для римлянъ.

Рабъ не пользовался никакими гражданскими правами; бракъ для него не существовалъ, а признавалось простое сожитіе; родственная связь родителей съ ихъ дѣтьми могла быть по словамъ Аристотеля всегда разорвана; родство для нихъ не существовало; если свободная женщина выходила за раба, то подлежала смертной казни, а раба сжигали. Въ Спартѣ, гдѣ жестокость обращенія съ рабами доходила до крайнихъ предѣловъ, рабъ, который бы вздумалъ сдѣлать измѣненія въ своемъ костюмѣ противъ назначенной формы, такъ что могъ быть смѣшанъ съ гражданиномъ, наказывался смертью. Тамъ же, чтобы не дать рабу забыть свое положеніе и держать его въ предѣлахъ установленной почтительности, отсчитывалось рабамъ каждый годъ извѣстное число ударовъ. Рабъ былъ поставленъ въ Римѣ наравнѣ съ домашнимъ скотомъ, такъ что число рабовъ считалось головами. Поставленный въ число ве-

щей, рабъ и продавался какъ вещь; у римлянъ составилось цѣлое законоположеніе, которымъ опредѣлялась система продажи, цѣна рабовъ, предупреждались и наказывались обманы торговцевъ рабами.

Весь рабовладѣльческій порядокъ былъ опредѣленъ чрезвычайно точно и обстоятельно. Это, разумѣется, не составляло особенной трудности, по тѣмъ свойствамъ головнаго мозга, которыя зовутся логикой.

Въ логикѣ есть свой безошибочный законъ построенія, по которому такъ же легко придти къ самымъ нелѣпымъ выводамъ, какъ и къ выводамъ противоположнаго свойства. Въ томъ и другомъ случаѣ процессъ мысли и трудъ построеній одинъ и тотъ же. Вся задача не въ логикѣ, а въ выборѣ вѣрной точки отправленія. Если бы у римлянъ всѣ гражданскія отношенія вытекали изъ равноправности, имъ было бы нисколько не труднѣе составить весьма послѣдовательное свободное законодательство, такое же полное и обстоятельное, какъ и то, которое они составили для своихъ учрежденій, построенныхъ на началахъ рабства.

Римляне создали себѣ именно такую, а не другую экономическую теорію, потому что у нихъ не было возможности придти къ другому основанію. Построивъ свою экономическую силу на логикѣ рабства, имъ казалось необходимымъ сдѣлать изъ своего раба настоящую машину. Поэтому рабы, особенно употреблявшіеся для земледѣлія, были совершенно обременены работой. На нихъ смотрѣли съ наибольшимъ презрѣніемъ, чѣмъ на всѣхъ остальныхъ рабовъ. Въ глазахъ господина земледѣльческій рабъ былъ совершенное животное, не отличавшееся ничѣмъ отъ вола и осла. Но были рабы, положеніе которыхъ было еще хуже: это рабы, употреблявшіеся для разработки рудниковъ. Здѣсь рабы безъ различія пола и возраста работали до полнаго истощенія силъ. Ихъ держали такъ, что имъ нечѣмъ было прикрывать даже свою наготу. Для нихъ не существовало ни срока работъ, ни милосердія. Больные, изувѣченные, женщины и старики работали подъ кнутомъ, пока падали отъ истощенія силъ. Работа была такъ трудна и наказанія такъ жестоки что, огромное число рабовъ вымирало очень скоро, не вынося тягостей. Чтобы больше огрубить рабовъ, ихъ держали въ цѣпяхъ: въ полѣ, въ рудникахъ въ каменоломняхъ, въ оружейныхъ, всюдѣ можно было встрѣтить рабовъ въ кандалахъ на шеѣ, или на ногахъ. У множества рабовъ были головы совершенно бритыя, у другихъ выбрита половина головы. Но это дѣлалось не со всѣми. Общій же для всѣхъ рабовъ знакъ ихъ зависимаго положенія составляло клеймо, выжженное каленымъ желѣзомъ на лбу или на щекѣ. Были даже такіе господа, которые выжигали на лицахъ своихъ рабовъ свое собственное имя.

Пища рабовъ была самая жалкая, въ такомъ количествѣ, и такого качества, чтобы не истощить силъ рабочаго до упадка. Случалось не рѣдко, что бѣдные господа привязывали къ шеѣ рабовъ, вертящихъ жернова, доску съ отверзтіемъ посрединѣ, чтобы помѣшать имъ ѣсть муку, которую бы имъ удалось собрать руками изъ подъ камней.

Такое жалкое содержаніе, усиленный трудъ, жестокія наказанія, порождали

между рабами множество болѣзней. Въ древности были частыя эпидеміи, поражавшія исключительно классъ рабовъ.

Отъ больныхъ и безсильныхъ рабовъ старались обыкновенно избавиться всѣми средствами. Ихъ или продавали за безцѣнокъ, вмѣстѣ съ какимъ-нибудь старымъ хламомъ, или, что еще скорѣе, бросали на произволъ судьбы. Такъ въ Римѣ, на Тибрѣ, находится пустынный, заброшенный островъ, прозванный въ насмѣшку островомъ Эскулапа. На этотъ-то островъ отвозили больныхъ рабовъ, возлагая излеченіе ихъ на бога медицины.

Рабовъ, умершихъ дома, у своихъ господъ, бросали просто въ ровъ вмѣстѣ съ павшими животными.

Такъ же послѣдовательны были римляне и въ своей системѣ наказаній. Въ рабѣ предполагалось существо иного свойства, чѣмъ свободный гражданинъ,—существо болѣе грубой и нечувствительной плоти; а потому и наказанія для рабовъ должны были быть гораздо сильнѣе и суровѣе. Такимъ образомъ рабовъ распинали на крестѣ, рвали имъ мясо и оставляли ихъ умирать въ страшной и продолжительной агоніи, или мололи виновнаго въ мельничныхъ жерновахъ, или облѣпляли голову смолой и сдирали сразу кожу съ черепа; обрубали постепенно носъ, губы, уши, руки, ноги и оставляли его въ такомъ видѣ умирать въ страшномъ и продолжительномъ мученіи, или подвѣшивали голаго на четырехъ желѣзныхъ цѣпяхъ, оставляя на съѣденіе хищныхъ птицъ.

Логика римскаго права, построенная на ложномъ началѣ, встрѣтила однако маленькое затрудненіе, когда придуманная Римомъ гипотеза столкнулась съ общимъ физіологическимъ закономъ. Приложеніе на практикѣ аристотелева правила — для раба не должно быть покоя, или правила Катона — рабъ или спитъ, или работаетъ, при той системѣ обращенія и наказаній, какія придумалъ Римъ, могло возбудить въ рабахъ только чувство непріятнаго, и чѣмъ рабъ былъ грубѣе, чѣмъ тяжелѣе работа и суровѣе взысканія, тѣмъ и чувство непріятнаго должно было выражаться въ формѣ болѣе грубой и жестокой. Рабъ ровно настолько же озлоблялся на своего господина, насколько тотъ мучилъ его. И нельзя сказать, чтобы римляне не знали совершенно этого. У нихъ была поговорка — сколько рабовъ, столько враговъ. Но у римлянъ недоставало силъ понять возможность иного общественнаго устройства, и они, по необходимости измѣнивъ своей логикѣ, вошли въ противорѣчіе. Зная, по опыту, изъ отдѣльныхъ случаевъ мести и возстаній массами, что каждый рабъ есть врагъ своего господина и каждаго свободнаго человѣка, римляне думали убить это вражеское чувство страхомъ. Въ случаѣ убійства господина рабомъ, подвергались смерти всѣ рабы — мужчины, женщины, дѣти, жившіе съ господиномъ подъ одной крышей. Кромѣ этой солидарной отвѣтственности, отъ рабовъ требовалось то, чего по логикѣ римскаго права отъ нихъ никакъ бы не слѣдовало требовать. Чего могъ ожидать, напримѣръ, Поліонъ, любимецъ Августа, который за разбитую вазу велѣлъ бросить раба въ садокъ съ муренами, или самъ Августъ, велѣвшій распять на мачтѣ своего управляющаго, убившаго и съѣвшаго его перепелку? То, что называется

любовью, преданностью, разумѣется, не могло никакъ явиться въ рабахъ, если они были созданы по тѣмъ же физіологическимъ законамъ, какіе замѣчаются въ нынѣшнемъ человѣкѣ. Вслѣдствіе непріятныхъ внѣшнихъ вліяній въ рабѣ могли являться только непріятныя впечатлѣнія; онъ долженъ былъ ненавидѣть своего господина. Но римское право не хотѣло знать физіологіи, ему казалось, что когда человѣка распинаютъ, четверятъ, бросаютъ въ рыбный садокъ, когда его истомляютъ усиленной работой и недостаточной пищей, то все это должно производить на нервы раба такого рода пріятное ощущеніе, что въ немъ является чувство благодарности къ своему мучителю. Только этимъ незнаніемъ и можно объяснить тотъ римскій законъ, по которому отъ раба требовалась любовь, преданность, самопожертвованіе. Рабъ, не пожертвовавшій собой для спасенія жизни своего хозяина, подлежалъ смертной казни.

За этой ошибкой шла и другая. Чтобы рабъ былъ рабомъ, его систематически вели къ совершенному отупѣнію, и въ то же время требовали отъ этого человѣка-обезьяны человѣческой понятливости. Такъ господа хотѣли, чтобы рабы понимали ихъ взглядъ, малѣйшій знакъ, односложное приказаніе, и въ то же время рабъ не смѣлъ кашлять, не смѣлъ чихать при своемъ господинѣ.

Но какъ бы это искусственное доведеніе человѣка до состоянія животнаго не было сильно, оно не могло быть сильнѣе того физіологическаго закона, который разграничиваетъ животное двурукое отъ четверорукаго; по которому особенная сложность двурукаго организма обнаруживаетъ въ немъ исключительные сложные процессы и дѣлаетъ человѣка непохожимъ на собаку, лошадь, обезьяну. Римскіе законы были бы вполнѣ примѣнимы, еслибы римляне могли поубавить вѣсъ головнаго мозга своихъ рабовъ, или уменьшить количество ихъ нервовъ. Не сдѣлавъ же этихъ измѣненій въ строеніи организма, нельзя было требовать отъ него чего-либо иного, кромѣ того, что онъ долженъ былъ производить; какъ нельзя заставить фіалку пахнуть розой, или заставить носъ чувствовать пріятное ощущеніе, когда подносятъ къ нему вонючее вещество.

Этого простаго обстоятельства не могъ понять древній міръ, и потому впалъ въ противорѣчіе. Стараясь огрубить раба, онъ въ тоже время требовалъ отъ него выгодныхъ услугъ. Но чтобы человѣкъ могъ приносить услуги подобнаго рода, онъ долженъ умѣть размышлять и понимать свои обязанности, онъ долженъ находиться въ условіяхъ, способствующихъ его развитію. Положимъ, чтобы пахать землю и пасти скотъ не нужно особенно высокаго развитія. Но вѣдь рабы же были медиками, архитекторами, грамматиками, философами, математиками.

Что римская система обращенія съ рабами была безсильна измѣнить ихъ физіологически и заставить ихъ нервы и головной мозгъ дѣйствовать съ иной силой, чѣмъ онъ долженъ дѣйствовать у человѣка свободнаго, это показали тѣ многочисленныя и страшныя возстанія рабовъ, которыя испытывалъ Римъ нѣсколько разъ. Сицилійское возстаніе и возстаніе Спартака показали, съ ка-

кой силой люди отдаютъ назадъ принятое ими впечатлѣніе. Этотъ коллективный физіологическій фактъ явился въ Римѣ уже такъ поздно, когда невозможно было спасти государственныя учрежденія, когда на Римъ готовились уже идти сѣверные варвары. И какъ просто было побужденіе рабовъ, — имъ хотѣлось только, чтобы ихъ не били, не мучили пыткой, не казнили для потѣхи, не мучили голодомъ и всякими лишеніями. Людямъ хотѣлось лучшаго противъ того, что имъ давали.

То же стремленіе къ лучшему и къ выгодѣ жило и въ другой половинѣ римскаго общества. И римскіе граждане хотѣли улучшить свой бытъ, и они стремились къ прогрессу и къ цивилизаціи. Но у нихъ недостало для этого одного — знанія. Разумѣется, еслибы римляне знали, что рабство погубитъ ихъ — у нихъ бы не было рабства. Но римлянамъ нельзя было избѣгнуть его, какъ нельзя ребенку понять свойство огня, пока онъ не обожжется.

Въ началѣ своего гражданскаго существованія Римъ, имѣвшій дѣла только съ бѣдными и неразвитыми народами, какъ Латинцы, Самниты, Волски, отличался весьма строгой и умѣренной жизнью. Причина этой умѣренности заключалась въ томъ, что не было никакихъ поводовъ быть неумѣренными. Но когда римляне, покоривъ сосѣдей и не встрѣчая враговъ, способныхъ устоять противъ нихъ, когда они, награбивъ богатства болѣе развитыхъ народовъ, должны были пріостановиться въ своихъ побѣдахъ, потому что побѣждать было некого, тутъ они показали, какъ далеко можетъ идти человѣкъ въ своихъ стремленіяхъ къ удобствамъ и наслажденіямъ.

Увидѣвъ, какъ живутъ другіе народы, римляне нашли ихъ порядокъ и удовольствія выше своихъ, и награбленныя богатства и трудъ рабовъ дали имъ возможность развить въ себѣ страсть къ наслажденіямъ. Въ теченіе 12 лѣтъ, между возвращеніемъ Сципіона и концомъ войны съ Антіохомъ, военная контрибуція съ побѣжденныхъ народовъ составляла болѣе 150 милліоновъ рублей. Римляне грабили побѣжденныхъ ими непріятелей на чистоту, такъ что ими былъ взятъ даже гардеробъ Антіоха, его столы и буфеты.

Быстрый наплывъ золота, серебра, разныхъ драгоцѣнностей, и знакомство съ обычаями болѣе утонченными, скоро измѣнили суровые нравы римлянъ. И съ этихъ поръ Римъ начинаетъ поражать роскошью своей жизни и громадными расходами на обыкновенныя повседневныя потребности. Ни одинъ народъ не шелъ такъ далеко въ роскоши жилищъ, одежды, внутренняго убранства комнатъ; мраморъ, слоновая кость, мебель изъ драгоцѣнныхъ иностранныхъ деревъ, золотая и серебряная посуда, драгоцѣнныя куренья и самыя тонкія ароматныя эссенціи поглощали огромныя суммы. Денежныя богатства отдѣльныхъ лицъ доходили до колоссальныхъ размѣровъ и считались десятками милліоновъ. Даже философъ Сенека, сожалѣвшій такъ краснорѣчиво объ упадкѣ прежней простоты жизни и восхвалявшій любовь къ бѣдности и презрѣніе къ богатству, успѣлъ набрать въ четыре благопріятные ему года около 4 милліоновъ рублей серебромъ. Роскошь римлянъ дошла наконецъ до того, что самые блестящіе и дорогіе иностранные фабрикаты, персидскіе ковры, индѣйская кисея, слоновая кость, черное дерево, черепаха, перья рѣд-

кихъ птицъ сдѣлались для римлянъ предметами первой необходимости. Но самыя безумныя суммы тратились римлянами на ѣду и на удовольствія.

Клавдій Езопъ велѣлъ приготовить себѣ одно блюдо, стоившее 100,000 сестерцій (около 5,250 руб.). Оно было изъ языковъ птицъ, паученныхъ пѣть и говорить. Каждая такая птица стоила 6,000 сестерцій. Его сынъ пожелалъ первый узнать вкусъ жемчуга, и, распустивъ одну жемчужину, стоившую 1,000,000 сестерцій (болѣе 50 т. р.), выпилъ ее. Великій Юлій Цезарь приготовилъ разъ ужинъ, стоившій ему 100,000,000 сестерцій (болѣе $5^1/_4$ милліоновъ рублей). Онъ истратилъ на это угощеніе доходы трехъ провинцій. Завоеватель Арменіи, побѣдитель Митридата, Лукуллъ, на одинъ простой ужинъ для Цицерона и Помпея, которыхъ онъ не ожидалъ, истратилъ 100,000 сестерцій. Братья Аріи имѣли за столомъ въ видѣ обыкновеннаго кушанья соловьевъ. Калигула истратилъ на одинъ ужинъ болѣе 500,000 руб. сер. Пѣвецъ Тигелій проѣлъ одинъ въ пять дней 50,000 руб. Каждый ужинъ Лукулла стоилъ по меньшей мѣрѣ 100,000 руб. Обѣды по четыре, по пяти разъ въ день были у римлянъ очень обыкновенною вещью.

Пьянство ихъ доходило до такой же виртоузности. Пили знатные, пилъ народъ. Императоръ Тиверій назначилъ Пизона префектомъ Рима только за то, что пилъ съ нимъ два дня и двѣ ночи.

Покореніе Греціи познакомило римлянъ съ наслажденіями иного рода. Софоклъ оставилъ Аѳины съ мальчикомъ, укравшимъ потомъ его плащъ. На гробницѣ Діоклеса юноши праздновали каждый годъ праздникъ поцѣлуевъ, и сладострастнѣйшій изъ юношей получалъ вѣнокъ. Катонъ цензоръ торговалъ невинностью своихъ рабовъ. Развратъ у господъ съ ихъ рабами доходилъ до того, что одинъ разъ были обвинены вдругъ 160 женъ сенаторовъ въ отравленіи своихъ мужей и казнены. Женщины тоже не отстали отъ мужчинъ. Страсть къ этого рода наслажденіямъ была до того сильна въ женщинахъ, что онѣ мѣняли мужей такъ часто, какъ только это было возможно. Но замужнія женщины не остановились на этомъ. Въ самое блестящее время республики учредилось общество для наслажденія, считавшее 7,000 членовъ, мужчинъ и женщинъ. Сенатъ, узнавъ объ этомъ, предалъ болѣе половины общества смертной казни. Женщинъ было наибольшее число. Императрица Мессалина, опускаясь все ниже и ниже въ выборѣ любовниковъ, уходила наконецъ по ночамъ въ дома разврата, и тамъ, голая, награждала своими ласками перваго мужчину, который ей попадался. Думая остановить нѣсколько растлѣніе нравовъ, было постановлено закономъ ссылать всѣхъ женщинъ свободнаго состоянія, которыя сдѣлаются камеліями, не объявляя о томъ эдиламъ. Но этотъ законъ привелъ только къ тому, что списокъ публичныхъ женщинъ украсился именами знатныхъ фамилій, женщинами изъ семействъ гражданъ высшаго разряда. Калигулѣ нравилось показывать свою жену голою своимъ друзьямъ и имѣть связь съ женщинами своего двора въ присутствіи ихъ мужей. Калигула устроилъ даже у себя во дворцѣ особое отдѣленіе, гдѣ въ богато-убранныхъ комнатахъ жили женщины свободнаго состоянія и молодые люди хорошихъ фамилій. Рабы посылались на площади и приглашали го-

стей. У кого не было денегъ, тѣмъ давали въ долгъ за проценты, и это считалось честью, потому что увеличивало доходъ императора. Неронъ жилъ съ молодымъ Спиромъ, женившись на немъ, а впослѣдствіе вышелъ замужъ, въ качествѣ женщины, за своего отпущенника Дорифона. У Геліогабала былъ цѣлый легіонъ, какъ онъ выражался, братьевъ по оружію. Онъ часто собиралъ ихъ, дѣлалъ смотръ и награждалъ каждаго по его заслугамъ.

Даже изъ этихъ немногихъ фактовъ можно видѣть, чѣмъ долженъ былъ кончить древній міръ и какъ велика была его сила. Пожалуй, можно удивляться тонкой работѣ разныхъ предметовъ роскоши древнихъ римлянъ, но этимъ удивленіемъ не устанавливается еще вѣрный взглядъ на бытъ и на историческое значеніе народа. Тутъ можетъ помочь только физіологія и статистика. Богатые римляне ѣли по четыре, по пяти разъ въ день и всѣ свои средства тратили на ѣду и питье. Но какъ посвящать весь свой день на ѣду невозможно, потому что желудокъ человѣческій имѣетъ очень небольшую вмѣстимость, то для возможности нескончаемой ѣды римляне придумали простое средство: они возбуждали рвоту, и освободивъ желудокъ отъ пищи, снова наполняли его; затѣмъ опять рвота, опять ѣда, рвота, ѣда и т. д. Такое занятіе, совершенно противное условіямъ организма, могло имѣть только разрушительное вліяніе на здоровье; оно должно было извращать всѣ отправленія и сообщать нервной системѣ способность иной чувствительности. Такъ же вредно дѣйствовали на организмъ и противоестественныя отношенія мужчинъ и женщинъ. Здѣсь простое нарушеніе физіологическихъ законовъ вело непремѣнно къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыя можно встрѣтить и нынѣ у людей неумѣренныхъ, т. е. къ совершенному разслабленію организма и всей его нервной системы, а слѣдовательно къ притупленію всѣхъ умственныхъ и физическихъ способностей и къ ускоренной смерти. Плиній говоритъ, что люди этого свойства теряютъ свое здоровье и, разстроивая всѣ способности, говорятъ, что они торопятся наслаждаться. Нѣтъ статистическихъ свѣдѣній о томъ, какъ рано умирали люди этого сорта, но примѣръ Геліогабала, умершаго 18-ти лѣтъ, заставляетъ думать, что и его братья по ремеслу, тратившіе свои силы способомъ не свойственнымъ природѣ человѣка, не могли жить долго. А такіе люди составляли большинство состоятельныхъ гражданъ. Противоестественныя отношенія и истощенія вели нетолько къ личному разстройству тѣхъ, кто предавался имъ, но, ослабляя плодопроизводительную способность, должны были создавать поколѣнія болѣе и болѣе слабыхъ людей. Насколько такая жизнь уменьшала населеніе и рождаемость, нельзя указать точными цифрами, потому что ихъ нѣтъ. Но изъ постановленій императоровъ видно, что въ Римѣ была боязнь этого рода и успленный развратъ грозилъ бѣдой. Августъ установилъ закономъ награду въ 1000 сестерцій за каждаго ребенка отцу, у котораго большое семейство. Но какъ это средство не помогло, то было обнародовано, что бракъ считается общественной обязанностью; что кто не будетъ отцомъ въ 25 лѣтъ, лишается девяти десятыхъ изъ имущества, какое оставитъ ему супруга; что вдовство должно имѣть короткій

срокъ и кто не женится или не выйдетъ замужъ въ извѣстный срокъ, подвергается наказанію и т. д.

Этими фактами снимается съ римлянъ вполнѣ обвиненіе въ матеріализмѣ. Матеріалистъ прежде всего понимаетъ свое тѣло и любитъ его до того, что боится каждаго дѣйствія, могущаго нарушить правильное отправленіе его органовъ. Матеріалистъ понимаетъ, что обремененіе желудка ведетъ нетолько къ постепенному ослабленію его пищеварительной способности, но притупляетъ дѣятельность нервовъ и слѣдовательно вліяетъ на всѣ его умственныя способности. Матеріалистъ знаетъ, что противоестественныя отношенія разслабляютъ все тѣло и ведутъ къ отупенію, такъ же, какъ обжорство и пьянство. Для матеріалиста дороже всего его здоровье и для него невыносимо всякое разстройство организма, потому что это страданіе. Чтобы чувствовать боль или непріятное ощущеніе, не нужно физіологическихъ знаній; нужна только извѣстная степень развитія. А этого-то развитія и не было у римлянъ. Они были не матеріалисты, а просто дикари, живущіе въ раззолоченныхъ дворцахъ. Это былъ народъ того періода общественнаго развитія, когда не наступала еще пора разсудочности, когда человѣкъ живетъ увлеченіями и не умѣетъ отличать полезное отъ вреднаго, выгодное отъ убыточнаго. Каждый взрослый человѣкъ переживаетъ этотъ періодъ въ своей молодости, а человѣчество переживало его въ жизни Рима.

Соціальное младенчество Рима и всего древняго міра подтверждается его технической неразвитостью. Строить громадные акведуки или амфитеатры вовсе не такъ трудно, — для этого нужны только средства, а средства Риму давало рабство. Но, кромѣ своихъ громадныхъ построекъ и серебряныхъ или золотыхъ блюдъ, Римъ не показалъ ни въ чемъ своей экономической развитости; у него не было ни машинъ, ни открытій, никакихъ положительныхъ знаній. Дорогъ у нихъ не существовало, ѣздили они въ экипажахъ, не имѣвшихъ рессоръ, и слѣдовательно трясучихъ, какъ телѣги; если мебель римлянъ отличалась чистотой формъ и большой цѣной, тѣмъ неменѣе она была все-таки нестерпимо жестка и очень неудобна для сидѣнья; бѣлья они не знали и льняные матеріи были у нихъ весьма рѣдки и очень дороги; шерстяныя одежды надѣвались прямо на тѣло. Столовое бѣлье тоже было неизвѣстно. Скатертей не употребляли, а каждый гость приносилъ съ собой свою салфетку. Ложки были въ употребленіи, но ножи и вилки нѣтъ; ножикъ былъ только у раба, разрѣзывавшаго кушанья. Поэтому кушанья брались съ тарелокъ руками и такимъ образомъ препровождались въ ротъ. Эта пачкатня заставляла прибѣгать къ частому мытью рукъ во время самой ѣды. Подобныя вещи зовутся мелочами, но ими опредѣляется весь человѣкъ и все общество. Грубость римлянъ, несмотря на ихъ стотысячные обѣды, шла такъ далеко, что они считали наслажденіемъ то, что наводитъ ужасъ на цивилизованнаго человѣка. И это считалось гражданскимъ воспитаніемъ людей. Такъ въ Спартѣ пріучали молодыхъ людей къ воинственности тѣмъ, что посылали ихъ на охоту за илотами. Спрятавшись въ кустахъ, юноши, съ наступленіемъ ночи, выходили на дороги и кололи кинжалами всякаго встрѣчнаго раба. Бывали

случаи, когда подобныя убійства предпринимались днемъ, и въ такомъ случаѣ, чтобы съ дѣломъ военнаго воспитанія соединить и государственную пользу, убивали плотовъ болѣе сильныхъ и мужественныхъ, которыхъ республика имѣла причину опасаться. Въ Римѣ народъ развлекался и наслаждался видомъ пролитой человѣческой крови, и въ особыхъ школахъ приготовляли рабовъ, чтобы видѣть потомъ ихъ растерзанными дикими звѣрями, или убитыми подобными же имъ гладіаторами. Подобныя зрѣлища воспитали нервы римлянъ до такой огрубѣлости, что народу нужны были безпрестанно кровавыя зрѣлища. Какъ бы ни была ужасна битва изступленныхъ бойцовъ, народъ не покидалъ представленія, пока не слышалъ послѣдняго вздоха умирающихъ бойцовъ. Народу нужна была нетолько кровь—ему нужна была непремѣнно смерть человѣка.

Все это происходило отъ ошибочнаго пониманья своихъ выгодъ. Римъ думалъ, что богатство его заключается въ рабахъ, въ гигантскихъ циркахъ и театрахъ, въ великолѣпныхъ фонтанахъ и водопроводахъ, въ его большихъ дорогахъ. Но его дороги имѣли часто военное значеніе; онѣ были великолѣпны, но пустынны; по нимъ катались чаще военныя колесницы, чѣмъ предметы промышленности и торговли; а гигантскія постройки Рима были трудомъ его рабовъ. Все это великолѣпіе вѣчнаго города было самымъ выпуклымъ признакомъ бѣдности умственной и экономической, какъ и вся жизнь Рима была выраженіемъ его незнанія, непониманья своихъ выгодъ.

Римъ никогда не былъ богатъ; онъ не производилъ никогда того количества полезныхъ предметовъ, какое было необходимо для его жизни. Если Римъ поражалъ своими постройками или лукулловскими пирами, то это происходило отъ того, что никто не дѣлалъ ему разсчета, сколько милльоновъ голодныхъ людей приходилось на одного Лукулла, и сколько собачьихъ конуръ и подземныхъ норъ, составлявшихъ жилье рабовъ, приходилось на одинъ великолѣпный домъ. Когда Римъ кончилъ свое государственное существованіе, когда исчезли отдѣльныя лица, въ рукахъ которыхъ скоплялись милльоны, и милльоны эти разошлись между милльонами массой народа, то всѣ стали одинаково бѣдны. Весь блескъ Рима происходилъ отъ того, что отдѣльные лица, имѣвшія случай сдѣлать себѣ состояніе войной, имѣвшія множество рабовъ, пользовались и жили ихъ трудомъ. Богачи заводили великолѣпную мебель, держали у себя сотни мастеровыхъ, приготовлявшихъ для нихъ все, начиная отъ необходимыхъ мелочей костюма, до предметовъ исключительной роскоши. Но весь блескъ Рима заключался исключительно въ этой сторонѣ его жизни—въ роскоши. Римъ не оставилъ намъ никакого наслѣдія. Всѣ его гипотезы не устояли предъ научнымъ знаніемъ; изобрѣтеній и открытій онъ не сдѣлалъ никакихъ; все, что начало создавать цивилизующую силу нашего времени, принадлежитъ исключительно западной Европѣ. Римъ не создалъ никакой науки и самъ онъ не зналъ ничего; такъ что, когда сѣверные варвары разбили государственныя учрежденія Рима и исчезла возможность скопленія богатствъ въ рукахъ немногихъ, окончился и блескъ римскаго тщеславія. Если бы страна эта была сильна знаніемъ и изобрѣтеніями, сильна умствен-

нымъ капиталомъ, онъ бы не исчезъ ни отъ какого натиска враговъ. Но этого капитала въ Римѣ не было. У него были ювелиры и мастера предметовъ роскоши; но такихъ людей, которые создаютъ необходимое для массы населенія, не существовало. Отъ того, когда учрежденія, составлявшія общее бѣдствіе, порождавшія нищету, разстройство здоровья отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ массъ, порождавшія болѣзни и голодъ, исчезли — роскошь, окончившая свое царствованіе, обнажила общую нищету, общую грубость, общее невѣжество. Римъ, павшій отъ варваровъ, когда снялъ свой раззолоченный кафтанъ, оказался такимъ же дикаремъ, какъ и германцы, его побѣдившіе.

Та роскошь и блескъ жизни, которые составили славу древняго Рима, составляли достояніе весьма немногихъ, привилегированныхъ семействъ патриціевъ. Остальную массу населенія составляли рабы и плебеи, т. е. въ сущности тѣ же рабы, но съ правами римскаго гражданина жить чужимъ трудомъ. Это жалкое населеніе Рима, къ которому принадлежали пролетаріи и кліенты, жило въ самомъ печальномъ положеніи. Пролетаріевъ составляли граждане, не имѣвшіе собственности, и считавшіе трудъ недостойнымъ себя. Пролетаріи составляли значительное большинство римскаго народа. Они одни составляли бо́льшую массу, чѣмъ всѣ остальные классы римскихъ гражданъ. Во времена Юлія Цезаря, въ числѣ 450,000 гражданъ Рима считалось не менѣе 320,000 пролетаріевъ. Благородная гордость происхожденія не позволила этому голодному народу заниматься какимъ-нибудь ремесломъ: это было противно свободнымъ римскимъ учрежденіямъ. Очевидно, что всю эту массу ровно ничего непроизводившаго народа нужно было кормить; и ее кормило правительство. Въ 683 году, съ основанія Рима, одинъ изъ восьми человѣкъ римскаго населенія содержался на счетъ казны; въ 691 г. приходился уже одинъ изъ трехъ; во время диктатуры Цезаря три четверти населенія Рима питалось даровымъ хлѣбомъ. Юлій Цезарь уменьшилъ сразу число раціонъ на половину, и чтобъ такое круглое сокращеніе не сдѣлало волненія въ народѣ, отправилъ въ колонію 80,000 народу, и многимъ тысячамъ кромѣ того роздалъ земли въ Италіи. При Августѣ число получающихъ содержаніе превышало въ 748 году снова 200,000. Авреліанъ къ раздачѣ муки, какъ это было всегда, присоединилъ еще раздачу булокъ, и наконецъ сталъ давать свиное мясо. Онъ даже хотѣлъ давать вино, но, какъ говорятъ, его остановило замѣчаніе одного сенатора, что если къ хлѣбу, маслу и говядинѣ народъ привыкнетъ получать еще вино, такъ придется давать ему наконецъ куръ и гусей.

Этотъ народъ, получавшій казенное содержаніе за свое право римскаго гражданства, составлялъ самое несчастное и дикое населеніе Рима, и жилъ въ крайней нищетѣ, какъ и нынѣшніе пролетаріи западной Европы. Но между нынѣшнимъ и римскимъ пролетаріемъ та великая разница, что европейскій пролетарій хочетъ работать, но работы нѣтъ, а римскій могъ бы найдти работу, но не хотѣлъ. Римскій пролетарій жилъ въ самыхъ жалкихъ и нездоровыхъ помѣщеніяхъ, въ родѣ тѣхъ, въ какихъ живетъ умирающее съ го-

127023

лоду рабочее населеніе Англіи. Сначала пролетарій не могъ имѣть порядочныхъ помѣщеній, потому что ихъ не было вообще въ Римѣ. Въ 364 году, послѣ своего основанія, Римъ былъ не больше, какъ безпорядочная куча хижинъ, покрытыхъ соломой. Послѣ сожженія его галлами, хотя и явились въ Римѣ постройки болѣе солидныя, но безпорядочность оставалась прежняя; улицъ не было и дома стояли въ разбросъ. Даже въ началѣ имперіи большая часть домовъ были деревянные. Во времена Августа въ экипажѣ нельзя было ѣздить въ городѣ, и приходилось пользоваться имъ только за городскими воротами. Только послѣ пожара, придуманнаго Неропомъ, началъ созидаться тотъ великолѣпный Римъ, который впослѣдствіи поражалъ своими постройками. Но это не помѣшало пролетаріямъ жить въ бѣдныхъ и нездоровыхъ помѣщеніяхъ. Пролетаріи цѣлыми массами помѣщались въ седьмыхъ этажахъ; чтобы добраться до этой высоты, приходилось проходить 200 ступеней. Улицы, въ которыхъ помѣщались эти дома, были такъ узки, что сосѣди могли протягивать другъ другу руки, не выходя изъ дому. Въ кварталѣ, гдѣ жили пролетаріи, главная улица была гориста, узка и покрыта отвратительной черной грязью; а нижніе этажи домовъ были набиты несчастными женщинами, торговавшими своими прелестями. Въ такихъ помѣщеніяхъ не было стеколъ, потому что ихъ не было даже и въ домахъ высшаго разбора. Стекло, какъ это и до сихъ поръ во многихъ сибирскихъ деревняхъ, замѣнялось полотномъ, рогомъ или слюдой. Въ такихъ квартирахъ одна комната служила и спальней, и кухней, и столовой, и пріемной, и какъ трубы не водились, то всѣ вещи были запылены и закопчены. Мебель соотвѣтствовала вполнѣ помѣщенію и внутреннему порядку. Пролетарій спалъ обыкновенно на полу или на землѣ; не многіе имѣли матрацы изъ грубыхъ сухихъ болотныхъ травъ. Пищу пролетарія составлялъ обыкновенно грубый хлѣбъ.

При такихъ условіяхъ жизни могъ развиваться организмъ только самаго грубаго качества. Пролетарій, считая себя гражданиномъ, рѣшительно не понималъ своихъ гражданскихъ обязанностей. Онъ толкался праздный по улицамъ и по площадямъ, просилъ милостыни, продавалъ свои голосъ на выборахъ, просилъ отъ государства хлѣба, требовалъ удовольствій и кровавыхъ зрѣлищъ. Чтобы развлечь этихъ дикихъ людей, Помпей, во время своего консульства, велѣлъ привести 500 львовъ и 18 слоновъ, что заняло народъ втеченіе пяти дней. Трояпъ далъ праздникъ, продолжавшійся 123 дня, каждый день убивались 90 дикихъ звѣрей и 82 человѣка; всего же было убито въ эти дни для развлеченія римскихъ гражданъ 10,000 человѣкъ и 11,000 животныхъ.

Другой классъ праздныхъ гражданъ составляли кліенты. Въ началѣ между кліентами и патронами существовали нѣкоторыя патріархальныя отношенія — отношеніе сильнаго къ слабому, нскавшему его покровительства. Но при императорахъ эти отношенія исчезли. Кліенты составляли только свиту патроновъ, сопровождали ихъ во время путешествій, прогулокъ, выходовъ, и толкались въ ихъ передпихъ. Были разныя степени кліентовъ. Съ раннимъ утромъ собирались толпы кліентовъ на улицѣ предъ домомъ патрона, другіе

Областная
Сектор

кліенты высшаго разбора пробирались въ домъ и тамъ ожидали выхода патрона. Наконецъ патронъ всталъ. Онъ выходитъ, клапяется, скажетъ нѣсколько словъ. Если патронъ отправляется на форумъ, его сопровождаетъ цѣлая толпа, и болѣе преданные изъ кліентовъ забѣгаютъ впередъ и оспариваютъ другъ у друга честь идти въ головѣ шествія. И этихъ людей побуждала набрать себѣ такой родъ занятій та же выгода—патроны раздавали милостыню. Кліенты получали ее или деньгами, или натурой. Это было ихъ единственнымъ средствомъ существованія. Но что же побуждало богатыхъ дѣлать такіе расходы? И у богатыхъ была та же самая причина. Кліентъ былъ гражданинъ, онъ имѣлъ голосъ на выборахъ, и патроны кормили своихъ кліентовъ цѣлые годы, и знали, что всѣ ихъ расходы вознаградятся, когда состоятся выборы. Когда продажность кліентовъ сдѣлалась со временемъ совершеннымъ ремесломъ и они научились понимать лучше свои выгоды, тогда кліенты перестали имѣть постоянныхъ патроновъ; они стали бѣгать отъ одного къ другому, и даже увѣряютъ, что нѣкоторые изъ нихъ были до того неутомимы, что успѣвали сдѣлать въ день до шестидесяти визитовъ. Этимъ путемъ кліентъ опустился до пролетарія.

Но на какія средства государство и богачи содержали пролетаріевъ, кліентовъ, давали празднества, зрѣлища, проѣдали милльоны? Средства на все это давали рабы и служебный грабежъ. Рабы были вездѣ; они занимались земледѣліемъ, промышленностью, ремеслами; они жили въ городахъ и въ сельскихъ мѣстностяхъ. Числомъ рабовъ измѣрялось богатство гражданина, потому что каждый рабъ выражалъ собой рабочую силу; а чѣмъ болѣе было производительныхъ силъ, тѣмъ было больше богатства. Человѣкъ, считавшійся богатымъ, имѣлъ не менѣе 50 рабовъ. Скоръ имѣлъ 8,000 рабовъ, изъ нихъ 4,000 въ городѣ и 4,000 въ своихъ имѣніяхъ. У Деметріуса было такъ много рабовъ, что ему представляли каждый день отчетъ объ ихъ положеніи. Не было такого гражданина, который бы не имѣлъ рабовъ. По приблизительному разсчету на каждаго свободнаго гражданина приходилось среднимъ числомъ около 4 рабовъ. Въ Аѳинской республикѣ на 21 т. гражданъ считалось 400,000 рабовъ. Въ Аркадіи, странѣ чуждой промышленности, торговли и мореходства, было 300,000 рабовъ; Коринѳъ владѣлъ 460,000 рабовъ.

Это громадное число рабовъ содержало всю имперію, создавало богатство владѣльцевъ, кормило пролетаріевъ. Каждый рабъ, за всѣми расходами, приносилъ въ день, смотря по силѣ, отъ 1 до $2^1/_2$ оболовъ ($4^1/_2$—$11^1/_4$ к. с.). Крассъ, имѣвшій 500 рабовъ, занимавшихся архитектурными работами, отдавалъ ихъ въ наемъ всякому, кто хотѣлъ строиться и составилъ себѣ безъ труда состояніе въ 10,000,000 руб. Но былъ еще способъ извлекать изъ рабовъ выгоды,—ихъ помѣщали какъ капиталъ; деньги давали отъ 12 до 16%, слѣдовательно рабъ возвращалъ въ 10 лѣтъ сумму, которую онъ стоилъ. Возможность быстраго обогащенія путемъ рабства повела къ централизаціи капиталовъ въ немногихъ рукахъ. Все населеніе разбилось наконецъ на немногихъ богачей и на массу народа, не имѣвшую ничего. Этому помогли особенно завоеванія и военныя добычи. Предводители войскъ и патрицейскія фа-

миліи брали себѣ большую часть добычи и завладѣвали покоренными землями, которыя по праву давности они наконецъ считали своей собственностью. Къ этому присоединилось еще насиліе, съ какимъ богатые присвоивали себѣ земли бѣдныхъ гражданъ, такъ что въ 620 году, въ Италіи, въ округахъ, почти не было свободныхъ гражданъ, и всѣ земли обработывались рабами и варварами, принадлежавшими богатымъ фамиліямъ. Во времена Перона 6 собственниковъ владѣли всей провинціей Африкой; —Неронъ велѣлъ ихъ убить, чтобы завладѣть ихъ богатствами; —а во время Августа, какія-нибудь восемь или десять фамилій пользовались одни всѣми плодами римскихъ завоеваній.

Это скопленіе земельныхъ владѣній въ рукахъ немногихъ привело скоро къ совершенному измѣненію системы сельскаго хозяйства. Сначала вольному труду небогатыхъ земледѣльцевъ было трудно бороться съ рабскимъ трудомъ огромныхъ имѣній, и мелкія владѣнія должны были исчезать постепенно; но потомъ и большіе владѣльцы нашли невыгоднымъ для себя обработку земли рабами и стали обращать постепенно пашни и сѣнокосы. Наконецъ луга смѣнили почти во всей Италіи хлѣбородныя поля и скотоводство вытѣснило владѣніе, такъ что вмѣсто прежнихъ массъ рабовъ, встрѣчались въ поляхъ громадныя стада, пасомыя немногими рабами. При системѣ небольшихъ владѣній Римъ снабжалъ хлѣбомъ даже провинціи; но съ сосредоточеніемъ земель въ рукахъ немногихъ и съ переходомъ земледѣлія въ скотоводство Римъ, по словамъ Тиберія, былъ предоставленъ на произволъ волнъ и вѣтровъ, т. е. жилъ хлѣбомъ, приходившимъ къ нему изъ Сициліи и Африки. Въ этомъ причина, почему было такъ легко сдѣлать въ Римѣ голодъ, и слѣдовательно возбудить народное возстаніе.

Дикія животныя, говорилъ Тиверій Гракхъ, имѣютъ по крайней мѣрѣ кровъ, берлоги, пещеры, куда они могутъ укрываться, тогда какъ люди, сражающіеся и умирающіе за отечество, не владѣютъ ничѣмъ кромѣ воздуха и свѣта, и принуждены бродить и скитаться тамъ и здѣсь съ своими женами и дѣтьми, не имѣя пристанища, гдѣ бы они могли помѣститься. Когда говорилъ это Тиверій Гракхъ, и когда онъ задумалъ спасти народъ и всю страну отъ грозившей ей бѣдности —было уже поздно. Непониманье всего населенія богатыхъ и бѣдныхъ гражданъ шло такъ далеко, и отупѣніе народной массы было такъ велико, что, прельстившись на одну минуту предложеніемъ Гракха, народъ скоро отдалъ его на жертву своимъ врагамъ. Ни этотъ народъ, ни затупленные пролетаріи, кліенты и разслабившіе свои умственныя способности патриціи не могли понять, чего недоставало Риму и что было ему нужно. Это могъ понять только тотъ классъ народа, которымъ жилъ Римъ, который трудился, который составлялъ дѣйствительную силу страны—рабы. Они-то первые и подняли вопросъ. Способъ, принятый ими для заявленія невыгодности существующаго порядка, не могъ доставить римлянамъ особаго удовольствія; но вѣдь и римляне не думали никогда объ удовольствіяхъ рабовъ. Римляне полагали, что ихъ личная выгода заключается въ томъ, чтобы сдѣлать непремѣнно убытокъ и непріятное рабамъ. И рабы, воспитанные въ такомъ пониманіи экономическаго порядка, приложили вно-

слѣдствіи и сами это правило къ римлянамъ. Это тотъ же законъ, по которому бильярдный шаръ летитъ подъ тѣмъ угломъ, подъ какимъ получилъ толчокъ. Цѣлый рядъ возстаній рабовъ, возстаній страшныхъ, гдѣ рабы составляли 120 тысячныя арміи, служилъ сильно-убѣдительными фактами негодности экономическаго порядка Рима. И порядокъ сталъ измѣняться—явилось освобожденіе рабовъ, явилось христіанство и наконецъ нашли на Римъ сѣверные варвары.

Съ точки зрѣнія политической исторіи Римъ, разумѣется, погибъ. Это значитъ государственныя границы его измѣнились, исчезли многія учрежденія и административныя должности. Но въ смыслѣ экономической теоріи все это не должно составлять дѣла большой важности. Разсматривая Римъ, какъ совокупность отдѣльныхъ экономическихъ силъ, дѣйствовавшихъ подъ извѣстнымъ закономъ, видишь въ немъ такой порядокъ, при которомъ огромное большинство людей, живя подъ условіями самыми невыгодными для ихъ физіологическаго развитія, создавали всѣ богатства страны и, разумѣется, производили все не въ тѣхъ размѣрахъ и не того качества, какимъ бы отличался ихъ трудъ при другихъ условіяхъ. Весь бытъ рабовъ былъ такого качества, что ни физическія, ни умственныя ихъ способности не могли достигать нормальнаго развитія. Голодъ, болѣзни, жестокое обращеніе, изнуряющій трудъ, вотъ тѣ условія, при которыхъ суждено было жить и дѣйствовать рабу,—этой единственной производительной силѣ страны. Малосильный и затупленный человѣкъ не можетъ создать того, что создастъ человѣкъ сильный и развитой; слѣдовательно и масса обезсиленныхъ, затупленныхъ и неэнергическихъ людей не въ состояніи произвести того, что произведутъ люди, развившіеся при благопріятныхъ условіяхъ для ихъ организма; эта масса машинъ, не пользуясь никакими выгодами своего труда, жила сама въ крайней нищетѣ, среди лишеній въ самомъ необходимомъ, въ грязи, болѣзняхъ; грубая, дикая, затупленная, она составляла основаніе своего гражданскаго общества, его основную физическую силу и такое громадное большинство, при которомъ во многихъ мѣстностяхъ свободные люди составляли только десятую долю.

За этой физической силой слѣдовала такъ называемая умственная сила страны—граждане. Три четверти изъ нихъ, составляя пролетаріевъ, жили совершенно въ такой же бѣдности, какъ и рабы, отличаясь отъ нихъ правомъ ничего не дѣлать и жить на счетъ государства. Пролетарій, воспитанный въ нищетѣ, ѣвшій всегда въ проголодь, не знавшій никакихъ удобствъ въ жизни, пригнетенный нуждой и воспитанный на жестокостяхъ и кровавыхъ зрѣлищахъ, не стоялъ ни въ чемъ выше презираемаго имъ раба. Это было существо дикое, вѣчно голодное, вѣчно безпокойное, отличавшееся особенной грубостію нервовъ.

Затѣмъ шелъ цвѣтъ римскаго гражданства—тѣ, кто создавалъ римскія побѣды,—аристократія. Все это было сильно здорово, пока Римъ не познакомился съ цивилизаціей покоренныхъ имъ народовъ, и все это сдѣлалось гнилью, разслабло, отупѣло, когда сокровища, награбленныя у непріятелей,

и весь трудъ рабовъ далъ Риму невиданныя имъ до того средства для жизни. Люди, незнавшіе прежде ничего, кромѣ лишеній походной жизни; люди, которыхъ грубые нервы могли чувствовать только сильныя ощущенія, обратили всѣ свои сокровища на ѣду, зрѣлища и наслажденія. Изобиліе средствъ превратило ѣду въ обжорство, зрѣлища—въ кровавыя казни невинныхъ людей, и наслажденія—въ безпутство. Эти люди проѣдали и пропивали то, что создавали милльоны трудившихся рабовъ, и трудъ милльоновъ уходилъ какъ дымъ, не принося ни выгоды, ни пользы населенію страны;—въ первый и въ послѣдній годъ Рима рабъ былъ одинаково бѣденъ; прошли вѣка, не улучшивъ его положенія и не давъ ему болѣе того, что было ему нужно, чтобы не умереть съ голоду; милльярды рабовъ во все время существованія Рима трудились для того, чтобы кормить ничего не дѣлавшихъ гражданъ и давать патриціямъ возможность проѣдать избытки на стотысячныхъ ужинахъ. Римъ прожилъ все, что у него было и обнищалъ. Вотъ его исторія.

Нашествіе варваровъ, сокрушивъ политическія учрежденія Рима, не измѣнило его экономическаго принципа. Очень можетъ быть, что Римъ справился бы и самъ съ своимъ экономическимъ порядкомъ, но этотъ фактъ однако не совершился, и потому предполагать возможность того, чего не случилось, нельзя. Въ смыслѣ экономической теоріи Римъ остался тѣмъ же Римомъ, измѣнились нѣсколько границы политическія, измѣнилось управленіе, уменьшилась роскошь, кончились лукулловскія пиршества, и масса дикаго, неразвитаго народа, замаскированная прежде тщеславнымъ блескомъ немногихъ дикарей, выступила на болѣе видное мѣсто. Вотъ и все, что сдѣлали варвары; но сломить экономическій принципъ Рима они не могли, потому что еще слишкомъ дикая природа, окружавшая древняго человѣка, создавала людей не съ такими нервами, при которыхъ возможно было бы иное пониманіе экономическаго быта. Война оставалась попрежнему единственнымъ источникомъ обогощенія; трудъ составлялъ попрежнему непріятное занятіе, и необходимость имѣть особыхъ людей для работы, въ то время, какъ воины занимались своимъ военнымъ дѣломъ внѣ дома, заставляла попрежнему держать рабовъ. Все это существовало въ древнемъ Римѣ, все это было и у варваровъ. Въ чемъ же экономическая разница между тѣми и другими? Если въ древнемъ мірѣ одни были лишены всякаго права и возможности развивать всесторонніе силы и способности, и потому оставались постоянно на минимумѣ матеріальныхъ удовлетвореній и умственныхъ средствъ, то то же самое повторили у себя и варвары, взявшіе въ основаніе римскія учрежденія и римское право. Это отсутствіе экономической разницы сдѣлалось вполнѣ осязательнымъ, когда въ X вѣкѣ рабство охватило всю Европу и создалось вездѣ податное состояніе—крѣпостныхъ.

Разумѣется, европейское податное состояніе не было тѣмъ, что было римское рабство; гнетъ былъ слабѣе, римская тиранія потеряла свой ужасный кровавый характеръ; человѣкъ всталъ въ условія болѣе выгодныя для цивилизаціи и прогресса; но учрежденія попрежнему давали возможность

только односторонпему, спеціальному развитію человѣка, и силы и трудъ его тратились по прежнему самымъ непроизводительнымъ и убыточнымъ образомъ для общаго интереса. Отъ этого, экономическая производительная способность человѣка, стѣсненная всѣми учрежденіями, мѣшавшими матеріальному благосостоянію, и слѣдовательно умственному развитію массъ, стояла на своемъ минимумѣ; податная способность людей была чрезвычайно слаба; расходы общества велики и вездѣ царствовала бѣдность и нужда, почти такая же, какой отличался Римъ.

Только съ конца прошедшаго столѣтія, съ изобрѣтеніемъ машинъ, съ разъясненіемъ экономическихъ принциповъ и указаніемъ причинъ, вліяющихъ на бѣдность и богатство народовъ, наступила для Европы переходная пора отъ перваго римскаго періода экономическаго развитія къ слѣдующему. Выражаясь языкомъ физіологовъ, Европа только что переживаетъ первый зачаточный періодъ и приготовляется вступить въ періодъ экономическаго дѣтства.

Туго шло это развитіе; прошли тысячелѣтія; прогрессъ былъ очень медленъ, и вотъ въ какомъ положеніи застаетъ статистика народы, обитающіе въ настоящее время на земномъ шарѣ.

Всѣхъ жителей на землѣ 1 мильярдъ 250 милльоновъ. Изъ нихъ людей европейской цивилизаціи, т. е. создавшихъ собственными силами новыя знанія и выработавшихъ новые гражданскіе принципы, и такихъ народовъ, которые стараются воспользоваться плодами европейской науки и ея цивилизаціей, считается только 330 милльоновъ. Сюда включена вся Европа и Америка, хотя въ Европѣ есть и такія государства, считающія свое населеніе милльонами, какъ Турція, гдѣ умственное развитіе массъ стоитъ на самомъ низкомъ уровнѣ, и экономическое невѣжество такъ велико, что ихъ слѣдовало бы причислить къ народамъ первобытной культуры. Наконецъ, слишкомъ строгое разграниченіе трудно еще и потому, что даже самыя передовыя государства, какъ Англія и Соединенные Штаты, не отличаются особеннымъ развитіемъ массъ народонаселенія. Но въ нашемъ вопросѣ это не важно, потому что массы этого неразвитаго народа поняли уже основную сущность экономическихъ принциповъ, и уже собираются идти по пути экономическаго прогресса. Иначе сказать, они выступаютъ изъ зародышнаго періода, чтобы начать слѣдующій періодъ экономической жизни. Остальное человѣчество находится еще въ періодѣ рабства; даже въ Америкѣ, въ рукахъ людей европейской расы, находится почти 4 милльона невольниковъ, не отличающихся ничѣмъ отъ римскихъ рабовъ. Такимъ образомъ чрезъ 2500 лѣтъ отъ начала такъ называемой римской цивилизаціи, существуютъ еще на землѣ рабы, существуетъ торговля людьми и на 330 милльоновъ людей свободныхъ считается 920 милльоновъ людей, для которыхъ еще неизвѣстно, когда наступитъ пора свободы и европейской цивилизаціи.

Рабство это совсѣмъ римское, кровавое, ужасное. Что же касается до массъ европейскаго промышленнаго населенія, то европейскій пролетарій, лишенный возможности не только всесторонняго развитія своихъ способностей, но

и средствъ существованія, въ сущности такой же рабъ своей цивилизованной Европы, какъ древній рабъ былъ рабомъ Рима.

II.

Войны.

Человѣка незнающаго убѣждаетъ именно то, что для знающаго не имѣетъ никакой силы убѣдительности.

Исторія представляетъ постоянный рядъ фактовъ такого рода, когда подъ обаяніемъ и силой разныхъ внѣшнихъ вліяній, люди цѣлыми массами совершали такія дѣйствія, которыя вели исключительно къ матеріальнымъ потерямъ самыхъ же дѣйствовавшихъ массъ.

Факты этого рода называютъ ошибками, заблужденіями, увлеченіями, но въ сущности они признакъ незнанія.

Какъ польза изобрѣтенія машинъ еще не обнаружила до сихъ поръ своего вліянія на матеріальное благосостояніе европейскаго населенія, и плодами ихъ пользовались исключительно капиталисты, такъ точно и знанія стояли особнякомъ отъ массъ и весьма немногое изъ достовѣрно извѣстнаго получило практическое примѣненіе въ частной, общественной и государственной жизни Европы.

Только одинъ родъ знаній, имѣющихъ характеръ очевидной экономической выгодности, сдѣлался безспорнымъ достояніемъ, доступнымъ даже для большинства. Такъ, всѣ открытія химической технологіи, все что способствуетъ фабричнымъ и техническимъ производствамъ, пріобрѣли особенное значеніе, когда изобрѣтеніе машинъ паровой, прядильной, ткацкой и др. дало небывалое развитіе многимъ производствамъ и создало мануфактурную и фабричную системы со всѣми ихъ блестящими и печальными сторонами.

Эти изобрѣтенія, вмѣстѣ съ желѣзными дорогами, пароходами, телеграфами, обнаружили на европейскую жизнь во всемъ ея объемѣ всесокрушающее стихійное вліяніе. Ничто не показало такъ сильно значеніе и важность для людей ихъ экономическаго быта и матеріальнаго благосостоянія, какъ это изобрѣтеніе. Ужъ однимъ тѣмъ, что всѣ изобрѣтенія громадной важности дѣлались въ послѣднее время исключительно въ области промышленности и служили къ увеличенію матеріальнаго благосостоянія, доказывается сущность стремленія людей. Людямъ нужно улучшеніе ихъ экономическаго быта, потому они и изобрѣтаютъ только то, что можетъ удовлетворить этой цѣли. Характеромъ и направленіемъ изобрѣтательной способности людей и опредѣляются исключительно потребности даннаго времени. Если бы не существовало пороха, сдѣлали бы его открыли теперь; но паровая машина и машина Аркрайта явились бы непремѣнно. Только очень отсталые и мало размышлявшіе люди могутъ думать, что отвычка отъ суровой жизни и знакомство съ роскошью Карѳагена положило начало разрушенію Рима, и только дикіе римляне

могли полагать, что ремесло и мирныя экономическія занятія недостойны гражданина, потому что они ослабляютъ его воинственность.

Куда придетъ Европа съ своими изобрѣтеніями — предвидѣть нельзя, но изъ того, что она открыла уже, видно что ей нужно. Каждому отдѣльному человѣку нужно, чтобы ему было все лучше и лучше; чтобы его матеріальное благосостояніе постоянно возвышалось.

И прежде люди стремились къ тому же, но римляне, не владѣя никакими знаніями, думали достигнуть матеріальнаго благосостоянія войной; а Европа, находившаяся подъ первымъ впечатлѣніемъ христіанства, занималась преимущественно религіозными и политическими вопросами.

Но передовой народъ Европы, раньше другихъ порѣшившій съ этими вопросами - англичане, понялъ раньше другихъ важность экономическаго благосостоянія, и устремивъ свою дѣятельность по этому направленію, пришелъ къ изобрѣтеніямъ, давшимъ Европѣ небывалую до того экономическую силу. Машины, желѣзныя дороги, телеграфъ, явились въ міръ новыми силами природы и подчинили себѣ всего человѣка. Все склонилось предъ ними, и какъ прежде человѣкъ, самъ того не понимая, дѣйствовалъ подъ вліяніемъ внѣшней среды, такъ теперь онъ подчинился новой внѣшней средѣ, созданной послѣдними экономическими изобрѣтеніями англичанъ.

Стихійная сила этихъ изобрѣтеній въ томъ, что при нихъ невозможенъ возвратъ къ прежнимъ экономическимъ условіямъ, что при нихъ нельзя ни остановить ни задержать новаго экономическаго направленія людей. Какъ человѣкъ, перенесенный въ другой климатъ, поставленный въ новыя почвенныя условія, измѣняетъ весь свой бытъ, и первые, его, принимая новыя, небывалыя до того впечатлѣнія, измѣняютъ весь характеръ дѣятельности организма, такъ и машины, окруживъ человѣка новой внѣшней силой, заставили его жить другой жизнію. Машины, подобно новому климату, измѣнили свойство человѣческаго организма, и чтобы онъ сталъ дѣйствовать по старому, нужно измѣнить этотъ климатъ, нужно уничтожить машины.

Но стихійная сила машинъ заключается въ томъ ихъ свойствѣ, по которому они обнаружили вліяніе на воспитаніе людей сразу цѣлыми массами, и слѣдовательно этой стихіей вышелъ самъ человѣкъ съ его обновленными понятіями. Сила этихъ изобрѣтеній въ томъ, что они перевоспитали сразу милліоны людей, и для этихъ милліоновъ возвратъ къ старому сдѣлался невозможенъ.

Не то съ тѣми знаніями и научными истинами, которыя находятся въ менѣе тѣсной связи съ экономическимъ бытомъ людей. Хотя сила этихъ знаній должна обнаружить на бытъ человѣка еще большее вліяніе, чѣмъ какая-нибудь машина Аркрайта, или желѣзныя дороги, но человѣчество находилось до сихъ поръ въ такомъ еще состояніи первой воспріимчивости, когда знанія, по разнымъ причинамъ, или не достигали массъ, или достигали ихъ въ извращенномъ видѣ, или наконецъ, не могли быть ими усвоены, по неспособности усвоить.

Отъ этого всѣ знанія, касающіяся организма человѣка и силъ природы, не имѣющія на своей сторонѣ той практической очевидности, какъ ткацкая

машина и желѣзная дорога, жили исключительно въ тѣсномъ кругу немногихъ людей; а массы пробавлялись истинами, переданными имъ еще ихъ бабушками.

Никогда человѣчество не стояло такъ далеко отъ знаній своего времени, какъ нынѣшняя Европа. Евреи временъ Моисея должны были знать все то, что зналъ и онъ. Ихъ, еще дѣтьми, учили тому, что зналъ ихъ законодатель. Онъ передалъ имъ все извѣстное ему о природѣ, о дѣйствующихъ силахъ, о мірозданіи. И тогда народъ стоялъ въ уровень съ современными ему знаніями. У римлянъ и грековъ было то же самое. Жизнь не отдѣлялась отъ знанія, потому что знаніе есть жизнь.

Но теперешняя Европа, накопивъ въ своемъ «наслѣдіи вѣковъ» всѣ заблужденія, ошибки, знанія и невѣжества прошедшихъ временъ, хранитъ все это, какъ Плюшкинъ, въ одной кучѣ. Наслѣдіе вѣковъ держится крѣпко, куча ростетъ все больше и больше, и во всю исторію новой Европы былъ только одинъ случай, когда, перебравъ ее, выбросили изъ нея многое, оказавшееся ни къ чему негоднымъ. Впрочемъ, изъ этого негоднаго многое опять подобрали послѣ и сложили въ ту же кучу.

Въ древнемъ мірѣ человѣчество стояло въ уровень съ существовавшимъ тогда міросозерцаніемъ, установленнымъ тогдашними знаніями, и въ Европѣ, въ первыя времена христіанства, было то же самое; но теперь массы отстаютъ все больше и больше отъ научныхъ открытій и знанія послѣдняго времени составляютъ только достояніе весьма небольшого числа людей.

Если бы успѣхи людей въ знаніяхъ изобразить въ видѣ лѣстницы, и показать точное число людей на каждой ступени, то явилась бы весьма наглядная и поучительная картина, объясняющая причины многаго. Вмѣсто одной ступени временъ Моисея, на которой стоялъ онъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ народомъ, явились бы десятки ступеней; массы людей служили бы основаніемъ этого огромнаго треугольника, и число людей, по мѣрѣ приближенія къ вершинѣ, становилось бы все меньше и меньше.

Относительная отсталость людей въ самыхъ существенныхъ вопросахъ жизни не была никогда такъ велика, какъ нынче, и никогда міръ не представлялъ такихъ двухъ крайнихъ противоположностей, какъ развитіе экономическихъ понятій и стремленій, явившихся съ машинами, и старое міросозерцаніе на человѣка и природу.

Отъ этого и нынче, съ той же первоначальной силой, какъ тысячи лѣтъ назадъ, можно увлекать массы на дѣла огромной для нихъ невыгодности и дѣйствовать на нихъ возбужденіемъ тѣхъ же самыхъ ошибочныхъ понятій, какими возбуждали ихъ и прежде.

Какъ прежде люди разрѣшали всѣ вопросы дракой, такъ точно разрѣшаютъ они ихъ и нынче. Способъ этотъ употреблялся въ древнемъ мірѣ, потому, что люди не знали другого, и нынче онъ употребляется, разумѣется, по той же причинѣ.

Многіе возмущаются нынче противъ насилія отдѣльнаго лица, считаютъ глупымъ и дикимъ, когда два человѣка вздумаютъ порѣшить свой спорный

вопросъ дракой: еще глупѣе показалось бы, когда международные вопросы вздумали бы порѣшить единоборствомъ, въ присутствіи депутатовъ съ той и съ другой стороны; но тѣмъ же самымъ людямъ не кажется глупымъ, когда дѣло рѣшается кровавой битвой между двумя огромными арміями.

Это происходитъ только оттого, что въ глазахъ большинства порѣшеніе спорныхъ вопросовъ насиліемъ считается единственно возможнымъ способомъ, потому что они не знаютъ другого; точно такъ же, какъ существуютъ еще въ Европѣ цѣлыя населенія, для которыхъ драка отдѣльныхъ лицъ считается единственнымъ средствомъ покончить недоразумѣнія или несогласіе ихъ мнѣній. Люди дерутся потому, что драка доставляетъ имъ удовольствіе; имъ пріятнѣе драться, чѣмъ не драться. Временемъ измѣнились только причины, возбуждавшія войну и драку, но война осталась попрежнему единственнымъ средствомъ разрѣшенія всякихъ недорозумѣній и споровъ. Прежде, когда техническія изобрѣтенія были слабы, а трудъ считался позоромъ, недостойнымъ гражданина, люди воевали для пріобрѣтеній, для обогащенія себя. Цѣлыя тысячелѣтія воевали народы съ этой цѣлью. Но когда люди разсчитали, что войной богатѣть нельзя, они перестали вести войны для увеличенія своихъ владѣній и стали воевать за идею. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ непониманіе того, что дѣлаютъ люди, дошло до крайности. По тому міросозерцанію, которое вызывало войну за идею, идея есть принадлежность души, а душа есть нѣчто отдѣльное отъ тѣла; какимъ же образомъ можно заставить душу создать себѣ новыя идеи посредствомъ войны или побоевъ? Очевидно, что тѣ, кто затѣвалъ войну, не понимали какъ заставить душу измѣнить свой образъ мыслей, а тѣ, кого заставляли драться, понимали въ этомъ дѣлѣ еще меньше, и могли быть доведены до военнаго увлеченія только очень ошибочными представленіями и совершенно превратнымъ пониманьемъ сущности вещей.

Война за идею приводила обыкновенно къ результатамъ совершенно противоположнымъ тѣмъ, какихъ ожидали. Вмѣсто истины она порождала еще большее незнаніе, она надолго притупляла людей и служила задержкой прогрессу. И это по той простой причинѣ, что всякая война ведетъ къ матеріальному истощенію народа; съ матеріальными лишеніями является бѣдность, падаетъ уровень потребностей, а съ нимъ является извѣстная степень тупости. Раззоренный, запуганный народъ готовъ принять всякую гипотезу, всякую идею, не понимая ни той, ни другой, и желая только одного, чтобы поскорѣе кончилась для него разворяющая его война.

Поэтому ужасъ войны не только въ томъ, что она разворяетъ, но и въ томъ, что упадокъ матеріальныхъ и нравственныхъ потребностей отодвигаетъ людей назадъ.

Разумѣется, пока люди при недостаткѣ знаній находятъ достаточную силу убѣдительности въ недоказанныхъ гипотезахъ и въ ошибочныхъ представленіяхъ, война неизбѣжна, и до тѣхъ поръ она будетъ неизбѣжна, пока люди не научатся соображать лучше свои выгоды.

Нашъ вопросъ однако не въ томъ, можетъ или нѣтъ обойтись міръ безъ

войны, а въ томъ, какой отъ войнъ убытокъ для людей; на сколько всякая война роняетъ уровень матеріальнаго благосостоянія; на сколько она дѣлаетъ всѣхъ бѣднѣе и мѣшаетъ цивилизаціи.

Судя поверхностно, можно думать, что только войной человѣчество и шло впередъ, потому что всякій шагъ цивилизаціи и прогресса сопровождался войной. Но война въ этомъ случаѣ имѣла часто отрицательное значеніе. Не войной достигался успѣхъ; не войной создавались убѣжденія; не войны вели къ тому, чтобы чувствовалась польза знанія—война только устрашала людей ужасами раззоренія. Война не создала ни одного знанія, не открыла ни одной истины; она не сдѣлала общимъ достояніемъ ни одной мысли, ни одного изобрѣтенія. Паровую машину и желѣзныя дороги не нужно было водворять между людьми страхомъ войны. Успѣхи химіи, технологіи, промышленность, литература, искусства водворялись не войной, и нѣтъ въ исторіи такого случая, гдѣ бы война создала чье-либо матеріальное благосостояніе, способствовала чьему-либо умственному развитію. Единственные случаи, когда войной достигались повидимому благотворные результаты, составляютъ тѣ рѣдкія исключенія, когда войной, или путемъ насильственнаго переворота, старались побороть препятствіе, мѣшавшее прогрессивному движенію, или устранить невыносимый гнетъ. И тутъ война дѣлала зло, но зло это скоро излечивалось послѣдующимъ быстрымъ экономическимъ, или другого рода развитіемъ.

Одно нѣмецкое преданіе говоритъ, что гдѣ разъ ступилъ конь Атиллы, тамъ ужъ переставала расти трава. И такой же конь Атиллы всякая война. Всякая война влечетъ за собой истребленіе людей, опустошеніе, уничтоженіе культуры земледѣльческой, промышленной, и нѣтъ такой войны, которая бы увеличивала населеніе, обработывала поля, усиливала производительную экономическую дѣятельность людей и создавала культуру. Война всегда убытокъ и не была она никогда выгодой, какъ черное не можетъ быть бѣлымъ, потому что оно черное.

Что именно потеряло человѣчество отъ своихъ вѣчныхъ войнъ, опредѣлить точной цифрой нельзя; но можно довольно близко сообразить всѣ убытки, созданные людьми, отъ неумѣнья устроивать свои дѣла путемъ болѣе выгоднымъ, а потому и разумнымъ.

Чтобы увидѣть нагляднѣе, съ какимъ легкомыслiемъ и готовностью люди прибѣгали къ войнѣ, мы обратимся къ фактамъ, представляемымъ древней и новой исторіей.

Исторія одного изъ замѣчательнѣйшихъ народовъ древности, персовъ, представляется въ такомъ видѣ.

Киръ, основатель обширной персидской монархіи, покорилъ Мидянъ, Вавилонію, Лидію и множество мелкихъ земель; потомъ пошелъ на Массагетовъ, но они убили его самого и побили его войска.

Камбизъ царствовалъ 7 лѣтъ. Онъ побѣдилъ Псаменита, царя египетскаго, казнилъ его сына и съ нимъ 2000 человѣкъ молодыхъ людей. Пошелъ на

Эфіопію и Аммоній, но оба войска погибли въ степяхъ. Воротился злой отъ неудачи и приказалъ казнить свой народъ и священниковъ.

Дарій царствовалъ 36 л. Покорилъ Аравію, разширилъ предѣлы въ Индіи, Африкѣ и въ суровыхъ степяхъ Скифскихъ. Выигралъ 19 сраженій и полонилъ 9 царей.

Керксъ, пошелъ въ Грецію съ 1,700,000 войска и 1,200 большихъ кораблей, и погубилъ всю эту силу.

Но это былъ народъ дикій, только съ нѣкоторымъ наружнымъ блескомъ цивилизаціи; это были люди того періода человѣческаго развитія, когда ходитъ въ человѣкѣ черноземная сила и не даетъ ему покоя, заставляя переходить съ мѣста на мѣсто, и бить и ломать все, что попадется на пути. Такимъ и былъ въ дѣйствительности этотъ народъ.

Но вотъ народъ другой: народъ, отъ котораго ведетъ Европа свою цивилизацію; народъ завѣщавшій Европѣ свои знанія, свое гражданское и уголовное право; народъ, какъ говорятъ, уважавшій личность и не терпѣвшій насилія — римляне. И ихъ военная исторія не отличается ничѣмъ отъ исторіи персовъ.

Героическій періодъ Рима начинается за 340 лѣтъ до Рождества Христова, съ первой самнитской войны. Римъ въ это время еще складывался, ему нужно было обезпечить себя со стороны безпокойныхъ сосѣдей. Война эта тянулась 3 года, и только въ одномъ сраженіи собрали на полѣ битвы 40,000 самнитскихъ щитовъ. По самому умѣренному исчисленію погибло въ 3 года съ той и другой стороны не менѣе 100,000 человѣкъ. Едва окончилась эта война, какъ въ томъ же году (340) началась латинская война, продолжавшаяся 7 лѣтъ. Латинцамъ захотѣлось полнаго гражданскаго равенства съ римлянами, а римляне не хотѣли уступить имъ этого, и загорѣлась между ними самая жестокая война. Зная жестокій характеръ войнъ того времени, можно считать, что въ эти 7 лѣтъ погибло не менѣе 100,000 человѣкъ съ той и другой стороны. Чрезъ 12 лѣтъ опять вторая и третья самнитскія войны, продолжавшіяся 35 лѣтъ, съ промежуткомъ въ 6 лѣтъ, въ который римляне воевали съ другими сосѣдями. Въ этой войнѣ вопросъ шелъ окончательно о томъ — быть или не быть самнитамъ самостоятельными. Во многихъ кровопролитныхъ сраженіяхъ они потеряли весь цвѣтъ своего населенія, свою лучшую молодежь, гордость и красу народа, и все-таки не устояли передъ силой римлянъ. Приблизительная потеря 150,000 человѣкъ. Прошли 9 лѣтъ мирно и опять 6-ти-лѣтняя война съ тарентинцами и съ Пирромъ. Послѣ второй побѣды надъ римлянами Пирръ сказалъ: «еще одна такая побѣда, и я погибъ». Потомъ римляне однако одолѣли его. Погибло съ обѣихъ сторонъ 100,000 человѣкъ. Въ 270 году римляне взяли Регіумъ, и что уцѣлѣло отъ меча, было обезглавлено на торговой площади въ Римѣ. Съ этихъ поръ исчезли навсегда сила и благосостояніе греческихъ державъ этого края, совершенно разворенныхъ войной.

Теперь начали римляне свои пунійскія войны. Только Атилла, Тимуръ,

да Валенштейнъ и Османы дѣйствовали такъ, какъ дѣйствовали римляне въ эту войну.

Карфагенъ и его колоніи отличались богатствомъ жителей, культурой страны; окрестности Карфагена, обработанныя, какъ садъ, были покрыты масличными и померанцевыми рощами. Сельское хозяйство и торговля отличались высокимъ развитіемъ; но все благоденствіе народа погибло подъ мечемъ римлянъ, какъ будто бы его прежде и не существовало. Въ одномъ сраженіи при Каннахъ римляне потеряли слишкомъ 45.000 человѣкъ; день этотъ въ римскомъ календарѣ былъ отмѣченъ чернымъ цвѣтомъ. Въ Капуѣ римляне казнили 53 сенатора, двадцать семь лишили себя жизни, и всѣ граждане города были взяты въ рабство. Послѣ второй пунійской войны вся Италія находилась въ страшномъ положеніи; поля лежали невоздѣланныя, народонаселеніе уменьшилось на одну четверть, города и села были совершенно разворены и опустошены, и вся римская казна истрачена до послѣдней копѣйки. Во время второй войны одна осада Сиракузъ тянулась три года, и римлянамъ удалось взять городъ только съ величайшимъ трудомъ. Но зато и месть ихъ была ужасна. Солдаты грабили и убивали всѣхъ безъ разбора; произведенія искусства были отвезены въ Римъ, и жизнь Сиракузъ погибла. Сами римляне, чтобы спасти островъ отъ конечнаго разворенія, должны были выгонять потомъ оттуда одичалыя разбойничьи шайки. Послѣ второй войны Карфагенъ началъ достигать снова нѣкотораго благосостоянія. Но зависть взяла снова римлянъ. «Полагаю, сверхъ того, что нужно истребить Карфагенъ», такъ заканчивалъ всѣ свои мнѣнія въ сенатѣ Катонъ. И точно Карфагенъ былъ истребленъ. Едвали человѣческое тупоуміе доходило когда-нибудь до такой степени, какъ въ этомъ постыдномъ дѣлѣ римлянъ. Послѣ продолжительной осады городъ былъ наконецъ взятъ. Когда побѣдители ворвались въ городъ, каждый домъ приходилось брать, какъ новую крѣпость. Изъ 500,000 жителей осталось въ живыхъ только 30,000 мужчинъ и 25,000 женщинъ. Семнадцать дней горѣлъ городъ и исчезъ до тла. По римскому сенату было мало этого; его не удовлетворило, что погибли памятники культуры и цивилизаціи народа, прилежно трудившагося въ теченіе пяти вѣковъ; сенатъ велѣлъ еще сравнять Карфагенъ и всѣ его пригороды съ землей, и пройдти плугомъ. Какъ велика сумма богатствъ, истребленныхъ такимъ образомъ, нельзя сказать даже и приблизительно, но народа въ эти 43 года войны, въ Италіи, въ Африкѣ и въ Испаніи, погибло болѣе 1,000,000.

Въ промежуткѣ, между второй и третьей пунійской войной, римляне занялись Македоніей и Греціей. Въ одной только битвѣ при Магнезіи Антіохъ потерялъ 50,000 убитыми. Въ войнѣ съ греками, взятый приступомъ Коринѳъ былъ совершенно разрушенъ, и по повелѣнію римскаго сената запрещено его отстраивать. Жители Коринѳа исчезли всѣ — часть ихъ перебита, остальные уведены въ рабство. Въ эти 32 года войны, не говоря про такое крупное злодѣйство, какъ уничтоженіе Коринѳа, этой «звѣзды Эллады», опустошена была еще и большая часть Греціи. Людей погибло до 500,000.

Страсть къ завоеваніямъ поддерживала въ римлянахъ не одно стремленіе

къ обогащенію, но и разжигала еще выродившіяся сенаторскія фамиліи къ тщеславію и тріумфамъ. Грабежъ и злоупотребленія римскихъ правителей въ покоренныхъ областяхъ доходили до страшныхъ размѣровъ, и довольно было нѣсколькихъ десятилѣтій, чтобы изъ населенія, пользовавшагося благосостояніемъ, сдѣлать нищихъ. И все это сходило съ рукъ римскимъ правителямъ, потому что ихъ поддерживали въ Римѣ. Только когда злоупотребленія и лихоимство доходили до размѣра опустошительной войны, какъ это было во время управленія Сициліей Верресомъ, высосавшимъ весь сокъ изъ жителей, удавалось иногда наказать злодѣя изгнаніемъ, или онъ самъ удалялся добровольно. Но бывали случаи, когда народъ, настрадавшійся подъ римскимъ игомъ, поднимался противъ своихъ притѣснителей, и въ этомъ случаѣ грозила возставшимъ страшная месть. Такъ португальцы и испанскіе кельтиберы поднялись разъ противъ римлянъ. Римляне, не гнушавшіеся никакими средствами, когда думали съ помощію ихъ достигнуть торжества, вели себя и въ этомъ случаѣ, какъ обыкновенно. Римскій полководецъ Гальба, бывшій причиной возстанія, обѣщавъ дать лучшія мѣста для жительства, переманилъ чрезъ р. Таго 7,000 безоружныхъ лузитанъ и частью умертвилъ ихъ, частью продалъ въ рабство. Городъ Нуманція былъ вынужденъ къ сдачѣ голодомъ. Лучшіе граждане лишили себя жизни, остальные всѣ, за исключеніемъ 15, отправленныхъ въ Римъ для тріумфа побѣдителя, были проданы въ рабство. Опустѣвшій совершенно городъ былъ разрушенъ до основанія. Возстанія эти стоили по крайней мѣрѣ 200,000 жизней.

Какъ много погибало людей для мѣстной производительности обращеніемъ къ рабству, можно видѣть изъ того, что на большомъ невольничьемъ рынкѣ въ Делосѣ, гдѣ малоазійскіе купцы продавали свой товаръ римлянамъ, было вывезено въ одинъ день 10,000 рабовъ, и всѣ они распроданы къ вечеру. Торговцы людьми обыкновенно сопровождали римскіе легіоны, и послѣ побоищъ скупали въ рабство плѣнныхъ. Послѣ взятія Карѳагена было обращено въ рабство 50,000 человѣкъ.

Черезъ 18 лѣтъ началась война съ Югуртой. Въ городѣ Циртѣ Югурта истребилъ все взрослое мужское населеніе африканское и италійское; но не смотря на все свое коварство и продажность римлянъ, былъ наконецъ побитъ Маріемъ. Война тянулась 6 лѣтъ. Потери въ людяхъ можно считать въ 100,000. Не успѣлъ еще Марій окончить африканскую войну, какъ поднялись на Римъ тевтоны и кимвры. Походъ ихъ былъ въ родѣ шествія Аттилы—грабежъ, убійства, опустошеніе. Въ четыре года они уничтожили пять консульскихъ войскъ, и подъ Араузіо разбили римлянъ на голову. Но наконецъ Марій одолѣлъ дикарей, и въ двухъ битвахъ положилъ всѣхъ тевтоновъ и кимвровъ. Кто остался живъ—уведенъ въ рабство. Война съ этими народами тянулась 13 лѣтъ, съ небольшими перерывами. Легло народу тысячъ 200.

Въ 90 году началось возстаніе союзниковъ, продолжавшееся 2 года. Война эта стоила большой потери силъ и принесла большія разоренія и сельскихъ мѣстностей, и городовъ. Вслѣдъ за ней началась война съ Митридатомъ и

междоусобныя войны. Та и другая сопровождались совершенно ненужнымъ истребленіемъ людей. Такъ, по приказанію Митридата, въ одинъ день истреблено 80,000 италійцевъ, безоружныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Послѣ разныхъ столкновеній Сулла взялъ и страшно опустошилъ Аѳины, и при Херонеѣ разбилъ войска Митридата такъ ужасно, что у того спаслась только 12-я часть. При Орхоменѣ вспомогательный корпусъ царя, шедшій въ Грецію, былъ совершенно опустошенъ. Послѣ мира (84 г.) Сулла наложилъ на отпадавшіе отъ Рима города 30,000,000 р. военной контрибуціи и взыскалъ всѣ подати, остававшіяся въ недоимкѣ за 5 лѣтъ. Этимъ взысканіемъ народъ совершенно разорился. Въ эту войну Сулла отличился особенно разграбленіемъ Аѳинъ и разореніемъ Ѳивъ. Онъ не щадилъ ничего; онъ все ломалъ и грабилъ, и что только можно было взять съ собой — взялъ. Но если Сулла отличился въ Аѳинахъ и въ Ѳивахъ, то и Маріи поступилъ не хуже его съ Римомъ. Пять дней воины его неистовствовали въ городѣ, грабили и разрушали дома и убивали людей. Эта междоусобная война стоила римлянамъ 100,000 человѣкъ; а въ войнѣ съ союзниками и съ Митридатомъ легло съ обѣихъ сторонъ не менѣе 300,000.

Съ 76—71 годъ происходила война съ Серторіемъ и невольничья война. Нѣсколько разъ поднимались рабы противъ римлянъ, и каждое такое возстаніе было ужаснымъ истребленіемъ людей. Если вѣрить Цицерону, то въ сицилійскомъ возстаніи, продолжавшемся 4 года, погибло у римлянъ 1,000,000 рабовъ; поля были совершенно опустошены, скотъ исчезъ и наступила совершенная нищета. Потери, принесенныя Риму сицилійскими возстаніями, стоили Риму дороже всѣхъ пунійскихъ войнъ. Двѣ большія сицилійскія войны продолжались 8 лѣтъ. На сколько онѣ были жестоки, можно судить изъ того, что по взятіи Энны римляне распяли 20,000 рабовъ. Въ войнѣ съ Спартакомъ (71—71 г.) погибло 120,000 рабовъ и ужь, разумѣется, не меньшее число и римскихъ воиновъ. Взятыхъ въ плѣнъ рабовъ кололи и рубили на части, и разбрасывали ихъ по дорогѣ; тѣ, кто спасся, были истреблены возвратившимся Помпеемъ; а на невольниковъ, бродившихъ по одиночкѣ, устроили травлю.

Пользуясь междоусобіями поднялся на римлянъ Митридатъ. Въ ночной битвѣ на Евфратѣ погибло отъ Помпея рѣшительно все войско Митридата. Лукуллъ въ одномъ сраженіи съ Тиграномъ положилъ 100,000 армянъ. Наконецъ при взятіи Іерусалимскаго храма погибло болѣе 100,000 іудеевъ; вообще эти войны Помпея тянулись 11 лѣтъ и стоили жизни болѣе 500,000 человѣкъ.

Во время тріумвирата, междоусобной войны и единовладычества Цезаря было пролито много крови, много истреблено людей, много опустошено богатыхъ и цвѣтущихъ земель. Главныя побоища были слѣдующія: изъ числа 40,000 воиновъ, съ которыми Крассъ далъ сраженіе Парѳянамъ, легло на мѣстѣ 20,000 и 10,000 взято въ плѣнъ. Въ кровопролитной битвѣ при Бибракте Цезарь разбилъ совершенно гельветовъ и опустошилъ ихъ деревни и волости. При Самбрѣ легло все войско Нервіевъ, и изъ 600 человѣкъ

думныхъ мужей только 3 пережили день кровавой битвы. За упорное сопротивленіе венетовъ Цезарь велѣлъ казнить всю ихъ земскую думу, а гражданъ, всѣхъ до одного, продать въ неволю. Въ 3 года Цезарь завоевалъ Галлію и положилъ сотни тысячъ народу. Разбилъ потомъ кельтійскихъ обывателей Британіи. Пока Цезарь находился въ Британіи, племена, возставшіе въ Германіи, истребили подъ Адуатикой весь римскій отрядъ—начальниковъ и воиновъ, и когда Цезарь явился на выручку своихъ, то, преслѣдуя возставшее племя эбуроновъ, какъ дикихъ звѣрей, онъ истребилъ его все, до послѣдняго человѣка. Это возмутило вѣрныхъ римлянамъ арверковъ до того, что они поднялись противъ Цезаря. Селенія и мѣстечки ихъ были выжжены и сами они побиты. Послѣднимъ подвигомъ Цезаря, прекратившимъ возстанія, было его распоряженіе отсѣчь руки храброму кельтійскому гарнизону, защищавшему городъ Укселлодунумъ. Можетъ быть и справедливо мнѣніе тѣхъ историковъ и въ томъ числѣ Ранке, которые увѣряютъ, что Цезаревы завоеванія въ Галліи подготовили новую почву для образованности, что высшая культура и дальнѣйшее развитіе гражданственности явились у нихъ вслѣдъ за мечомъ римлянъ. Но справедливость такого вывода нужно еще доказать. Фактъ въ томъ, что римляне не принесли странѣ такой пользы въ матеріальномъ отношеніи, и что построенные ими амфитеатры, бани, водопроводы и военныя дороги, не вознаградили тѣхъ страшныхъ опустошеній страны и истребленій цѣлыхъ племенъ, какія они сдѣлали своей войной. Что Галлія была въ I вѣкѣ лучшей и образованнѣйшей провинціей Рима, изъ этого еще не слѣдуетъ, что образованіе это создано истребительными войнами. Не война создала культуру, а знакомство съ учрежденіями римлянъ и дарованія Галловъ. Исторія можетъ представить только одинъ фактъ, что послѣ знакомства съ римлянами галлы ушли значительно впередъ въ цивилизаціи, но заключеніе историковъ объ образовательномъ вліяніи римскаго меча будетъ справедливо только въ томъ случаѣ, когда оно докажетъ, что безъ этого меча прогрессъ былъ бы совершенно невозможенъ. А подобнаго доказательства исторія представить не можетъ, потому что у нея нѣтъ для этого фактовъ.

Въ то время, какъ Цезарь воевалъ въ Галліи (58 -50), партіи въ Римѣ ожесточались все болѣе, и открыто разбойничали по улицамъ города. Цезарю нуженъ былъ только предлогъ, чтобы вступить въ Римъ съ войскомъ; предлогъ явился, и въ январѣ 49 года. Цезарь перешелъ черезъ Рубиконъ. Помпей бѣжалъ. Цезарь повелъ войну съ нимъ и съ его партіей. Въ послѣдней битвѣ съ Цезаремъ у Помпея легло 15,000 воиновъ; а въ страшной битвѣ при Мундѣ были истреблены остатки партіи Помпея и республиканцевъ. Предъ тѣмъ еще, въ битвѣ при Тапсѣ республиканцы потеряли 50,000 людей. Послѣ этихъ подвиговъ Цезарь явился въ Римъ полновластнымъ властителемъ, но былъ убитъ. Войны Цезаря въ Галліи, Испаніи, въ Африкѣ и съ республиканской партіей продолжались 12 лѣтъ и стоили жизни болѣе 700,000 людей, не считая огромныхъ опустошеній и денежныхъ расходовъ.

По смерти Цезаря началась новая междоусобная война, продолжавшаяся

7 лѣтъ. Такія вещи, какъ убійство 300 сенаторовъ и 2,000 всадниковъ, брошенныхъ въ Тибръ или отданныхъ на съѣденіе дикимъ животнымъ, не составляли въ этомъ междоусобіи дѣла большой важности. Послѣ многихъ сраженій, и разныхъ частныхъ убійствъ республиканская партія пала. Все лучшее, передовое, энергическое, сильное и образованное легло въ этихъ междоусобіяхъ; осталася только тупой, голодный народъ, просившій хлѣба и зрѣлищъ, и Августу, избившему всѣ лучшія силы страны, уже не было труда провозгласить себя императоромъ, вмѣсто республики создать монархію, и затѣмъ говорить, что «военные лавры хоть и красивы, но безплодны».

Изъ 340 лѣтъ, ближайшихъ къ началу христіанскаго лѣтосчисленія, римляне провели въ войнѣ и въ междоусобіяхъ 215 лѣтъ и только 125 лѣтъ, или одну треть всего времени, провели мирно. Потери въ людяхъ собственно на войнѣ составляютъ по самому умѣренному счету 6,000,000. Но потери въ людяхъ въ этомъ случаѣ не такъ важны для экономическаго быта, какъ тѣ раззоренія и опустошенія, которымъ подвергались мѣстности, служившія мѣстами побоищъ и подпавшія всякаго рода военнымъ насиліямъ. Притомъ, способъ военной расправы, гдѣ лучшимъ средствомъ смиренія побѣжденнаго врага считалось совершенное уничтоженіе съ лица земли его городовъ и превращенія въ пустыню культированныхъ земель, садовъ, виноградниковъ, истребленіе скота; однимъ словомъ, полное уничтоженіе всѣхъ результатовъ человѣческаго труда, хотя бы они копились цѣлые вѣка; римскіе военные разгромы были совершенно равносильны геологическимъ переворотамъ. Тутъ ужь не можетъ быть и рѣчи даже о приблизительномъ выясненіи убытковъ, потому что съ каждой войной погибала вся земледѣльческая и экономическая культуры; и люди, если только они оставались въ живыхъ, должны были, какъ новые поселенцы, начинать съ постройки домовъ и новой обработки земли. И такое раззореніе повторялось постоянно. Раззореніе Карѳагена, Сиракузъ, Аѳинъ, Ѳивъ, составляетъ мильярды, и отъ уничтоженія промышленности этихъ городовъ древній міръ потерялъ для всей своей будущей экономической жизни то, чѣмъ ужь, разумѣется, не могъ вознаградить людей тщеславный блескъ развратныхъ сенаторовъ и такъ-называемыя военныя доблести голодныхъ гражданъ, знавшихъ одно ремесло — военное насиліе и грабежъ. Если Сулла за три года отпаденія греческихъ городовъ взыскалъ съ нихъ на военные расходы 30,000,000 р., то, разумѣется, римляне всѣ свои военные расходы въ 215 лѣтъ не могли считать менѣе трехъ мильярдовъ. Человѣчеству было бы выгоднѣе, еслибы римляне, собравъ 3 мильярда, бросили ихъ въ воду; ему было бы выгоднѣе, еслибы Римъ, собравъ шесть милльоновъ гражданъ, способныхъ для военной службы, отрубилъ имъ всѣмъ сразу головы. Историки, вѣроятно, назвали бы подобные поступки глупостью и возмутительнымъ злодѣяніемъ. Но человѣчество отъ этого возмутительнаго злодѣянія и глупости потерпѣло бы меньше, чѣмъ отъ того употребленія 3 мильярдовъ р. и 6 милльоновъ людей, какое сдѣлалъ изъ нихъ Римъ. Каждый мильярдъ ушелъ на уничтоженіе десятковъ мильярдовъ достоянія торговцевъ, промышленниковъ и земледѣльцевъ, и каж-

дый погибшій воинъ раззорилъ и сжегъ десятки домовъ, пустилъ по міру или увелъ въ рабство десятки семействъ, и, подобно саранчѣ, истребилъ всѣ посѣвы, поѣлъ всѣ запасы и воздѣланную землю превратилъ въ пустыню. Къ какимъ экономическимъ результатамъ привели завоеванія Рима, это обнаружилось впослѣдствіи вполнѣ. Истребленный Карѳагенъ, уничтоженная промышленность и торговля этого города не увеличили ни на волосъ производительности Рима. Карѳагенъ погибъ, но ничто не замѣнило его; и человѣчество стало бѣднѣе отъ этого равно на всю сумму, погибшихъ богатствъ и погибшихъ производительныхъ силъ, которыя росли бы все болѣе и болѣе. Разростающійся дубъ вырвали съ корнемъ, и на его мѣстѣ не выросла даже трава. Вотъ экономическіе выгоды римскихъ войнъ. Римляне полагали, что они становятся богаче, а между тѣмъ сами погибли отъ бѣдности. Та цивилизація, какую создалъ Римъ, пошла въ великій убытокъ человѣчеству, подобный самому ужасному экономическому кризису, и никто въ древнемъ мірѣ не хотѣлъ понимать этого. Были тамъ люди, краснѣвшіе за ужасное варварство своихъ согражданъ, но не было людей, способныхъ разъяснить и сосчитать убытки, какіе дѣлали этимъ сами себѣ римляне. За всѣ эти страшныя потери, цѣной всего экономическаго и промышленнаго развитія мирныхъ финикіянъ, Римъ создалъ только свое дикое могущество, и исчезъ отъ разврата, праздности и бѣдности, оставивъ въ наслѣдіе Европѣ только свое жалкое римское право и экономическій урокъ, которымъ до сихъ поръ еще никто не воспользовался.

Прошло 1500 лѣтъ послѣ императора Августа, Европа сложилась въ твердое государственное тѣло, и вотъ факты, которые представляетъ исторія послѣднихъ 340 лѣтъ.

Шестнадцатое столѣтіе начинается возстаніемъ крестьянъ противъ угнетавшихъ ихъ господъ и духовенства и религіозными спорами и неудовольствіями, кончившимися войной. Кроваво мстили крестьяне за всѣ поборы, за все раззоренье и за весь гнетъ, испытанный ими отъ произвола такого же какъ и они грубаго дворянства. Они замучивали на смерть своихъ притѣснителей, огнемъ и мечомъ опустошали Швабію, Франконію, Эльзасъ, и дѣлали всякія неистовства, мстя своимъ прежнимъ мучителямъ. Но не лучше дѣйствовали и государи, желавшіе положить предѣлъ возстанію. Такъ, послѣ заключеннаго съ эльзасскими крестьянами договора, на нихъ напали вторично при ихъ наступленіи, и положили на мѣстѣ 17,000 человѣкъ. Когда страшной убійственной рѣзней, незнакомыхъ съ военнымъ дѣломъ крестьянъ, ихъ заставили смириться, то и послѣ этого еще дикіе побѣдители наслаждались неистовствомъ казней и жестокими преслѣдованіями побѣжденнаго врага. Послѣ неистовствъ крестьянъ и ихъ дикихъ побѣдъ цвѣтущія мѣстности обратились въ совершенныя пустыни.

Въ тоже время, когда происходили крестьянскія войны, Карлъ V затѣялъ французско-итальянскую войну, продолжавшуюся болѣе 8 лѣтъ. Въ одномъ только сраженіи на берегахъ Тессино погибло со стороны французовъ 10,000 человѣкъ, и самъ Францискъ сдался военно-плѣннымъ. Въ 1527 г.

испанскія и нѣмецкія наемныя войска взяли Римъ. Неистовство побѣдителей не знало предѣловъ. Грабили и ломали все — дворцы, лучшіе жилые дома, церкви. Побѣдители унесли добычу въ 10,000,000 золотомъ. Наконецъ, послѣ погибели большей части французскаго войска отъ чумы и отъ недостатка военной силы императора, заключенъ миръ. Война погубила болѣе 200,000 народу.

Черезъ два года поднялась религіозная война въ Швейцаріи. Дѣло это было небольшое. При Капеллѣ, гдѣ происходила рѣшительная и кровопролитная битва, сражалось всего 10,000 человѣкъ, съ обѣихъ сторонъ.

Эта война имѣла по крайней мѣрѣ хотя какой-нибудь результатъ. Но война, затѣянная снова Францискомъ I и Карломъ V, потому что и тому и другому хотѣлось Милана, привела къ тому, что послѣ 3-лѣтнихъ потерь и пораженій обѣ стороны заключили перемиріе, по которому каждая осталась при своихъ владѣніяхъ. Но Францискъ не кончилъ этимъ. Онъ затѣялъ опять войны. Карлъ однако принудилъ его къ миру. И хотя обѣ стороны остались при прежнихъ границахъ, а между тѣмъ области порубежныя—Испанія. Италія. Нидерланды—пострадали ужасно, и Османы. союзники Франциска, опустошили въ добавокъ нижнюю Италію и Греческіе острова.

Во время первой войны Карла V съ Францискомъ нѣмцы хлопотали объ истребленіи анабаптистовъ (1533 1535). Голодомъ и оружіемъ удалось имъ это, и кто не погибъ при штурмѣ, того замучили или казнили.

Затѣмъ наступила религіозная Шмалькальденская война. Въ эту войну сраженій было мало. людей убито немного; только взятые и сдавшіеся города были разорены контрибуціями, и страна потерпѣла отъ переходовъ и постоевъ войскъ.

Дикій Филиппъ II, создавшій себѣ три задачи: увеличить свое могущество, покорепить протестантовъ и уничтожить всѣ народныя права. дѣйствовалъ такъ успѣшно въ этомъ духѣ, что разорилъ три страны: Испанію. Португалію и Нидерланды. Одна непобѣдимая Армада. не дѣлавшая ровно ничего и погибшая отъ бури. стоила 60 м. руб. Нидерландская война обошлась Филиппу въ 500,000,000. Въ годъ смерти Филиппа Испанія. не смотря на свои серебряные и золотые рудники въ Перу и Мексикѣ, имѣла 800 м. реаловъ долгу. Государственное банкротство было предупреждено только тѣмъ. что духовныя лица ходили по домамъ для сбора подаяній. и что въ Кастиліи всѣ жизненныя потребности были обложены огромными податями. Истребленіе людей и разореніе подвластныхъ народовъ доходило при Филиппѣ до виртуозности. Когда герцогъ Альба былъ снаряженъ съ войскомъ для усмиренія Нидерландовъ, до 100,000 купцовъ и ремесленниковъ бѣжали изъ своей страны въ чужія земли и въ Англію. Альба строилъ висѣлицы. колесовальные снаряды, мучилъ, казнилъ и жегъ людей. Ужасъ поразилъ все населеніе. Но Филиппъ не довольствовался разореніемъ Нидерландовъ; онъ залилъ кровью даже свою Италію и разорилъ покорепную имъ Португалію. Въ теченіе 20 нѣтъ Филиппъ жегъ и казнилъ еретиковъ, преслѣдовалъ и жалъ

своихъ подданныхъ, и потери въ людяхъ, сдѣланныя его ужасными преслѣдованіями и войнами, нельзя считать менѣе полумилліона.

Время это, когда Европа устанавливала свои религіозныя убѣжденія, ознаменовалось вездѣ войнами и преслѣдованіями. Во Франціи происходило восемь религіозныхъ войнъ или, вѣрнѣе, рѣзней. Больше десяти лѣтъ употребили французы на такое занятіе, и достигли того, что обезславили и раззорили свою страну. Въ Варѳоломеевскую ночь католики перерѣзали 25,000 протестантовъ. Фанатизмъ съ той и другой стороны доходилъ до послѣднихъ предѣловъ; люди потеряли совсѣмъ разсудокъ: если удавалось протестантамъ взять верхъ, они рѣзали и истребляли съ страшной жестокостью католиковъ, если удавалось католикамъ—они дѣлали то же самое съ протестантами. Тысячи протестантовъ оставили Францію. Неудовлетворенные этими войнами, католики задумали Лигу, и снова полилась кровь протестантовъ. Война трехъ Генриховъ тянулась три года, она стоила жизни сотнѣ тысячъ людей, и только благоразуміе Генриха Наварскаго, принявшаго католицизмъ, окончило эту междоусобную войну.

Въ 17 столѣтіи случились два особенно любопытныхъ факта: въ 1609 г. Филиппъ III выгналъ изъ Испаніи 800,000 мавровъ, и въ 1685 году, вслѣдствіе отмѣны Людовикомъ XIV нантскаго эдикта, оставило Францію болѣе 500,000 протестантовъ. Въ томъ и другомъ случаѣ слѣдствія переселенія были одинаковы. Южная часть Испаніи превратилась въ пустыню, земледѣліе упало, промышленность остановилась и бѣдность, лѣнь и нечистота водворились тамъ, гдѣ процвѣтало довольство и благоденствіе. Во Франціи случилось то же самое. Южныя области обезлюдѣли и обѣднѣли и предпріимчивые и промышленные гугеноты перенесли свое трудолюбіе и искусство въ другія страны. Но поселяне Севенскихъ горъ не хотѣли уступить католикамъ. Загорѣлась война; 100,000 протестантовъ легло въ разныхъ битвахъ, и болѣе 10 лѣтъ продолжались ужасы преслѣдованій. Протестанты съ своей стороны положили не менѣе католиковъ; они разрушили 40 церквей, и не давали пощады ни одной католической деревнѣ, ни одному замку католическаго владѣльца.

Но самое замѣчательное событіе 17 столѣтія есть безспорно 30-лѣтняя война, затѣянная глупостью одного человѣка—нѣмецкаго императора. Война эта стоила 5,000,000 людей. Въ ней принимали участіе всѣ государства Европы. Валенштейнъ свирѣпствовалъ какъ новый Атилла. Гдѣ разъ прошло войско Валенштейна, тамъ было гладко, какъ въ степи, и только головни, да груды щебня напоминали, что въ мѣстахъ этихъ была жизнь, была культура. Валенштейновской методы держались всѣ предводители обѣихъ сторонъ. Чтобы стѣснить противника и заставить его терпѣть лишенія, каждый предводитель жегъ и истреблялъ все. Результаты этой войны были такого рода. Германія, затѣявшая ее, лишилась многихъ владѣній, отошедшихъ къ Франціи и Швеціи; Швейцарія и Нидерланды признаны независимыми; императорская власть совершенно ослабла, а мелкіе владѣльцы, напротивъ усилились, создали бюрократизмъ и наложили свою руку на частную дѣятельность

гражданъ; свобода вѣры не выиграла ровно ничего; земледѣліе, промышленность, торговля упали совершенно; это значитъ, что народонаселеніе Германіи уменьшилось мечомъ, голодомъ и повальными болѣзнями на половину; такъ въ Аугсбургѣ, гдѣ было 90,000 жителей, осталось только 6,000;—поля, для обработки которыхъ не осталось рукъ, поросли лѣсомъ; производство полотенъ, суконъ, шелковыхъ матерій и обширная торговля ими съ иностранными государствами остановились, потому что некому было заниматься этимъ; ганзейская торговля упала; прежніе значительные имперскіе города, обезлюдѣвъ, лишились своего значенія, и ихъ смѣнили княжескія резиденціи; искусства германскія исчезли, и пока Германія старалась съ великимъ трудомъ выйдти изъ порожденной тридцати-лѣтней войной всякой нищеты, ее опередили Англія, Франція, Нидерланды. Такимъ образомъ Германія погубила всю свою силу и все свое прежнее значеніе.

Это время религіозныхъ недоразумѣній замѣчательно особенной воинственностью Европы. Война тянулась безъ прерывовъ во все столѣтіе, и не было ни одного года, чтобы въ какомъ-нибудь уголкѣ Европы не лилась человѣческая кровь и не истреблялась культура.

Въ то время, какъ на материкѣ происходила 30-лѣтняя война, въ Англіи такое же религіозное разномысліе создало революцію, и 8 лѣтъ тянулась война то внутри Англіи, то съ Шотландіей, то съ Ирландіей. Для Ирландіи война эта кончилась тѣмъ, что страна превратилась въ пустыню, а народонаселеніе въ нищихъ.

Миръ между Англіей и Голландіей былъ заключенъ въ 1654 году, и въ томъ же году Карлъ X шведскій, только для того, чтобы придать блескъ своей ограниченной королевской власти, затѣялъ 4-лѣтнюю войну съ Польшей, и вслѣдъ затѣмъ началась война его съ Англіей, кончившаяся скоро (2 г.) только потому, что Карлъ умеръ. Фронда, война Испаніи и Португаліи—это уже мелочныя событія 17 столѣтія.

Наконецъ вступилъ на престолъ Франціи Людовикъ XIV. Затѣявъ цѣлый рядъ войнъ, истощившихъ Европу, совершенно обезсилившихъ Францію во всѣхъ отношеніяхъ, онъ создалъ ей государственное банкротство и уронилъ весь уровень матеріальной и умственной жизни народа. Однимъ словомъ Людовикъ разорилъ страну, и потому и былъ государь вполнѣ неспособный.

Людовикъ началъ войной съ Испаніей; потомъ накинулся на Голландію, голландцы для своей защиты прорвали плотины, спасавшія ихъ отъ моря, и наводнили страну. Далѣе французы совершенно опустошили правый берегъ Рейна отъ Брейсгау до Некара. Палатинатъ былъ опустошенъ французами до такой степени, что возмущенный курфирстъ вызывалъ французскаго маршала на поединокъ. Такія же опустошенія были сдѣланы на Мозелѣ и Саарѣ. Въ такихъ опустошеніяхъ заключалась военная тактика того времени; солдаты, какъ лава, разливались по землѣ, жгли и уничтожали все, что попадалось имъ на пути. Разсказываютъ, что третью (орлеанскую) войну придумалъ Лувуа, чтобы короля, сердившагося за одно несимметрическое окно, въ новомъ загородномъ дворцѣ Тріанонѣ, развлечь военными заботами. Въ этой войнѣ

Людовикъ, чтобы сдѣлать нѣмцамъ невозможнымъ вторженіе во Францію, велѣлъ опустошить пирейскія мѣстности такъ, чтобы изъ нихъ вышла совершенная пустыня; цвѣтущія села, богатые города были превращены въ груды пепла. Болѣе 20 городовъ исчезло отъ этой мѣры. Но и Франція истощилась въ конецъ, и противники должны были заключить миръ, потому что драться дольше не доставало силъ.

Не смотря на то, чрезъ 4 года затѣялась новая война, самая ужасная и опустошительная изъ всѣхъ, какія велъ до тѣхъ поръ Людовикъ XIV, —война за испанское наслѣдство. Поводомъ къ ней послужило простое обстоятельство— кому владѣть Испаніей по смерти Карла II? Хотѣлось этого и Габсбургамъ, хотѣлось и Людовику XIV. Но какой интересъ былъ въ этомъ дѣлѣ тѣмъ сотнямъ тысячъ людей, которыя легли въ битвахъ, и разорившимся воюющимъ народомъ? Интереса матеріальнаго имъ небыло никакого, но люди не понимали, что они дѣлаютъ. Война эта тянулась 13 лѣтъ, и вотъ болѣе замѣчательные ея моменты. Въ 1703 г. Вандомъ страшно опустошилъ изъ мести долину Эта. При Гехштедтѣ легло 20,000 народа и 15,000 французовъ взято въ плѣнъ. Грабежами, убійствами и всякими притѣсненіями австрійцы разорили совершенно Баварію. Подобное же опустошеніе произошло и въ Испаніи, гдѣ народъ страдалъ и отъ своихъ, и отъ чужихъ; Валенсія была выжжена и опустошена, и почти такой же разгромъ вышелъ на долю Арагоніи и Каталоніи. Въ 1706 году, при Рамильи, погибла вся французская армія—кто остался живъ, взяты въ плѣнъ. Подъ Туриномъ другая французская армія была совсѣмъ истреблена и остатки ея разсѣяны. Швабія и Франконія разграблены и опустошены французами. Наконецъ королю доложили, что продолжать войну нѣтъ никакихъ средствъ, и что земледѣльцы отъ неурожая отправляются по міру. Тогда монархъ плакалъ съ отчаянія нѣсколько разъ въ присутствіи Ментенонъ. Однако требованія враговъ были такъ велики, что война продолжалась. Въ 1709 г. въ сраженіи при Мальплакѣ легло 33,000 солдатъ. Наконецъ счастье повернулось къ Людовику и въ 1713 году заключенъ утрехтскій миръ, а въ слѣдующемъ 1715 году умеръ Людовикъ XIV. Изъ 60 лѣтъ царствованія онъ провелъ въ войнѣ 45 лѣтъ; большая часть областей и земель, гдѣ воевалъ Людовикъ, обезлюдѣли; бѣдность во Франціи чувствовалась во всемъ, вездѣ былъ голодъ и недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ; войнами Людовика истреблено болѣе 3,000,000 людей, и Франціи нажила болѣе милльярда гульденовъ долгу.

Примѣръ Людовика XIV породилъ цѣлый рядъ подражателей; послѣ войны за испанское наслѣдство явилась война за польское и война за австрійское наслѣдство. Послѣдняя сдѣлалась всеобщей европейской войной.

Въ то время, какъ война опустошала западъ Европы, на востокѣ тоже не было миру. Съ 1700—1718 тянулась великая сѣверная война; потомъ пошли военныя отношенія Россіи къ Польшѣ; война съ Турціей. На эти войны Россія употребила 32 года, и войска наши показали, что и они не хуже французовъ и Валенштейна умѣютъ превращать людныя мѣста въ пустыни. Страшный Алексѣй Орловъ, братъ его Григорій и другіе, истребляли

населенія, среди которыхъ они являлись; слѣдъ ихъ обозначается кровью, пожарами, разворешьями.

Послѣ 8-лѣтняго міра, слѣдовавшаго за войною за австрійское наслѣдство, наступила 7-лѣтняя война. Ужасами опустошеній, упадкомъ земледѣлія, промышленности, торговли и истощеніемъ денежныхъ средствъ Германіи, война эта напоминаетъ вполнѣ 30-лѣтнюю войну. Обѣднѣвшій народъ требовалъ въ отчаяніи мира во что бы то ни стало. Истощенныя воюющія стороны заключили наконецъ миръ, и Силезія была присоединена «навсегда» къ Пруссіи. Война эта истребила по меньшей мѣрѣ милльонъ народу.

Теперь наступаетъ періодъ французскихъ войнъ и кроваваго владычества Наполеона. До сихъ поръ только Атилла, этотъ «бичъ божій,», жилъ въ памяти народа, какъ страшная всеистребляющая сила, подобная потоку лавы. Но Атилла не уничтожилъ и четверти того, что уничтожилъ Наполеонъ; только новѣйшія промышленныя изобрѣтенія и открытія, и громадная энергія людей, уцѣлѣвшихъ отъ Наполеона, замаскировала его всесокрушающее господство. Никогда Европа еще не представляла такого цивилизованнаго варварства и экономическаго тупоумія, какое показалъ бичъ божій—Наполеонъ. Удивленіе людей къ разрушительнымъ способностямъ этого человѣка и благоговѣніе предъ его атилловскимъ всемогуществомъ, доказываетъ только неспособность людей отличать вредное отъ полезнаго. Не можетъ быть великимъ то, что истребляетъ человѣка и сокрушаетъ всю его производительность, все его экономическое благосостояніе, потому что нищета ведетъ человѣка назадъ и роняетъ уровень его умственныхъ способностей. Съ первыхъ временъ исторіи человѣчества и во всѣ вѣка обоготворялись только добрыя силы; а добромъ считалось изобиліе всего и матеріальное довольство. Все, что вредило человѣку, нарушало его спокойствіе, приносило ему болѣзни, нищету, считалось враждебнымъ, и въ противоположность богу добра, признавалось силой зла. Не понимая сущности этой силы, человѣкъ боялся ее, старался умилостивить разными жертвами, но онъ никогда не считалъ ее благомъ. Зло было для него закономъ, духомъ тьмы. Единственный случай смутности понятій, когда люди преклонялись, какъ предъ благами и высокой мудростью предъ силой зла и непужнаго убійства, представляетъ Наполеонъ. Если Атилла могъ увлечь свои полчища, или Османы шли истреблять людей, у нихъ была причина—они шли на невѣрныхъ. А въ силу какого начала шла Европа на Европу во времена Наполеона? Какое новое спасительное слово сказалъ онъ міру? За что и къ чему легло 8,000,000 людей, убитыхъ Наполеономъ? Ничего новаго не внесъ Наполеонъ въ міръ. Новыя идеи, явившіяся въ управленіи и законодательствѣ Франціи и Европы, принадлежатъ не Наполеону, а французской революціи. Наполеонъ, напротивъ, явился представителемъ стараго порядка, и только потому онъ могъ самовластно править Франціей, что революція истребила въ ней лучшихъ людей, и во Франціи не было людей способныхъ идти противъ новаго тирана. Какъ со смертью Атиллы распалось военное могущество его царства, такъ безслѣдно кончилось и военное могущество Наполеона. Съ паденіемъ его сдѣлалась только

небольшая пройка въ границахъ европейскихъ государствъ, прибавились у всѣхъ деньги, убавилось вездѣ населеніе и только. Даже громадные убытки, вынесенные всѣми народами изъ наполеоновскихъ войнъ, не сдѣлали никого разсчетливѣе и не отучили отъ легкомыслія кидаться безъ нужды на всякую войну.

Число рекрутовъ, набранныхъ Наполеономъ I во Франціи, по однимъ только сенатскимъ рѣшеніямъ, составляло почти 3,000,000. На одинъ 1813 г. приходится не менѣе 1.000,000 человѣкъ. На главномъ театрѣ обѣихъ армій, т. е. французской и союзной, находилось въ 1813 г. 933,000 человѣкъ и 2,588 орудій. Въ войнѣ съ Россіей французы потеряли по меньшей мѣрѣ 300,000 человѣкъ. По низверженіи Наполеона, долгъ Франціи составлялъ 728,000,000 фр. Кромѣ того на французовъ была наложена союзниками контрибуція въ 700,000,000. Содержаніе союзной арміи стоило государственному казначейству 449.000.000 фр. Такъ что вся сумма долговъ Франціи составила 2,100,000,000 фр.

Въ 1812 году потери русскихъ были не менѣе потерь французовъ. Подъ Бородинымъ изъ 104,000 русскихъ легли 52,000. Вообще трудности и лишенія этой войны были такого рода, что изъ цѣлыхъ баталіоновъ оставалось нерѣдко два, три человѣка. Изъ 120.000 арміи Кутузова осталось 35,000; у Витгенштейна изъ 50.000 только 15,000, а изъ 10,000, посланныхъ изъ внутреннихъ губерній на подкрѣпленіе арміи, только 1,700 человѣкъ добрались до Вильно. Въ теченіе пяти мѣсяцевъ изъ 209,800 ч. западной арміи погибло 169.510 человѣкъ, и русская армія, преслѣдовавшая Наполеона въ январѣ 1813 года, составляла только 15,000 человѣкъ.

Славными битвами наполеоновскаго времени считались тѣ, гдѣ убивались десятки тысячъ людей, и героями тѣ, кто могъ разжечь въ себѣ воинственный жаръ и доходить до каннибальской восторженности. Опустошеніе и разореніе земледѣльческаго и промышленнаго населенія ставились ни во что предъ этимъ геройскимъ настроеніемъ, и великаны-герои того времени, подвиги которыхъ такъ долго воспѣвались поэтами и волновали горячую молодежь, ставили себѣ въ заслугу и гордость именно то, что служитъ первымъ признакомъ человѣческаго неразвитія и слабой сообразительности. Пусть бы еще гордились тѣ народы, которые, послѣ постыднаго самоуниженія предъ Наполеономъ, рѣшились наконецъ возстать на своего утѣснителя; но чему радовались французы, чѣмъ гордились они? Пусть вспомнятъ они, что ихъ 26-ти-мѣсячное занятіе Ганновера обошлось краю въ 26,000,000 талеровъ, тогда какъ ежегодные доходы королевства составляли менѣе 5,000,000. Пусть вспомнятъ они, что подъ Аустерлицомъ легло болѣе 50,000; подъ Прейсишъ-Эйлау болѣе 60,000; подъ Бородинымъ 80,000; подъ Лейпцигомъ болѣе 80,000, и такимъ образомъ только въ 4 сраженіяхъ убито болѣе 310,000 человѣкъ. Пусть герои-великаны вспомнятъ о 8,000,000 погибшихъ людей въ какіе-нибудь 20 лѣтъ, о сотняхъ милліоновъ долговъ нажитыхъ Европой, о совершенномъ разореніи земледѣльческаго и промышленнаго населенія Европы, которое одно вынесло на своихъ плечахъ тягости геройскихъ

подвиговъ и затѣмъ пусть покажутъ, какъ далеко ушла въ это и въ послѣдующее время цивилизація собственно отъ военныхъ доблестей героевъ-великановъ. Историки могутъ повторить, что безъ войны невозможенъ прогрессъ; но они должны прибавить при этомъ, что такъ было до сихъ поръ. Историки не должны дѣлать изъ этого закона для будущаго. До сихъ поръ точно война была главнымъ занятіемъ людей и цивилизованные народы не отличались ничѣмъ въ этомъ случаѣ отъ дикарей и отъ уличныхъ мальчишекъ, разрѣшающихъ всѣ свои споры дракой; но историки не могутъ представить ни одного факта въ подтвержденіе того, что такъ будетъ и всегда, и что прошедшее будетъ закономъ для будущаго. Война есть признакъ дикости цѣлыхъ націй, какъ наклонность къ дракѣ въ отдѣльномъ человѣкѣ есть признакъ его грубости. При всей своей цивилизаціи Европа еще недостаточно цивилизована, чтобы отказаться отъ войны, потому что большинство людей, которыми живетъ и зажигается война не считаетъ драку безсмысленнымъ и убыточнымъ занятіемъ. Какъ всякій отдѣльный человѣкъ, достигшій извѣстной степени развитія, не въ состояніи драться, такъ отстанутъ отъ войны и массы населеній, когда они достигнутъ того же развитія.

Но опытъ наполеоновскихъ войнъ не послужилъ никому урокомъ, потому что еще не наступило время правильнаго и общеодинаковаго пониманья экономическихъ и другихъ общественныхъ вопросовъ. И едва Наполеонъ кончилъ свою карьеру, какъ въ разныхъ мѣстахъ Европы пошли опять битвы и завоеванія, и принципъ военнаго насилія налегъ попрежнему на мирныхъ гражданъ, желающихъ только одного — свободнаго развитія своихъ силъ и способностей; но къ сожалѣнію еще непонимающихъ, какъ достигнуть этого.

Общій выводъ изъ приведеннаго перечня европейскихъ войнъ будетъ такой. Въ теченіе 340 лѣтъ Европа употребила на войну 215 лѣтъ и провела въ мирѣ только 125 лѣтъ. Въ это время истреблено сраженіями, разными военными бѣдствіями и преслѣдованіями людей за ихъ религіозныя убѣжденія по меньшей мѣрѣ 20,000.000. Вся Европа не меньше четырехъ разъ подвергалась совершенному опустошенію, такъ что людямъ приходилось вновь строить себѣ дома, разчищать землю, заводить вновь виноградники, сады. Каждое такое военное раззореніе ровнялось нашествію Атиллы съ дикими полчищами гунновъ, и этимъ Атиллой была цивилизованная Европа, опустошавшая сама себя по меньшей мѣрѣ разъ, одинъ разъ въ столѣтіе. Люди, для которыхъ всякій бывшій фактъ служитъ непремѣнно основаніемъ для вывода изъ него закона, управляющаго судьбами человѣчества, увидятъ и въ этомъ таинственное вліяніе невѣдомыхъ и непонятныхъ силъ, управляющихъ судьбами человѣчества. Подъ обаяніемъ метафизическаго міросозерцанія, люди, предающіеся болѣе увлеченіямъ фантазіи, чѣмъ спокойному научному разбору совершающихся фактовъ, могутъ увидѣть тутъ таинственную тѣнь Атиллы и то вѣчное злое начало, которое, какъ духъ тьмы, не хочетъ отказаться отъ своего кроваваго права надъ жизнью человѣка. И въ такомъ представленіи есть правда, съ тою только разницей противъ толкованія соз-

даваемаго воображеніемъ, что тѣнь Атиллы и духъ тьмы, ищущій жертвъ, есть незнаніе, невѣжество людей. Стоитъ только научнымъ знаніямъ вытѣснить образы фантазіи, отнять отъ человѣка вѣру въ таинственныхъ духовъ и гипотезы замѣнить хоть и менѣе плѣнительными, но зато болѣе полезными въ жизни научными свѣдѣніями, и кровавая тѣнь Атиллы, посѣщающая разъ въ столѣтіе европейскія населенія, чтобы дѣлать ихъ нищими, перестанетъ появляться. Одинъ примѣръ 30-лѣтней войны служитъ уже убѣдительнымъ фактомъ того, что незнаніе есть единственная причина большей части войнъ.

Война—бѣдствіе не только для тѣхъ, кто воюетъ, но она падаетъ еще и на послѣдующія, ни въ чемъ невиноватыя поколѣнія. Такъ европейскія государства исключительно только на военныя потребности надѣлали 14,491,000,000 долгу. Эта громадная сумма, на которую можно бы устроить 155,910 верстъ желѣзныхъ дорогъ, не только ушла на воздухъ въ видѣ пороховаго дыма, но и должна быть выплачена живущимъ и послѣдующими поколѣніями. Процентная уплата этихъ долговъ составляетъ ежегодно 581,800,000 рублей, такъ что на каждаго европейскаго жителя падаетъ въ годъ среднимъ числомъ 2 р. (считая мужское и женское населеніе).

Кромѣ того невозможность, при настоящемъ уровнѣ понятій, отказаться совершенно отъ войны, заставляетъ европейскія населенія держать 3,712,000 солдатъ и тратить въ годъ на содержаніе ихъ 620,000,000 руб., не считая того убытка для экономической производительности Европы, какой происходитъ оттого, что въ ней находится постоянно 4,000,000 людей нисколько не увеличивающихъ общаго богатства, но еще живущихъ трудомъ остальнаго населенія.

Такимъ образомъ содержаніе войскъ и уплата долговъ, сдѣланныхъ войнами, поглощаетъ въ годъ 1,202,700,000 рублей, а весь доходъ Европы составляетъ 2,014,000,000. Слѣдовательно, на двѣ статьи, тратится 60% всего дохода, а на все остальное: управленіе, образованіе, судъ и т. д. остается 40%.

Наконецъ, военная служба увеличиваетъ смертность между людьми, и въ Европѣ умираетъ ежегодно на 80,000 людей больше только потому, что у нея есть солдаты. Это стоитъ постоянной чумы или холеры.

Изъ сравненія военныхъ убытковъ древняго Рима съ убытками новой Европы можно заключить, что новое человѣчество вышло кровожаднѣе и болѣе дико. Но такое заключеніе будетъ ошибочно. И прежде, и нынче окончаніе войны зависѣло исключительно отъ одной невозможности продолжать ее. Пока у врага есть еще сила, онъ не перестаетъ драться, и только истощивъ всѣ средства защиты и вполнѣ обезсилѣвъ, люди соглашаются на миръ. Такъ было прежде, такъ и теперь. Единственная разница между старымъ и новымъ военнымъ истребленіемъ та, что развитіе производительныхъ силъ народовъ дало имъ больше матеріальныхъ средствъ для продолженія войны; а изобрѣтеніе пороха и усовершенствованія огнестрѣльныхъ снарядовъ позволили истреблять людей большими массами. Такимъ образомъ развитіе силъ дало возможность достигать большихъ численныхъ результатовъ; но по отношенію къ напряженности силъ степень военнаго упорства осталась одна и та же.

Несмотря на то однако въ европейской войнѣ уже едвали возможны такія явленія, какъ уничтоженіе Карѳагена; ни одинъ непріятель не рѣшился разрушить Парижъ, Лондонъ, или другую европейскую столицу. Одинъ примѣръ разрушенія столицы представляетъ въ новѣйшее время война 12 года. Но Москву сжегъ не Наполеонъ, а Русскіе.

Было время, когда и европейскія войны отличались страшнымъ вандальствомъ, и совершенное опустошеніе мѣстъ, служившихъ театромъ войны, кому бы они не принадлежали—врагу или другу, считались однимъ изъ лучшихъ способовъ ослабить противника. Но съ экономическими усовершенствованіями и съ появленіемъ той громадной промышленной производительности, которая создалась машинами, желѣзными дорогами и успѣхами технологіи, ненужное вандальство исчезло. Въ крымскую войну англичане и французы вели себя весьма деликатно, и хотя могли бы сжечь Алушку и истребить великолѣпные сады южнаго берега—Воронцова, Никитскій, Магаразскій, но они этого не сдѣлали. Такъ же разсудительны были французы и въ итальянскую компанію.

Очевидно, что экономическія изобрѣтенія, воспитавшія нѣсколько европейскія населенія, обнаружили на нихъ нѣкоторое цивилизующее вліяніе; но они принесли пользу небольше той, какую обнаружило сознаніе экономической невыгодности рабства.

Многіе понимаютъ уже все зло войны; есть даже люди, помышляющіе о возможности миролюбиваго разрѣшенія всѣхъ политическихъ недоразумѣній и неудовольствій на конгрессахъ, въ родѣ того, какъ рѣшаются на биржахъ торговые вопросы; но еще большая масса людей, слабо владѣющая знаніями, и тѣ, кому выгодно это невѣжество, неспособны ни понимать этого, ни разрѣшать недоразумѣній инымъ путемъ кромѣ драки.

Война исчезнетъ сама собой, когда большинство европейскаго населенія хорошо поиметъ всю ея невыгодность, когда каждый отдѣльный человѣкъ этого большинства проникнется тѣми знаніями, которыя и въ настоящее время уже настолько сильны, чтобы дать человѣку правильный взглядъ на сущность и значеніе совершающихся событій, но еще не настолько сильны, чтобы имѣть свободный доступъ къ массамъ.

Но время такого развитія будетъ періодомъ зрѣлости; когда онъ наступитъ, сказать нельзя, да и незачѣмъ. Что же касается до нашего времени, то очевидно, что такъ-называемый цивилизованный міръ, не дожившій въ теченіе 2,500 лѣтъ до другаго способа разрѣшенія спорныхъ вопросовъ, кромѣ войны, что этотъ міръ, способный еще увлекаться организованнымъ насиліемъ, переходящимъ къ намъ съ прочимъ достояніемъ въ «наслѣдіи вѣковъ»; наконецъ, способный гордиться «подвигами личной храбрости» и «высокаго военнаго самопожертвованія», которые въ сущности и съ экономической точки зрѣнія обличаютъ экономическое неразвитіе людей—очевидно, что этотъ цивилизованный міръ, продолжая и нынче то, что дѣлали римляне, находится еще въ своемъ первомъ зачаточномъ періодѣ экономической жизни.

Тѣмъ, что во многихъ государствахъ Европы сдѣлалось уже не такъ легко

начинать войны; что существуетъ много отдѣльныхъ личностей, желающихъ устроить мирный исходъ для всѣхъ политическихъ недоразумѣній; тѣмъ, наконецъ, что люди пріучаются нѣсколько соображать экономическія потери, причиняемые войнами, кладется уже начало переходной эпохѣ; но пока еще наступитъ пора такой зрѣлости и новаго воспитанія людей, на основаніи новыхъ знаній. Европа будетъ разрѣшать всѣ свои международные вопросы, и давать политическіе уроки народамъ, по прежнему римскимъ способомъ — войной.

III.

Благотворительность.

Два самыхъ крупныхъ факта, представляемыхъ исторіей Европы и имѣвшихъ самое разрушительное вліяніе на экономическую дѣятельность человѣка — война и рабство, остаются по прежнему помѣхой матеріальному благосостоянію. Рабство — потому что, становя человѣка въ условія неблагопріятныя къ всестороннему развитію и проявленію его силъ, мѣшаетъ ему сдѣлать то, что бы онъ могъ сдѣлать въ свободномъ положеніи. Если рабство и зависимость отнимаютъ у человѣка только четверть его производительныхъ силъ, значитъ и все человѣчество производитъ на одну четверть менѣе. Вмѣсто 4 м. четвертей хлѣба создается 3 м.; вмѣсто 4 м. пуд. сахару, также 3 м.; вмѣсто 4 м. штукъ одежды только 3 милліона и т. д.

Но и эта стѣсненная производительность, не дѣлающая людей богатыми на столько, на сколько они могли бы быть, создаетъ богатства, расходуемыя преимущественно убыточнымъ образомъ. Даже въ мирное время современная Европа тратитъ 60% изъ своихъ доходовъ на содержаніе войскъ и на уплату долговъ, сдѣланныхъ войнами. Но еслибы не болѣе этихъ шестидесяти процентовъ тратилось бы и въ военные годы, то въ такомъ случаѣ человѣчество во все время своего существованія тратило постоянно $^3/_5$ своего труда на дѣло убыточное и только $^2/_5$ расходовало выгодно. Ясно, что убытокъ пересиливалъ выгоду и въ результатѣ являлась бѣдность. Но въ дѣйствительности военныя потери превышали 60%. Кромѣ денегъ, отрывались отъ выгоднаго труда самыя сильныя руки и обращались на дѣло убыточное, и къ этому присоединялось опустошеніе мѣстностей, служившихъ побоищами, и превращеніе культированныхъ пространствъ въ пустыни, усиленіе труда тѣхъ, кто кромѣ себя долженъ былъ кормить еще войска и наконецъ увеличеніе налоговъ для уплаты долговъ, сдѣланныхъ войной.

Вся эта масса натуральныхъ и денежныхъ повинностей лежала на народѣ и, поглощая всѣ его производительныя силы, держала его всегда на минимумѣ возможности удовлетворенія своихъ потребностей. Недостатокъ средствъ, воспитывая цѣлыя поколѣнія людей въ удобствахъ и понятіяхъ, создаваемыхъ бѣдностью, превращалъ массы въ тотъ грубый народъ, который такъ

возмущаетъ деликатныхъ людей. Но лишь только эта грубая масса, отдавшая все, что у нея было на войну, новымъ трудомъ начинала копить кое-что, какъ новая война отнимала отъ нея все, иногда до послѣдней копѣйки. Такъ было прежде, такъ и теперь. Разница въ томъ, что при прежней, меньшей производительности людей, съ нихъ бралось меньше, а нынче, съ увеличеніемъ производительныхъ средствъ, берется больше. На техническомъ языкѣ финансистовъ постоянно возвышающійся maximum платежей называется «податной способностью». Въ сущности тѣ лица, у которыхъ такъ увеличивается податная способность, не выигрываютъ отъ этого ровно ничего. Они по прежнему должны оставаться въ минимумѣ потребностей, чтобы поддерживать въ максимумѣ свою податную способность.' Такимъ образомъ, пользуясь возвышающимися производительными силами населеній для увеличенія военныхъ средствъ, Европа усиливала постоянно составъ своихъ армій. Англія, въ которой въ 1715 году считалось съ небольшимъ 16,000 человѣкъ въ войскѣ, имѣла въ 1792 году отъ 60—70,000 человѣкъ, въ 1807 г.—182,876; въ 1811 г. — 377,000 матросовъ и линейнаго войска, а въ 1856 г. — 416,000; кромѣ того 250,000 индійской арміи и 14,300 волонтеровъ. Франція въ 1783 г. имѣла на службѣ 127,000 человѣкъ; въ 1812 г. 743,000, собственно французовъ; Наполеонъ III увеличилъ количество набора съ 80,000 до 140,000. По разсчету семилѣтняго срока французской службы этой одной прибавкой увеличилась численность военныхъ силъ Франціи на 420,000 человѣкъ. Но такой усиленный наборъ дѣлался только въ крымскую и итальянскую войну; въ мирные годы, какъ 1857 года и 1860 гг., бралось 100,000 человѣкъ, т. е. противъ прежняго на 20,000 болѣе, слѣдовательно по семилѣтнему разсчету армія усилилась на 140,000 человѣкъ. Въ Австріи въ 1783 году считалось 276,000 чел.; въ 1809 г. — 630,000; во время крымской войны 553,000. Въ Россіи въ 1712 г. армія имѣла 108,000 чел., въ 1725 г. 196,000. Въ 1785 г. 360,000, въ 1812 г. — 539,400. Предъ крымской войной регулярная армія составляла 1,140,000 чел., но, послѣ значительныхъ сокращеній, къ 1859 году считалось регулярныхъ войскъ 850 т., не регулярныхъ 421 т., всего 1,271,000 человѣкъ.

Податная способность есть maximum платежныхъ силъ, далѣе чего идти уже невозможно. Но какъ войны требовали средствъ, а податная способность была ниже расходовъ, то и явилась система долговъ. Слѣдовательно всякій долгъ есть та необходимая на расходы сумма, которую не въ состояніи дать податная способность плательщиковъ. Тѣмъ не менѣе уплата долговъ дѣлается все-таки тѣми самыми лицами, недостаточная податная способность которыхъ заставила сдѣлать долгъ. Разница въ томъ, что вмѣсто единовременнаго взноса приходится платить въ теченіе цѣлаго ряда годовъ сумму займа съ придачей процентовъ. Эти проценты составляютъ уже излишекъ, чрезвычайно обременительный, и который, увеличиваясь отъ новыхъ долговъ все болѣе и болѣе, дошелъ въ послѣднее время въ Европѣ до 580 милліоновъ рублей. Такимъ образомъ maximum сборовъ увеличивается еще новыми прибавками процентныхъ платежей за военные долги.

Вопиственность и рабство, которое, утративъ наконецъ римскую жестокость, выражается въ болѣе мягкой формѣ экономической неравноправности, была постоянно главной причиной бѣдности и нищеты.

Нищета и бѣдность явленія очень не новыя. Страдалъ отъ нихъ Римъ, страдаютъ отъ нихъ и новыя общества. Но если и нынче, какъ и въ древнемъ мірѣ, существуетъ бѣдность массъ и страшная нищета отдѣльныхъ лицъ, доводящая людей до голодной смерти, это значитъ только, что обстоятельства, въ которыя поставлены эти люди, не даютъ имъ средствъ существованія. Голодная смерть не имѣетъ никакой привлекательности, и никакъ нельзя предположить, чтобы человѣкъ въ здравомъ смыслѣ рѣшился бы уморить себя голодомъ. Голодъ есть послѣдняя крайность, признакъ полнаго безсилія добыть себѣ средства для жизни. Человѣкъ умираетъ съ голоду только тогда, когда онъ перепробовалъ всѣ дорожки, по которымъ бы онъ могъ убѣжать отъ смерти и добраться до куска хлѣба, но такихъ дорожекъ не нашелъ. Если, кромѣ голодной смерти отдѣльныхъ лицъ, цѣлыя массы населенія страдаютъ отъ нищеты и доходятъ до такого состоянія, какое представляетъ европейскій пролетаріатъ, то причину этого нужно искать не въ природѣ человѣка, а въ чемъ нибудь иномъ. Что причины бѣдности лежатъ не въ законѣ природы, видно изъ того, что даже при самомъ низкомъ уровнѣ потребностей человѣкъ всякое лишеніе въ необходимомъ считаетъ великой для себя непріятностью и старается освободиться отъ нея. Но человѣку отъ нея избавиться было невозможно; иначе онъ избавился бы непремѣнно; человѣку всегда мѣшало то, что онъ не могъ развить вполнѣ своихъ способностей, не могъ создавать того количества богатства, какое бы онъ могъ по своимъ производительнымъ силамъ; наконецъ человѣку мѣшало то, что изъ скудныхъ результатовъ своего скуднаго труда онъ не только долженъ былъ отдавать значительную часть на убыточное употребленіе, но и трудъ цѣлыхъ десятковъ лѣтъ уничтожался иногда сразу военными опустошеніями и приходилось снова тратить силы на то, чтобы чрезъ новые десятки лѣтъ придти къ тому благосостоянію, съ котораго спихнула война. Это трудъ Сизифа.

Устранить бѣдность люди не имѣли до сихъ поръ возможности. Для этого требовались такія условія, какими люди не владѣютъ. У каждаго возраста свои умственныя силы и разумѣется человѣчество, какъ и отдѣльный человѣкъ не въ состояніи сдѣлать того, на что у него недостаетъ силъ. А между тѣмъ бѣдность и нищета цѣлыхъ массъ такой крупный фактъ, и положеніе государства, въ которомъ бѣдность достигаетъ большихъ размѣровъ, обнаруживаетъ такое вліяніе на ходъ всѣхъ общественныхъ дѣлъ, что всегда и вездѣ старались искоренить бѣдность.

Римъ дѣйствовалъ въ этихъ случаяхъ такимъ образомъ. Тамъ нищета и бѣдность были учрежденіемъ государственнымъ и потому число нищихъ не доходило нигдѣ до такого размѣра, какъ въ Римѣ. Не считая милліоновъ рабовъ, матеріальное положеніе которыхъ равнялось самому крайнему минимуму, до котораго только можно довести человѣка, у римлянъ были цѣлыя сотни тысячъ бѣдняковъ и нищихъ, утратившихъ всю самостоятельность вслѣдствіе

права, предоставленнаго гражданину жить трудомъ раба. Кліенты и пролетаріи были тѣ нищіе, которые не могли существовать безъ частной и государственной благотворительности. Но не всѣмъ изъ нихъ доставались порціи, раздававшіяся богачами и правительствомъ; а потому люди, лишенные средствъ существованія, не только нищенствовали въ нынѣшнемъ смыслѣ, но и дѣлали изъ нищенства ремесло. Такъ римлянамъ было извѣстно искусство трогать сердца благотворительныхъ людей намѣреннымъ себя — уродованіемъ и калѣченіемъ; они умѣли стоять у храмовъ и протягивать руки проходящимъ.

Римляне понимали хорошо, что нельзя оставить голодать страшную массу пролетаріевъ; что этотъ народъ можетъ надѣлать большихъ непріятностей не только лично сенаторамъ, но и повредить общественному порядку. Поэтому боязнь была главной причиной, почему большинство такъ сочувствовало бѣднымъ и почему не только кормили ихъ, но даже старались развлекать разными зрѣлищами и увеселеніями. Кромѣ этой, существовала благотворительность безкорыстная, когда раздавалась бѣднымъ помощь единственно по сочувствію. Самый замѣчательный примѣръ подобной благотворительности представляютъ императоры Титъ и Антонинъ.

При всей громкой славѣ, созданной Титу и Антонину ихъ благотворительностью, въ сущности она была вовсе не тѣмъ, чѣмъ она можетъ казаться при поверхностномъ на нее взглядѣ. Та благотворительность, въ которой нуждались всегда люди неимущіе, бѣдные и нищіе заключается въ томъ, чтобы поставить ихъ въ условія самостоятельнаго существованія. А этого не дѣлали ни Титъ, ни Антонинъ. Они просто помогали бѣднымъ натурой и деньгами, и считали великимъ счастіемъ, когда могли утолить голодъ несчастнаго на нѣсколько часовъ, или прикрыть на мѣсяцъ его наготу. Нѣсколько часовъ прошли, мѣсяцъ кончался и бѣдный опять нуждался въ хлѣбѣ и одеждѣ. Такая система благотворительности была неразлучна со всѣми понятіями древняго міра. У него были или рабы или граждане, патроны или кліенты, т. е. слабые и сильные, покровители и покровительствуемые. Этимъ основнымъ принципомъ всѣ отношенія людей распадались только на силу, которая или покровительствовала или притѣсняла, и на безсиліе, которому покровительствовали, или которое угнетали. Весь бытъ древняго міра построенъ на этомъ коренномъ различіи людей, и все римское законодательство въ своемъ развитіи не знало иного основанія. При такомъ пониманіи общественныхъ отношеній благотворительность выражалась или въ чувствительной формѣ вспомоществованія несчастному, или въ формѣ покровительства. Ни Титъ, ни Антонинъ не выходили, не могли, да и не думали выходить изъ этого, узаконеннаго всѣмъ бытомъ и всею жизнью Рима, взгляда на помощь бѣдному. Для нихъ благотворительность была случаемъ высказать свою нѣжность и великодушіе, и въ то же время обязать благодарностью облагодѣтельствованнаго человѣка. Сердечная нѣжность, непозволявшая имъ видѣть въ бѣдности и нищетѣ явленія болѣе серьезныя, чѣмъ простой случай для мгновенной чувствительности и скоропроходящей помощи, сдѣлала для нихъ изъ благотворительности просто пріятное препровожденіе времени. Но и въ древнемъ мірѣ были

люди, понимавшіе ошибочность подобной благотворительности. Сенека хотѣлъ, чтобы вмѣсто слезливой чувствительности, поражавшейся видомъ нищеты, хладнокровно разбирали причины бѣдности и, въ случаѣ бѣдности отъ несчастія, помогали бы стоически, безъ слабости. Этотъ взглядъ, болѣе жестокій, имѣлъ на своей сторонѣ то практическое достоинство, что предупреждалъ намѣренное нищенство, какъ промыселъ. Но и этотъ взглядъ былъ взглядъ римскаго права, старавшійся облечь благотворителя вмѣсто нѣжной чувствительности въ форму спокойнаго и суроваго достоинства и сознанія своей силы. Люди древняго міра, даже самые передовые, какъ Платонъ и Аристотель, не понимали иного порядка и иныхъ общественныхъ отношеній, кромѣ рабства и баретва, покровительства и подчиненности. Отъ этого у Рима не могло найдтись никогда силъ и средствъ справиться съ своимъ нищенствомъ и помочь ему средствами прочными. Римляне не понимали, откуда является нищета; а не понимая причины, они разумѣется не могли найдти и средствъ для ея устраненія. Поэтому, при совершенной невозможности измѣнить общественныя отношенія, римлянамъ оставался только одинъ способъ устройства положенія своихъ бѣдныхъ — благотворительность, т. е. вмѣсто того, чтобы уничтожить бѣдность, ее плодили.

Не найдя разрѣшенія въ благотворительности и видя, что благотворительность не только не уменьшаетъ, а напротивъ, увеличиваетъ нищенство, Римъ обратился къ мѣрамъ репрессивнымъ. Это было сознаніемъ безсилія разрѣшить вопросъ инымъ способомъ. Граціанъ, Валентинъ, Феодосій издали законы противъ нищенства и бродяжничества. Теперь нищимъ оставалось выбирать между пріятностью легкаго и выгоднаго нищенскаго труда, гдѣ человѣкъ получаетъ отъ чувствительныхъ людей плату за то, что онъ ходитъ и протягиваетъ руку, и непріятностью принадлежать, въ видѣ крѣпостнаго, тому, кто на него донесъ.

Мѣра эта могла быть дѣйствительной только въ примѣненіи къ тѣмъ сильнымъ и здоровымъ людямъ, для которыхъ нищенство было болѣе выгоднымъ занятіемъ, чѣмъ земледѣльческій трудъ, или какое-нибудь ремесло. Но даже и противъ нихъ законы императоровъ были несправедливы. Въ томъ, что благотворительность привела къ другимъ результатамъ, чѣмъ какихъ ожидали отъ нея, нельзя было винить нищихъ. Но нищій создалъ себѣ среду, въ которой онъ дѣйствовалъ: не нищій создалъ себѣ обстоятельства, которыя заставили его нищенствовать; напротивъ, нищій былъ самъ результатомъ тѣхъ условій, которыя должны были создать изъ него непремѣнно нищаго, а не что-нибудь другое. Если бы всѣ обстоятельства жизни нищаго были иного свойства, онъ могъ быть точно такъ же бы всадникомъ, патриціемъ, или воиномъ. Но онъ не вышелъ ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ, потому что могъ только выдти нищимъ. Поэтому, постановленія Граціана, Валентина и Феодосія, направленныя противъ слѣдствія, а не противъ причины зла, которое для нихъ было непонятно, не могли привести къ полезнымъ результатамъ. Нищенство осталось по прежнему нищенствомъ и число бѣдныхъ людей не уменьшилось.

Но еще безплодиѣе была подобная мѣра относительно тѣхъ, кого застав-

ляли нищенствовать болѣзни и немощность. Если здороваго и сильнаго человѣка, избравшаго себѣ нищенство, какъ занятіе болѣе пріятное и выгодное, нельзя обвинить въ томъ, зачѣмъ онъ проситъ милостыню вмѣсто того, чтобы рубить дрова, то еще болѣе несправедлива такая мѣра относительно людей совершенно безсильныхъ. Разумѣется, ни одинъ нищій, котораго преслѣдовалъ Римъ, не понималъ, за что его преслѣдуютъ; нищій занимался своимъ дѣломъ точно такъ же, какъ занимался своимъ пролетарій, кліентъ и даже воинъ. Каждый изъ нихъ дѣйствовалъ по своимъ средствамъ и способностямъ, и каждый сортъ такихъ людей долженъ былъ существовать. Римъ безъ нищихъ, безъ рабства, безъ пролетаріевъ-гражданъ и безъ своей воинственности, пересталъ бы быть Римомъ.

Въ огромный промежутокъ времени, раздѣляющій Римъ отъ новой Европы, случилось, повидимому, много перемѣнъ. Но со всѣми этими перемѣнами человѣчество не ушло слишкомъ далеко. Во все это время Европа вела только войны подъ различными предлогами; но никогда не принималась серьёзно за устройство своего экономическаго быта.

Сами историки, дѣлившіе исторію на періоды: древній, средній и новый, поняв, что съ послѣднимъ развитіемъ наукъ явились знанія, не похожія на то, что знало до сихъ поръ человѣчество, и что знанія эти должны привести къ какимъ-то инымъ, небывалымъ результатамъ, придумали названіе «новѣйшаго». Ясно, что это время какое-то особенное, болѣе чѣмъ новое. Историки вѣрно опредѣляли переходное значеніе «новѣйшей» эпохи; они ошиблись только въ счетѣ періодовъ.

Такое заключеніе есть выводъ изъ всей прошедшей исторіи Европы. Въ Римѣ было нищенство и пауперизмъ, и противъ нихъ дѣйствовали благотворительностью и наказаніями; въ нынѣшней Европѣ тоже нищенство и пауперизмъ, и противъ нихъ дѣйствуютъ благотворительностью и наказаніями. Въ чемъ же существенная разница новаго и древняго міра? Разница только въ томъ, что Европа сдѣлала опыты болѣе многосторонняго развитія этихъ мѣръ, а въ Римѣ, гдѣ нищій и бѣднякъ легко превращался въ раба, въ этомъ не было необходимости.

Вотъ мѣры Европы. Для краткости возьмемъ одно государство—Францію. Во всѣхъ остальныхъ дѣйствовалъ тотъ же принципъ, являлись тѣ же мѣры, только съ нѣкоторыми, самыми незамѣтными измѣненіями, вслѣдствіе мѣстныхъ условій.

Передъ Людовикомъ XIV современные путешественники, говоря о бѣдности, замѣчаютъ, что крестьяне пьютъ воду, ѣдятъ картофель, приготовляютъ себѣ изъ ржи хлѣбъ совсѣмъ черный и даже не знаютъ, что значитъ говядина. Военные постои и грабительства всякихъ сборщиковъ податей отнимаютъ отъ народа послѣднее.

Въ великій вѣкъ Людовика XIV десятая часть населенія Франціи, по словамъ Вобана, были нищіе; народонаселеніе уменьшилось страшно отъ войны, болѣзней и бѣдности, а уцѣлѣвшее умирало въ большомъ числѣ съ голоду, или обращалось въ нищихъ.

То же самое было при Людовикахъ XV и XVI. Постоянныя войны, непомѣрный расходъ на придворную роскошь, большіе налоги и подати истощили совсѣмъ народъ. Въ 1772 г. средняя продолжительность жизни составляла для Франціи 24 года, до такой степени нищета сократила жизнь народа.

Противъ постоянной бѣдности, не уменьшенной ни христіанствомъ, ни монастырями, ни частной благотворительностью, приняло наконецъ мѣры правительство. Людовикъ XIV, во время котораго было въ Парижѣ болѣе 40,000 нищихъ, думалъ, что зло это при всей своей громадности все-таки не такого размѣра, чтобы нельзя было его побороть. Онъ остановился на той мысли, что если всѣхъ немощныхъ стариковъ, больныхъ, дѣтей, подчинить однородной администраціи и дать имъ то, въ чемъ они нуждаются, а людей способныхъ трудиться, но нуждающихся въ благотворительности, помѣстить въ мастерскія и раздать имъ работу по силамъ и спеціальности, то бѣдность исчезнетъ. Съ этой цѣлью Людовикъ издалъ въ 1656 г. эдиктъ, которымъ учрежденія Генриха IV и Людовика XIII соединяетъ въ одно общее учрежденіе подъ высшимъ протекторствомъ самого короля. Вмѣстѣ съ тѣмъ было запрещено подавать нищимъ милостыню на улицахъ и вообще въ публичныхъ мѣстахъ, подъ штрафомъ 4 ливровъ. Домохозяевамъ и жильцамъ запрещено помѣщать у себя нищихъ подъ штрафомъ 100 ливровъ за первый разъ и 300 ливровъ за второй.

Тотчасъ же послѣ этого повелѣнія громадная масса нищихъ и бродягъ, наполнявшихъ улицы Парижа въ числѣ отъ 35 до 36,000 исчезла, и въ пріюты и мастерскія явилось около 5,000 человѣкъ.

Успѣхъ казался поразительнымъ. Между тѣмъ, напуганные нищіе, убѣжавъ изъ Парижа, разбрелись сначала по провинціямъ, а когда первый страхъ прошелъ, снова явились въ Парижъ. Бродяги и нищіе по прежнему стали ходить цѣлыми толпами, занимаясь воровствомъ, грабежемъ и даже усійствами. Тогда явился цѣлый рядъ новыхъ постановленій (въ 1662, 85, 99, 1700 гг.), которыми повелѣвалось всѣмъ бродягамъ и нищимъ отправиться на свою родину, заниматься честнымъ трудомъ, не жить по большимъ дорогамъ, не собираться толпами, не просить милостыни. Неисполнителямъ грозили тюремнымъ заключеніемъ, розгами и плетьми. А тѣ, кто помогалъ нищимъ, подвергались штрафу въ 50 ливровъ.

Не смотря на все это нищенство росло. Ни въ рабочихъ домахъ, ни въ пріютахъ не было мѣста. Дать всѣмъ работу оказывалось невозможнымъ, и не смотря на то, что всѣ рабочіе дома, пріюты, госпитали, тюрьмы и галеры были наполнены нищими, въ одинъ годъ ихъ насчитали болѣе 50,000.

Людовикъ XIV не разрѣшилъ задачи и причина была простая. Онъ повторилъ то, что дѣлалъ и Римъ, съ тою только разницей, что въ древнемъ мірѣ пролетаріи жили на своихъ квартирахъ и получали отъ правительства только муку, а въ послѣдствіи булки, масло; Людовикъ же, въ дополненіе къ казенному содержанію далъ всѣмъ бродягамъ еще казенное помѣщеніе.

Централизаціей всего дѣла въ своихъ рукахъ Людовикъ только прибавилъ себѣ работы, нисколько не убавивъ нищенства и не сдѣлавъ бѣдныхъ богатыми.

Въ томъ же духѣ дѣйствовалъ и Людовикъ XV. Нищимъ и бродягамъ велѣно было являться въ ближайшіе рабочіе дома. Нищихъ сгоняли на разныя общественныя работы, преимущественно для устройства путей сообщенія. Каждую недѣлю производилась рабочимъ плата. Тѣ, кто уходилъ съ работы и изъ рабочихъ домовъ безъ разрѣшенія, и вновь бродяжничалъ и нищенствовалъ, отсылались на галеры. На такое содержаніе нищихъ было истрачено 6 милліоновъ въ три года; а распущенные затѣмъ нищіе снова наполнили улицы городовъ и большія дороги.

При Людовикѣ XVI придумали систему тѣлеснаго наказанія замѣнить обязательной работой. Это были настоящіе рабочіе дома. Въ теченіе 22 лѣтъ (съ 1778 — 1790) ихъ было устроено 33. Каждый годъ содержанія 6,650 бѣдныхъ стоилъ 1,350,000 ливровъ. Заключенные производили въ годъ работы на 90,000 ливровъ, или каждый на 13 ливровъ. Во все время было помѣщено въ домахъ 230,000 бѣдныхъ и умерло изъ нихъ 46,000. Такимъ образомъ общій расходъ на заведенія составилъ 29,700,000 ливровъ; заработокъ—1,980,000 ливровъ и смертность $^1/_5$ всего числа заключенныхъ. Вотъ и весь результатъ; бѣдность не убавилась, число нищихъ тоже.

Наконецъ наступило время Наполеона I. Военный геній думалъ разрѣшить вопросъ тѣмъ же путемъ, какимъ онъ разрѣшалъ и всѣ государственные вопросы. Въ своемъ торжественномъ земномъ шествіи онъ въ этомъ дѣлѣ хотѣлъ оставить свой слѣдъ. Но Наполеонъ исчезъ, а нищенство и бѣдность остались.

Наполеономъ были высказаны такія основанія:

Общество обязано помогать только тѣмъ, кто «силой обстоятельствъ» находился внѣ возможности удовлетворить своимъ первымъ потребностямъ.

Оказывать помощь во всѣхъ прочихъ случаяхъ—значитъ создавать нищенство, лѣность, плодить порокъ.

Опредѣлить качество нужды—составляетъ первую заботу управленія благотворительныхъ заведеній.

Три состоянія пользуются общественной помощью: бѣдность, болѣзнь, безпомощность.

Къ первой категоріи принадлежатъ лица, живущія своимъ трудомъ и временно лишившіяся работы, и семейства, у которыхъ непредвидѣнное несчастіе отняло средства къ существованію. Лица этого рода имѣютъ право получать помощь на дому.

Вторую категорію составляютъ тѣ, кто одержимъ болѣзнью временно и которымъ состояніе не позволяетъ имѣть необходимую помощь и нужныя лекарства. Для такихъ людей открыты госпитали.

Къ третьей категоріи принадлежатъ несчастные, покинутые или лишенные всякой поддержки въ обществѣ, или кого лѣта или неизлечимая болѣзнь лишила возможности жить своимъ трудомъ. Сюда принадлежали найденыши и старики, семейства которыхъ не въ состояніи держать ихъ у себя въ послѣдніе ихъ годы. Для этихъ существуютъ богадѣльни.

Есть еще классъ несчастныхъ, о нуждахъ которыхъ необходимо позабо-

титься—это лица нищенствующія и неимѣющія никакихъ средствъ существованія. Для нихъ должны быть устроены въ каждомъ департаментѣ рабочіе дома.

Въ разное время, сначала и до самаго конца царствованія Наполеона, былъ заведенъ цѣлый рядъ разныхъ благотворительныхъ учрежденій и заведеній. Тутъ были и даровыя консультаціи, и сборы съ припасовъ, и банки для закладовъ, и налогъ на увеселенія и т. д.

Все это кончилось тѣмъ же, чѣмъ и у Людовика XIV; ни рабочіе дома, ни тюрьмы, ни исправительныя заведенія не дѣлали бѣдность менѣе бѣдной.

Всѣ эти мѣры принимались противъ тѣхъ, кто уже ходилъ, кто могъ работать, кому было не менѣе 20 лѣтъ. Но не вдругъ же сдѣлался человѣкъ нищимъ; не какимъ нибудь вдохновеніемъ или наитіемъ человѣкъ, внезапно облачившись въ рубище и взявъ суму, вышелъ на большую дорогу, и протянулъ руку за подаяніемъ. Человѣкъ былъ нищимъ и до этого времени; онъ родился нищимъ; онъ воспитался нищимъ; всѣ понятія его, все его міросозерцаніе сложилось въ обществѣ нищихъ; а въ 20 лѣтъ онъ только выступилъ на поприще своей дѣятельности, какъ членъ извѣстнаго сословія, какъ необходимая составная часть той страны, которая создала его.

Видѣть въ нищемъ случайное явленіе, которое можно уничтожить, продержавъ нищаго годъ, два, три въ рабочемъ домѣ, или въ какомъ-нибудь исправительномъ заведеніи, ошибочно. Чтобы нищій пересталъ быть нищимъ, нужно не только устроить для него возможность трудиться, но и измѣнить все его міровоззрѣніе. Продержавъ здороваго батрака 2, 3 года въ исправительномъ заведеніи, не достигнешь ни того, ни другаго. Исправительныя заведенія не только безсильны въ этомъ отношеніи по своей организаціи, но они безсильны еще и по существу, потому что въ 3 года нельзя пересоздать организмъ 30-ти лѣтняго человѣка. Вотъ почему люди, побывавшіе въ подобныхъ заведеніяхъ, выходили оттуда худшими, чѣмъ поступили. Это было замѣчено во Франціи нѣсколько разъ и нѣсколько разъ заявлено правительству.

Не съ той минуты создались во Франціи бѣдность и нищета, когда вступилъ на престолъ Наполеонъ I. Онѣ жили и росли раньше его, а потому не двумя, тремя или даже десятью декретами можно было ихъ уничтожить. Отнимая отъ страны лучшія ея рабочія руки, въ видѣ 3,000,000 рекрутъ, опустошая страну поборами на военные расходы и лишая ее, всей системой управленія, милльярдовъ, Наполеонъ въ замѣнъ того, постройкой 37 рабочихъ домовъ и нѣсколькими милліонами франковъ, думалъ вознаградить ее за эти потери. Если бы онъ возвратилъ ей все то, что взялъ отъ нея, т. е. вмѣсто милльярдовъ — милльярды, разумѣется, ему не пришлось бы строить рабочихъ домовъ и заботиться объ уничтоженіи нищенства. Именно этого-то опыта и не сдѣлалъ Наполеонъ. Напротивъ, онъ не уничтожалъ, а увеличивалъ бѣдность, и, отнявъ отъ страны 3,000,000 сильныхъ, здоровыхъ людей, онъ этимъ создалъ милліоны бѣдныхъ. На 6 человѣкъ бѣдныхъ Парижа считалось: 1 мужчина, 2 женщины, 3 ребенка. Большая часть семействъ, обремененныхъ дѣтьми, содержались женщинами. Отчего женщины и дѣти? Гдѣ

же мужчины? Если отъ каждаго мужчины, уведеннаго Наполеономъ на войну, могло зависѣть существованіе только одного человѣка, ужь этимъ однимъ онъ создалъ 3,000,000 бѣдныхъ. А сколько осталось женщинъ съ дѣтьми, отъ которыхъ конскрипція отняла ихъ отцовъ? Потерявъ 3,000,000 людей на войнѣ, страна по меньшей мѣрѣ лишилась этимъ на 18,000,000,000 результатовъ труда, не считая капитала, какой представляли собой эти люди. Ясно, что 37 рабочихъ домовъ, въ которыхъ должны были помѣщаться 30,000 нищихъ, не могли вознаградить страну.

Іюльская монархія особенно старалась разрѣшить вопросъ о бѣдности. Были посланы ученые за границу, для изученія мѣръ вспомоществованія бѣднымъ; собирались во Франціи статистическія данныя о нуждающемся населеніи, собирались мнѣнія ученыхъ, литераторовъ, правительственныхъ лицъ о лучшихъ способахъ помощи, предупрежденія нищеты и мѣрахъ репрессивныхъ. Результатомъ всего этого явилось то, что создались нѣкоторыя новыя благотворительныя учрежденія, и правительство стало помогать большему числу бѣдныхъ и несчастныхъ всякаго сорта. Особенно развились, подъ разными названіями, заведенія для помощи бѣднымъ родильницамъ, для содержанія грудныхъ младенцевъ, младенцевъ только что отнятыхъ, пріюты, первоначальныя школы и т. д. Всѣ эти заведенія названы мѣрами предупредительными. Къ нимъ присоединились еще сберегательныя кассы, займы на честное слово, пенсіонныя кассы, кассы вспомогательныя, общество для выкупа несчастныхъ должниковъ, и т. д. Однимъ словомъ система благотворительности разрослась въ огромныхъ размѣрахъ. Для каждаго особаго вида бѣдности, создалось спеціальное заведеніе, или общество вспомоществованія.

Результаты, къ которымъ пришла наконецъ Франція послѣ нѣсколькихъ вѣковъ борьбы противъ бѣдности, слѣдующіе:

Франціи недостаетъ ежегодно около 2 милльоновъ гектолитровъ хлѣба (почти милльонъ четвертей), которые она покупаетъ изъ заграницы, и нѣсколько болѣе седьмой части всей площади страны (8,000,000 гект.) лежитъ невозлѣланною. Одинъ гектаръ производитъ во Франціи отъ 12 — 14 гектолитровъ хлѣба (отъ 6 — 7 четвер. на дес.), тогда какъ Англія 25 гектолитровъ.

По словамъ Пьера Леру число нищихъ составляетъ около 4.000,000 человѣкъ.

Болѣе 800,000 человѣкъ получаютъ помощь отъ благотворительныхъ обществъ и учрежденій на дому. Среднимъ числомъ на каждаго бѣднаго приходится въ день 1 копѣйка. Сумма, разумѣется, недостаточная для существованія.

Число найденышей моложе 12 лѣтъ составляетъ въ годъ 123,500. Болѣе 100,000 матерей, лишенныхъ почти всѣхъ средствъ существованія, неполучаютъ никакой помощи.

Изъ 19,061,071 человѣкъ (53% всего населенія), живущихъ земледѣліемъ, только 7,825,577 или 41% мелкіе землевладѣльцы, остальные 59% поденьщики, пастухи, разныхъ сортовъ рабочіе, арендаторы и половники.

Болѣе милльона семействъ имѣютъ годичный доходъ менѣе 100 фр.; принимая въ семействѣ 4 человѣка, придется на каждаго въ годъ 6 руб. съ копѣйками.

Почти 5 милльоновъ человѣкъ составляетъ массу промышленнаго пролетаріата, и кромѣ того 906,000 человѣкъ прислуги.

Болѣе милльона людей не имѣютъ опредѣленныхъ занятій, т. е. неизвѣстно чѣмъ существуютъ. Болѣе 40.000 человѣкъ живутъ исключительно воровствомъ. Сюда же нужно причислить и раитье: число ихъ неизвѣстно.

Около половины населенія Франціи имѣетъ пищу неудовлетворительную, въ гигіеническомъ отношеніи.

Отъ холода и голода умираетъ въ годъ около 300 человѣкъ. Сюда не входитъ тѣ, кто умираетъ медленной смертью, отъ постоянныхъ лишеній, нездоровыхъ помѣщеній, недостаточной одежды, и та страшная масса, которая умираетъ отъ недостатка пищи въ первомъ возрастѣ. Въ Лиллѣ изъ 21,000 дѣтей работныхъ умираетъ до 5 лѣтъ 20,700.

Изъ 27,000, умирающихъ ежегодно въ Парижѣ. 11,000 умираютъ въ госпиталяхъ и 7.000 погребаются даромъ. Значитъ 18,000 или 66% умирающаго населенія нищіе.

Болѣе полутора милльона получаютъ вспомоществованія отъ благотворительныхъ заведеній и учрежденій, и такая же масса народу пользуется частной благотворительностью.

По вычисленію Дежабера каждый французскій солдатъ въ теченіе своей службы получитъ въ видѣ жалованья и всего содержанія на 2,000 фр. менѣе противъ того, что бы онъ могъ заработать не находясь на службѣ. Такимъ образомъ всѣ 7,700,000 человѣкъ, перебывавшіе въ военной службѣ въ нынѣшнемъ столѣтіи, а слѣдовательно и вся Франція, —лишились 15,400,000,000 франковъ: а ежегодная потеря страны составляетъ 200,000,000 франковъ.

Въ числѣ 270,896 брачныхъ договоровъ, заключенныхъ въ 1854 году, 83,905 мужчинъ и 126,117 невѣстъ не умѣли подписать своей фамиліи.

По свѣденіямъ уголовной статистики. за послѣдніе 30 лѣтъ, оказывается. что хотя число обвиненныхъ въ преступленіяхъ противъ собственности и увеличивается ежегодно, но въ отношеніи къ возрастающей массѣ населенія остается постоянно въ пропорціи 1: 5,000 жителей.

Этой одной цифры даже достаточно, чтобы убѣдиться, что мѣры, принятыя противъ бѣдности, не уменьшали ее нисколько. Постоянное отношеніе этого рода преступленій къ числу жителей, выражающееся съ силой постояннаго закона, доказываетъ, что причины, создающія бѣдность и приводящія къ преступленіямъ противъ собственности, дѣйствуютъ съ одинаковой силой, и приводятъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Очевидно, что мѣры благотворительности не въ состояніи создать матеріальнаго благосостоянія, и вылечить страну отъ нищеты.

Когда Наполеонъ III былъ еще принцемъ, то составилъ очень подробный проектъ объ уменьшеніи земледѣльческаго пролетаріата, поселеніемъ крестьянъ на необработанныхъ земляхъ. Сдѣлавшись императоромъ, Наполеонъ на-

шель этотъ проектъ вѣроятно неудобнымъ для осуществленія. Для вспомоществованія же рабочимъ пролетаріямъ предприняты въ Парижѣ многообразныя и обширныя постройки. Этимъ средствомъ отвлеклось много рукъ изъ провинціи, и явился въ Парижѣ усиленный наплывъ рабочихъ.

А между тѣмъ въ 1855 году израсходовано французскимъ правительствомъ: на народныя школы 6 м.; на сухопутныя и морскія силы 463 м., и на уплату государственнаго долга 560 м. франковъ.

Наконецъ, императоръ задумалъ устроить въ Парижѣ бои быковъ, и все нужное для этого выписываетъ изъ Испаніи, вѣроятно для большаго уподобленія Франціи древнему Риму.

Достигнувъ такихъ результатовъ, Франція, разумѣется, вправѣ считать бѣдность огромной язвой. Но Франція безсильна предъ двумя главными факторами ея. Какимъ образомъ сдѣлаетъ Франція, чтобы при настоящемъ уровнѣ понятій большинства исчезла бы вдругъ война? Можно знать очень хорошо всѣ убытки, причиняемые войной. Можно разсчитывать сумму потери извѣстнаго періода времени на военные расходы. Можно сообразить, сколько бы на эти деньги создалось школъ, построилось желѣзныхъ дорогъ и другихъ полезныхъ вещей. Можно съ неохотой идти въ военную службу. Все это, разумѣется, можно. Но что же изъ этого? И какъ, зная все это, устроить въ дѣйствительности школы, желѣзныя дороги? Какъ, не желая идти— дѣйствительно не идти? солдаты бѣгаютъ, но убѣжавшаго поймаютъ и приведутъ снова; земледѣлецъ погорюетъ, поплачетъ, а потомъ перестанетъ, и съ новой энергіей принимается за свою опустошенную пашню.

Такъ же точно можно чувствовать и экономическую неравноправность; можно знать, что рабочая плата мала, потому что ее недостаетъ даже на необходимое; можно знать, что отъ лишеній всякаго рода и отъ тяжелаго труда сокращается жизнь, и все-таки идти за этой ничтожной платой, потому что лишенія и нужда все-таки лучше голодной смерти. Шеффильдскіе шлифовальщики очень хорошо знаютъ, что ихъ ждетъ чахотка, и все-таки идутъ въ шлифовальщики.

Что сдѣлаютъ отдѣльныя личности, знающія все это? И солдатъ знаетъ, что его могутъ убить при первой перестрѣлкѣ, и идетъ не только въ перестрѣлку, но и на самый жестокій приступъ. Всѣ идутъ, — нельзя иначе; вотъ отвѣтъ.

И каждый нищій проситъ потому, что нельзя иначе; и каждый благотворитель несетъ свой грошъ въ кружку, потому что нельзя иначе; и, сравнивая наше время съ римскимъ, видишь, что и Римъ, и наше время повторяютъ одно и тоже, потому что нельзя иначе. И стихійная сила незнанія увлекаетъ людей на дѣла для нихъ невыгодныя, потому что нельзя иначе. Люди должны бы уже понять, что благотворительность и наказаніе не исцѣляютъ бѣдности, а между тѣмъ по прежнему даютъ нищимъ милостыню и наказываютъ ихъ, потому что нельзя иначе.

Каждый человѣкъ, стоящій выше уровня грубаго невѣжества, легко видитъ, чего недостаетъ европейскому обществу для его благосостоянія; каждый

разсчитываетъ дожить и дождаться лучшаго. Но можно жить и не дожить; можно ждать и не дождаться. Каждый нуждающійся живетъ надеждой, и ни одинъ бѣднякъ, ни одинъ нищій не думаетъ, что онъ умретъ съ голоду на большой дорогѣ. Въ этомъ ожиданіи лучшаго и стремленіи къ нему заключается сущность современной человѣческой жизни. И не смотря на то, факты жизни говорятъ, что и въ лѣсу деревья гибнутъ, не добившись до воздуха и свѣта; гибнутъ и отдѣльные люди отъ нужды, бѣдности, и разныхъ страданій и угнетеній; и такой порядокъ тянется безпрерывно болѣе 2500 лѣтъ.

Какой же выходъ изъ этого? Какъ устроить порядокъ болѣе выгодный?

IV.

Заключеніе.

Человѣкъ всегда хотѣлъ знать; онъ хотѣлъ понять и себя, и окружающую его природу, но не зналъ, какъ это сдѣлать, и вотъ гипотеза — замѣнила ему истину. Когда человѣкъ не имѣлъ почти никакого понятія о мірозданіи, объ отношеніи земли къ другимъ видимымъ имъ планетамъ, онъ вообразилъ, что небо есть сводъ въ родѣ купола, что земля стоитъ на четырехъ китахъ, что солнце вертится вокругъ земли. Не умѣя объяснить отправленій своего организма, человѣкъ думалъ, что въ тѣлѣ сидятъ духи, и каждый управляетъ своею частью, какъ столоначальникъ писцами своего стола. Не зная причинъ болѣзней, люди придумали противъ нихъ заговоры и заклинанія, а Курильцы и до сихъ поръ лечатъ своихъ опасно больныхъ тѣмъ, что тычатъ ихъ ножомъ куда попало, чтобы выпустить духа, причиняющаго страданіе. Первыя грубыя гипотезы смѣнились потомъ другими, хотя и болѣе утонченными, но, какъ и прежнія, далекими отъ истины. Желая объяснить себѣ причины зрѣнія и впечатлѣніе, производимое зрѣніемъ на душу, древніе философы придумали, что отъ внѣшнихъ предметовъ отдѣляются ихъ утонченныя изображенія, или что душа познаетъ внѣшніе предметы посредствомъ идей, составляющихъ точныя копіи самыхъ предметовъ. Наконецъ, не зная что такое жизнь, люди придумали жизненное начало и жизненную единицу, управляющую всѣмъ.

Пока не существовало точныхъ знаній, подобнымъ гипотезамъ приходилось вѣрить, потому что нечѣмъ было ихъ замѣнить. Гипотеза представляетъ для человѣка дѣйствительно много успокоительнаго; она предшествуетъ знанію, она замѣняетъ его, но она еще не истина, и дѣйствительнымъ знаніемъ останется только то, что можетъ быть доказано. Не слѣдуетъ забывать, что гипотеза есть одна изъ формъ человѣческаго незнанія. Гипотеза придумывается потому, чтобы успокоить себя и имѣть хотя какой-нибудь отвѣтъ на вопросъ, вмѣсто слишкомъ короткаго, а потому для многихъ неудовлетворительнаго «не знаю». Время безусловной вѣры въ гипотезы кончилась съ тѣхъ

поръ, когда начало развиваться естествознаніе; когда методъ, употребляемый въ естественныхъ наукахъ, сталъ прилагаться и къ другимъ наукамъ. Съ этихъ поръ значеніе гипотезы стало вполнѣ ясно для всѣхъ умовъ положительнаго свойства, и только люди съ метафизическими наклонностями сохранили еще прежнее уваженіе къ гипотезамъ, удовлетворяясь ими какъ истинами, и не видя за прозрачной ихъ достовѣрностію худо замаскированнаго незнанія.

Особенно слабое вниманіе обращалось до сихъ поръ на физіологическія отправленія человѣка, и этого рода незнаніемъ объясняется большая часть житейскихъ и историческихъ заблужденій и ошибокъ. Мы чувствуемъ и мыслимъ, потому что въ насъ есть нервы съ своей нервностью. Вездѣ, гдѣ нервъ возбуждаетъ нервный узелъ, является чувствительность. Хотя во всѣхъ этихъ случаяхъ совершается и одинъ физіологическій процессъ, но вслѣдствіе разнаго положенія нервовъ являются разныя ощущенія. Сумма всѣхъ ощущеній жизненнаго организма человѣка есть жизнь отдѣльнаго человѣка, точно такъ же, какъ совокупность всѣхъ впечатлѣній всего чувствующаго организма есть душа человѣка.

Факты говорятъ, что степень воспріимчивости нервовъ и чувствительность нервныхъ центровъ весьма различны въ разныхъ людяхъ. Извѣстно, что ощущенія однихъ людей тоньше, другихъ менѣе тонки; нервы однихъ людей воспринимаютъ такія впечатлѣнія, какія для другихъ людей вовсе незамѣтны. Музыкальное ухо въ сочетаніи музыкальныхъ звуковъ находитъ гармонію и создаетъ впечатлѣніе, какого не создаютъ нервы человѣка, лишеннаго музыкальныхъ способностей. Есть люди, которые не слышатъ крика летучей мыши, потому что онъ слишкомъ высокъ. Есть люди, для которыхъ не существуетъ вовсе запаха; для однихъ запахъ розы пріятенъ, на другихъ онъ производитъ сильное ощущеніе и даже головную боль. У многихъ слѣпыхъ обоняніе развито до того, что при помощи его они узнаютъ людей Самый повседневный примѣръ чувствительности человѣка представляетъ плачъ или разговоръ ребенка. Изъ ста плачущихъ въ одно время дѣтей мать различаетъ голосъ своего ребенка, какъ капельмейстеръ въ громѣ оркестра слышитъ ошибку второй скрыпки, ошибку незамѣтную для постороняго слушателя. Лепетъ и разговоръ своего ребенка производитъ въ высшей степени пріятное ощущеніе въ его родителяхъ, и въ то же время на постороняго человѣка можетъ производить впечатлѣніе непріятное. Самый грубый и даже дикій человѣкъ понимаетъ плачъ своего ребенка и радуется его ласкѣ, и въ то же время совершенно равнодушенъ къ самымъ утонченнымъ музыкальнымъ гармоніямъ.

Воспринимая неодинаково впечатлѣнія, нервы и передаютъ ихъ неодинаково нервнымъ центрамъ, а отъ этого происходитъ разная чувствительность организмовъ, такъ что внѣшнія вліянія одного качества производятъ на разныхъ людей разныя впечатлѣнія и порождаютъ въ нихъ неодинаковыя мысли. Эта воспріимчивость нервовъ и нервныхъ центровъ до того неодинакова въ разныхъ людяхъ, что производитъ то безчисленное разнообразіе въ степе-

ніяхъ развитія, какія представляетъ человѣчество, начиная отъ полудикаго остяка или самоѣда и до европейца утонченной цивилизаціи.

Причина этого разнообразія лежитъ наполовину во внѣшней средѣ, въ которой живетъ организмъ. Вліяніе внѣшней среды замѣтнѣе всего на растеніяхъ. Богатая тропическая флора, по мѣрѣ измѣненія климатическихъ условій, становится все бѣднѣе и бѣднѣе, и на вершинахъ горъ, и на дальнемъ сѣверѣ кончается скудными линіями. То, что ростетъ у подножія горъ и въ долинахъ, не можетъ расти по мѣрѣ возвышенія на горы, и береза обыкновенная, составляющая огромные лѣса на сѣверѣ Россіи, въ сибирскихъ тундрахъ превращается уже въ березовый ерникъ. Въ животныхъ простое пониженіе температуры замедляетъ, или даже пріостанавливаетъ, органическіе процессы, и всѣ животныя зимней спячки впадаютъ въ оцѣпенѣніе съ наступленіемъ холода. Каждый имѣлъ возможность испытать на себѣ непріятное впечатлѣніе холода и замѣтить, какое вліяніе обнаруживаетъ на организмъ холодная мѣстность съ наступленіемъ морозовъ. Человѣкъ чувствуетъ какую-то придавленность, способности его слабѣютъ, онъ оставляетъ неохотно комнату и всѣ органическіе процессы совершаются въ немъ медленнѣе.

Физіологія человѣка еще не на столько богата фактами, чтобы обнаружить всѣ разнообразныя впечатлѣнія, производимыя на его первую систему разнообразными вліяніями внѣшней природы. Но физіологія достаточно богата фактами для того, чтобы сказать, что жизнь человѣка вполнѣ зависитъ и вполнѣ опредѣляется необходимыми условіями самаго организма и взаимными отношеніями его къ внѣшней средѣ.

При всей новости наблюденій подобнаго рода надъ отдѣльными человѣческими организмами, вѣрность этого вывода подкрѣплена и статистическими наблюденіями надъ обществомъ. Общество есть совокупность отдѣльныхъ организмовъ, это коллективный человѣкъ; потому понятно, что чѣмъ совершеннѣе каждая особь, тѣмъ въ совокупности онѣ представляютъ большую силу, больній капиталъ ума, талантовъ, знаній, и чѣмъ организмы особей слабѣе и бѣднѣе во всѣхъ отношеніяхъ, тѣмъ коллективный организмъ слабѣе. Вотъ почему одни человѣческія общества могутъ представлять въ своихъ дѣйствіяхъ образчики энергіи и силы, а другія только образчики разслабленія и вялости.

Статистическія наблюденія надъ цѣлымъ обществомъ или частями его важны потому, что представляютъ скученное наблюденіе, и служатъ подкрѣпленіемъ частныхъ физіологическихъ наблюденій. Коллективныя наблюденія указываютъ на общія явленія, а частная физіологія разъясняетъ частный органическій законъ особей. Это двѣ науки, связанныя весьма тѣсно. Что же говоритъ физіологія.

Физіологія говоритъ, что для существованія человѣка нужно извѣстное количество питательныхъ веществъ, что убыль организма должна постоянно пополняться, и если она не пополняется, то человѣкъ умираетъ голодной смертью. Слѣдовательно очевидно, что если въ обществѣ находятся особи, получающія менѣе питательныхъ веществъ, чѣмъ нужно для ихъ организма,

особи эти должны умереть съ голоду. Но этотъ отдѣльный физіологическій фактъ еще ничего не говоритъ о размѣрѣ вліянія лишеній на все общество, или его извѣстныя части, и тутъ является на помощь статистика, эта физіологія коллективнаго человѣка.

Факты, представляемые ею, подкрѣпляютъ законы физіологіи, представляя ихъ только въ иномъ размѣрѣ. Такимъ образомъ статистика говоритъ, что дороговизна хлѣба увеличиваетъ размѣръ смертности; въ Лондонѣ, въ 1802 году, при цѣнѣ пшеницы въ 58 шил., умерло 20,508 человѣкъ, а въ 1800 году, когда пшеница стоила 113 шил. умерло 25,670 человѣкъ. Подобный же результатъ оказался и при наблюденіяхъ въ другихъ мѣстахъ: въ Швеціи, Италіи, Франціи. Тѣ же статистическія наблюденія говорятъ, что бѣдность увеличиваетъ смертность, а благосостояніе увеличиваетъ долголѣтіе. По наблюденіямъ Каспера оказывается, что средняя жизнь достаточныхъ людей Берлина равняется 50 годамъ, а людей бѣдныхъ только 32 годамъ. И тотъ же фактъ повторяется вездѣ – вездѣ человѣкъ не въ состояніи переносить того, что не соотвѣтствуетъ его организму; вездѣ человѣкъ умираетъ отъ голоду, лишеній и трудовъ, когда они превышаютъ его силы.

Но еще болѣе поразительные факты представляютъ наблюденія надъ солдатами. Факты эти говорятъ, что и чувствующему организму человѣка нужны тоже извѣстныя условія, лишеніе которыхъ создаетъ точно также смерть, какъ и лишеніе пищи и воздуха. Всѣ знаютъ, что такъ называемыя нравственныя потрясенія, огорченіе, досада, обида, совершенно разстраиваютъ человѣка: при сильномъ впечатлѣніи человѣкъ даже умираетъ. Физіологія знаетъ, что въ такомъ случаѣ происходитъ въ организмѣ, и отчего можетъ случиться смерть. Но физіологія, указывая на необходимость благопріятныхъ условій для чувствующаго организма человѣка, отмѣчаетъ ихъ какъ частное наблюденіе, не сообщая той силы убѣдительности, какая придается коллективнымъ статистическимъ наблюденіямъ. Статистика же говоритъ, что даже въ мирное время смертность въ войскахъ на половину, а иногда даже вдвое больше смертности между людьми того же возраста, находящимися внѣ военной службы. Причины такой смертности легче всего объяснить тѣснотой помѣщеній и неправильнымъ образомъ жизни. Но почему же и самое общественное положеніе человѣка, какъ солдата, и недостатокъ обыкновенныхъ гражданскихъ занятій не могутъ увеличивать смертность? Зная законы физіологіи, такую причину допустить слѣдуетъ, и она точно существуетъ. Парламентскія изслѣдованія въ Англіи подтвердили фактъ, что здоровье солдатъ лучше въ тѣхъ войскахъ, которые не устранены совершенно отъ гражданскихъ занятій. Этотъ фактъ подмѣченъ наблюденіями надъ войсками въ Лондонѣ и въ Индіи. Въ индійскихъ войскахъ отличались лучшимъ поведеніемъ и здоровьемъ тѣ полки, въ которыхъ солдаты занимались разными ремеслами. Точно такъ же изъ войскъ Лондона отличался лучшимъ здоровьемъ корпусъ королевскихъ инженеровъ, который посвящалъ военной службѣ только одинъ день въ недѣлю, а все свободное время проводилъ въ обыкновенныхъ работахъ. Кстати замѣчу, что не смотря на такое незначительное время для военныхъ упражненій, солдаты этаго корпуса знали отлично свое военное искусство.

Въ человѣкѣ ни одно ощущеніе не заканчивается само въ себѣ, оно разрѣшается всегда вторичнымъ ощущеніемъ и, смотря по роду впечатлѣнія, оно заканчивается или рядомъ мыслей, или сокращеніемъ мышцъ. Если это вторичное ощущеніе проявится въ дѣйствіи, то опять, смотря по качеству дѣйствія, оно можетъ быть тѣмъ, что на языкѣ юристовъ называется проступкомъ или преступленіемъ. Зная, что душа есть совокупность организма чувствующаго, и что, вслѣдствіе разной степени чувствительности нервовъ, у каждаго человѣка своя душа, становятся ясными непроизвольность дѣйствій каждаго человѣка и личный характеръ ихъ, отличающій одного человѣка отъ другаго. Въ каждомъ дѣйствуетъ своя душа, и потому каждый дѣйствуетъ различно. Еще Спиноза сказалъ, что люди только воображаютъ, что они свободны, что сознаютъ свои поступки, потому что не знаютъ причинъ, вызвавшихъ эти ихъ дѣйствія. Злое дитя воображаетъ, что оно свободно желаетъ мстить: трусъ — что онъ рѣшается самъ бѣжать; пьяный — что онъ говоритъ по своей свободной волѣ. Дитя, глупецъ, болтунъ и множество людей этого рода воображаютъ, что они говорятъ по своей свободной волѣ, тогда какъ они просто не въ состояніи не болтать. Мысль эта подтверждена физіологическими и статистическими наблюденіями. Изъ наблюденій Кетле оказывается, что ежегодное число браковъ гораздо постояннѣе и правильнѣе, чѣмъ число смертныхъ случаевъ. Во Франціи и Бельгіи оказываются одинаковыя отношенія въ числѣ браковъ между молодыми людьми и дѣвицами, между молодыми людьми и вдовами и между вдовцами и вдовами. То же самое оказывается и въ числѣ преступленій, самоубійствъ и самоувѣчій, и даже въ числѣ неточно и неправильно адресованныхъ писемъ. Вотъ почему ни пытки, ни смертныя казни не улучшали человѣка. Въ этомъ же причина, почему оказывался не дѣйствительнымъ моральный принципъ, почему самыя прекрасныя нравственныя правила не могли заставить человѣка дѣйствовать наперекоръ своимъ побужденіямъ. Если ни моральныя правила, ни наказанія не могли измѣнить числа и качества преступленій, то очевидно, что не отъ этихъ мѣръ зависятъ нравственныя достоинства человѣка, а что они заключаются во внутреннихъ свойствахъ человѣка и въ отношеніяхъ его къ условіямъ внѣшней среды.

Разумѣется, современная наука не дошла еще до того, чтобы создавать совершенные организмы и вполнѣ благопріятныя для нихъ условія, но за то она можетъ сказать, что̀ дѣйствуетъ вредно на организмъ; она можетъ сказать, почему можно наслѣдовать тупоуміе, пьянство, развратъ, преступленіе. Старая гипотеза, выразившаяся въ русской поговоркѣ, что яблоко падаетъ недалеко отъ яблони, подтверждается вполнѣ фактами. Если бы потомство не зависѣло отъ родителей, то и корова могла бы надѣяться родить когда нибудь лошадь. Но этого нѣтъ въ природѣ — дѣти идутъ въ своихъ родителей и наслѣдуютъ отъ нихъ нервную, костную, мышечную систему, наслѣдуютъ ихъ чувствительность, ихъ темпераментъ. Даже многія склонности переходятъ отъ родителей къ ихъ дѣтямъ, если эти особенности родителей зависѣли отъ особенностей ихъ организаціи. Поэтому робость, явившаяся въ родителяхъ даже исключительно отъ внѣшнихъ вліяній, но измѣнившая характеръ нерв-

ности и сдѣлавшаяся органической особенностію родителей, можетъ перейти и къ ихъ дѣтямъ; точно также можетъ перейти въ наслѣдство и пьянство, и развратъ, и даже наклонность къ убійству или къ самоубійству, если они зависѣли у родителей отъ условій ихъ нервнаго организма. Жизнь, полная лишеній, притупляющая чувствительность нервовъ, притупляющая способности человѣка, уменьшающая его силы, измѣняя нервность родителей, создаетъ и дѣтей съ тупыми нервами. Отъ слабыхъ истощенныхъ родителей являются только слабыя дѣти и отъ идіотовъ являются только идіоты. Наслѣдственность силъ и способностей также очевидна какъ наслѣдственность расы. Грекъ возрождается въ своемъ поколѣніи, точно также русскій въ своемъ, какъ бурятъ въ своемъ, и недостатки родителей, происходящіе отъ особенностей ихъ организма, передаются дѣтямъ точно также, какъ передается способность къ музыкѣ, къ рисованью.

Для человѣка, какъ и для остальныхъ животныхъ, существуютъ общіе физіологическіе законы. Какъ изъ дикихъ прародителей коня, быка культура создала домашнюю лошадь, пышнаго покорнаго быка, такъ точно культура измѣняетъ и организмъ человѣка, и какъ портится порода животныхъ отъ дурнаго за ними ухода, такъ точно можетъ измѣниться къ худшему и организмъ человѣка. Нужда, голодъ, нищета, пьянство и пороки, искажая организмъ отдѣльнаго человѣка, также точно искажаютъ цѣлыя поколѣнія, цѣлыя общества. Рядомъ лишеній можно перевоспитать все общество и привести людей къ первобытному ихъ дикому состоянію. Слабый примѣръ этого можно видѣть на жителяхъ нѣкоторыхъ мѣстностей Забайкалья, гдѣ отсутствіе всѣхъ удобствъ жизни и самый печальный экономическій бытъ вмѣстѣ съ суровыми климатическими вліяніями поставили и держатъ человѣка въ положеніи, нисколько не выше быта полукочующаго бурята. Понятія забайкальскаго сибиряка объ удобствахъ жизни такъ становятъ его ниже даже великороссійскаго крестьянина, не говоря уже о малаканахъ, старовѣрахъ или нѣмецкихъ колонистахъ въ Россіи, что нищій-колонистъ имѣетъ больше потребностей и лучше понимаетъ удобство жизни, чѣмъ даже зажиточный забайкалецъ. Въ уровнѣ съ бытомъ человѣка стоитъ и все его домашнее хозяйство. И его лошадь не знаетъ другого корма, кромѣ грубыхъ и жесткихъ травъ и сѣна; она не знаетъ крытаго и теплаго помѣщенія, и должна смолоду привыкнуть къ 40-градусному морозу. И корова его должна привыкнуть къ тому же, и ей незнакомо теплое пойло и питательный кормъ. Такъ что если въ забайкальскомъ скотѣ и есть хорошія качества, они должны исчезнуть отъ дурной жизни. Перевоспитать его можно только хорошимъ уходомъ, какимъ улучшались породы скота англійскаго. Вотъ этотъ-то физіологическій законъ и имѣетъ полное примѣненіе къ человѣку. Порода человѣка также улучшается, какъ порода домашнихъ животныхъ. Удовлетвореніе всѣмъ потребностямъ организма, укрѣпляющее его жизненныя силы и утончающее нервную чувствительность, придаетъ всѣмъ отправленіямъ человѣка иной характеръ, и всѣмъ его дѣйствіямъ и способностямъ другія качества; однимъ словомъ культируетъ человѣка, какъ уходъ культируетъ яблонь и сливу. Эта культура человѣка и есть его вос-

питаніе. Слѣдовательно воспитаніе есть улучшеніе условій внѣшней среды и болѣе разнообразное развитіе внутреннихъ потребностей и отправленій организма.

Стремленіе къ улучшенію внутреннихъ и внѣшнихъ условій жизни составляетъ необходимое качество человѣка, какъ потребность быть сытымъ и довольнымъ. Это стремленіе къ самовоспитанію и есть прогрессъ. Чувство прогрессивности можетъ быть въ человѣкѣ или слабѣе или сильнѣе, но оно есть во всякомъ человѣкѣ и во всякомъ народѣ, если только посторонніе обстоятельства не мѣшаютъ его проявленію въ массѣ населенія. А помѣхой всегда были и есть недостатокъ знаній, невѣжество, вѣра въ гипотезы и всѣ вытекающія изъ нихъ печальныя слѣдствія, представляемыя исторіей.

Воспитаніе всего человѣчества совершается весьма медленно, и эта медленность происходитъ преимущественно отъ слабаго и слишкомъ постепеннаго увеличенія числа болѣе развитыхъ отдѣльныхъ личностей, образующихъ общество, народъ. Въ какой степени быстроты идетъ воспитаніе отдѣльнаго лица, убѣждаютъ ежедневные примѣры. Мальчикъ или дѣвочка, взятые изъ крестьянской семьи и помѣщенные въ иныя условія повседневной жизни, окончивъ курсъ гимназіи и университета, являются людьми уже совершенно непохожими на своихъ сверстниковъ, жившихъ все это время въ деревнѣ. Иная среда и другія условія жизни создаютъ изъ человѣка въ 15 лѣтъ совсѣмъ иного человѣка. Принимая, что населеніе увеличивается вдвое въ 37 лѣтъ, а среднюю продолжительность жизни составляетъ 50 лѣтъ, можно бы ожидать, что въ 37, а въ крайнемъ случаѣ въ 50 лѣтъ, всѣ отдѣльныя особи могли бы быть перевоспитаны, и все человѣчество обновилось бы въ полстолѣтія. Но дѣйствительность не представляетъ ничего похожаго на этотъ разсчетъ. Въ массѣ населенія даже передовыхъ народовъ Европы находятся въ обращеніи такія мнѣнія, убѣжденія и понятія, которыя появились далеко раньше христіанской эры. Тысячи суевѣрій и предразсудковъ живутъ и обращаются въ народахъ, какъ истины, хотя давно уже доказано, что все это вымыслы. А было время, когда эти вымыслы замѣняли гипотезы, т. е. служили научнымъ объясненіемъ явленій, непонятныхъ человѣку. Даже и среди такъ называемаго образованнаго сословія живутъ такія представленія, которыя давно уже исключены наукой изъ числа истинъ. Отчего же происходитъ эта медленность воспитанія человѣчества, отчего въ людяхъ живутъ понятія, существующія на землѣ далеко болѣе 2000 лѣтъ; отчего даже въ такъ называемомъ образованномъ сословіи принимается истиною то, что оставлено наукой 100, 50 лѣтъ?

Тутъ двѣ причины: медленность, съ какой развивается сама наука, или лучше сказать—медленность, съ какой человѣчество добываетъ истины, и медленность, съ какой прививаются истины и къ отдѣльнымъ личностямъ и къ массамъ населеній.

Медленность въ разработкѣ научныхъ знаній задерживается еще болѣе отъ тѣхъ препятствій, которыя мѣшаютъ знаніямъ проникать въ массы. Эта-то задержка и есть главная причина того невѣжества населеній, которая пора-

жаетъ вездѣ, во всѣхъ частяхъ свѣта, во всѣхъ государствахъ. Но скрывать отъ человѣка знаніе —то же, что заставлять людей пить мутную, гнилую воду, когда есть вода свѣжая. и воображать, что только для нѣкоторыхъ людей здорова свѣжая вода. Истина нужна всѣмъ, какъ нужна всѣмъ свѣжая вода. Но этого еще мало: человѣчество имѣетъ на истину право неотъемлемой собственности, потому что создавало и создаетъ ее всей своей жизнью; слѣдовательно не только нельзя лишать людей того, что принадлежитъ имъ, напротивъ, наука, какъ складъ истинъ, должна быть открыта для всѣхъ:— пусть всякій идетъ и береть что ему нужно, никому отъ этого не будетъ вреда, потому что всѣмъ будетъ польза.

Но это взглядъ чисто теоретическій, замѣтитъ читатель. Что мнѣ оттого, что я знаю, что большинство людей не обладаетъ знаніями, съ которыми оно могло бы дойдти до благосостоянія. Что мнѣ оттого, что человѣчество еще только собирается разставаться съ первымъ періодомъ своего развитія. Не двѣ же тысячи лѣтъ ждать бѣднягу, когда весь его вѣкъ 10 лѣтъ; когда чрезъ три дня онъ можетъ умереть съ голоду. Знаніе объяснитъ причину зла, указываетъ путь спасенія; оно объяснитъ, что измѣненія ожидать нельзя, пока знающіе люди не составятъ численнаго большинства; но могутъ пройдти еще десятки вѣковъ, пока кончатся войны, и люди найдутъ ихъ невыгодными; пройдутъ десятки вѣковъ, пока кончится экономическая неравноправность; гдѣ же намъ, людямъ настоящаго, ждать этого далекаго будущаго? Правда и то...

РАБОЧІЙ ПРОЛЕТАРІАТЪ

ВЪ АНГЛІИ И ВО ФРАНЦІИ.

Мы читаемъ книги, газеты и журналы; мы путешествуемъ за границей; мы разсуждаемъ о разныхъ политическихъ и экономическихъ предметахъ; мы даже занимаемся практическимъ и теоретическимъ разрѣшеніемъ всякихъ русскихъ вопросовъ. Отчего, послѣ этого, намъ не смотрѣть на себя съ особенной любовью, какъ это дѣлаютъ обыкновенно люди, убѣжденные, что они и дѣйствуютъ и думаютъ очень умно? Вѣдь мы все знаемъ, все читаемъ, все видѣли; мы знаемъ и Европу и Россію. Но такъ ли все это? Точно ли мы знаемъ такъ много? Въ такомъ случаѣ отчего есть между нами люди, отзывающіеся о нашихъ знаніяхъ и способностяхъ совсѣмъ иначе? Эти люди даже говорятъ, будто бы мы ничего не знаемъ, что учились мы на мѣдный грошъ, что и думаемъ-то мы на столько же; что мы не только не знаемъ ни Европы, ни Россіи, но что мы даже не знаемъ, что намъ читать и переводить, изъ какихъ источниковъ и какія именно брать свѣдѣнія, чтобы узнать то, что намъ нужнѣе всего знать, чтобы подготовить себя къ разрѣшенію вопросовъ, которые ужъ, разумѣется, придется разрѣшать намъ, а не кому другому. Возьмемъ въ примѣръ хоть статистику. Вѣдь мы знаемъ, что называется статистикой, и многимъ даже извѣстна статистика Кольба, книга очень почтенная, первая въ этомъ родѣ, какъ говоритъ ея авторъ. Что же можетъ узнать изъ нея русскій читатель? Положимъ, онъ интересуется вопросами экономическими и хочетъ справиться, какъ ѣдятъ люди на Западѣ. У Кольба есть отвѣтъ и на это. Изъ его статистики слѣдуетъ, что въ Англіи на каждаго жителя приходится въ годъ, среднимъ числомъ, 136 нѣмецкихъ фунтовъ говядины, во Франціи только $39^{2}/_{5}$, въ Пруссіи $34^{3}/_{4}$, въ Баденѣ $50^{1}/_{5}$. Ну, что же, свѣдѣніе очень достаточное, и русскій читатель совершенно доволенъ, узнавъ, что каждый англичанинъ, и малый и большой, и здоровый и больной, богатый и бѣдный, съѣдаетъ въ годъ 136 нѣмецкихъ фунтовъ говядины. Очевидно, что въ Англіи жить лучше, чѣмъ во Франціи. Начавъ нападать на русскаго читателя, мы дѣлаемъ здѣсь то предположеніе,

что ему никакъ не приходитъ въ голову, что въ Англіи любятъ очень мясную пищу, ростбифы и бифстексы; что въ Лондонѣ живетъ лордъ Пальмерстонъ и другіе лорды, болѣе богатые чѣмъ онъ; что тамъ же существуетъ много разныхъ клубовъ и ресторановъ, гдѣ поѣдается мясо въ страшныхъ количествахъ. Допустивъ, что лордъ Пальмерстонъ съѣдаетъ въ день мяса въ видѣ супа, соусовъ и бифстекса по меньшей мѣрѣ 3 фунта, выйдетъ, что на него одного идетъ въ годъ 1095 фунтовъ. Ясно, что одинъ такой господинъ съѣдаетъ въ годъ столько мяса, сколько по Кольбу приходится на восемь человѣкъ, или проще: если одинъ изъ восьми станетъ ѣсть въ день три фунта мяса, то остальнымъ семерымъ придется искать себѣ другой пищи, потому что ихъ мясная порція уже съѣдена. Но тутъ русскій читатель забываетъ еще слѣдующее соображеніе. Если въ Англіи одинъ изъ восьми съѣдаетъ мяса три фунта, а остальные семь ничего, то имъ остается одинъ выходъ умереть съ голоду. А этого нѣтъ въ дѣйствительности: хотя въ Англіи люди и мрутъ съ голоду, но все-таки не семь человѣкъ изъ восьми,—значитъ, люди чѣмъ нибудь да питаются. Но чѣмъ? Объ этомъ Кольбъ умалчиваетъ. Далѣе, параллель съ Франціей не выходитъ тоже; не узнаешь, кто живетъ лучше—англичанинъ или французъ? Статистика молчитъ объ образѣ жизни того и другаго, она не говоритъ ничего объ ихъ обычаяхъ, привычкахъ, она умолчала о томъ, сколько яблоковъ, сливъ и грушъ съѣстъ въ годъ французъ, сколько каждый французъ выпьетъ въ годъ краснаго вина, коньяку, киршу, сидру; она не сказала, сколько французъ, по климату страны, долженъ получать пищи болѣе или менѣе противъ англичанина. И остался русскій читатель при томъ смутномъ свѣдѣніи, что каждый англичанинъ съѣдаетъ въ годъ 136 нѣмецкихъ фунтовъ мяса, французъ $39^{2}/_{3}$, а пруссакъ $34^{3}/_{4}$. Дѣло въ томъ, что статистика занимается обыкновенно средними выводами, она молчитъ о minimum'ахъ и maximum'ахъ, и недогадливый читатель поневолѣ видитъ все въ розовомъ цвѣтѣ, вовсе не подозрѣвая мрачныхъ minimum'овъ, замаскированныхъ средними величинами.

Какъ съ статистикой, такъ и съ путешествіями: и у себя и за границей мы видимъ только средніе величины, а что за ними, того читать не умѣемъ. Еще недавно мы слышали русскаго, приходившаго въ восторгъ отъ благоденствія Германіи. — Да гдѣ вы его видите? — А какъ же, посмотрите на эту общую чистоту и красивую наружность домовъ, на зелень и сады, на веселыя и довольныя лица всѣхъ! — Туристъ вовсе и не подозрѣвалъ, что Германія казалась ему такой веселой и благоденствующей потому, что ему самому было весело и въ бумажникѣ у него было много денегъ. Подобное впечатлѣніе въ Европѣ выносятъ обыкновенно люди, незнающіе другаго сообщенія, кромѣ желѣзныхъ дорогъ, изъ оконъ которыхъ все, какъ въ панорамѣ, гораздо чище и благоденственнѣе, чѣмъ въ дѣйствительности. Такое впечатлѣніе выносятъ люди, незнающіе другихъ станцій, кромѣ столицъ, другихъ гостинницъ, кромѣ первоклассныхъ отелей, другихъ улицъ, кромѣ Regent-Street'овъ и парижскихъ бульваровъ. Вотъ почему наши туристы получаютъ о Европѣ не совсѣмъ вѣрное понятіе. Они видятъ только золото, но не видятъ рубищъ;

они видятъ въ окнахъ ресторановъ chefs-d'oeuvre кулинарнаго искусства, но не видятъ гнилаго картофеля, которымъ питается поденщикъ; они осматриваютъ музеи и дворцы, и изъ-за нихъ не замѣчаютъ ни мансардъ, ни собачьихъ конуръ, въ которыхъ живетъ пролетарій. Такіе туристы тѣ же односторонніе статистики, судящіе о странѣ по общему впечатлѣнію лучшихъ ея частей и по среднимъ наглядньмъ выводамъ.

Но есть и другіе признаки, почему русскіе, и особенно путешествующіе въ первый разъ, видятъ все заграничное совсѣмъ не въ томъ свѣтѣ, какъ оно есть въ дѣйствительности. Намъ нравится настоящій моментъ европейской цивилизаціи потому, что въ складѣ той жизни мы находимъ то, чего у насъ нѣтъ дома. И дрожки тамошнія лучше и удобнѣе нашихъ, и гостиницы устроены лучше, и собаки ходятъ съ намордниками и не кидаются на проходящихъ съ остервененіемъ. Тамъ нѣтъ ни комаровъ, ни блохъ, ни клоповъ, чѣмъ такъ богата наша родина. Во всякомъ маленькомъ городишкѣ можно найти и книжную лавку, и всякихъ мастеровъ, и театръ; и все это явилось органически, выработалось народомъ изъ себя. Въ учрежденіяхъ то же самое. И тутъ какая-то стойкость, и тугь органическое начало, дающее всему видъ чего-то прочнаго, постояннаго. Русскій, очутившійся въ средѣ этой гражданственности, этихъ обычаевъ и учрежденій, имѣющихъ почву въ историческомъ прошедшемъ страны и выработанныхъ ею самой, чувствуетъ свою подчиненность и зависимость отъ всего окружающаго; онъ чувствуетъ во всемъ этомъ нѣчто цѣлое, — то, что нѣмцы и военные люди зовутъ порядкомъ, и къ чему мы, русскіе, стремимся еще, какъ къ идеалу. Презрительный взглядъ сверха, взглядъ австрійскаго гвардейскаго офицера, бросаемый на все нѣкоторыми нашими путешественниками, только маска; это худо скрытое сознаніе своего нравственнаго и гражданскаго слабосилія. Въ европейской жизни есть нѣчто громадно-цѣлое, есть сила, какъ въ исполинскомъ дубѣ, выросшемъ на собственномъ пнѣ и глубоко пустившемъ въ почву свои желѣзные корни. Пусть онъ гнилъ во многихъ частяхъ; но въ немъ еще много силы и живучести. Сравнительно съ этой обхватывающей жизнью, наша жизнь чужимъ умомъ должна казаться какимъ-то дѣтствомъ, какой-то фортепіанной куколкой на проволочныхъ ножкахъ; наше воспитаніе на европейскій ладъ—какимъ-то лишаемъ, выросшимъ изъ сѣмянъ, налетѣвшихъ извнѣ; наше ученье—ученьемъ чисто внѣшнимъ, и наша общественная наука—такимъ же лишаемъ, чуждымъ народнаго организма и непаходящимъ въ немъ отвѣта, какъ и наша общественная жизнь.

Наше такъ-называемое образованное, путешествующее сословіе, считающее за собой исключительное право разрѣшать всѣ русскіе вопросы, имѣетъ поразительное сходство съ русскимъ нѣмцемъ. Русскій нѣмецъ гордится въ Россіи тѣмъ, что онъ нѣмецъ, что онъ частичка того громаднаго цѣлаго, той Европы, которая дала міру новую цивилизацію, новую науку, которая создала все, чему мы такъ удивляемся и чѣмъ гордится человѣчество. Русскій нѣмецъ говоритъ въ Россіи съ гордостью, что онъ нѣмецъ, потому что онъ чувствуетъ свое притяженіе къ Европѣ. Но пріѣхавъ въ ту Европу, родство

съ которой дастъ ему у насъ апломбъ, онъ начинаетъ чувствовать, что онъ не настоящій плодъ этого дерева, что корни его не тутъ, что онъ не у себя, что страна, къ которой онъ чувствовалъ родственность, ему не родная мать; онъ хвалитъ Европу, но скучаетъ въ ней, онъ хочетъ назадъ домой, въ ту Россію, которую онъ не хотѣлъ признавать своей страной. А пріѣхавъ въ Россію, онъ опять чувствуетъ свое одиночество, какъ и за границей, чувствуетъ, что онъ гдѣ-то не тамъ, не на своемъ мѣстѣ, и начинаетъ снова жить своими старыми стремленіями къ чему-то родственному, живущему въ его воображеніи и чего онъ не нашелъ ни тамъ - въ Германіи, ни здѣсь—въ Россіи. А мы, образованное сословіе, развѣ чувствуемъ не тоже самое? Развѣ у насъ есть своя почва? Развѣ наука, которой насъ учатъ, живетъ вокругъ насъ? Вотъ примѣръ. Заграничному человѣку, хоть бы нѣмцу, легче сдѣлаться образованнымъ и понять жизнь своей страны. Всѣ идеи, всѣ вопросы, всѣ движенія общества онъ изучаетъ легко, потому что живетъ въ средѣ ихъ и ими формируется, какъ человѣкъ и гражданинъ. Не читая ничего, а только ходя по улицамъ и разговаривая съ встрѣчными, научишься за границей многому,—а чему научишься у насъ, ходя по улицамъ какого нибудь Стерлитамака или Чугуева? Далѣе: развѣ вопросы, которыхъ мы касаемся, которые мы хотимъ разрѣшать, взяты нами изъ жизни страны? развѣ мы умѣемъ ихъ разрѣшать, какъ бы нужно? Нѣтъ. Мы вычитали свою науку изъ разныхъ иностранныхъ книгъ и навязываемъ свои разрѣшенія народу, не понимая его и давая ему одно, когда онъ проситъ другаго. Мы, образованное сословіе, разрѣшающее русскіе вопросы, относились къ русскому человѣку, не понимая его, не понимая міра, въ которомъ жилъ простой человѣкъ; а простой человѣкъ, въ свою очередь, смотрѣлъ на насъ какъ на что-то чуждое ему, какъ смотритъ прохожій на человѣка, сидящаго на балконѣ третьяго этажа. Такіе господа, съ своего балкона въ третьемъ этажѣ, тиготѣютъ всѣми силами къ далеко отъ нихъ лежащей Европѣ; только въ ея выработанной жизни, въ ея внѣшней привлекательности видятъ они задачу своихъ стремленій, далекій идеалъ для Россіи, и не чувствуютъ они и не понимаютъ той толпы, которая кишитъ по улицѣ подъ ихъ ногами. Эти люди, живущіе между небомъ и землей, совсѣмъ сбиты съ толку теоріями запада, ограничность которыхъ они понять не въ состояніи. Для нихъ въ наукѣ важенъ не смыслъ ея, не сущность, составляющая вмѣстѣ и сущность человѣческой жизни, а научный формализмъ. Они, бѣдные, даже коверкаютъ свое нравственное существо, убиваютъ въ себѣ свое собственное органическое начало, вовсе не подозрѣвая этого. Оттого-то у нихъ въ словѣ и въ дѣлѣ нѣтъ ничего общаго,—каждое изъ нихъ само по себѣ, какъ щука и единорогъ. Людей этого сорта, по самой натурѣ своей способныхъ составлять большинство, разводится у насъ все больше и больше; они считаютъ себя избранными просвѣщать Россію, и они учатъ насъ тому, что больше всего вредно намъ и менѣе всего намъ нужно. Вся бѣда въ томъ, что эти добродушные люди не въ состояніи понять слѣдующей простой вещи. Европа росла органически, росла по тому же закону, по которому растетъ и всякая улитка. Много вѣковъ тянулась она сама изъ себя во всѣ

стороны, куда было мѣсто, росла какъ растутъ и до сихъ поръ деревенскія дѣти, сидя на солнцѣ на завалинкѣ. Очнувшись, вдругъ она увидѣла, что рядомъ съ силой и здоровьемъ она нарастила на себѣ много желваковъ, много дикаго мяса, потратила много силъ, чтобы создать то, что не только совсѣмъ не нужно для ея здоровья, а напротивъ вытягиваетъ ея свѣжіе и здоровые соки. Въ сознательности своего роста Россія не отстала отъ Европы: и она, какъ Илья Муромецъ, просидѣла сидемъ, но не тридцать лѣтъ, а девять вѣковъ; а куда росла она, она и сама не знала. Разница между ростомъ Европы и Россіи заключается не въ особенномъ перевѣсѣ сознанія, а только въ томъ, что Россія жила исключительно мускульной жизнью. Но вотъ Европа проснулась, она поняла свою болѣзнь; проснулась и Россія; но неужели же она проснулась для того, чтобы сознательно идти тѣмъ путемъ, которымъ шла Европа безсознательно?

Не понимая этой простой вещи, наши учители, скудные знаніемъ, незнакомые съ ходомъ европейской цивилизаціи, болѣе всего способны привести насъ къ европейскому мѣщанству, денежному и всякому другому, создать у насъ еще новое, невѣданное до сихъ поръ зло. И все это съ полнымъ чистосердечіемъ, съ искреннѣйшимъ желаніемъ добра Россіи, съ тѣмъ добродушіемъ, съ какимъ неграмотная старушка няня разстраиваетъ ржаными лепешками желудокъ своего маленькаго воспитанника. Винить ее за это, разумѣется, нельзя. Старушка и сама вѣритъ простодушно, что ржаная лепешка дастъ ребенку больше силы, чѣмъ молоко матери. Также нельзя винить и нашихъ учителей, снабжающихъ насъ ржаными лепешками экономическихъ и политическихъ теорій европейскаго мѣщанства. Любопытно только знать, кто сказалъ имъ, что вотъ именно эта, а не другая теорія, созданная Европой, должна быть примѣнена къ Россіи? И откуда это добродушное стремленіе спасти своего ближняго, предлагая ему лекарство, оказавшее вредное послѣдствіе на сосѣда?

Мы понимаемъ, почему на западѣ Европы много сочиненій, много литературныхъ и ученыхъ періодическихъ изданій, отстаивающихъ дѣло европейскаго мѣщанства. Эти книги и листки пишутся самими буржуа, или людьми, для которыхъ выгодно писать именно такъ, а не иначе. Эти сочиненія такое же органическое явленіе, какъ само европейское мѣщанство, какъ его теоріи, составляющія для него вопросъ его жизни и вышедшія изъ его жизни. Но изъ-за чего мы-то защищаемъ чужое дѣло? Изъ-за чего мы-то поклоняемся какой нибудь частной теоріи и мѣстный частный случай возводимъ въ міровой законъ? И гдѣ у насъ эти люди, для которыхъ мы трудимся? Гдѣ наша буржуазія? Ужь не тѣ ли это мѣщане, которыхъ размѣстили у насъ подгородными слободами и которые отличаются отъ крестьянъ только тѣмъ, что разучились пахать землю? Или мы хотимъ создать у себя этотъ привилегированный классъ, забравшій на западѣ въ свои руки все и не оставившій остальному населенію ничего, кромѣ права дышать воздухомъ, не всегда чистымъ, и грѣться по праздникамъ на солнцѣ?

Но и не въ этомъ одномъ ошибка нашихъ добродушныхъ наставниковъ.

Не зная чему учить, они не знаютъ и какъ учить. Недавно, напримѣръ, вышелъ у насъ переводъ книжки Гильдебранта: «Политическая экономія настоящаго и будущаго». — Книжку эту даже хвалили въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ; но за что? Кому она нужна? Такія книжки для людей знающихъ предметъ — ненужны, а для незнающихъ — въ двухъ третяхъ непонятны, а понятной третьей частью — вредны. И что за свѣтило Гильдебрантъ? И кому нужны его личныя разсужденія? Нѣтъ, не такъ слѣдуетъ относиться къ публикѣ, — дайте ей факты, а выводъ ужь она сдѣлаетъ и сама. Вмѣсто того, чтобы дать русскимъ читателямъ картину европейскаго экономическаго быта, переводчикъ предложилъ публикѣ мѣщанскія разсужденія Гильдебранта, написанныя имъ въ 1848 году, и безъ всякихъ дополненій и объясненій съ своей стороны, какъ будто-бы слѣдующія 13 лѣтъ прошли совершенно безслѣдно для науки, какъ будто бы слово Гильдебранта было послѣднимъ и наука остановилась на 1848 году. Право, русскіе читатели заслуживаютъ большаго уваженія!

Мы говоримъ о Гильдебрантѣ совсѣмъ не потому, чтобы стоило особенно говорить о немъ, но потому, что намъ выдаютъ его за одного изъ пророковъ политической экономіи, что насъ сбиваютъ съ толку, наконецъ потому, что предлагая намъ голословныя разсужденія людей одной партіи и ихъ нападки на людей другаго взгляда на вещи, людей во всѣхъ отношеніяхъ далеко выше ихъ, въ то же время скрываютъ намѣренно, что́ говорятъ эти послѣдніе. Читателю не хотятъ дать права составить собственное заключеніе, судить своимъ умомъ. Это вѣдь одинъ изъ признаковъ сознанія своего безсилія и скудоумія.

Въ числѣ писателей, на которыхъ нападаетъ Гильдебрантъ, есть и Энгельсъ, одинъ изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ нѣмцевъ. Имя это у насъ совсѣмъ неизвѣстно, хотя европейская экономическая литература обязана ему лучшимъ сочиненіемъ объ экономическомъ бытѣ англійскаго рабочаго. Разница между Гильдебрантомъ и Энгельсомъ въ томъ, что Энгельсъ называетъ худое худымъ и не хочетъ этого худаго; а Гильдебрантъ, напротивъ, находитъ, что дурное не только не дурно, но что оно такъ и должно быть. Ужь не поэтому ли переводъ Гильдебранта такъ и понадобился у насъ?

Да, посѣщая столицы Европы, обѣдая въ лучшихъ ресторанахъ и читая журналы и сочиненія нынѣшней Франціи, англійскій «Times», прусскую «Kreuz-Zeitung», немудрено дойти до поклоненія какому нибудь Гильдебранту, немудрено повѣрить, что каждый англичанинъ съѣдаетъ въ годъ 136 фунтовъ мяса, немудрено воротиться домой въ восторгѣ отъ экономическихъ и другихъ порядковъ Европы и лѣзть дома изъ всѣхъ силъ надъ пересадкою англійскаго рая въ русскія степи.

Мы думаемъ, что факты, которые мы сообщимъ ниже, наведутъ читателя на болѣе полезныя для него размышленія, объяснятъ ему лучше причины, вызвавшія такъ много возраженій противъ существующихъ европейскихъ экономическихъ порядковъ, и познакомятъ полнѣе съ бытомъ наибольшей массы населенія счастливой и могучей Англіи и блаженствующей Франціи, чѣмъ

сотни пустыхъ книжонокъ, набитыхъ разсужденіями какихъ нибудь Гильдебрантовъ. Мы думаемъ показать читателю другую сторону медали.

РАБОЧІЕ ВЪ АНГЛІИ.

I.

Машины и англійская промышленность.

1764 годъ сдѣлалъ коренной переворотъ въ промышленномъ мірѣ. Онъ положилъ начало той переходной экономической эпохѣ, которая продолжается еще и до сихъ поръ. Эта особенность есть «дженни», прядильная машина, придуманная ткачомъ Джемсомъ Гаргревомъ и паровая машина Джемса Уатта.

До изобрѣтенія машинъ, пряжа и ткань дѣлались рабочими на дому. Жена и дочь рабочей семьи устанавливали основу, а мужчина ткалъ. Семейства такихъ ткачей жили обыкновенно въ селеніяхъ, близъ городовъ. Заработки ихъ были вполнѣ достаточны для ихъ жизни: сосѣдній рынокъ былъ единственнымъ мѣстомъ сбыта ихъ произведеній, а развитіе производствъ не создало еще того соперничества, которое впослѣдствіи такъ понизило задѣльную плату рабочимъ, и положило начало конкурренціи между ними.

Вслѣдствіе этой простоты отношеній производителей и между собою, и къ потребителямъ — рабочій имѣлъ возможность даже откладывать часть заработковъ; на этотъ излишекъ онъ снималъ землю и въ свободное время занимался ея обработкой. А такого свободнаго времени у него было всегда довольно, потому что онъ ткалъ, когда хотѣлъ и сколько хотѣлъ — конкурренція ему не вредила.

Разумѣется, сельское хозяйство ткача не отличалось особенной выгодой, доходъ отъ земли получалъ онъ малый; но за то онъ не былъ пролетарій, у него были корни въ родной почвѣ.

Жизнь эта имѣла свои пріятныя стороны: матеріальное положеніе рабочаго не было вовсе дурно, ему не приходилось ткать и прясть до упадка силъ, у него было свободное время, когда онъ копался въ своемъ огородѣ или въ полѣ, и работа эта служила ему не только отдыхомъ, но она укрѣпляла и поддерживала его здоровье. Праздникъ тоже имѣлъ для него значеніе; посѣщеніе родныхъ и знакомыхъ, игра въ кегли, въ мячъ, — все это были радости; праздникъ былъ праздникомъ. Понятно, что жизнь среди природы, трудъ, не истощающій силъ, должны были дѣйствовать и имѣли дѣйствительно благодѣтельное вліяніе на рабочихъ. Они были большею частью крѣпкіе, хорошо сложенные люди, и почти ничѣмъ не уступали своимъ сосѣдямъ, чистымъ земледѣльцамъ. И дѣти ихъ были не то, что дѣти нынѣшнихъ фабричныхъ рабочихъ. Дѣти росли на свѣжемъ воздухѣ, и если помогали своимъ родителямъ въ работѣ, то это была только помощь, а не двѣнадцати-часовой изну-

рительный трудъ: родители берегли своихъ дѣтей, они ростили, они воспитывали ихъ, они видѣли въ нихъ дѣтей.

Въ моральномъ отношеніи жизнь эта представляла тоже много хорошаго. Удаленные отъ соблазновъ городской жизни, рабочіе жили жизнью семейной, имѣли почти исключительное сношеніе съ своими сосѣдями земледѣльцами, и стояли въ одномъ съ ними уровнѣ, какъ въ моральномъ, такъ и въ умственномъ развитіи. Рабочіе были люди почтенные, отцы семействъ, жили нравственно, потому что имъ и не было поводовъ быть безнравственными. Если они и посѣщали въ праздники шинки, то и тутъ не было разврата, а жило семейное начало: въ хозяинѣ они встрѣчали человѣка тоже почтеннаго, обыкновенно зажиточнаго или даже богатаго арендатора, и шли у нихъ въ компаніи мирные разговоры о мирныхъ предметахъ. Дѣтей своихъ они держали дома, при себѣ, воспитывали ихъ въ послушаніи и въ страхѣ божьемъ, какъ и остальные земледѣльцы и люди ихъ состоянія. Такія патріархальныя отношенія родителей къ дѣтямъ сохранялись обыкновенно до самаго ихъ брака. Дѣти сосѣдей большею частью росли и играли вмѣстѣ, и если между ними встрѣчалась хоть и очень рѣдко—недозволенная связь, то обыкновенно только въ томъ случаѣ, когда бракъ былъ уже рѣшенъ обѣими половинами заранѣе, и затѣмъ женитьбой устанавливалось все въ границахъ обычая и мѣстныхъ правовъ. Вся жизнь такихъ людей шла просто: не было въ ней особенной умственной дѣятельности, но не было и насильственныхъ колебаній въ матеріальномъ отношеніи; немногіе изъ нихъ умѣли читать, а еще меньше писать; ходили они себѣ по праздникамъ въ церковь, слушали библію и проповѣди; не напрягали своихъ умственныхъ способностей; политическихъ споровъ не знали и жили въ своихъ очень тѣсныхъ, частныхъ интересахъ, которые не шли дальше ихъ ткацкаго станка и огорода, безъ всякихъ отношеній къ движеніямъ, происходившимъ внѣ ихъ міра.

Правда, что это была жизнь вполнѣ растительная; рабочіе были только рабочіе, а не люди; но въ этой жизни была все-таки доля самостоятельности, существовало семейное начало; человѣкъ не чувствовалъ своей оторванности отъ всего его окружающаго; онъ не былъ одинъ; у него былъ свой домъ, свой домашній очагъ; у него были минуты тихаго семейнаго покоя, были минуты дѣйствительнаго отдохновенія отъ работы; наконецъ въ самой работѣ онъ чувствовалъ свое я, онъ располагалъ своимъ трудомъ свободно.

Но вотъ появилась дженни. Эта машина была только грубымъ началомъ смѣнившей ее впослѣдствіи прядильной машины. Дженни приводилась въ движеніе руками; но вмѣсто одного веретена, какъ при ручной пряжѣ, она имѣла отъ 16 до 18, приводимыхъ въ движеніе однимъ рабочимъ. Такое улучшеніе дало возможность увеличить значительно производство пряжи. Прежде одинъ ткачъ, занимая обыкновенно трехъ прядильщицъ, не имѣлъ всегда достаточно пряжи для своей работы: онъ долженъ былъ иногда ждать; но съ изобрѣтеніемъ дженни явилось пряжи больше, чѣмъ ткачи могли употребить. Цѣна, понизившаяся на матеріи, вслѣдствіе удешевленія пряжи, увеличила число покупателей и запросъ какъ на матеріи, такъ и на ткачей. Вмѣстѣ съ

этимъ поднялась и задѣльная имъ плата. Ткачъ увидѣлъ, что онъ имѣетъ возможность хорошаго заработка, оставилъ свое сельское хозяйство и посвятилъ себя вполнѣ тканью. Въ это счастливое для ткачей время, семейство изъ четырехъ взрослыхъ работниковъ и двухъ дѣтей, при десяти-часовой работѣ въ день, заработывало въ недѣлю четыре фунта стерлинговъ или 28 руб. сер., а иногда и болѣе. Случалось даже, что одинъ ткачъ добывалъ въ недѣлю два фунта или 14 руб. Такое выгодное занятіе постепенно оттянуло ткачей отъ занятій сельскимъ хозяйствомъ, и создался новый классъ рабочихъ-ткачей, жившихъ исключительно заработной платой. Оставивъ свою или наемную землю, рабочій сдѣлался полнымъ поденьщикомъ, рабочимъ капиталиста, и такимъ путемъ создался классъ особыхъ людей, неимѣвшихъ никакой собственности—создался пролетарій (Working Man).

Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились и отношенія ткачей къ прядильщикамъ. Прежде подъ одной и той же кровлей производились нерѣдко въ одно время и пряденье, и тканье. Но съ дженни, требовавшей такихъ же крѣпкихъ рукъ, какъ и ткацкій станокъ, принялись за пряжу мужчины; а женщины остались безъ дѣла. И еще хуже: въ семействѣ ткачей, гдѣ старыя прялки уже негодились, а между тѣмъ не было средствъ купить дженни, —все семейство должно было жить трудомъ главы семейства—ткача. Одинъ понесъ всѣ тяжести семьи. Но на этомъ еще не остановилось дѣло новооткрытой машины. Положивъ начало рабочему пролетаріату, она создала пролетаріатъ земледѣльческій. До машинъ существовало огромное число малыхъ поземельныхъ владѣльцевъ. Такіе собственники жили въ той же невозмутимой тишинѣ, какъ ихъ сосѣди, ткачи - земледѣльцы. Они обработывали свои земли по старой методѣ, какъ дѣлывали это ихъ отцы и дѣды; не любили нововведеній, и въ хозяйствѣ и въ образѣ жизни держались упорно старины. Между ними было много и арендаторовъ; но не въ томъ смыслѣ, какъ понимается это нынче. Они пользовались землей наслѣдственно, или на основаніи договора, или по утвердившемуся уже старому обычаю. Кусокъ земли переходилъ отъ отца къ сыну, и арендаторъ сидѣлъ на арендуемой имъ землѣ такъ же прочно, какъ на своей собственной. Теперь, по мѣрѣ того, какъ земледѣльцы - ткачи начали покидать свои участки, явилось много свободныхъ земель и ими завладѣлъ вновь явившійся классъ большихъ арендаторовъ, снимавшихъ въ оброкъ пространства въ двадцать, тридцать, пятьдесятъ десятинъ; вмѣстѣ съ этимъ измѣнились и самыя условія отдачи, т. е. сократились сроки, и оброчная плата, вслѣдствіе большихъ размѣровъ хозяйствъ, сдѣлалась подвижна и стала возвышаться ежегодно. Этотъ новый порядокъ подѣйствовалъ убійственно на старыхъ арендаторовъ небольшихъ участковъ. У нихъ недоставало силъ бороться съ большими арендаторами, имѣвшими полную возможность продавать свои продукты дешевле и жить далеко меньшимъ процентомъ отъ своего хозяйства, чѣмъ мелкіе арендаторы. Послѣднимъ оставалось только выбирать одинъ изъ менѣе опасныхъ выходовъ изъ своего прежняго положенія: или, отказавшись отъ участка или продавъ его, если онъ былъ собственный, купить дженни, и приняться за пряжу; или завести ткацкій станокъ; или же наконецъ идти въ

земледѣльческіе поденщики и работать у богатыхъ арендаторовъ, т. е. сдѣлаться земледѣльческимъ пролетаріемъ. Въ общемъ вышло послѣднее.

Но все это еще было только началомъ того ужаснаго будущаго, которое готовилось рабочему. Съ развитіемъ производствъ, отдѣльные капиталисты стали помѣщать движки въ большихъ зданіяхъ и приводить ее въ движеніе водой. Этимъ явилась возможность сократить число рабочихъ и продавать пряжу дешевле, чѣмъ ее могли продавать рабочіе, имѣвшіе движки ручную. А между тѣмъ каждую минуту являлись улучшенія въ машинахъ, старыя смѣнялись новыми, и если съ новыми машинами могли соперничать капиталисты, приводившіе движки въ движеніе водой, то ужъ ни въ какомъ случаѣ не могли выдерживать этого рабочіе, вертѣвшіе ее руками. Наконецъ явилась машина Эркрейта (Arkwright), цирульника изъ Престона, въ сѣверномъ Ланкаширѣ. Машина эта, послѣ паровой машины Уатта, считается важнѣйшимъ изобрѣтеніемъ XVIII столѣтія. Соединеніемъ особенностей движки и машины Эркрейта, создалась мьюль (mule); въ томъ же 1785 году Эркрейтъ придумалъ еще кардирную машину. Такимъ образомъ для пряжи бумаги сложилась цѣлая фабричная система. Далѣе, небольшія измѣненія въ машинахъ дали возможность приложить ихъ къ обработкѣ шерсти и льна;—новая опасность ручному производству. Но на этомъ еще не остановилось дѣло. Въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія докторъ Картрейтъ (Cartwright), сельскій священникъ, придумалъ механическій ткацкій станокъ и наконецъ такъ его усовершенствовалъ, что съ 1804 года могъ уже соперничать съ ручными ткачами. Всѣ эти изобрѣтенія, съ паровой машиной Уатта, примѣненной въ 1785 году къ машинной обработкѣ бумаги, получили разумѣется двойную важность. Машинное производство взяло окончательный перевѣсъ надъ ручнымъ, и убило ручную работу. Ближайшими слѣдствіями развитія мануфактурной промышленности явились: пониженіе цѣнъ на всѣ мануфактурные товары, развитіе промышленности и торговли, быстрое скопленіе и централизація капиталовъ и увеличеніе въ общемъ объемѣ народнаго богатства. Но вмѣстѣ съ этими блестящими сторонами мануфактурной промышленности явились и очень печальныя, — пролетаріатъ сталъ развиваться съ необычайной быстротой; собственность у рабочаго исчезла; увѣренность въ заработкѣ тоже; наконецъ явились безнравственность и политическія волненія.

Результаты промышленности, къ которымъ привели Англію машины, дѣйствительно поразительны. Возьмемъ бумагопрядильное производство. Въ 1771—75 годахъ ввозилось въ Англію сырой бумаги, среднимъ числомъ, 5 милліоновъ фунтовъ; въ 1841 году—528 милліоновъ; въ 1858 г. — 923,519,800 фунтовъ. Въ 1834 году Англія вывезла 556 милл. ярдовъ бумажныхъ тканей, 76,500,000 фунтовъ бумажной пряжи и на 1,200,000 фунтовъ стерлинговъ бумажныхъ чулокъ. Въ томъ же году работало болѣе восьми милл. веретенъ, 110,000 механическихъ и 250,000 ручныхъ ткацкихъ станковъ; посредственно и непосредственно, въ трехъ королевствахъ жили отъ этой промышленности полтора милл. людей, изъ которыхъ 220,000 работало на фабрикахъ. Въ 1850 году число всѣхъ фабрикъ было 4,600, а въ 1856 году

5,117. Именно: фабрикъ бумажныхъ издѣлій 2,210, шерстяныхъ 2,030, льняныхъ и пеньковыхъ 417, шелковыхъ 460. Число рабочихъ, занятыхъ на этихъ фабрикахъ, было въ 1850 г. 596,082 человѣка, въ 1856 г. 682,497.

Главное мѣсто этой индустріи—Ланкаширъ! Прежде печальное, худо обработанное, болотистое графство превратилось почти вдругъ въ оживленную мѣстность, покрылось фабриками, новыми городами, и населеніе въ цѣломъ увеличилось болѣе, чѣмъ вдесятеро. Въ Ливерпулѣ и Манчестерѣ, главныхъ городахъ графства, считалось жителей въ 1801 году: въ первомъ 82 т., во второмъ 94 т.; а въ 1851—375 т. и 401 т. Въ Гластоу, другомъ центрѣ бумажной промышленности, та же причина увеличила населеніе съ 77,058 человѣкъ, бывшихъ въ 1801 году, до 329,097 въ 1851 г.

Чулочное производство въ Ноттингемѣ и Дерби особенно развилось съ пониженіемъ цѣны на шерсть и съ усовершенствованіемъ станка для тканья чулковъ. Усовершенствованіе это заключалась въ томъ, что на одномъ станѣ стали ткать два чулка сразу. Кружевное производство сдѣлало такіе же успѣхи, и тутъ основная причина заключалась въ изобрѣтеніи и усовершенствованіи машинъ. Въ настоящее время тканьемъ кружевъ заняты въ Англіи болѣе 200,000 человѣкъ.

Вмѣстѣ съ развитіемъ бумажнаго производства пошли впередъ и отрасли промышленности, находящіяся съ нимъ въ связи — бѣленіе, крашеніе и печатаніе матерій: бѣленіе —примѣненіемъ хлора; крашеніе — быстрымъ развитіемъ химіи: а печатаніе —цѣлымъ рядомъ самыхъ блестящихъ механическихъ изобрѣтеній.

Обработка шерсти развивалась такъ же быстро. Хотя шерстяное производство и составляло всегда одну изъ главныхъ вѣтвей англійской промышленности, тѣмъ не менѣе оно стояло весьма низко въ сравненіи съ тѣмъ, что производитъ Англія теперь. Въ 1782 г. запасъ трехлѣтняго сбора шерсти лежалъ въ сыромъ видѣ, по недостатку рабочихъ. Но примѣненіе бумагопрядильной машины къ обработкѣ шерсти дало новый толчокъ всему производству, и оно пошло такъ же быстро впередъ, какъ и бумажное. Въ 1738 г. въ Вестрайдингѣ (Westriding) и въ Іоркширѣ было приготовлено 75,000 шерстяныхъ платковъ, а въ 1817 году — 490,000. И затѣмъ производство пошло впередъ такъ быстро, что въ 1834 году было сдѣлано платковъ на 450,000 болѣе, чѣмъ въ 1825 году. Въ 1801 году было обработано 101 милл. фунтовъ шерсти, изъ нихъ 7 милл. шерсти привозной; въ 1835 г.— 180 милл. фунтовъ, изъ нихъ 42 милл. привозной, а въ 1858 году ввезено въ Англію 124,520,840 фунтовъ. Населеніе Вестрайдинга, округа, занимающагося преимущественно шерстянымъ производствомъ, увеличилось съ 1835 г. болѣе чѣмъ на 25%. Бредефортъ, гдѣ въ 1801 году населеніе составляло 13,264 человѣка, считалъ въ 1851 году 103,778 жителей. Шерстянымъ производствомъ занималось въ 1835 году 71,300 рабочихъ на 1,313 фабрикахъ; а въ 1856 г. число такихъ фабрикъ составляло 2,030 и число рабочихъ 166,885.

Льняная промышленность шла вначалѣ не такъ быстро, и мѣшала этому

трудность примѣненія къ дѣлу бумагопрядильной машины. Хотя еще въ послѣднихъ годахъ прошедшаго столѣтія дѣлались опыты примѣненія машины къ пряжѣ льна, но только въ 1810 году удалось французу Жирару поставить это дѣло такъ, что оно могло идти въ большихъ размѣрахъ. Машина Жирара, усовершенствованная въ Англіи, положила начало быстрому развитію всего производства въ такой степени, что вывозъ англійскихъ и шотландскихъ тканей съ 24 милл. ярдовъ (1820 г.) дошелъ до 51 милл. (1833).

Такое быстрое развитіе англійской индустріи не ограничилось одними матеріями. Толчокъ, данный разъ, отразился на всѣхъ вѣтвяхъ промышленности, находящихся въ связи съ фабричнымъ производствомъ. Механическій двигатель, примѣненный разъ къ дѣлу, далъ огромную силу всей фабричной системѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и значеніе мертвымъ до того запасамъ каменнаго угля. Далѣе, примѣненіе машинъ къ фабричнымъ производствамъ создало въ огромныхъ размѣрахъ фабрикацію машинъ и дало важность производству желѣза. Запросъ на шерсть поднялъ овцеводство, а развитіе бумажнаго, льняного и шелковаго производствъ и огромный запросъ на эти предметы — развили морскую торговлю и коммерческій флотъ. Но наибольшее развитіе досталось на долю желѣзнаго производства. Мѣстности, богатыя желѣзной рудой, не отличались до тѣхъ поръ ни количествомъ производимаго ими желѣза, ни самыми способами его обработки. Желѣзо обработывалось древеснымъ углемъ и съ уменьшеніемъ лѣсовъ и возвышеніемъ цѣнъ на уголь — поднималось и само въ цѣнѣ. Въ прошедшемъ столѣтіи впервые примѣнили къ отливкѣ чугуна коксъ; потомъ съ 1780 года желѣзо, добываемое посредствомъ кокса, въ видѣ чугуна, начали получать въ видѣ желѣза ковкаго. Метода эта, заключающаяся въ устраненіи изъ сплава углерода и извѣстная подъ именемъ пудлингованія, дала особенное развитіе желѣзному производству Англіи. Къ этому присоединилась еще постройка печей огромныхъ размѣровъ и горячее дутье, давшія возможность такъ понизить цѣну матеріала, что множество вещей, которыя дѣлались прежде изъ камня и изъ дерева, стали приготовлять изъ желѣза. Въ 1788 году былъ выстроенъ въ Іоркширѣ первый желѣзный мостъ, а нынче почти всѣ мосты на желѣзныхъ дорогахъ строятся уже изъ чугуна. Желѣзные или чугунные столбы и колонны, машинные станки, рельсы для желѣзныхъ дорогъ — создали такой сбытъ англійскому чугуну и желѣзу, и открытіе Гонтсмэномъ, въ Шеффильдѣ, способа приготовленія литой стали, упростившей, облегчившей все производство и давшей возможность приготовлять дешево стальныя издѣлія, поставило англійское желѣзное производство первымъ въ свѣтѣ. Населеніе Бирмингама съ 70,670 человѣкъ (1801 г.) возрасло до 232,841 (1851 г.); Шеффильда съ 45,755 человѣкъ (1801 г.) до 135,310 (1851 г.). Въ 1805 году вывезено изъ Англіи 4,300 тоннъ желѣзныхъ издѣлій и 4,600 тоннъ сыраго желѣза; въ 1834 году — 16,200 тоннъ желѣзныхъ издѣлій и 107,000 тоннъ желѣза; а вся добыча желѣза, составлявшая въ 1740 году только 17,000 тоннъ, въ 1834 году дошла до 700,000 тоннъ. Въ настоящее время желѣзное производство во всемъ свѣтѣ составляетъ 140 милл. центнеровъ, и изъ нихъ 60% производитъ Англія.

На плавку желѣза идетъ въ Англіи болѣе 3 милл. тоннъ каменнаго угля. Какъ великъ весь расходъ угля и какъ разрослось это въ высшей степени важное для Англіи производство, можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ. Англійскія каменно-угольныя копи даютъ ежегодно до 64 милл. тоннъ каменнаго угля. Въ Манчестерѣ и его окрестностяхъ дѣйствуютъ постоянно машины, имѣющія вмѣстѣ до 1.200,000 силъ; на нихъ идетъ въ день 30,460 тоннъ угля, а въ годъ 9,648,665 тоннъ. На добываніе соли расходуется въ день 3,046 тоннъ, а въ годъ 964,866 тоннъ. Одни пароходы, дѣлающіе рейсы въ Океанѣ, употребляютъ въ годъ 71,000 тоннъ, а стеклянныя фабрики Великобританіи — 10,156,490 тоннъ. Кромѣ такого громаднаго потребленія угля у себя, Англія въ 1858 г. вывезла 6,173,114 тоннъ угля за границу. Богатства же Англіи въ каменномъ углѣ такъ велики, что она одна могла бы удовлетворять потребности Европы въ каменномъ углѣ въ теченіе 4,000 лѣтъ.

Въ той же степени, какъ желѣзное, увеличилось и производство олова, мѣди и свинца, и рядомъ съ стекляннымъ производствомъ явилось новое гончарное, получившее со временъ Веджвуда (1763) особенное значеніе. Онъ поставилъ все производство на научныя основанія, развилъ вкусъ въ произведеніяхъ, — однимъ словомъ, создалъ нордстафордширское горшечное производство (potteries), такъ что округъ этотъ, имѣющій восемь англійскихъ квадратныхъ миль и бывшій прежде почти совершенной пустыней, покрытъ въ настоящее время фабриками и селеніями, и имѣетъ болѣе 70,000 собственно рабочаго населенія.

Такимъ общимъ широкимъ движеніемъ увлечено было все; порвались старые экономическіе пути.—экономическій переворотъ увлекъ все на совершенно новый путь. Большей реформы всего стараго не создавало еще до сихъ поръ человѣчество. И земледѣліе было тоже увлечено общимъ движеніемъ, и не только тѣмъ, что земельная собственность перешла изъ однѣхъ рукъ въ другія, какъ это уже было сказано, но и въ другомъ отношеніи. Богатые съемщики земель пустили въ ходъ свои капиталы на улучшеніе почвы. Прежніе заборы и изгороди мелкихъ участковъ исчезли, болота стали осушаться, земля получила сильное удобреніе; на обработку земли нашли усовершенствованныя орудія,—и явилось невѣдомое до того плодопеременное хозяйство. Успѣхи химіи и механики, изысканія Дэви и Либиха — помогли еще больше; а увеличеніе населенія и запроса на сельско-хозяйственныя произведенія сдѣлало то, что съ 1760 до 1834 года было обработано вновь 6,840,540 англійскихъ моргеновъ земли, лежавшей впустѣ. И не смотря на то, Англія изъ страны, вывозившей хлѣбъ, превратилась въ страну, нуждающуюся въ чужомъ хлѣбѣ. Въ Англію ввозится ежегодно отъ 8 до 10 милл. квартеровъ хлѣба, и за это она платитъ отъ 18 до 20 милл. фунт. стерлинговъ, т. е. отъ 120 до 140 милл. рублей ежегодно.

Такая же дѣятельность явилась и въ устройствѣ путей сообщенія. Съ 1818 по 1829 годъ устроено вновь въ Англіи и Валлисѣ 1,000 англійскихъ миль шоссе, и всѣ старыя дороги передѣланы по системѣ Мак-Адама. Въ

Шотландіи съ 1803 года устроено болѣе 900 миль шоссе и болѣе 1,000 мостовъ, и населеніе горной Шотландіи поставлено было этимъ сразу въ сообщеніе съ цивилизаціей. До тѣхъ поръ горные шотландцы занимались преимущественно контрабандой и браконьерствомъ; но съ устройствомъ сообщеній сдѣлались прилежными земледѣльцами и ремесленниками, и несмотря на учрежденія народныхъ школъ, для поддержанія кельтійскаго языка, онъ и старые обычаи стали быстро исчезать подъ вліяніемъ англійской цивилизаціи. Тоже самое и въ Ирландіи. Между графствомъ Коркъ, Лемерикъ и Керри лежалъ огромный пустырь, безъ всякихъ проѣздныхъ дорогъ, куда скрывались обыкновенно всѣ бѣглые, всякіе преступники. Дороги открыли въ эту пустыню входъ цивилизаціи. Вся Англіи имѣетъ въ настоящее время сѣть прекраснѣйшихъ шоссе, какихъ нѣтъ нигдѣ, и все это устроено частной предпріимчивостью, какъ и почти все въ Англіи, безъ всякаго участія правительства.

До 1755 года Англія почти не имѣла каналовъ. Въ этомъ году оказались въ ней болѣе значительныя работы этого рода; а въ 1759 г. Джемсъ-Бриндлей прорылъ первый большой каналъ. Съ этихъ поръ каналы получили въ Англіи значеніе, ихъ стали рыть почти по всѣмъ направленіямъ и несудоходныя рѣки превращать въ судоходныя. Въ одной Англіи каналовъ болѣе чѣмъ на 2,200 миль, а общая длина судоходныхъ рѣкъ составляетъ 1,800 миль. Шотландія перерѣзана Каледонскимъ каналомъ. Въ Ирландіи тоже много каналовъ. И все это, какъ и шоссе, какъ и желѣзныя дороги, дѣло частной предпріимчивости.

Желѣзныя дороги начались въ Англіи съ 1830 г., когда открыта первая дорога между Ливерпулемъ и Манчестеромъ. Съ этихъ поръ постройка дорогъ шла съ невѣроятной быстротой, и желѣзными дорогами соединены въ Англіи не только большіе города, но и многіе малые. Въ 1860 году открытыя дороги представляли длину въ 2,200 нѣмецкихъ миль (15,400 верстъ).

Такъ же шло и развитіе торговаго мореходства: и здѣсь паръ создалъ такой же переворотъ, какъ и въ дорогахъ. Первый пароходъ устроенъ былъ въ Америкѣ, въ 1807 году; первый пароходъ въ Англіи построенъ въ 1811 году; а въ 1836 году Англія считала у себя болѣе 600 пароходовъ; весь же коммерческій флотъ Англіи имѣетъ въ настоящее время 37,000 судовъ, съ 180,000 человѣкъ корабельной прислуги.

Вотъ вкратцѣ исторія англійской промышленности за послѣднія семьдесятъ лѣтъ, исторія, не представляющая ничего подобнаго въ исторіи человѣчества. Страна, какъ и всѣ, семьдесятъ лѣтъ назадъ небогатая, съ слабой промышленностью и торговлей, съ небольшими городами, съ населеніемъ преимущественно земледѣльческимъ, Англія становится первой страной въ мірѣ, съ столицей въ 3 милліона жителей, съ громадными фабричными городами, съ индустріей, не представляющей нигдѣ ничего подобнаго. Весь характеръ жизни народа, его обычаи и потребности—все это измѣнилось почти до корня и не имѣетъ ничего общаго съ старой Англіей. Разница между нынѣшней Англіей и Англіей 1760 года такъ же велика, какъ между Франціей нынѣшней и Франціей до 1789 года. Совершенное перерожденіе и полнѣйшій переворотъ во

всемъ. Но какъ ни громаденъ этотъ переворотъ, какъ ни ослѣпительны его блестящія стороны, а главнѣйшій и самый важный плодъ экономическаго переворота составляетъ, разумѣется, англійскій пролетаріатъ, котораго старая Англія не знала.

II.

Пролетарій въ большихъ городахъ.

Быстрое развитіе промышленности потребовало сначала много рукъ, задѣльная плата поднялась и — цѣлые транспорты рабочихъ потянулись изъ земледѣльческихъ округовъ въ города, за этой выгодной платой. Такъ создались промышленные города Англіи, въ которыхъ три четверти населенія составляютъ рабочіе, а остальное — мелкая буржуазія занимающаяся мелочной торговлей (лавочничествомъ) или ремеслами, и богатые капиталисты. Развитіе промышленности превратило ручныя производства въ машинныя, мастерскія въ фабрики, рабочее сословіе въ рабочій пролетаріатъ и богатыхъ торговцевъ въ фабрикантовъ. Какъ здѣсь вся опасность досталась на долю средняго сословія и народа, который разбился на рабочихъ и капиталистовъ, такъ случилось и съ индустріей въ тѣсномъ смыслѣ, ремеслахъ и даже торговлѣ. На мѣсто бывшихъ мастеровъ и подмастерьевъ явились богатые капиталисты и рабочіе. У послѣднихъ нѣтъ никакихъ видовъ и надежд выдти изъ своего положенія. Разныя производства пошли на фабричный ладъ, раздѣленіе работъ установилось во всей строгости, и мелкіе мастера, не имѣвшіе силъ соперничать съ большими заведеніями, ушли въ пролетаріатъ. Въ то же время, съ уничтоженіемъ ремесленныхъ производствъ и мелкой буржуазіи, рабочій сталъ принимать всѣ мѣры, чтобы сдѣлаться самому буржуа. До сихъ поръ каждый рабочій имѣлъ виды сдѣлаться мастеромъ, а затѣмъ завестись и подмастерьями; но съ тѣхъ поръ, какъ мастеру стали угрожать фабриканты, съ тѣхъ поръ, какъ для самостоятельнаго производства потребовался большой капиталъ, пролетаріатъ достигъ самостоятельности, онъ сдѣлался прочнымъ, постояннымъ классомъ населенія, тогда какъ прежде онъ составлялъ только прожилки буржуазіи. Теперь, кто сдѣлался рабочимъ, тотъ имѣлъ въ будущемъ одно—быть вѣчнымъ пролетаріемъ. Пролетаріатъ сложился въ цѣлое. Но онъ пошелъ и дальше,—онъ сталъ чувствовать свою силу. Этимъ путемъ огромныя массы рабочихъ сплотились въ одно цѣлое, наполнили Британію. Положеніе современнаго рабочаго, составляющаго большинство населенія Европы, есть вопросъ о кускѣ насущнаго хлѣба, не всегда достаточномъ, чтобы спасти человѣка отъ голодной смерти. И что будетъ наконецъ съ этими милліонами людей, которые сегодня съѣдаютъ то, что они заработали вчера? Вопросъ этотъ становится ужаснѣе и громаднѣе еще оттого, что буржуазія, занятая своими денежными интересами, не хочетъ знать ничего о нуждѣ рабочаго. Она куетъ деньги и оставляетъ рабочаго умирать съ голоду, если для нея нѣтъ выгоды, чтобы онъ жилъ.

Вмѣстѣ съ централизаціей капитала явилась и централизація народонаселенія; потому что учрежденіе большихъ заведеній, фабрикъ и мануфактуръ потребовало и большаго числа рабочихъ, работающихъ въ одномъ зданіи. Вся эта масса рабочихъ должна жить, разумѣется, при самой фабрикѣ или какъ можно ближе отъ нея. Наконецъ и рабочіе имѣютъ свои потребности; для удовлетворенія этихъ потребностей нужны опять люди,—и вотъ потянулись къ нимъ ремесленники, портные, сапожники, булочники, столяры. Такимъ образомъ около фабрики группируется цѣлое населеніе, образуется деревня. Мѣстные жители, особенно молодое поколѣніе, привыкаютъ къ фабричной работѣ, потому что не имѣютъ другой, и если фабрика, находящаяся на мѣстѣ, не можетъ дать занятій всѣмъ являющимся къ ней рабочимъ, задѣльная плата падаетъ, и эта выгода заставляетъ фабрикантовъ строить тутъ же новыя фабрики. Такимъ путемъ деревня превращается въ маленькій городъ, маленькій городъ въ большой. Чѣмъ больше городъ, тѣмъ выгоднѣе поселеніе: есть желѣзныя дороги, каналы, шоссе, выборъ между опытными рабочими богаче; новыя учрежденія и постройки дѣлаются дешевле, потому что при конкуренціи рабочіе, строительные матеріалы, машины и самая фабричная работа становятся дешевле, нежели въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, куда все это трудно перевозить. Наконецъ рынокъ и биржа подъ рукой, слѣдовательно, всѣ торговыя и промышленныя сношенія стоютъ непосредственнѣе и дешевле. Вотъ причина быстраго увеличенія фабричныхъ и промышленныхъ городовъ. Но и сельскія мѣстности представляютъ тоже свои выгоды,—тамъ дешевле рабочій, дешевле его содержаніе. И въ этомъ отношеніи сельскія мѣстности находятся въ постоянной конкуренціи съ городами, такъ что учрежденіе новыхъ фабрикъ въ селахъ представляетъ всегда свои выгоды. При такомъ стремленіи фабрикъ учреждаться въ мѣстностяхъ дешевой задѣльной платы, централизирующая сила фабрикъ остается въ прежней мѣрѣ, такъ что каждая новая фабрика, учрежденная внѣ города, имѣетъ уже въ себѣ зародышъ будущаго фабричнаго города. Если стремленіе къ фабричности, существующее теперь въ Англіи, продержится въ ней въ той же силѣ еще сто лѣтъ, то вѣрно можно сказать, что каждый промышленный округъ Англіи превратится въ одинъ огромный городъ.

Въ большихъ промышленныхъ городахъ промышленность и торговля достигаютъ своего высшаго развитія, и съ этимъ, разумѣется, всѣ послѣдствія ихъ и вліяніе на пролетарія являются яснѣе и выпуклѣе. Тутъ централизація собственности достигаетъ высшаго развитія; тутъ, какъ въ огромной химической лабораторіи, совершается разложеніе всего прежняго строя жизни, прежнихъ обычаевъ. И вотъ почему въ большихъ городахъ видиѣе, чѣмъ гдѣнибудь, все паслоеніе народа, его дѣленіе на крайнихъ бѣдныхъ и на крайнихъ богатыхъ; тутъ видиѣе нужда со всѣми ея отвратительными послѣдствіями, жадность буржуазіи къ деньгамъ, ея стремленіе добыть копѣйку возможно легчайшимъ путемъ, безъ всякой застѣнчивости относительно выбора способа, спекуляція, развратъ.

Наибольшую массу населенія большихъ городовъ, какъ мы уже сказали,

составляетъ пролетарій. Какъ же дѣйствуютъ на него большіе города? какое обнаруживаютъ они на него вліяніе? Вопросъ этотъ, разумѣется, самый важный, потому что каково жить въ городахъ капиталистамъ, можно судить и вѣрно и легко по блестящимъ магазинамъ и ресторанамъ, по блестящимъ экипажамъ и по великолѣпнымъ отелямъ богачей. Имъ хорошо; это ясно; но посмотримъ, каково пролетарію.

Ужъ разумѣется, нѣтъ въ мірѣ города величественнѣе и громаднѣе Лондона. Онъ поражаетъ, особенно если въ него въѣзжать моремъ черезъ Темзу къ Лондонъ-бриджу. Массы домовъ по той и по другой сторонѣ, верфи, безчисленное множество кораблей и судовъ, стоящихъ по обоимъ берегамъ рѣки, которые, накопляясь все больше и больше, оставляютъ наконецъ въ срединѣ рѣки узкій проходъ, гдѣ шныряютъ сотни пароходовъ; все это громадное величіе громаднѣйшаго въ мірѣ города поражаетъ человѣка, впервые посѣщающаго Англію. Тутъ, въ этомъ городѣ, онъ начинаетъ чувствовать промышленную силу націи изъ силы и громадности ея столицы. Но это же громадное величіе мѣшаетъ на первое время читать въ блескѣ силы горькую правду жизни, созданную наиболѣе ослѣпляющими сторонами современной промышленности. Жертвы, которыми куплена этотъ блескъ, куплена эта сила, являются какъ тѣни только послѣ. Только послѣ нѣсколькихъ дней знакомства съ уличной жизнью, только послѣ знакомства съ бѣдными кварталами, съ образомъ жизни главной, рабочей массы населенія является возможность оцѣнить, сколько жертвъ принесла и приноситъ нація, чтобы достигнуть этого ослѣпляющаго блеска. Принципъ индивидуальности дошелъ въ Англіи до самаго грубаго равнодушія; каждый эксплоатируетъ другаго: сильный тянетъ изъ слабаго все, что онъ можетъ изъ него вытянуть; сильный и богатый, поглощая все, пользуясь всѣмъ, лишаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ бѣднаго всего, оставляя ему самое жалкое существованіе. И этотъ порядокъ вездѣ; вездѣ самое варварское равнодушіе: эгоистическая жестокость съ одной стороны и жалкая бѣдность съ другой; вездѣ война силы противъ безсилія. И все это подъ защитою закона, и все это такъ беззастѣнчиво, такъ чистосердечно тупо.

Въ этой посредственной или непосредственной войнѣ капиталистъ владѣетъ всѣми средствами жизни, и всѣ невыгоды падаютъ на бѣднаго. Никто не думаетъ о немъ. Если онъ такъ счастливъ, что досталъ работу—это разумѣется хорошо,—и онъ ждетъ своей платы, едва достаточной для его существованія. Если же работы нѣтъ, то онъ можетъ воровать, если имѣетъ къ тому охоту и не боится полиціи, или же голодать; впрочемъ и тутъ полиція приметъ мѣры, чтобы онъ голодалъ втихомолку и не безпокоилъ буржуазію.

Энгельсъ разсказываетъ, что во время его пребыванія въ Англіи до тридцати человѣкъ умерли чисто отъ голоду. И присяжные—выбираемые изъ той же буржуазіи — никогда не высказывались опредѣлительно на этотъ счетъ; они умѣли ловко обходить щекотливый вопросъ и страшное выраженіе: «умеръ съ голоду» никогда не срывалось съ ихъ языка. А сколько людей умерло и умираетъ съ голоду не посредственно—когда лишенія всякаго рода и скудость

средствъ существованія вызываютъ смертельныя болѣзни, болѣзни, которыя при другихъ обстоятельствахъ имѣли бы счастливый исходъ, и дѣлающіяся смертельными отъ лишеній!

Разумѣется, голодаютъ или умираютъ съ голода только отдѣльныя лица. Но гдѣ для рабочаго гарантія, что завтра не придетъ его очередь умереть съ голоду? Кто обезпечиваетъ его положеніе? Что удостовѣряетъ его, что одного желанія работать достаточно, чтобы имѣть работу? Что честность, прилежаніе, бережливость —эти добродѣтели, представляемыя рабочимъ буржуазіей, какъ дорога къ счастью—точно приведутъ рабочаго къ счастью? Никто. Онъ знаетъ, что онъ имѣетъ сегодня; но не отъ него зависитъ имѣть что-нибудь завтра; онъ знаетъ, что если сегодня онъ имѣетъ чѣмъ жить, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что и завтра онъ добудетъ себѣ кусокъ хлѣба.

Если мы вдадимся въ подробности жизни рабочаго, разсмотримъ, какое вознагражденіе получаетъ онъ за свой трудъ въ денежной плати, жилищѣ, одеждѣ, пищѣ, какое существованіе обезпечено рабочему, то приведенные факты убѣдятъ читателя, что войны капитала и труда, распаденіе европейскаго общества на эксплуатирующихъ и эксплуатируемыхъ, дѣленіе людей на имѣющихъ больше, чѣмъ имъ нужно, и на неимѣющихъ ничего и незнающихъ, что ждетъ ихъ завтра, людей, у которыхъ выборъ невеликъ, кусокъ хлѣба или голодная смерть—есть величайшая язва современной цивилизаціи и промышленности, разбившей европейское общество на два враждебныхъ лагеря. Начнемъ съ помѣщеній.

Каждый большой городъ имѣетъ свои дурные кварталы, набитые рабочими. Случается нерѣдко, что бѣдность живетъ и рядомъ съ дворцами богачей, въ тѣсныхъ, узкихъ улицахъ; но обыкновенно ей принадлежатъ особыя части городовъ, не лежащія на глазахъ людей богатыхъ. Эти бѣдные кварталы во всѣхъ городахъ Англіи устроены почти одинаково скверно. Большею частью двухэтажные, а иногда и одноэтажные дома, по возможности съ подвальными этажами, и почти вездѣ расположенные или раскинутые неправильно и въ скверныхъ частяхъ города. Дома эти съ тремя до четырехъ комнатъ, съ кухней, и называемые обыкновенно котеджами (cottage), служатъ почти вездѣ помѣщеніями для рабочихъ. Улицы, гдѣ находятся такіе котеджи, не имѣютъ обыкновенно мостовыхъ, узки, грязны, закинуты всякимъ соромъ и нечистотой, лишены стоковъ и наполнены вонючими лужами и застоями нечистотъ. Неправильная постройка и расположеніе улицъ мѣшаютъ вентиляціи, и какъ на маленькомъ пространствѣ обыкновенно бываетъ сбито большое число людей, то легко себѣ представить, какой воздухъ въ этихъ кварталахъ.

Русскіе, бывшіе за границей, легко могутъ представить себѣ, что за вонь живетъ въ такихъ мѣстахъ по одному изящному Парижу, гдѣ даже въ лучшихъ частяхъ города,—исключая, и то не вполнѣ, бульваровъ,—человѣкъ съ легкими, понимающими потребность дышать чистымъ воздухомъ, задыхается совершенно отъ чада жареная кофе, жареныхъ котлетъ и бифстексовъ, отъ вони мясныхъ лавокъ, разныхъ нечистотъ, выливаемыхъ безстыдничью на улицу, и отъ будочекъ и подобныхъ учрежденій, устроенныхъ для

мужчинъ почти у каждаго дома. А въ Лондонѣ бездна такихъ улицъ; цѣлыя сотни, если не тысячи, наполненныя домами, невозможными для жилья, если человѣкъ имѣетъ возможность занимать мало-мальски человѣческое помѣщеніе. Въ другихъ же, весьма приличныхъ, хотъ и не фешенебельныхъ улицахъ, напримѣръ Long-Acre, бездна подвальныхъ помѣщеній, изъ которыхъ выглядываютъ болѣзненныя, изнуренныя дѣтскія лица, и истомленныя въ лохмотьяхъ женщины выставляются на свѣтъ Божій.

По статистическимъ свѣдѣніямъ, въ приходѣ S-t John и S-t Margaret, въ Вестминстерѣ, жило въ 1840 г. 5,366 семействъ рабочихъ въ 5,294 квартирахъ, —мужчины, женщины, дѣти, безъ различія пола и возраста, скученные вмѣстѣ въ числѣ 26,830 лицъ. И три четверти изъ этого числа имѣли только по одной комнатѣ. Въ приходѣ S-t Georg, Hanover-Square — 1,465 рабочихъ семействъ, въ числѣ 6,000 лицъ, жили совершенно въ такомъ же положеніи. За отвратительныя квартиры близъ Друри-Ленскаго театра рабочіе платили слѣдующую плату: за двѣ подвальныя комнаты 3 шиллинга, одна комната въ партерѣ 4 шил., въ первомъ этажѣ $4^1/_2$ шил., во второмъ 4 шил., въ мансардѣ 3 шил. въ недѣлю. Въ цѣломъ, истомленные голодомъ жильцы Чарльстрита отдавали владѣльцамъ домовъ ежегодно 2,000 фунтовъ (14 тыс. р.), а упомянутыя выше 5,366 семействъ Вестминстера ежегодно платили всего 40,000 фунтовъ или 270,000 руб.

Но большой рабочій кварталъ лежитъ на востокъ отъ Тауера, въ Whitechapel и Bethnal-Green, гдѣ сконцентрирована наибольшая масса лондонскаго рабочаго населенія. Пасторъ Ольстонъ говоритъ вотъ что о своемъ приходѣ, лежащемъ въ Bethnal-Green: Онъ содержитъ 1,400 домовъ, занятыхъ 2,795 семействами, въ числѣ 12,000 лицъ. Пространство, на которомъ живетъ это громадное населеніе, занимаетъ менѣе 1,200 футовъ въ квадратѣ. При такой тѣснотѣ очень обыкновенная вещь, если мужъ, жена, отъ четырехъ до пяти дѣтей, а иногда и дѣдушка и бабушка, живутъ въ одной комнатѣ въ 10 — 12 футовъ въ квадратѣ, гдѣ они и работаютъ, и ѣдятъ, и спятъ. Я думаю, что прежде чѣмъ лондонскій епископъ обратилъ общее вниманіе на этотъ въ высшей степени бѣдный приходъ, объ немъ, тамъ, въ западной части Лондона, знали такъ же мало, какъ о дикаряхъ Австраліи. И если мы хоть разъ лично познакомимся съ страданіями этихъ несчастныхъ, если ихъ послушаемъ за ихъ скудной ѣдой, если посмотримъ на ихъ страданія отъ болѣзни или отъ недостатка работы, то увидимъ такую страшную безпомощность, найдемъ такую массу страданій, что нація, какъ наша, должна стыдиться возможности этого въ своей странѣ. Я былъ священникомъ въ Гедерсфильдѣ въ теченіе трехъ лѣтъ, когда фабрики шли особенно дурно, но я никогда не видѣлъ такой бѣдности, какую встрѣтилъ въ Bethnal-Green. Можетъ быть только одинъ изъ десяти отцовъ семейства во всемъ околоткѣ имѣлъ еще платье, кромѣ своего рабочаго; да и то было худо и заплатано до невозможности. Многіе, кромѣ этой ветоши, не имѣли другаго одѣяла на ночь; а вмѣсто постели служилъ имъ мѣшокъ съ соломой или стружками.»

Разумѣется, многіе изъ русскихъ, знакомые съ образомъ жизни нашихъ ямщиковъ на большихъ дорогахъ, не найдутъ въ этомъ ничего ужаснаго. Но мы просимъ вспомнить, что здѣсь рѣчь идетъ объ Англіи; просимъ припомнить, что положеніе и жизнь ямщика не считается и у насъ въ народѣ положеніемъ завиднымъ. Ни одинъ изъ зажиточныхъ и домовитыхъ крестьянъ не пойдетъ въ ямщики на большую дорогу, — только нужда гонитъ въ эту работу. А сколько примѣровъ полнѣйшей нищеты, совершенной невозможности существованія и возможности одного выхода — голодной смерти! Разумѣется, не всѣ рабочіе Лондона находятся въ такомъ безвыходномъ положеніи, многимъ жить гораздо лучше; но это нисколько не измѣняетъ основнаго положенія нашего вопроса; все-таки тысячи прилежныхъ и честныхъ семействъ находятся въ самомъ жалкомъ положеніи, и каждый пролетарій, каждый безъ исключенія, не смотря на всѣ свои усилія, противъ своей воли и безъ всякой вины съ его стороны, можетъ очутиться въ такомъ положеніи, можетъ быть постигнутъ такой печальной участью.

Разумѣется, тѣ, у которыхъ есть хоть какая-нибудь крыша, счастливѣе тѣхъ, кому приходится жить подъ открытымъ небомъ. Въ Лондонѣ встаютъ каждый день 50,000 людей, которые не знаютъ, гдѣ имъ придется провести слѣдующую ночь. Счастливцы, у которыхъ, за всѣми расходами, останется къ вечеру одинъ или два пенса, отправляются въ такъ-называемые lodginghouse'ы, которыхъ во всѣхъ большихъ городахъ множество, и гдѣ бѣднякъ можетъ за свои деньги пристроиться на ночь. Но какой ночлегъ! Домъ снизу до верху набитъ постелями: четыре, пять, шесть постелей въ одной комнатѣ,— однимъ словомъ, сколько войдетъ. На одной постели помѣщается четыре, пять, шесть человѣкъ, — тоже сколько уляжется; здоровые, больные, старые и малые, мужчины и женщины, пьяные и трезвые, всѣ вмѣстѣ, по порядку, кто за кѣмъ пришелъ. Ссоры, драки, развратъ, — вотъ что происходитъ въ этихъ ночныхъ пріютахъ. И такой ночлегъ считается еще удѣломъ болѣе счастливыхъ! А тѣ, у кого нѣтъ средствъ заплатить за пристанище? — они снятъ, гдѣ случится, гдѣ найдутъ мѣсто: въ пассажахъ, подъ аркадами, или въ какомъ нибудь углу, гдѣ полиція или хозяинъ мѣста дадутъ имъ выспаться. Многіе ночуютъ въ пріютахъ, учрежденныхъ частными лицами, и несмотря на то, что такихъ пріютовъ для ночлега въ Лондонѣ много, еще много народа остается безъ крова, не имѣетъ постояннаго жилья и не имѣетъ для того средствъ, не имѣетъ никакой собственности, кромѣ той, какая на немъ. Это низшая степень пролетаріата, составляющая прямой переходъ къ разврату, къ окончательному моральному паденію человѣка. Такому пролетарію остается одинъ выходъ—искать средствъ улучшенія своего состоянія въ кражѣ.

Это былъ Лондонъ. Въ остальныхъ большихъ городахъ Англіи не лучше, если только не хуже. Напримѣръ, Дублинъ, красивѣйшій городъ въ Англіи съ моря, съ лучшимъ заливомъ во всей странѣ, такъ что ирландцы сравниваютъ его съ Неаполемъ. Въ этомъ городѣ аристократическія его части отличаются вкусомъ и красотой построекъ, и въ этомъ отношеніи онъ переще-

голялъ остальные города Англіи. Но зато и бѣдныя части города представляютъ худшее и мерзѣйшее, что только можно себѣ представить. Въ этой нечистотѣ можно бы обвинить ирландцевъ. Но въ такомъ случаѣ она должна бы быть специфической, т. е. исключительной принадлежностью Дублина и Ирландіи. А этого нѣтъ; Лондонъ, Эдинбургъ, Бирмингамъ, да и всѣ остальные большіе и промышленные города Англіи представляютъ то же самое. Та же бѣдность, нечистота и неудобство рабочихъ кварталовъ. Въ Дублинѣ однако все это хуже, все бѣднѣе, все грязнѣе и непріятнѣе. Неудобство жилищъ и грязь улицъ превышаютъ всякое вѣроятіе.

И Эдинбургъ, эти новыя Аѳины, съ блестящей аристократической частью города, представляютъ страшный контрастъ аристократической новой части съ рабочими кварталами или старымъ городомъ. Жизнь рабочихъ здѣсь еще бѣднѣе и бѣдственнѣе, чѣмъ даже въ Ирландіи, въ Дублинѣ. Этому способствуетъ самый способъ и характеръ шотландскихъ построекъ. Старый городъ построенъ на скатахъ одного холма, по гребню котораго идетъ главная, Высокая улица (High-street). Отъ этой улицы, по обѣ ея стороны, сбѣгаютъ множество узкихъ, кривыхъ улицъ, дѣлающихъ множество извилинъ, и прозванныхъ wynds (извилины). Эти-то улицы и составляютъ городъ пролетаріевъ. Дома въ Шотландіи вообще высоки, пяти, шести-этажные, какъ въ Парижѣ,—и противъ англійскаго обычая, гдѣ по возможности каждое семейство старается имѣть для себя особый домъ, заняты нѣсколькими семействами, какъ и у насъ, въ Петербургѣ. Улицы эти бываютъ иногда до того узки, что изъ окна одного дома можно весьма удобно перелѣзть въ окно дома на противоположной сторонѣ улицы. При этомъ дома такъ высоки, такъ напромождены этажъ на этажъ, что свѣтъ едва доходитъ до дворовъ и улицъ. Въ этой части города стоковъ въ домахъ почти нѣтъ, нечистоты выливаются на улицы въ сточныя трубы и, несмотря на чистку трубъ, выдѣляютъ такой вонючій паръ, что весьма не трудно вообразить, какъ все это должно оскорблять обоняніе и дѣйствовать вредно на здоровье. Квартиры бѣднаго населенія обыкновенно очень грязны; онѣ состоятъ большею частью изъ одной комнаты, съ плохими рамами, худо пригнанными, и оттого, разумѣется, холодными. Такія квартиры обыкновенно сыры, нерѣдко въ подвальномъ этажѣ—въ землѣ, скверно меблированы, такъ что пукъ соломы служитъ постелью для цѣлаго семейства, на которомъ мужчины и женщины, дѣти и старики—все валяется въ кучѣ.

Въ другихъ приморскихъ городахъ не лучше. Ливерпуль, этотъ богатый, блестящій торговый городъ, представляетъ для своего бѣднаго населенія такія же удобства жизни. Пятая часть населенія, т. е. болѣе 45 т. людей, живетъ въ тѣсныхъ, темныхъ, сырыхъ и худо вентилированныхъ подвалахъ, которыхъ въ городѣ 7,862. Кромѣ этихъ погребовъ есть еще въ городѣ такъ-называемые дворики (courts). Ихъ 2,270. Это маленькія мѣста, застроенныя со всѣхъ четырехъ сторонъ и имѣющія съ одной стороны узкій, крытый входъ. Такое устройство лишаетъ дворики всякой вентиляціи; они грязны и составляютъ обыкновенно жилье пролетарія.

Глазгоу въ этомъ отношеніи имѣетъ много общаго съ Эдинбургомъ: та-

кія же извилины (wynds), такіе же высокіе дома. Рабочіе, составляющіе до 78% всего населенія (до 300,000) живутъ въ такихъ частяхъ города, которыя бѣдностью, нечистотой стоятъ еще выше дурныхъ кварталовъ Лондона и Эдинбурга. Такихъ мѣстъ множество даже въ самой срединѣ города. Безконечные лабиринты узкихъ улицъ, или извилинъ, въ которыхъ почти на каждомъ шагу попадаются дворики или глухія улицы (мѣшки), образуемые старыми, худо вентилированными, высокими, лишенными воды домами. Такіе дома буквально набиты жильцами, такъ что отъ 15 до 20 лицъ помѣщается въ одной комнатѣ. Эти кварталы, населенные бѣднѣйшимъ, нравственно низкимъ и наиболѣе негоднымъ населеніемъ, служатъ источникомъ лихорадочной эпидеміи, распространяющейся по всему Глазгоу. Симонсъ, коммисаръ, назначенный правительствомъ для изслѣдованія положенія ремеслъ этого города, говоритъ въ своемъ отчетѣ слѣдующее: «я видѣлъ нищету и бѣдствіе въ наивысшихъ фазахъ ея развитія; я видѣлъ нищету и въ Глазгоу, и на континентѣ, но нокамѣстъ я не посѣтилъ извилинъ (wynds) Глазгоу, я не думалъ, чтобы въ какой нибудь цивилизованной странѣ существовало столько преступленій, бѣдности и болѣзней. Въ низкихъ помѣщеніяхъ спятъ десять, двѣнадцать, а иногда и двадцать человѣкъ обоего пола и всякаго возраста, на полу, въ перемежку, болѣе или менѣе нагіе. Эти помѣщенія обыкновенно такъ грязны, сыры и плохи, что ни одинъ человѣкъ не захотѣлъ бы поставить туда свою лошадь».

Теперь перейдемъ къ классической мѣстности англійской промышленности, къ южному Ланкаширу, съ его центромъ Манчестеромъ. Этотъ кругъ занимаетъ прекрасную волнистую мѣстность, перерѣзываемую множествомъ рѣкъ. Мѣстность эта, за сто лѣтъ предетавлявшая большею частью болота съ рѣдкимъ населеніемъ, въ настоящее время покрыта городами и селеніями и составляетъ населеннѣйшую часть Англіи. Въ Ланкаширѣ и собственно въ Манчестерѣ находится центръ англійской индустріи: манчестерская биржа— термометръ всѣхъ колебаній промышленныхъ сношеній; фабричность достигла въ Манчестерѣ своего высшаго развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и слѣдствія новѣйшей индустріи, относительно рабочаго населенія, достигли здѣсь полнѣйшаго развитія, и пролетаріатъ является здѣсь въ своей совершеннѣйшей формѣ. Низкое положеніе, въ которое рабочій былъ поставленъ приложеніемъ пара, машинъ и раздѣленіемъ работъ, и попытки пролетарія подняться изъ этого униженнаго положенія —достигли здѣсь своей наибольшей высоты, пришли къ наивысшему сознанію. Однимъ словомъ, —успѣхи новѣйшей промышленности со всѣми ея послѣдствіями, какъ для капиталистовъ, такъ и относительно рабочихъ, являются здѣсь въ наиболѣе выпукломъ и яркомъ видѣ. Вотъ почему Манчестеръ считается типомъ новѣйшей индустріи; вотъ почему онъ служитъ постоянно центромъ движеній промышленнаго пролетаріата.

Города, окружающіе Манчестеръ и находящіеся съ нимъ въ одномъ округѣ, относительно положенія рабочихъ мало отличаются отъ своего центра. Все различіе сводится только къ тому, что рабочее населеніе въ нихъ гуще, чѣмъ въ Манчестерѣ. Эти города чисто фабричные, а всѣ коммерческія дѣла

несетъ на себѣ Манчестеръ. Они зависятъ вполнѣ отъ своего центральнаго города и населены рабочими, фабрикантами, мелочными торговцами и лавочниками, тогда какъ Манчестеръ имѣетъ еще довольно значительное коммерческое населеніе. Такимъ образомъ, Больтонъ, Престонъ, Вейгенъ, Рочдель, Мидльтонъ, Гейвудъ, Аштонъ и другіе, несмотря на то, что имѣютъ населеніе въ тридцать, пятьдесятъ, семьдесятъ и девяносто тысячъ жителей, состоятъ почти исключительно изъ одного рабочаго населенія, и рабочихъ кварталовъ. Сами города, выстроенные плохо и неправильно, съ грязными дворами, улицами и переулками, наполнены чадомъ каменно-угольнаго дыма. Подвалы здѣсь вездѣ; и гдѣ представляется хоть малѣйшая возможность,— ихъ устраиваютъ непремѣнно, и довольно значительная часть населенія живетъ въ нихъ. Лучшій изъ всѣхъ этихъ городовъ Аштонъ, но и въ немъ котеджи плохи.

Хотя каждый изъ этихъ городовъ и представляетъ свои особенности, но вообще рабочіе живутъ въ нихъ совершенно такъ же, какъ и въ Манчестерѣ, такъ что всѣ замѣчанія, которыя можно сдѣлать о Манчестерѣ, относятся вполнѣ и къ маленькимъ городамъ его округа.

Манчестеръ лежитъ на южномъ склонѣ цѣпи холмовъ, которые отъ Ольдгема тянутся между долинами рѣкъ Эрвеля и Медлока. Собственный Манчестеръ лежитъ на лѣвомъ берегу Эрвеля, при впаденіи въ него Медлока и Эрка. Но тутъ же лежатъ Сальфордъ, Пендльтонъ, Браутонъ, Читамъ-Гиль, Гольмъ, Чорльтонъ, Ардвикъ, обыкновенно въ цѣломъ ихъ объемѣ называемые тоже Манчестеромъ и заключающіе болѣе 400,000 жителей.

Городъ выстроенъ весьма своеобразно; въ немъ можно жить цѣлые годы, ходить каждый день гулять по городу, ни разу не наткнувшись на рабочіе кварталы, или на рабочихъ. И это сдѣлано частью безъ намѣренія, а больше съ сознаніемъ, чтобы отдѣлить среднее сословіе отъ рабочихъ кварталовъ. Въ срединѣ Манчестера лежитъ довольно большой торговый кварталъ,—длинный и широкій въ полмили,—состоящій почти исключительно изъ конторъ и складовъ товаровъ (ware-houses). Почти весь кварталъ этотъ необитаемъ; по ночамъ онъ совершенно пустъ и тихъ, и только развѣ полицейскіе, съ своими потаенными фонарями, проходятъ по его узкимъ и темнымъ улицамъ. Эта мѣстность и далѣе перерѣзана нѣкоторыми главными улицами, въ которыхъ сосредоточена почти вся городская дѣятельность, и въ которыхъ нижніе этажи домовъ заняты блестящими магазинами. Тутъ, тамъ и сямъ, дома имѣютъ жильцовъ, и на улицахъ даже до поздней ночи можно найти довольно жизни. За исключеніемъ этихъ промышленныхъ кварталовъ, весь Манчестеръ, весь Сальфордъ, Гольмъ, и значительная часть Пендльтона и Чорльтона и двѣ трети Ардвика, и отдѣльныя части Читамъ-Гиля и Браутона составляютъ исключительно рабочіе кварталы, которые широкимъ поясомъ, около полуторы мили, окружаютъ промышленную часть города. Вся высшая и средняя буржуазія живетъ внѣ этого пояса: средняя въ правильныхъ улицахъ въ сосѣдствѣ съ рабочими кварталами; высшая—въ отдаленныхъ, прекрасныхъ и удобныхъ домахъ съ садами, въ Чорльтонѣ и Ардвикѣ, или на

возвышенностяхъ Читамъ-Гиля, Браутона и Пендльтона, на свободномъ здоровомъ сельскомъ воздухѣ. Самое же замѣчательное во всемъ этомъ то, что денежная аристократія можетъ проходить, ближайшей дорогой, къ мѣстамъ своихъ занятій чрезъ всѣ рабочіе кварталы и вовсе не замѣтить ихъ; она можетъ заниматься своими дѣлами, не замѣчая, что направо и налѣво, совсѣмъ близко отъ нея, находится грязная, ужасная нищета. И вотъ какимъ образомъ. Главныя улицы, идущія отъ биржи во всѣ стороны и выводящія за городъ, заняты почти непрерывнымъ рядомъ магазиновъ. Магазины эти, принадлежащіе средней буржуазіи, имѣютъ приличный, опрятный видъ, что необходимо составляетъ собственный интересъ торгующихъ. Несмотря на то, однако, магазины эти имѣютъ нѣчто родственное съ кварталами, лежащими за ними,—и слѣдовательно въ коммерческихъ кварталахъ и въ сосѣдствѣ съ кварталами буржуазіи элегантнѣе, чѣмъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они заслоняютъ грязные котеджи рабочихъ. Напримѣръ, Market-Street, идущая на юго-востокъ отъ биржи, имѣетъ вначалѣ блестящіе магазины перваго класса, а въ верхнихъ этажахъ конторы и склады товаровъ; дальше на своемъ продолженіи (Piccadilly) имѣетъ громадные отели и склады; еще дальше (London Road)—пивныя, лавки для мелкой буржуазіи и для рабочихъ; затѣмъ въ Ardwick Green дома высшей и средней буржуазіи, и затѣмъ огромные сады и загородные дома богатыхъ фабрикантовъ и купцовъ. Такимъ образомъ можно пройти Манчестеръ и не увидѣть кварталовъ, занятыхъ рабочими. «Я знаю», говоритъ Энгельсъ, «очень хорошо, что этотъ хаотическій способъ построекъ принадлежитъ болѣе или менѣе всѣмъ большимъ городамъ; я знаю также, что мелочные продавцы, по самому существу ихъ торговли, должны занимать большія, наиболѣе людныя улицы; я знаю, что вездѣ на такихъ улицахъ всегда больше хорошихъ, чѣмъ плохихъ домовъ, и что близъ такихъ домовъ цѣна мѣстамъ выше, чѣмъ въ кварталахъ, болѣе отдаленныхъ; но въ то же время я не видѣлъ нигдѣ такого систематическаго отдаленія рабочихъ отъ главныхъ улицъ, такого деликатнаго прикрытія всего того, что можетъ оскорбить зрѣніе и нервы буржуазіи, какъ въ Манчестерѣ. И не смотря на то, Манчестеръ очень мало правленъ, менѣе всего строенъ подъ полицейскимъ указаніемъ, а напротивъ больше случайно, чѣмъ какой либо другой городъ. Если же сообразить увѣренія и клятвы среднихъ классовъ, что рабочимъ очень хорошо, то мнѣ кажется, что либеральные фабриканты Манчестера не совсѣмъ-то невиноваты въ этомъ безстыдномъ способѣ построекъ.»

Но гдѣ же наконецъ рабочіе кварталы? Начнемъ съ стараго города. Въ немъ даже лучшія улицы узки и кривы, какъ Todd-Street, Long-Millgate, Withy Grove и Shude Hill; дома грязны, стары. Если идти отъ старой церкви въ Long-Millgate, то сейчасъ направо представляется цѣлый рядъ старомодныхъ домовъ. Ни въ одномъ изъ нихъ лицевая стѣна не сохранила своего вертикальнаго положенія. То — остатокъ прежняго Манчестера, жители котораго съ увеличеніемъ ихъ доходовъ перебрались въ лучшіе кварталы, и дома, которые были для нихъ плохи, оставили рабочему населенію. Это уже на-

стоящій рабочій кварталъ: ни лавки, ни пивныя не берутъ ужъ на себя обязательства смотрѣть чисто и опрятно. Но все это еще ничто сравнительно съ переулками и дворами, которые лежатъ сзади и въ которые можно пробраться съ улицы, чрезъ крытый, узкій проходъ, въ которомъ двумъ людямъ невозможно разойтись. Безпорядокъ и скученность постройки превышаютъ всякое вѣроятіе. И въ этомъ виноваты не одни дома прежняго допромышленнаго Манчестера, потому что искусство выгодныхъ построекъ только въ послѣднее время доведено до совершенства. Совершенство же это заключается въ томъ, чтобы ни одинъ дюймъ земли не пропадалъ даромъ, не лежалъ незастроеннымъ. Вентиляція, чистота воздуха, или мало-мальскія удобства считаются пустыми фантазіями, недостойными здравыхъ экономическихъ соображеній. Да и къ чему чистить, когда рабочій будетъ жить и въ грязи, когда онъ не спрашиваетъ и не имѣетъ возможности платить за чистый воздухъ? Вотъ для примѣра одинъ кварталъ по близости р. Эрка. Южный берегъ Эрка здѣсь очень крутъ и отъ 15 до 30 футовъ вышины. На этомъ склонѣ помѣщено три ряда домовъ; каждый упирается въ самую рѣку, а сѣверная сторона верхняго ряда домовъ стоитъ на вершинѣ склона и составляетъ одну сторону улицы Long Millgate. Между этими крайними рядами находятся еще кое-гдѣ фабрики. Направо и налѣво множество крытыхъ узкихъ проходовъ, ведущихъ съ главной улицы на дворы. Нечистота вездѣ страшная, особенно на дворикахъ, идущихъ къ самой рѣкѣ. За Ducie Bridge'емъ лѣвый берегъ рѣки становится отложе, зато правый круче; но это не имѣетъ никакого вліянія на улучшеніе помѣщеній; они, пожалуй, еще хуже. Если въ этомъ мѣстѣ войти внутрь съ главной улицы все той же Long-Millgate влѣво, то совершенно пропадаешь въ закоулкахъ. Приходится идти изъ одного дворика въ другой узкими, кривыми, грязными углами и ходами до того, что въ нѣсколько минутъ теряешь всякую нить и уже наконецъ не знаешь куда идти, чтобы выбраться на свѣтъ Божій. Вездѣ вполнѣ или вполовину развалившіеся дома. Въ домахъ рѣдко каменные или деревянные полы, но зато постоянно разбитыя и худо пригнанныя окна и рамы и непроходимая нечистота. Во многихъ мѣстахъ или дворикахъ стоятъ въ совершенномъ безпорядкѣ одноэтажныя и съ одной комнатой конурки, большая часть безъ полу. «Въ одной изъ такихъ конуръ», говоритъ Энгельсъ: «въ шесть футовъ длиной и пять шириной, я видѣлъ двѣ кровати, — и что за кровати, что за постель! А во многихъ я не видѣлъ ровно ничего, хотя двери были вполнѣ отворены и внутри никого не было. Вся эта куча стойлъ, служившихъ помѣщеніемъ для людей, была замаскирована съ двухъ сторонъ домами и фабрикой, а третью границу ея составляла рѣка, по берегу которой шла узкая дорога и вела въ другой, почти такой же скверно застроенный и неопрятный лабиринтъ жилищъ».

Въ такомъ видѣ застроена вся рѣка Эркъ. И требуютъ отъ людей чистоты! Но какъ же имъ быть опрятными? Что сдѣлано для удобства жизни? У нихъ даже нѣтъ воды, кромѣ помоевъ и грязи, стекающихъ съ фабрикъ и

отравившихъ Эркъ! У нихъ нѣтъ ни водопроводовъ, ни помпъ, которыя устроены только въ благородныхъ частяхъ города.

Таковъ почти весь старый городъ, вмѣщающій въ себѣ до тридцати тысячъ рабочаго населенія. И это существуетъ во второмъ послѣ Лондона городѣ Англіи, въ первомъ фабричномъ городѣ въ мірѣ! И владѣльцы домовъ, разумѣется, правы: они правы и въ томъ, что каждый свободный дюймъ земли застраиваютъ новымъ стойломъ; они правы и тѣмъ, что не принимаютъ ровно никакихъ мѣръ для улучшенія помѣщеній. Да и зачѣмъ вся эта роскошь улучшеній, когда они знаютъ очень хорошо, что нѣтъ такой скверной конуры, нѣтъ такого стойла, на которое бы не нашлось жильца, неимѣющаго средствъ заплатить за лучшее помѣщеніе?

Такимъ образомъ въ старомъ городѣ чистый случай руководилъ постройками и ихъ группировкой. Каждый домъ строился самъ по себѣ безъ всякаго отношенія къ другимъ, и угловатые промежутки между отдѣланными помѣщеніями, за неимѣніемъ другаго выраженія, названы дворами (courts). Въ новыхъ кварталахъ стараго города, явившихся въ первое время процвѣтанія индустріи, уже замѣтенъ нѣкоторый планъ и порядокъ въ постройкахъ. Промежутки между двумя улицами разбиты на правильные, большею частію четырех-угольные дворы, въ которые ведутъ съ улицъ узкіе, крытые проходы. Если безпорядочный прежній способъ построекъ былъ вреденъ для здоровья жителей, потому что мѣшалъ вентиляціи воздуха, то новый способъ, разумѣется, уже перецѣнялъ старую систему. По новому способу, рабочіе набиты въ помѣщеніяхъ на дворахъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ зданіями, и воздухъ, разумѣется, не можетъ возобновляться. Только во время топки печей спертый воздухъ дворовъ вытягивается трубами. Совсѣмъ бы другое, если бы дворики имѣли нѣсколько открытыхъ входовъ, или, пожалуй, даже и закрытые, но нѣсколько — два, три, четыре, расположенные такъ, чтобы воздухъ имѣлъ свободное движеніе. Но этого нѣтъ. Дворики имѣютъ большею частію одинъ выходъ — узкій и закрытый, а нѣкоторые лежатъ на полфута ниже уровня улицъ и не имѣютъ стоковъ для спуска дождевой воды. Впослѣдствіи придумали другой способъ построекъ, сдѣлавшійся наконецъ повсемѣстнымъ. Котеджи рабочихъ не строятся теперь по одиначкѣ, какъ это было прежде, а сразу десятками,—предприниматель строитъ вдругъ одну или двѣ улицы. Система построекъ слѣдующая: по улицѣ выводится стѣна, составляющая рядъ котеджей перваго класса; у этихъ котеджей, кромѣ входа съ улицы, есть еще задній выходъ, и при каждомъ маленькій дворикъ. Эти котеджи даютъ наивысшій доходъ. За задней стѣной зданія лежитъ узкая улица,—задняя улица (back-street), — застроенная съ обоихъ концовъ, и въ которую снаружи сдѣланъ узкій, крытый проходъ. Какъ мы уже сказали, одну сторону улицы составляетъ задняя стѣна котеджей перваго класса, а другую опять котеджи, въ которые входъ съ этой задней улицы. Эти послѣдніе котеджи имѣютъ заднюю стѣну, общую съ третьимъ рядомъ котеджей, выходящимъ на улицу, параллельную съ той, на которую смотрятъ котеджи перваго класса. По этому новому способу построекъ, котеджи перваго класса

много лучше помѣщеній, построенныхъ прежде для рабочихъ; котеджи третьяго ряда, выходящіе тоже на улицу, тоже не такъ дурны, но зато котеджи, лежащіе на внутренней, узкой улицѣ (back-street) такъ же плохи, грязны и лишены всякой вентиляціи, какъ и старые дома на дворахъ.

Самый способъ постройки котеджей тоже замѣчателенъ. Они вначалѣ смотрятъ всегда красиво и солидно; массивныя каменныя стѣны обманываютъ глазъ, и если идти чрезъ только-что отстроенную улицу, не заглядывая ни въ заднюю улицу, ни приглядываясь къ самому способу построекъ, то весьма легко согласиться съ мнѣніемъ либеральной англійской буржуазіи, что нигдѣ въ свѣтѣ рабочій не живетъ такъ хорошо, какъ въ Англіи. Но если всмотрѣться въ дѣло ближе, то нетрудно увидѣть, что стѣны котеджей выстроены такъ тонко, какъ только можно. Наружныя капитальныя стѣны, на которыхъ лежитъ тяжесть крыши, строятся—самое толстое — въ одинъ кирпичъ: но есть и такія, которыя выстроены въ полкирпича. Это дѣлается частію для того, чтобы сдѣлать экономію въ строительномъ матеріалѣ, а частію потому, что строители не бываютъ никогда собственниками земли. По англійскому обычаю, земля подъ домами отдается въ аренду на двадцать, тридцать, сорокъ, пятьдесятъ или девяносто девять лѣтъ, и послѣ оброчнаго срока должна быть возвращена владѣльцу со всѣмъ тѣмъ, что на ней будетъ выстроено. Понятно, что арендаторъ разсчитываетъ, чтобы его постройки къ сроку возврата земли не имѣли по возможности никакой цѣны. И какъ такіе котеджи строятся за двадцать или за тридцать лѣтъ до срока возврата земли, то понятно, что арендаторы не тратятся на нихъ особенно. Но есть этому и еще причины. Строители — обыкновенно каменщики, плотники или фабриканты—частью для того, чтобы не понизить доходъ свой, не дѣлаютъ почти никакихъ расходовъ на ремонтъ домовъ; а по случаю торговыхъ кризисовъ и наступающаго оттого голода, нерѣдко цѣлыя улицы стоятъ пустыми; немудрено, если котеджи приходятъ такъ скоро въ упадокъ. Обыкновенно считаютъ, что зданія для рабочихъ могутъ быть годны для жилья только сорокъ лѣтъ. Это, разумѣется, должно звучать странно, да, пожалуй, и казаться неправдоподобнымъ, если смотрѣть на вновь отстроенные котеджи, обѣщающіе по видимому двухсотлѣтнюю прочность. А между тѣмъ это вполнѣ вѣрно. Скряжничество въ первоначальной постройкѣ, отсутствіе ремонта, частый простой безъ жильцовъ, или слишкомъ частая перемѣна жильцовъ, а наконецъ и порча, которую наносятъ квартирамъ сами жильцы, напримѣръ, выламываніемъ всего деревяннаго на топку, —все это дѣлаетъ котеджи, чрезъ сорокъ лѣтъ, совершенными развалинами. А сколько безнравственнаго въ этой котеджской системѣ, сколько въ ней убійственнаго для несчастныхъ рабочихъ! Рабочій принужденъ помѣщаться въ этой гнили и нечистотѣ потому, что для него нѣтъ другихъ помѣщеній, потому что онъ не можетъ платить за лучшую квартиру, или потому, что нѣтъ лучшей вблизи фабрики, на которой онъ работаетъ, или наконецъ котеджи принадлежатъ самому фабриканту, и рабочій будетъ взятъ на фабрику только на условіи нанять котеджъ.

Эта восточная и сѣверо-восточная часть Манчестера, о которой мы до

сихъ поръ говорили, есть единственная часть, въ которой буржуазія не поселилась. Причина въ томъ, что здѣсь десять или одиннадцать мѣсяцевъ въ году западный и юго-западный вѣтеръ наноситъ дымъ съ фабрикъ; понятно, почему буржуазія уступила эту часть рабочимъ, для которыхъ ничего не значитъ дышать скернымъ, вреднымъ воздухомъ.

Довольно интересенъ слѣдующій случай, объясняющій между прочимъ отношенія богатой буржуазіи къ рабочимъ. Медицинская полиція, какъ извѣстно, не отличается въ Англіи особенной дѣятельностію; но вотъ пришла холера: буржуазія страшно струсила за свое здоровье. Вспомнили о вредныхъ для здоровья жилищахъ бѣдняковъ, вспомнили, что каждый рабочій кварталъ будетъ служить центромъ эпидеміи, откуда смерть пойдетъ по всѣмъ направленіямъ и распространится между богатыми. Тотчасъ же была назначена особая коммиссія, для изслѣдованія рабочихъ кварталовъ и представленія рапорта городовому совѣту. Вотъ что оказалось по изслѣдованію. Всѣхъ домовъ собственно въ старомъ Манчестерѣ, не считая предмѣстій, было осмотрѣно 6 951. Изъ нихъ 2,565 нуждались въ немедленной внутренней штукатуркѣ; въ 960 не было сдѣлано самыхъ необходимыхъ поправокъ; 939 не имѣли достаточныхъ стоковъ: 1,435 были сыры; 452 дурно вентилированы; 2.221 безъ нужныхъ мѣстъ. Изъ числа 687 осмотрѣнныхъ улицъ, въ 248 не было мостовой, въ 53 мостовая только мѣстами, 112 худо вентилованы, въ 352 были застои лужъ, кучи нечистотъ. Относительно внутренняго состоянія этихъ жилищъ, коммиссія говоритъ то же самое, что мы говорили уже о Лондонѣ, Эдинбургѣ и другихъ городахъ, т. е., что цѣлая семья, напримѣръ, спитъ на одной постели, а постелью ей служитъ кукъ грязной соломы; или двѣ семьи имѣютъ двѣ комнаты: въ одной спятъ всѣ вмѣстѣ, а другая служитъ общей кухней и столовой, или наконецъ нѣсколько семействъ живутъ въ одномъ подвалѣ. Но бывали случаи, что семейства, имѣвшія сами по одной комнатѣ, принимали къ себѣ постояльцевъ, и что такіе жильцы, того и другаго пола, спали нерѣдко съ хозяевами на одной постели, или мужъ, жена и взрослая свояченица спятъ на одной постели. Всѣхъ подваловъ считали въ Манчестерѣ 20,000, а съ форштатами отъ 40 до 50,000. Многое изъ всего этого уже исправлено, но бо́льшая часть осталась въ прежнемъ видѣ.

Удовлетвореніе потребности въ помѣщеніи можетъ служить масштабомъ удовлетворенія и другихъ потребностей рабочаго. И дѣйствительно, одежда и пища вполнѣ соотвѣтствуютъ тѣмъ жалкимъ помѣщеніямъ, которыми долженъ довольствоваться рабочій. Не только одежда значительнѣйшаго большинства рабочихъ находится въ самомъ жалкомъ состояніи, но даже и матеріи, употребляемыя для нея, вовсе несвойственны характеру дѣятельности рабочихъ. Полотно и шерсть почти совершенно исчезли въ гардеробѣ рабочихъ обоего пола,—ихъ замѣнила бумага. Рубашки дѣлаются изъ бѣлаго или пестраго коленкора; платье женщинъ — тоже изъ набивнаго коленкора, а шерстяныя юбки весьма рѣдки. Мужчины носятъ брюки большею частію изъ плиса или изъ другихъ тяжелыхъ бумажныхъ матерій, и верхнюю одежду изъ тогоже

матеріала. Плисъ (fustian) составляетъ до того принадлежность рабочаго населенія, что рабочихъ называютъ обыкновенно fustian-jackets (плисовыя куртки), въ отличіе отъ господъ или средняго сословія, имѣющаго средства носить шерстяныя матеріи, и которое зовутъ broad-cloth (широкіе кафтаны). Шляпа, обыкновенный головной уборъ англичанъ, есть принадлежность и рабочихъ. Шляпы бываютъ всевозможныхъ фасоновъ: круглыя, острыя, цилиндрическія, съ широкими, съ узкими полями или совсѣмъ безъ полей; только молодые люди въ фабричныхъ городахъ носятъ фуражки. У кого нѣтъ шляпы, тотъ складываетъ себѣ изъ бумаги низкій, четыреугольный картузъ. Вся одежда рабочаго, предполагая ее даже въ лучшемъ состояніи, не соотвѣтствуетъ вполнѣ климату страны. Сырой климатъ Англіи съ частыми перемѣнами погоды легко подвергаетъ жителей простудѣ, поэтому фланель въ общемъ употребленіи. Фланелевыя рубашки, галстуки, куртки и фланелевые пояса въ общемъ употребленіи. И рабочій не отказался бы отъ этого средства, предупреждающаго простуду; но, къ сожалѣнію, у него недостаетъ для этого денегъ и онъ принужденъ носить бумагу. А бумажныя матеріи, хотя онѣ и толще шерстяныхъ, но не имѣютъ нисколько качествъ шерсти. Онѣ держатъ дольше сырость и больше холодятъ. Если рабочій и вздумалъ бы для воскресныхъ выходовъ купить себѣ шерстяной сюртукъ, онъ долженъ идти для этого въ дешевыя лавки, гдѣ получаетъ сукно дурное, такъ-называемое devil's dust, которое дѣлаютъ не для того, чтобы носить, а только чтобы продать, и сюртукъ изъ такого сукна разлѣзается въ двѣ недѣли. Или же онъ долженъ купить старый, поношенный сюртукъ, который, разумѣется, уже не можетъ служить долго, потому что лучшее его время уже прошло. Къ этому нужно еще прибавить, что большая часть рабочихъ, время отъ времени, лучшія свои платья принуждены отдавать въ закладъ.

У одной части, и очень значительной, преимущественно у ирландцевъ, платье — совершенные лохмотья, которые невозможно даже и чинить, или которые до того перештопаны или заплатаны, что невозможно угадать первоначальный цвѣтъ платья. Англичане и англо-ирландцы имѣютъ обыкновеніе чинить свое платье, и довели это искусство до замѣчательнаго совершенства: шерстяная заплата или изъ мѣшечнаго полотна на плисѣ, или обратно,—это имъ все равно: но настоящіе, кровные ирландцы почти никогда не чинятъ своего платья, развѣ въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда, напримѣръ, платье должно окончательно развалиться. Ирландцы же ввели неизвѣстный до нихъ въ Англіи обычай—ходить босикомъ. Въ настоящее время въ фабричныхъ городахъ можно встрѣтить массы людей, особенно дѣтей и женщинъ, босоногими. Эта манера начинаетъ прививаться уже и къ бѣднымъ англичанамъ.

Въ пищѣ тотъ же порядокъ, какъ и въ одеждѣ. Бѣдному достается то, что достаточный считаетъ для себя дурнымъ. Разумѣется, въ большихъ городахъ Англіи можно имѣть все, и все самаго лучшаго качества; но все это стоитъ большихъ денегъ, и потому, разумѣется, существуетъ не для рабочаго, который считаетъ свои расходы копѣйками. Къ тому же, рабочій получаетъ

свою плату въ субботу; теперь хотя и начали платить по пятницамъ, но это еще не вошло вполнѣ въ общее употребленіе. Получивъ свою плату въ субботу, рабочій является на рынокъ въ четыре, пять часовъ или позже, когда все лучшее выбрано уже на рынкѣ среднимъ сословіемъ. Картофель, который покупаетъ рабочій, большею частію плохъ, овощи вялы, кофе старый и низшаго сорта, сало прогорклое, мясо тощее, старое, отъ старой, а нерѣдко и больной скотины, а иногда даже и несвѣжее. Продавцы, обыкновенно мелкіе разнощики, сами скупаютъ плохую провизію, и вотъ почему они могутъ продавать ее дешево и съ своими малыми деньгами въ состояніи дѣлать торговые обороты. А какъ къ двѣнадцати часамъ вечера субботы всѣ лавки должны быть закрыты, и въ воскресенье продажи не можетъ быть, то всѣ товары, которые до утра понедѣльника не могутъ сохраниться, т. е. должны непремѣнно испортиться, послѣ десяти часовъ вечера продаются за безцѣнокъ. Что же не будетъ продано, девять-десятыхъ изъ того къ воскресенью уже негодно въ пищу. Эти-то предметы и составляютъ воскресную пищу рабочихъ, наиболѣе бѣдныхъ. Разумѣется, полиція преслѣдуетъ подобныя вещи: несвѣжіе продукты продавать запрещено; купцы, у которыхъ они будутъ найдены, штрафуются; но эти мѣры далеко недостигаютъ своей цѣли. Въ большомъ промышленномъ городѣ, гдѣ рынокъ занимаетъ цѣлыя улицы, можетъ ли ревизоръ усмотрѣть за всѣмъ? Наконецъ, въ какой степени мясо должно быть уже плохо, чтобы ревизоръ его секвестровалъ? Понятно, что вообще на долю рабочихъ достается самое дурное, наименѣе здоровое и питательное, потому что ему нужно возможно дешевле. Но рабочій терпитъ еще и другимъ образомъ. Мелочные торговцы и фабриканты поддѣлываютъ всѣ питательныя вещества, думая при этомъ меньше всего о здоровьи тѣхъ, кому придется этимъ питаться. Напримѣръ, соленое масло продаютъ за свѣжее, или масло горькое обкладываютъ слоемъ масла свѣжаго, или же на пробу предлагаютъ одно, а продаютъ другое; въ сахаръ подмѣшиваютъ толченый рисъ или другія дешевыя вещи; къ молотому кофе—цикорій или другое что, а при продажѣ немолотаго кофе подмѣшиваютъ какое-то вещество, которому придаютъ форму кофейныхъ зеренъ. Какао мѣшаютъ съ тонкою бурой землей, которую растираютъ сначала съ бараньимъ жиромъ, и которая тогда легко мѣшается съ настоящимъ какао. Къ чаю прибавляютъ листья терновника и другихъ растеній, или вываренные листья сушатъ на горячихъ мѣдныхъ сковородахъ, чтобы сообщить имъ ихъ настоящій цвѣтъ, и продаютъ за свѣжій чай. Въ перецъ мѣшаютъ пыль перцевыхъ стручковъ. Портвейна и не существуетъ для рабочаго настоящаго; извѣстно, что въ одной Англіи выпивается его болѣе, чѣмъ производитъ вся Португалія. Про табакъ и говорить нечего: въ него мѣшаютъ все возможное и во всевозможныхъ формахъ и видахъ. Даже въ муку подмѣшиваютъ мѣлъ, гипсъ и песокъ.

«Все это, разумѣется, въ высшей степени безсовѣстно и безчестно; но все это водится и не въ одной Англіи, это есть отчасти вездѣ, есть и у насъ», можетъ замѣтить читатель. Да, правда; но вопросъ не въ томъ, что существуетъ ложь и обманъ, а въ томъ, что вся тяжесть обмана падаетъ въ

Англіи на бѣдныхъ, на рабочихъ. Богатаго не обманываютъ, потому что онъ покупаетъ въ богатыхъ магазинахъ, потому что онъ можетъ платить высокія цѣны, потому, наконецъ, что магазинъ хлопочетъ о своей репутаціи, а обманомъ онъ вредитъ себѣ. Да богатаго обмануть въ пищѣ и довольно трудно: у него вкусъ развитъ, языкъ чувствителенъ, ему нельзя подать что нибудь не свѣжее. Совсѣмъ другое бѣдный, рабочій; для него дорога каждая копѣйка, потому что онъ на малую сумму долженъ купить многое; вдаваться въ разборъ качествъ товара онъ не всегда можетъ; наконецъ вкусъ его неразвитъ,—и вотъ почему ему приходится брать вещи поддѣланныя, а иногда и отраву; онъ долженъ идти къ мелочнымъ лавочникамъ, брать нерѣдко въ долгъ и слѣдовательно за дурныя вещи платить дороже. Покупки у мелочныхъ торговцевъ, оборачивающихся небольшимъ капиталомъ, обходятся всегда дороже, чѣмъ у значительныхъ розничныхъ продавцовъ; наконецъ послѣднему не разсчетъ обманывать -онъ портитъ свой кредитъ. А хозяину торгашу это все равно: его уличатъ въ обманѣ въ одной улицѣ, онъ перейдетъ на другую; ему не вѣрятъ въ одномъ городѣ, онъ перейдетъ въ другой. Бѣднаго рабочаго обманываютъ не только въ качествѣ, но и въ количествѣ товаровъ: невѣрныя мѣры и вѣсы у мелочныхъ торговцевъ—вещь очень обыкновенная, и какъ часты подобные обманы, можно легко увидѣть изъ безпрестанныхъ объявленій въ газетахъ о штрафованіяхъ торгашей за обманы этого рода.

Обыкновенная пища рабочихъ бываетъ различна и зависитъ вполнѣ отъ размѣра заработной платы. Рабочіе, получающіе хорошую плату, и особенно такіе фабричные, у которыхъ каждый членъ семейства въ состояніи добыть что нибудь, имѣютъ сравнительно хорошій столъ,—всякій день мясо и вечеромъ кофе. Зарабатывающіе менѣе имѣютъ мясо два-три раза въ недѣлю, но зато преимущественно картофель и хлѣбъ. Еще меньше, — мясная пища начинаетъ исчезать, замѣняется картофелемъ съ саломъ. Еще меньше —сыръ, хлѣбъ, овсяная каша (porridge) и картофель; наконецъ у самыхъ бѣдныхъ, у ирландцевъ, все это сводится къ одному картофелю. Къ этому у всѣхъ классовъ рабочихъ непремѣнную принадлежность составляетъ чай, съ сахаромъ, молокомъ и водкой. Чай, какъ извѣстно, въ такомъ же употребленіи въ Англіи, какъ кофе въ Германіи; это необходимый напитокъ народа, даже ирландцевъ, и въ семействахъ, гдѣ не пьютъ чая, царствуетъ самая горькая бѣдность. Все это рабочій имѣетъ только въ томъ случаѣ, когда у него есть работа; если же онъ сидитъ безъ дѣла, то, предоставленный вполнѣ случаю, онъ ѣстъ то, что ему дадутъ, подарятъ, что онъ выпрошествуетъ или что онъ украдетъ. А если онъ ничего не достанетъ, то голодаетъ.

Количество пищи, которое имѣетъ рабочій, какъ и ея качества, тоже вполнѣ зависятъ отъ размѣра платы, и худо оплаченные рабочіе, особенно если семейство велико, при полномъ занятіи живутъ въ полу-голодѣ. И число такихъ рабочихъ вовсе не мало. Въ Лондонѣ, гдѣ конкурренція между рабочими усиливается въ такой же степени, въ какой приростаетъ населеніе, число полуголодныхъ рабочихъ весьма значительно. То же самое и въ другихъ большихъ городахъ. Картофельная шелуха, остатки зелени и овощей,—

все, въ чемъ остается хотя частичка питательности, эти несчастные собираютъ и употребляютъ въ пищу. А если рабочій стоитъ хоть и нѣсколько лучше, но не въ такой степени, чтобы задѣльная плата достала ему содержаніе на всю недѣлю, въ такомъ случаѣ послѣдніе дни семья или не ѣстъ ничего, или ровно столько, сколько нужно, чтобы не умереть съ голоду. Такого рода лишенія ведутъ, разумѣется, къ болѣзнямъ, къ потерѣ силъ, и если по несчастью отъ изнурительной работы, при недостаткѣ пищи, рабочій слягетъ, онъ лишается всякихъ средствъ существованія,—и вотъ перспектива всякаго рабочаго, перспектива, которая вообще гораздо ближе къ всякому рабочему, чѣмъ состояніе довольства, не бывшее до сихъ поръ общимъ правиломъ.

Въ этомъ распредѣленіи рабочихъ по разнымъ степенямъ довольства нѣтъ ничего постояннаго и прочнаго. Нельзя сказать, что такимъ-то рабочимъ хорошо, такимъ-то худо: напротивъ, положеніе рабочихъ такъ подвижно, что каждый изъ нихъ легко можетъ впасть въ возможность пройти всѣ степени нищеты,—начавъ возможнымъ для рабочаго комфортомъ и пріидя къ голодной смерти. Ни одинъ изъ нихъ не застрахованъ противъ этого несчастія!

III.

Соперничество. — Лишніе люди.

Техническое выраженіе для опредѣленія этого порядка вещей и причины почему рабочій долженъ былъ придти къ такому безвыходному положенію, есть конкурренція. Говоря просто, конкурренція есть война всѣхъ противъ всѣхъ. Это тотъ порядокъ вещей, при которомъ сильный одолѣваетъ слабаго, неимѣющаго силъ и средствъ съ нимъ бороться. Борьба эта, — въ крайнемъ случаѣ даже борьба на жизнь и смерть, — существуетъ не только между отдѣльными классами или сословіями общества, но и между отдѣльными членами: и рабочіе конкуррируютъ между собой, и буржуазія тоже. Въ этой-то конкурренціи рабочихъ между собой заключается самое страшное оружіе буржуазіи и причина безсилія рабочихъ. Вотъ почему наконецъ явилось между рабочими въ западной Европѣ стремленіе къ ассоціаціямъ.

При теперешнемъ общемъ положеніи вещей рабочій совершенно безпомощенъ. Въ рукахъ буржуазіи не только монополія всего, всѣхъ средствъ существованія, но она еще и защищена правительственной властью и закономъ. Разумѣется, пролетарій имѣетъ средство бороться съ буржуазіей,—ему стоитъ только отказаться отъ работы. Но это средство невозможно въ практикѣ, хотя оно и употреблялось, мѣстами, рабочими: отказываться отъ работы значитъ идти на голодную смерть. Едва ли многіе согласятся на это. Въ крайнемъ случаѣ рабочій скорѣе откажется отъ комфорта, къ которому привыкъ, лишь бы сохранить свою жизнь; онъ помѣстится скорѣе въ стойлѣ, чѣмъ захочетъ быть совершенно безъ крова; онъ станетъ ходить въ лох-

мотьяхъ, будетъ ѣсть только картофель, лишь бы не ходить голымъ и не голодать. Этотъ-то minimum потребностей, на который можетъ опуститься рабочій, есть minimum его заработной платы. Но если и при крайнемъ паденіи цѣны рабочихъ на лицо ихъ все-таки больше, чѣмъ сколько могутъ найти себѣ занятіе, то лишніе должны, разумѣется, голодать. Буржуазія, когда продукты ихъ труда не можетъ продать съ выгодой, разумѣется, не дастъ имъ никакой работы.

Такимъ образомъ minimum цѣны опредѣляется самими рабочими — ихъ конкурренціей между собой. Maximum—опредѣляется буржуазіей. Увеличивая свой капиталъ торговлей и промышленностью, буржуазія употребляетъ для этого рабочаго. Онъ обработываетъ ей товары, которые она продаетъ съ выгодой. Такимъ образомъ, если запросъ на товары ростетъ въ такой мѣрѣ, что всѣ рабочіе, конкуррирующіе между собой, находятъ себѣ занятіе, — а пожалуй число ихъ еще будетъ недостаточно, — то конкурренція между рабочими падаетъ и начинаетъ конкуррировать уже буржуазія. Капиталистъ, ищущій рабочаго, знаетъ очень хорошо, что если вслѣдствіе поднявшагося запроса поднимается цѣна и на рабочаго и на товары, ему все-таки выгоднѣе заплатить дороже рабочему, чѣмъ вовсе отказаться отъ барыша. Онъ охотно жертвуетъ рабочему колбасой, если выигрываетъ окорокъ. Охотясь за рабочими и перебивая ихъ одинъ отъ другаго, они поднимаютъ задѣльную плату, но только въ той степени, какъ это позволяетъ возрастающій запросъ на товары.

Кромѣ этого minimum'а и maximum'а, существуетъ еще такъ-называемая средняя цѣна. Если ни рабочіе, ни капиталисты не имѣютъ причинъ особенно конкуррировать одинъ противъ другаго, т. е. если имѣется именно столько рабочихъ, что для всѣхъ есть дѣло, чтобы заготовить товаровъ, сколько обыкновенно требуется, то цѣна поднимается нѣсколько выше minimum'а. Мѣра возвышенія ея опредѣляется вообще средними потребностями рабочихъ и степенью ихъ образованія и развитія. Если рабочій привыкъ ѣсть говядину два раза въ недѣлю, то капиталистъ долженъ дать ему такую плату, чтобы рабочій могъ имѣть эту пищу. Менѣе рабочіе не возьмутъ, потому что они не конкуррируютъ между собой, и больше этого опять имъ не дадутъ, потому что капиталистамъ нѣтъ причинъ привлекать къ себѣ особенно рабочихъ.

Средній размѣръ потребностей и цивилизаціи рабочихъ въ разныхъ слояхъ или отрасляхъ промышленности вышелъ чрезвычайно различный, вслѣдствіе весьма сложныхъ обстоятельствъ и условій настоящей промышленности. Многіе изъ производствъ, можно сказать даже большая часть изъ нихъ, требуютъ извѣстной ловкости, смышленности и правильности, и для такихъ производствъ, требующихъ и отъ рабочаго извѣстной степени образованія и развитія, средняя задѣльная плата должна быть такого размѣра, чтобы рабочій имѣлъ возможность усвоить себѣ эту ловкость и вообще тѣ качества, какія нужны, чтобы онъ овладѣлъ производствомъ. Вотъ почему средняя плата рабочимъ на фабрикахъ выше, чѣмъ обыкновеннымъ поспольщикамъ и поденщикамъ, и выше чѣмъ такимъ же рабочимъ внѣ городовъ. Для городскихъ рабочихъ берется въ разсчетъ большая дороговизна содержанія въ городѣ противъ деревни.

Вообще говоря, рабочій совершенный рабъ того, на кого онъ работаетъ. Рабъ въ такой степени, что онъ цѣнится и продается, какъ товаръ, и какъ товаръ поднимается и падаетъ въ цѣнѣ. Поднимается запросъ на рабочихъ,— поднимается и цѣна на нихъ; падаетъ запросъ, падаетъ цѣна. Если же запросъ такъ малъ, что часть рабочихъ остается безъ дѣла, залежится, то и лежатъ они, какъ товаръ, безъ сбыта; и какъ однимъ лежаньемъ существовать не возможно, то имъ и нѣтъ другаго выхода, кромѣ голодной смерти. И въ этомъ нѣтъ никакого преувеличенія. Это прямой, послѣдовательный выводъ изъ основнаго, существующаго въ настоящее время, экономическаго закона. Капиталъ долженъ обращаться, долженъ быть производительнымъ, и никто не употребитъ его, если не надѣется получить выгодъ. Вотъ почему фабрикантъ не станетъ платить ненужному для него рабочему, и если такой рабочій, по недостатку запроса на товары, не нуженъ ни одному фабриканту, никто не станетъ тратить на него своихъ денегъ, не станетъ употреблять своего капитала непроизводительно; такой рабочій и по системѣ Мальтуса, и по всѣмъ остальнымъ экономическимъ системамъ — «человѣкъ лишній»: ему нѣтъ дѣла на землѣ. Вся разница нынѣшняго фабричнаго рабства отъ рабства первыхъ вѣковъ заключается только въ томъ, что прежнее рабство было чистосердечнѣе, было открытѣе, честнѣе. Прежній рабъ и считался рабомъ, а нынѣшній рабочій считается человѣкомъ свободнымъ, по крайней мѣрѣ кажется такимъ, потому что продается не на всю жизнь, а на день, на недѣлю, на годъ; наконецъ потому, что продается не другими, а продаетъ самъ себя; и не одному лицу, а цѣлому сословію, всѣмъ, кто богаче его, всѣмъ капиталистамъ. Въ сущности дѣло отъ этого не измѣнилось, и если съ одной стороны рабочій пользуется такъ-называемой свободой, то, съ другой стороны, никто и ничто не гарантируетъ его содержаніе. Его господа, т. е. лица, отъ которыхъ зависитъ его содержаніе, фабриканты, оттолкнутъ его отъ себя, какъ только они увидятъ, что его существованіе для нихъ безполезно,—не приноситъ ни какой выгоды. Но если отъ перемѣны названій не измѣнилась сущность вещи для рабочаго, тѣмъ не менѣе для капиталистовъ новый порядокъ выгоднѣе прежнихъ отношеній господъ къ своимъ рабамъ; работа достается имъ теперь гораздо выгоднѣе, чѣмъ при прежнемъ обязательномъ трудѣ, и они избавились отъ необходимости заботиться о своихъ рабочихъ когда тѣ, отъ старости или отъ болѣзни, уже не въ состояніи служить имъ.

При такомъ экономическомъ порядкѣ весьма естественно, что человѣкъ, лишившійся возможности работать, или, при желаніи работать, не имѣющій работы, — будетъ «лишнимъ на землѣ». И къ сожалѣнію, эти лишніе люди являются прежде всего отъ конкурренціи самихъ рабочихъ, которая каждаго изъ нихъ заставляетъ работать каждый день столько, сколько позволяютъ ему силы. А отъ этого выходитъ вотъ что. Напримѣръ, у фабриканта, десять человѣкъ работаютъ въ день по девяти часовъ: но если они будутъ работать каждый по десяти часовъ, то десятый рабочій будетъ лишній. Если фабрикантъ принудитъ своихъ рабочихъ какимъ нибудь способомъ работать для него за ту же цѣну десять часовъ въ день, то онъ можетъ отпустить десятаго

рабочаго и съэкономничаетъ на его платѣ. Этимъ путемъ въ цѣломъ промышленномъ населеніи какой нибудь страны создавались и создаются постоянно «лишніе люди». Эти лишніе уже стоятъ внѣ рынка, на которомъ на нихъ разсчитывали прежде, покупать имъ не на что, и предметы, которые назначались для нихъ, стоятъ внѣ запроса и приготовлять ихъ нечего, слѣдовательно и рабочіе, занятые прежде приготовленіемъ этихъ вещей, должны лишиться своей работы, должны сдѣлаться также лишними. И это могло бы идти все дальше и дальше, если бы другія обстоятельства не помогали бѣдѣ. Улучшеніе производствъ и возможное сокращеніе числа рабочихъ ведетъ къ возможности производить и продавать продукты дешевле. Дешевизна продуктовъ увеличиваетъ запросъ на нихъ, а это вызываетъ новыя фабрики или новыя вѣтви промышленности. Такимъ образомъ лишніе люди находятъ себѣ опять помѣщеніе и хлѣбъ. Но если къ этому промышленность страны, какъ Англіи въ послѣдніе семьдесятъ лѣтъ, развивается въ такой степени, что она завладѣваетъ и посторонними рынками такъ, что запросъ на мануфактурные товары все ростетъ и ростетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ростетъ запросъ и на рабочихъ, то въ такой же степени, или даже еще и больше, возрастаетъ населеніе страны. Несмотря на постоянно развивающуюся промышленность и торговлю, при всемъ возрастающемъ запросѣ на рабочихъ, въ Англіи до сихъ поръ конкурренція между рабочими была вообще сильнѣе, чѣмъ конкурренція на рабочихъ, т. е. тамъ постоянно были и есть лишніе люди. Такой запасъ лишнихъ людей былъ до сихъ поръ очень выгоденъ для англійской индустріи; только онъ и давалъ возможность усиливать дѣятельность фабрикъ и мануфактуръ въ тѣ мѣсяцы, когда рынки бывали особенно оживлены и являлся усиленный запросъ на товары.

Этотъ запасъ рабочихъ бываетъ болѣе или менѣе великъ, смотря по положенію рынка, т. е. по большему или меньшему запросу на товары. Во время промышленныхъ кризисовъ число лишнихъ людей доходитъ до громадной цифры; но и среднимъ числомъ, т. е. при обыкновенномъ состояніи промышленности, число ихъ постоянно довольно велико. Рабочій, сдѣлавшійся лишнимъ, имѣетъ еще разные способы существованія; онъ проситъ милостыню, мететъ улицы, собираетъ на улицахъ навозъ, перевозитъ, что ему случится, въ тачкахъ или на плечахъ, или идетъ въ каменьщики, или же наконецъ крадетъ. Но и тутъ даже начинаетъ его преслѣдовать горькая судьба, — для метенія улицъ изобрѣтается машина, которая испортила уже заработокъ метельщиковъ; а собирать навозъ на многихъ дорогахъ запрещено потому, что управленіе дорогъ не можетъ въ такомъ случаѣ продавать собираемую имъ съ дорогъ грязь, какъ удобреніе,—въ ней уже нѣтъ достаточнаго количества лошадинаго навоза.

Бо́льшая часть лишнихъ людей пускается въ разнощики. Особенно въ субботу вечеромъ, когда рабочее населеніе на улицахъ, можно встрѣтить цѣлыя массы такихъ торговцевъ. Множество мужчинъ, женщинъ и дѣтей предлагаютъ проходящимъ ремни, подтяжки, шнурки, апельсины, пироги, сургучъ и тому подобные предметы. Другіе, не попавшіе въ разнощики, ходятъ по ули-

цамъ и ищутъ какой нибудь случайной работы. У воротъ всѣхъ лондонскихъ доковъ появляются каждый день, зимой съ разсвѣтомъ, сотни бѣдныхъ людей, въ надеждѣ на поденьщину и ждутъ, когда ворота будутъ отворены. И если болѣе молодые и сильные или знакомые будутъ наняты, остаются еще цѣлыя сотни несчастныхъ, которые, убитые обманутой надеждой, возвращаются печально въ свои бѣдныя жилища. Что остается этимъ несчастнымъ, если они не хотятъ или не рѣшаются на дурное? Только одно — просить милостыню; но и тутъ полиція объявила имъ войну.

Нищенство этихъ людей имѣетъ особенный характеръ. Мужъ съ женой и съ семействомъ поютъ на улицахъ унылыя пѣсни, или цѣлое семейство стоитъ молча на перекресткѣ болѣе оживленной улицы и молча глядитъ на проходящихъ, печально, безнадежно. Замѣчательно, что эти несчастные разсчитываютъ больше всего на рабочихъ, на ихъ участіе. Рабочіе лучше, чѣмъ кто либо, понимаютъ ихъ положеніе: они знаютъ, какъ легко сдѣлаться лишнимъ, и помогаютъ имъ больше всѣхъ. Вотъ почему нищіе держатся рабочихъ улицъ и кварталовъ, и появляются въ нихъ въ тѣ часы, когда должны проходить рабочіе.

Такъ дѣйствуютъ болѣе кроткіе изъ «лишнихъ», менѣе страстные; но кто рѣшается на открытую войну противъ общества, тотъ воруетъ, крадетъ, убиваетъ...

IV.

Болѣзни. — Невѣжество. — Развратъ.

Классъ народа, принужденный жить при такихъ обстоятельствахъ и такъ худо снабженный всѣми жизненными потребностями, не можетъ быть здоровъ, не можетъ достигнуть высокой старости.

Ужъ одна централизація народа въ большихъ городахъ должна обнаруживать неблагопріятное вліяніе на здоровье. Атмосфера Лондона не можетъ быть такъ чиста и такъ богата кислородомъ, какъ сельскій воздухъ. Три милліона легкихъ и нѣсколько сотенъ тысячъ очаговъ и печей потребляютъ огромное количество кислорода, которое возстановляется съ трудомъ, потому что способъ городскихъ построекъ затрудняетъ вентиляцію. Газъ углеродной кислоты, выдѣляемый столькими легкими и очагами, по своему относительному вѣсу остается въ улицахъ еще въ значительномъ количествѣ, потому что вѣтеръ ходитъ свободно только выше этого слоя, по крышамъ домовъ. Вотъ почему жители большихъ городовъ, не получая полнаго количества кислорода, слабѣе сельскаго населенія, живущаго въ чистой нормальной атмосферѣ, и вотъ почему они страдаютъ обыкновенно разными хроническими недугами. Если же атмосфера большихъ городовъ нездорова вообще, то на сколько вредное вліяніе ея должно быть сильнѣе на рабочее населеніе, тѣсно набитое въ такихъ кварталахъ, въ которыхъ какъ бы нарочно соединено все, что можетъ отравить атмосферу?

Необходимое послѣдствіе дурной атмосферы и тѣхъ вредныхъ помѣщеній, какія достались на долю рабочихъ, составляютъ болѣзни легкихъ. Что дурная атмосфера Лондона, и особенно рабочихъ кварталовъ и улицъ, способствуетъ развитію чахотки, въ этомъ легко убѣждаетъ чахоточный видъ множества людей, которыхъ встрѣчаешь на улицахъ. Если идти утромъ рано, когда все отправляется на работу, то поражаешься числомъ полу или вполнѣ чахоточныхъ, которыхъ встрѣчаешь на улицахъ. Даже Манчестеръ уступаетъ въ этомъ отношеніи Лондону. Послѣ чахотки и другихъ легочныхъ болѣзней, самая ужасная и опустошительная между рабочими болѣзнь — тифъ. Эти болѣзни даже по официальнымъ извѣстіямъ прямо приписываются вліянію дурныхъ помѣщеній, т. е. дурной ихъ вентиляціи, сырости и нечистотѣ.

Каждый худо вентилированный дворъ, одна глухая улица безъ стоковъ, особенно если населеніе въ нихъ скучено и органическія вещества разлагаются по близости, въ состояніи обнаружить начало лихорадки. Лихорадка эта имѣетъ почти всегда одинъ характеръ и почти во всѣхъ случаяхъ развивается въ тифъ. Особенно страшно дѣйствовалъ тифъ въ Лондонѣ и въ другихъ городахъ въ годы нужды между рабочими, когда торговые и промышленные кризисы оставляли цѣлыя массы населеній почти безъ куска хлѣба. Докторъ Алисонъ, знакомый хорошо съ этимъ дѣломъ, утверждаетъ, что лишенія всякихъ родовъ и неполное удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей служатъ первой причиной заразы. Онъ утверждаетъ, что торговые или промышленные кризисы и неурожаи всегда вызывали сильный тифъ, и что почти вся тяжесть его падала на рабочіе классы. Другой рядъ болѣзней между рабочими имѣетъ непосредственной причиной дурное ихъ содержаніе. Пища, сама по себѣ трудно варимая для рабочихъ, уже совершенно не идетъ для дѣтей; а между тѣмъ рабочіе лишены всѣхъ средствъ давать своимъ дѣтямъ пищу, соотвѣтственную ихъ возрасту. Къ этому присоединяется еще обычай давать дѣтямъ водку и даже опіумъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ и при другихъ обстоятельствахъ, вообще не способствующихъ здоровому развитію дѣтей, они страдаютъ разстройствомъ пищеварительныхъ органовъ, оставляющимъ слѣды свои на всю жизнь. Почти всѣ рабочіе имѣютъ болѣе или менѣе слабый желудокъ, и однакоже должны оставаться на той самой пищѣ, которая послужила причиной ихъ болѣзни. Да и какъ имъ знать причину ихъ болѣзни? А если бы они и знали это, то гдѣ средства перемѣнить содержаніе? Для этого нужно измѣнить весь образъ жизни, измѣнить всѣ условія, т. е. перестать быть рабочимъ. А развѣ это для рабочаго возможно?

Разстройство пищеварительныхъ органовъ развиваетъ еще въ дѣтствѣ новыя болѣзни. Золотуха распространена между всѣми рабочими, и золотушные родители производятъ золотушныхъ дѣтей. Другая причина недостаточнаго питанія тѣла во время развитія — англійская болѣзнь, которая очень часто встрѣчается у дѣтей рабочихъ. Дѣти, обыкновенно полусытыя, какъ разъ въ то время, когда имъ нужнѣе всего хорошая питательная пища, должны быть непремѣнно слабыми, полубольными, золотушными. Такое развитіе дѣтей среди лишеній всякаго рода имѣетъ вліяніе на все поколѣніе рабочихъ, созда-

ть слабыхъ, болѣзненныхъ людей цѣлыми массами. Къ этому нужно присоединить плохую одежду, незащищающую противъ простуды, наконецъ необходимость крѣпиться во время болѣзни до послѣдней степени, чтобы не лишиться заработка. Взявъ все это вмѣстѣ, не трудно представить себѣ, въ какомъ положеніи должно находиться здоровье рабочихъ Англіи.

Есть и еще причины, ослабляющія здоровье бо́льшей части рабочихъ, и изъ нихъ самая главная — пьянство. И въ этомъ меньше всего можно обвинить самого рабочаго. Все соединилось вмѣстѣ, чтобы заставить его пить. Вино для него единственное утѣшеніе. Рабочій приходитъ домой, совершенно измученный и убитый работой; онъ находитъ свой домъ лишеннымъ всякой домовитости, всякихъ удобствъ, сырой, грязный. Рабочему нужно подкрѣпиться, ему нужно что нибудь, что вознаградило бы его за труды, чтобы завтрашній день, день новаго безконечнаго труда, сдѣлать сноснымъ; ему нужно разогнать свою ипохондрію, свое дурное состояніе духа, которое должно быть въ немъ непремѣнно уже и потому, что его желудокъ слабъ и разстроенъ, не говоря про сознаніе своей зависимости отъ всякаго случая, невѣрность, шаткость его экономическаго положенія. Его ослабѣвшія силы и отъ слабаго тѣла, и отъ дурнаго воздуха, и отъ дурной пищи, и отъ напряженной работы требуетъ чего нибудь для ихъ подкрѣпленія. Домъ его не представляетъ ему никакихъ радостей, никакихъ утѣшеній: его духовныя потребности не удовлетворяются дома, и вотъ онъ идетъ въ кабакъ, гдѣ найдетъ и друзей и знакомыхъ своихъ, да ему и идти больше некуда, если онъ хочетъ вздохнуть свободно, позабыть на время свою горькую долю. И отчего ему не идти въ кабакъ? Къ чему ему бороться противъ того, что́ съ его точки зрѣнія вовсе не зло? Напротивъ, его физическое и моральное положеніе должно необходимо вести его къ тому, чтобы находить утѣшеніе въ винѣ. Вся жизнь его сложилась такъ, что онъ долженъ пить, — и онъ пьетъ. Вотъ почему нельзя бросать камнемъ въ рабочаго, за его страсть къ вину. Его пьянство слѣдуетъ наблюдать, какъ фактъ, отвѣтственность за который лежитъ не на рабочемъ, а на тѣхъ обстоятельствахъ, которыя заставили его искать утѣшенія въ винѣ.

Но здоровье рабочаго страдаетъ сильно отъ пьянства. Онъ становится еще слабѣе и физически, и морально, и всѣ болѣзни его,—болѣзни легкихъ, желудка, поддерживаются и развиваются пьянствомъ.

Невозможность обращаться въ болѣзненныхъ случаяхъ къ хорошимъ врачамъ — тоже одна изъ причинъ физическихъ страданій рабочаго. Правда, что въ Англіи существуютъ больницы, какъ благотворительныя заведенія; но число ихъ все-таки недостаточно, чтобы всякій больной нашелъ въ нихъ себѣ помощь. Къ отдѣльнымъ врачамъ, внѣ больницъ, рабочимъ обращаться рѣшительно невозможно, —для этого нужны деньги; а гдѣ они у рабочаго? И вотъ онъ идетъ ко всякимъ странствующимъ шарлатанамъ, продающимъ лекарства противъ всѣхъ болѣзней, и только вредитъ себѣ больше. Кромѣ этихъ шарлатанскихъ средствъ, продаются въ Англіи еще разныя патентованныя лекарства (patent medicines) противъ всякихъ возможныхъ недуговъ—

пилюли, эссенціи, бальзамы, съ разными громкими именами. Хотя эти лекарства заключаютъ въ себѣ рѣдко что нибудь вредное, но при постоянномъ или при сильномъ употребленіи они дѣйствуютъ разрушительно на организмъ. Энгельсъ разсказываетъ, что весьма нерѣдко приготовитель жизненныхъ пилюль, Наара, продаетъ ихъ въ недѣлю отъ 20 до 25.000 коробочекъ. Они принимаются противъ всякихъ недуговъ; одинъ беретъ ихъ противъ золотухи, другой противъ лихорадки, третій противъ слабосилія. Какъ въ Германіи и у насъ простой народъ въ извѣстное время года пускаетъ себѣ кровь, такъ англійскій рабочій лечится патентованными лекарствами. Одно изъ вреднѣйшихъ изъ этихъ патентованныхъ лекарствъ есть капли, извѣстныя въ продажѣ подъ названіемъ: Godfrey's Cordial. Опіаты, преимущественно лауданъ, составляютъ главную составную часть этого лекарства. Женщины, работающія на дому, даютъ обыкновенно эти капли дѣтямъ, чтобы они были спокойнѣе, а многіе даже думаютъ, что дѣти становятся отъ этого крѣпче. Обыкновенно леченіе это назначается съ первыхъ дней рожденія ребенка и усердно продолжается, пока дитя не умретъ. Чѣмъ нечувствительнѣе организмъ ребенка, тѣмъ большій пріемъ ему дается. И если Cordial уже не дѣйствуетъ, то даютъ даже чистый лауданъ и нерѣдко отъ 15 до 20 капель сразу. Нисколько неудивительно, если при такомъ обращеніи съ дѣтьми большая часть изъ нихъ умираетъ, не достигнувъ двухъ лѣтъ, и если они имѣютъ обыкновенно увядшій видъ, блѣдны и слабы.

Слѣдствіе всѣхъ этихъ вліяній — общая физическая слабость рабочихъ. Рѣдко можно найти крѣпкихъ, хорошо сложенныхъ людей между рабочими на фабрикахъ, то есть между тѣми, которые работаютъ въ запертыхъ тѣсныхъ помѣщеніяхъ. Всѣ они слабы, угловатаго, но не крѣпкаго, костляваго сложенія, худощавы, блѣдны и имѣютъ вялое тѣло, за исключеніемъ только тѣхъ мускуловъ, которые развиты работой. Почти всѣ страдаютъ слабымъ пищевареніемъ, а отъ этого почти постоянно въ ипохондрическомъ настроеніи духа. Слабые тѣломъ, они не въ состояніи противустоять болѣзни.

Докторъ Голландъ (Holland), изслѣдовавшій въ этомъ отношеніи Манчестеръ, представилъ (въ 1844 г.) цѣлый рядъ таблицъ о различной степени смертности въ разныхъ частяхъ Манчестера. Онъ дѣлитъ улицы и дома на три класса, и выводитъ для нихъ слѣдующія цифры смертности:

Улицы	I	класса;	дома	I	класса;	смертность	1	изъ 51
»	—			II	—	—	1	— 45
»	—			III	—	—	1	— 36
Улицы	II	—		I	—	—	1	— 55
»	—			II	—	—	1	— 38
»	—			III	—	—	1	— 35
Улицы	III	—		I	—	—	»	— »
»	—			II	—	—	1	— 35
»	—			III	—	—	1	— 25

Изъ многихъ другихъ таблицъ, докторъ Голлендъ выводитъ, что смертность въ улицахъ II класса на 18% и III класса на 68% больше, чѣмъ въ улицахъ перваго класса; что смертность въ домахъ II класса на 31% и III класса на 78% больше, чѣмъ въ домахъ перваго класса; и что смертность въ дурныхъ улицахъ, которыя были исправлены и въ которыхъ были улучшены помѣщенія для рабочихъ, уменьшилась на 25%. Въ Ливерпулѣ, въ 1840 году, средняя продолжительность жизни высшихъ классовъ составляла 35 лѣтъ, рабочихъ поденщиковъ и прислуги вообще только 15 лѣтъ.

Цифры смертности между рабочими классами особенно велики отъ сильной смертности дѣтей. Дѣти вообще слабѣе противустоятъ всѣмъ вліяніямъ, дѣйствующимъ неблагопріятно на ихъ организмъ; а при отсутствіи ухода за ними смертность между ними особенно усиливается. И потому становится понятно, если по оффиціальнымъ отчетамъ оказывается, что изъ числа дѣтей рабочихъ умираетъ до пятилѣтняго возраста 57%, тогда какъ дѣтей того же возраста изъ высшаго сословія только 20%, -это въ Манчестерѣ; а въ селахъ изъ дѣтей всѣхъ сословій до пяти лѣтъ умираетъ менѣе 32%. Эпидеміи въ Манчестерѣ и Ливерпулѣ дѣйствуютъ въ три раза убійственнѣе на дѣтей, чѣмъ въ селахъ; болѣзни нервной системы въ пять разъ сильнѣе, а желудка вдвое, чѣмъ въ селахъ; а смертность отъ болѣзней легкихъ въ городахъ относится къ такой же смертности въ селахъ какъ $2^1/_2$: 1.

Кромѣ этихъ болѣзней, какъ прямаго слѣдствія несчастнаго положенія рабочихъ, есть еще много вліяній, увеличивающихъ смертность между дѣтьми. Во многихъ семействахъ рабочихъ и мужъ, и жена работаютъ внѣ дома; а дѣти на это время или запираются дома, или отдаются въ посторонній надзоръ. Разумѣется, нѣтъ ничего удивительнаго, если сотни изъ нихъ умираютъ отъ несчастныхъ случаевъ. Нигдѣ не погибаетъ столько дѣтей раздавленныхъ или переѣханныхъ на улицахъ, отъ обжоговъ огнемъ и кипяткомъ, какъ въ большихъ городахъ Англіи.

Въ моральномъ отношеніи положеніе рабочаго тоже не лучше. Средства для народнаго образованія, сравнительно съ размѣромъ населенія, въ Англіи весьма слабы. Воскресныя школы, учрежденныя для рабочихъ, не всѣми изъ нихъ посѣщаются и могутъ быть посѣщаемы, да и вообще дурны. Учителя въ нихъ -выслужившіеся рабочіе или другіе неспособные люди, дѣлающіеся учителями, чтобы существовать чѣмъ нибудь, сами по большей части не имѣютъ элементарныхъ познаній и стоятъ внѣ общественнаго контроля. Школы же, учрежденныя разными религіозными сектами, которыхъ бездна въ Англіи, приносятъ пользы тоже не больше. Каждая секта старается учреждать свои школы съ однимъ, разумѣется, побужденіемъ, чтобы увеличить число своихъ членовъ. Они счастливы, если имъ удается переманить ребенка изъ другой секты. Слѣдствія такого направленія обнаруживаются, разумѣется, на воспитаніи; ребенка знакомятъ съ самыми безплодными для него и неинтересными сторонами религіи; ему набиваютъ голову непонятными для него теологическими опредѣленіями, развиваютъ въ немъ религіозную нетерпимость и фанатическое лицемѣріе; а на все, что касается дѣйствительнаго

образованія, развитія способностей и нравственнаго воспитанія, обращено самое слабое вниманіе. Вотъ факты, взятые изъ оффиціальныхъ отчетовъ. Въ Бирмингамѣ, по испытанію коммиссара Гренгера оказалось, что дѣти вообще не имѣютъ никакихъ дѣйствительно полезныхъ для нихъ познаній, и хотя вездѣ дается только религіозное воспитаніе, но даже и въ немъ дѣти выказали огромное невѣжество. Въ Вольверемптонѣ были слѣдующіе случаи. Дѣвочка, 11 лѣтъ, посѣщавшая воскресную и недѣльную школу, ничего не слышала ни о другомъ мірѣ, ни о небѣ, ни о другой жизни. Другая, 17 лѣтъ, не знала—сколько дважды-два и сколько фертинговъ (¼ пенни) въ 2 пенсахъ, даже и въ томъ случаѣ, когда ей клали деньги въ руки. Нѣкоторые мальчики не слышали никогда ни слова не только о Лондонѣ, но даже о Вилленгелѣ, хоть послѣдній лежитъ всего въ разстояніи одного часа отъ мѣста, гдѣ живутъ эти мальчики. Нѣкоторые не слышали ни слова ни о королевѣ, ни о такихъ именахъ, какъ Нельсонъ, Веллингтонъ и Бонапартъ. Но замѣчательно, что тѣ самые, которые не слышали ничего о Моисеѣ, Соломонѣ, ап. Павлѣ, имѣли подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о жизни, дѣлахъ и характерѣ уличныхъ разбойниковъ и воровъ, какъ Дикъ Тёрпинъ и особенно Жакъ Шепардъ. Изъ отчета коммиссара Горна оказывается тоже самое, то есть, что дѣти, занимавшіяся четыре, пять лѣтъ религіозными догматами, не имѣютъ о нихъ ровно никакого понятія. Одно дитя, посѣщавшее постоянно въ теченіе пяти лѣтъ воскресную школу, не знало, кто такой былъ Іисусъ Христосъ, хоть слышало это имя. Другой, шесть лѣтъ посѣщавшій школу, зналъ, что Іисусъ Христосъ умеръ на крестѣ и пролилъ свою кровь, чтобы «спасти нашихъ спасителей», но никогда ничего не слышалъ объ ап. Петрѣ и Павлѣ. Въ Шеффильдѣ, коммиссаръ Симонъ заставилъ учениковъ воскресной школы читать. Но они не понимали, что читали, не могли разсказать, и не знали, кто такіе были апостолы. Коммиссаръ переспросилъ всѣхъ учениковъ поочереди, никто не зналъ.

Изъ всего этого нетрудно замѣтить, что для образованія и воспитанія рабочихъ сдѣлано не слишкомъ много. Но обстоятельства, въ которыхъ живетъ рабочій, даютъ ему практическое образованіе такого рода, что вліяніе школьнаго ученія дѣлается совершенно безвреднымъ и становитъ рабочаго въ главѣ національныхъ движеній страны. Нужда учитъ и думать, и дѣйствовать. Англійскій рабочій, едва умѣющій читать и писать, знаетъ очень хорошо, что составляетъ его личный интересъ и интересъ его страны. Онъ знаетъ болѣе,—онъ понимаетъ, въ чемъ заключается интересъ буржуазіи и чего онъ въ состояніи ждать отъ нея. Если онъ не умѣетъ писать, за то онъ умѣетъ говорить публично, составлять сходы; если онъ не умѣетъ считать, за то онъ въ политико-экономическихъ вопросахъ умѣетъ столько сообразить, сколько ему нужно; если, несмотря на всѣ усилія своихъ духовныхъ учителей, ему не совсѣмъ ясны небесные вопросы, за то онъ умѣетъ понимать вопросы земные.

Моральное воспитаніе рабочаго въ школахъ стоитъ не выше его религіознаго воспитанія. А уроки дѣйствительной жизни не имѣютъ ничего обща-

то съ той условной моралью, какую хотѣлось бы буржуазіи воспитать въ рабочемъ. Все положеніе рабочаго, все окружающее его должно направлять и вести его къ деморализаціи. Онъ бѣденъ, жизнь не представляетъ для него ничего отраднаго, почти всѣ наслажденія жизни для него недоступны, законъ и наказаніе для него не страшны; для чего онъ станетъ стѣснять себя въ своихъ желаніяхъ, къ чему онъ оставитъ богатымъ вполнѣ наслажденіе ихъ богатствами, вмѣсто того, чтобы и самому не принять въ этомъ нѣкотораго участія? И какое можетъ быть у пролетарія основаніе не воровать? Для буржуазіи «святость собственности» имѣетъ смыслъ; она для нихъ понятна; но что̀ святаго въ этомъ для того, у кого нѣтъ никакой собственности? Для него святыня эта не имѣетъ смысла. Деньги сдѣлались идоломъ настоящаго свѣта. И пролетарій понимаетъ и видитъ очень хорошо, какъ буржуазія пользуется его трудомъ, его деньгами. Потому нѣтъ ничего удивительнаго, если пролетарій не уважаетъ этого идола буржуазіи, богатства. Симонъ замѣчаетъ справедливо, что бѣдность обнаруживаетъ такое же потрясающее вліяніе на духъ человѣка, какъ страсть къ пьянству на тѣло. Бѣдность не дѣлаетъ человѣка разборчивымъ на средства, да ему и выбирать много нечего. Ему остается или умереть медленной, голодной смертью, или быстро лишить себя жизни, или присвоивать себѣ то, въ чемъ онъ нуждается, попросту воровать. Потому нечего удивляться, если многіе предпочитаютъ воровство голодной смерти или самоубійству. Разумѣется, и между рабочими пролетаріями найдется не мало людей, настолько нравственныхъ, которые не рѣшатся на кражу даже и въ томъ случаѣ, когда находятся при послѣдней степени крайности. За то имъ часто остается только или просить милостыню, или умереть. Самоубійство, бывшее до сихъ поръ привилегіей высшихъ классовъ Англіи, стало входить въ моду уже и между рабочими. Множество бѣдныхъ людей, лишившихся надежды выйдти изъ своего безвыходнаго положенія, рѣшаются на самоубійство.

Еще бо̀льшее деморализующее вліяніе, чѣмъ бѣдность, обнаруживаетъ на рабочаго невѣрность его средствъ существованія,—необходимость проѣдать тотчасъ же то, что онъ заработалъ. Положеніе англійскаго и вообще европейскаго пролетарія, дѣйствительно, ужасно въ этомъ отношеніи. У пролетарія нѣтъ ничего, кромѣ рукъ, которыми онъ изо дня въ день добываетъ себѣ кусокъ насущнаго хлѣба. Онъ проѣдаетъ сегодня то, что заработалъ вчера; онъ зависитъ отъ всякихъ возможныхъ случайностей; онъ не имѣетъ ни малѣйшей гарантіи, при всѣхъ своихъ способностяхъ, въ прочности и постоянствѣ заработка; всякій кризисъ, всякое неудовольствіе хозяина могутъ лишить его куска хлѣба. Можно ли представить себѣ что нибудь ужаснѣе этого положенія? Онъ не можетъ даже разсчитывать на свои силы и способности. Копить? Но что онъ можетъ скопить? Нѣсколько шиллинговъ на какія нибудь двѣ недѣли? А тамъ—опять та же нищета. Твердой собственности онъ добыть себѣ не можетъ; для этого нужно перестать быть рабочимъ. И послѣ всего этого фабриканты и экономисты еще удивляются разнузданному образу жизни рабочихъ. Они удивляются, что рабочіе, получающіе хоро-

шую плату, отличаются отъ болѣе бѣдныхъ больше свободнымъ образомъ жизни. Да что же остается рабочему, получающему лучшую плату, какъ не жить лучше? И отчего ему не пользоваться возможными въ его положеніи наслажденіями? По его мнѣнію, это гораздо умнѣе, чѣмъ копить деньги, которыхъ и не накопить, и которыя такъ легко перейдутъ опять въ руки буржуазіи. Тѣмъ не менѣе все это развращаетъ рабочаго.

Но есть и еще причины деморализаціи рабочаго, — это вѣчное осужденіе на работу. Если свободная производительная дѣятельность составляетъ высшее наслажденіе человѣка, то въ той же степени ужасна и мучительна работа принужденная. Ничего нѣтъ убійственнѣе, какъ каждый день съ утра до вечера дѣлать то, чего не хочется. И чѣмъ развитѣе, сознательнѣе рабочій, тѣмъ мученье принудительнаго труда для него сильнѣе. Онъ хорошо понимаетъ безцѣльность своего труда для него самого. И для чего онъ работаетъ? Изъ охоты къ занятію? Разумѣется, нѣтъ. Онъ работаетъ изъ-за денегъ; онъ работаетъ потому, что онъ долженъ работать, и работаетъ къ этому еще такъ долго, такъ непрерывно однообразно, что ужь по этому одному работа должна ему опротивѣть, если онъ только еще чувствуетъ по-человѣчески. Раздѣленіе труда еще больше усилило принудительность труда; каждый рабочій долженъ успѣть сдѣлать свое дѣло, чтобы не заставить ждать другаго, чтобы не остановить все производство. Во многихъ производствахъ дѣятельность рабочаго ограничена самыми мелкими механическими манипуляціями, повторяющимися каждую минуту и остающимися изъ года въ годъ тѣми же. Кто съ дѣтства каждый день въ теченіе двѣнадцати часовъ дѣлалъ только булавочныя головки или выпиливалъ гребенчатыя колеса, сколько къ тридцати годамъ спасетъ онъ въ себѣ человѣческихъ чувствъ и способностей? А это-то именно и явилось съ машинами и паромъ. Трудъ рабочаго сталъ легокъ, напряженіе мускуловъ весьма слабо, работа вообще незначительна, но за то однообразна и монотонна въ высшей степени. Она лишаетъ его всякой возможности умственной дѣятельности, и требуетъ столько вниманія, что если онъ захочетъ хорошо выполнить свое дѣло, онъ ужь ни о чемъ больше не смѣетъ думать. И человѣкъ, осужденный вѣчно на такую дѣятельность, не имѣющій впереди ничего, кромѣ какъ быть вѣчнымъ работникомъ и пролетаріемъ, служить другимъ; человѣкъ, не имѣющій для самого себя ни секунды времени, не имѣющій права дышать свѣжимъ воздухомъ, наслаждаться природой, пить, ѣсть и спать по-человѣчески, можетъ ли наконецъ не превратиться въ полузвѣря? Вотъ почему рабочій долженъ былъ выдти и вышелъ другимъ человѣкомъ. Вотъ почему онъ и говоритъ другимъ языкомъ, имѣетъ и другія понятія, другіе нравы и обычаи, наконецъ другую политику, чѣмъ буржуазія. Несмотря однако на всѣ тяжелыя положенія рабочихъ, въ нихъ больше гуманности, чѣмъ въ буржуа. Они лучше понимаютъ, что̀ значитъ быть бѣднымъ и несчастнымъ, потому что почти всѣ сами бѣдны и несчастны. Для нихъ каждый человѣкъ есть человѣкъ, тогда какъ для буржуазіи рабочій не есть человѣкъ, — онъ рабочій. Въ рабочемъ гораздо больше обходительности, дружественности, и хотъ онъ нуждается въ деньгахъ больше, чѣмъ буржуа, тѣмъ не менѣе онъ

не дастъ такой цѣны деньгамъ. Для него деньги дѣйствительный мѣновой знакъ, тогда какъ для буржуа -это кумиръ, идолъ, которому онъ поклоняется; онъ дѣлаетъ все, лишь бы добыть деньги, цѣль жизни его—ковать деньгу. Въ этомъ заключается причина, почему рабочій въ большихъ случаяхъ независимѣе и смотритъ на вещи вѣрнѣе и примѣе, чѣмъ буржуа; онъ независимѣе въ мнѣніяхъ; въ немъ нѣтъ предубѣжденій и условныхъ понятій, какія вбиваются въ головы буржуазіи еще на школьныхъ скамейкахъ, которая свой консерватизмъ старается скрывать подъ маской либерализма. Въ рабочемъ сидитъ та сила практическаго пониманія вещей, которую называютъ у насъ здравымъ смысломъ, и чѣмъ не особенно богата буржуазія.

Это хорошія стороны рабочаго. О дурныхъ мы уже говорили. Его упрекаютъ въ пьянствѣ, безпорядочности, любострастіи, грубости и въ недостаткѣ уваженія къ собственности. Все это справедливо; но развѣ это можетъ быть иначе? Алисонъ говоритъ, что въ Глазгау, каждую субботу, бываютъ пьяны 30,000 рабочихъ. Да и что тутъ мудренаго, когда на десять домовъ приходится одинъ кабакъ. Учрежденіе винныхъ лавокъ, въ которыхъ можно пить, распространило еще болѣе пьянство. Въ каждой улицѣ можно найти такую винную. А сколько еще тайныхъ продажъ вина и пива! Кто видѣлъ Англію и пьянство гамошняго рабочаго, тотъ повѣритъ лорду Ашли, что народъ тратитъ ежегодно на спиртные напитки 25,000,000 фунтовъ стерлинговъ (175 м. руб.)

Рядомъ съ разнузданностью въ употребленіи спиртныхъ напитковъ, стоитъ разнузданность въ половыхъ отношеніяхъ, составляющая одинъ изъ главныхъ недостатковъ англійскаго рабочаго. Но и этотъ недостатокъ составляетъ такое же слѣдствіе обстоятельствъ, въ которыхъ находится рабочій, какъ и его пьянство. Вѣдь у него только и есть эти два удовольствія, и онъ накидывается на нихъ со всей силой страсти, вызванной горечью его положенія. Впрочемъ, справедливо ли винить въ этомъ одного рабочаго? А сколько буржуазія пьетъ спиртныхъ напитковъ? На сколько она способствуетъ разврату? Сколько изъ этихъ 40,000 дѣвъ, являющихся каждый вечеръ на улицахъ Лондона, живутъ на счетъ добродѣтельной буржуазіи? Сколько изъ нихъ обязаны именно буржуазіи, что они начали торговать собой? Если бы рабочій былъ бы еще въ десять разъ хуже того, что онъ есть,—онъ и тогда былъ бы еще хорошъ сравнительно съ тѣми обстоятельствами, которыя ведутъ его на развратъ. Лишенный всякаго образованія, предоставленный самому себѣ, неувѣренный въ своемъ завтрашнемъ днѣ, измученный лишеніями всякаго рода, отравленный гнилымъ воздухомъ и гнилой пищей, несущій на себѣ одинъ всѣ тяжести настоящаго общественнаго порядка,—что будетъ онъ дѣлать? Уважать этотъ порядокъ? гнаться за условной нравственностью буржуазіи изъ-за того только, чтобы понравиться ей? Ужъ не много ли это? Рабочій, съ своей точки зрѣнія, правъ, если онъ пьетъ и развратничаетъ: поставьте его въ другое положеніе, и онъ перестанетъ.

V.

Честность фабрикантовъ.

Толчокъ, данный новѣйшей промышленности и ея разъѣдающее вліяніе на весь прежній экономическій бытъ рабочаго населенія, не остановился на первыхъ изобрѣтеніяхъ. Каждый годъ приносилъ и приноситъ постоянно что-нибудь новое. Почти всѣ ручныя работы смѣнились машинами; живая сила человѣка уступила почти вездѣ свое мѣсто пару и водѣ.

Этотъ новый порядокъ при другомъ общественномъ строѣ былъ бы, разумѣется, вполнѣ отраднымъ явленіемъ; онъ и долженъ привести къ чему нибудь хорошему; но пока еще мы дождемся этого отдаленнаго будущаго, всѣ новыя улучшенія въ производствахъ, рядомъ съ небольшимъ добромъ, влекутъ за собой гораздо бо́льшее зло. Каждое улучшеніе въ машинномъ производствѣ лишаетъ рабочаго хлѣба, и чѣмъ улучшеніе значительнѣе, тѣмъ бо́льшее число лишнихъ людей создаетъ оно. Особенно поразительные примѣры въ этомъ отношеніи представляетъ прядильное производство. Джемсъ Личъ, извѣстный предводитель чартистовъ, бывшій самъ работникомъ и въ каменноугольныхъ копяхъ, и на разныхъ фабрикахъ, приводитъ слѣдующіе примѣры, собранные имъ лично отъ рабочихъ. Въ 1829 году на 35 фабрикахъ было на 1,060 прядильщиковъ болѣе, чѣмъ въ 1841 году, а между тѣмъ число веретенъ на этихъ 35 фабрикахъ увеличилось на 99,239. Въ то время, какъ число веретенъ увеличилось на 10%, число прядильщиковъ убавилось на 60%. Съ 1841 года сдѣлано было опять такъ много улучшеній, что на этихъ фабрикахъ расчтено половина рабочихъ. На одной фабрикѣ, гдѣ работало 80 человѣкъ, въ короткое время осталось только 20. Въ Стёкпортѣ, гдѣ въ 1835 году было 800 прядильщиковъ, въ 1843 году осталось только 140. Въ гардорной машинѣ сдѣланы были тоже такія улучшенія, что половина рабочихъ осталась безъ хлѣба. То же самое случилось и съ ткацкимъ производствомъ. Механическій станокъ убилъ ручное производство въ бумажныхъ, полотняныхъ, шерстяныхъ и даже шелковыхъ фабрикахъ.

Совершенно справедливо, что улучшенія въ производствахъ понизили цѣны на товары, а дешевизна на нихъ увеличила ихъ потребленіе, такъ что вызвала учрежденіе новыхъ фабрикъ, и заштатные рабочіе нашли себѣ новое помѣщеніе. Въ теоріи все это выходитъ весьма хорошо; но теорія забываетъ, что пройдутъ годы, пока выстроятся новыя фабрики; она умалчиваетъ, что упрощеніе въ производствахъ дѣлаетъ все менѣе и менѣе нужными мужчинъ и что они замѣняются дѣтьми; что мужчины становятся все болѣе и болѣе лишними; что съ этими улучшеніями исчезаютъ цѣлыя вѣтви прежнихъ производствъ и что рабочему нужно учиться вновь. Но есть ли человѣку время учиться или ждать учрежденія новыхъ фабрикъ, когда онъ живетъ изо-дня-въ-день? Чѣмъ ему существовать это время?

Кромѣ этого зла, улучшенныя машины уронили задѣльную плату рабочихъ. Фабриканты не хотятъ сознаться въ этомъ; они говорятъ, что поштучная плата точно упала, но заработокъ въ цѣломъ сдѣлался выше. Но это неправда, потому что рабочіе работаютъ обыкновенно поштучно, а между тѣмъ извѣстно, что недѣльная плата во многихъ производствахъ понизилась. Такъ-называемые тонкіе прядильщики получаютъ хорошую плату, отъ 30 — 40 шилл. въ недѣлю, потому что они составляютъ крѣпкую ассоціацію; но зато прядильщики толстыхъ нитей получаютъ весьма низкую плату, и Личъ говоритъ, что на многихъ фабрикахъ они получаютъ по $16\frac{1}{2}$ шиллинговъ въ недѣлю, и что прядильщикъ, заработывавшій прежде 30 шилл., добываетъ теперь только $12\frac{1}{2}$ шилл. Плата женщинамъ и дѣтямъ упала менѣе только потому, что они и прежде получали не много. Что улучшенія въ машинахъ уронили плату рабочимъ это говорятъ единогласно всѣ рабочіе. Разумѣется, фабриканты говорятъ другое: они увѣряютъ, что положеніе рабочихъ улучшилось, хотя рабочіе и не хотятъ согласиться съ этимъ.

Самое тяжелое положеніе тѣхъ рабочихъ, которымъ приходится конкуррировать съ машиной, только-что пробивающей себѣ дорогу. Цѣна этимъ рабочимъ опредѣляется цѣной машиннаго издѣлія; и какъ машина работаетъ дешевле, то конкуррирующій рабочій получитъ, разумѣется, самую дурную плату. Это случается и со всякимъ рабочимъ, работающимъ на старой машинѣ и обязаннымъ конкуррировать съ машиной новой. Оно и понятно; кому же нести убытки, какъ не рабочему? Въ одинаково дуромъ положеніи съ этими рабочими находятся бумажные ручные ткачи. Они получаютъ самую низкую плату, и не въ состояніи заработать болѣе 10 шиллинговъ въ недѣлю.

Создавъ множество лишнихъ людей, т. е. лишивъ многихъ рабочихъ куска хлѣба, понизивъ у остальныхъ задѣльную плату, машина и фабричная система, кромѣ того, поставили ихъ въ полнѣйшую зависимость. Нынѣшній рабочій и по праву, и фактически полный рабъ своего фабриканта. Рабочій, утромъ, въ половинѣ шестаго, долженъ быть на фабрикѣ. Придетъ онъ двумя минутами позже — съ него возьмутъ штрафъ; опоздаетъ десятью минутами — его совсѣмъ не пустятъ на фабрику до завтрака и вычтутъ четверть изъ поденной платы, не смотря на то, что онъ изъ 12 только $2\frac{1}{2}$ часа не будетъ работать. Онъ долженъ ѣсть, пить и спать по командѣ. Для удовлетворенія самыхъ необходимѣйшихъ потребностей онъ имѣетъ столько времени, сколько едва-едва нужно для этого. Близко ли, далеко ли его квартира отъ фабрики, фабриканту объ этомъ не заботится; деспотическій колоколъ вырываетъ его изъ постели, отрываетъ отъ завтрака, отъ обѣда. На фабрикѣ же хозяинъ есть полный, безусловный повелитель и законодатель. Онъ издаетъ постановленія, какія ему вздумается, дѣлаетъ въ своемъ кодексѣ измѣненія и дополненія, какія захочетъ. Какой бы вздоръ онъ ни выдумалъ, судъ будетъ на его сторонѣ и, въ случаѣ жалобы, скажетъ рабочимъ: «вы — господа самихъ себя, вамъ не слѣдовало заключать такой контрактъ; а теперь, когда вы добровольно подчинились этимъ условіямъ, вы должны ихъ выполнить.» А каковы обыкновенно эти условія! Вотъ образчикъ, приводимый Энгельсомъ:

1) двери фабрики запираются десять минутъ спустя послѣ начала работы и никто до завтрака не будетъ впущенъ. Кто въ теченіе этого времени не будетъ на работѣ, подвергается штрафу 3 пенсовъ съ каждаго ткацкаго станка. 2) Каждый ткачъ, который въ теченіе остальнаго времени, когда машина въ движеніи, не будетъ за своимъ дѣломъ, подвергается штрафу 3 пенсовъ за каждый часъ и за каждый станъ, находящійся у него подъ надзоромъ. Кто въ рабочее время оставитъ свою комнату безъ позволенія смотрителя, тотъ подвергается также штрафу въ 3 пенса. 3) Ткачъ, неимѣющій при себѣ ножницъ, платитъ за каждый день 1 пени. 4) Челноки, щотки, масляники, колеса, окна, которыя будутъ сломаны или разбиты, должны быть заплачены рабочимъ, который это сдѣлалъ. 5) Ни одинъ ткачъ не можетъ оставить службу, не предувѣдомивъ о томъ за недѣлю. Фабрикантъ же за дурную работу или за непорядочное поведеніе можетъ уволить рабочаго, не предувѣдомляя его объ этомъ. 6) Каждый рабочій, котораго найдутъ, что онъ съ другимъ разговариваетъ, поетъ или свищетъ, подвергается штрафу въ 6 пенсовъ.

Бываютъ условія и еще хуже. Напримѣръ, если рабочій опоздаетъ три минуты, то изъ его платы вычитаютъ за четверть часа, а если 20 минутъ, то за полдня. Можетъ быть всѣ эти строгости такъ и нужны, чтобъ не нарушить стройнаго хода фабрики; можетъ быть дисциплина здѣсь такъ же нужна, какъ и въ арміи, — все это можетъ быть весьма справедливо. Но только мы говоримъ не объ этомъ; мы заявляемъ факты, которыми подкрѣпляемъ то положеніе, что рабочій есть рабъ своего хозяина, и рабъ на всю жизнь. Рабочій служитъ весь свой вѣкъ; онъ начинаетъ службу на фабрикѣ съ девяти лѣтъ, и до старости или до смерти живетъ подъ нравственнымъ и матеріальнымъ бичемъ своего хозяина. А старость? Старость рабочаго есть старость искусственная, созданная фабричнымъ трудомъ, всякими лишеніями. Многіе рабочіе въ сорокъ лѣтъ уже неспособны работать на фабрикѣ, нѣкоторые держатся до сорока пяти и почти никто до пятидесяти лѣтъ. Изъ 1,600 рабочихъ, на фабрикахъ въ Герпёрѣ и въ Ленаркѣ, только 10 были старше 45 лѣтъ. Изъ 22,094 рабочихъ на разныхъ фабрикахъ въ Стёкпортѣ и въ Манчестерѣ, только 143 были старше 45 лѣтъ. Изъ этихъ 143, -16 были удержаны изъ особенной милости фабриканта, а одинъ выполнялъ дѣтскую работу. Изъ 50 прядильщиковъ, уволенныхъ въ Бостонѣ, только двое были старше 50 лѣтъ, а остальные большею частью не имѣли и сорока лѣтъ, а между тѣмъ всѣ были отставлены за старостью. Эшпортъ, одинъ богатый фабрикантъ, въ письмѣ къ лорду Ашли, говоритъ, что къ сорока годамъ прядильщикъ уже не въ состояніи приготовить надлежащее количество пряжи, и оттого ихъ «иногда» отставляютъ. Этихъ сорокалѣтнихъ людей онъ называетъ «старыми». То же самое подтверждаетъ въ своемъ отчетѣ коммиссаръ Мекинтошъ. «Хотя способомъ работы, которою занимаютъ дѣтей, я и былъ уже приготовленъ», говоритъ Мекинтошъ, «тѣмъ не менѣе съ трудомъ вѣрилось показаніямъ рабочихъ объ ихъ лѣтахъ, — такъ рано старѣются эти люди».

Рядомъ съ этимъ зломъ, составляющимъ прямое слѣдствіе фабричной си-

стемы, есть еще бездна злоупотребленій. Надобно удивляться, съ какимъ хладнокровіемъ и безсердечіемъ фабриканты подвергаютъ рабочихъ денежнымъ штрафамъ. Личъ утверждаетъ, что часто рабочіе, опоздавшіе четверть часа, стоятъ толпой передъ запертыми дверями фабрики въ то время, какъ писарь обходитъ съ штрафной книгой комнаты и записываетъ имена опоздавшихъ. Личъ самъ насчиталъ разъ 95 такихъ запоздавшихъ рабочихъ, стоявшихъ передъ дверями фабрики, на которой часы вечеромъ были на четверть часа назадъ, а утромъ на четверть часа впередъ противъ городскихъ часовъ. И такія злоупотребленія бывали нерѣдко. На одной фабрикѣ часы во время работы ставились назадъ, такъ что рабочіе работали больше своего времени, а между тѣмъ плата имъ не прибавлялась. На другой было двое часовъ: одни обыкновенные, другіе машинные, показывавшіе обороты машиннаго колеса. Если машина шла тише, то работали по машиннымъ часамъ, пока не выходило полное число оборотовъ для двѣнадцати часовъ; но если работа шла хорошо и полное число оборотовъ выходило ранѣе, то рабочіе все-таки не распускались ранѣе 12 часовъ работы.

Относительно денежныхъ штрафовъ Личъ разсказываетъ, что онъ самъ видѣлъ нѣсколько разъ, какъ женщины на послѣднихъ порахъ беременности, которыя садились на одно мгновеніе, чтобы нѣсколько отдохнуть, подвергались за это штрафу въ полшиллинга. Штрафы же за дурную работу назначаются совершенно произвольно. Товары разсматриваются въ складѣ, и тутъ смотритель назначаетъ штрафы, не призывая и даже не спрашивая рабочихъ. Рабочій только при полученіи платы узнаетъ, что на него наложенъ штрафъ.

Чтобы ухудшить еще болѣе положеніе рабочихъ, фабриканты, изъ жадности къ деньгамъ, придумали платить рабочимъ натурой и систему котеджей.

Плата натурой за работу существовала прежде въ Англіи почти повсемѣстно. «Для удобства рабочихъ, и чтобы защитить ихъ отъ дорогихъ цѣнъ мелочныхъ лавочниковъ», фабриканты устраивали лавки, въ которыхъ продавались всевозможные товары. Рабочій бралъ товары изъ лавки и они шли ему въ счетъ платы за работу. Общее неудовольствіе на эту систему вызвало въ 1831 году законъ, по которому плата натурой запрещена и обложена штрафомъ. Но этотъ законъ, какъ и всѣ законы Англіи, только мѣстами получилъ фактическую силу. Въ городахъ этой системы уже нѣтъ, но въ селахъ она еще существуетъ и мѣстами даже процвѣтаетъ болѣе или менѣе косвенно.

Котеджная система смотритъ болѣе невинно. Въ селахъ, вблизи фабрикъ, обыкновенно нѣтъ помѣщеній для рабочихъ, и фабрикантъ часто бываетъ принужденъ ихъ выстроить. Онъ дѣлаетъ это тѣмъ охотнѣе, что капиталъ, положенный на постройки, приноситъ хорошую выгоду. Если обыкновенные владѣльцы котеджей имѣютъ съ нихъ выгоды 6% прибыли, то можно смѣло положить, что фабрикантъ получитъ съ своего котеджа вдвое, потому что если его фабрика работаетъ постоянно, то у него есть и постоянные жильцы, и жильцы такого рода, которые платятъ вѣрно. Этой увѣренности не могутъ имѣть обыкновенные владѣльцы, и слѣдовательно, если ихъ доходъ при ри-

скѣ простоя и невѣрнаго платежа составляетъ 6%, то очевидно, что фабриканть имѣетъ отъ 12 до 14%. Такую систему, разумѣется, нельзя назвать честной, потому что лишніе 6% берутся прямо изъ кармана рабочихъ. Но она становится еще хуже, когда фабриканты силой заставляютъ рабочихъ жить въ ихъ котеджахъ, когда они только на этомъ условіи берутъ ихъ къ себѣ на фабрику; а еще хуже, когда они заставляютъ рабочихъ платить за котеджи, въ которыхъ тѣ не живутъ.

Котеджная система существуетъ во всѣхъ земледѣльческихъ фабричныхъ округахъ; она вызвала цѣлыя мѣстечки и, какъ большая часть фабрикантовъ не встрѣчаютъ вовсе конкурренціи, или конкурренцію весьма слабую, то имъ нѣтъ никакой необходимости измѣнять цѣну, смотря по запросу, и они назначаютъ то, что имъ вздумается. А какую силу придаетъ эта система фабрикантамъ! Вздумаютъ рабочіе отказаться отъ работы, имъ дается сроку одна недѣля и затѣмъ у нихъ нѣтъ не только хлѣба, — у нихъ нѣтъ крова, они дѣлаются вдругъ бродягами. Отказъ фабриканта отъ работы ведетъ къ тому же.

VI.

Женщины и дѣти.

Мы замѣтили разъ мимоходомъ, что мужчины становятся при фабричныхъ производствахъ все менѣе и менѣе нужными. Какъ же все это могло случиться, въ чемъ причина этого явленія? Возьмемъ прядильное и ткацкое производства. При машинной работѣ весь трудъ заключается преимущественно въ связываніи порвавшихся нитей; все остальное дѣлаетъ машина. Связываніе нитей требуетъ не силы, но гибкости и ловкости пальцевъ. Мужчины, разумѣется, для этого менѣе способны, чѣмъ женщины и дѣти; вотъ причина, чтобы замѣнить ихъ женщинами и дѣтьми. Чѣмъ болѣе руки и сила мускуловъ замѣняются машинами, дѣйствующими паромъ и водой, тѣмъ менѣе предстоитъ занятій мужчинамъ. А кромѣ бо́льшихъ способностей для такого рода занятій, работа женщинъ и дѣтей цѣнится дешевле, потому, разумѣется, на нихъ является запросъ больше, а на мужчинъ меньше. Въ прядильнѣ находятся только женщины и дѣвочки, иногда молодые мужчины, отъ 18 до 20 лѣтъ. На механическомъ ткацкомъ станкѣ работаютъ обыкновенно 15–20-лѣтнія женщины, отчасти и мужчины; но они не остаются при этомъ званіи болѣе 21 года. Кромѣ этихъ, собственно работающихъ лицъ, находятся еще дѣти для разбора и устанавливанія шпуль, и взрослые мужчины для надзора за комнатами и за фабричными строеніями: механикъ, машинистъ при машинѣ, столяръ, швейцаръ. Работа же собственно производится женщинами и дѣтьми. Вотъ цифры, которыя приводилъ лордъ Ашли въ 1844 г. въ палатѣ по поводу вопроса о числѣ часовъ рабочаго времени. Изъ 419,560 фабричныхъ рабочихъ, 192,387 были моложе 18 лѣтъ, и 242,296 женщинъ, изъ которыхъ 112,192 моложе 18 лѣтъ, такъ что, значитъ, взрослыхъ мужчинъ

т. е. старше 18 лѣтъ было 96,569 или 23%—менѣе четверти всего числа! На бумажныхъ фабрикахъ находилось $56^1/_4$, на шерстяныхъ $69^1/_2$, шелковыхъ $70^1/_2$, льняной пряжи $70^1/_2$ процентовъ всего числа рабочихъ—женщинъ.

Что же выходитъ изъ этого? Слѣдствіе весьма простое: мужчины и женщины мѣняются ролями. Прежде всего работа женщинъ разстраиваетъ домашній бытъ. Если мать семейства проводитъ на фабрикѣ каждый день отъ 12 до 13 часовъ и столько же часовъ пѣтъ дома мужа, который или на той же фабрикѣ, или работаетъ въ другомъ мѣстѣ, что можетъ выйти при этихъ условіяхъ изъ дѣтей? Они или ростутъ дико, какъ дикая трава, или же за шиллингъ въ недѣлю ихъ отдаютъ на сбереженіе какой нибудь старухѣ, и та медленно отравляетъ ихъ патентованнымъ лекарствомъ. Но вѣдь для дѣтей есть пріюты, есть школы? Да, есть. Но объ нихъ послѣ. Отсутствіе надзора за дѣтьми въ рабочихъ округахъ влечетъ за собой бездну несчастныхъ случаевъ и, разумѣется, возвышаетъ смертность между дѣтьми.

Женщина нерѣдко на третій, четвертый день послѣ родовъ отправляется на фабрику, оставляя своего грудного младенца, разумѣется, дома. Во время свободное отъ занятій она должна бѣжать торопливо домой, чтобы покормить своего ребенка и перекусить самой что нибудь. Какой тутъ надзоръ за ребенкомъ, какое кормленіе, когда у матери, обыкновенно и такъ истомленной, половина молока выбѣгаетъ изъ грудей во время работы. Лордъ Ашли приводитъ нѣсколько очень неутѣшительныхъ примѣровъ изъ собственныхъ показаній рабочихъ: «М. Н. двадцати лѣтъ, имѣетъ двухъ дѣтей; младшій — грудной; старшій отдается подъ надзоръ; она уходитъ на фабрику послѣ 5 часовъ утра и возвращается домой въ 8 часовъ вечера. Въ теченіе дня молоко идетъ у нея изъ грудей и течетъ черезъ платье.» «Н. W. имѣетъ трехъ дѣтей; уходитъ изъ дому въ понедѣльникъ въ пять часовъ утра и возвращается домой въ субботу вечеромъ въ семь часовъ. Дома ждетъ ее столько дѣла для дѣтей, что она не можетъ лечь въ постель ранѣе трехъ часовъ. Нерѣдко, промоченная дождемъ насквозь, она должна работать въ этомъ положеніи.»

Цѣлость семьи важна потому, что весь существующій общественный строй держится на семейномъ началѣ. Къ чему тогда проповѣдывать семью? Къ чему поддерживать ее всѣми законами и учрежденіями, когда въ то же время разрушаютъ ее экономическимъ путемъ? И кто же разрушаетъ? Тотъ же самый законъ и тѣ же учрежденія, которыя закрѣпляютъ отношенія рабочихъ къ нерабочимъ. Развѣ такое противорѣчіе можетъ существовать долго? Или поддерживать тотъ или другой порядокъ? И ужъ, разумѣется, лучше поддерживать семью, чѣмъ ея разореніе, и плодить нищенство рабочаго сословія. При нынѣшнемъ же порядкѣ мать не имѣетъ никакой возможности быть настоящей матерью; она не можетъ ходить за своими дѣтьми, она не можетъ ихъ кормить, какъ слѣдуетъ, она даже отвыкаетъ отъ нихъ и не только становится къ нимъ равнодушна—она тяготится ими,—дѣти для нея бремя. Дѣти же, выросшія при такихъ условіяхъ, еще больше способствуютъ разрыву семьи. Они не могутъ чувствовать никакого влеченія къ семейной жизни; она чужда

имъ, потому что они выросли внѣ семьи. Это вліяніе дѣтей на разрывъ семьи усиливается еще болѣе работой дѣтей на фабрикахъ. Если они заработываютъ болѣе, чѣмъ стоитъ ихъ содержаніе, то они платятъ своимъ родителямъ только то, что они имъ стоятъ; остальное тратятъ, куда имъ вздумается. Однимъ словомъ, дѣти эмансипируются и смотрятъ на родительскій домъ какъ на трактиръ; если онъ имъ не нравится, они его мѣняютъ.

Есть случаи, и ихъ не мало, когда семья хоть и не разрушается, но становится на выворотъ. Жена дѣлается главой семьи, работаетъ, содержитъ всѣхъ, а мужъ сидитъ дома, нянчитъ дѣтей, мететъ комнаты и стряпаетъ. Случаи эти такъ часты, что въ одномъ Манчестерѣ наберется ихъ нѣсколько сотенъ. Въ 412 фабрикахъ въ Ланкаширѣ, — говоритъ Энгельсъ, — работало женщинъ 10,721; ихъ мужей, тоже фабричныхъ рабочихъ, считалось 5,314; 3,927 имѣли другія занятія; 821 были безъ работъ и жили трудами своихъ женъ; о 639 нѣтъ свѣдѣній. И это—послѣднее слово европейской цивилизаціи, и это экономическій порядокъ, возведенный въ законъ теоретиками! Есть чѣмъ гордиться, чему завидовать и чему учиться!

Незамужнимъ женщинамъ, выросшимъ на фабрикахъ, тоже не лучше. Понятно, что дѣвушка, работавшая на фабрикѣ съ 10 — 12 лѣтъ и выросшая тамъ, не имѣла никакой возможности познакомиться съ домашнимъ хозяйствомъ; отъ этого фабричныя работницы совершенно чужды домовитости, онѣ совершенно не знаютъ обязанностей хозяйки, онѣ не умѣютъ ни шить, ни вязать, ни стряпать, ни мыть; а какъ обращаться съ дѣтьми — это совершенно имъ чуждо. Одинъ изъ коммиссаровъ правительства, удостовѣряющихъ подлинность приводимыхъ нами фактовъ, заключаетъ свой рапортъ желаніемъ и надеждой, что должно наступить наконецъ время, когда замужнія женщины не будутъ уже принуждены работать на фабрикахъ.

Но это еще не все о женщинахъ. Моральное вліяніе фабричныхъ работъ на женщинъ еще хуже. Соединеніе обоихъ половъ и всякихъ возрастовъ въ одной рабочей комнатѣ и вообще скучиваніе на небольшомъ пространствѣ людей, не особенно развитыхъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, не можетъ имѣть благопріятнаго вліянія на развитіе женскаго характера Фабрикантъ можетъ замѣчать и принимать мѣры противъ вещей болѣе крупныхъ, противъ скандаловъ, которые могли бы случиться; но постоянное, менѣе замѣтное вліяніе легкихъ или безнравственныхъ лицъ на характеръ остальныхъ, особенно молодыхъ работницъ, ему будетъ замѣтить трудно, и въ той же степени будетъ трудно и предупредить это вліяніе. А именно это-то вліяніе тихое, медленное, едва замѣтное, и есть самое вредное. На фабрикахъ въ маломъ размѣрѣ совершается то же, что и въ большихъ городахъ, въ большомъ размѣрѣ. Централизація народа обнаруживаетъ здѣсь то же самое вліяніе: если фабрика и меньше, за то сближеніе больше, тѣснѣе и неизбѣжнѣе. Слѣдствія остаются одни и тѣ же. Одинъ рабочій изъ Лейстера говорилъ правительственному коммиссару, что онъ скорѣе согласится послать свою дочь просить милостыню, чѣмъ на фабрику. Это совершенный адъ. Большая часть развратныхъ женщинъ, живущихъ въ городѣ, обязаны своимъ

развратомъ фабрикамъ. Другой свидѣтель изъ Манчестера показалъ, что онъ не имѣетъ никакого основанія сомнѣваться, что три четверти фабричныхъ работницъ, отъ 14 до 20 лѣтъ, лишены уже невинности; а докторъ Гоукинсъ говоритъ слѣдующее: «оцѣнку половой нравственности сдѣлать цифрами довольно трудно; но, основываясь на своихъ собственныхъ наблюденіяхъ, на общихъ отзывахъ тѣхъ, съ кѣмъ я говорилъ, наконецъ на впечатлѣніи, производимомъ всѣми признаками, является печальное убѣжденіе о вліяніи фабричной жизни на нравственность женской молодости.» Само собой разумѣется, что служба на фабрикѣ дѣлаетъ владѣльца полнымъ господиномъ надъ своими работницами. Увольненіе съ фабрики слишкомъ большое наказаніе, чтобы въ девяти случаяхъ изъ десяти не побѣдить упорства дѣвушки, которая и безъ того не имѣетъ особеннаго побужденія сохранять свою невинность. Если же фабрикантъ настолько низокъ, что захочетъ воспользоваться вполнѣ своимъ правомъ господина, то фабрика въ то же время можетъ служить ему гаремомъ.

Чтобы лучше судить о вліяніи фабричной работы на здоровье и вообще на физическое состояніе женщинъ, нужно сначала познакомиться съ работами, производимыми дѣтьми. Въ началѣ изобрѣтенія машинъ на фабрикахъ занимались почти исключительно все дѣти. Дѣтей даже забирали цѣлыми толпами изъ убогихъ домовъ, принимали ихъ на фабрики на большіе сроки, въ видѣ «учениковъ». Ихъ помѣщали и одѣвали гуртомъ, дѣлали вполнѣ рабами и обращались съ ними совершенно варварски. Противъ этой возмутительной системы возстали д-ръ Перциваль и сэръ К. Пель такъ энергически, что въ 1802 году парламентъ издалъ «постановленія объ ученикахъ» (Apprentice-bill), которыми были прекращены болѣе громкія злоупотребленія. Вмѣстѣ съ этимъ фабрики стали учреждаться болѣе въ городахъ, машины увеличены въ размѣрахъ, мастерскія устроены болѣе здоровыя, стали приниматься въ работу люди болѣе взрослые и число дѣтей на фабрикахъ уменьшилось. Дѣтей моложе 8 — 9 лѣтъ стали употреблять въ работу значительно менѣе.

Позже, разными постановленіями правительства стѣснялся все больше и больше произволъ фабрикантовъ. Несмотря на то, злоупотребленія продолжались и продолжаются. Разумѣется, они рѣже въ городахъ, но зато чаще въ селахъ. Случалось, что брали въ работу пятилѣтнихъ дѣтей; 8 — 9 лѣтніе дѣти работали 14 — 16 часовъ, не считая тутъ времени обѣда и отдыха; смотрители обращались съ дѣтьми грубо, били ихъ, а случалось, что и сами фабриканты колотили ихъ собственноручно. Разсказываютъ, что одинъ шотландскій фабрикантъ, настигнувъ сбѣжавшаго съ его фабрики 16-ти лѣтняго мальчика, заставилъ его бѣжать передъ собой и погонялъ всю дорогу бичомъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, фабриканты считали себя вполнѣ правыми; ихъ задачей было и есть извлечь возможно большія выгоды изъ капиталовъ, затраченныхъ ими на фабрики и машины. А для этого нужно только одно — работать какъ можно больше и дешевле. Вотъ причина, почему они наконецъ придумали постыдную систему ночной работы. У нѣкоторыхъ заводились даже двойные комплекты рабочихъ: одни работали двѣнадцать часовъ днемъ, другіе

*

двѣнадцать часовъ ночью. Понятно, какое вліяніе лишеніе ночнаго покоя, невознаградимое никакимъ дневнымъ отдыхомъ, должно было имѣть на здоровье не только дѣтей, но и взрослыхъ рабочихъ. Разстройство первной системы и общее истомленіе тѣла были ближайшимъ слѣдствіемъ этого новаго порядка. Вмѣстѣ съ этимъ увеличилось пьянство и развратъ. Одинъ фабрикантъ разсказываетъ, что въ теченіе двухъ лѣтъ, когда у него шла работа ночью, число незаконнорожденныхъ дѣтей увеличилось вдвое и вообще сдѣлался такой развратъ, что онъ долженъ былъ прекратить ночную работу.

Другіе фабриканты шли еще дальше. Они заставляли рабочихъ работать 30—40 часовъ, и это нѣсколько разъ въ недѣлю. Такой варварской мѣрой они пополняли недостававшее у нихъ до полнаго количества число рабочихъ.

Искривленность позвоночнаго хребта и кривизна ногъ были обыкновеннымъ слѣдствіемъ излишней и продолжительной работы. Вмѣстѣ съ этими болѣзнями замѣчены между рабочими особенно сильное, плашмя, развитіе стопы, боли въ спинѣ, въ бедрахъ и въ ногахъ, опухоль сочлененій, узловатость жилъ и большіе, упорные нарывы на икрахъ и ляшкахъ. Эти болѣзни встрѣчены почти у всѣхъ рабочихъ; только тѣ изъ нихъ и изъ дѣтей избавлялись отъ этихъ страданій, которыхъ поддерживало или ихъ крѣпкое сложеніе, или другія благопріятныя обстоятельства жизни.

Всѣ эти болѣзни легко объясняются характеромъ фабричной работы; она «легка», какъ говорятъ фабриканты, и именно потому то надъ ней изнемогаетъ и разслабляется организмъ рабочаго. Рабочимъ дѣла немного: но они должны все время стоять, и не имѣютъ права сѣсть. Кто присядетъ на подоконникъ или на ящикъ, съ того берется штрафъ; понятно, что постоянно прямое положеніе тѣла, постоянное механическое давленіе тѣла на хребетъ, бедра и ноги должно вызвать тѣ слѣдствія, о которыхъ мы говорили. А между тѣмъ въ этомъ постоянномъ стояніи нѣтъ никакой необходимости. На нѣкоторыхъ, весьма рѣдкихъ, фабрикахъ начали позволять садиться рабочимъ. Это повело сейчасъ же къ облегченію страданій рабочихъ — и многія работницы согласились работать далѣе.

Постоянно стоячее положеніе рабочихъ въ дурной атмосферѣ фабрикъ, кромѣ ослабленія силъ и общихъ болѣзней, вызываетъ много страданій мѣстныхъ. Атмосфера фабрикъ обыкновенно и сыра и въ тоже время тепла, и обыкновенно теплѣе, чѣмъ это нужно; а при дурно устроенной вентиляціи очень нечиста, затхла и съ весьма малымъ количествомъ кислорода; наполнена пылью, продушена запахомъ масла отъ машинъ. Рабочіе, и такъ ужь не тепло одѣтые, отъ перемѣны температуръ въ комнатахъ подвергаются легко простудѣ. Самый малѣйшій сквозной вѣтеръ для нихъ вреденъ; общее истомленіе тѣла, слабость органическихъ отправленій и выдѣленіе внутренней теплоты заставляютъ ихъ искать внѣшней теплоты, — вотъ почему для рабочаго нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ работать въ теплой фабричной атмосферѣ при окнахъ, совершенно закрытыхъ. Частая быстрая перемѣна температуры при выходѣ изъ теплой фабрики на свѣжій воздухъ, особенно во время дурной погоды, невозможность защищаться вполнѣ отъ дождя или смѣнить сырое.

промокшее платье на сухое, — все это влечетъ за собой весьма частыя простуды.

Все это вмѣстѣ обнаруживаетъ весьма вредное вліяніе на здоровье рабочихъ. Дѣти, особенно мальчики, теряютъ очень скоро свою розовую дѣтскую свѣжесть, дѣлаются блѣдными и тощими. Даже ученики у ручныхъ ткачей, работающіе боекомъ на глинянномъ полу своей мастерской, имѣютъ гораздо болѣе здоровый видъ, потому что они хоть иногда дышатъ свѣжимъ воздухомъ. Но у фабричнаго дитяти нѣтъ ни одной минуты свободной. Онъ выходитъ на воздухъ только тогда, когда идетъ ѣсть. Всѣ взрослые прядильщики блѣдны и жидки; они страдаютъ неправильнымъ аппетитомъ и несвареніемъ желудка. Ихъ занятіе имѣетъ рѣшительно вредное вліяніе на ихъ сложеніе. Если бы фабрики не наполнялись рабочими изъ селъ, то фабричные рабочіе весьма бы скоро совершенно выродились. Это отзывы врачей. А докторъ Гоукинсъ замѣчаетъ, что ни въ одномъ городѣ Великобританіи или Европы онъ не замѣтилъ въ такой степени отклоненіе всего вообще вида рабочихъ и цвѣта его лица отъ нормальнаго, какъ въ Манчестерѣ. Въ замужнихъ женщинахъ совсѣмъ нѣтъ характеристическихъ особенностей, отличающихъ англійскую женщину. «Я долженъ сказать, что фабричныя дѣвочки и мальчики, которыхъ ко мнѣ приводили съ манчестерскихъ фабрикъ, имѣли вообще удрученный видъ и блѣдность; въ выраженіяхъ ихъ лицъ не было обыкновенной дѣтской подвижности, жизни и веселости. Многіе изъ нихъ говорили мнѣ, что они не имѣютъ ни малѣйшаго желанія вечеромъ въ субботу или въ воскресенье возиться на свободномъ воздухѣ, но предпочитаютъ оставаться спокойно дома.»

Еще факты. Работа останавливаетъ дѣтей въ ростѣ, и это подтверждено сотнями свидѣтельствъ врачей и коммиссаровъ отъ правительства. Между прочими, д-ръ Коуель представляетъ всѣхъ 46 мальчиковъ. Всѣ 17-тильтніе и всѣ изъ одной воскресной школы. Изъ нихъ 96, работавшіе на фабрикахъ, имѣли среднимъ числомъ 104,5 англійскихъ фунта, а 20 не фабричныхъ— всѣ они каждый среднимъ числомъ 117,7 англійскихъ фунтовъ. Одинъ изъ значительныхъ манчестерскихъ фабрикантовъ и глава оппозиціи фабрикантовъ противъ рабочихъ, — кажется, Робертъ Гандъ Гретъ, — сказалъ самъ одинъ разъ, что если этотъ порядокъ будетъ еще продолжаться, то фабричные Ланкашира сдѣлаются скоро пигмеями.

На женщинъ фабричная работа дѣйствуетъ особеннымъ образомъ. Продолжительный трудъ, неправильное положеніе тѣла и продолжительное стоячее положеніе имѣютъ ближайшимъ слѣдствіемъ трудность и неправильность родовъ, затѣмъ общую слабость тѣла. И положеніе ихъ ужасно еще тѣмъ, что онѣ должны работать до послѣдней минуты. Случается нерѣдко, что женщина, работавшая еще наканунѣ вечеромъ, на другой день уже родила; а бывали примѣры, что женщины рожали на самой фабрикѣ, между машинами. И все изъ-за чего? Чтобы не лишиться платы или даже и вовсе мѣста. Но каково должно быть положеніе беременной женщины, при послѣднихъ порахъ —работать стоя 12—13 часовъ и безпрестанно нагибаясь! Если сами фабри-

канты не въ состояніи понять этой пытки, то хотя бы они спросили у своихъ женъ и дочерей.

Это еще не все. Рѣдко женщинамъ послѣ родовъ дадутъ отдохнуть двѣ недѣли. Многія приходятъ черезъ восемь дней, и даже черезъ три-четыре дня на фабрику и отработываютъ цѣлый урокъ!

На молодыхъ дѣвушекъ, особенно въ періодъ ихъ развитія, работа имѣетъ вредное вліяніе тѣмъ, что порождаетъ множество отклоненій отъ нормальныхъ отправленій организма. Многія, особенно имѣющія лучшую пищу, развиваются отъ фабричнаго жара очень рано, т. е. ранѣе чѣмъ обыкновенно. Очень часто попадаются дѣвушки, вполнѣ сложившіяся въ 12 до 14 лѣтъ. Бывали примѣры беременности даже 11-тилѣтнихъ дѣвочекъ, а 15-тилѣтнія рожаютъ весьма нерѣдко. Но бываютъ и противные примѣры: когда развитіе женщины задерживается, груди образуются или весьма поздно, или совсѣмъ не образуются, а менструація появляется въ 17, 18, даже въ 20 лѣтъ; иногда же и вовсе не появляется. Вообще менструаціи бываютъ неправильныя, съ большими болями и страданіями, и очень часто блѣдная немочь. Во всемъ этомъ согласны всѣ медицинскія свидѣтельства. Дѣти, рожденныя такими женщинами, ужь, разумѣется, не могутъ быть ни крѣпки, ни здоровы.

Вотъ фабричная система въ ея главныхъ основаніяхъ. Изъ этого описанія должны быть ясны и отношенія буржуазіи къ пролетарію, и причины ихъ обоюдныхъ враждебныхъ отношеній. Мы остановились на описаніи мануфактуры довольно долго, потому что бумагопрядильному и ткацкому производствамъ принадлежитъ первое мѣсто въ промышленной дѣятельности человѣка. Все, что было сказано о фабричной системѣ, имѣетъ большее или меньшее примѣненіе и къ другимъ производствамъ,—разница не въ сущности, не въ значеніи фактовъ, а только въ высшей ихъ формѣ. Поэтому объ остальныхъ, болѣе важныхъ вѣтвяхъ англійской промышленности, мы скажемъ настолько коротко, чтобы дать только понятіе объ ихъ главныхъ особенностяхъ. Мы беремъ для этого тѣ производства, къ которымъ примѣнена фабричная система.

VII.

Чулочныя издѣлія и кружевное производство.

Тканье чулковъ производится въ большихъ размѣрахъ въ Ноттингемѣ, Дербп и Лейстерѣ. Сидячій образъ жизни, продолжительность работы, вызванная низкой задѣльной платой, и необходимость напрягать зрѣніе — ослабляютъ вообще здоровье и особенно зрѣніе рабочихъ. Безъ сильнаго свѣта вечеромъ работать нельзя, поэтому ткачи употребляютъ стеклянные шары, которые сильной концентрировкой свѣта сильно ослабляютъ глаза. Около сорока лѣтъ почти всѣ рабочіе принуждены носить очки. При этой работѣ особенно

страдаютъ дѣти: они дѣлаются легко близорукими до того, что многія изъ нихъ начинаютъ носить очки. Положеніе этихъ рабочихъ было прежде самое жалкое: работая 16—18 часовъ, они заработывали 6 и рѣдко 7 шиллинговъ въ недѣлю. До введенія увеличеннаго стана они добывали отъ 20 до 21 шиллинга, но улучшенія въ производствѣ и усовершенствованія въ машинахъ испортили ихъ заработокъ. Положеніе ихъ едва ли и можетъ улучшиться, потому что въ чулочномъ производствѣ конкурируетъ сильно съ Англіей Саксонія.

Энгельсъ приводитъ слѣдующее свидѣтельство одного чулочнаго ткача, изъ Гинчли, о положеніи его товарищей по ремеслу. Онъ указываетъ на 50 семействъ, въ числѣ 321 членовъ, работавшихъ на 109 станахъ. Каждый станъ приноситъ $5^1/_6$ шиллинга въ недѣлю, слѣдовательно, каждое семейство добывало въ недѣлю среднимъ числомъ 11 шилл. 4 пен. Изъ этого на наемъ квартиры, стана, на угли, свѣчи, мыло, иглы шло 5 шилл. 10 пенсовъ, такъ что на пищу приходилось въ день на каждаго $1^1/_2$ пенса, т. е. $4^1/_2$ коп. сер., а на одежду—ничего.

Въ той же мѣстности, гдѣ развито чулочное производство, находятся главные пункты фабрикаціи кружевъ. Въ трехъ сказанныхъ графствахъ въ 1848 году было въ ходу 2760 кружевныхъ станковъ, а во всей остальной Англіи существовало только 786. Строгое раздѣленіе работъ создало въ этомъ производствѣ нѣсколько подраздѣленій. Прежде всего нити наматываются на шпули; это дѣлаютъ дѣвушки, въ 14 и старше лѣтъ (winders). Потомъ шпули устанавливаются мальчиками (threaders) на машину, нити продѣваются чрезъ тонкія отверстія, проводятся впередъ и наматываются. Такихъ отверстій въ машинѣ, среднимъ числомъ, до 1800. Когда нити установлены, рабочій тчетъ кружева, и они получаются въ видѣ широкаго полотна. Послѣ этого маленькія дѣти вытягиваютъ извѣстныя продольныя нити и кусокъ распадается на отдѣльныя кружевныя полосы. Это называется running или drawing lace, а дѣти занимающіяся раздѣленіемъ lace—runners. Затѣмъ кружева приготовляются въ продажу. Winders и threaders не имѣютъ опредѣленнаго времени для работы; ихъ обязанность наматывать и продѣвать нити, когда шпули сойдутъ; а какъ работа производится нерѣдко ночью, то понятно, что ихъ могутъ позвать во всякое время. Такая неправильность въ занятіяхъ, частая ночная работа и безпорядочный образъ жизни, какъ слѣдствіе этого, ведутъ къ разнымъ физическимъ страданіямъ и усиливаютъ даже безнравственность рабочихъ, особенно тѣмъ, что возбуждаютъ слишкомъ раннее соединеніе половъ. Работа эта вредна особенно для winders, у которыхъ очень часты воспаленія роговой оболочки и даже темная вода. Работа ткачей тоже очень тяжела, потому что машины дѣлаются все шире и шире. Есть изъ нихъ уже такой ширины, что на машину становится три рабочихъ, работающихъ по очереди, по восьми часовъ каждый.

Самымъ труднымъ считается однако раздѣленіе куска на полосы. Этимъ занимаютъ самыхъ молодыхъ дѣтей. Преслѣдованіе одной и той же нитки, часто исчезающей въ ткани, и вытаскиванье ея иголкой очень напрягаютъ зрѣніе, особенно при продолжительной работѣ. Обыкновенное слѣдствіе этого

напряженія — близорукость, а затѣмъ даже и неизлѣчимая слѣпота. Кромѣ того, отъ согнутаго, сидячаго положенія — слабость, впалость груди, а отъ дурнаго питанія—золотушность.

Такое же вліяніе на глаза и на весь организмъ имѣетъ и плетеніе кружевъ. Всѣ медицинскія свидѣтельства согласны въ томъ, что дѣти, занятыя кружевнымъ производствомъ, вообще очень страдаютъ, что они блѣдны, слабы, слишкомъ малы для ихъ лѣтъ и менѣе другихъ способны противостоять болѣзнямъ. Обыкновенныя болѣзни: общая слабость, частые обмороки, боли въ головѣ, бокахъ, спинѣ и бедрахъ, біеніе сердца, тошнота, рвота, недостатокъ аппетита, искривленіе позвоночнаго столба, золотуха, сухотка. Особенно страдаютъ женщины: блѣдная немочь, тяжелые роды и выкидыши— вотъ на что жалуются всѣ. Что же касается до нравственности, то вотъ что говоритъ о ней одинъ оффиціальный отчетъ. «Всѣ жители Ноттингема, полиція, духовные, фабриканты, рабочіе и даже сами родители дѣтей убѣждены одинаково, что настоящая система работъ служитъ въ высшей степени плодотворнымъ источникомъ безнравственности. Продѣвальщики (threaders), большею частью мальчики, и мотальщицы (winders), большею частью дѣвушки, требуются на фабрику въ одно время, часто среди ночи. А какъ родители ихъ не могутъ знать, какъ долго держатъ дѣтей на фабрикѣ, то они и имѣютъ прекрасный случай устраивать между собой связи и исчезать вмѣстѣ послѣ работы». Ноттингемъ составилъ себѣ даже извѣстность безнравственностью.

VIII.

Печатаніе матерій и разрѣзальщики бархата.

Въ Ланкаширѣ, Дербиширѣ и на западѣ Шотландіи значительное число рабочихъ занято набивкой бумажныхъ тканей. Ни въ одной вѣтви англійской промышленности механика не пришла къ такимъ блестящимъ результатамъ, какъ въ окрашиваніи, но за то нигдѣ рабочій не былъ поставленъ въ положеніе болѣе тяжелое. Примѣненіе паровыхъ цилиндровъ, открытіе средства печатать сразу нѣсколькими цвѣтами совсѣмъ уронили ручное производство. Въ красильномъ дѣлѣ машины сдѣлали рабочимъ гораздо больше зла, чѣмъ въ прядильномъ и въ ткацкомъ. Одинъ взрослый рабочій, при помощи ребенка, производитъ машиной гораздо больше, чѣмъ 200 человѣкъ ручныхъ рабочихъ,—одна машина въ минуту времени набиваетъ 28 ярдовъ матеріи (35 аршинъ). Такой успѣхъ машиннаго производства поставилъ, разумѣется, рабочихъ въ самое печальное положеніе. Печатники, въ своей жалобѣ палатѣ въ 1842 году, говорятъ, что въ графствахъ Ланкастерѣ, Дерби и Честерѣ, въ 1842 году, было приготовлено 11 милл. кусковъ печатныхъ матерій. Изъ нихъ 100,000 кус. исключительно ручной работой, 900,000 кус.—машинами и ручной работой, и 10 милліоновъ исключительно машинами. Далѣе, въ просъ-

бѣ говорится, что четверть всего числа рабочихъ остается безъ хлѣба, тогда какъ остальные заняты въ недѣлю одинъ, два, много три дня, за дурную плату. Такимъ образомъ, крашеніе матерій подчинилось вполнѣ фабричной системѣ, такъ же какъ и прядильное производство, но только съ той разницей, что ему болѣе угрожаютъ всякія случайности, и оно менѣе сдержано законными ограниченіями. Красильни приготовляютъ модныя вещи, и потому у нихъ нѣтъ точно установленнаго времени для работы. Запросъ малъ — они работаютъ половину времени; какой нибудь новый рисунокъ пошелъ хорошо,—и они работаютъ 10—12 часовъ, даже цѣлую ночь.

Къ этой же категоріи рабочихъ относятся бѣльильщики. Со времени примѣненія къ бѣленію хлора, вещества вредодѣйствующаго на легкія, работа бѣльильщиковъ сдѣлалась нездоровой. Работа красильщиковъ гораздо здоровѣе, во многихъ случаяхъ даже очень здорова, потому что вызываетъ напряженіе всего тѣла.

Разрѣзальщики бархата, число которыхъ доходитъ до 4,000, съ введеніемъ машинъ очутились въ положеніи, значительно худшемъ, чѣмъ прежде. Матеріи, которыя ткались прежде на ручныхъ станкахъ ,были недостаточно ровны и правильны, и для стрижки ихъ требовались навычныя руки. Съ введеніемъ машинъ это измѣнилось. Машина тчетъ ровно, правильно, каждая нить ложится къ нити одна какъ другая совершенно параллельно, такъ что разрѣзываніе ихъ не составляетъ уже искусства. Отъ этого другіе рабочіе, сдѣлавшіеся съ введеніемъ машинъ лишними, кинулись въ разрѣзальщики, и разумѣется, понизили ихъ заработную плату. А когда фабриканты замѣтили, что стрижку бархата можно поручить женщинамъ и дѣтямъ, то задѣльная плата мужчинамъ упала до этого размѣра и взрослымъ рабочимъ пришлось искать себѣ другой работы. Далѣе, фабриканты разсчитали, что стрижку бархата можно производить выгоднѣе на самыхъ фабрикахъ, чѣмъ отдавать рабочимъ на домъ, и на фабрикахъ устроились для этого особыя комнаты, разрѣзальщики, подчинившись этимъ путемъ фабричной системѣ, очутились въ полной зависимости отъ фабрикантовъ. Одинъ рабочій говорилъ Энгельсу, что онъ еще помнитъ то время, когда за ту же работу, за которую ему даютъ 1 пенни съ ярда, онъ получалъ восемь. Разумѣется, что ровно вытканную матерію онъ можетъ рѣзать скорѣе, чѣмъ матерію прежняго тканья; но въ одинъ часъ онъ все-таки не сдѣлаетъ вдвое противъ прежняго, такъ что его недѣльный заработокъ упалъ противъ прежняго на четверть. Личъ дѣлаетъ слѣдующее сравненіе въ заработной платѣ разрѣзальщиковъ. За тѣ матеріи, за которыя въ 1827 году платилось съ ярда — 4 п., $2^1/_4$ п., $2^3/_4$ п., 1 п.,— въ 1843 г. платили: $1^1/_2$ п., $^2/_4$ п., 1 п., $^3/_8$ п. А отношеніе средняго недѣльнаго заработка Личъ опредѣляетъ такъ:

Въ 1827 г. 1 ф. 6 ш. 6 п., 1=2=6, 1 » » 1=6=6.
— 1843 г. » 10 = 6 », » 7=6. » 6=8 » 10 »

IX.

Швеи.

Довольно трудно сказать, какого рода рабочимъ хуже всѣхъ; но вѣрно то, что къ числу наиболѣе страдающихъ отъ излишняго труда и лишеній принадлежатъ работницы, занятыя приготовленіемъ дамской одежды и вообще предметовъ моды. О модисткахъ и швеяхъ Лондона, какъ не составляющихъ особенной, характеристической черты Англіи, мы не будемъ говорить много, тѣмъ болѣе, что въ слѣдующей статьѣ намъ придется говорить о швеяхъ и модисткахъ Парижа, этого центра европейской моды, поставившаго своихъ работницъ въ положеніе самое печальное.

Модные магазины Лондона даютъ занятіе огромному числу дѣвушекъ. Модистокъ считается въ немъ до 15,000. Онѣ обыкновенно живутъ и ѣдятъ у содержателей магазиновъ и находятся у нихъ въ совершенной зависимости. Во время сезона, который продолжается около четырехъ мѣсяцевъ, число рабочихъ часовъ даже въ лучшихъ магазинахъ —15; а если есть спѣшная работа, то и восемнадцать. Во многихъ магазинахъ, въ сезоны, даже и нѣтъ опредѣленнаго времени для работы. Работаютъ, когда нужно, такъ что дѣвушки не спятъ болѣе 6 часовъ, а иногда имъ приходится спать всего два часа,—такъ что рабочее время тянется 19—20 и болѣе часовъ, а иногда и всю ночь. Единственнымъ предѣломъ работы въ горячее модное время, когда все торопится имѣть у себя, какъ можно скорѣе, модное платье, когда всѣ магазины завалены работой, — одна положительная физическая невозможность швеи держать хоть одну минуту иголку. Случается, что эти бѣдныя существа нѣсколько дней сряду совсѣмъ не раздѣваются, и боязнь лишиться мѣста и куска хлѣба заставляютъ 14—20 лѣтнихъ дѣвушекъ переносить пытку такой работы, какая не подъ силу даже взрослому сильному мужчинѣ. Къ этому нужно прибавить спертый и дурной воздухъ мастерской, постоянно согнутое сидячее положеніе и нерѣдко дурную трудноваримую пищу. Болѣе же всего вредитъ продолжительная работа и недостатокъ свѣжаго воздуха. Истома, слабость, слабосиліе, потеря аппетита, боли въ плечахъ, въ спинѣ, бокахъ и особенно головныя боли появляются очень скоро. Потомъ искривленіе позвоночнаго хребта, переросшія высокія плечи, худоба, гноящіеся, больные глаза, кашель, впаденіе груди, короткое дыханіе и всѣ остальныя женскія болѣзни и чахотка, нерѣдко кончающая печальное существованіе модистки— вотъ перспектива каждой изъ нихъ и каждой швеи. Даже тѣ, которымъ удастся довольно рано освободиться отъ этой работы, бываютъ уже навсегда разстроены, здоровье ихъ потеряно, силъ мало, и выходя замужъ, они приносятъ всегда больныхъ и слабыхъ дѣтей. Всѣ врачи, которыхъ спрашивали, единогласно говорятъ, что нельзя придумать и найдти образъ жизни, который бы болѣе разстроивалъ здоровье и велъ къ болѣе ранней смерти.

Совершенно такъ же печально и положеніе швей всякихъ родовъ. Кор-

сетницы, работающія поштучно, едва ли добываютъ болѣе одного пенни за штуку, а между тѣмъ работа ихъ трудна и портитъ сильно глаза. Дѣвушки, шьющія галстуки, шестнадцати-часовой ежедневной работой добываютъ въ недѣлю $4^1/_2$ шиллинга. Но хуже всѣхъ швеямъ рубашекъ. За обыкновенную рубашку они получаютъ $1^1/_2$ пенни ($4^1/_2$ к. с.). Прежде они получали отъ 2 до 3 пенсовъ; но съ тѣхъ поръ, какъ богадѣльни, управляемыя буржуа, стали брать работу за $1^1/_2$ пенни, бѣдныя рубашечницы должны были понизить свой заработокъ. За тонкую рубашку, которая шьется въ день только при восьмнадцатичасовой работѣ, онѣ получаютъ 6 пенсовъ (17 к. с.). Заработокъ рубашечницъ, при самомъ усиленномъ трудѣ, при ежедневной работѣ до глубокой полночи, составляетъ въ недѣлю отъ $2^1/_2$ до 3 шиллинговъ! Эти бѣдныя дѣвушки живутъ обыкновенно въ ужаснѣйшей бѣдности. Въ одной комнатѣ ихъ помѣщается такъ много, какъ только позволяетъ мѣсто. Тамъ, сидя, согнутыя надъ работой, съ четырехъ или пяти часовъ утра до глубокой ночи, онѣ въ какіе нибудь два года разстроиваютъ свое здоровье и сходитъ въ преждевременную могилу, не узнавъ въ жизни ни одной минуты радости и имѣя возможность удовлетворить едва самымъ необходимѣйшимъ потребностямъ, въ то время, какъ тамъ внизу, подъ ихъ ногами, высокая буржуазія наслаждается всѣми благами жизни и какой нибудь пустой денди проигрываетъ или проматываетъ въ одинъ вечеръ болѣе денегъ, чѣмъ сколько другая швея заработала во всю жизнь.

X.

Мастера металлическихъ издѣлій.

Кончаемъ объ Англіи описаніемъ производствъ, составляющихъ не меньшую ея славу и гордость, какъ и ея бумагопрядильныя мануфактуры и бумажныя и шерстяныя ткани,—это металлическія издѣлія.

Главное мѣсто производства ихъ—Бирмингамъ, Шеффильдъ и Стаффордширъ. Въ Бирмингамѣ дѣлаются всевозможныя тонкія металлическія вещи, въ Шеффильдѣ—ножи; въ Стаффордширѣ, т. е. собственно въ Вольвергемтонѣ, грубыя вещи—замки, гвозди и т. д.

Въ Бирмингамѣ, какъ и въ большей части мѣстъ, гдѣ разработываются металлы, промышленность эта нѣсколько удержала еще въ себѣ прежній ремесленный характеръ. Маленькіе мастера держатся покамѣстъ крѣпко, и работаютъ съ своими учениками или въ своихъ мастерскихъ, на дому, или тамъ, гдѣ явилось уже примѣненіе паровой силы, въ большихъ фабричныхъ зданіяхъ, разбитыхъ на маленькія мастерскія, отдаваемыя въ наемъ отдѣльнымъ мастерамъ. Въ каждой такой мастерской есть свой стержень или колесо, приводимое въ движеніе общей паровой машиной фабрики.

Леонъ Фоше называетъ такихъ отдѣльныхъ мастеровъ промышленной демократіей, и замѣчаетъ весьма справедливо, что эта разрозненность силъ не

имѣетъ благопріятнаго вліянія ни на положеніе мастеровъ, ни на ихъ подмастерьевъ. Такое замѣчаніе совершенно вѣрно. Барышъ этого множества мелкихъ мастеровъ совершенно ничтоженъ, потому что онъ зависитъ вполнѣ отъ конкурренціи богатыхъ и сильныхъ фабрикантовъ, имѣющихъ возможность сбывать свои издѣлія болѣе дешево и пользоваться самымъ небольшимъ процентомъ. Одинъ разбогатѣвшій мелкій мастеръ богатѣетъ на счетъ десяти своихъ товарищей, а остальные мастера, находясь подъ гнетомъ централизующей силы капитала богатыхъ фабрикантовъ, стоятъ очень дурно и имѣютъ самыя ничтожныя выгоды. Ученикамъ у такихъ мастеровъ нисколько не лучше, чѣмъ на фабрикахъ; можно даже сказать, что имъ такъ же дурно. Единственная выгода ихъ въ томъ, что современемъ они сами могутъ сдѣлаться мастерами и достигнуть нѣкоторой самостоятельности. Такимъ образомъ эти мелкіе мастера составляютъ что-то среднее: они не пролетаріи въ собственномъ смыслѣ, потому что живутъ отчасти работой своихъ учениковъ, и не буржуазія, потому что существуютъ все-таки своей собственной работой.

Кромѣ этихъ мастеровъ, существуетъ въ Бирмингамѣ множество большихъ фабрикъ, на которыхъ вполнѣ примѣнена фабричная система, т. е. крайнее раздѣленіе работъ, —какъ, напримѣръ, при иголочномъ производствѣ, — употребленіе въ работу огромнаго числа женщинъ и дѣтей, и наконецъ все то, о чемъ мы упоминали уже нѣсколько разъ—усиленный трудъ женщинъ, неспособность и равнодушіе ихъ къ своему дому, хозяйству и къ дѣтямъ, разврать, ранняя эмансипація дѣтей отъ родителей, устраненіе мужчинъ отъ работъ, и т. д.

Отчеты говорятъ, что половина дѣтей не знаетъ, что значитъ быть сытымъ; многіе ѣдятъ въ день лишь столько хлѣба, сколько можно купить на одинъ пенни (3 к.), или до обѣда не ѣдятъ ничего. Бывали случаи, что съ восьми часовъ утра и до семи вечера дѣти ровно ничего не брали въ ротъ. Платье нерѣдко такъ дурно, что едва прикрываетъ ихъ наготу. Многіе даже зимой ходятъ босикомъ. Вообще, дѣти тамъ очень малы, слабы и развиваются въ очень слабыхъ и малаго роста людей. По показанію одного рекрутирующаго унтеръ-офицера, народъ въ Бирмингамѣ мельче, чѣмъ гдѣ либо, большая часть въ 5 фут. 4 до 5 дюймовъ, и болѣе чѣмъ на половину негодны для военной службы; изъ 613, набранныхъ имъ, только 238 оказались годными.

Воспитаніе и нравственность дѣтей въ высшей степени плохи. Половина всѣхъ преступниковъ моложе 15 лѣтъ; въ одинъ годъ было 90 десятилѣтнихъ преступниковъ, и изъ нихъ 44 за уголовныя преступленія.

Въ Стаффордширѣ еще хуже. Въ грубомъ желѣзномъ производствѣ строгое раздѣленіе работъ и машины почти непримѣнены. Отъ этого здѣсь очень мало фабрикъ и очень много мелкихъ кузнецовъ, которые работаютъ или въ одиночку, или съ учениками. Положеніе мастеровъ такъ же дурно, какъ и въ Бирмингамѣ, а положеніе мальчиковъ далеко хуже. Ихъ кормятъ и одѣваютъ весьма плохо, и не только мастера-одиночки, но даже большіе фабриканты. Помѣщенія скверны и грязны нерѣдко въ такой степени, что мальчики хвораютъ. Все это вмѣстѣ, несмотря на здоровую работу, дѣлаетъ дѣтей слабыми

и хворыми; нѣкоторыя же работы часто уродуютъ рабочихъ. Напримѣръ, въ Виленголѣ есть множество людей, которые отъ постоянной пилки желѣза въ тискахъ имѣютъ горбы и одну согнутую ногу,—ту, на которую они больше опираются. Ноги, сложенныя вмѣстѣ, имѣютъ видъ буквы К. Болѣзнь эту англичане называютъ bird-leg. Къ этому еще нужно прибавить, что по меньшей мѣрѣ треть рабочихъ имѣетъ грыжу, а затѣмъ множество примѣровъ пріостановленной зрѣлости, какъ между мужчинами, такъ и между женщинами, которыя здѣсь работаютъ тоже въ кузницахъ.

Въ Седжли и въ его окрестностяхъ, гдѣ работаются почти исключительно гвозди, рабочіе живутъ въ отвратительныхъ, грязныхъ лачужкахъ. Мальчики и дѣвочки съ 10—12 лѣтъ берутся уже въ кузницы, и ученикъ считается настоящимъ рабочимъ, когда куетъ каждый день по 1.000 гвоздей. За 1,200 гвоздей платится $5^{3}/_{4}$ пенса, гвоздь куется двѣнадцатью ударами, а молотъ вѣситъ $1^{1}/_{4}$ фунта. Слѣдовательно, чтобы заработать эти жалкія 17 коп., рабочій долженъ сдѣлать 14,400 ударовъ или поднять 18,000 фунтовъ!

Въ Шеффильдѣ плата рабочимъ лучше, а слѣдовательно и лучше ихъ внѣшнее положеніе. Но зато нѣкоторыя отрасли работъ замѣчательны своимъ чрезвычайно вреднымъ вліяніемъ на здоровье. Одни изъ нихъ требуютъ нажима грудью на инструментъ и порождаютъ нерѣдко чахотку; другія, напр. пилка желѣза,—удерживаютъ вообще развитіе тѣла: обрѣзка кости, для черенковъ, причиняетъ головныя боли, разстройство печени, а у дѣвочекъ, которыхъ много занимаютъ этимъ дѣломъ, блѣдную немочь. Но самое вредное изъ занятій—это шлифовка ножей и вилокъ, особенно если это дѣлается на сухомъ камнѣ. Вредъ этой работы частью въ согнутомъ положеніи рабочихъ, въ стѣсненіи груди и желудка, а особенно въ острой металлической пыли, отдѣляющейся во множествѣ, которую рабочій вдыхаетъ. Средняя жизнь для сухихъ шлифовальщиковъ 35 лѣтъ, а мокрыхъ рѣдко можно найти старше 45 лѣтъ. Докторъ Найтъ, изъ Шеффильда, говоритъ слѣдующее: «Вредное вліяніе этой работы я поясню вполнѣ, если скажу, что самые сильные пьяницы между шлифовальщиками—самые долгоживущіе люди, потому что они бо́льшую часть своего времени не работаютъ». Всѣхъ шлифовальщиковъ въ Шеффильдѣ около 2,500. Изъ нихъ 150 (80 мужч. и 70 мальч.) шлифуютъ вилки. Эти умираютъ между 28 и 32 годами. Шлифовальщики бритвъ, работающіе сухимъ и мокрымъ путемъ, умираютъ между 40 и 45 годами. А шлифовальщики ножей, работающіе исключительно на мокромъ камнѣ, умираютъ между 40—50 годами. Тотъ же врачъ говоритъ слѣдующее объ ихъ спеціальной болѣзни—шлифовальной одышкѣ: «Они начинаютъ работать обыкновенно съ четырнадцатымъ годомъ, и если дѣти сложены хорошо, то ранѣе двадцатилѣтняго возраста чувствуютъ рѣдко какія либо страданія. Но послѣ этого симптомы ихъ болѣзни начинаютъ обнаруживаться. При малѣйшемъ напряженіи, поднимаясь на гору или на лѣстницу, у нихъ останавливается дыханіе, они поднимаютъ вверхъ плечи, чтобы облегчить дыханіе. Они гнутся впередъ и вообще чувствуютъ себя легче и свободнѣе въ согнутомъ положеніи, т. е. въ томъ, въ которомъ они работаютъ. Цвѣтъ ихъ лица грязножелтый, выраженіе—боязнен-

ное; они жалуются на стѣсненіе въ груди, голосъ у нихъ жесткій и сильный; кашляютъ громко такимъ звукомъ, какъ если бы пропускать воздухъ чрезъ деревянную трубу. Время отъ времени они выхаркиваютъ значительное количество пыли—или перемѣшанной съ мокротой, или шарообразной и цилиндрической формы, покрытой тонкимъ слоемъ мокроты. Кровохарканіе, трудность и даже неспособность лежать, ночной потъ, поносъ съ коликой, необыкновенная исхудалость со всѣми обыкновенными симптомами легочной чахотки—наконецъ сламываетъ ихъ. Я долженъ сказать, что всѣ попытки, какія дѣлались до сихъ поръ, чтобы облегчить или уничтожить эту болѣзнь, оказались совершенно безсильными противъ нея». Это писалъ Найтъ около 1835 года. Съ тѣхъ поръ и число шлифовальщиковъ и болѣзнь значительно усилились. Чтобы помочь бѣдѣ, стали пытаться прикрывать шлифовальные камни и устранять пыль тягой воздуха. Попытки частью и удались, но шлифовальщики не остались довольны такимъ успѣхомъ. Они боялись, что этимъ привлечется бо́льшее число рабочихъ и понизится задѣльная имъ плата. Шлифовальщикамъ, являвшимся съ первыми симптомами одышки, докторъ Найтъ говорилъ: «вы умрете, если войдете опять къ своему шлифовальному камню». Но это ихъ нисколько не пугало. Кто сдѣлался разъ шлифовальщикомъ, тому, какъ человѣку продавшему свою душу, ужь нѣтъ возврата.

Образованіе въ этихъ трехъ округахъ стоитъ чрезвычайно низко. Въ Бирмингамѣ половина дѣтей отъ 5 до 15 лѣтъ вовсе не посѣщаютъ никакихъ школъ; а тѣ, которыя посѣщаютъ, часто ихъ мѣняютъ, и разумѣется, не могутъ получить никакого твердаго образованія. Учителя въ школахъ крайне плохи. Одна учительница на вопросъ: «учитъ ли она нравственности?» отвѣтила:—нѣтъ; да за три пенса въ недѣлю этого и требовать нельзя. А многіе и совсѣмъ не понимали вопроса, или нравственное воспитаніе вовсе и не считали своей обязанностью. Въ Стаффордширѣ тоже только половина дѣтей посѣщаютъ воскресныя школы, да и то чрезвычайно неправильно. Сравнительно съ другими округами, здѣсь очень мало грамотныхъ; а умѣющихъ писать и еще меньше. Оно и понятно, потому что дѣти очень рано берутся въ работу; наконецъ и сами учителя, большею частью кузнецы и рудокопы, едва сами читаютъ, и очень часто не умѣютъ подписать своего имени. Коммиссаръ Горнъ утверждаетъ, что въ Виленголѣ въ рабочихъ не существуетъ почти вовсе нравственнаго чувства. Онъ нашелъ, что дѣти не только не признавали никакихъ обязанностей относительно своихъ родителей, но и не чувствовали къ нимъ никакой склонности. Они были такъ мало способны разсуждать, все что они говорили, было такъ тупо, такъ животно-глупо, что они даже утверждали, будто бы съ ними обращаются хорошо, и что вообще имъ отлично. Они не ставили ни во что свою 12—14 часовую работу, свои лохмотья, свой полуголодъ и побои, отъ которыхъ у нихъ болѣли бока нѣсколько дней. Они не имѣли никакого понятія о другомъ образѣ жизни, какъ мучиться въ работѣ съ утра до ночи, и никогда не только не слышали, но даже и не понимали вопроса: «устали ли вы?» И въ Шеффильдѣ то же самое, и тамъ мало грамотныхъ дѣтей, и тамъ нѣтъ порядочныхъ наставниковъ. Однимъ изъ нихъ

былъ даже уличенный воръ, который по выходѣ изъ тюрьмы, не найдя другаго средства для существованія, пошелъ въ школьные учителя. Нравственность въ Шеффильдѣ стоитъ еще ниже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Молодые люди по воскресеньямъ лежатъ цѣлый день на улицахъ, играютъ въ орлянку или травятъ собакъ, и посѣщаютъ усердно кабаки, гдѣ и сидятъ съ своими возлюбленными; а вечеромъ, попозже, отправляются съ ними гулять въ разсыпную отдѣльными парами. Въ одномъ кабакѣ комиссаръ нашелъ отъ 40 до 50 молодыхъ людей того и другаго пола, почти всѣ моложе 17 лѣтъ; у каждой дѣвочки былъ свой кавалеръ. Все это пило, пѣло пѣсни, танцовало и играло въ карты. Тамъ и здѣсь сидѣли между ними публичныя женщины. Самыя даже преступленія отличаются здѣсь большею дикостью, чѣмъ гдѣ либо въ Англіи. Тотъ же комиссаръ разсказываетъ, что за годъ до него была открыта шайка, почти все изъ молодыхъ людей, какъ разъ въ то время, когда у нея было все заготовлено, чтобы поджечь городъ.

Вотъ положеніе англійскаго промышленнаго пролетарія. Вездѣ, гдѣ ни посмотришь, постоянная бѣдность, страданія, болѣзни или отъ экономическаго положенія рабочихъ, или отъ самой работы, развратъ и медленное, но вѣрное разрушеніе физической и нравственной природы человѣка. Только Бруно-Гильдебрандъ и его почитатели не хотятъ понимать этого; по ихъ мнѣнію, теперь рабочимъ гораздо лучше: есть и желѣзныя дороги, и омнибусы, и народныя библіотеки, и дешевые рестораны, и даже цѣлая система благотворительности, —только слушайся хозяина, работай прилежно, не пьянствуй, не развратничай и будетъ тебѣ хорошо: благодѣтели хозяева и филантропы не оставятъ умереть съ голода.

Но такъ ли это?

Чтобы показать читателю, что всѣ эти фразы—чистый вздоръ, что всѣ мѣры, придуманныя филантропической буржуазіей, не въ состояніи измѣнить грустнаго положенія европейскаго рабочаго, и что ему дѣйствительно дурно,—мы нарочно будемъ ссылаться на показаніе людей той же партіи, какъ Бруно-Гильдебрандъ и его русскіе почитатели. Надѣемся, что никто не заподозритъ ни Жюля Симона, ни французскаго Экономическаго общества, ни адвоката Лорана въ неблагонамѣренности. Это люди порядка;—вздора при Наполеонѣ III имъ говорить не только не позволятъ, да они и сами говорить его не станутъ. Посмотримъ же, какого рода факты представляютъ они о Франціи.

Рабочіе во Франціи.

Положеніе рабочихъ во Франціи представляетъ такіе же печальные факты, какъ и въ Англіи. Фабрики и мануфактуры ростутъ во Франціи все болѣе и болѣе, но рабочему отъ этого не дѣлается лучше. Попытка, сдѣланная тамъ и здѣсь, улучшить его положеніе помогла нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ; но вся система осталась прежней, и зло въ цѣломъ его объемѣ не только не уменьшилось, но постоянно увеличивается.

Фабрики и мануфактуры, съ ихъ механическими двигателями и машинами, разорвали всѣ прежнія соціальныя отношенія рабочихъ и къ хозяевамъ, и между рабочими. Прежніе патроны и мастера или обанкрутились, или пошли въ рабочіе, или сдѣлались управляющими на фабрикахъ. Что же касается собственно рабочихъ, то ихъ втиснули огромными массами въ огромныя фабрики и поставили въ то же положеніе пролетаріата, въ которое Англія поставила своихъ рабочихъ. Положеніе женщинъ во всемъ этомъ вышло самое печальное. Когда Кольберъ, желая развить фабричную промышленность Франціи, задумалъ запереть на фабрики и женщинъ,—онѣ не пошли, и всесильный министръ съ деспотическимъ королемъ не могли побѣдить ихъ. Но то, что было невозможно для короля и министра, то сдѣлалъ легко паръ, машины и фабричная система: теперь женщины и дѣти составляютъ главную рабочую силу французскихъ фабрикъ.

Фабричная система Франціи та же, что и Англіи;—она и всюдѣ одинакова;—понятно, что и слѣдствія будутъ тѣ же самыя. Факты, представляемые Франціей въ этомъ отношеніи, едва ли еще не печальнѣе, особенно потому, что протесты рабочихъ здѣсь менѣе возможны по самому политическому устройству страны.

Чтобы не дѣлать статью слишкомъ длинной и не повторять того, что было уже говорено объ Англіи, мы остановимся на тѣхъ болѣе главныхъ моментахъ жизни и положенія французскаго рабочаго, которые показываютъ болѣе осязательно, что ему очень скверно и невозможно оставаться долго въ этомъ положеніи: задѣльную плату получаетъ онъ очень малую, живетъ въ дурномъ помѣщеніи, въ грязи и нечистотѣ; работаетъ до упадка силъ; о воспитаніи его никто не заботится, и послѣ всего этого, его же еще и обвиняютъ въ пьянствѣ и развратѣ, какъ будто бы онъ не съумѣлъ бы быть другимъ, если бы его жизнь поставили въ другія условія. Надобно удивляться не разврату рабочаго, а тому, что не смотря на ужасный гнетъ всѣхъ обстоятельствъ, рабочій еще такъ хорошъ, что при всѣхъ своихъ недостаткахъ онъ далеко гуманнѣе и нравственнѣе французской буржуазіи.

I.

Пьянство и развратъ.

Склонность къ пьянству сильно развита между фабричными рабочими Франціи. Получивъ разсчетъ за недѣлю, рабочій отправляется обыкновенно въ кабакъ. Тутъ онъ играетъ въ карты, пьетъ, поетъ, куритъ—и ему весело. Всякій край представляетъ въ этомъ отношеніи свои особенности. Въ Лиллѣ и Мильгузѣ поютъ; въ Руанѣ пьютъ серьёзно, уединенно, пока не напьются совсѣмъ. До послѣдняго увеличенія Парижа, въ немъ составили себѣ славу, подъ именемъ la barrière, цѣлый рядъ загородныхъ кабаковъ. Куда они дѣлись теперь—неизвѣстно. Обыкновенно пустынные въ теченіе всей недѣли, они вдругъ оживали въ субботу. Ужь съ утра привозились туда провизія, тарелки, стаканы, посыпался въ комнатахъ песокъ, у входовъ ставились деревья въ горшкахъ и развѣшивались повсюду цвѣтные фонари. Гарсоны, не имѣющіе постоянныхъ мѣстъ, сбѣгались тучами со всѣхъ концовъ Парижа. Скрипки, кларнеты, всякіе бродяги и дѣвки—все набиралось заблаговременно. Толпы рабочихъ появлялись наконецъ только вечеромъ, послѣ разсчета. Каждую субботу въ одинъ и тотъ же часъ они являлись сюда съ точностію хронометра. Съ ихъ появленіемъ все оживало и начиналась оргія. Визгъ кларнетовъ и скрипокъ, чоканье стакановъ, шумъ, крикъ, пляски и даже драки смѣняли обыкновенную тишину барьера. Кого не увела полиція вечеромъ, тотъ оставался здѣсь всю ночь, оставался воскресенье и даже понедѣльникъ.

Эти прогулы понедѣльниковъ, или попросту «понедѣльники», составляютъ для фабриканта порядочное мученье. Они общи всѣмъ фабрикамъ Франціи, и только въ Аданѣ удалось ихъ прекратить. Зло понедѣльниковъ важно не столько въ томъ отношеніи, что убавляютъ барыши фабрикантовъ, какъ въ томъ, что пьющіе рабочіе заставляютъ сидѣть безъ дѣла людей непьющихъ; напримѣръ: если двое работаютъ на одномъ станѣ, или при одной машинѣ, или работа одного слѣдуетъ непосредственно за работою другаго. Въ Аміенѣ выпивается въ день 80,000 рюмокъ водки. Въ Руанѣ, гдѣ въ послѣдніе годы выдѣлывалось мало сидру, а вино виноградное было не по средствамъ рабочихъ, они принялись за водку. Въ годъ, въ Руанѣ, продается до пяти милліоновъ литровъ водки, не считая сидра, вина и пива.

Кромѣ постоянныхъ понедѣльниковъ, рабочіе имѣютъ еще годовые праздники. Праздникъ въ Ліонѣ бываетъ въ первый понедѣльникъ послѣ лѣтняго Николы, и продолжается три дня. Въ этотъ праздникъ пропивается очень много. Еще наканунѣ рабочіе являются къ хозяевамъ и просятъ у нихъ штрафныя деньги, взыскиваемыя съ нихъ въ теченіе года. Чтобы показать рабочимъ, что штрафы взыскиваются съ нихъ не въ личную свою пользу, а для поддержанія порядка и дисциплины, хозяева отдаютъ имъ эти деньги. Разумѣется, все это тутъ же и пропивается. Излишнее пьянство, вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, въ которыхъ живутъ фабричные рабочіе, обнару-

жило во Франціи свое вліяніе: порода рабочихъ уже выраждается. Но во Франціи пьютъ не одни взрослые, тамъ пьютъ и дѣти,—совершенно такъ же какъ и въ Англіи, увлекаясь примѣромъ родителей и товариществомъ, мальчики начинаютъ уже пить съ двѣнадцати лѣтъ. Нерѣдко можно встрѣтить ихъ цѣлыми кучками въ кабакѣ передъ прилавкомъ, съ трубками въ зубахъ. Не успѣвъ придумать другихъ средствъ противъ зла, французы обратились къ полицейскимъ мѣрамъ. Напримѣръ въ Дуэ, полицейское начальство запретило мальчикамъ курить, а въ Лилѣ запрещено винным торговцамъ отпускать имъ вино, если они приходятъ безъ родителей. Это кончается, разумѣется, тѣмъ, что первый попавшійся пріятель, или просто какой нибудь гуляка, беретъ мальчика подъ свое покровительство и пьетъ съ нимъ вмѣстѣ, на его счетъ.

Противъ прогуловъ фабриканты придумывали много средствъ, и всѣ они оказывались неуспѣшны, потому что хотѣли лѣчить болѣзнь не съ того конца. Одни изъ фабрикантовъ платили своимъ рабочимъ разъ въ двѣ недѣли, чтобы рабочему было менѣе случаевъ и соблазна. Но развѣ рабочій можетъ согласиться на это? Развѣ ему, человѣку, живущему изо дня въ день, можно ждать двѣ недѣли? Да хоть бы и не эти причины. Рабочій хочетъ просто, чтобы ему платили чаще, разъ въ недѣлю, и онъ не станетъ жить у хозяина, который вздумаетъ платить ему чрезъ двѣ недѣли. Другіе фабриканты вздумали платить по средамъ, или по понедѣльникамъ, и кто не явился въ понедѣльникъ, тому плата откладывалась до слѣдующаго понедѣльника. Но эта буржуазная выдумка стоитъ рабочему пытки; хуже, — она разоряетъ его въ конецъ, она дѣлаетъ его нищимъ. Чтобы прожить недѣлю, ему нужно брать все въ долгъ, т. е. покупать все гораздо дороже. А развѣ у рабочаго есть средства платить за все дороже? Развѣ ему есть возможность входить въ долги? Такими полицейскими мѣрами можно или ожесточить рабочаго, или разорять его въ конецъ, нисколько не исправивъ. Причина зла лежитъ въ самомъ положеніи рабочаго: измѣните его, и все измѣнится само собой. Но были мѣстности, гдѣ французы поступили еще глупѣе. Они закрыли заведенія, пользовавшіяся дурной репутаціей, и увеличили число полицейскихъ для надзора за рабочими. Какъ будто бы продавецъ, знающій свое дѣло, не найдетъ случая продать вино или привлечь къ себѣ охотника до водки; какъ будто бы человѣкъ, желающій непремѣнно выпить, не съумѣетъ обмануть самаго строгаго и неусыпнаго надзирателя! Все это, разумѣется, пустыя и смѣшныя мѣры; мы упоминаемъ о нихъ для того, чтобы показать ошибки людей, считающихъ возможнымъ огромное общественное зло, экономическую неурядицу, лѣчить частными полицейскими мѣрами.

Бѣдность, трудныя и вредныя работы и развратъ обнаружили и во Франціи огромное вліяніе на смертность, особенно между дѣтьми. Виллермэ приводитъ слѣдующій фактъ. Бѣдность, въ которой живутъ рабочіе бумажныхъ фабрикъ въ верхнерейнскомъ департаментѣ, такъ велика, что половина ихъ дѣтей умираетъ до двухлѣтняго возраста, тогда какъ изъ дѣтей негоціантовъ, фабрикантовъ, управляющихъ фабриками та же самая половина достигаетъ до

двадцатидевяти-лѣтняго возраста. Смертность между дѣтьми во Франціи ужасна. Очень часто можно слышать отъ матерей: у меня осталось четверо дѣтей изъ двѣнадцати; а въ фабричныхъ городахъ Франціи вовсе не рѣдко, если у матери было восемнадцать дѣтей. И чѣмъ больше число рожденій, тѣмъ больше смертность. Какъ бы ни было велико число дѣтей, матери едва ли удастся спасти двухъ. И не смотря на огромное число рожденій, населеніе Франціи не увеличивается. Въ Руанѣ, по свѣдѣніямъ 1859 года, изъ 3,000 дѣтей умерло въ томъ же году 1,100. Но эта цифра невѣрна потому, что она относится до дѣтей умершихъ въ Руанѣ, тогда какъ еще значительное число отсылается въ деревни. Вообще принимаютъ, что изъ числа дѣтей рабочихъ половина умираетъ въ первомъ году. Изъ наблюденій, дѣланныхъ съ большой точностью въ 1855 году и въ теченіе половины слѣдующаго года въ госпиталяхъ и въ воспитательныхъ домахъ Сенъ-Вивіена и Сенъ-Маслу, оказывается слѣдующее: изъ 100 дѣтей принятыхъ въ дома, въ возрастѣ отъ 6 дней до одного года — 56 умерло въ томъ же году; изъ 100 дѣтей, принятыхъ въ госпитали моложе — 60 дней, 83 умерло, не достигнувъ года. И почти всѣ умерли отъ голоду. Супъ, который дается дѣтямъ, утомляетъ ихъ желудокъ, порождаетъ хроническую діарею; ничто такъ не трудно для грудного младенца, котораго силы должны быть возстановлены быстро, какъ супъ; ребенокъ не переноситъ его и умираетъ. Замѣчаніе это подкрѣплено многими вскрытіями. Докторъ Леруа говоритъ, что причиной смертности дѣтей не столько развратъ матерей, сколько ихъ отсутствіе. Молоко матери, самое дурное, негодное для посторонняго ребенка, хорошо для ея собственнаго. Исключеніе только въ томъ случаѣ, если мать насыщается водкой. Другое общее правило, недопускающее почти исключеній, заключается въ томъ, что всѣ бѣдныя дѣти, имѣющія молочницу (что почти всегда бываетъ), и когда она сопровождается поносомъ (что очень часто), умираютъ, если они на соскѣ. Въ этомъ отношеніи фабрики и мануфактуры въ высшей степени убійственны, потому что матери могутъ кормить своихъ дѣтей только ночью и въ полдень, когда дается роздыхъ.

Вырожденіе фабричныхъ и страшная смертность между дѣтьми составляютъ фактъ, замѣченный во всѣхъ фабричныхъ мѣстностяхъ Франціи. Если находиться при выходѣ рабочихъ съ фабрикъ, то поражаешься огромнымъ числомъ искалѣченныхъ и обезображенныхъ дѣтей. Фабричные округа даютъ наименьшее число людей, годныхъ для военной службы, не смотря на то, что теперешнія требованія уже не такъ строги. Голодъ въ первой молодости, а затѣмъ слишкомъ ранняя и чрезмѣрная работа сдерживаютъ ростъ ихъ и дѣлаютъ ихъ слабыми и болѣзненными.

Легкое поведеніе, въ которомъ обвиняютъ рабочихъ, происходитъ отъ тѣхъ же причинъ, и идетъ рядомъ съ страстью къ вину. Большая часть дѣвушекъ, занятыхъ на фабрикахъ и мануфактурахъ, не отличаются нравственностью. Да и кому смотрѣть за ними? Управляющій фабрикой наблюдаетъ только за работой; до остальнаго ему нѣтъ дѣла. А еще чаще онъ и самъ помогаетъ разврату, пользуясь своимъ положеніемъ. Хозяинъ, если нѣтъ скандаловъ и

внутри заведенія все въ порядкѣ, смотритъ на это сквозь пальцы. Да и какъ устоять дѣвушкамъ вообще противъ соблазна? Отецъ пьетъ или не бываетъ дома, мать тоже —или кутитъ, или занята вѣчно на фабрикѣ; а тутъ такое множество соблазновъ, такъ легко забыться въ любви; да къ тому же, среди вѣчной нищеты, лишеній, вѣчнаго труда, и пѣть другихъ радостей. А случается, что и сама мать помогаетъ разврату дочери; сама совѣтуетъ ей пріискать себѣ любовника, въ надеждѣ извлечь изъ этого какія нибудь выгоды. А если дѣло затянется, то пожалуй и замѣтитъ дочери: «вотъ, ты ничего не дѣлаешь для сьопхъ». Фабричныя дѣвушки имѣютъ обыкновенно дѣтей уже въ 16 лѣтъ, и даже ранѣе. Вилльермэ увѣряетъ, что въ Реймсѣ дѣвушки начинаютъ съ двѣнадцати лѣтъ. Реймсъ, какъ извѣстно, долго служилъ главнымъ источникомъ, снабжавшимъ парижскіе дома извѣстными женщинами. Въ Сенъ-Кентіенѣ о самыхъ большихъ безпорядкахъ этого рода говорятъ тономъ шутки. А о дѣвушкахъ, которыя наряжаются, чтобы понравиться кому нибудь, выходя съ фабрики, говорятъ, что они дѣлаютъ «пятую четверть», и ихъ прозвали cinq-quarts. Въ Лиллѣ, даже въ самыхъ лучшихъ домахъ предназначаютъ въ кормилицы дѣвушекъ-матерей.

Даже Парижъ въ дѣлѣ разврата не превосходитъ фабричныхъ городовъ Франціи: Сенъ-Кентіена, Реймса, Руана, Лиля. Развратъ въ этихъ городахъ превышаетъ всякое вѣроятіе. Разница только въ томъ, что дебоши Парижа болѣе систематичны, болѣе сознательны. Парижскій рабочій развратничаетъ по принципу, у него есть свои софизмы противъ супружества. Манера жить внѣ брака распространяется съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе въ населеніи предмѣстій Парижа. Эльзасскіе рабочіе, если имъ случится устроить такую контрабандную связь, называютъ это жить по парижски. У нихъ даже выдуманъ и глаголъ—parisieren.

Дѣвушки вообще зрѣютъ ранѣе мальчиковъ. При выходѣ съ фабрикъ, когда дѣвушки и мальчики сталкиваются на лѣстницахъ, на дворѣ или въ сосѣднихъ улицахъ, очень часто дѣвушки задѣваютъ мальчиковъ, смѣются надъ ихъ неловкостью и преслѣдуютъ ихъ двусмысленными и даже непристойными словами и выраженіями. Уроки эти, разумѣется, не пропадаютъ даромъ.

Чтобы предупредить развратъ, нѣкоторые фабриканты устроили у себя разные выходы, для каждаго пола отдѣльный, и даже разные часы отпуска съ работы. Въ Баккари работники и работницы отдѣлены совершенно перегородкой, и ключъ отъ двери находится всегда у управляющаго. Но только изъ этого, разумѣется, не выходитъ ничего.

Разсказываютъ, что между работницами есть такія, у которыхъ совсѣмъ нѣтъ своего жилья. Когда любовникъ оставитъ такую дѣвушку, она сейчасъ же должна взять другаго, чтобы не очутиться подъ открытымъ небомъ. Родится ребенокъ любовники нерѣдко бросаютъ мать и оставляютъ ребенка на ея плечахъ; и она не удивляется этому, она даже не ропщетъ. Если такой ребенокъ не будетъ помѣщенъ въ домъ для найденышей, то мать отдаетъ его на сохраненіе, чтобы кормить au petit-pot, т. е. козьимъ или коровьимъ молокомъ. Обычай убійственный.

Въ Аміенѣ и въ другихъ городахъ конторы благотворительности даютъ дѣвушкамъ-матерямъ, которыя кормятъ сами своихъ дѣтей, по 7 франковъ въ мѣсяцъ; но замужнія женщины не имѣютъ права на эту помощь. А между тѣмъ многіе мужья смотрятъ на своихъ женъ какъ на любовницъ: они ихъ бросаютъ, когда у нихъ пойдутъ дѣти, и уходятъ въ другой городъ, чтобы жить холостяками. Если чрезъ нѣсколько лѣтъ такой мужъ возвращается, жена принимаетъ его обыкновенно по старому, какъ будто бы ничего и не было.

Чтобы облегчить браки во Франціи, между католиками есть общество (Société de Saint-François-Régis), которое беретъ на себя всѣ расходы и хлопоты, и устраиваетъ женитьбы между людьми, имѣющими связи. Будущимъ супругамъ заботиться рѣшительно не о чемъ -отъ нихъ ждутъ только согласія. Предсѣдатели разныхъ отдѣленій этого общества говорятъ, что въ минуты совершенія брака у жены открываются всегда нѣсколько дѣтей, обыкновенно отъ разныхъ отцовъ, и объявляются нерѣдко такія дѣти, которыхъ будущій мужъ совсѣмъ не знаетъ. И не смотря на все это, весьма нерѣдко женщины, имѣвшія до брака многихъ любовниковъ, остаются совершенно вѣрны своимъ мужьямъ. Кажется, только Руанъ и представляетъ исключеніе въ этомъ случаѣ. Въ немъ есть множество примѣровъ, что мужъ и жена расходятся, и каждый изъ нихъ обзаводится новымъ семействомъ.

Впрочемъ, какъ бы ни было дурно въ молодости поведеніе женщинъ, онѣ ведутъ себя впослѣдствіи гораздо лучше, чѣмъ мужчины; уже одно, что женщина гораздо воздержнѣе во всемъ. Но съ развитіемъ фабричной жизни и фабричныхъ нравовъ, съ увеличеніемъ бѣдности между рабочими, и съ увеличеніемъ числа ихъ, ничего нѣтъ мудренаго, что и женщины начнутъ пить. Въ Англіи, гдѣ фабричная система со всѣми ея послѣдствіями существуетъ уже давно, распивочныя лавки посѣщаются болѣе женщинами, чѣмъ мужчинами. Въ Руанѣ и Лилѣ пьянство между женщинами начинаетъ тоже развиваться. Предсѣдатель благотворительнаго общества въ Лилѣ опредѣляетъ число пьяницъ въ слѣдующихъ процентахъ: между мужчинами 25, и между женщинами 12. Въ кварталѣ Спасителя, женщины имѣютъ даже свои кабаки, назначенные собственно для нихъ. Тамъ они пьютъ кофе, а еще больше джину.

Необходимость оставлять дѣтей дома одныхъ, отправляясь на фабрику, ввела между французскими рабочими англійскій обычай давать имъ теріакъ. Благодаря такому снадобью, женщины, берущія дѣтей на сохраненіе, могутъ безъ труда держать въ одной комнатѣ большое число совсѣмъ маленькихъ и грудныхъ дѣтей. Эти несчастныя существа и въ воскресенье не спасены отъ своей отравы. Въ субботу вечеромъ, продажа капель у аптекарей квартала Спасителя даже усиливается, потому что матерямъ нужно идти на вечернее собраніе въ свои кабаки.

Въ Руанѣ слѣдуютъ другой методѣ. Мелочные продавцы овощей настаиваютъ хлѣбную или картофельную водку остатками овощей. Женщины, являющіяся за провизіей, покупаютъ у нихъ на нѣсколько су этой водки и пьютъ ее дома, сначала, чтобы заглушить свое горе, забыть свою нищету, а потомъ

понемногу привыкаютъ и пьютъ уже не хуже мужчинъ. Пьянство женщинъ во Франціи не ушло такъ далеко, какъ въ Англіи, гдѣ матери не только пьютъ сами, но поятъ своихъ дѣтей, и даже бьютъ ихъ, когда они не хотятъ пить. Французскія женщины во многихъ мѣстахъ даже совсѣмъ не пьютъ, напримѣръ въ Сенъ-Кентенѣ, гдѣ хотя онѣ дошли до крайнихъ предѣловъ распущенности въ одномъ отношеніи, но за то не знаютъ ничего, кромѣ воды.

Вообще, однако, женщинамъ труднѣе, чѣмъ мужчинамъ; кромѣ фабричной работы, на нихъ лежитъ еще много обязанностей: онѣ должны смотрѣть за домомъ, онѣ должны и встать раньше своихъ, чтобы приготовить настетъ мужу и дѣтямъ, онѣ должны и лечь послѣ, чтобы убрать домъ и починить лохмотья своихъ домашнихъ. Разумѣется, совершеннаго хозяйства нельзя требовать отъ женщины, работающей каждый день на фабрикѣ по тринадцати часовъ. Но работа ея — этотъ вѣчный принудительный трудъ, трудъ изъ-за куска чорстваго насущнаго хлѣба—трудъ каторжника. Семья доставляетъ ей не утѣшеніе, а новый трудъ и огорченія; даже со стороны мужа, которому она служитъ, вмѣсто ласки дѣлаются ей нерѣдко побои. Вотъ жизнь фабричной женщины! Трудъ и нищета въ настоящемъ, трудъ и нищета въ будущемъ, — другаго впереди нѣтъ.

II.

Помѣщенія рабочихъ.

Помѣщенія французскихъ фабричныхъ рабочихъ того же сорта, какъ и рабочихъ англійскихъ—они грязны, скверны, вредны.

Когда Бланки, нѣсколько лѣтъ назадъ, описалъ подвалы Лиля, со всѣхъ сторонъ поднялся крикъ, что онъ преувеличиваетъ. А между тѣмъ Бланки говорилъ полную правду. Съ тѣхъ поръ принялись усердно ломать погреба и изъ 3600 уничтожили три тысячи; многіе изъ подваловъ на большихъ улицахъ и площадяхъ превращены въ магазины и въ кофейныя. Но при всемъ томъ, въ Лилѣ и въ Дуэ осталось еще нѣсколько сотенъ образчиковъ, какъ ихъ описалъ Бланки. Это — отверстіе на улицѣ, закрывающееся подземной дверцой, затѣмъ пятнадцать или двадцать каменныхъ дурныхъ ступеней, ведущихъ въ погребъ; погребъ, какъ всѣ погреба, со сводомъ, съ землей вмѣсто пола, освѣщаемый единственно черезъ входъ; длиной подвалъ въ двѣ съ половиною сажени, а шириной въ двѣ. Разумѣется, и тутъ нашлись люди, которые стали увѣрять, что такія квартиры нравятся рабочимъ, что лѣтомъ въ нихъ не жарко, а зимой тепло. Но все это натяжки и ложь. Погреба эти темны, такъ что въ нихъ ничего нельзя дѣлать; женщины не могутъ въ нихъ шить и заниматься подобной работой, потому что рискуютъ лишиться зрѣнія. Полъ неровный, сырой; стѣны грязныя, потемнѣвшія отъ времени и тоже сырыя; воздухъ спертый, влажный, безъ всякой возможности вентиляціи, потому что въ погребѣ всего одно отверстіе; а если рядомъ слу-

чится еще и сточная труба, то онъ становится совершенно невозможнымъ для дыханія, особенно лѣтомъ. Эти-то подземелья служатъ квартирами для цѣлой семьи. Отецъ, мать, дѣти, помѣщаются всѣ вмѣстѣ, а нерѣдко и спятъ въ одной кровати, въ перемѣшку, безъ различія пола и возраста. Ихъ даже не стѣсняетъ смѣшеніе половъ, и если случается кровосмѣшеніе, они не краснѣютъ и даже не скрываютъ его. Коммисія, назначенная въ Лиллѣ для наблюденія за помѣщеніями вредными для здоровья, распорядилась уже уничтоженіемъ многихъ изъ этихъ погребовъ, но къ несчастью ихъ приходится терпѣть, потому что для рабочихъ нѣтъ помѣщеній. Впрочемъ, они и не выиграли бы много, если бы, покинувъ свои подземелья, переселились на старые «дворики». Это—лабиринтъ узкихъ переулковъ, входящихъ одинъ въ другой. Дома въ нихъ дурны, стары, скверно выстроены, худо освѣщены, почти не запираются, и въ нихъ-то набиты рабочіе. Переулки такъ узки, что нужно ходить по одиночкѣ, и грязны до послѣдней степени. Дома издаютъ страшное зловоніе, потому что отхожія мѣста помѣщены внизу у лѣстницы, и большею частью не запираются. Одно семейство рабочихъ занимаетъ рѣдко болѣе одной комнаты, и обыкновенно платитъ въ недѣлю отъ 1 фр. 25 с. до 2 франковъ. Въ такой комнатѣ, какъ бы ни велика была семья, рѣдко болѣе двухъ постелей. Благотворительное общество въ Лиллѣ раздаетъ бѣднымъ рабочимъ желѣзныя кровати. Въ послѣдніе четыре года ихъ было роздано 3500. Но рабочіе не всегда пользуются ими. Одинъ изъ нихъ — продастъ; другіе отказываются, потому что нѣтъ мѣста въ квартирѣ.

Въ Рубэ, въ Сенъ-Кентенѣ, вездѣ тоже самое; та же скученность людей и домовъ, та же нечистота. А между тѣмъ Рубэ новый городъ, онъ все расширяется и не имѣетъ извиненія Лиля, который окруженъ крѣпостной стѣной и не можетъ идти за нее. Мало того, что помѣщенія для рабочихъ скверны, но ихъ еще и мало. Недавно одинъ фабрикантъ въ Лиллѣ, у котораго недоставало рабочихъ рукъ, пріискалъ себѣ съ большимъ трудомъ нѣсколько работницъ изъ другаго мѣста. Имъ было у него гораздо выгоднѣе, и несмотря на то, при первомъ разсчетѣ онѣ объявили, что должны оставить фабрику. Оказалось, что онѣ не могли найти квартиры и ночевали все время подъ воротами.

Выгода сдавать помѣщенія рабочимъ вызвала много спекуляторовъ, которые, думая только о барышахъ, строятъ дома скверно, безъ стоковъ, безъ отдѣльныхъ дворовъ или совсѣмъ безъ дворовъ, безъ хозяйственныхъ помѣщеній при квартирахъ, и, стараясь выгадать какъ можно больше мѣста, дѣлаютъ комнатки совсѣмъ тѣсныя. Дома эти хороши повидимому, пока они еще новы.

Въ Аміенѣ и въ Сенъ-Кентенѣ, въ каждомъ изъ нихъ есть свои рабочіе кварталы, и помѣщенія для рабочихъ такъ же скверны, какъ въ Рубэ и въ Лиллѣ. Въ Сенъ-Кентенѣ можно еще найти нѣкоторые слѣды фламандской чистоты. Даже самые бѣдные стараются добыть себѣ стѣнные часы, или, имѣя нѣсколько су, покупаютъ себѣ распятія, чтобы украсить свою комнату. Но

въ Аміенѣ этого уже нѣтъ, чувство чистоты тамъ притупилось и въ рабочемъ замѣтна какая-то апатія; онъ живетъ дурно въ очень дурныхъ помѣщеніяхъ. А между тѣмъ Аміенъ очень красивый городокъ, — въ немъ прекрасные бульвары, широкія, красиво застроенныя улицы и одинъ изъ лучшихъ соборовъ въ Европѣ. Жителямъ этихъ хорошихъ улицъ только и остается думать, что и рабочимъ жить такъ же хорошо, какъ имъ, что у всѣхъ рабочихъ есть и хлѣбъ и огонь, у всѣхъ есть постель!

Въ Реймсѣ контрастъ еще поразительнѣе, потому что промышленность тамъ живѣе. Красивый городъ, съ прекрасными окрестностями, богатыми зданіями, скрываетъ въ себѣ бездну улицъ и дворовъ, болѣе ужасныхъ, чѣмъ тюрьма, гдѣ нѣтъ почти свѣта и воздуха, и вредное вліяніе которыхъ на здоровье и нравственность рабочихъ было признано свидѣтельствомъ офиціальныхъ лицъ.

И всѣ фабричные города Франціи представляютъ то же самое. Въ Таннѣ, въ предмѣстіи Катенбахъ, напримѣръ въ квартирѣ изъ двухъ маленькихъ комнатъ — живутъ: отецъ, мать, дочь съ мужемъ и четырьмя дѣтьми. Къ нимъ входъ чрезъ свинное стойло, въ которомъ хозяинъ дома держитъ образчики поросятъ и свиней. Рядомъ съ ними два женатыхъ брата, каждый съ тремя дѣтьми, всего десять человѣкъ, живутъ въ комнаткѣ въ $1^1/_2$ сажени ширины и $2^1/_2$ длины, освѣщенной однимъ окномъ. Тутъ же, еще комната, побольше, довольно хорошо освѣщенная, въ которой живутъ девять человѣкъ. Когда въ 1855 году явилась холера, изъ этихъ девяти, семеро умерло въ два дня; и населеніе всего квартала падало страшнымъ образомъ. Когда холера входила въ какой нибудь домъ, такъ развѣ чудомъ оставался кто либо въ живыхъ.

Но бѣдность еще ужаснѣе и еще повальнѣе въ Руанѣ. Трудно составить себѣ понятіе о нечистотѣ нѣкоторыхъ тамошнихъ домовъ, не видѣвъ ихъ. Нѣкоторые хозяева, получая плохую плату, совсѣмъ не заботятся о починкѣ и поправкѣ своихъ домовъ. Вотъ нѣкоторые факты. На одной мансардѣ, въ улицѣ Malolas, полъ совсѣмъ сгнилъ, и въ двухъ шагахъ отъ двери образовался провалъ такой величины, что чрезъ него пройдетъ легко человѣкъ. Двѣ несчастныя, занимающія эту квартиру, не имѣютъ даже чѣмъ заложить дыру и должны предупреждать всякаго посѣтителя крикомъ. Въ концѣ улицы Canettes, гдѣ деревянные дома такъ и угрожаютъ развалиться каждую минуту, одинъ тесемочный ткачъ съ семействомъ живетъ въ помѣщеніи, назначеномъ вѣроятно быть чердакомъ. Квартира его имѣетъ 4 аршина ширины и 7 съ небольшимъ аршинъ длины, если мѣрить по полу. Печная труба дома съ выступомъ занимаетъ половину мѣста, а остальное такъ низко, что нельзя сдѣлать стоя трехъ шаговъ. Когда вся семья—мужъ, жена и четверо дѣтей въ полномъ сборѣ, то имъ почти невозможно шевелиться. Голодъ и недостатокъ воздуха совершенно разстроили всю семью. Изъ четырехъ дѣтей, которыя еще были живы въ апрѣлѣ 1860 г., двое умерли чрезъ три мѣсяца, остальныхъ голодъ истомилъ совершенно: онѣ были какъ скелеты. Отецъ этого несчастнаго семейства, хорошій ткачъ, могъ бы заработывать въ день 3—4 франка,

а между тѣмъ, работая на тесемочной фабрикѣ, онъ добываетъ всего полтора франка. Зачѣмъ же онъ остается на ней? А онъ остается на ней потому, что онъ болѣе честный человѣкъ, чѣмъ его хозяинъ. Когда у него родилось послѣднее дитя, онъ былъ совершенно безъ денегъ, не было у него ни дровъ, ни одѣяла, ни свѣта, ни хлѣба, и онъ занялъ у своего хозяина 20 франковъ. Въ настоящее время онъ не можетъ оставить своего хозяина, не отработавъ ему долга. Ясно, что ему придется умереть, если ему не помогутъ; но его семья умретъ раньше.

Двѣнадцать лѣтъ назадъ Бланки описалъ такъ дома бѣдныхъ рабочихъ въ Руанѣ. «Единственный входъ въ эти дома низкій, узкій и темный, служитъ въ то же время скатомъ всякихъ нечистотъ, выливаемыхъ жильцами и стекающихъ съ двора. Ходъ этотъ такъ низокъ, что въ немъ нельзя помѣститься стоя. Въ квартиры ведетъ узкая, витая, высокая, темная лѣстница. Сами квартиры чрезвычайно низки и тѣсны, почти не запираются и лишены почти всякой мебели и домашней посуды. Изломанная кровать безъ простыни и одѣяла служитъ постелью. Дѣти болѣе маленькія сидятъ на мѣшкѣ съ золой, а остальное семейство въ перемежку, какъ случится, на кровати.» То же самое и теперь, Руанъ не ушелъ дальше. «Я не богата», сказала намъ (Бланки) одна изъ бѣдныхъ работницъ, указывая на свою сосѣдку, лежавшую на полу сырого подвала, но «благодаря Бога, у меня есть свой пучокъ соломы.» Вотъ положеніе бѣдныхъ рабочихъ, гораздо худшее чѣмъ дикарей, въ такъ называемой образованной странѣ Европы, рядомъ съ роскошью разбогатѣвшей буржуазіи, замаскированное ея блестящими отелями, блестящими магазинами, ресторанами и кафе!

Нѣкоторые дома для рабочихъ приносятъ ихъ владѣльцамъ весьма незначительный доходъ, вслѣдствіе невысокой платы и неаккуратнаго платежа. Франкъ въ недѣлю за квартиру составляетъ для многихъ рабочихъ, имѣющихъ едва хлѣбъ, большой расходъ, а между тѣмъ при неисправномъ платежѣ съ него взять нечего: у него даже нѣтъ постели, которую пощадилъ законъ и не позволяетъ конфисковать. Между тѣмъ въ Реймсѣ, Сенъ-Кентенѣ, Лилѣ, Рубэ считаютъ хорошимъ помѣщеніемъ для капитала —строить на него дома для рабочихъ. Случается, что дома приносятъ 10 и 15% . Но за-то какихъ хлопотъ стоитъ это хозяину! Болѣе богатые нанимаютъ управляющихъ, но есть и такіе, которые сами занимаются этимъ дѣломъ и убиваютъ на него все свое время. Только-что хозяинъ собралъ съ своихъ жильцовъ деньги, ему снова приходится отправляться за сборомъ, потому что не всѣ жильцы въ состояніи заплатить при первомъ требованіи. Приходится нерѣдко къ одному и тому же постояльцу ходить нѣсколько разъ—и сегодня, и завтра, и послѣзавтра, — и все-таки неудачно. Хозяинъ, недопускающій отсрочекъ, употребляетъ всѣ свои силы, чтобы получить деньги сразу; франкъ, полтора, еще взыскать нетрудно, но 5, 6, 7 франковъ сразу,—это не всегда легко. Хозяева въ такихъ случаяхъ не церемонятся. Если мать семейства не въ состояніи заплатить въ понедѣльникъ, ей просто велятъ очистить квартиру, безъ всякаго сожалѣнія. Но если свободныхъ квартиръ нѣтъ, то довольно

мудрено справиться съ неисправнымъ плательщикомъ, потому что онъ остается силой. Владѣльцы домовъ придумали снимать и уносить двери и окна. Разсказываютъ, что, нѣсколько лѣтъ назадъ, жилъ въ Лилѣ домовладѣлецъ, который отправлялся изъ дому утромъ съ ручной тележкой. Если одинъ изъ его жильцовъ не платилъ ему, онъ снималъ въ его квартирѣ окно или дверь и увозилъ. Случалось, что къ концу дня тележка его была сильно нагружена—и, какъ говорятъ, онъ все-таки не умеръ милліонеромъ.

Чтобы имѣть понятіе о внутренности квартиръ рабочихъ, нужно видѣть ихъ до и послѣ закрытія фабрики. Въ теченіе дня, мужчинъ нельзя найти въ квартирахъ; можно встрѣтить только женщинъ, дѣтей, иногда старика или больнаго, или ночнаго рабочаго, который отсыпается днемъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ, гдѣ женщины выросли и воспитались на фабрикахъ, разумѣется, порядка въ квартирѣ рабочаго немного. Такая женщина выходитъ замужъ, имѣетъ дѣтей, но ей незнакомы ни заботы о хозяйствѣ, ни даже заботы о своихъ дѣтяхъ,—она вся поглощена фабричной работой, которая для ея хозяйства почти не оставляетъ ей ни одной свободной минуты. Въ 1836 году число рабочихъ часовъ въ Мюлузѣ, Дорнадѣ, Лилѣ было 15, въ Бишвиллерѣ—16 и во многихъ мануфактурахъ доходило даже до 17. Въ настоящее время законъ ограничилъ время дѣйствительной работы для взрослыхъ двѣнадцатью часами; кромѣ того, еще полтора часа для отдыха, такъ-что въ теченіе $13^1/_2$ часовъ женщина разлучена съ своимъ семействомъ и не видитъ своего дома. При такомъ разсчетѣ, слѣдуетъ предполагать, что квартира ея какъ-разъ подлѣ фабрики, но это бываетъ рѣдко; обыкновенно же болѣе часу нужно, чтобы придти на фабрику и возвратиться домой, и выходитъ, что въ дѣйствительности женщина не бываетъ дома отъ 14 до 15 часовъ въ день. Понятно, что ее нельзя упрекать, если домъ у нея невыметенъ, неприбранъ и вообще держится не въ особенномъ порядкѣ. Истомленная дневнымъ трудомъ, она едва имѣетъ силъ приготовить ужинъ и уложить дѣтей спать. Ни для нея, ни для мужа домъ не представляетъ никакихъ радостей. И что они могутъ найти въ немъ? Грязь и нечистоту, недостаточную и нездоровую пищу, страдающихъ и больныхъ дѣтей, которыя едва знаютъ своихъ родителей! Но не вечеръ составляетъ несчастіе семьи,—онъ по крайней мѣрѣ коротокъ,—а день, который тянется безконечно долго. И что будутъ дѣлать дѣти во все это время? Но вѣдь есть пріюты, школы, разныя благотворительныя заведенія. Да, все это есть, но все это не то; все это не мать. Вообразите какой хотите пріютъ—прекрасныя свѣтлыя комнаты, чистоту, порядокъ, ласковое обращеніе; а многіе ли изъ людей, мечтающихъ объ этомъ раѣ для рабочихъ, согласятся помѣстить туда своихъ дѣтей? Этотъ рай рабочаго начинается для него свѣтлымъ пріютомъ, продолжается свѣтлой фабрикой и кончается не менѣе свѣтлымъ госпиталемъ! И несмотря на все это, не для всякаго ребенка осуществимъ рай пріюта. Постойте у дверей пріюта утромъ, и вы увидите, сколько матерей возвращаются съ своими дѣтьми. Сосчитайте число мѣстъ въ пріютѣ и число дѣтей отъ двухъ до пяти лѣтъ, и вы увидите, что для десятой доли изъ нихъ

найдется можетъ быть помѣщеніе. Откройте списки больницъ, и вы увидите, сколько кандидатовъ на каждую постель. Дѣло въ томъ, что мастерскія и фабрики открываются въ шесть часовъ, а пріюты и школы только въ восемь; что есть много городовъ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ пріютовъ; что почти вездѣ слѣдуетъ платить за помѣщеніе, и хоть сумма невелика, но гдѣ ее возьметъ мать, сама едва имѣющая хлѣбъ? Вотъ почему нельзя удивляться, что такъ много дѣтей, едва одѣтыхъ, скитается въ переулкахъ рабочихъ кварталовъ и проводитъ свое время, забавляясь въ лужахъ и стокахъ всякихъ нечистотъ. Обращаемся еще разъ къ Манчестеру, представляющему въ этомъ случаѣ удивительный образчикъ своего рода. Въ теченіе 1858 года было объявлено въ полицію о пропажѣ 4,715 дѣтей: и въ томъ же году въ Ливерпулѣ, городѣ не мануфактурномъ, но имѣющемъ такое же населеніе, какъ Манчестеръ, число заплутавшихся дѣтей составляло только 360.

Отправлять дѣтей въ школы? Но для этого нужно быть богатымъ, даже и для школъ даровыхъ. Шестилѣтнее дитя можетъ уже наматывать шнули, а восьмилѣтнее—работать на фабрикѣ. Предположите двухъ — четырехъ дѣтей отъ 6 до 12 лѣтъ, развѣ одинъ рабочій въ семьѣ въ состояніи ихъ прокормить? Нужно, чтобы они сами добывали деньги. И родители съ нетерпѣніемъ ждутъ опредѣленнаго возраста, когда дѣти ихъ могутъ поступать на мануфактуру. Тутъ дѣйствуетъ не злое сердце, а голодъ. Если у родителей есть больше средствъ, если и жена заработываетъ деньги, такъ-что они могутъ продержать своихъ дѣтей дома до 12 лѣтъ, они посылаютъ ихъ въ школы. Но тутъ другая бѣда: школы открыты пять-шесть часовъ, а на мануфактурѣ нужно пробыть тринадцать съ половиной. Что лучше: шесть часовъ ученья въ школѣ и семь съ половиною часовъ шатанья по улицамъ, или преждевременная работа на фабрикѣ, безъ ученья? Вотъ въ чемъ вопросъ,—вопросъ, который сводится весь къ бѣдности.

Наибольшее число рабочихъ Франціи терпятъ страшную бѣдность, огромныя лишенія, которыя даже трудно вообразить, не видѣвъ ихъ. Даже на фабрикахъ и мануфактурахъ, идущихъ хорошо, гдѣ хозяева платятъ хорошо рабочимъ, болѣе половины ихъ, а особенно женщины, стѣснены очень въ жизни: у нихъ нѣтъ средствъ кормить и одѣвать своихъ дѣтей, они живутъ въ помѣщеніяхъ болѣе тѣсныхъ и непріятныхъ, чѣмъ тюрьма; если одно изъ дѣтей захвораетъ, они не въ состояніи ни купить лекарства, ни устроить ему удобную постель, ни даже нагрѣть квартиру. Доктора для бѣдныхъ говорятъ, что въ половинѣ случаевъ лучшее лекарство для нихъ хорошая пища; но они боятся, не смѣютъ сказать этого семейству больнаго. Вотъ въ какомъ положеніи половина мануфактурныхъ городовъ даже въ пору цвѣтущаго состоянія промышленности и торговли. Но войдите въ нихъ во время кризиса,—вы ужаснетесь, вы встрѣтите не людей, а тѣни. Тутъ только и становится вполнѣ понятенъ смыслъ извѣстной формулы: «право на работу». Если ужасно положеніе человѣка работающаго, но не имѣющаго хлѣба, то каково же положеніе человѣка, полнаго силъ, полнаго желанія работать, со способностями—и не имѣющаго работы! Лишніе люди.—можно отвѣтить на это. Да, лишніе.

Все, что мы говорили до сихъ поръ, относилось до рабочихъ фабричныхъ, рабочихъ на мануфактурахъ, бѣдность которыхъ рѣзче бросается въ глаза, потому что рабочіе скучены, потому что нищета кидается въ глаза массой. Но есть еще много другихъ занятій, такъ-называемая малая индустрія—работа ремесленниковъ въ небольшихъ мастерскихъ и работа на дому. И тутъ положеніе рабочихъ такъ же жалко, какъ положеніе рабочихъ фабричныхъ. Мы разсмотримъ болѣе главныя изъ нихъ, и преимущественно такія, гдѣ работа производится исключительно женщинами.

III.

Ручные ткачи.

Введеніе машинъ и мануфактуры не убили еще вполнѣ ручнаго тканья. Очень можетъ быть, что ручные станы наконецъ исчезнутъ, но въ настоящее время они еще держатся, и нерѣдко рядомъ съ мануфактурой, гдѣ работаетъ сразу пятьсотъ становъ, можно найти ручныхъ ткачей, скромно работающихъ у себя на дому. Они работаютъ обыкновенно въ подвалахъ. Подвалъ, какъ всѣ подвалы, освѣщается однимъ отверстіемъ, довольно сыръ, чтобы пряжа не рвалась, и нерѣдко такъ малъ, что станъ занимаетъ его вполнѣ, и ткачу, чтобы связать лопнувшую нить, нужно подлѣзать подъ станъ.

Бо́льшая часть ткачей работаютъ поодиночкѣ, но случается, что въ одномъ подвалѣ стоятъ два, рѣдко болѣе становъ.

Бумажныя матеріи ткутся обыкновенно машиннымъ способомъ, какой бы онѣ ни были тонины. Ручная работа исключеніе въ этомъ случаѣ, и число ручныхъ становъ постоянно уменьшается, вслѣдствіе невозможности соперничествовать съ машиннымъ производствомъ. Вотъ разсчетъ. Механическій станокъ производитъ среднимъ числомъ въ день 25 метровъ (почти 40 арш.) или 7,500 метровъ въ годъ. Ручной станъ только 8 или 9 метровъ; но какъ онъ не работаетъ постоянно, то принимаютъ, что въ годъ на ручномъ станѣ можетъ быть приготовлено 1,300 метровъ. Матерія, стоющая 9 сантимовъ за метръ машиннымъ способомъ, стоитъ ручному ткачу около 11 сантимовъ. Положимъ, что фабрикантъ возьметъ только одинъ сантимъ барыша съ метра матерій, имѣющихъ постоянный сбытъ; ясно, что ручному ткачу соперничествовать съ нимъ не возможно.

Въ Вогезахъ, гдѣ множество ручьевъ и рѣчекъ позволили завести до 15,000 механическихъ становъ, ручные почти исчезли совсѣмъ. Въ Жерардмерѣ, въ Сенъ-Діэ, въ Ремпремонѣ и близъ Бламона ткутъ на ручныхъ только полотно и ленту, а изъ бумаги только матеріи исключительной толщины и ширины, запросъ на которыя незначителенъ. Въ верхнерейнскомъ департаментѣ на 20,000 механическихъ становъ считалось 4,000 ручныхъ. Въ Сенъ-Кентенѣ пропорція обратная: въ городѣ всего до 800 механическихъ становъ; но въ мѣстности, которая тянется отсюда до Камбрэ и Перона и даже до Вервена съ другой стороны, занято ткаченъ не меньше 70,000

рабочихъ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и до 40,000 ручныхъ становъ. Льняныя ткани только средней тонины приготовляютъ до сихъ поръ механическимъ путемъ; толстыя изъ нихъ и особенно тонкій батистъ ткутся руками. Ліонъ и весь югъ Франціи до сихъ поръ былъ спасенъ отъ машинъ и механическихъ двигателей, и шелковыя матеріи ткутся почти исключительно на ручныхъ станахъ.

Вездѣ, гдѣ паръ и вода не убили еще ручнаго производства, оно служитъ источникомъ благодѣтелей для населенія. Двойная выгода имѣть ремесло дома, и занятіе въ полѣ. Вообще для крестьянъ весьма выгодно сосѣдство большихъ промышленныхъ центровъ. Если остановилось его производство, онъ возвращается къ своему полю; если у него осталось время отъ полевыхъ занятій, онъ добываетъ деньги своимъ промысломъ. На западѣ Франціи, гдѣ народонаселеніе занято особенно возрощеніемъ льна и конопли, обработка ихъ, пряжа и ткацье производятся руками, безъ всякаго пара и механическихъ становъ. Полотно Бретани пользовалось и пользуется до сихъ поръ извѣстностью и предпочитается фландрскому. Бумажныя ткани и мануфактуры дѣлаютъ страшную конкурренцію Бретани, но она вѣрна своимъ преданіямъ и не отстаетъ отъ обычаевъ своихъ предковъ. Красивая прилка съ веретенами тонкой работы служитъ до сихъ поръ свадебнымъ подаркомъ, который крестьянинъ-бретанецъ дѣлаетъ своей невѣстѣ, несмотря на то, что одной пряжей, когда нѣтъ другихъ занятій, невозможно ужь и тамъ заработать себѣ кусокъ хлѣба.

IV.

Кружевницы и цвѣточницы.

Плетеніе кружевъ было всегда исключительно женскимъ занятіемъ. Несмотря на свою высокую цѣну, кружева едва вознаграждаютъ ихъ плетеніе. Въ Парижѣ, гдѣ жизнь дорога, никогда не дѣлали кружевъ, развѣ въ видѣ исключенія. По той же самой причинѣ перестали ихъ дѣлать и въ Валансіенѣ, хоть и до сихъ поръ существуютъ въ продажѣ такъ называемыя валансіенскія кружева. Работа эта чрезвычайно трудная, требующая продолжительнаго ученія и отнимающая у работницы все ея время. Она вознаграждается такъ плохо, что промышленное населеніе сѣвернаго департамента нашло необходимымъ пріискать занятія болѣе выгодныя. А какъ нужно нѣсколько мѣсяцевъ, иногда и цѣлый годъ, чтобы сплести купонъ въ три метра, и какъ кружевницы не могутъ ждать такъ долго платы, то установился обычай платить имъ по частямъ, за четверть метра. Но это опять невыгодно для подрядчиковъ, которые, снабжая кружевницъ нитками, должны платить впередъ почти за всю работу. Такимъ образомъ Валансіенъ кончилъ съ своими кружевами. Въ немъ остались всего три кружевницы: одна, дѣлающая настоящій валансіенъ, зарабатываетъ въ день всего полтора франка, а двѣ другія пле-

тутъ тотъ сортъ валансіена, какой дѣлается въ Бельгіи, и добываютъ нѣсколько болѣе, т. е. полтора франка за двѣнадцать часовъ работы.

Алансонскія кружева (point d'Alençon) работаются совершенно на другихъ основаніяхъ; у кружевницъ принята система раздѣленія работъ. Въ валансіенскихъ одна и та же работница дѣлаетъ сѣть и рисунокъ; работницы же, плетущія алансонскія кружева, дѣлятся на нѣсколько категорій; у каждой свое занятіе — одна дѣлаетъ сѣть, другая контуры цвѣтовъ, третья матъ мелкій, четвертая матъ крупный, и т. д. Трехъ мѣсяцевъ достаточно, чтобы изучить дѣло, и какъ работа ихъ необременительна, то и позволяетъ въ то же время заниматься вполнѣ и домашнимъ хозяйствомъ. Среднимъ числомъ работница добываетъ въ день только одинъ франкъ, или около 10 сантимовъ въ часъ. Болѣе искусныя заработываютъ даже 12 и 14 сант., но такихъ чрезвычайно мало. Нѣсколько кружевницъ, не болѣе десяти, находятся въ магазинахъ для пріема и поправки приносимыхъ работъ. Жалованье имъ въ недѣлю измѣняется отъ 7 ф. 50 с. до 10 фр. Кружевницы работаютъ или по одиночкѣ, сидя даже на порогѣ своего дома, или особенно; чтобы сдѣлать экономію на освѣщеніи, они собираются и работаютъ вмѣстѣ.

Алансонскія и валансіенскія кружева составляютъ предметъ роскоши; но въ Арасѣ, въ Овернѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Лорены и преимущественно въ округѣ Миркуръ, дѣлаютъ кружева болѣе грубыя. Въ Арасѣ и его окрестностяхъ заняты этимъ дѣломъ до трехъ тысячъ работницъ. Кружевницы эти, большею частью изъ окрестныхъ крестьянокъ, занимаются этимъ дѣломъ, когда имъ нѣтъ работы въ полѣ. Онѣ работаютъ обыкновенно безъ заказа, изъ своихъ собственныхъ матеріаловъ, и добываютъ весьма мало денегъ. Отличная работница, работая по двѣнадцати часовъ въ день, можетъ добыть около 1 фр. 25 сантимовъ.

Плетеніе кружевъ, кажется, единственная работа, которой не повредили машины, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ имъ неудались кружева; то машинное издѣліе, которое извѣстно подъ названіемъ «кружевъ», есть собственно тюль.

Къ занятіямъ цвѣточницъ принадлежитъ не одно дѣланіе собственно цвѣтовъ, но и приготовленіе другихъ украшеній, головнаго убора дамъ, разныхъ сортовъ перьевъ — морабу, райскихъ птицъ и т. д. Едва ли какое нибудь произведеніе современной промышленности можетъ сравниться въ изяществѣ съ издѣліями цвѣточницъ. Цвѣты, ими приготовляемые изъ бумаги, или батиста, по свѣжести и блеску рѣшительно соперничествуютъ съ цвѣтами живыми. Многія изъ работницъ совершенные артисты, изучающіе съ любовью настоящіе цвѣты и подражающіе природѣ съ точностію и искусствомъ лучшихъ живописцевъ. И несмотря на все это, плата самымъ искуснымъ цвѣточницамъ не бываетъ болѣе 3 франковъ въ день за одиннадцать часовъ работы. Minimum — два франка. При такой платѣ цвѣточницы едва имѣютъ средства существовать.

Дѣланіе цвѣтовъ—промышленность по преимуществу парижская, по крайней мѣрѣ Парижъ производитъ лучшее, что существуетъ въ этомъ родѣ. Около 6 тысячъ работницъ заняты въ Парижѣ этимъ дѣломъ.

V.

Шляпныя мастерицы и дѣвушки въ магазинахъ.

Плетеніе соломенныхъ шляпъ составляетъ довольно значительную промышленность, и Пасси—одинъ изъ главныхъ центровъ этого производства. Если вѣрить тамошнимъ фабрикантамъ, то ихъ шляпы отсылаются даже въ Америку. Большая часть мужскихъ шляпъ, извѣстныхъ подъ названіемъ соломенныхъ, плетутся изъ коры латаніевой пальмы. Фабриканты Пасси получаютъ кору, выдѣлываютъ и, разрѣзывая ее металлическими гребенками на тонкія нити, отсылаютъ для плетенья въ Мозель и въ Нижній Рейнъ.

Работницѣ платится за шляпу 56 сантимовъ; и нужно быть исключительно ловкой и работать весь день безъ устали, чтобы сплести двѣ шляпы. Панама и сшивныя шляпы, высшей доброты, дѣлаются также во Франціи: первыя изъ листьевъ піафы, привозимыхъ изъ Панамы, а вторыя изъ плетенокъ, привозимыхъ изъ Флоренціи, и обложенныхъ страшно высокой пошлиной. Эта-то пошлина, а въ нѣкоторыхъ, очень рѣдкихъ случаяхъ, качество матеріала, объясняютъ частью причину дороговизны нѣкоторыхъ шляпъ. Въ одномъ изъ шляпныхъ магазиновъ Парижа долго была выставлена панама съ ярлычкомъ «2,000 фр.». Къ чести французской торговли, слѣдовало бы ожидать, что ее не продали бы за эту цѣну, если бы даже и явился покупщикъ. Но, кажется, случилось иначе, и шляпу купилъ, какъ говорятъ, русскій. Эта самая шляпа продана фабрикантомъ въ магазинъ за 60 франковъ, а работница, которая плела ее, получила едва ли болѣе трехъ франковъ.

Дѣвушки въ магазинахъ принадлежатъ не всегда къ сословію работницъ. Занятія дѣвушекъ бываютъ чрезвычайно разнообразны, ихъ нѣсколько категорій, и положеніе, которое онѣ занимаютъ, зависитъ отъ ихъ средствъ и образованія. Есть дѣвушки—чистокровныя буржуа, другія—простыя работницы или мастерицы, наконецъ третьи, занимающіяся, рядомъ съ дѣломъ, практикой другаго рода....

Дѣвушки, сидящія въ магазинахъ за конторками и исполняющія нѣкоторыя мелочныя работы подъ надзоромъ хозяйки, принадлежатъ часто къ рабочему сословію. Для этого избираются женщины, отличающіяся красотой. Онѣ должны быть одѣты со вкусомъ, изящно, и обыкновенно находятся въ постоянномъ сношеніи съ постоянными заказчицами. Многіе думаютъ, что для этихъ дѣвушекъ постоянное сношеніе съ богатыми домами, роскошь, изящные туалеты, которые онѣ всегда имѣютъ передъ глазами—будто бы все это дѣйствуетъ на нихъ вредно въ моральномъ отношеніи. Такое замѣчаніе дѣлаютъ

относительно модисток. Но едва ли оно справедливо. Есть другіе магазины, гдѣ за конторками должны быть непремѣнно самыя красивыя женщины. Этихъ магазиновъ гораздо больше, чѣмъ магазиновъ модъ и опасность въ нихъ для женскаго цѣломудрія гораздо сильнѣе. Возьмемъ хоть кондитерскія. Это совершенныя мастерскія, въ которыхъ, въ ожиданіи покупщиковъ, дѣвушки приготовляютъ плоды, сиропы, взвѣшиваютъ сахаръ и одѣваютъ конфекты. Недостаточно еще умѣть сдѣлать отлично вкусныя конфекты, нужно умѣть ихъ и завернуть, украсить изящной оберткой; это тоже большое искусство, которымъ парижанки владѣютъ въ совершенствѣ. Занятіе повидимому пріятное, къ которому располагаетъ еще больше изящество и яркое освѣщеніе самой кондитерской лавки. Но вотъ вечеръ кончился, нужно оставить и мелколѣпный, ароматическій, ярко освѣщенный салонъ, и богатые зеркала и ковры, и отправляться въ своемъ парадномъ шелковомъ платьѣ въ какую нибудь бѣдную улицу, или закоулокъ и забраться въ шестой этажъ въ бѣдную маленькую, нетопленную комнату, гдѣ вся семья дѣвушки страдаетъ отъ нищеты, а нерѣдко и болѣзни.

Игрушечное производство имѣетъ много общаго съ кондитерскимъ,— общаго въ характерѣ собственно работы, но великую разницу въ томъ отношеніи, что дѣвушкѣ не приходится играть роль изящной дамы съ десяти часовъ утра до десяти вечера. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ работа эта похожа на забаву, но большею частью она тосклива и однообразна. Есть работницы, все дѣло которыхъ заключается въ окленваніи цвѣтной бумагой маленькихъ комодиковъ; а этихъ комодиковъ тысячи. Одни изъ работницъ, болѣе искусныя, принуждены работать очень долго; другія полгода не имѣютъ никакихъ занятій. Въ ноябрѣ и декабрѣ обыкновенно не находятъ достаточнаго числа рабочихъ для убранства куколъ и для завертыванія мелкихъ конфектъ, и за этимъ дѣломъ приходится проводить цѣлыя ночи; потомъ наступаетъ тихое время, а лѣтомъ почти дѣлать нечего. Это сумасшествіе, лихорадочность въ запросѣ кидаетъ бѣдныхъ работницъ изъ одной крайности въ другую - ихъ или убиваетъ работа, или убиваетъ голодъ. Сюда же можно отнести и приготовленіе всякихъ картонажей и даже бумажное производство, занимающее много женщинъ. Всѣмъ этимъ работницамъ достается въ день заработной платы отъ 1 до $2^1/_2$ фр. Теперь стали брать женщинъ даже въ наборщики типографій. Работа эта не легка,— она утомляетъ зрѣніе и заставляетъ проводить все время стоя.

VI.

Прачки и прислуга.

Главный отличительный характеръ прислуги, которая въ строгомъ смыслѣ тоже рабочіе, заключается въ томъ, что они болѣе всѣхъ другихъ находятся въ неволѣ. Эта должность — рабство, холопство; тутъ личная услужливость, постоянное подчиненіе себя капризу и прихоти отдѣльнаго лица. Фабричный

рабочій менѣе оскорбленъ въ своемъ личномъ достоинствѣ, тамъ есть законъ, извѣстный законъ, извѣстный порядокъ, изъ котораго не могутъ выдти ни рабочій, ни даже самъ хозяинъ; какъ бы ни была невѣрна или ошибочна экономическая сила, управляющая движеніями промышленности и торговли, но это все-таки сила, которую всѣ чувствуютъ надъ собой, это не произволъ одного лица. Наконецъ у фабричнаго рабочаго есть время, когда онъ можетъ быть у себя, какъ бы это «себя» ни было худо; у него есть свой домъ, есть отдыхъ. Ни чѣмъ подобнымъ не пользуется прислуга: она никогда не принадлежитъ себѣ, она зависитъ отъ хозяина, она служитъ ему лично, служитъ все время непрерывно. Какъ бы въ награжденіе за потерю личной свободы, экономическое положеніе ея много лучше положенія остальныхъ рабочихъ. Она имѣетъ лучшее помѣщеніе, лучшій столъ и весьма большое жалованье. Если во Франціи еще и сохранились такіе благословенные уголки, какъ Бретань, гдѣ прислугѣ платятъ пятнадцать, двадцать экю въ годъ, за то въ другихъ мѣстахъ, и особенно въ большихъ городахъ, явились совсѣмъ уже другія цѣны. Напримѣръ въ Парижѣ, въ большихъ домахъ, 50 франковъ жалованья въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ — вовсе не рѣдкость. Но кромѣ всего этого, еще и подарки. А кухарки къ этому пользуются еще контрабандными доходами, разными получками съ лавочниковъ и купцовъ, боящихся лишиться практики. Все это, разумѣется, на счетъ хозяевъ кухарки.

Судя по обезпеченному положенію кухарокъ, можно думать, что въ образѣ жизни ихъ есть нѣкоторый порядокъ и порядочность. Напротивъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ Требюше и Пуара Дювалемъ (1855 г.) оказывается, что первое мѣсто по разврату принадлежитъ, какъ слѣдуетъ, женщинамъ безъ занятій, а за ними тотчасъ же слѣдуетъ прислуга. Оно и весьма понятно. Многіе изъ нихъ будутъ даже обольщены въ томъ домѣ, гдѣ они служатъ. Лакей, кучеръ, проводя большую часть своего времени съ служанками, имѣютъ бездну случаевъ сблизиться съ ними. А случается, что и самъ баринъ дастъ дѣвушкѣ первый урокъ любви.

Особенно дурное въ положеніи прислуги — это ихъ ужасныя помѣщенія. Парижскіе дома—совершенныя башни, большая часть изъ нихъ имѣютъ шесть этажей. Дороговизна земли заставляетъ хозяевъ вытягивать по возможности свои дома вверхъ; всякое едва годное мѣсто они дѣлаютъ комнатой. Ложи, портье стали дѣлать наконецъ такими темными, а слѣдовательно нездоровыми, что полиція вмѣшалась въ это дѣло и ихъ запретила. Есть также законъ, опредѣляющій размѣръ комнатъ для спанья; хотя онъ почти невыполняется. Но законъ не можетъ принудить домовладѣльцевъ дѣлать комнаты для прислуги непремѣнно въ квартирахъ для жильцовъ. А отъ этого прислуга цѣлаго дома: горничныя, няньки, кухарки, лакеи, кучера живутъ подъ крышей, въ каморкахъ, едва закрывающихся, куда можно взобраться только скорчившись. Въ этихъ-то свѣтелкахъ, съ микроскопическими окнами въ самой крышѣ, открывающимися, какъ табакерки, зимой холодно и сыро, а лѣтомъ нестерпимый жаръ. Если бы эти свѣтелки обладали качествомъ обитаемости, хотя въ самой малой степени, изъ нихъ бы сдѣлали квартиру. Но они потому

отданы прислугѣ, что нѣтъ такого человѣка, который бы согласился жить въ такой квартирѣ за деньги. Если же въ домѣ нѣтъ такихъ свѣтелокъ, то на чердакѣ, въ подвалѣ, гдѣ нибудь подъ изворотомъ лѣстницы всегда найдется мѣсто, чтобы положить тюфякъ горничной или лакея. И дѣйствительно помѣщать прислугу въ седьмомъ этажѣ — [illegible]енное варварство, даже убійство. Это что-то въ родѣ знаменитыхъ свинцовыхъ тюремъ Венеціи, которыя вѣроятно нисколько не жарче комнатъ подъ желѣзными крышами Парижа. Но едва ли не такое же варварство помѣстить горничную, какъ собаку, на чердакѣ или подъ лѣстницей!

Въ ремеслѣ прачекъ сохранилось еще нѣсколько слѣдовъ прежней корпоративности. Всякій годъ, въ четвергъ средины великаго поста, прачки избираютъ изъ себя царицу и сотни фіакровъ привозятъ прачекъ и гладильщицъ изъ окрестностей Парижа. Водоносы, нѣсколько навеселѣ, украшенные лентами всевозможныхъ цвѣтовъ, провожаютъ этотъ кортежъ. Вечеромъ же прачешныя на судахъ, на Сенѣ, превращаются въ танцовальныя залы. Праздникъ продолжается всего одинъ день; уже въ пятницу съ утра прачки принимаются снова за свои утюги.

Прачки дѣлятся на два разряда — мыльщицы и гладильщицы. Мыльщикамъ гораздо труднѣе; но чтобы быть гладильщицей, требуется особенная ловкость и довольно продолжительное ученье, по крайней мѣрѣ два года. Мыльщицы за день, въ четырнадцать часовъ, получаютъ 2 фр. 50 сант. и рѣдко 2 фр. 75 сант. Отдыху дается имъ полтора часа. Каждое утро хозяйка должна дать каждой рюмку водки. Гладильщицы тонкаго бѣлья и трубочками заработываютъ въ день 2 фр. 75 сант., а за ровное глаженье — 2 фр. 50 сант. Рабочій день для прачекъ начинается въ восемь часовъ утра и продолжается до восьми вечера, съ получасовымъ отдыхомъ, — это зимой; а лѣтомъ съ половины восьмаго утра до восьми вечера, съ часовымъ отдыхомъ. Если приходится работать дольше, то за каждый лишній часъ платятся 25 сантимовъ.

Особенность этой профессіи заключается въ томъ, что работницы не служатъ постоянно у одной хозяйки, по крайней мѣрѣ это — исключеніе. Обыкновенно же хозяйки, вышедшія сами изъ работницъ, смачиваютъ и крахмалятъ бѣлье сами и каждый день отправляются въ извѣстныя мѣста Парижа, куда гладильщицы собираются съ половины шестаго утра, и вербуютъ себѣ поденщицъ на день, на два.

VII.

Швеи.

По свѣдѣніямъ 1851 года, число всѣхъ рабочихъ Парижа составляло 204,925 мужчинъ и 112,891 женщинъ. Изъ этихъ 112 тысячъ по меньшей

мѣръ 60,000 занимались шитьемъ разнаго рода. Но эта цифра ниже дѣйствительной, потому что коммиссія считала наемныхъ работницъ; т. е. получающихъ жалованье; но сколько еще есть швей, занимающихся работой, у себя на дому, одиночно. Напримѣръ работницъ, занимающихся починкой и поправкой, показано въ отчетѣ 97 мастерицъ и 16 ученицъ, всего 114, и не показано еще 217 мастерицъ, работающихъ безъ помощницъ.

Въ томъ же отчетѣ показанъ и размѣръ задѣльной платы швей, maximum, minimum и средній выводъ. Maximum для модистокъ и вышивальщицъ былъ 5 франк., для швей у портныхъ 4 фр. 50 с., для обыкновенныхъ швей, корсетницъ и швей бѣлья 4 фр. Здѣсь кстати замѣтимъ, что корсеты составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ парижской промышленности: ихъ продаютъ каждый годъ не менѣе 1,200,000 штукъ. Для чинильщицъ, швей, для башмачниковъ и сапожниковъ maximum составлялъ 3 фр. 50 с. Minimum падалъ до 75 сант. въ день — для перешивальщицъ и поправщицъ стараго платья и кожаныхъ перчатокъ; 50 сант.—для швей, жилетницъ, корсетницъ; 40 сант. — для башмачницъ и 15 сант. для швей бѣлья. Эти показанія однако не даютъ еще вѣрной идеи о дѣйствительномъ заработкѣ швей. Большая плата достается обыкновенно самому ограниченному числу работницъ; напримѣръ по отчету видно, что за живопись на фарфорѣ maximum составлялъ 20 фр. въ день. Но эти двадцать франковъ доставались только одной. Средняя плата для работницъ составляла отъ 2 фр. 5 сант. до 4 ф. 6 сант. Общая средняя плата для всѣхъ парижскихъ работницъ была 1 ф. 6 сант. 950 работницъ получили меньше 60 сант. въ день, 100,050 отъ 60 сант. до 3 фр. и только 626 добывали болѣе 3 фр. въ день. Для швей, работающихъ у себя, средній заработокъ составлялъ 1 фр. 42 сант., а для работающихъ въ магазинахъ — 2 франка.

Отчетъ этотъ оспаривали много, и вообще слѣдуетъ думать, что показанныя въ немъ цифры задѣльной платы выше дѣйствительной, потому что свѣдѣнія забирались отъ хозяевъ, которые находили выгоднѣе показывать высоко. Несмотря однако на это, свѣдѣнія эти все-таки представляютъ интересъ, особенно при сравненіи ихъ съ цѣнами послѣдняго времени, въ которыхъ произошло большое измѣненіе двойнаго рода: талантъ сталъ платиться выше, работницы же не имѣющія особыхъ дарованій получаютъ все меньше и меньше. Это объясняется очень просто. Большая часть швей, работающихъ и дому, шьютъ для магазиновъ готоваго платья; а большая часть работающихъ въ магазинахъ шьютъ по заказу. Первое дѣло легче и не требуетъ таланта, какъ второе. Талантливыхъ швей вообще немного, имъ не страшна конкурренція швей остальныхъ, тогда какъ послѣднимъ всякій наплывъ швей обыкновенныхъ и всякое увеличеніе швейныхъ машинъ понижаетъ заработокъ. Вотъ подтвержденіе этого фактами. Женщины шьющія для портныхъ получаютъ плату поштучную. Онѣ шьютъ только жилеты и панталоны. За фасонъ жилета портной платитъ отъ 4 до 6 франковъ; расходы на шелкъ и на уголь составляютъ 20 сант., хорошая работница кончаетъ жилетъ въ день, слѣдовательно можетъ заработать отъ $3^1/_2$ до $5^1/_2$ франковъ. Магазины готоваго платья платятъ

за фасонъ жилета отъ 1 фр. 50 сант. до 2 фр. 50 сант. Жилетъ шьется тоже въ одинъ день, расходы на нитки и уголь 25 сант., слѣдовательно заработокъ отъ 1 фр. 25 сант. до 2 фр. 25 сант. Такимъ образомъ въ одномъ и томъ же ремеслѣ заработокъ отъ maximum'а въ 5 фр. 50 сантимовъ можетъ упасть до 1 франка 25 сантимовъ. За платья, изготовляемыя для вывоза, платится гораздо дешевле: за фасонъ жилета maximum 1 фр. 25 сант., minimum 75 сант., расходы на нитки и уголь 20 сантимовъ; одна работница шьетъ три прямыхъ жилета въ два дня, слѣдовательно заработокъ въ день отъ 1 фр. 57 сант. до 82 сантимовъ.

Въ 1849 году былъ напечатанъ тарифъ одного магазина готоваго платья. Вотъ цѣны, которыя онъ платилъ рабочимъ. За фракъ 14 фр., расходы рабочаго составляли 1 фр. 50 сант., чистыхъ оставалось ему двѣнадцать съ половиной франковъ. Костюмъ шился въ 60 часовъ, слѣдовательно заработокъ въ часъ составлялъ почти 21 сантимъ. И это были еще рабочіе, получавшіе высшую плату. Плата за панталоны составляла только $6^1/_2$ сантимовъ въ часъ. Женщинами шились только жилеты, потому что у нихъ нѣтъ достаточной силы для утюженья брюкъ. Цѣна за прямой жилетъ съ карманами была 60 сантимовъ, за такой же жилетъ безъ кармановъ 40 сантимовъ. Расходы швеи въ томъ и другомъ случаѣ 15 сантимовъ, такъ что приходилось за часъ 4^1_2 и 3 сантима. И такая плата вовсе не исключеніе. Даже въ провинціальныхъ городахъ плата не поднимается выше 5 сантимовъ въ часъ. Допуская, что работница, получающая 3 сантима, будетъ шить въ день 14 часовъ, ей придется 42 сантима — 12 к. сер. Но вѣдь нужны еще расходы на иголки, нитки, уголь, свѣчи; нужно считать праздники и воскресные дни, потерю времени на отдыхъ и пріисканіе работы, наконецъ болѣзнь. Какъ же великъ чистый барышъ, если вычесть все это? Копѣекъ восемь въ день, не больше. Развѣ на это можно жить? Что же остается бѣдной швеѣ! Просить милостыню не позволяютъ, воровать тоже, но зато не запрещаютъ торговать своимъ тѣломъ, и она торгуетъ, разумѣется, если красива; — а если нѣтъ?

Приготовленіе мантилій для дамъ отдается обыкновенно магазинами въ одни руки. Такая модистка беретъ на себя все, что касается покроя и отдѣлки, а для шитья нанимаетъ простыхъ работницъ. Работница за 12 часовъ труда получаетъ отъ 2 до $2^1/_2$ франковъ. Заготовленіе мантилій въ большомъ размѣрѣ дѣлается нѣсколько иначе. Напримѣръ, торговый домъ заказываетъ модисткѣ три дюжины пальто. За каждое пальто платится два франка; изъ нихъ 50 сантимовъ модистка беретъ себѣ, а остальные отдаетъ швеѣ. За вычетомъ 15 сантимовъ на шелкъ и нитки, ей остается чистыхъ только 1 фр. 35 сант. Работая самымъ прилежнымъ образомъ 13 часовъ въ день, проворная швея сошьетъ въ два дня три пальто, и добудетъ въ день два франка. Чтобы понять, что значатъ эти два франка, нужно представить себѣ ясно, что значитъ шить въ теченіи тринадцати часовъ, не вставая со стула, не отнимая глазъ отъ работы и не переставая ни на минуту. Нужно прибавить къ этому холодъ зимой, и пять, по меньшей мѣрѣ, часовъ работы при огнѣ.

Только при этихъ условіяхъ исключительно ловкая работница добудетъ 2 франка. Ужасно? А каково положеніе той, которая съ тѣми же усиліями и страданіями добываетъ только 3 сантима въ часъ, 42 сантима въ день?

Въ бѣльѣ, и слѣдовательно въ шитьѣ его, есть чрезвычайно много переходовъ, начиная съ передника лакея до изящнаго, модиаго чепца. Модистка шьющая чепцы можетъ добыть въ день 5, 6 франковъ; но это уже не простыя работницы. Между же обыкновенными швеями, лучшія, разумѣется, въ самомъ ограниченномъ числѣ, заработываютъ въ день 3 франка; а почти всѣ остальныя—2 и 2 франка 50 сант., за день въ 13 часовъ. Работа легкая даетъ далеко меньше; напримѣръ, за дюжину фишу платится 80 сантимовъ, и нужно быть очень быстрой швеей, чтобы сшить двѣ дюжины въ 13 часовъ. Шитье домашняго бѣлья — простынь, наволочекъ, утиральниковъ и проч. приноситъ съ трудомъ 1 франкъ въ день. Эта работа вообще служитъ для швей ресурсомъ, когда у нихъ нѣтъ другой работы.

Въ одномъ департаментѣ, Изеръ, шитьемъ перчатокъ занято по меньшей мѣрѣ 12,000 работницъ. Гренобльская фабрика имѣетъ однихъ кройщиковъ до 1,200 человѣкъ, и приготовляетъ въ годъ до 540,000 дюжинъ перчатокъ. Считая дюжину въ 30 франковъ, вся фабрика производитъ ихъ на 16,200,000 фр. въ годъ. Вотъ примѣръ, изъ котораго можно судить о важности этого производства для Франціи. Одинъ торговый домъ въ Шомонѣ имѣетъ 2,050 перчаточныхъ швей.

Приготовленіе перчатокъ распадается на три производства: кройку, шитье и отдѣлку. Кроятъ мужчины, хотя въ послѣднее время начали заниматься этимъ и женщины. За дюжину платится 20 сантимовъ, и въ мѣсяцъ можно заработать отъ 45 до 70 франковъ.

Положеніе швей хуже. Подрядъ сдается обыкновенно одной, и за дюжину дамскихъ перчатокъ съ одной пуговкой платится ей 4 фр. 50 сант., съ двумя пуговками 4 фр. 75 сант. Подрядчица беретъ себѣ 50 сантимовъ, а остальное идетъ швеѣ. За вычетомъ расхода на шелкъ — 40 сан., ей достается за дюжину 3 фр. 60 сант., или 30 сантимовъ за пару!

Но сколько же работница можетъ сшить паръ въ день? При усиленномъ трудѣ, и работая 12 часовъ въ день, можетъ сшить четыре пары. Вообще же работницы дѣлаютъ не болѣе $2^1/_2$. Это зависитъ отъ большихъ или меньшихъ занятій домашнимъ хозяйствомъ.

Особенность перчаточнаго производства заключается въ томъ, что оно требуетъ необыкновенной чистоты; не только грязныя перчатки не принимаются хозяиномъ, но съ работницы взыскиваютъ даже за кожу. Допуская, что швея сдѣлаетъ четыре пары, ей придется 1 фр. 20 сант. Изъ этого нужно вычесть что нибудь на освѣщеніе. При двухъ же съ половиной парахъ день дастъ только 75 сантимовъ. Но и такая плата дается не вездѣ. Въ Сенъ-Жюніенѣ, въ Авейронѣ, въ Верхней-Маріѣ и даже въ Изерѣ плата за дюжину падаетъ иногда до 3 и даже 2 фр. 75 сантимовъ, и въ такомъ случаѣ работницѣ остается въ день $37^1/_2$ сантимовъ, если не считать праздника и болѣзни.

Парижскія перчаточницы получаютъ плату гораздо большую; во первыхъ, потому что получаютъ работу прямо отъ хозяевъ; а во-вторыхъ, и работа ихъ цѣнится выше. Обыкновенная парижская цѣна 6 и $6^1/_2$ франковъ за дюжину; но есть швеи, которымъ платятъ 14 и даже 15 франковъ за дюжину. Впрочемъ, если взять въ разсчетъ бѣготню за работой, то эта повидимому высокая плата уменьшится значительно.

Вообще во всѣхъ отрасляхъ промышленности работницы, которыя шьютъ прямо на постоянныхъ закащиковъ магазиновъ, теряютъ много своего времени въ передшихъ своихъ кліентовъ, неумѣющихъ понять самой простой вещи, что время для бѣднаго рабочаго его насущный хлѣбъ.

—

Вотъ печальныя подробности о положеніи французской работницы. Шитье дѣйствительно можетъ доставлять удовольствіе; это фактъ, который мы видимъ ежедневно на женщинахъ вполнѣ обезпеченныхъ, занимающихся шитьемъ въ видѣ развлеченія. Но это удовольствіе понятно, когда оно тянется часъ, два, когда не голодъ вызываетъ его. Этой-то простой вещи обыкновенно и не понимаютъ. Совсѣмъ не то положеніе швеи по профессіи. Ея трудъ, трудъ лихорадочный; каждый стежокъ для нея часть сантима, крошка хлѣба; она вся поглощена своимъ шитьемъ, потому что только имъ и существуетъ. И трудъ этотъ, не трудъ развлеченія, какъ для знатныхъ барынь, — онъ тянется вѣчно, всю жизнь швеи. Она садится за работу съ разсвѣтомъ, и шьетъ до ночи. И это каждый день. А что же даетъ ей этотъ трудъ? Хлѣбъ? Нѣтъ. Онъ даетъ ей возможность самаго жалкаго существованія, потому что конкурренція все больше и больше портитъ ей ея заработокъ. Она должна понижать заѣльную плату еще и потому, что замужнія швеи, для которыхъ заработокъ служитъ только дополненіемъ къ заработкамъ ихъ мужей, понижаютъ все цѣну. Чтобы добывать два франка въ 12 часовъ работы, нужно быть работницей исключительной. А такихъ одна на сто. Но развѣ и два франка достаточны, чтобы одѣться и быть сытой? Къ этому еще тысячи несчастныхъ случаевъ, которые угрожаютъ работницѣ каждую минуту: промышленные кризисы, капризы моды, болѣзнь самой работницы, ея семьи, дѣтей, расположеніе духа ея хозяина, стоянки въ передшихъ знатныхъ господъ. Еще замужнимъ лучше; но несчастныя одиночныя дѣвушки, не имѣющія семьи, — положеніе ихъ такъ худо, онѣ такъ безпомощны, такъ бѣдны, что едвали можно придумать для человѣка большее страданіе. Объ этихъ то несчастныхъ мы и будемъ говорить сейчасъ.

VIII.

Условія жизни работницъ.

Работница, о которой мы говоримъ теперь, работница парижская; у нея нѣтъ ни мужа, ни брата, ни отца, у нея нѣтъ никакого покровителя, она

одна среди Парижа. И не думайте, что такія работницы рѣдки; напротивъ. Допустимъ, что она принадлежитъ къ числу избранныхъ, и добываетъ два франка въ день.

Найдутся многіе, которымъ эти два франка покажутся несмѣтной суммой, потому что есть люди, получающіе еще меньше. Правда, что имѣть постоянно круглый годъ по два франка въ день, дѣйствительно, недурно. Но мы говоримъ здѣсь о двухъ франкахъ задѣльной, поденной платы. Чтобы понять, какую сумму составитъ это на цѣлый годъ, нужно исключить всѣ дни нерабочіе: четыре большихъ годовыхъ праздника, и пятьдесятъ два воскресенья; а отъ этого всѣхъ рабочихъ дней остается въ году только 310. Это еще не все. Нужно исключить время, когда у швеи не бываетъ работы, то, что французы называютъ morte saison. Число такихъ дней весьма различно, смотря по роду занятій. Вышивальщицы по шелку, бархату и сукну, получающія въ день отъ 3 до 4 франковъ, не имѣютъ работы шесть мѣсяцевъ въ году; позументщицы — четыре мѣсяца; швеи для дамъ,—тоже около четырехъ мѣсяцевъ; швеи грубаго бѣлья — три мѣсяца; жилетницы, работающі по заказу — также столько же. Общее правило, что нерабочее время для всѣхъ работъ, по меньшей мѣрѣ, три мѣсяца. Исключеніе только для тѣхъ, кто работаетъ въ магазины гуртовой продажи. Но зато они никогда не добываютъ два франка въ день; даже 1 ф. 25 сант. для нихъ очень высокая плата. Вычитая эти три мѣсяца, останется двѣсти тридцать четыре дня, представляющіе 468 франковъ.

Правда, что нерабочее время не пропадаетъ совершенно; нѣкоторыя работницы находятъ себѣ занятіе на день, на два въ недѣлю. Но не нужно забывать, что это съ большимъ трудомъ, потому что затишье настаетъ вдругъ, распространяется сразу на всѣ вѣтви промышленности; а къ тому въ нѣкоторыхъ производствахъ всегда больше рукъ, чѣмъ дѣла, напримѣръ въ шитьѣ для магазиновъ готоваго платья. Но кромѣ того, рабочіе вообще не слишкомъ любятъ измѣнять родъ занятій; у нихъ есть въ этомъ случаѣ самолюбіе особаго рода: швея, работающая по заказу, повѣрьте, неохотно пойдетъ за работой въ магазинъ готоваго платья. Вообще нужно принять, что время безъ работы приноситъ заработокъ самый жалкій, такъ-что, нисколько не уменьшая, можно принять годовой доходъ работницы, получающей два франка въ день, въ 500 франковъ. Эта цифра скорѣе выше, чѣмъ ниже дѣйствительной, потому что невозможно же, чтобы женщина работала все время непрерывно, ни разу не захворавъ, чтобы съ ней не случилось какихъ нибудь неудачъ въ самой работѣ, чтобы у ней не пропадало время на пріисканіе работы и т. п.

Итакъ, наша работница имѣетъ въ годъ 500 франковъ. Какъ же она разсчитаетъ свои расходы? Прежде всего нужно найти квартиру.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ пробиваются въ Парижѣ великолѣпные бульвары, и прежніе жалкіе дома смѣняются огромными отелями. Даже богатой буржуазіи едва подъ силу квартиры въ этихъ дворцахъ. А между тѣмъ число помѣщеній для рабочихъ все уменьшается годъ-отъ-году, и годъ-отъ-году увеличиваются на нихъ цѣны. Чтобы имѣть рабочую мансарду въ пя-

томъ этажѣ, на правой сторонѣ улицы, нужно платить 150 фр., а комната стоитъ 20, 30, 40 фр. дороже. Въ прежней городской чертѣ, теперь уже значительно отодвинутой, можно еще найти квартиры менѣе дорогія, но удаляясь слишкомъ отъ мастерской, или отъ магазина, на который работаешь, приходится терять много времени, и увеличиваются расходы на обувь. Возьмемъ однако, что работница займетъ квартиру во сто франковъ. Такой расходъ не для всѣхъ возможенъ, и потому нерѣдко двѣ швеи или работницы занимаютъ комнату вдвоемъ.

Наша работница не будетъ ходить въ лохмотьяхъ, во-первыхъ, это нельзя по самому роду ея занятій, по сношеніямъ, которыя она имѣетъ съ магазинами; а во-вторыхъ, мы говоримъ не о нищей. Вотъ что нужно работницѣ, ограничивая ее самымъ необходимымъ. Она будетъ шить себѣ платья изъ матерій, разумѣется, дешевыхъ, положимъ по 75 сантимовъ за метръ. Ей нужно три платья въ годъ, считая работу и прикладъ въ 4 фр. за платье — всего 30 фр. И это будутъ очень жалкія платья. Два передника—4 франка; корсетъ — 5 фр.; четыре чепчика — 8 фр.; воротнички и рукавчики — 5 фр. 50 сант. У нея будетъ маленькая шаль или платокъ, положимъ въ 20 франковъ, которая прослужитъ ей четыре года, значитъ, въ годъ 5 фр.; четыре пары чулковъ бумажныхъ и двѣ шерстяныхъ—9 фр.; три пары башмаковъ—21 фр. Теперь бѣлье. У нея будетъ, но, разумѣется, мало, и низкаго сорта: 3 рубашки—9 фр.; четыре юбки — 8 фр.; шесть носовыхъ платковъ по 60 сант.—3 фр. 60 сант.; четыре утиральника—2 фр. 40 сант.; пара простынь—5 фр. Весь этотъ гардеробъ скромный, до послѣдней степени, обойдется въ 115 фр. 50 сант.

Но вотъ другіе расходы. Стирка бѣлья нужна; но кромѣ того, манишки, чепчики, безъ которыхъ нельзя никуда показаться. Положимъ, что стирать она будетъ сама; значитъ, на крахмаленіе и глаженіе, по меньшей мѣрѣ, 3 фр. въ мѣсяцъ. Освѣщеніе и отопленіе тоже неизбѣжно. Продавецъ угля будетъ отпускать ей грѣлку съ углями и золой за 5 сант. Освѣщать она будетъ свою комнату почникомъ, т. е. свѣтильней въ маслѣ. Для швеи это освѣщеніе черезъ-чуръ варварское; но что же дѣлать,—и оно дорого: масло на три часа будетъ стоить 10 сант. Вотъ общій расходъ: квартира 100 фр.; одежда 115 фр. 60 сант.; стирка 36 фр.; освѣщеніе и отопленіе 36 фр.; всего 287 фр. 50 сант. На ѣду остается 215 фр. 50 сант., или 59 сантимовъ въ день. Это ровно столько, сколько нужно, чтобы не умереть съ голоду. Но вѣдь можетъ случиться болѣзнь,—нужно купить лѣкарство; можетъ случиться недѣля безъ работы. На чемъ сдѣлать экономію? Или войти въ долгъ? Но чѣмъ заплатить его?

Мы взяли два франка въ день. Но какія работницы могутъ имѣть такой доходъ? Ужь, разумѣется, не швеи рубашекъ, потому что для двухъ франковъ ей нужно сшить въ день восемь рубашекъ; и не перчаточницы, имъ пришлось бы шить $6^1/_2$ паръ въ день; и не жилетницы магазиновъ готоваго платья, потому что для этого нужно сработать въ день шесть жилетовъ, или шесть паръ брюкъ. Также и не вышивальщицы, ни башмачницы, ни бахром-

ницы; всѣ онѣ заработываютъ много менѣе. Какимъ же образомъ жить тѣмъ работницамъ, которыя добываютъ въ день 50, 70 сантимовъ, когда получающія два франка имѣютъ едва возможность существовать?

Трудно представить себѣ, какъ изворачиваются эти люди, если не видѣть того своими собственными глазами. Мансарды, которыя онѣ занимаютъ, едва возможны для житья. Поправокъ въ нихъ, разумѣется, никакихъ не дѣлается, потому что низкая плата за квартиру не позволяетъ хозяину этого. Мебели у нихъ никакой нѣтъ; какая нибудь жалкая кровать, да соломенный табуретъ. Окно въ крышѣ такъ мало и такъ дурно пригнано, что не защищаетъ жилицу отъ дождя. Коммиссія, назначенная въ 1851 году для изслѣдованія, доносила между прочимъ, что одна работница принуждена была разбить стекло въ своемъ микроскопическомъ окнѣ, чтобы имѣть возможность дышать. Многіе чердаки, служившіе квартирами, были совершенно пусты; ни стула, ни кровати, ни даже пучка соломы, которая дается даже преступнику въ тюрьмѣ. Многіе изъ этихъ ужасовъ уже исчезли, цѣлыя улицы проломаны вновь, и новые дома смѣнили прежнія ужасныя помѣщенія и грязные закоулки. Но развѣ это убавило бѣдность рабочихъ, развѣ это имъ прибавило хоть лишній франкъ въ день? Жильцы покинули эти старыя помѣщенія; ихъ ужь нѣтъ въ этихъ палаццахъ новыхъ роскошныхъ улицъ и бульваровъ. Но куда они скрылись, гдѣ нашли себѣ пріютъ? Или для нихъ выстроили новые дома, болѣе здоровые и заманчивые? Нѣтъ. Собравъ свои жалкіе пожитки, они почти всѣ переселились въ самые отдаленные концы Парижа, рискуя дѣлать лишнихъ четыре, пять верстъ, отправляясь за работой, и относя ее. Ужасное пожертвованіе для женщины, добывающей въ часъ какіе нибудь 10 сантимовъ, и питающейся исключительно хлѣбомъ и молокомъ.

Да, хлѣбомъ и молокомъ! Работница, получающая менѣе двухъ франковъ, должна дѣлать экономію на ѣдѣ. Она довольствуется хлѣбомъ на три су и молокомъ на два су, и въ Парижѣ множество женщинъ, незнакомыхъ съ другой пищей. Постепенно меньшій заработокъ, сводя женщину и вообще рабочаго все ниже и ниже въ удобствахъ жизни, заставляя его дѣлать экономію на всемъ противъ приведеннаго нами выше разсчета, сводилъ нѣкоторыхъ на такую нищету, что они не носятъ бѣлья и одѣваются въ лохмотья. Есть примѣры такой бѣдности, что по недостатку платья работницы не могутъ выдти изъ дому для пріисканія себѣ работы.

Хорошо быть добродѣтельной, когда это не стоитъ ничего, или мужественно переносить свои несчастія, когда невозможно измѣнить своей судьбы. Но не въ такомъ положеніи находятся работницы, а особенно парижскія. Всѣ другія женщины вокругъ ея имѣютъ любовниковъ, и никто не стыдится этого; а она молода, парижанка, и на каждомъ шагу такъ много соблазновъ. Когда она вечеромъ отправляется въ магазинъ, чтобы отнести свою работу, не увѣренная вполнѣ—возьмутъ ли ее, заплатятъ ли ей тотчасъ, видитъ весь блескъ и роскошь, ея окружающую, слышитъ о театрахъ и балахъ, встрѣчаетъ женщинъ такихъ же бѣдныхъ, какъ она нѣкогда, а теперь роскошно одѣтыхъ, и утопающихъ во всѣхъ удовольствіяхъ Парижа; когда на каждомъ шагу

встрѣчаются ей мужчины, готовые окружить ее тѣми же наслажденіями жизни, — что можетъ мѣшать ей отказаться отъ этихъ предложеній? Чувство нравственности? Да что такое для нея нравственность? Кто говорилъ ей о нравственности хоть одно слово! Напротивъ, и литература, и нравы всего ее окружающаго говорятъ ей противное. Видя все, ей трудно удержаться отъ сравненія, трудно не желать выдти изъ своего положенія, какой бы то ни было цѣной. Можно даже съ одного ожесточенія кинуться въ крайній развратъ.

Болѣе счастливыя спасаются отъ него. Онѣ рѣдко находятъ мужей, потому что порядочные рабочіе берутъ себѣ женъ изъ семействъ. Но по крайней мѣрѣ она находитъ себѣ любовника. И тутъ не всѣмъ выпадаетъ одинаковый жребій. Иногда связь тянется хоть и долго, но общественное положеніе женщины отъ этого не лучше; она не пользуется никакими признанными правами, и зависитъ исключительно отъ доброй воли своего любовника. Если же дѣвушка, которую обольстить вообще не трудно, отдается какому нибудь негодяю, онъ бросаетъ ее скоро. Случается, что какъ только она сдѣлается больной, или приближается время родовъ, любовникъ, изъ страха кормить ее и ребенка, бросаетъ ее подло, и ищетъ новой связи. Что же ей дѣлать? Чѣмъ существовать съ ребенкомъ, когда и для нея одной едва доставало ея заработка? И вотъ новая связь, или же женщина падаетъ еще ниже. Между дѣвушками, кинувшимися въ открытый развратъ, указываютъ много примѣровъ, когда онѣ рѣшились на это, чтобы воспитывать своихъ дѣтей. Паракъ-Дюшателе видѣлъ одну, которая боролась долго, долго, и когда она явилась записаться,—три дня передъ тѣмъ ей уже нечего было ѣсть.

Есть и счастливыя исключенія, но они рѣдки, какъ и вообще сильные характеры, и можно пожалѣть, что героизмъ этотъ долженъ тратиться на мелочную, безвѣстную борьбу въ четырехъ стѣнахъ противъ голодной смерти. Такіе характеры заслуживали бы чего нибудь лучшаго.

IX.

Соперничество тюрьмъ, монастырей и швейной машины.

Какъ экономическое положеніе работницъ, и особенно швей, ни дурно, но конкурренція успѣла явиться и тутъ, чтобы дурное сдѣлалось еще болѣе дурнымъ. Конкурренція швейной машины и магазиновъ, заготовляющихъ въ огромныхъ размѣрахъ, по крайней мѣрѣ, не противорѣчитъ существующему общему экономическому порядку. Но чѣмъ оправдать благотворительныя заведенія, монастыри и тюрьмы, которыя портятъ совершенно практику бѣдныхъ швей?

Относительно тюрьмъ во Франціи существуетъ такой порядокъ. Содержаніе тюрьмы и всѣхъ арестантовъ, въ ней находящихся, сдается съ торговъ одному лицу; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пріобрѣтаетъ право пользоваться ихъ трудами. Съемщикъ располагаетъ арестантами вполнѣ, какъ крѣпостными людьми. Онъ можетъ заставить ихъ работать на себя лично, если онъ самъ

фабрикантъ; или же продастъ ихъ трудъ другимъ, одному или многимъ фабрикантамъ, безъ всякаго посредства и вмѣшательства правительства. Поденная плата опредѣляется особой таксой, утвержденной правительствомъ, и весь заработокъ дѣлится на три части: одна арестанту, другая въ казну, третья съемщику. Вотъ первая причина, почему тюремная работа выгоднѣе для хозяина работы вольнымъ трудомъ; часть поденной платы, которую онъ обязался платить, онъ удерживаетъ у себя. Далѣе, арестантъ имѣетъ даровое помѣщеніе, одежду, ѣду, освѣщеніе, отопленіе; у него нѣтъ прогуловъ, потому что для него работа всегда готова; во время болѣзни онъ имѣетъ готовое даровое лѣченье. Ничѣмъ этимъ не пользуется свободный рабочій; слѣдовательно арестантъ работаетъ выгоднѣе, и производитъ дешевле. Опасность такой конкурренціи для вольнаго рабочаго очевидна.

Но кромѣ подрыва въ цѣнѣ, тюрьмы, вслѣдствіе этого самаго, конкуррируютъ и въ количествѣ работы. Вотъ одинъ примѣръ. Центральныя тюрьмы въ 1858 году дѣлали конкурренцію работѣ вольныхъ швей 3.506 работницами, производившими по пониженной цѣнѣ въ теченіе 1.122.544 дней. Въ Бельгіи понимаютъ лучше опасность тюремъ для вольнаго труда. Тамъ работа арестантовъ идетъ или для ихъ собственныхъ потребностей или назначается для войска.

Монастыри, учрежденныя ими благотворительныя заведенія, извѣстныя подъ названіемъ мастерскихъ (ouvroirs), и разныя благородныя дамы, занимающіяся шитьемъ для продажи, вредятъ еще больше бѣднымъ швеямъ по профессіи.

Разумѣется, и монахини, и благородныя дамы, имѣютъ полное право заниматься работой на продажу; благотворительныя заведенія оказываютъ тоже большую услугу обществу, давая занятіе и воспитаніе множеству бездомныхъ или покинутыхъ дѣвушекъ; тѣмъ не менѣе они дѣйствуютъ въ подрывъ бѣднымъ работницамъ, у которыхъ для существованія нѣтъ другихъ источниковъ, кромѣ ихъ труда.

Въ Парижѣ на сто дюжинъ рубашекъ, поступающихъ въ продажу, восемьдесятъ пять дюжинъ шьются въ монастыряхъ. Не одни дѣвушки и женщины монастырскихъ мастерскихъ занимаются ихъ шитьемъ. — монахини тоже. Но если бы эти самыя монахини жили въ свѣтѣ, то ужъ, разумѣется, большая часть изъ нихъ не занималась бы шитьемъ. Живя въ монастыряхъ на счетъ монастырскихъ доходовъ, для нихъ нѣтъ необходимости добывать еще деньги; къ тому же монастырскія постановленія налагаютъ на нихъ правила строгой жизни, и слѣдовательно, увеличеніе дохода не можетъ и не должно измѣнить этой жизни. Работая такимъ образомъ безъ нужды и больше по обряду, или для того, чтобы избѣгнуть праздности, онѣ могутъ понижать свой заработокъ, рѣшительно какъ имъ вздумается. Но положеніе вольной швеи не то; она живетъ своей задѣльной платой; торговаться съ ней, чтобы понизить эту плату, значитъ торговаться на ея жизнь; всякій сантимъ, который она уступитъ, есть для нея новое какое нибудь лишеніе; а лишеніямъ этимъ есть наконецъ и предѣлъ.

Обыкновенно монастырское вышиванье и шитье считаютъ лучшимъ, чѣмъ

работу вольныхъ швей. Это справедливо. Монахини, которыхъ ничто не торопитъ, могутъ работать медленно, и слѣдовательно хорошо; для бѣдной швеи это менѣе возможно; количество ея труда есть для нея мѣра средствъ ея существованія. Такимъ образомъ, монастырская работа можетъ быть и лучше по качеству, и дешевле въ цѣнѣ. Обыкновенное пониженіе на монастырскую работу составляетъ 25%. Въ настоящее время за грубыя рубашки монастыри берутъ отъ 25 до 60 сантимовъ. Обыкновенно хорошая вольная швея не можетъ сдѣлать въ день болѣе двухъ рубашекъ въ 60 сантимовъ и трехъ въ 25 сантимовъ. А расходы на иголки, нитки, а зимой на освѣщеніе?

Тоже самое можно сказать о конкурренціи дамъ, которыя пользуются своимъ временемъ, чтобъ увеличить нѣсколько свои средства. Женщина, сидящая за конторкой магазина, мать, идущая съ дѣтьми гулять, очень часто заняты какимъ нибудь рукодѣльемъ. Еще хорошо, если это дѣлается потому, что трудъ мужа недостаточенъ для содержанія семейства; но чаще всего вышивка идетъ на суетное удовольствіе, на покупку одного лишняго наряда. Тутъ время ужъ не цѣнится, работа продается за безцѣнокъ. Не цѣня такимъ образомъ время, барыни вовсе не думаютъ, что они торгуютъ не своимъ, а чужимъ временемъ.

Довольно трудно сказать, до какого размѣра доходитъ эта торговля обезпеченныхъ женщинъ, добывающихъ себѣ деньги единственно на прихоти, на удовлетвореніе своей суетности. Многіе изъ отцовъ семействъ вовсе не подозрѣваютъ, что блестящія бездѣлушки, вышиваемыя домашними предъ ихъ глазами, запроданы или даже заказаны какимъ нибудь магазиномъ изъ улицы Saint-Denis. Почти всѣ вышивки, дѣлающіяся въ Парижѣ на кисеѣ, или на матеріяхъ, идутъ изъ этого источника. Также и кошельки, фоте, сѣтки, вышивки для мебели, туфли, подушки и т. д.,—однимъ словомъ то, что называется у насъ рукодѣльемъ.

Единственнымъ спасеньемъ швей противъ монастырей и ихъ благотворительныхъ заведеній служатъ спѣшные заказы магазиновъ. Въ году всегда есть время, когда наплывъ требованій заставляетъ производить вдругъ и очень много. Напримѣръ, измѣненіе моды, внезапная перемѣна въ воздухѣ, наступленіе новаго сезона, праздника. Въ этихъ случаяхъ на монастыри, работающіе хоть и хорошо, но медленно, расчитывать нельзя—они работаютъ регулярно, въ опредѣленные часы, и не станутъ просиживать ночей. Наконецъ, и работницы для этого должны быть подъ руками, и вотъ пора парижскихъ швей. Но и тутъ имъ грозитъ опасность со стороны магазиновъ готовыхъ вещей, заготовляющихъ все въ огромныхъ размѣрахъ. Капризы, самые требовательные, могутъ быть удовлетворены богатствомъ выбора. Купецъ, спекулирующій въ огромномъ размѣрѣ, рискуетъ менѣе; онъ пошлетъ въ провинцію, что не нашло себѣ сбыта въ Парижѣ, и отправитъ за границу, что не нашло сбыта въ провинціи. Несвязанный, такимъ образомъ, своими клієнтами, онъ болѣе независимъ и отъ мѣстныхъ работницъ. Онъ мо-

жетъ дѣлать заказы далеко, во многихъ мѣстахъ, и этимъ беретъ совершенный перевѣсъ надъ рабочими.

Но послѣднее и самое ужасное, что начинаетъ угрожать швеямъ, — это швейная машина. Если она начнетъ одолѣвать ручную работу, то съ швеями сдѣлается тоже, что уже случилось съ ручными ткачами и прядильщиками, когда машины оставили массы рабочихъ населеній совершенно безъ работы. А что это время близко, сомнѣваться невозможно; въ Парижѣ уже объявляютъ о «мануфактурахъ платья», и вѣроятно скоро начнутъ шить паровыми машинами.

Швейная машина обратила на себя во Франціи особенное вниманіе на выставкѣ 1855 года. Съ тѣхъ поръ сдѣлано было въ ней много улучшеній, взято много привилегій, и въ настоящее время пять или шесть болѣе главныхъ изобрѣтателей стараются одинъ передъ другимъ обратить на свое изобрѣтеніе вниманіе публики. Швейная машина занимаетъ вообще мало мѣста, ее можно даже поставить передъ собой на столъ. Машина Кальбо дѣлаетъ сто стежковъ въ минуту, и слѣдовательно въ десять часовъ работы ею можно сшить дюжину перчатокъ; въ парѣ перчатокъ среднимъ числомъ 3150 стежковъ. Швейными машинами шьютъ уже во Франціи кожу, разныя матеріи, обшиваютъ шляпы, и даже употребляютъ ихъ для разныхъ вышивокъ. Шовъ выходитъ прочный, правильный, и можетъ быть такъ тонокъ, какъ нужно.

Насколько машинная работа будетъ выгоднѣе ручнаго шитья, сказать еще нельзя точно. Изобрѣтатели, преувеличивая достоинство своихъ машинъ, увѣряютъ, что они шьютъ въ десять разъ скорѣе, чѣмъ швеи. Но это едва ли такъ. Вообще принимаютъ, что машина можетъ сшить въ день 18 рубашекъ, такихъ, какую обыкновенная швея шьетъ четыре часа. Слѣдовательно, заработная плата за рубашку можетъ упасть до 20 сантимовъ.

Теперь еще швейныя машины въ небольшомъ ходу; этому мѣшаетъ частью не совершенное знакомство съ выгодами машиннаго шитья, а частью и дороговизна машинъ; самая дешевая машина стоитъ 200 франковъ, есть въ 500, а машина для шитья кожи стоитъ 900 франковъ. И пока машины будутъ дороги, а это будетъ тянуться до конца привилегій, взятыхъ на нихъ, не возможно ожидать, чтобы отдѣльные рабочіе стали бы ими обзаводиться. Ихъ начнутъ покупать тюрьмы, монастыри, благотворительныя заведенія, большіе торговые дома и полки, т. е. какъ разъ тѣ, кто скорѣе всего можетъ обойтись безъ машинъ. Въ тюрьмѣ св. Лазаря въ Парижѣ уже есть 36 машинъ, и почти всѣ главныя тюрьмы Франціи и полки обзавелись ими. Въ сентябрѣ 1859 года считалось въ полкахъ 481 машина. Полки, въ этомъ случаѣ, менѣе всего опасны. Они всегда работали для себя. Но тюрьмы и монастыри, эти заведенія нравственности и порядка, существующія для подкрѣпленія нравственныхъ и для поддержанія падшихъ, выступивъ на экономическій путь, и плѣнившись выгодами промышленныхъ предпріятій, сдѣлаютъ въ жизни швей самый ужасный переломъ. Если они поглотятъ только двѣ трети ручной работы,—въ дѣйствительности же будетъ болѣе, по-

тому-что теперь изъ 100 дюжинъ 85 шьютъ монастыри, а усовершенствованная швейная машина будетъ замѣнять десять работницъ, —то изъ 60,000 парижскихъ швей пятьдесятъ восемь тысячъ очутятся безъ хлѣба, и имъ останется только выбрать одно изъ четырехъ положеній—или умереть съ голоду, или кинуться въ развратъ, или отправиться въ монастырь, или же наконецъ сдѣлать преступленіе, чтобы найти въ тюрьмѣ готовое помѣщеніе, со столомъ и даже работой.

X.

Помощь буржуазіи и попытки пролетарія.

Чтобы объяснить себѣ причины бѣдности рабочихъ классовъ, защитники отживающаго экономическаго порядка не затруднились обвинить самого рабочаго. Въ чемъ же вина его? Вина его въ томъ, что онъ бѣденъ, что у него нѣтъ любви къ труду, что онъ невѣжественъ, беззаботенъ, развратенъ, или,— формулируя все это однимъ словомъ, — въ немъ не находитъ «предусмотрительности». Непредусмотрительность вотъ первая причина бѣдности, нищеты, пауперизма. Уничтожьте рядъ гнусныхъ пороковъ, которые опредѣляются однимъ словомъ «непредусмотрительность», и съ ней исчезнетъ бѣдность. Такъ разсуждаютъ моралисты, экономисты и филантропы. Съ своей точки зрѣнія они, разумѣется, правы; но если невѣжество и непредусмотрительность точно главная причина бѣдности, то откуда же взялись они? Моралистамъ нужна образованность. Что же? создайте довольство, съ нимъ явится возможность устраненія невѣжества. Съ устраненіемъ невѣжества поднимется уровень цивилизаціи; съ большимъ умственнымъ развитіемъ придетъ и способность смотрѣть нѣсколько дальше завтрашняго дня. Предусмотрительность есть непремѣнное качество людей, стоящихъ уже на извѣстной степени образованія; дикарь не владѣетъ этой способностью. Значитъ, поставьте человѣка выше того предѣла понятій, при которомъ предусмотрительность невозможна, и она явится. А чтобы поставить человѣка выше этого предѣла ему нужно дать средства для образованія, дать ему возможность не только желать учиться, но и имѣть возможность учиться, т. е. избавить его отъ нищеты. Такимъ образомъ приходимъ къ обратному выводу: вмѣсто того, чтобы для избавленія человѣка отъ нищеты вселять въ него предусмотрительность, придется, для развитія въ немъ предусмотрительности, избавить его отъ нищеты. Полагая, что невѣжество и непредусмотрительность создала бѣдность, моралисты, частью изъ трусости, частью по невѣдѣнію, частью изъ своекорыстія, стали проповѣдывать пользу бережливости. Нѣкоторые, напримѣръ Эмиль Лоранъ (Le Paupérisme et les associations de Prévoyance), дошли до того, что въ бережливости видѣли вполнѣ спасеніе бѣдняка, источникъ его благосостоянія и начало нравственности. По ихъ мнѣнію, она всегда дѣлала и будетъ производить чудеса. Въ ней нѣтъ ничего безнравственнаго, ничего очерствляющаго, не порождающаго никакихъ дурныхъ наклонностей, не развивающаго дурныхъ инстинктовъ и эгоизма;

напротивъ, въ ней источникъ самыхъ возвышенныхъ и прекрасныхъ чувствъ, справедливости, правды и тому подобнаго. Послѣдователи этого мнѣнія, если они разсуждаютъ на основаніи теоретическихъ положеній, вполнѣ правы, потому что всякій капиталъ есть сбереженіе; но переходя на практическую почву, вникая въ положеніе современнаго рабочаго пролетарія, всѣ эти громкія фразы теряютъ всякій смыслъ, по той простой причинѣ, что рабочему не изъ чего экономничать. Трудами его пользуется другой, и оставляетъ рабочему изъ созданныхъ имъ цѣнностей или продуктовъ ровно такую долю, какая позволяетъ рабочему не умереть съ голоду и не лишаетъ его способности быть рабочей силой. Изъ чего же тутъ экономничать? Откуда и для чего взяться предусмотрительности, когда нечего предусматривать? Но благотворители мало обращаютъ вниманія на дѣйствительные признаки бѣдности, на дѣйствительную невозможность рабочаго бороться съ обстоятельствами, которыя дѣлаютъ его пролетаріемъ. Вотъ почему они предлагали до сихъ поръ только палліативы, и вотъ почему всѣ ихъ попытки и стремленія не привели ни къ чему дѣйствительно полезному. Главная причина въ томъ, что за дѣло брались люди, не умѣвшіе стать въ положеніе пролетарія, и вотъ почему во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда на помощь рабочему шла буржуазія, она показывала полнѣйшее незнаніе того, за что она бралась. Оставаясь вѣрной своимъ принципамъ, она хотѣла лѣчить болѣзнь всего организма частными средствами, подводя всѣ ихъ къ благотворительности. Понятно, что изъ этого не только не выходило ничего,—напротивъ, еще зло увеличивалось, и рабочій падалъ еще ниже въ нравственномъ отношеніи.

При всѣхъ кажущихся прекрасныхъ сторонахъ благотворительности, не нужно забывать, что вмѣстѣ съ вопросомъ вспомоществованія рабочему, въ ней заключается и другой вопросъ, вопросъ о безопасности буржуазіи. Вотъ въ чемъ главнѣйше и слѣдуетъ искать причину щедрости буржуазіи и заботливости ея о положеніи рабочаго. Ему готовы всегда помочь, если онъ, какъ послушное дитя, выполняетъ все, что ему велятъ, ведетъ себя смирно и не забывается, что его хозяева — буржуа, его кормильцы и благотворители. Только о такихъ послушныхъ дѣтяхъ и заботятся, имъ только и помогаютъ. Если же рабочій вздумалъ бы приняться самъ за разрѣшеніе своего вопроса, то это ему не всегда позволятъ, и смотря потому, какимъ путемъ вздумаетъ онъ идти къ разрѣшенію своей задачи; есть и разныя средства положить конецъ этому. Еще въ нынѣшнемъ году, въ отвѣтъ на экономическій вопросъ, возбужденный рабочими въ Бельгіи, правительство послало нѣсколько батальоновъ солдатъ.

Во многихъ частныхъ случаяхъ прямая помощь есть единственное средство спасти отъ нищеты и голодной смерти; но этотъ способъ помощи, взятый вообще какъ система, покуда негодится. Она не только не уменьшаетъ бѣдности, напротивъ, дѣлаетъ ее наслѣдственной и создаетъ нищенство. Вездѣ, гдѣ общественная благотворительность выражается исключительно въ раздачѣ милостыни, народонаселеніе становится нормальное, развивается лѣность, является ханжество, лицемѣріе; но гдѣ взамѣнъ милостыни предла-

гаютъ работу, нищій смѣняется рабочимъ. Даже во Франціи было сдѣлано замѣчаніе, что какъ только городъ начинаетъ раздавать милостыню, со всѣхъ сторонъ стекаются нищіе; если же онъ открываетъ мастерскія, тѣ же нищіе являются рабочими. И въ этомъ заключается вся сущность вопроса: рабочему нужна работа, средства и орудія работы, а не милостыня.

Такимъ образомъ, милостыня портитъ рабочаго въ нравственномъ отношеніи, и въ тоже время она совершенно безсильна спасти его отъ нищеты. Причину безсилія понять легко. При существующей системѣ распредѣленія результатовъ труда, рабочій получаетъ наименьшую долю продукта; большая идетъ капиталисту. Капиталистъ, побуждаемый помогать бѣдному, и можетъ быть тому же самому рабочему, на счетъ котораго онъ богатѣетъ, отдаетъ самую ничтожную часть изъ своей большой доли, а остальнаго не дастъ. Слѣдовательно рабочему, да и то не всякому, достанется меньшая часть изъ того, что онъ дѣйствительно выработалъ. Все остальное пристаетъ къ капиталамъ, и увеличивая ихъ силу, въ тоже время создастъ новыхъ бѣдняковъ, на счетъ которыхъ ростутъ новые капиталы. Въ этихъ капиталахъ рабочій опять получаетъ свою долю въ видѣ милостыни, которая далеко ниже той части продукта, созданнаго его трудомъ, которая ушла въ руки капиталиста. И такъ все идетъ дальше и дальше: съ одной стороны увеличиваются постоянно капиталы, скопляющіеся въ рукахъ немногихъ, съ другой — увеличивается число бѣдныхъ, нуждающихся въ помощи.

Безсиліе благотворительности, вполнѣ очевидное даже изъ этого краткаго соображенія, подтверждается, разумѣется, и практикой благотворительности. Оно и не можетъ быть иначе, и при всей изобрѣтательности филантроповъ, и при разнообразіи способовъ, придуманныхъ ими, результаты, къ которымъ они пришли, показываютъ вполнѣ ихъ безсиліе и несостоятельность системы. Люди или трусятъ, или не хотятъ, или не умѣютъ взглянуть на дѣло прямо, поставить вопросъ какъ слѣдуетъ. Тамъ, гдѣ слѣдуетъ лѣчить коренными средствами, они только подмазываютъ, и потомъ сами же удивляются, что изъ этого нѣтъ никакого толку.

Существующая система вспомоществованія бѣднымъ заключается или въ непосредственной раздачѣ средствъ существованія, или въ учрежденіи благотворительныхъ заведеній.

Прямая помощь, преимущественно раздача денегъ, хоть и велика, но бѣдность гораздо сильнѣе ея, и число нуждающихся увеличивается годъ отъ году больше. Во Франціи на 12 жителей считается одинъ нуждающійся, т. е. 8% всего населенія. Что же сдѣлала для нихъ филантропія? Изъ 36,820 комунъ, при населеніи въ 35,400,486 душъ (1847) 9,336 комунъ, съ населеніемъ въ 16,521,883 человѣкъ, имѣли конторы благотворительности. Число бѣдныхъ, внесенныхъ въ списки, составляло 1,329,659. Изъ числа конторъ, существующихъ теперь, 1,062 не имѣютъ никакого капитала, 7,000 получаютъ доходу менѣе 1,000 франковъ, 5,400 менѣе 500 фр., 2,000 менѣе 100 франковъ, а 145 не получаютъ и 10 франковъ въ годъ. Общіе расходы поглощаютъ отъ $^1/_6$ до $^1/_3$ дохода. Сколько же остается для бѣдныхъ? Среднимъ числомъ при-

ходилось на бѣднаго 12 фр. 70 с.; но это средняя цифра, въ дѣйствительности же нѣсколько иначе, а именно 77 конторъ давали въ годъ каждому бѣдному менѣе франка, а другія 77 конторъ не дали ровно ничего, и вообще годичная помощь, начиная съ одного сантима въ годъ на бѣднаго, доходила до 899 фр. 51 сант., т. е. однимъ не доставалось ровно ничего, другимъ слишкомъ много, и вообще для наибольшаго числа бѣдныхъ рѣшительно все равно, существуетъ ли благотворительность, или нѣтъ. Если-бы имъ не давали ровно ничего, положеніе ихъ не было бы хуже. Въ Парижѣ тотъ же порядокъ. Тамошнее благотворительное общество имѣетъ на своемъ попеченіи 20,912 ребенковъ; въ его больницахъ 7.172 кровати. Бюджетъ общества болѣе 24 милл. франковъ. Налогъ на спектакли даетъ ему болѣе 14 милліоновъ, и наконецъ оно получаетъ отъ города болѣе 8 милліоновъ на текущіе, обыкновенные расходы, не считая помощи чрезвычайной, бѣлья, платья, мебели. Каждый годъ общество получаетъ еще суммы отъ частныхъ благотворителей; оно устраиваетъ балы, лотереи—и все-таки парижская бѣдность сильнѣе его двадцати-четырехмилліоннаго бюджета. Если посмотрѣть на все, что дѣлается во Франціи для бѣдныхъ, то поражаешься громадностью усилій и ничтожностью результатовъ. По изслѣдованію Легуа (Legoyt), оказывается, что въ 1853 г. расходы благотворительныхъ обществъ составляли 17.349.937 франковъ; изъ нихъ 12,328,467 фр. или 71.05% были употреблены на вспомоществованіе, и 2,238,148 на содержаніе конторъ. При всѣхъ усиліяхъ обществъ, число бѣдныхъ все растетъ. Въ 1833—1847 годахъ ихъ было 731,311, а къ 1853 году число ихъ возросло до 1.022,996, т. е. увеличилось на 40%, тогда какъ народонаселеніе только на 8.05%. Съ 1833 по 1837 на 100 жителей число нуждавшихся составляло 2,25, и среднимъ числомъ помощь составляла 9 фр. 44 сант. на человѣка; а въ 1853 г. бѣдныхъ было 2.86 на сто и помощь возросла до 12 фр. Въ теченіе 60 лѣтъ, что существуютъ во Франціи благотворительныя общества, имъ удалось спасти отъ нищеты всего только одно семейство. А въ спискахъ настоящаго времени стоятъ бѣдные, дѣды и отцы которыхъ значились въ спискахъ 1802 и 1830 годовъ. Въ Англіи совершенно то же: тѣ же громадныя усилія и та же безплодность результатовъ. Тамъ на 19 милл. населенія считается 1,876,000 нуждающихся, занесенныхъ въ списки бѣдныхъ, т. е. почти 10%. Налогъ на бѣдныхъ составлялъ болѣе 6 милл. стерлинговъ,—и число бѣдныхъ не уменьшается, напротивъ, увеличивается. Въ чемъ же польза такой благотворительности? И какъ опытъ не убѣдилъ до сихъ поръ филантроповъ, что этимъ путемъ имъ не разрѣшить вопроса; что отвѣтъ на него лежитъ глубже, чѣмъ они ищутъ; что давать бѣдному только часть того, что онъ добылъ своимъ трудомъ, вовсе еще не значитъ дѣлать для него благодѣяніе. И отчего филантропы, возвращающіе бѣдному только часть ему недоданнаго, не задаютъ себѣ вопроса: гдѣ же остальная часть? Вотъ вопросъ, къ которому благотворители боятся подступить, частью по незнанію дѣла или неспособности понять его, частью изъ трудности, или, наконецъ, изъ своекорыстія. Не умѣя разрѣшить вопроса въ корнѣ, они идутъ путемъ безполезной чувствительности и еще плодятъ зло, которое бы

имъ хотѣлось уничтожить. Создавая своей помощью бѣдность наслѣдственную, они плодятъ бѣдныхъ: на мѣсто одного выбывшаго бѣдняка, является десять кандидатовъ, —а въ цѣломъ выходитъ только мгновенная и совершенно недостаточная помощь отдѣльнымъ лицамъ. А развѣ нужно только это? Благотворители-буржуа и сами знаютъ, что нѣтъ; они знаютъ также, что если существующій экономическій порядокъ не измѣнится, если число бѣдныхъ и благотворителей будетъ расти въ той же прогрессіи, какъ это было до сихъ поръ, то отчего же Европѣ не повторить старую исторію, когда римскіе императоры раздавали хлѣбъ голодному и праздному народу? Но этого, разумѣется, не хочетъ ни одинъ самый заклятый благотворитель; а въ такомъ случаѣ нужно идти другимъ путемъ, и если ни буржуазія, ни благодѣтели не могутъ выдумать ничего сами, пусть они уступятъ свою роль народу; не будетъ ли онъ посчастливѣе.

Къ такимъ же безплоднымъ результатамъ пришла филантропія и въ своихъ другихъ учрежденіяхъ, и они—та же милостыня, но въ другой формѣ. Больницы, разумѣется, лучше изъ всего придуманнаго; но развѣ для всѣхъ больныхъ въ нихъ есть мѣсто? Моралисты идутъ и еще дальше. Они находятъ, что больницы уничтожаютъ поводъ къ жертвѣ и возможность той солидарности горя и радости, которая образуетъ наиболѣе тѣсную и крѣпкую связь между людьми. Они находятъ большимъ несчастіемъ для больнаго и для его семейства, если его отрываютъ отъ семьи и помѣщаютъ въ больницу, когда домашніе, цѣною жертвы, могли бы лѣчить его дома. Замѣчаніе это хоть и тонко, но справедливо, и подтверждается практикой людей со средствами,—они не отправляютъ своихъ больныхъ въ госпитали. Если они дѣлаютъ это не ради солидарности горя и радости, а изъ одной неувѣренности въ успѣхѣ госпитальнаго лѣченія, вопросъ нисколько не мѣняется въ своей сущности. И бѣдные хотѣли бы, чтобы ихъ лѣчили хорошо, и имъ бы не хотѣлось разставаться съ своими больными, и у нихъ нѣтъ недостатка въ моральномъ побужденіи на жертву; но гдѣ у нихъ возможность осуществить его, гдѣ у нихъ деньги? Всѣ кабинетныя разсужденія благотворителей, все, что они дѣлали, дѣлаютъ и думаютъ дѣлать, прежде всего невѣрно въ самомъ основаніи. Они разсуждаютъ о какой-то солидарности горя и радости, о необходимости развивать и поддерживать это чувство въ бѣдномъ рабочемъ; но въ то же время, при кажущейся искренности и гуманности своихъ побужденій и стремленій, они видятъ въ рабочемъ человѣка не бѣлой кости, человѣка, который можетъ довольствоваться тѣмъ, что не нравится или не годится для людей со средствами болѣе значительными. Рабочему предлагаютъ говядину, которую не хочетъ ѣсть буржуа; ему предлагаютъ квартиру, которую человѣкъ другой кости считаетъ для себя нездоровой; наконецъ ему предлагаютъ госпиталь, отъ котораго человѣкъ со средствами бѣжитъ съ отвращеніемъ и боязнью. По ихъ мнѣнію, что не годится для буржуа со средствами, то долженъ бѣдный рабочій принимать, какъ благодѣяніе. Но будто бы это такъ! Будто бы сердце рабочаго составлено изъ другихъ элементовъ? Будто бы онъ чувствуетъ по другому закону? Будто бы, когда богатому кажется,

что на дворѣ холодно и мокро, рабочій находитъ, что на дворѣ тепло и сухо? Существующая система благотворительности, выражающаяся въ подачкахъ разнаго рода, совершенно безсильна передъ сокрушающей силой настоящаго экономическаго порядка Европы, и бѣдный стоитъ внѣ всякой возможности осуществить на практикѣ бо́льшую часть своихъ человѣческихъ побужденій, если для этого нужны денежныя средства, которыхъ у него едва достаетъ на то, чтобы существовать.

Экономическій порядокъ, особенно развившійся съ послѣдними изобрѣтеніями въ области промышленности, разрушивъ рабочую семью, замѣнивъ бракъ короткой любовной связью, долженъ былъ привести къ тѣмъ результатамъ, которые наконецъ такъ испугали всѣхъ. Пошли дѣти внѣ брака, пошли подкидыши, а у бѣдныхъ для воспитанія своихъ законныхъ дѣтей недоставало средствъ. Что дѣлать со всѣми этими дѣтьми, какъ ихъ кормить? Вездѣ, особенно въ фабричныхъ округахъ, число убійствъ дѣтей, число дѣтей, подкинутыхъ не только къ богатымъ, но даже на паперти церквей и ко вдовцамъ, стало увеличиваться въ огромномъ размѣрѣ. И вотъ придумали воспитательные дома. Но развѣ воспитательные дома измѣнили хоть на волосъ порядокъ? Развѣ они убавили число незаконныхъ рожденій, число подкидышей? развѣ они дали бѣднымъ средства содержать своихъ дѣтей дома? Но вѣдь благотворители и учреждали ихъ совсѣмъ не для того, чтобы дать бѣднымъ средства содержать своихъ дѣтей дома. А если это такъ, то очевидно, что благотворители придумали свои дома для того, чтобы еще больше разорвать и безъ того уже распадавшуюся семью. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же поддерживать семью всѣми законодательствами, зачѣмъ разсуждать о ней въ теоріи, разрушая ее въ то же время на практикѣ? На это обстоятельство благотворители не обратили никакого вниманія. Или, можетъ быть, дѣтей воспитывали и воспитываютъ въ духѣ семьи? Тоже нѣтъ. Напротивъ, еще отъ матери прятали ея дитя, матери не позволяли знать своего ребенка, а ребенку свою мать. Или, можетъ быть, воспитательные дома представляютъ что нибудь хорошее въ гигіеническомъ отношеніи? И даже этого въ нихъ нѣтъ. Смертность въ воспитательныхъ домахъ страшная, и причина этого лежитъ въ стадномъ кормленіи и воспитаніи дѣтей. Въ воспитательныхъ домахъ нѣтъ, да и не можетъ быть ничего общаго съ семьей; у ребенка тамъ нѣтъ матери, за нимъ ходитъ казенная нянька, и дитя выростетъ «казеннымъ», чѣмъ-то оторваннымъ отъ всего міра, какой-то одиночкой. Ужъ, разумѣется, не этимъ путемъ, не стаднымъ воспитаніемъ возстановятъ благотворители разрушающуюся семью, о которой такъ плачутся моралисты, противорѣчащіе на практикѣ своей собственной теоріи.

Пріюты тоже вещь прекрасная. Они чисты, опрятны, смотрятъ очень весело, и если сравнить самый плохой пріютъ съ помѣщеніемъ родителей дитяти, туда взятаго, то нетрудно придти къ убѣжденію, что, вырывая дитя изъ грязи и отравляющей атмосферы его дома, пріютъ спасаетъ ребенка отъ смерти. Но развѣ тутъ не та же стадность? развѣ не по одному таблону дѣлятъ воспитаніе дѣтей? Развѣ пріютъ пріучаетъ къ семьѣ, развѣ онъ замѣ-

пяетъ попеченіе матери и пріучаетъ къ быту, который ожидаетъ впослѣдствіи ребенка? Пріюты хороши въ фабричныхъ и мануфактурныхъ мѣстностяхъ, они, разумѣется, лучше, чѣмъ ничего, т. е. лучше, если ребенокъ сидитъ въ свѣтлой и сухой комнатѣ, чѣмъ полоскается одинъ въ грязной лужѣ среди улицы. Но развѣ кто нибудь изъ достаточныхъ людей помѣститъ своего ребенка въ воспитательный домъ или въ пріютъ? Нѣтъ. А если это худо для дѣтей людей со средствами, то отчего же то же самое худое должно сдѣлаться хорошимъ для людей бѣдныхъ? Отчего семейная связь, нужная для однихъ, ненужна для другихъ? Слѣдовательно, очевидно, что пріюты служатъ больше для услажденія самихъ благотворителей; не разрѣшая нисколько вопроса о возстановленіи семьи и уничтоженіи бѣдности рабочихъ классовъ.

Въ той же степени неудачны были и остальныя попытки благотворительной буржуазіи. Замѣтивъ, что прямая помощь деньгами достигаетъ рѣдко цѣли, что рабочій не всегда употребляетъ ихъ на дѣло, а большею частью относитъ въ кабакъ, филантропическія общества придумали средства другаго рода: они стали оказывать помощь бѣднымъ натурой. Но развѣ и эту помощь нельзя пропить? Въ большихъ городахъ есть охотники вымѣнять рабочему всякую вещь на водку. Рабочему даже и не нужно хлопотать самому объ этомъ, — мѣнялы придутъ къ нему и на домъ. Догадавшись, что этотъ способъ помощи придуманъ не совсѣмъ удачно, филантропы стали строить экономическія кухни и снабжать бѣдныхъ готовой пищей безденежно или за самую незначительную плату. Такія экономическія кухни существуютъ почти во всѣхъ большихъ городахъ, но несмотря на постоянно возрастающіе размѣры благотворительности, они не въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ: число голодныхъ желудковъ постоянно больше числа раздаваемыхъ порцій, а повидимому низкая цѣна порцій для множества бѣдныхъ все еще слишкомъ высока и, слѣдовательно, недоступна. Наконецъ система эта, въ основаніи совершенно невинная, т. е. нисколько неспособная спасти рабочаго отъ нищеты, дать ему средства для независимаго существованія, превратить его изъ нищаго, пользующагося подачкой, въ рабочаго, имѣющаго постоянный заработокъ,—дурна въ томъ отношеніи, что убивая въ бѣдномъ чувство собственнаго достоинства, она не уничтожаетъ, напротивъ, еще увеличиваетъ нищенство. Куда идти, въ чемъ искать спасенья? Всѣ эти дѣтскія выдумки, какъ нарочно, именно такого свойства, что, вмѣсто уменьшенія, напротивъ увеличиваютъ число бѣдныхъ, готовыхъ жить на чужой счетъ, ничего не дѣлая. Моралисты пришли въ ужасъ. Разумѣется, они испугались напрасно; все это слѣдовало имъ знать ранѣе, на основаніи той солидарности горя и радости, которая имъ такъ правится. Если богатый живетъ трудомъ бѣднаго, и это не только никого не пугаетъ, напротивъ, признается учеными нормальнымъ состояніемъ настоящаго европейскаго общества, то отчего же бѣдному рабочему не жить на счетъ богатаго буржуа. Послѣднее, говорятъ, худо, а чѣмъ же хорошо первое? Бѣдный долженъ работать,—согласны; онъ и работаетъ: а если, по милости сумасшедшей промышленной конкурренціи или по глупости фабриканта, рабочій останется безъ работы,—гдѣ возьметъ онъ средства для существованія, когда

у него недостаетъ силы протянуть руку за милостыней? Или умирать ему съ голоду? Разумѣется нѣтъ. Если ему приходится выбирать между нищенствомъ и голодной смертью, то онъ выберетъ нищенство. Какъ же послѣ этого филантропы не умѣютъ понять, что невозможно согласить несогласимое, что нельзя требовать отъ бѣднаго, неразвитаго человѣка какихъ-то высокихъ моральныхъ качествъ, чувства собственнаго достоинства и т. п., когда филантропы въ то же время учатъ рабочаго нищенствовать. Разбирая всѣ эти филантропическія заботы, удивляешься, разумѣется, не тому, что изъ нихъ не можетъ выйдти ничего путнаго,—люди, умѣющіе смотрѣть на вещи прямо, понимали это всегда,—нѣтъ, тутъ больно, что люди, повидимому добрые, способные на жертву, недальновидны въ такой степени, что тратятъ свои силы на игру въ филантропическія бирюльки, что въ нихъ нѣтъ никакой нравственной силы, нѣтъ ни искры правды и справедливости. Впрочемъ, смѣшно и требовать отъ нихъ качествъ противоположныхъ, смѣшно требовать правды, справедливости, нравственной силы. Если бы въ нихъ было все это, очевидно они не стали бы забавляться стряпней въ экономическихъ кухняхъ, они нашли бы для себя другую работу.

Совершенная неудовлетворительность неудачныхъ попытокъ филантроповъ бороться съ зломъ, увеличивающимся все болѣе и болѣе, вызвала другую систему дѣйствій. Явилось что-то среднее, явилась система, построенная на филантропіи, моралистикѣ и экономическомъ началѣ. Первая система, менѣе забавная, въ той же степени поверхностна, какъ и прежнія.

Въ промышленныхъ центрахъ съ небольшимъ населеніемъ торговцы предметовъ, необходимыхъ для рабочихъ, имѣютъ въ рукахъ своихъ совершенную монополію, и берутъ съ рабочихъ цѣны, какія имъ вздумаются. Рабочій не имѣетъ никакихъ средствъ избавиться отъ грабежа мелочныхъ торговцевъ потому, что у него нѣтъ времени ходить за покупками въ ближайшій городъ, гдѣ бы онъ могъ достать все дешевле. Наконецъ, и въ городахъ цѣны, какъ ни кажущіяся болѣе снисходительными, все еще слишкомъ высоки, и рабочій, закупающій все у мелочныхъ торговцевъ изъ третьихъ или четвертыхъ рукъ, получаетъ все хуже, и платитъ за все дороже, чѣмъ покупщики, имѣющіе дѣло съ болѣе значительными торговцами. Сблизить по возможности потребителя съ производителемъ, вотъ основаніе, на которомъ задумали построить новую систему помощи рабочимъ. Не возставая вполнѣ противъ торгующаго сословія, не проповѣдуя его полной безполезности, новая система хотѣла только уменьшить для рабочаго число посредниковъ, и пугала дѣйствительно огромное число людей, живущихъ исключительно торговлей, людей, не увеличивающихъ своимъ трудомъ массы продуктовъ, находящихся въ обращеніи, а между тѣмъ поднимающихъ на нихъ цѣну. Чтобы понять, въ какой степени излишнее число купцовъ, особенно мелочныхъ, поднимаетъ цѣны на продукты, довольно было сравнить цѣну оптовую съ цѣной розничной. Основываясь на точныхъ данныхъ, было выведено, что мелочными закупками рабочему обходится все дороже на 20, 30, а иногда на 50 процентовъ. Вотъ примѣры: въ Брюсселѣ килограммъ говядины продавался за 1 фр. 25 сант., а на разстояніи

25 веретъ—только 65 сант.; гренобльское общество для снабженія бѣдныхъ пищею закупало на 3 фр. такое количество картофеля, за которое въ мелочной продажѣ нужно дать отъ 8 до 10 франковъ. Что было дѣлать, какъ облегчить рабочаго? Посягать на свободу торговли, или силой уменьшить число купцовъ невозможно. Раздавать пищу даромъ, или въ убытокъ себѣ, какъ это дѣлаютъ общества, построенныя на началѣ чистой благотворительности, не ведетъ къ цѣли. Представителямъ новой системы показалось умѣстнѣе всего не ссориться съ существующими порядками, а придавить всѣхъ мелочныхъ торговцевъ, тѣхъ же щипцахъ, какъ и рабочіе, своимъ капиталомъ, т. е. относительно лавочниковъ разыграть роль монополиста-богача. Съ такимъ миролюбивымъ принципомъ основались во многихъ мѣстахъ—въ Германіи, Англіи, Бельгіи, Швейцаріи общества сбереженія, для закупки зимней провизіи. Бѣдные, желающіе покупать провизію отъ общества, объявляютъ о томъ заранѣе, имена ихъ вносятся въ списки, и затѣмъ въ теченіи лѣта каждую недѣлю они вносятъ назначенную сумму, и зимой получаютъ отъ общества провизію. Общество, закупающее все гуртомъ, продаетъ, разумѣется, дешевле, чѣмъ мелочные торговцы. Полезное вліяніе такихъ обществъ, по мнѣнію акціонеровъ, заключается въ томъ, что рабочій пріучается къ экономіи, и даже не смѣетъ быть не экономнымъ потому, что связанъ условіемъ платить въ общество непремѣнно деньги въ извѣстные сроки. Далѣе, онъ не играетъ роль нищаго, и не живетъ подачкой. Но опять старый вопросъ: въ чемъ же для фабричнаго или вообще для всякаго рабочаго и всякаго пролетарія заключается существенная польза отъ такихъ обществъ, выгодныхъ преимущественно для самихъ только акціонеровъ? Даютъ они пролетарію хоть малѣйшую надежду перестать быть пролетаріемъ? Нѣтъ, они, и то только въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, и только для извѣстнаго числа людей, а вовсе не для всѣхъ бѣдныхъ, понижаютъ цѣну на нѣкоторые продукты. А что же остается другимъ? Что станется съ лишними людьми, которые, не имѣя работы, вздумали, какъ англійскіе пролетаріи, торговать пирогами, или какой нибудь вѣтошью? Подрывая такого торгаша, развѣ общество пристроитъ его къ работѣ? Однимъ словомъ, насколько измѣняется вообще положеніе рабочаго?

Кромѣ закупокъ, такія акціонерныя общества устроиваютъ еще рестораны, и дѣйствуютъ чисто на экономическомъ основаніи: они пускаютъ свой капиталъ въ оборотъ и пользуются процентами. Подобныя общества существуютъ въ разныхъ мѣстахъ—и не всѣ учреждены по одному плану. Въ Мюльгаузенѣ, напримѣръ, общество устроило ресторанъ и булочную. Вотъ цѣны, по которымъ отпускаются тамъ кушанья: супъ—5 сант.; говядина (¼ ф.) 10 сант., boeuf à la mode—15 сант., колбаса—15 сант., жареная говядина—20 сант., бѣлое вино—10 сант., красное -15 сант., сыръ—5 сант. Порціи такого размѣра, что можно довольствоваться двумя. Обыкновенно расходы рабочаго на обѣдъ измѣняются отъ 35 до 45 сантим. При всей кажущейся дешевизнѣ, рестораны эти имѣютъ два чрезвычайно важныхъ недостатка: они доступны только для холостыхъ, и дороги. Если рабочій, расходующій на обѣдъ 35 сант., приложитъ еще 20 на завтракъ, то онъ имѣетъ содержаніе

на цѣлый день. Это расходъ небольшой для одного; но вотъ до какихъ размѣровъ онъ вырастетъ для цѣлой семьи. Положимъ, у рабочаго жена и трое дѣтей: значитъ, расходъ на ѣду составитъ для нихъ по нашему разсчету 2 фр. 75 сант. Но кромѣ ѣды, нужно платить еще за квартиру, нужно одѣть всѣхъ, нужно освѣщеніе, отопленіе. Сообразивъ всѣ эти расходы, становится очевиднымъ, что 55 сантим., на человѣка, на ѣду въ день превышаетъ силы даже хорошо поставленнаго рабочаго. Вотъ остальные его расходы:

квартира 7 фр. въ мѣсяцъ,—въ годъ . . .	84 ф.	— с.
отопленіе	62 »	40 »
освѣщеніе	12 »	48 »
содержаніе: т. е.: одежда и прочія вещи . .	50 »	— »
матери	50 »	— »
трехъ дѣтей	50 »	— »
да каждому расходъ на ѣду по 2 фр. 75 с. .	1,003 »	75 »
всего . . .	1,312 фр.	63 с.

Такой расходъ долженъ предполагать постоянный ежедневный заработокъ болѣе 4 фр. 50 сант. Рабочему не позволяется хворать, съ нимъ не должно случаться ничего непредвидѣннаго, ему не остается ничего на ремонтъ хозяйства, т. е. посуды, мебели и т. д. Но гдѣ же рабочіе, получающіе въ день 5 франковъ? Много ли ихъ? А если ихъ мало, и большинство находится въ положеніи много худшемъ, то очевидно, что ему-то именно и нѣтъ никакихъ выгодъ отъ дешевыхъ ресторановъ, что рестораны эти устроены для тѣхъ, кому легче справиться съ дорогими цѣнами; а для кого это трудно, положеніе того нисколько не облегчено. Чѣмъ же послѣ этого гордятся эти экономическія общества, въ чемъ ихъ заслуга? Въ томъ, что они устроили харчевни, въ которыхъ можно ѣсть выгоднѣе, чѣмъ въ ресторанѣ на Итальянскомъ бульварѣ? Ну, это еще не много: во всѣхъ большихъ городахъ есть харчевни, въ которыхъ рабочіе могутъ достать себѣ очень дешевую ѣду; значитъ, сущность новаго открытія въ томъ, что кромѣ харчевенъ, содержимыхъ отдѣльными хозяевами, явились харчевни на акціяхъ, или учреждаемыя компаніями людей со средствами. Что же въ этомъ важнаго? О чемъ шумъ? Чѣмъ тутъ гордиться благотворителямъ и моралистамъ? Или, можетъ быть, у рабочаго явилась увѣренность въ заработкѣ, явилась постоянная работа, фабрикантъ пересталъ его эксплуатировать, или наконецъ измѣнилась система распредѣленія результатовъ труда? Разумѣется, нѣтъ, да и странно было бы думать, что нѣсколько спекулянтовъ, устроившихъ на паяхъ дешевую харчевню, могли и захотѣли бы разрѣшить этотъ вопросъ, какъ слѣдуетъ. Напротивъ, весь ихъ разсчетъ основанъ на бѣдномъ рабочемъ; значитъ, очевидно имъ нѣтъ никакой выгоды идти такимъ путемъ, чтобы пролетарій пересталъ быть пролетаріемъ. Кто станетъ тогда ходить въ эти дешевыя, акціонерныя харчевни?

Совершенно въ томъ же отношеніи хороши и сберегательныя кассы. По

теоріи, выгодныя стороны кассъ заключаются въ томъ, что онѣ спасаютъ рабочаго отъ голодной смерти во время неимѣнія имъ работы, во время болѣзни; поселяютъ въ рабочихъ любовь къ экономіи, удерживаютъ отъ кабака, и укрѣпляютъ ихъ въ семейныхъ добродѣтеляхъ. Противъ всего этого можно возразить однимъ, — что сберегательныя кассы хороши для тѣхъ, кому есть что сберегать. Значитъ, и семейныя добродѣтели, и отвращеніе отъ кабака онѣ поселятъ въ одномъ изъ ста, если не изъ тысячи; а что же остальнымъ? Первый опытъ сберегательной кассы былъ сдѣланъ во Франціи въ 1818 году, — значитъ, вотъ уже сорокъ три года какъ Франція укрѣпляетъ своихъ рабочихъ въ разныхъ добродѣтеляхъ; но гдѣ же эта семейная жизнь, гдѣ это отвращеніе отъ разврата? Оно не только не уменьшилось, еще, напротивъ, увеличилось.

Неудовлетворительность системы сбереженій посредствомъ кассъ поняли наконецъ и сами благотворители. И дѣйствительно, сколько успѣетъ съэкономничать рабочій? И какіе проценты на его ничтожную сумму? Почти нуль. И все это, въ случаѣ промышленнаго кризиса или болѣзни, уйдетъ въ нѣсколько недѣль. А тамъ что? Опять таже бѣдность? Нельзя ли взамѣнъ экономіи предложить рабочему немедленно что нибудь болѣе прочное, — напримѣръ, домъ, землю? Мысль эта новая, явившаяся въ послѣднее десятилѣтіе, уже осуществлена въ Мюльгаузенѣ. Тамъ это устроили такимъ образомъ: между Мюльгаузеномъ и Дорнакомъ лежитъ довольно большая равнина и на ней выстроили въ настоящее время городъ рабочихъ; въ немъ уже есть театръ (place Napoléon) и множество улицъ, названныхъ преимущественно въ честь ученыхъ: rue Parin, rue Thénard и мѣстныхъ богатыхъ фабрикантовъ. Дома двухъ родовъ: одни, стоящіе отдѣльно, съ маленькими садиками; другіе стоятъ рядомъ, примыкая плотно одинъ къ другому, какъ вообще въ городахъ. Каждый изъ домовъ перваго ряда раздѣленъ двумя капитальными стѣнами на крестъ, на четыре квартиры, совершенно одинаковыя, которыя отдаются или продаются отдѣльно. Расположеніе комнатъ въ нихъ такое: внизу двѣ комнаты: одна служитъ кухней и спальней, другая спальней для отца съ матерью. Лѣстница, обыкновенно помѣщенная въ этой комнатѣ, чтобы дѣти не могли ни выдти изъ дому, ни придти безъ вѣдома родителей, ведетъ въ первый этажъ, раздѣленный на три маленькія спальни. Въ этомъ же этажѣ и отхожее мѣсто. При квартирѣ есть чердакъ, погребъ и насосъ для воды. Дома эти чрезвычайно тѣсны, комнаты почти микроскопическія: каждая группа четырехъ квартиръ съ садикомъ занимаетъ 150 кв. метровъ, изъ нихъ почти 120 подъ садами; но это сдѣлано, какъ говорятъ, намѣренно, чтобы рабочіе не могли брать къ себѣ жильцовъ, чтобы семья жила совершенно отдѣльно, сама по себѣ, и чтобы постороній своимъ присутствіемъ не нарушалъ святость домашняго очага!

Постройка домовъ началась въ 1853 году. Въ первый годъ было выстроено 100 домовъ, въ началѣ 1859 ихъ было 428, а теперь уже 560. Въ началѣ рабочіе смотрѣли недовѣрчиво на это дѣло, но теперь уже многіе стали покупать дома; изъ 560 домовъ, 403 уже проданы, 403 семейства сдѣлались собственниками.

Вотъ какъ организована система продажи. Каждый домъ—т. е. помѣщеніе для одной семьи—стоитъ обществу отъ 2,400 до 3,000 франковъ; теперь даже стали строить дома въ 3,300 франковъ. За эту же самую сумму домъ продается. Первый взносъ составляетъ сразу 300 или 400 франковъ, затѣмъ ежемѣсячно платится — за домъ въ 2,400 фр. 18 фр., а за домъ въ 3,000 фр. — 23 франка, и весь долгъ погашается въ теченіе 14 лѣтъ.

Что можетъ быть повидимому лучше этой новой системы помощи бѣднымъ? Человѣкъ изъ пролетарія дѣлается домовладѣльцемъ. Но точно ли это былъ пролетарій? и къ чему приводитъ домовладѣніе? Вотъ два главныхъ вопроса, отвѣтъ на которые долженъ прохладить нѣсколько восторгъ поклонниковъ новой системы, и уменьшить ихъ благоговѣніе къ акціонерамъ этого новаго филантропическаго предпріятія. Чтобы добыть себѣ домъ, нужно имѣть въ запасѣ 300 или 400 франковъ; а у многихъ ли рабочихъ найдется такое сбереженіе? у одного изъ тысячи, а всѣ остальные, т. е. дѣйствительно самые несчастные, стоятъ внѣ всякой возможности мечтать о домовладѣніи. Очевидно, что для пролетарія настоящаго рѣшительно все равно, существуетъ или нѣтъ такое филантропическое общество. Ему говорятъ: посмотри, твои собратія обзаводятся домами; копи—будетъ и у тебя собственность. А пролетарій отвѣчаетъ: «у меня жена и трое дѣтей, задѣльная плата моя четыре франка въ день, считая тутъ же и заработокъ жены; копить мнѣ рѣшительно не изъ чего, я веду жизнь самую умѣренную и трезвую, а если и случится какая нибудь жалкая экономія, то и та проѣдается въ дни, когда фабрики стоятъ безъ дѣла, въ дни коммерческихъ кризисовъ, въ дни болѣзни моей, и моей жены; покупка дома для меня вещь рѣшительно невозможная, потому что никакими силами я не въ состояніи скопить 400 франковъ.» Что же выигрываютъ тысячи такихъ бѣдняковъ оттого, что есть на свѣтѣ люди болѣе богатые, имѣющіе возможность купить домъ? Такой порядокъ существовалъ всегда, потому что всегда были счастливцы, имѣвшіе деньги. Что выигрываемъ—вы, я, третій оттого, что какой нибудь Сорокинъ можетъ купить домъ? вѣдь для насъ важно, чтобы и мы могли обзавестись собственностью, а оттого, что Сорокинъ богатѣетъ, мы богаче не сдѣлаемся. Очевидно, что вопросъ о дѣйствительной помощи дѣйствительно бѣднымъ не разрѣшенъ нисколько новымъ способомъ. Ужъ въ самомъ основаніи его лежитъ разсчетъ, недопускающій возможности другаго разрѣшенія. Акціонерная компанія хочетъ выгодъ, выгоды же ея заключаются въ томъ, чтобы воротить свой капиталъ съ процентами, и не потерять ничего на своемъ предпріятіи. Наибольшую гарантію въ этомъ представляютъ, разумѣется, рабочіе со средствами, тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ возможность дѣлать сбереженія, и уплачивать долгъ съ процентами. Это одна сторона вопроса. Другая заключается въ томъ, что фабриканты, составляющіе акціонерное общество, разсчитали очень вѣрно, что вмѣсто рабочихъ, вполнѣ свободныхъ, и слѣдовательно ненадежныхъ, гораздо удобнѣе имѣть рабочихъ постоянныхъ, прикрѣпленныхъ къ фабриканту долговымъ обязательствомъ, находящихся у него въ опекѣ и подъ надзоромъ. Это своего рода кабальная зависимость, предоставляющая три четверти выгодъ фабрикан-

ту, и только одну четверть рабочему. Но почему же это такъ? Очень просто. Чтобы выплатить фабриканту, за закупленный у него домъ, рабочій вноситъ ему сразу 400 франковъ, и затѣмъ каждый мѣсяцъ въ теченіе 14 лѣтъ платитъ ему пятью франками больше противъ того, что бы ему стоилъ наемъ квартиры на сторонѣ: ежемѣсячный взносъ составляетъ отъ 18 до 23 франковъ. Фабрикантъ имѣетъ хорошій процентъ на свой капиталъ, и спокоенъ въ уплатѣ ему денегъ, ибо рабочій платитъ ему тѣмъ, что самъ у него заработываетъ, или, говоря проще, платитъ ему своимъ трудомъ. Что рабочій отъ него не уйдетъ, т. е. будетъ на него работать, и отработаетъ свой домъ, фабрикантъ вполнѣ увѣренъ; значитъ, фабрикантъ, ссужая свой капиталъ подъ вѣрные проценты, кромѣ прямыхъ денежныхъ выгодъ, пріобрѣтаетъ себѣ не только постояннаго и усерднаго, но еще и преданнаго рабочаго, видящаго въ фабрикантѣ своего благодѣтеля. Онъ закрѣпляетъ его себѣ въ кабалу, и создастъ для своей фабрики семью вѣчныхъ рабочихъ, прикрѣпленныхъ къ его фабрикѣ. Но что же пріобрѣтаетъ рабочій? Онъ пріобрѣтаетъ микроскопическій домъ, разсчитанный на мужа и жену съ тремя маленькими дѣтьми. А если, кромѣ мужа и жены, есть еще и бабушка или дѣдушка, вмѣсто трехъ дѣтей пятеро, вмѣсто маленькихъ взрослые? Такимъ семьямъ, разумѣется, нѣтъ мѣста въ этихъ домахъ, и потому могутъ покупать дома только немногочисленныя семьи. На бѣду, въ эти четырнадцать лѣтъ, семья какъ разъ увеличилась, маленькія дѣти стали большими, всѣмъ имъ въ одномъ домѣ помѣщаться трудно, найти работу на фабрикѣ, гдѣ работаетъ отецъ, тоже нельзя: комплектъ на фабрикѣ полный; семья, значитъ, разсыпается, каждый взрослый пошелъ промышлять на сторонѣ; и каждый изъ нихъ вышелъ пролетарій, какъ и ихъ отецъ до покупки дома. Въ чемъ же тутъ помощь, гдѣ же уничтоженіе бѣдности? Ни въ чемъ и нигдѣ, и вся сущность спекуляціи фабрикантовъ заключается въ томъ, что, закабаливъ себѣ хорошихъ рабочихъ, они выигрываютъ съ ними значительно больше, чѣмъ съ рабочими непостоянными, съ рабочими, празднующими понедѣльники,—однимъ словомъ, съ рабочими дурными.

Приходя къ такимъ неутѣшительнымъ выводамъ благотворительности буржуазіи, мы беремъ назадъ свое неосторожное выраженіе, что будто бы буржуазія въ дѣлахъ помощи рабочему показывала полнѣйшее незнаніе того, за что она бралась. Это заключеніе опрометчиво: буржуазія отлично знала, за что она бралась, и она поступала именно такъ, какъ ей было выгоднѣе. Да и съ какой стати фабриканту или купцу хлопотать о томъ, чтобы создавать новыхъ купцовъ или фабрикантовъ? Поступая такимъ образомъ, они знаютъ очень хорошо, что будутъ поступать во вредъ себѣ; и французскій, и англійскій буржуа вовсе не такъ глупъ, чтобы не понималъ своихъ интересовъ. Вотъ почему онъ дѣйствовалъ всегда полумѣрами, зная очень хорошо, что ими онъ успокоивалъ на время рабочаго, зная, что это лучшее средство заткнуть ему на время ротъ и обезпечить свои личные интересы. Принимать какія нибудь коренныя мѣры для улучшенія быта и положенія рабочаго не входило никогда въ интересы буржуа; онъ обдумалъ все это хорошо

и, разумѣется, менѣе всего хотѣлъ идти такимъ путемъ. Благотворители, большею частію добрые, но малосвѣдующіе люди, дѣйствовали искренно, думая, что спасаютъ человѣчество и вовсе не подозрѣвая, что они служатъ смѣлымъ орудіемъ своекорыстныхъ цѣлей буржуа. Такъ или и идутъ до сихъ поръ дѣла въ западной Европѣ. -А что же пролетарій, что сдѣлалъ онъ, чтобы выдти изъ своего печальнаго положенія? И пролетарій не сидѣлъ сложа руки; въ его протестахъ-то и лежитъ причина, почему буржуа понялъ, что ему прямой разсчетъ быть благотворительнымъ. Не заяви пролетарій своихъ стремленій обезпечить себѣ болѣе человѣческое положеніе, конечно, нѣтъ мудренаго, что буржуа и не вспомнилъ бы о немъ. Начавъ думать, пролетарій понялъ, что буржуа смотритъ на него какъ на вещь, онъ увидѣлъ, что его личные интересы прямо противорѣчатъ интересамъ буржуа, что ихъ раздѣляетъ наиболѣе непримиримое, враждебное начало. Первая форма перваго протеста бѣднаго, противъ богатаго, форма грубая - частный грабежъ, безцѣльный и безплодный въ общихъ интересахъ пролетарія, для него негодился, потому что пролетарій не нищій, не воръ, не убійца. Не нищій онъ, потому что у него есть силы, способности и желаніе работать; онъ не отказывается ни отъ какой честной работы, но не работа ищетъ его, а онъ ищетъ работы. Промышленный міръ западной Европы, съ тѣхъ поръ, какъ онъ существуетъ, не представилъ еще ни одного случая, гдѣ бы фабрики остановились отъ недостатка рабочихъ, тогда какъ каждый годъ непремѣнно гдѣ нибудь случится, что рабочіе остаются безъ хлѣба, потому что для нихъ нѣтъ работы; «почти всегда», сказалъ Кобденъ, «два рабочихъ гонятся за однимъ хозяиномъ, и очень рѣдко два хозяина за однимъ рабочимъ». Не воръ и не убійца онъ потому, что онъ человѣкъ желающій жить своимъ трудомъ, что преступленіемъ выражается протестъ отдѣльныхъ лицъ, протестъ безсильный, противъ котораго возстаетъ все общество въ цѣломъ своемъ объемѣ. Кража, эта безсознательная и безсильная форма протеста, отвергнута пролетаріемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ прежній бѣднякъ, съ изобрѣтеніемъ машинъ и развитіемъ фабричныхъ производствъ, превратился въ пролетарія, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сложился въ одно цѣлое и увидѣлъ бездну, раздѣляющую его отъ буржуа, онъ понялъ, что кража и преступленіе орудія для него совершенно негодныя: идти ему въ мошенники и убійцы не разсчетъ,—этимъ не улучшится ни его личное положеніе, ни всего сословія рабочихъ. Идти противъ движенія мысли и протестовать противъ изобрѣтеній и улучшеній, ломая машины или разоряя фабрики, тоже нелѣпость, хотя не только въ первое время, но даже еще и не очень давно подобные случаи повторялись. Сломавъ и разоривъ нѣсколько машинъ и фабрикъ, пролетарій увидѣлъ, что этимъ положеніе его не улучшается, что возвратъ къ прожитому невозможенъ, что нужно искать спасенья въ другихъ мѣрахъ, а не въ протестѣ противъ человѣческой мысли. Нужно было придумать другую форму для оппозиціи, гдѣ бы силы пролетарія были болѣе сосредоточены и не проявлялись въ видѣ отдѣльныхъ случаевъ частныхъ преступленій.—Однимъ словомъ, пролетарію, какъ мыслящему цѣлому, сознающему свое положеніе и причины его, нужно было придумать

мѣры болѣе коренныя и болѣе дѣйствительныя. Въ этомъ случаѣ помогъ особенно англійскому пролетарію законъ 1824 года, по которому уничтожены всѣ акты, запрещающіе рабочимъ собранія по предметамъ ихъ занятій. Съ изданіемъ новаго закона, рабочій пріобрѣлъ право, принадлежавшее до тѣхъ поръ исключительно буржуазіи и аристократіи,—право свободныхъ ассоціацій. Съ этого времени стало существовать въ Англіи законно то, что существовало до тѣхъ поръ незаконно. Рабочій выигралъ очевидно, потому что прежнія тайныя ихъ сборища не приводили къ особенно замѣтнымъ результатамъ,—таинственность вредила успѣху, а буржуазіи давала законное орудіе противъ всѣхъ попытокъ рабочихъ застраховать себя противъ гнета капиталистовъ. Но когда явился законъ 1824 г., ассоціаціи рабочихъ быстро распространились по всей Англіи. Во всѣхъ отрасляхъ промышленности образовались союзы или собранія съ опредѣленной, открытой, всѣмъ извѣстной цѣлью—защищать отдѣльнаго рабочаго противъ тиранніи и равнодушія буржуазіи къ его положенію. Цѣлью этихъ обществъ было установить твердую задѣльную плату, входить въ сношеніе съ фабрикантами цѣлыми союзами, какъ сила противъ силы, регулировать рабочую плату, возвышать ее, когда представится случай и поддерживать ее на одной высотѣ во всѣхъ отрасляхъ производствъ; для этого предполагалось составить росписаніе платы, предъявлять его отдѣльнымъ капиталистамъ, и если они не принимали его, прекращать съ ними договоры о работѣ. Далѣе, ограниченіемъ пріема учениковъ поднять запросъ на рабочихъ и возвысить имъ плату; работать всѣми силами противъ пониженія фабрикантами задѣльной платы, пониженія, ловко вводимаго фабрикантами по мѣрѣ улучшенія производствъ и изобрѣтенія машинъ, и наконецъ рабочимъ, лишеннымъ средствъ существованія, помогать деньгами. Въ отдѣльныхъ случаяхъ были попытки образовать общіе союзы по всей Англіи изъ рабочихъ одного рода занятій, и даже въ первый разъ въ 1830 году—составить одну рабочую ассоціацію для всей страны, съ отдѣльными организаціями частныхъ обществъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ производствъ. Такіе союзы, какъ дѣло еще совершенно новое, рѣдко держались долго: у нихъ еще не доставало силы приложить къ практикѣ въ огромныхъ размѣрахъ истины, вполнѣ вѣрныя въ теоріи.

Какими же средствами общества рабочихъ старались достигнуть цѣли? Средства ихъ были весьма просты. Если одинъ или нѣсколько мастеровъ отказывались платить цѣну, установленную ассоціаціей, къ нимъ посылалась депутація или жалоба; если мастеръ или хозяинъ не уважалъ претензіи, ассоціація приказывала рабочимъ прекратить работу и всѣ рабочіе уходили домой. Такія прекращенія работъ (turnout) были или отдѣльныя, частныя, касавшіяся одной фабрики, или общія, когда всѣ хозяева или фабриканты одного рода занятій отказывались установить плату согласно ассоціаціи. Средства такихъ союзовъ держать ассоціацію крѣпко въ легальномъ отношеніи были весьма слабы, и ассоціація не могла быть вполнѣ застрахована противъ фабрикантовъ, пока въ странѣ имѣлись рабочіе, стоявшіе внѣ ассоціаціи, или если у буржуазіи была возможность какими нибудь приманками отдѣлить нѣ-

которыхъ рабочихъ отъ союза. Особенно это было легко при частыхъ отказахъ отъ работъ, когда фабриканту не представлялось особаго труда набрать себѣ кое-гдѣ рабочихъ. Тогда сила всей ассоціаціи разбивалась этой простой мѣрой. Что оставалось дѣлать ассоціаціи въ такихъ случаяхъ? Оставалось одно средство—угрожать, бранить и преслѣдовать всѣми возможными способами такихъ измѣнниковъ между рабочими; но этого законъ не позволяетъ, слѣдовательно, въ случаѣ жалобы, буржуазія, для защиты своихъ интересовъ. обрушивалась всей тягостью. всѣми силами закона, на членовъ ассоціаціи и совершенно ломала ее, — рабочіе были побѣждены, фабрикантъ торжествовалъ.

Исторія ассоціацій англійскихъ рабочихъ есть постоянный рядъ потерь рабочихъ въ борьбѣ со всемогущей буржуазіей. И очень естественно, что стремленія пролетарія, выражавшіяся въ такомъ видѣ, не могли измѣнить порядка вещей, въ которомъ задѣльная плата опредѣляется запросомъ и предложеніемъ на рабочаго. Рабочій долженъ былъ проиграть, потому что онъ былъ безсиленъ противъ соперничества, лежащаго въ основѣ этого вопроса; въ случаѣ торговаго или промышленнаго кризиса ассоціація должна была сама понизить цѣну или разсыпаться: другаго выхода ей не оставалось, если всѣ члены ея не рѣшились умереть съ голоду—вещь невозможная; а въ случаѣ сильно увеличивпагося запроса на трудъ рабочій не могъ поднять задѣльную плату выше того уровня, какой опредѣлился самъ собою, конкурренціей между капиталистами. Безсильныя въ разрѣшеніи вопроса вообще, эти ассоціаціи были довольно сильны въ борьбѣ съ частными причинами. Если бы фабриканты не ожидали встрѣтить въ рабочихъ оппозицію цѣлой массой, то разумѣется имъ не было никакой причины стараться возвышать плату; напротивъ, вслѣдствіе конкурренціи на товары, фабриканты старались бы постоянно понижать задѣльную плату, и очень скоро довели бы ее до minimum'а. Этой то именно конкурренціи и мѣшаютъ ассоціаціи рабочихъ. Также были безсильны ассоціаціи противъ значительныхъ причинъ, измѣнявшихъ условія рабочаго рынка. Въ такихъ случаяхъ, напримѣръ при кризисѣ, голодъ принуждалъ рабочихъ соглашаться на всякія условія, лишь бы добыть себѣ работу; и если только нѣкоторые рабочіе шли на соглашеніе, вся ассоціація тёряла силу: основной капиталъ ея быстро истощался на вспомоществованіе рабочимъ безъ дѣла, кредитъ у мелочныхъ торговцевъ не могъ тоже тянуться долго, потому что у тѣхъ самихъ нѣтъ средствъ существованія,—и нужда заставляла рабочихъ идти снова въ ярмо капиталистовъ. Въ этомъ случаѣ положеніе его обыкновенно ухудшалось;—причина простая: интересъ фабриканта въ томъ, чтобы по возможности понижать плату и производить фабрикаты съ наименьшими расходами; потерявъ на простоѣ фабрики, угрожаемый конкурренціей, наконецъ раздраженный противодѣйствіемъ рабочихъ, фабрикантъ старается понижать по возможности плату не только для возвращенія своихъ потерь, но и для того, чтобы дать рабочему урокъ и удержать его впередъ отъ такихъ продѣлокъ. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ рабочіе брались за такую мѣру, зная впередъ ея безполезность, зная впередъ,

что имъ будетъ хуже? Очень просто, потому что имъ должно было протестовать противъ уменьшенія платы, имъ слѣдовало заявлять, что не имъ, какъ людямъ, слѣдовало зависѣть вполнѣ отъ экономическихъ обстоятельствъ, въ которыхъ они находятся, а напротивъ эти обстоятельства должны быть выработаны, соображаясь съ человѣческими потребностями рабочихъ; наконецъ потому, что молчаніе рабочаго служило бы признаніемъ съ его стороны справедливости порядка, по которому во времена процвѣтанія промышленности и торговли буржуазія даетъ рабочему ходъ, чтобы извлечь изъ этого свои выгоды, а въ дурныя времена оставляетъ его умирать съ голоду. Эти-то конечно протесты и служили доказательствомъ, что въ рабочемъ не заглохло еще человѣческое чувство, и какъ англичане народъ практическій по преимуществу, то понятно, что протестъ англійскаго пролетарія заявился не молчаніемъ, не безмолвнымъ сознаніемъ своего положенія и отношеній своихъ къ буржуазіи, а дѣйствительнымъ дѣломъ. Важность этихъ заявленій, несмотря на всю кажущуюся ихъ несостоятельность, заключается въ томъ, что это были первыя попытки рабочаго уничтожить соперничество, показать на практикѣ, что господство буржуазіи основывается на конкурренціи между рабочими, т. е. на разбросанности пролетаріевъ и на противодѣйствіи ихъ одного къ другому. Что подобные протесты не составляютъ дѣла тупой, неразумной силы, не знающей, что ей нужно, доказывается слишкомъ частыми и повсемѣстными повтореніями ихъ рѣшительно вездѣ. Очевидно, что рабочій чувствуетъ, что ему не хорошо, и онъ хочетъ развязаться съ своимъ грустнымъ положеніемъ. Но протесты эти важны еще и въ другомъ отношеніи: рабочій въ нихъ зрѣетъ, онъ думаетъ, соображаетъ всѣ обстоятельства, могущія улучшить его бытъ, онъ пробуетъ, какое средство лучше и вѣрнѣе приведетъ его къ цѣли. Въ этой-то школѣ рабочій понялъ, почему буржуа сильнѣе его, почему буржуа держится за законъ и повидимому уважаетъ его,—законъ на его сторонѣ, а не на сторонѣ пролетарія. У пролетарія нѣтъ этихъ причинъ,—вотъ почему онъ пришелъ наконецъ къ убѣжденію, что въ учрежденіяхъ Англіи нужно сдѣлать измѣненіе, и предложилъ наконецъ свою народную хартію, скрывающую подъ политической формой тенденціи чисто экономическія; чартизмъ въ сущности оппозиція противъ буржуазіи, онъ выраженіе общаго протеста всего пролетаріата Англіи, понимавшаго, что отдѣльные протесты и возстанія рабочихъ противъ отдѣльныхъ фабрикантовъ, какъ аванпостныя стычки, не рѣшаютъ вопроса. Въ чартизмѣ, напротивъ, заявился общій протестъ одного сословія противъ другаго, ударъ направленъ на политическую силу буржуазіи, которой у пролетарія не было, и которая ему нужна для разрѣшенія экономическихъ вопросовъ. Пролетарій понималъ, что пока вся власть сосредоточивается въ рукахъ духовенства, землевладѣльцевъ и денежной аристократіи, а онъ не имѣетъ никакого участія даже въ дѣлахъ, касающихся личныхъ его интересовъ, — ему нечего ждать хоть какого нибудь успѣха въ его столкновеніяхъ съ буржуазіей. Поэтому еще въ 1817 году было подано въ палату прошеніе съ 1,700,000 подписей, которымъ требовалось право голоса для всѣхъ сословій. Два года спустя, въ Петерлофельдѣ

былъ назначенъ большой сходъ, гдѣ предполагалось разсуждать объ измѣненіи хлѣбныхъ законовъ и объ экономическомъ положеніи страны. Собраніе не состоялось, потому что его разогнали военной силой. Эта мѣра хоть и пріостановила политическія демонстраціи пролетаріи, но не могла заставить его отказаться отъ своихъ стремленій; и въ 1827 году рабочіе составили политическое общество National union of the working classes, и въ тоже время начали составляться по всей Англіи небольшія общества, съ цѣлью стѣснять произволъ фабрикантовъ и мѣшать пониженію задѣльной платы. Недовольство новымъ закономъ о бѣдныхъ вызвало между рабочими новое общество—Working Men's Association, имѣющаго политическій характеръ и недопускавшаго въ свои члены средній классъ. Это-то общество, имѣя въ главѣ Вильяма Ловета, бывшаго сначала столяромъ, потомъ хозяиномъ кофейни, наконецъ книготорговцемъ, составило хартію изъ слѣдующихъ шести пунктовъ: право голоса для всякаго взрослаго человѣка, если онъ въ здравомъ умѣ и не сдѣлалъ никакого преступленія; ежегодное возобновленіе парламента; содержаніе членамъ парламента, чтобы люди несостоятельные могли тоже принять выборъ; выборъ баллотировкой, чтобы устранить подкупы и застращиванія буржуазіи; равенство избирательныхъ округовъ; уничтоженіе избирательнаго ценса. Эти шесть пунктовъ, не заключающіе въ себѣ ничего грознаго, страшно однако напугали парламентъ, потому что касались основныхъ элементовъ государственнаго управленія Англіи. Вопросъ былъ поставленъ прямо и рѣшительно: цѣлый слой общества, исключенный изъ управленія, хотѣлъ облегчить занятія аристократіи и буржуазіи, и раздѣлить съ ними власть. Несмотря на этотъ политическій оттѣнокъ чартизма, сущность его была чисто экономическая, какъ мы это уже и сказали, и основная задача была отлично высказана на одномъ митингѣ рабочихъ, извѣстнымъ методистомъ Стефенсомъ. «Чартизмъ, мои друзья,—сказалъ онъ,—вовсе не политическій вопросъ, гдѣ бы разсуждалось о томъ, чтобы вы получили право выборовъ и т. п.; нѣтъ, чартизмъ—это вопросъ о кускѣ насущнаго хлѣба; хартія это значитъ хорошее жилье, хорошая ѣда и питье, хорошее содержаніе и короткое рабочее время.» Волненія въ рабочемъ населеніи не ограничились одними митингами; было задумано поднять всѣхъ рабочихъ страны; неблагоразумныя распоряженія правительства, именно: преслѣдованіе чартистовъ Ловета, Колина, излишнее усердіе полиціи разгонять собранія рабочихъ, отказъ палаты на требованіе рабочихъ—ускорили дѣло. Начались ночныя собранія, и наконецъ въ ноябрѣ 1839 года поднялся Южный Валисъ. Движеніе подавили военной силой, и главныхъ предводителей возстанія сослали. Въ 1840 году депутаты изъ разныхъ провинцій Англіи собрались въ Манчестеръ, а въ іюнѣ 1841 г. пошло новое прошеніе, подписанное 1,300,000 рабочихъ. Требовали снова утвержденія хартіи. А между тѣмъ, во все это время не только не прекращались частныя возстанія, но и было нѣсколько возстаній огромнаго размѣра, напримѣръ на сѣверѣ между рудокопами, гдѣ въ мартѣ 1841 года 40,000 горныхъ рабочихъ оставили рудники, и отказались отъ работы. Во время разрѣшенія вопроса о свободной торговлѣ, чартизмъ какъ будто бы ослабѣлъ,

но февральская революція подожгла снова чартистовъ: начались частыя собранія рабочихъ, посылались французамъ поздравительные адресы, а въ мартѣ 1848 года въ Лондонѣ, Манчестерѣ, Эдинбургѣ и Глазгау, гдѣ даже строились баррикады, сдѣланы были кое-какіе безпорядки, и даже раздавались крики: «да здравствуетъ республика! долой королеву!» Впрочемъ, надобно замѣтить, что эта шумливая французская система дѣйствій не совсѣмъ-то въ духѣ англичанъ, и предводители чартистовъ старались постоянно избѣгать стычекъ, кровопролитія. Вскорѣ послѣ этого, въ Лондонѣ было новое собраніе чартистовъ, и въ палату подана новая просьба, подписанная 5,760,000 рабочихъ. И на этотъ разъ значительное большинство членовъ палаты отвергло прошеніе. Рабочіе однако были тихи, и этому между прочимъ способствовало оживленіе промышленности и пониженіе цѣнъ на хлѣбъ, вслѣдствіе новыхъ хлѣбныхъ законовъ. Чартизмъ притихъ; но онъ существуетъ, и куда онъ долженъ привести современемъ—вполнѣ очевидно. Главный вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, достанетъ ли у господствующихъ сословій столько политическаго такта, чтобы сдѣлать во-время уступку, и не вызвать въ народѣ болѣе энергическаго способа дѣйствій, чѣмъ это было до сихъ поръ. Знатоки англійскаго народа, разумѣется, найдутъ такое заключеніе невѣрнымъ, они видятъ въ англичанахъ слишкомъ много благоразумія и разсчета, и недопускаютъ возможности въ этомъ народѣ побужденія дѣйствовать силой. Но это едва ли такъ. Дѣйствительно, англійскій рабочій менѣе политикъ, чѣмъ французъ, онъ болѣе спокоенъ и разсчетливъ, онъ не поднимается такъ легко на возстаніе, какъ его континентальный сосѣдъ, но за то въ англичанинѣ есть столько нравственной силы, столько мужества и способности обсудить свое положеніе и средства для выхода изъ него, что если ему не останется ничего, кромѣ крайности, то ужь, разумѣется, онъ не остановится ни предъ какими препятствіями. Исторія движеній французскаго пролетарія, конечно, хорошо извѣстна читателю; ему извѣстно также, что результаты, къ которымъ пришелъ французскій пролетарій, не имѣютъ особенно блестящихъ сторонъ; французъ поднимается легко на возстаніе, но въ немъ нѣтъ того холоднаго, спокойнаго мужества, которымъ такъ богатъ англичанинъ. Движенія англійскаго пролетарія уже показали, чего можно ожидать отъ него, и оставитъ ли свое дѣло на полдорогѣ народъ, обладающій такимъ мужествомъ, умѣющій такъ твердо и спокойно выдерживать себя. И дѣйствительно, сколько рѣшимости и воли должно быть въ рабочемъ, знакомомъ уже съ нищетой и нуждой, и все-таки упорно рѣшающемся голодать, обрекающемъ на страданіе жену, дѣтей, какъ это дѣлалъ англійскій пролетарій, вступившій въ борьбу съ своимъ хозяиномъ-фабрикантомъ и отказывавшійся отъ работы, чтобы заставить поднять задѣльную плату. Рискъ француза былъ меньше: онъ вспыхнулъ, пошумѣлъ, поломалъ, его схватили и наказали; все это было дѣломъ энтузіазма, дѣломъ быстрымъ; не такъ дѣйствовалъ англичанинъ; вотъ одинъ примѣръ изъ множества. Въ каменноугольныхъ копяхъ отношенія хозяевъ къ рабочимъ были нисколько не лучше, какъ и въ остальныхъ мѣстахъ Англіи. Сначала рабочіе переносили безропотно всѣ притѣсненія, но потомъ, особенно

въ фабричныхъ округахъ, начали обнаруживать на рудокоповъ свое вліяніе болѣе ихъ развитые фабричные мастеровые. Время отъ времени и работники въ рудникахъ стали составлять ассоціаціи, и отказываться отъ работъ. Въ мѣстностяхъ болѣе цивилизованныхъ, они примкнули тѣсно къ чартистамъ. Но одиноко лежащій каменноугольный округъ сѣверной Англіи долго не принималъ участія въ этихъ движеніяхъ, и только послѣ множества усилій, частью чартистовъ, частью самихъ болѣе развитыхъ горныхъ рабочихъ, начало появляться общее неудовольствіе, и организировалась оппозиція. Постепенно накипавшее озлобленіе кончилось тѣмъ, что горные рабочіе Нортумберланда и Дергама стали въ главѣ оппозиціи всѣхъ горныхъ рабочихъ Англіи, и извѣстнаго чартиста, адвоката Робертса, изъ Бристоля, избрали генералъ-прокураторомъ. «Union»—извѣстное общество рабочихъ—стало распространяться почти по всѣмъ округамъ, вездѣ были назначены агенты, стали собираться сходки и вербоваться члены: на первомъ собраніи депутатовъ въ Манчестерѣ въ 1844 году было болѣе 60,000 членовъ, на второмъ въ Глазгау, чрезъ полгода, болѣе 100,000. Тутъ были обсуждены всѣ обстоятельства, касавшіяся горныхъ рабочихъ, и вопросъ объ отказѣ отъ работъ. Въ мартѣ 1844 года, рабочіе Нортумберланда и Дергама рѣшили уничтожить прежнія условія съ своими хозяевами, и поручили Робертсу составить новыя. Между разными пунктами, имѣвшими единственной цѣлью ограничить произволъ хозяевъ, стоялъ и слѣдующій: владѣльцы рудниковъ обязываются гарантировать своимъ постояннымъ рабочимъ работу, по меньшей мѣрѣ, на четыре дня въ недѣлю, или же плату за четыре дня. Это условіе, самое важное изъ всѣхъ, показываетъ, въ чемъ заключалась главная причина протеста англійскаго рабочаго. Условія эти были переданы владѣльцамъ особой депутаціей; но они отвѣтили, что «Союзъ» для нихъ не существуетъ, они не имѣютъ съ нимъ никакихъ сношеній, знаютъ только отдѣльныхъ рабочихъ и не признаютъ никакихъ законовъ между рабочими. Въ отвѣтъ на условія, предложенныя рабочими, владѣльцы рудниковъ предложили имъ свои; рабочіе, разумѣется, ихъ не приняли, и тогда рабочіе въ числѣ 40,000, бросивъ свои норки, вышли изъ рудниковъ, и горное производство двухъ графствъ прекратилось сразу. Фондъ ассоціаціи былъ такъ великъ, что каждое семейство могло получить въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ по $2^1/_2$ шиллинга пособія въ недѣлю. Въ то время, какъ рабочіе рѣшились испытать этимъ страшнымъ путемъ терпѣніе своихъ хозяевъ, Робертсъ старался поддерживать вездѣ волненіе, объѣзжалъ Англію вдоль и поперегъ, собиралъ сходки и пособія для рабочихъ, оставшихся безъ дѣла, проповѣдывалъ спокойствіе и законность, и въ то же время поднималъ народъ противъ деспотическихъ и своевольныхъ мировыхъ судей. Войну противъ послѣднихъ онъ объявилъ еще въ началѣ года; причина же неудовольствія на судей заключалась въ томъ, что, выбираемые изъ владѣльцевъ рудниковъ и копей, они постоянно во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ обвиняли рабочихъ и отстаивали исключительно интересы своего сословія. Робертсъ держался такой методы: какъ только какой-нибудь рабочій былъ обвиненъ мировымъ судьей, онъ по-

давалъ протестъ въ высшую инстанцію, отправлялся съ обвиненнымъ въ Лондонъ, и того оправдывали. Такъ разъ были оправданы трое обвиненныхъ въ томъ, что они не хотѣли работать въ такомъ мѣстѣ, которое готово уже было обрушиться; и дѣйствительно, прежде чѣмъ они воротились домой, сдѣлался обвалъ. Робертсъ навелъ ужасъ на мировыхъ судей, и наконецъ довольно было его появленія, чтобы рѣшить дѣло въ пользу несправедливо обвиняемыхъ. Судьи смирились и перестали кривить совѣстью изъ желанья угодить владѣльцамъ рудниковъ. Точно также ополчился Робертсъ и противъ разбойничьей системы фабрикантовъ платить рабочимъ натурой. Многихъ изъ нихъ онъ притянулъ къ суду и обвинилъ, и вообще своей энергіей, неутомимостью и дѣятельностью, внезапнымъ появленіемъ вездѣ, гдѣ являлась въ немъ хоть малѣйшая надобность, Робертсъ сжалъ произволъ ближайшихъ враговъ рабочихъ, и научилъ ихъ, если не честности, то по крайней мѣрѣ нѣкоторой справедливости изъ боязни. Напримѣръ, при появленіи его въ Дерби, одинъ изъ фабрикантовъ тотчасъ же объявилъ, что всѣ рабочіе его фирмы будутъ получать плату исключительно деньгами, гдѣ и какъ они хотятъ. Если же они вздумаютъ брать товары изъ лавокъ фирмы, то вещи будутъ отпускаться по оптовой цѣнѣ, вообще фабрикантъ будетъ платить рабочимъ по настоящей цѣнѣ, въ какихъ бы лавкахъ они ни покупали — въ его, или постороннихъ. Такой успѣхъ «Союза» поднялъ его чрезвычайно въ мнѣніи всего рабочаго населенія въ Англіи, и привлекъ множество новыхъ членовъ. А между тѣмъ на сѣверѣ никто изъ рабочихъ и не думалъ приниматься за работу, и пока фондъ «Союза» былъ крѣпокъ, все шло хорошо; но ужь къ зимѣ положеніе рабочихъ начало становиться хуже. Нужда становилась все больше и больше; денегъ между ними не было; пожертвованія рабочихъ, занимавшихся другими производствами, не значили ничего, когда приходилось помогать такой огромной массѣ людей безъ всякихъ средствъ; покупка у мелочныхъ торговцевъ разстроивала еще больше и безъ того чрезвычайно печальное состояніе финансовъ «Союза; а между тѣмъ вся пресса, исключая нѣсколько журналовъ партіи пролетаріевъ. была не только противъ нихъ, но даже писала ложь, выставляла все дѣло въ невѣрномъ свѣтѣ, и вооружала противъ рабочихъ тѣхъ не многихъ изъ буржуазіи, которые еще не утратили чувства справедливости. Несмотря однако на крайнюю нужду, рабочіе были тверды, и при всей враждебности дѣйствій со стороны владѣльцевъ—спокойны: не было сдѣлано ни одного покушенія на кражу, случаевъ дерзости, оскорбленія или мести. Такъ прошли четыре мѣсяца, и владѣльцы уже теряли надежду побѣдить рѣшимость рабочихъ. Оставалось еще одно средство: они вспомнили, что котеджи не принадлежатъ рабочимъ. Въ іюлѣ послѣдовалъ отказъ рабочимъ отъ квартиръ, и черезъ недѣлю всѣ сорокъ тысячъ были выгнаны вонъ. Мѣра эта была исполнена самымъ варварскимъ образомъ. Больные и слабые, старики и младенцы, даже родильницы, были безъ всякой жалости выведены изъ домовъ. Одинъ агентъ дошелъ даже до такого усердія, что собственными руками вытащилъ за волоса съ постели на улицу женщину въ послѣднемъ времени беременности. Войско и

полиція находились при этомъ, готовые при первомъ противодѣйствіи рабочихъ, по первому знаку мировыхъ судей, управлявшихъ всей этой отвратительной процедурой, броситься и рубить народъ. Рабочіе вышесли все спокойно и обманули ожиданіе владѣльцевъ, хотѣвшихъ, во что бы то ни стало, вывести ихъ изъ терпѣнія и принудить къ возстанію, чтобы имѣть поводъ прекратить всю исторію военной силой. Уговариваемые своими прокураторами, рабочіе молча и спокойно вынесли всѣ свои пожитки на болота и сжатыя поля; а кому не нашлось мѣста на болотѣ, поселился въ шоссейныхъ канавахъ. Такъ прожили рабочіе болѣе восьми недѣль, совершенно подъ открытымъ небомъ; не имѣя другихъ средствъ, кромѣ самой незначительной помощи «Союза» и уже ослабѣвавшаго кредита мелочныхъ торговцевъ. Тогда лордъ Лондондерри сталъ угрожать лавочникамъ и мелочнымъ торговцамъ своимъ высокимъ гнѣвомъ, если они «его» ослушникамъ-рабочимъ станутъ дѣлать кредитъ. Но когда владѣльцы рудниковъ убѣдились, что рѣшительно ничто не помогаетъ, они начали выписывать рудокоповъ изъ Ирландіи и изъ отдаленныхъ мѣстъ Валиса, куда еще не распространилось возстаніе между рабочими: и возстановивъ такимъ образомъ конкурренцію, сломили своего врага. Тогда владѣльцы заставили рабочихъ отказаться отъ «Союза», уволить Робертса и принять предложенныя имъ условія. Такъ, въ началѣ октября кончилась эта пятимѣсячная борьба рудокоповъ съ владѣльцами рудниковъ, борьба, въ которой рабочіе показали необычайное мужество, спокойствіе и благоразуміе. Что значатъ вспышки французскихъ революціонеровъ съ этимъ спокойнымъ мужествомъ сорока тысячъ человѣкъ, которые, какъ одинъ, съ величайшимъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ вели дѣло, пока сопротивленіе дальше становилось уже безуміемъ. И кто же врагъ, съ которымъ приходилось сражаться? Голодъ, нужда, лишенія всякаго рода и бездомность. Вотъ почему отъ англичанъ скорѣе, чѣмъ отъ кого либо, можно ожидать непремѣннаго разрѣшенія современнаго экономическаго вопроса въ пользу пролетарія. Разумѣется, во всѣхъ этихъ протестахъ можно видѣть тупое безсмысліе со стороны рабочаго, можно даже обвинить его, зачѣмъ онъ пошелъ къ своей цѣли тѣмъ, а не другимъ путемъ. Но прежде всего нужно вспомнить, что съ исторіей слѣдуетъ обращаться нѣсколько деликатнѣе, что извѣстное историческое явленіе, разсматриваемое какъ характеристическій фактъ данной эпохи, нельзя обвинять въ томъ, что оно рисуетъ извѣстный моментъ въ исторіи народа или человѣческой мысли тѣмъ, а не другимъ образомъ или цвѣтомъ. Если англійскій или французскій пролетарій поступилъ именно такъ, это значитъ, что онъ не могъ поступить иначе. Наука уже разрѣшила вопросъ, на чьей сторонѣ правда и справедливость, кому худо, кому хорошо, и что нужно, чтобы дурное перестало быть дурнымъ. Но теоретическое разрѣшеніе вопроса еще не доказываетъ возможности немедленнаго примѣненія теоріи къ практикѣ. И вотъ въ чемъ отвѣтъ на замѣчаніе тѣхъ, кому не нравится, что англійскій и французскій пролетарій позволили себѣ выходить изъ границъ приличія и вѣжливости въ своихъ отношеніяхъ къ буржуазіи и фабрикантамъ. Пролетарій пытался найти средство помочь своей бѣдѣ, онъ

дѣйствовалъ и такъ и иначе; что попытка его не была безплодна, видно уже изъ того, что буржуазія сдѣлалась осторожнѣе, что многое изъ возможнаго прежде, когда пролетарій былъ слабъ на ногахъ, сдѣлалось невозможнымъ, когда пролетарій почувствовалъ свою силу, показалъ, что эту силу нельзя не уважать. Можетъ быть оно и точно не хорошо, — и въ этомъ согласны всѣ фабриканты Англіи и Франціи, — что пролетарій покушался прибѣгать иногда къ физической силѣ; но развѣ онъ не держался въ этомъ случаѣ системы своихъ друзей фабрикантовъ? Наконецъ, онъ дѣлалъ это не только потому, что думалъ, что средство хорошо и дѣйствительно годится для разрѣшенія его экономической задачи, но и потому, что пролетарія всегда укоряли въ грубости и невѣжествѣ, пьянствѣ и развратѣ; а въ такомъ случаѣ, зачѣмъ и удивляться, или негодовать, что грубый поступаетъ грубо; гдѣ же ему взять деликатности въ обращеніи, когда въ своихъ отношеніяхъ къ буржуазіи онъ могъ научиться всему, исключая именно деликатности.

Впрочемъ пролетарій разрѣшалъ свой вопросъ и другимъ путемъ, путемъ мирнымъ, путемъ медленнаго прогресса. Мысль, лежавшая въ основаніи этого рѣшенія, была очень, очень простая и очень старая—ассоціаціи. Это значитъ, что тамъ, гдѣ усилія одного человѣка не ведутъ ни къ чему, множество людей составляютъ союзъ, чтобы дѣйствовать дружно въ однихъ, общихъ цѣляхъ. Въ ассоціаціи повторяется на практикѣ старая басня о старикѣ и трехъ молодыхъ: прутья, которыя легко ломалъ старикъ поодиночкѣ, сдѣлались вдругъ несокрушимыми, когда онъ связалъ ихъ въ пучокъ. Мысль эта, не смотря на всю свою простоту, не смотря на свою давность, сказалась практически только въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда бѣдный пролетарій понялъ цѣлой массой, что и онъ человѣкъ, что и ему не чуждо все человѣческое, и когда люди его партіи, стоящіе выше его по образованію и развитію, создавъ цѣлыя школы, развили и разъяснили этимъ вопросъ пролетарію. Но даже и въ этихъ совершенно скромныхъ и тихихъ стремленіяхъ пролетарія ему не легко было добиться права на ассоціацію, признанія ея законами. Особенно Франція, эта страна утонченнаго бюрократизма, шпіонства и крайней централизаціи, напуганная революціонными движеніями народа, не легко соглашалась дозволить ему составлять кружки и общества. Правительство постоянно боялось, чтобы экономическія учрежденія рабочихъ не служили щитомъ для маскированія его политическихъ цѣлей. Вотъ почему, признавъ справедливость научнаго положенія, лежащаго въ основѣ ассоціацій, правительство Франціи до сихъ поръ не рѣшалось устранить себя отъ надзора и опеки надъ общинами рабочихъ. Сладкія рѣчи Наполеона III, сказанныя имъ въ 1852 году, во время президентства, и впослѣдствіи въ Мецѣ, когда онъ уже былъ императоромъ, по поводу обществъ взаимнаго вспомоществованія; заявленное имъ тутъ горячее сочувствіе къ бѣднымъ и намѣреніе употребить всѣ свои силы, чтобъ облегчить участь несчастныхъ, не обманули никого. Онъ долженъ былъ ради своей популярности заговорить объ этомъ предметѣ и выразиться именно такимъ, а не другимъ образомъ, потому что многія изъ обществъ, принявшихъ политическій характеръ въ 1848 г., были закрыты пра-

вительствомъ между 1850 и 1851 годами. И въ Англіи правительство было тоже осторожно; но оно всегда было далеко либеральнѣе французскаго; стѣсненія ассоціацій не принимали тамъ никогда такого характера, какъ во Франціи, такъ что въ настоящее время даже самые преданные своему правительству французы начали уже понимать, что они пугались привидѣній, и что въ экономическихъ интересахъ страны необходимо имъ взять примѣръ съ Англіи.

Въ чемъ же заключаются эти ассоціаціи? Къ сожалѣнію, рабочій до сихъ поръ стоитъ только въ началѣ того длиннаго пути, который ему предстоитъ сдѣлать; все, что удалось ему, что приняло уже значительные размѣры, опредѣляется самымъ названіемъ выработанныхъ имъ учрежденій, это — общества для взаимнаго вспомоществованія. Задача ихъ помогать своимъ членамъ въ случаѣ болѣзни, кражи, пожара и другихъ несчастій. Денежныя ссуды безъ процентовъ. Поддержка и содержаніе стариковъ, неспособныхъ работать; наконецъ погребеніе бѣдныхъ сочленовъ, не имѣющихъ средствъ, на счетъ общества. Вотъ сущность всѣхъ обществъ для взаимнаго вспомоществованія. Въ члены принимаются люди добропорядочные; за дурное поведеніе членъ устраняется или на время, или же вычеркивается изъ списка навсегда. Капиталъ общества образуется изъ годичныхъ членскихъ взносовъ. Такія общества имѣютъ нѣчто общее съ сберегательными кассами, съ той разницей, что вмѣсто одиночныхъ взносовъ образуется капиталъ, принадлежащій цѣлому обществу, и наконецъ въ основѣ дѣйствій общества лежитъ начало страхованія. При послѣднемъ условіи, средства ассоціаціи пріобрѣтаютъ большую силу, помощь становится дѣйствительнѣе и прочнѣе, чѣмъ при одиночномъ копленіи денегъ. Число такихъ обществъ въ Англіи и во Франціи доходитъ до весьма значительной цифры. Во Франціи ихъ болѣе 2,500, а резервъ превышаетъ 20 милліоновъ франковъ; въ Англіи около 14,000, съ капиталомъ въ 160 милліоновъ франковъ. Нѣкоторыя изъ обществъ вмѣстѣ съ вспомоществованіемъ имѣютъ и другую цѣль — сбереженіе, уменьшеніе издержекъ на средства существованія и доставленіе своимъ членамъ и ихъ семействамъ болѣе выгодныхъ способовъ образованія. Въ этихъ видахъ, общества заводятъ лавки для продажи предметовъ необходимыхъ рабочимъ, устраиваютъ школы, библіотеки, общественныя прачешныя и т. п. Разумѣется, все это хорошо въ томъ отношеніи, что спасаетъ рабочаго въ первый моментъ случившагося съ нимъ несчастія, спасаетъ стариковъ отъ голодной смерти, удешевляетъ жизнь, облегчаетъ и распространяетъ образованіе, но въ сущности все это не извлекаетъ рабочаго изъ его положенія и съ великимъ трудомъ, рядомъ огромныхъ пожертвованій и лишеній, даетъ ему слабую надежду достигнуть въ отдаленномъ будущемъ той самостоятельности и экономической независимости, какая ему нужна, и безъ которой пролетарій останется вѣчнымъ пролетаріемъ. Съ этой стороны общества взаимнаго вспомоществованія слишкомъ далеки до осуществленія на практикѣ простаго средства, указаннаго уже новой экономической теоріей. Простое средство это заключается въ томъ, чтобы рабочій получалъ полную долю вознагражденія, причитающагося за его трудъ, и чтобы

могъ получать ссуды подъ залогъ своего будущаго труда. Попытки для осуществленія на практикѣ этихъ двухъ идей были до сихъ поръ весьма слабы. Можно указать только на самое малое число подобныхъ обществъ во Франціи и въ Англіи. Что же касается до банковъ для ссудъ на честное слово, то ихъ и еще менѣе. Но что же изъ этого? Вопросъ не въ числѣ существующихъ банковъ или ассоціацій производителей, а въ томъ, что практика показала возможность разрѣшенія этого теоретическаго положенія. Трудно сказать, съ какой постепенностью и быстротой разовьются подобныя ассоціаціи; но что онѣ разовьются, что онѣ поглотятъ общества взаимнаго вспомоществованія,— въ этомъ нѣтъ никакихъ причинъ сомнѣваться. Разумѣется, правительства и Англіи, и Франціи могутъ помѣшать развитію этихъ чисто экономическихъ учрежденій, если не съумѣютъ взглянуть на нихъ прямо съ точки интересовъ всей страны, если изъ политическаго своекорыстія будутъ стѣснять учрежденія своей опекой и вмѣшательствомъ съ политической цѣлью, если будутъ мѣшать народному образованію и вообще задерживать умственный ростъ народа.

— —

Вотъ послѣднее слово науки, усвоиваемое уже практикою. Какъ приметъ его жизнь? Вполнѣ ли удовлетворится разрѣшеніемъ его? Куда пойдетъ дальше, какъ долго протянется эта борьба стараго экономическаго порядка съ новымъ? Вотъ вопросы, на которые настоящее не даетъ никакого отвѣта. Европа, гордая многимъ, что она сдѣлала, гордая своей цивилизаціей, какъ бы не хочетъ понять, что въ своихъ господствующихъ экономическихъ теоріяхъ она переживаетъ древніе вѣка; заря новой экономической жизни едва только загарается для нея и, разумѣется, одно изъ величайшихъ несчастій настоящаго времени для Европы заключается въ томъ, что словомъ науки, словомъ истины считаютъ обыкновенно только то, что подсказывается личнымъ своекорыстіемъ меньшинства. Борьба новаго съ старымъ тѣмъ ужаснѣе въ своей медленной постепенности, что много людей, имѣвшихъ несчастіе смотрѣть на вещи выше общаго уровня, или выше сословій, располагающихъ судьбою своей страны, падутъ еще жертвой своей любви къ бѣдному пролетарію, не улучшивъ его настоящаго, не увидѣвъ сами будущаго, къ которому стремились и о которомъ мечтали. «Что жъ,—зачѣмъ мечтать, къ чему рваться впередъ?» Разумѣется, такъ. Но научите мечтателя перестать быть самимъ собой, сдѣлайте изъ него другое существо; а безъ этого, не укоряйте его, не бросайте въ него грязью, или по крайней мѣрѣ соберите въ себѣ столько человѣческаго чувства, чтобы не обвинять человѣка, виноватаго только въ томъ, что ему тяжело смотрѣть на гнойныя раны общества, на страданія простаго человѣка. Неужели это такая вина?

Ноябрь, 1861 г.

СИБИРЬ

ПО БОЛЬШОЙ ДОРОГѢ.

I.

Тверь. Бурлаки. Волжское пароходство.

Есть два города на сибирскомъ трактѣ, отличающіеся полнѣйшимъ безлюдьемъ при довольно крупной цифрѣ населенія — Тверь и Пермь. Объѣхавъ Тверь по всѣмъ направленіямъ, я встрѣтилъ на улицѣ только одного гарнизоннаго солдата, на другой бабу, и на третьей пьянаго мужика. Остальныя улицы были совершенно пусты, точно мороваи язва прошла по городу. А между тѣмъ въ Твери считается 27 т. жителей, 685 каменныхъ домовъ и 2139 деревянныхъ. Разумѣется, если заглянуть во всѣ эти дома, можно найдти въ нихъ людей, но почему всѣ они сидятъ дома? Что они дѣлаютъ? Чѣмъ живутъ? Какіе вопросы занимаютъ ихъ? Въ чемъ ихъ общественная жизнь?

Общественной жизни для Твери нѣтъ, да и быть не можетъ. И кому, и съ какой стати, заниматься общественными вопросами? Въ числѣ 27 т. считается 2,404 человѣка дворянъ, т. е. служащихъ и не служащихъ чиновниковъ. Первые пишутъ въ канцеляріяхъ; вторые или пишутъ дома, или ничего не пишутъ. — Далѣе 1144 лицъ духовныхъ, изъ нихъ 187 монаховъ; наконецъ 4,014 лицъ военнаго вѣдомства. Такимъ образомъ почти 7 т. человѣкъ или 30% общаго населенія настолько имѣютъ значенія въ экономической жизни города, насколько они дѣйствительно способствуютъ производительному труду его жителей. Въ остальной цифрѣ населенія считается 1500 человѣкъ купцовъ и почетныхъ гражданъ, и 13,000 мѣщанъ и сельскаго сословія, въ которыхъ собственно и заключается экономическая сила города. Но и въ этой силѣ нужно сдѣлать еще подраздѣленіе: въ городѣ и его окрестностяхъ существуетъ нѣсколько фабрикъ и заводовъ, дающихъ занятіе 5,000 человѣкъ, считая мастеровъ, рабочихъ и учениковъ. Затѣмъ остается около 10,000 народу, неимѣющаго постоянныхъ занятій. Чѣмъ же живутъ

эти люди? Положеніе ихъ довольно странное. Хотя Тверская губернія и считается хлѣбной, но она не накормливаетъ досыта крестьянъ, потому что земледѣліе даетъ крестьянину хлѣбъ въ количествѣ, не всегда достаточномъ на его собственное пропитаніе. Поэтому для уплаты податей и для поддержанія своего домашняго хозяйства крестьянинъ долженъ отыскивать новыя средства. Но въ чемъ найдти ему эти средства? Фабрикъ и заводовъ мало; крестьянская промышленность, довольно развитая въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Тверской губерніи, не настолько однако сильна, чтобы могла дать занятіе всѣмъ тѣмъ, кого не кормитъ земледѣліе; наконецъ, мѣщане своимъ городскимъ положеніемъ поставлены внѣ возможности быть земледѣльцами. Какъ же добыть этому народу средства для существованія и для уплаты всѣхъ повинностей? Въ другихъ мѣстностяхъ, лежащихъ менѣе выгодно, чѣмъ Тверь, голодный и нуждающійся народъ уходитъ на заработки и, бросивъ домъ и семью, бредетъ пѣшкомъ иногда тысячи за двѣ, за три верстъ. Въ Твери и Тверской губерніи, лежащей по водной системѣ, бѣдняки идутъ наниматься для разгрузки судовъ и въ бурлаки. Этимъ дѣломъ занимаются въ Тверской губерніи до 50,000 человѣкъ, т. е. тридцатая часть всего населенія, не обезпеченная ни сельскими промыслами, ни земледѣліемъ, должна заниматься почти каторжной работой, убійственной и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніи. Только крайность можетъ принудить человѣка идти въ эту работу, а потому въ нее идутъ люди мало или вовсе безземельные, все богатство которыхъ заключается въ ихъ дюжихъ мышцахъ, да въ способности переносить всевозможныя лишенія, голодъ и холодъ. Плата бурлакамъ обыкновенно самая незначительная; напримѣръ, за проводъ судна отъ Сундыря до Астрахани, на протяженіи болѣе полуторы тысячъ верстъ, бурлакъ получаетъ самую высшую задѣльную плату отъ 15 до 18 рублей. За эти деньги онъ долженъ *сломать* путь туда и обратно, и за всѣми расходами на ѣду, одежду, рукавицы, лямку у него останется отъ 1 до 4 руб. Отъ Чебоксаръ до Рыбинска бурлакъ получаетъ 7 руб.; на проходъ туда и обратно нужно два мѣсяца. Расходуя на ѣду по 5 к. въ день и на все остальное 2 р., у него останется чистой прибыли 2 рубля. Но нужно видѣть своими собственными глазами, что значитъ бурлачество: какъ лежитъ человѣкъ всей тяжестью тѣла на лямкѣ, таща судно; что ѣстъ человѣкъ на свои жалкія 5 копѣекъ; какъ, ради дешевизны содержанія, онъ накидывается на огурцы, на всякія сырыя, дешевыя овощи; какъ, вѣчно мокрый то отъ дожди, то отъ шлепанья по низменному или заплитому водой бечевнику, онъ страдаетъ болѣзнями желудка и простудой; какъ мретъ онъ легко отъ тифозныхъ горячекъ и отъ холеры. Наши статистики не знаютъ ничего этого. Они не опредѣляли ни тягости этого ужаснаго труда, ни размѣра смертности, которой подвергаются бурлаки, ни отупѣнія человѣка, проводящаго полжизни въ этомъ чисто воловьемъ дѣлѣ, ни нравственности этого забитаго нуждой человѣка. Бурлаковъ обвиняютъ въ грубости, пьянствѣ, жестокости. Все это правда. Бурлакъ точно пьетъ крѣпко; при случаѣ, напившись въ бурлацкой компаніи, онъ и убьетъ своего товарища изъ-за пустаго слова, даже не понимая того, что онъ убиваетъ че-

ловѣка. Слово *бурлакъ* сдѣлалось синонимомъ человѣка грубаго, дикаго, стоящаго на самой низкой степени умственнаго развитія. Но и этому дикому человѣку, сдѣлавшемуся диким отъ условій и характера его дѣятельности, съ нѣкотораго времени начала грозить опасность. Въ волжскомъ судоходствѣ свершается переворотъ и бурлакъ годъ отъ году становится менѣе нужнымъ. Изъ отчетовъ начальника V дистанціи путей сообщенія видно (Лаптевъ, Казанск. губ.), что мимо этой дистанціи прошлыо *въ пятилѣтіе*, 1848—52 г.

Рабочихъ.	Коноводныхъ машинъ.	Разшивъ.	Тихвинокъ.	Досчаниковъ.	Барокъ, баржъ, полу-барокъ.
67,067	104	1027	532	595	158
	въ пятилѣтіе 1853 — 57 года:				
59,394	81	965	400	368	569.

Такимъ образомъ въ пять лѣтъ число рабочихъ уменьшилось на 12% уменьшилось и число всѣхъ остальныхъ судовъ; но въ замѣнъ того увеличилось число барокъ и баржъ. Причина въ томъ, что волжскаго плаванія коснулась европейская цивилизація; паровая сила стала замѣнять мускульную силу человѣка, и въ судовомъ дѣлѣ стало являться у насъ то, что съ изобрѣтеніемъ машинъ и парового двигателя явилось уже давно въ промышленной дѣятельности Европы, — человѣкъ становится менѣе нуженъ. Съ появленіемъ волжскаго пароходства стало быстро уменьшаться число коноводныхъ машинъ и всѣхъ остальныхъ судовъ, плавающихъ подъ парусами и на бечевѣ; но зато значительно увеличилось число судовъ буксируемыхъ, какъ барки и баржи, и увеличилась вмѣстимость ихъ. Все это, разумѣется, и должно было случиться, потому что трудно представить что нибудь безобразнѣе изчезающихъ судовъ. Русскій человѣкъ самоучка — «самородокъ» — изобрѣталъ уродливую посудину въ то время, когда Европа давно знала пароходъ. Самое безобразное и неуклюжее изъ всѣхъ судовъ, разумѣется, коноводная машина, замѣнявшая прежде пароходъ. Правда, машина эта изобрѣтена не русскимъ самородкомъ, а французскимъ механикомъ Пуадебором, въ 1815 году, но и французъ дѣйствовалъ тутъ подъ вліяніемъ того русскаго генія, по которому иностранецъ, пріѣхавъ въ Россію, становится инымъ человѣкомъ. Коноводная машина имѣетъ видъ плавающей деревни. Это плоскодонное судно срубается изъ самыхъ толстыхъ брусьевъ и обшивается тоже бревнами, потому что нельзя же считать досками пластины въ 3 до $4^1/_4$ вершковъ толщины. Такое судно, имѣющее до 40 саженъ длины и до 10 саженъ ширины, носитъ двѣ палубы и усажено разными клѣтушками и миніатюрными, раскрашенными домиками. На машинѣ помѣщается отъ 80 до 200 лошадей и отъ 60 до 200 рабочихъ. Способъ плаванія на этой допотопной посудинѣ слѣдующій: на лодкѣ завозятъ и бросаютъ въ воду якорь, укрѣпленный на канатѣ въ 6 — 8 вершковъ въ окружности; другимъ свободнымъ концомъ канатъ навертывается лошадьми на вертикальный валъ, и такимъ образомъ судно, по мѣрѣ наматыванія каната, приближается къ закинутому якорю. Потомъ якорь вытаскивается, снова закидывается, канатъ наматывается на валъ и т. д.

Коноводная машина дѣлаетъ въ сутки отъ 20 до 30 верстъ; она можетъ тащить до 20 подчалковъ, съ грузомъ до 500,000 пудовъ. Цѣна машины, смотря по ея размѣру, отъ 15 до 20 т. руб.; служитъ она около 10 лѣтъ. Неудобство машины разумѣется прежде всего въ ея огромныхъ размѣрахъ. Отъ этого она ходитъ вверхъ только до Нижняго и по Камѣ, т. е. только по глубокой водѣ; въ мелкихъ же мѣстахъ приходится нерѣдко подчалки распауживать, т. е. перегружать товаръ на мелкія суда. Машины возможны въ мѣстностяхъ, не перешедшихъ вполнѣ отъ скотоводства къ земледѣлію, и вотъ почему: — въ 1850 году плавало по Волгѣ болѣе 33 коноводныхъ машинъ; полагая на каждую только по 100 лошадей, всего требовалось 3,300 лошадей. Лошади эти, закупаемыя въ заволжскихъ степяхъ, употребляются всего на одинъ рейсъ. Въ степяхъ лошадей много и онѣ дешевы, но есть ли возможность сбывать ежегодно въ Нижнемъ или въ Москвѣ 3,000 лошадей? Возможность разумѣется была, потому что половина лошадей падаетъ отъ труднаго круженія на одномъ мѣстѣ, а другую продаютъ за безцѣнокъ. Такимъ образомъ киргизскимъ лошадямъ открывался сбытъ, котораго безъ машинъ онѣ бы и не имѣли. Разумѣется, для этого нужно, чтобы въ странѣ жили киргизы, водились безконечныя степи и существовали лошади, которыхъ можно покупать и продавать за безцѣнокъ, не балуя ни роскошной пищей, ни внимательнымъ уходомъ. По всѣмъ этимъ причинамъ правъ и Пуадеборъ, правы и хозяева коноводныхъ машинъ, плѣнившіеся его изобрѣтеніемъ. Да и могли ли они поступить иначе? Развѣ могъ существовать въ 1815 году на Волгѣ пароходъ? Гдѣ были люди для его управленія, когда еще въ 1862 году дѣло это идетъ плохо? Пароходы предполагаютъ въ странѣ извѣстную степень цивилизаціи; и народъ, и рабочіе, и машинное производство — все должно стоять въ уровень съ возможностью проявленія и поддержанія подобнаго дѣла. Вотъ почему за полвѣка до нашего времени не могъ явиться и не явился ни одинъ пароходъ на Волгѣ, а явилась на водахъ ея неуклюжая коноводная машина.

Остальныя волжскія суда того же характера. Всѣ они поражаютъ своей неуклюжестью, медленностью хода и приспособлены именно для того, чтобы какъ можно болѣе замедлить плаваніе и затруднить рабочаго. Даже самое быстрое на ходу судно — разшива, съ ея исполинскимъ парусомъ, плохо рекомендуетъ нашихъ самородныхъ судовыхъ строителей. Парусъ дѣйствительно громаденъ; длиной и шириной онъ равенъ длинѣ мачты, а мачта имѣетъ 15 саженъ высоты и составляется изъ пяти деревъ. Въ сильный вѣтеръ нѣтъ никакихъ средствъ опустить его, и въ такихъ случаяхъ парусъ разрѣзываютъ. Кромѣ такого проявленія русской находчивости разшивы даютъ себя знать и художественной изобрѣтательностью ихъ. На носу разшивы рисуются обыкновенно глаза, или дѣлается изображеніе какихъ-то никому невѣдомыхъ звѣрей и чудовищъ; а борты украшаются рѣзьбой топорной работы. И это еще самое красивое и самое быстрое изъ волжскихъ судовъ! Всѣхъ ихъ по Волгѣ плаваетъ до 25,000 штукъ и разсчитывая, какъ это и принято, на 1000 пудовъ клади отъ 4 до 5 человѣкъ, а грузъ каждаго судна въ 5,000

пудовъ, окажется, что судовымъ промысломъ занимается на Волгѣ болѣе 400 тысячъ народу. Въ этомъ итогѣ пароходы сдѣлали убыль на 12% въ теченіе пяти лѣтъ, т. е. ежегодно 10,000 человѣкъ лишались своего привычнаго заработка. Положеніе бурлаковъ въ этомъ случаѣ совершенно такое же, какъ ямщиковъ, вытѣсненныхъ изъ своего промысла желѣзными дорогами. Разумѣется, изъ этого не слѣдуетъ, что пароходы, желѣзныя дороги и всѣ новыя изобрѣтенія, дѣлающія человѣческую силу лишней, не нужны. Напротивъ, для общаго хода экономическаго и всякаго другаго прогресса они необходимы; но дѣло въ томъ, когда еще этотъ общій ходъ отразится на всѣхъ? когда для бурлака или ямщика пароходы и желѣзныя дороги принесутъ выгоду? До тѣхъ же поръ выгоды желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ распредѣлятся между немногимъ числомъ капиталистовъ и монополистовъ, и сотни тысячъ людей, не подготовленныхъ ничѣмъ къ внезапной перемѣнѣ, не владѣющихъ ничѣмъ кромѣ физической силы, которая становится ненужной, должны будутъ обратиться къ другимъ занятіямъ. А какое занятіе найдетъ себѣ бурлакъ, неимѣющій достаточно земли, или ямщикъ, отвыкшій отъ сохи? Вотъ почему, рядомъ съ экономическимъ развитіемъ страны, въ то время, когда въ промышленной дѣятельности народа наступаетъ новая пора, когда новая сила пробиваетъ себѣ дорогу, для силы старой, становящейся лишнею, долженъ быть открытъ также выходъ. Человѣкъ подготовленный, развитой, найдетъ себѣ путь, а куда кинуться человѣку, котораго всѣ таланты ограничивались способностью тянуть на бечевѣ разшиву? Въ западной Европѣ, когда вновь явившіяся машины начали вытѣснять рабочаго, онъ не придумалъ вначалѣ ничего лучшаго, какъ ломать ихъ. Но рабочій скоро замѣтилъ и самъ, что это глупо, что такимъ дикимъ протестомъ онъ не улучшитъ своего бѣдственнаго положенія и не остановитъ экономическаго прогресса. И у насъ ямщики пытались снимать съ желѣзныхъ дорогъ рельсы, желая метить желѣзной дорогѣ, которую считали причиной своего голода. Простой человѣкъ понялъ вѣрно фактъ, какъ это и всегда онъ дѣлаетъ, но идти далѣе простаго наблюденія у него недостало силъ. Когда одни изъ безпомощныхъ выразили свое безсиліе местью такого рода, другіе могли пойдти на дѣла и еще худшія. Наши статистики, не занимавшіеся еще до сихъ поръ уголовными вопросами въ связи съ экономическими, разумѣется не въ состояніи указать фактовъ увеличенія числа преступленій въ годы трудные для народа. Но и не имѣя данныхъ изъ русской жизни, а основываясь исключительно на наблюденіяхъ западной Европы, можно сказать утвердительно, что при быстромъ измѣненіи положенія рабочихъ, когда они цѣлыми массами лишаются возможности привычнаго заработка, неговоря уже про то, что уровень ихъ общаго благосостоянія понижается вдругъ, многіе изъ нихъ рѣшаются на преступленія, на которыя прежде они бы и не рѣшились. Напримѣръ во Франціи въ 1846 г. находились подъ судомъ за воровство 31,768 человѣкъ, а въ дорогомъ 1847 г. число ихъ увеличилось до 41,626. Въ Англіи съ возвышеніемъ цѣны на жизненные припасы и при торговомъ кризисѣ, въ 1837 году, число арестованій увеличилось противъ предшествовавшаго года вдругъ на 2600 человѣкъ.

Тѣ же самыя причины дѣйствуютъ и у насъ, хотя мы и не въ состояніи подкрѣпить ихъ цифрами изъ русской жизни. И у насъ, какъ и вездѣ, преступленія, вызываемыя нуждой и лишеніями, стоятъ на первомъ мѣстѣ. Отъ этого наибольшее число людей наказывается за воровство, мошенничество, конокрадство. Эти преступленія составляютъ у насъ около 70 — 80% общаго числа преступленій, а по сословіямъ наибольшая доля ихъ приходится на мѣщанъ, т. е. на людей, находящихся въ самыхъ невыгодныхъ экономическихъ условіяхъ.

Такимъ образомъ развитіе волжскаго пароходства обнаружило прежде всего вліяніе на бурлаковъ, лишивъ ихъ прежняго, привычнаго имъ заработка. Крестьянинъ шелъ въ бурлаки, разумѣется только потому, что его гнала нужда; но вотъ явилось пароходство, бурлакъ началъ становиться лишнимъ, земли же, талантовъ и промышленнаго образованія у него не прибавилось. Чѣмъ же стали заниматься эти лишніе люди, сколько изъ нихъ пошло пилить дрова на пароходы, сколько опредѣлилось на биржи, сколько разбрелось по другимъ рѣкамъ, а сколько очутилось въ партіяхъ арестантовъ, идущихъ въ Сибирь? На эти вопросы у насъ нѣтъ отвѣта.

Къ счастію для крестьянъ Казанской, Пензенской, Тверской, Нижегородской, Самарской, Симбирской и другихъ губерній, промышлявшихъ судовой работой, пароходство ползетъ у насъ медленно. Русскіе купцы, не любя гоняться за Европой, придерживались болѣе коноводныхъ машинъ, разшивъ, бѣлянъ и не заводили пароходовъ. Въ то время, какъ въ Америкѣ, со времени появленія въ 1811 году перваго парохода и до 1852 года, явилось 1450 пароходовъ, у насъ на Волгѣ съ 1820 года, когда были заведены пароходы для доставленія на Кавказъ провіанта, и до 1861 года, т. е. за то же число лѣтъ, построено 250 пароходовъ. Изъ нихъ буксирныхъ и кабестановыхъ, т. е. служащихъ собственно для перевоза груза и вспомогательныхъ къ нимъ, около двухсотъ. Особенное развитіе пароходства началось по окончаніи крымской войны и со времени возбужденія крестьянскаго вопроса. Причина въ томъ, что людямъ, имѣвшимъ прежде возможность жить не думая, пришлось подумать о средствахъ существованія. Вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій государства, пониженія банковаго процента—деньгамъ, лежавшимъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ, нужно было дать другое болѣе выгодное помѣщеніе, и вотъ пошли всякія компаніи, товарищества, акціонерныя общества. Всѣ они прозябаютъ жизнью жалкаго паразитизма, и если бы о дѣятельности ихъ не напоминала скандалёзная ихъ хроника, то для общественнаго вниманія они не имѣли бы ни малѣйшаго интереса. А между тѣмъ въ главѣ управленія стоятъ иногда люди весьма почтенные; уставы обществъ написаны всегда обстоятельно; гдѣ нужно, выписываются изъ-за границы машины, мастера и даже рабочіе. Внѣшность самая благообразная, а внутри безтолочь, неурядица, убытокъ. Иностранецъ приписалъ бы все это недостатку знанія, неспособности и экономической незрѣлости русскаго человѣка, и былъ бы правъ. Если не удается, то очевидно не умѣемъ обращаться съ своими интересами; умѣли бы—удалосьбы. Въ волжскомъ пароходствѣ мы тоже не показали особеннаго

развитія и пониманія дѣла. Для человѣка некоммерческаго это замѣтно особенно въ легкомъ пассажирномъ пароходствѣ. Напримѣръ — компанія «Самолетъ», этотъ аристократъ и баричъ волжскаго пароходства поражаетъ больше всѣхъ своей неспособностью понимать вещи надлежащимъ образомъ. У «Самолета» все изящно, все поражаетъ блескомъ и претензіей на великосвѣтскость и деликатность. Вездѣ прекрасныя пристани, удобныя сходни, лоцмана и рабочіе въ красныхъ рубашкахъ, на шляпахъ мѣдныя бляхи съ надписью «Самолетъ», пароходы свистятъ и звонятъ по три раза. Ну,—все какъ слѣдуетъ. Правда, что красныя рубашки шьются всѣ на одинъ ростъ, гуртомъ, вѣроятно въ Петербу́ргѣ, и потому матросы высокаго роста для соблюденія приличія должны обтягивать рубашки безпрестанно спереди; правда и то, что изъ экономіи красныя рубашки надѣваются только, когда пароходы пристаютъ къ главнымъ пристанямъ. Но это еще не важно и не подрываетъ кредита общества. Но вотъ бѣда. На пароходѣ, плывшемъ изъ Твери, было мѣстъ 3-го класса всего 13, а продали билетовъ 36. Это произошло оттого, что мѣста продавались въ двухъ мѣстахъ: на тверской станціи желѣзной дороги и въ конторѣ пароходства, на берегу Волги. Когда сошлись всѣ пассажиры, очутилось на каждомъ мѣстѣ по два человѣка. Первые возстали противъ этого два священника, явившіеся послѣ всѣхъ. Одинъ изъ нихъ, высокій и какъ видно энергическій человѣкъ, потребовалъ капитана. «Вы должны и т. д., началъ священникъ. А капитанъ, курляндскій нѣмецъ, сталъ кричать, что онъ ничего не долженъ и ничего не знаетъ, а всѣмъ вѣдаетъ контора. Пошли въ контору. Явился благовидный, съ бородкой, господинъ, выслушалъ претензію пассажировъ, и предложилъ дамамъ каюту 1-го класса. Но этимъ дѣло еще не кончилось. Нашлись другіе безмѣстные. Снова въ контору. Но на этотъ разъ контора, имѣя дѣло съ мужчинами, оказалась менѣе деликатной. Она дала знать, что на диванахъ лежать вовсе не полагается, а слѣдуетъ сидѣть по двое. Безпокойные люди стали возражать даже и на этотъ, повидимому, вполнѣ благоразумный отвѣтъ. «Какъ! слѣдуетъ сидѣть?! Зачѣмъ же вы публиковали, что диванъ дается каждому пассажиру?» Многимъ стало жаль капитана, потому что его, какъ единственнаго представителя общества «Самолетъ», разсвирѣпѣвшіе пассажиры просто рвали на части. Тогда болѣе кроткіе вступились за капитана. «Капитанъ тутъ невиноватъ, говорили они, виновата контора, зачѣмъ продастъ она билеты въ двойномъ числѣ.» Того же мнѣнія былъ и чистенькій, съ бородкой опрятнаго вида, бѣлокурый нѣмецъ. Его сочувствіе къ невинности было награждено впослѣдствіи: капитанъ помѣстилъ его въ каюту перваго класса. Вообще смятеніе было большое и шумъ какъ въ торговой банѣ. Только два дворовыхъ человѣка, купеческаго вида, сидѣли молча, не принимая въ суматохѣ никакого участія. Они знали очень хорошо, чѣмъ все это должно кончиться. Энергическій священникъ заявилъ мысль, что нужно прибѣгнуть къ гласности. но дворовые люди и тутъ молчали. Молодой студентъ, еврейской наружности и, какъ впослѣдствіи оказалось, человѣкъ не особенной храбрости, даже съострилъ по поводу красныхъ рубашекъ лоцмановъ и матросовъ, сказавъ что-то на счетъ опасности крас-

наго цвѣта; но дѣло все не подвигалось. Наконецъ шумъ кричавшихъ поутихъ; жертва общаго негодованія—капитанъ исчезъ; недовольные побранили еще между собой общество «Самолета», и разговоры начали склоняться понемногу къ другимъ предметамъ. Все успокоилось, хотя мѣсть и не прибавилось. Да и чего было шумѣть. И дѣйствительно господа пошумѣли, зная что имъ сойдетъ съ рукъ, и успокоились, не сдѣлавъ ничего.

Когда все затихло, многіе, въ томъ числѣ и я, приняліись смотрѣть въ дыру парохода на машину; ко мнѣ подходитъ капитанъ и говоритъ: «подождите немного, я дамъ вамъ мѣсто въ 1-мъ классѣ.»

Дня два или три спустя, ужь недалеко отъ Нижняго, въ холодный и темный какъ труба вечеръ, пассажиры, забравшись въ каюту, занимались невинными разговорами. Вошелъ штурманскій офицеръ и замѣтилъ, что по океану въ такую темь плавать опасно. Никто изъ насъ не видѣлъ океана и замѣчаніе штурмана осталось вводной фразой, не имѣвшей вліянія на направленіе бесѣды. Не прошло десяти минутъ, какъ раздался сильный трескъ. Всѣ переглянулись вопросительно. Пароходъ затрещалъ второй разъ. На многихъ лицахъ выразился испугъ; нѣкоторые изъ пассажировъ бросились на палубу. Тамъ смятеніе, суетня, крикъ. Ничего нельзя разобрать. Бабы плачутъ и охаютъ; одна изъ нихъ кричитъ—ахъ, горимъ, горимъ! Никто не знаетъ въ чемъ дѣло: а темь такая, что въ двухъ шагахъ не видно человѣка; только за кормой и передъ носомъ парохода, всматриваясь пристально, можно было замѣтить двѣ огромныя, какъ будто свѣтловатыя, удаляющіяся тѣни. Съ кормы раздаются крики: задній ходъ, задній ходъ, топоръ, топоръ, топоръ! Новая суетня и бѣготня. Топоръ подали. Опять крикъ: кидай якорь, выпускай пары!» Кинули якорь, начали выпускать пары. Все начало успокоиваться и дѣло разъяснилось. Шли двѣ разшивы, обѣ намъ на встрѣчу; одна прямо на носъ нашего парохода, другая по діагонали, перерѣзавъ намъ дорогу. Послѣдняя задѣла бортомъ корму парохода — первый трескъ, — и затѣмъ запустила лапы своего висѣвшаго на боку якоря въ желѣзную обшивку, и за руль. На разшивѣ тотчасъ же замѣтили бѣду и въ одно мгновеніе обрубили канатъ; такъ что нашъ топоръ опоздалъ. Если общее смятеніе и страхъ пассажировъ считать за ничто, то компанія Самолета оказалась въ выигрышѣ; правда въ обшивкѣ явились небывалыя въ ней дыры, но зато достался даромъ огромный якорь. Утромъ на разсвѣтѣ оказалось, что мы стоимъ у самой косы; не зацѣпи насъ разшива, капитанъ непремѣнно посадилъ бы пароходъ на мель. Что лучше—не знаю. Но если нашъ капитанъ оказался слабъ въ мореходномъ дѣлѣ, зато онъ обнаружилъ дипломатическія способности. Передъ отправленіемъ въ путь онъ зашелъ въ нашу каюту. Хотя было еще очень рано, но штурманъ пилъ уже хересъ. До прихода капитана всѣ бранили его, но только что онъ завелъ рѣчь о происшествіи, всѣ стали его оправдывать и штурманъ предложилъ даже стаканъ хересу. Капитанъ отказался, посидѣлъ минутъ пять и ушелъ. Наконецъ добрались мы и до Нижняго. Здѣсь слѣдовало пересажи-

ваться на другой пароходъ. Но на какой—никто не знаетъ и спросить некого. Одни говорятъ, что пойдетъ «Быстрый», другіе—«Прогрессъ». Мы причалили къ послѣднему. На Прогрессѣ всѣ спали, наконецъ показался на палубѣ какой-то мужикъ. Нашъ капитанъ закричалъ ему: «принимай канатъ». Но для рабочаго дѣло это оказалось непривычнымъ; онъ суетился, не зная какъ крѣпить. Затѣмъ выскочилъ еще какой-то мужикъ, сталъ тоже суетиться, и наконецъ имъ удалось какъ-то привязать насъ къ «Прогрессу». Положили сходни и началась перегрузка вещей. Шелъ дождь; каждый пассажиръ хотѣлъ видѣть своими глазами, что его вещи точно перенесутъ; вещи бросали какъ кули съ мукой, оставляя подъ дождемъ. Кто-то замѣтилъ, что вещи могутъ портиться, и тогда явилось полотно, которымъ ихъ и закрыли. Наконецъ кончилась и перекладка; перемоченные пассажиры собрались въ каютѣ новаго парохода. Въ это время является къ намъ какой-то господинъ изъ I класса и предлагаетъ подписать благодарственный актъ нашему старому капитану за благополучную доставку насъ до Нижняго. Пошли толки и споры. Студентъ-матрикулистъ согласился раньше всѣхъ подписать свидѣтельство, но другіе болѣе строптивые никакъ не соглашались, не понимая за что благодарить, тѣмъ болѣе что доставка хотя въ сущности и вышла благополучна, потому что никому не проломили голову, не проткнули бока, никого не убили и не утопили; но корма у парохода получила сверхштатныя дыры и пассажиры рисковали попасть на съѣденіе рыбамъ.

Подписей на актѣ явилось у насъ немного, зато весь первый классъ, гдѣ и сочинялся актъ, въ краснорѣчивыхъ фразахъ увѣрялъ неизвѣстно кого-то, что, благодаря распорядительности капитана, всѣ пассажиры живы и невредимы. Въ чемъ же тутъ дипломатія капитана? А дипломатія его въ томъ, что онъ забѣжалъ къ намъ, чтобы вывѣдать наше мнѣніе, и узнавъ, что его никто не винитъ, упросилъ первый классъ дать ему свидѣтельство, чтобы оправдаться предъ директорами въ пріобрѣтеніи пароходомъ сверхкомплектныхъ дыръ. По словеснымъ объясненіямъ всѣхъ лицъ, сочувствовавшихъ капитану, во всемъ винились разшивы, а люди противной партіи увѣряли, что намъ не слѣдовало втираться во встрѣчный судовой караванъ и что слава богу, что все такъ кончилось: попадись мы между разшивами, онѣ сдавили бы нашъ желѣзненькій пароходикъ въ блинъ.

Есть еще обстоятельство, хотя и не вредящее интересамъ компаніи, но для пассажировъ все-таки не совсѣмъ пріятное. Большая часть пароходовъ строена въ Бельгіи, на заводѣ Кокериля. Бельгія страна маленькая: всю ее вдоль и поперегъ можно проѣхать въ шесть часовъ; климатъ тамошній тоже не похожъ на русскій, и потому заграничный человѣкъ для своего рѣчнаго плаванія придумалъ пароходы, въ которыхъ все разсчитано на короткое плаваніе въ хорошую погоду. У насъ нѣсколько иначе. Отъ Твери до Астрахани почти 5 т. верстъ; Волга во время вѣтра стоитъ Балтійскаго моря: она ломаетъ барки десятками; отъ Твери до Астрахани приходится плыть едва ли не болѣе десяти сутокъ; очевидно, что такое плаваніе требуетъ нѣкоторыхъ

спеціальныхъ удобствъ, въ родѣ тѣхъ, какія придумали иностранцы для своихъ морскихъ пароходовъ.

Разумѣется, Джонъ Кокериль можетъ не знать ничего этого, но зато общество «Самолетъ», общество русское, знаетъ хорошо русскаго человѣка. Оно знаетъ, что мы не нуждаемся ни въ какихъ удобствахъ, не то что французъ или англичанинъ; оно знаетъ, что мы выносливы, стерпимъ и холодъ, и голодъ, и мокроту, и грязь, и невыносимую дороговизну всего, и пьяную компанію, и крупныя выраженія. Все это дѣйствительно выноситъ русскій человѣкъ, и, приноровляясь къ этимъ качествамъ. выстроены всѣ волжскіе пароходы. Положимъ, что для людей, непривычныхъ къ удобствамъ, первый и второй классъ очень хороши, но о простыхъ ужъ никакъ нельзя сказать этого; даже киргизу или буряту, привыкшему жить всегда на открытомъ воздухѣ, покажется тамъ и холодно, и мокро. Но отъ киргиза зависитъ залѣзть подъ кошму или спрятаться въ кибитку, а куда дѣться пассажиру 3 класса, выставленному на открытой палубѣ всѣмъ вѣтрамъ и непогодамъ въ теченіе десяти сутокъ холоднаго осенняго плаванія? И сколько между ними женщинъ съ маленькими и даже грудными дѣтьми! Разумѣется, можно привыкнуть ко всему; можно привыкнуть и къ тому, чтобы смотрѣть совершенно равнодушно на свернувшихся калачомъ, мокрыхъ и дрожащихъ отъ холода людей, лежащихъ въ повалку на палубѣ, на скамьяхъ, подъ скамьями, у пассажирскаго багажа, у пароходной трубы и вообще у всякаго выдающагося пароходнаго предмета, представляющаго хоть малѣйшую защиту противъ дождя и вѣтра.

Въ Нижнемъ на нашъ пароходъ посадили цѣлую партію солдатъ, все безсрочно-отпускныхъ, и плыли они кажется въ Казань, а можетъ и дальше. Шелъ дождь съ вѣтромъ. Жалкія солдатскія, поношенныя шинели промокли въ секунду. Дрожатъ бѣдные солдаты, покуриваютъ свои коротенькія трубки, чтобы хоть этимъ отогрѣться немного, да отпускаютъ съ горя разныя балагурства и остроты. Но отъ этого не становится имъ ни теплѣе, ни суше. Между пассажирами нашлось нѣсколько утопистовъ, неумѣвшихъ понять, почему солдаты должны дрожать отъ мокроты и холода. Утописты отправились на берегъ, въ контору, и обратились съ просьбой къ главному агенту общества. Господинъ въ штабъ-офицерскомъ форменномъ пальто выслушалъ снисходительно ихъ просьбу, заключавшуюся въ томъ, чтобы позволено было растянуть на пароходѣ брезентъ, чтобы спасти несчастныхъ отъ лихорадки. На эту простую и легко выполнимую просьбу послѣдовало весьма ученое разсужденіе объ остойчивости судна, о бимсахъ и брамстеньгахъ, о нордъ-остѣ и зюдъ-вестѣ, и на основаніи всего этого выведена невозможность устроить на пароходѣ покрышку изъ паруса. Въ заключеніе прибавлено, что такой вѣжливый отвѣтъ послѣдовалъ потому, что просьба была выражена вѣжливо. Просители воротились ни съ чѣмъ. На «Прогрессѣ» ихъ встрѣтилъ помощникъ капитана, человѣкъ еще совсѣмъ молодой и кажется не служившій никогда во флотѣ. Сначала онъ думалъ, что просители хлопочутъ о своей прислугѣ, но когда ему разсказали, что рѣчь идетъ о людяхъ совершенно посто-

ронихъ, онъ никакъ не могъ переварить этого и только пожалъ плечами. Къ счастью дождь шелъ не всю ночь и къ утру солдаты просохли.

Но почему же всѣ эти обстоятельства не вредятъ нисколько интересамъ компаніи? Очень просто. Компанія сообразила свое дѣло такъ: если она тѣмъ или другимъ путемъ заберетъ въ свои руки плаваніе отъ Твери до Рыбинска, то пассажиръ, сѣвшій въ Твери, будетъ въ рукахъ компаніи не только до Рыбинска, но и до Астрахани, если онъ только плыветъ туда. А если пассажиръ въ ея рукахъ, то съ нимъ можно дѣлать все что угодно. Поэтому «Самолетъ», построивъ 37 пароходовъ, откупилъ отъ другихъ компаній плаваніе по Волгѣ отъ Твери до Рыбинска, надбавилъ противъ прежнихъ годовъ плату за мѣста и за багажъ и разыгрываетъ на Волгѣ роль монополиста-откупщика. Монополистъ знаетъ свою силу: онъ, какъ никуда негодная почтовая дорога, хочешь не хочешь, а поѣдешь, когда миновать ее невозможно. Но зато и пассажиръ, садящійся на пароходъ русской компаніи, управляемый спеціалистами, знаетъ впередъ, что на всѣхъ капитанахъ, агентахъ и такъ далѣе встрѣтитъ людей самаго изящнаго вида, съ золотыми галунами на фуражкахъ и съ удовлетворительнымъ знаніемъ французскаго языка; онъ знаетъ впередъ, что съ самаго вступленія на палубу парохода на него повѣетъ воздухомъ управы благочинія; онъ знаетъ впередъ, что пароходъ или затешется въ караванъ разшивъ, или сядетъ на мель, или столкнется съ другимъ пароходомъ, или въ немъ откроется течь, или вообще съ пароходомъ случится что нибудь и случится непремѣнно; онъ знаетъ также, что если онъ самъ не будетъ стоять при своихъ вещахъ, то ихъ переломаютъ и перебьютъ, и что ни одинъ человѣкъ изъ корабельной прислуги и лицъ, управляющихъ ею, не подумаетъ, что чемоданъ не куль съ картофелемъ, что онъ боится дождя, боится ломки; онъ знаетъ впередъ, что въ одной съ нимъ каютѣ встрѣтится, если не цѣлая компанія пьяныхъ, то хоть одинъ пьяный, и что этотъ человѣкъ будетъ чудодѣйничать въ самое неурочное время. Подобныя обстоятельства во второмъ классѣ вещь обыкновенная; третій классъ уже гораздо приличнѣе. Наконецъ онъ знаетъ, что изъ буфета брать ничего не слѣдуетъ; что каждый буфетъ, существующій на пароходѣ, есть новая форма косвеннаго налога, налагаемаго компаніей на проѣзжающихъ; иначе сказать, это замаскированная прибавка на плату за мѣста, падающая на тѣхъ, кто не можетъ питаться вареными яйцами и молокомъ, продаваемыми бабами на пристаняхъ. У компаніи же въ этомъ случаѣ такой разсчетъ. Отдавая желающему содержаніе буфета на пароходѣ, компанія обязываетъ буфетчика кормить капитана, его помощника и кажется механика и машинистовъ; кромѣ того буфетчикъ еще платитъ деньгами сто рублей въ лѣто. Весь этотъ расходъ составляетъ въ лѣто около 500 руб., слѣдовательно на всѣхъ 37 пароходахъ общество получаетъ за содержаніе буфетовъ 18,500 руб., которые должны выплатить ему тѣ же проѣзжающіе, платящіе уже и такъ даромъ за весь страхъ, неудобства и всякое неустройство, ожидающее ихъ на пароходѣ. Сущность монополя всегда одна и та же — заплатишь, когда взять иначе негдѣ. Совершенно какъ въ откупѣ. Одно только непонятно, за что такіе повсемѣ-

стные нападки на винный откупъ? Развѣ за то, что онъ собираетъ милліоны, а другимъ достаются тысячи. А развѣ всѣ наши молодыя компаніи, общества и товарищества не хлопочатъ прежде всего захватить въ свои руки все дѣло и вытѣснить противниковъ? Разнѣ каждое изъ нихъ не монополистъ? И такая экономическая неурядица является какъ-разъ въ то время, когда у насъ расплодилось такъ много политико-экономовъ и даже существуетъ политико-экономическій комитетъ! Они разумѣется отвѣтятъ, что монополь происходитъ отъ недостатка соперничества. Но будто бы это такъ? Соперничество и является иногда, да его закупятъ или составятъ съ нимъ одну компанію.

Патріархальность экономическаго быта рѣшительно кончается для насъ. Помѣщикъ пересталъ быть отцомъ и кормильцемъ своихъ крестьянъ, и прославленная общинность русскаго человѣка дастъ себя чувствовать во всѣхъ предпріятіяхъ, солидающейся русской буржуазіи. Теперь для насъ наступаетъ время монополя: прежній свободный ямщикъ смѣнился вольной почтой и, перестанъ быть самъ хозяиномъ, поступилъ въ работники къ новому монополисту. Люди, гнушавшіеся прежде ямщичьимъ промысломъ, теперь стали отбивать его отъ коренного ямщика, не предоставивъ крестьянину, въ замѣнъ отнятаго отъ него промысла, ни пяди лишней земли, ни тѣни возможности вознаградить чѣмъ нибудь отнятый отъ него заработокъ. На политико-экономическомъ языкѣ это называется: Laissez faire, laissez passer. А кто же мѣшаетъ этому ямщику или бурлаку снимать подряды на вольную почту, устроивать въ компаніи желѣзныя дороги, заводить на Волгѣ пароходство? Разумѣется, никто кромѣ безсилія, т. е. бѣдности и неразвитія. Вытѣснить его отовсюду не трудно, но только едва ли это разсчетливо.

Забирая въ свои руки монополь, и убивая старый судоходный промыселъ, пароходы берутъ за доставку грузовъ гораздо дороже противъ судовъ непаровыхъ. За первый рейсъ буксирные пароходы берутъ по 1,35 к. съ пуда за сто верстъ, за слѣдующіе 86 к.; кабестанные, т. е. тѣ же машины, но въ которыхъ лошади замѣнены паромъ, берутъ за рейсъ отъ 97 -73 к. съ пуда за 100 верстъ. Такимъ образомъ за доставку хлѣба отъ устья Камы до Астрахани пароходы берутъ съ пуда отъ 45 до 50 коп., а сплавнымъ судоходствомъ обходится въ 40 копѣекъ доставка четверти, и не отъ устья Камы, а съ Витскихъ пристаней, т. е. пароходы берутъ съ пуда въ девять и въ десять разъ дороже. Здѣсь вся причина въ скорости хода. Но есть одно обстоятельство, по которому пароходы не вытѣснятъ совершенно сплавнаго судоходства. Послѣднее можетъ производиться гораздо дешевле потому, что постройка и содержаніе судовъ требуютъ меньшихъ издержекъ, слѣдовательно доступнѣе крестьянамъ; эта-то значительная дешевизна и не дастъ ему окончательно упасть.

Еще одно замѣчаніе о пароходахъ. Въ сутки непрерывной работы пароходы потребляютъ слѣдующее количество дровъ: забѣжка, или завозня 5—5½ саженъ одноколѣшныхъ, аршинныхъ дровъ; кабестанный, 60-ти-сильный —28 с., двухсоть-сильный, съ машиной низкаго давленія 36 с.; легкій, пассажирный 80-ти-сильный—25 саженъ. Среднимъ числомъ въ сутки, счи-

тая только пять мѣсяцевъ плаванія, всѣ двѣсти пятьдесятъ пароходовъ сжигаютъ 75,000 куб. саженъ дровъ! «Самолетъ» было попробовалъ топить углемъ, но, говорятъ, нашелъ негоднымъ. Многіе съ ужасомъ отзовутся объ этомъ страшномъ истребленіи лѣсовъ, но ужасъ будетъ совершенно напрасенъ. Разумѣется жаль, что лѣсъ рубится безпорядочно, но дрова, какъ извѣстно, идутъ изъ мѣстъ лѣсистыхъ, а лѣсистыхъ мѣстъ у насъ еще слишкомъ много и отъ нихъ страдаетъ русскій климатъ. При всемъ своемъ громадномъ пространствѣ Россія бѣдна обработанною землей, и крестьяне многихъ губерній въ ней нуждаются. Не для нихъ ли подготовляются эти пустыри, происходящіе отъ безпорядочныхъ рубокъ и лѣсныхъ пожаровъ? Въ такомъ случаѣ не лучше ли отдать половину нашихъ глухихъ и болотистыхъ лѣсовъ нуждающимся крестьянамъ теперь же?

II.

Упадокъ Казани и казанскихъ промысловъ.

Казань давно славится своимъ мыломъ, кожами и тарантасами, а многіе хвалятъ ее и за красоту. Все это—патріотическое увлеченіе. Относительно наружной красоты Казань имѣетъ видъ новаго, только-что строющагося города; нѣтъ ни одной улицы безъ щепокъ, бревенъ, кирпича, мусора. При малѣйшемъ вѣтрѣ соръ мететъ въ глаза, совсѣмъ какъ въ Шубій или Сахарѣ. Интересно бы знать, на сколько сокращается жизнь казанскихъ жителей оттого, что вмѣсто воздуха они дышатъ щепками, сѣномъ и всякимъ соромъ! Увеличенію ихъ много способствуетъ общій всѣмъ русскимъ способъ мощенія улицъ. Способъ этотъ весьма простъ: уложатъ рядкомъ камешки, посыплютъ ихъ толченымъ кирпичемъ и положатъ сверху на палецъ песку. При малѣйшемъ вѣтрѣ песокъ несетъ въ глаза проходящимъ и проѣзжающимъ, несетъ въ окна домовъ. Сѣченый песокъ очевидно не достигаетъ цѣли, потому что послѣ перваго вѣтра не остается его ни зерна на вновь сдѣланной мостовой. А между тѣмъ сколько у насъ ученыхъ инженеровъ, спеціально посвятившихъ себя устройству путей сообщенія; или можетъ быть городскія улицы не пути сообщенія? Отчего же, остановившись на прадѣдовскомъ способѣ мощенія улицъ, мы въ теченіе тысячелѣтія не подвинулись въ этомъ дѣлѣ ни на шагъ? Единственно потому, что пыль и соръ не считаются у насъ неудобствами жизни и въ хорошихъ дорогахъ мы не нуждаемся. Иностранцы —другое дѣло. Хорошую дорогу они считаютъ важной вещью и въ экономическомъ отношеніи, и въ отношеніи здоровья, и въ отношеніи удобствъ жизни; оттого у нихъ вездѣ шоссе и хорошія мостовыя. У насъ же не нужно ни того, ни другаго; поэтому наши крестьяне не стѣсняются непроходимой грязью въ деревняхъ, а городскіе жители непроходимыми мостовыми въ городахъ. Когда тѣмъ и другимъ дурныя дороги сдѣлаются невыносимыми, съ той же минуты начнутъ появляться у насъ и хорошіе пути со-

общенія. Такъ же далеко ушли мы и съ своей знаменитой паркетной дорогой. Въ Казани, на главной Воскресенской улицѣ есть тоже въ двухъ мѣстахъ, въ видѣ небольшихъ заплатокъ, торцовая мостовая. Эта мостовая, составляющая гордость Россіи и изобрѣтенная Гурьевымъ, дѣлается и нынче, какъ дѣлалась тридцать лѣтъ назадъ. По прежнему кладется она совсѣмъ горизонтально, безъ всякихъ стоковъ; по прежнему торцы выпучиваются въ серединѣ, и по прежнему такая дорога болѣе трехъ лѣтъ не можетъ существовать. А кажется, что̀ можетъ быть проще того соображенія, что для стока дождевой воды мостовая должна имѣть нѣсколько выпуклую поверхность; что торцы у своихъ верхнихъ концовъ не должны прилегать вплоть одинъ къ другому и тогда, при разбуханіи отъ влажности, они не станутъ принимать видъ пуповины, а раздадутся въ бока. Варшавскимъ, напримѣръ, жителямъ не нравится дурная торцовая, и потому тамъ дошли до такого ея устройства, что она служитъ двадцать лѣтъ безъ всякаго ремонта; дѣлаютъ ее не изъ ели или сосны, а изъ дуба, и кладутъ не на деревянную горизонтальную подстилку, а на плотную выпуклую известковую смазку. Непривычка къ удобствамъ и низкій уровень матеріальныхъ и нравственныхъ потребностей— одна изъ главнѣйшихъ причинъ, почему одно общество находитъ удобнымъ то, что для другаго невыносимо. Этимъ обстоятельствомъ, и единственно этимъ, объясняется причина многихъ явленій въ экономической жизни русскаго человѣка.

Промыслы Казанской губерніи, составившіе ей репутацію, въ настоящее время пользуются совершенно несправедливо извѣстностью. Первое и доселѣ значительное производство, кожевенное, зависитъ отъ такихъ условій, при которыхъ ему должно упасть непремѣнно, если въ земледѣльческомъ сословіи не разовьется большее благосостояніе. Изъ статистическихъ свѣдѣній видно (Лаптевъ Каз. губ.), что въ 1811 году считалось въ Казани 130 кожевенныхъ заводовъ, а въ 1857 году только 41. Въ 1828 году было выработано 357 т. кожъ, а въ 1857 году 635 т. Изъ этого видно, что число заводовъ уменьшилось на двѣ трети, а количество выдѣланныхъ кожъ увеличилось на 278 т. штукъ. Если смотрѣть на такой фактъ съ точки зрѣнія общихъ выводовъ, то можно радоваться и увеличенію производства, и уменьшенію числа заводовъ. Увеличеніе производства—это сила теперешней Казани; такая же сила—и меньшее число заводовъ, производящихъ значительно большее количество кожъ. Но подобный взглядъ на дѣло будетъ чисто англійскій, ибо въ уменьшеніи числа заводовъ слѣдуетъ видѣть уменьшеніе на двѣ трети числа самостоятельныхъ хозяевъ, и возвышеніе уровня благосостоянія немногихъ на счетъ многихъ. Гораздо было бы лучше, если бы 635 т. кожъ распредѣлились нынче между 260 заводами, чѣмъ между 41. Кромѣ подобнаго ослабленія казанскаго кожевеннаго производства въ послѣднее время перестали выдѣлываться тамъ такіе сорты, которые вырабатывались прежде десятками тысячъ. Напримѣръ въ 1815 году на 15 татарскихъ заводахъ выдѣлывалось кромѣ козловыхъ 43,800 штукъ красной юфти, въ 1824 году только 1050 штукъ, а въ тридцатыхъ годахъ производство красной юфти совершенно прекратилось.

Матеріалъ для обработки доставляется въ Казань изъ губерній Пермской, Вятской, Симбирской, Астраханской, Самарской и Оренбургской. Лучшими сырыми кожами считаются сибирскія, и онѣ идутъ на выдѣлку высшихъ сортовъ. Самыя дурныя кожи доставляются изъ окрестностей Казани. Остальные матеріалы, необходимые для дубленія, кромѣ корья, квасцы, купоросъ, конопляное масло, рыбій жиръ, сандалъ, сода, поташъ и проч., покупаются на нижегородской ярмаркѣ. Изъ этого одного видно, что кожевенному производству, получающему всѣ сырые продукты изъ другихъ губерній, нѣтъ непремѣнной причины существовать въ Казани. Искусство казанскихъ мастеровыхъ и рабочихъ тоже не такого высокаго достоинства, чтобъ они были незамѣнимы въ другихъ мѣстахъ; напротивъ, число хорошихъ и добросовѣстныхъ мастеровыхъ весьма ограничено и разумѣется сдѣлалось еще меньше съ тѣхъ поръ, когда число заводовъ стало уменьшаться и прежніе хозяева должны были идти въ мастеровые или даже въ рабочіе къ другимъ болѣе богатымъ хозяевамъ. Единственный заводъ, отличающійся выдѣлкой кожъ (козловыхъ) —заводъ Котелова. Другіе заводы не пользуются такой репутаціей: Казанскій опоекъ не можетъ никакъ сравниться съ опойкомъ петербургскимъ, и вообще петербургскія, московскія, вятскія крупныя кожи вовсе не хуже, напротивъ лучше казанскихъ. Въ казанскомъ кожевенномъ производствѣ, какъ и въ русской мостовой, незамѣтно тѣни прогресса и стремленія къ улучшенію дѣла. Отъ этой спячки русскаго человѣка его вытѣсняютъ вездѣ на иностранныхъ рынкахъ; въ хлѣбѣ нашемъ нуждаются менѣе, потому что явилось соперничество Америки, Венгріи и славянскихъ земель; въ Китаѣ вытѣсняютъ насъ англичане и французы; даже въ нашей домашней чайной торговлѣ встрѣтили мы себѣ соперниковъ въ англичанахъ.

Если бы Казань владѣла какимъ нибудь секретомъ, или только въ ней бы и находились мастера научно понимающіе дѣло и постоянно стремящіеся къ улучшенію, тогда бы еще кожевенное производство могло считаться спеціальностью и славой Казани. Но ничего подобнаго Казань не представляетъ. Тамошніе мастера работаютъ такъ, а не иначе потому, что ихъ такъ научили; и работаетъ мастеръ однимъ способомъ до самой смерти. При такомъ порядкѣ производства, основанномъ исключительно на практикѣ, производству совершенствоваться или совсѣмъ невозможно, или оно должно подвигаться весьма медленно; иначе сказать —производство должно падать. Такъ оно и есть въ дѣйствительности. За немногими счастливыми исключеніями, какъ Котеловъ, или новая компанія для обработки кожъ, остальные мастера закостенѣли въ рутинѣ; что будетъ съ новымъ поколѣніемъ? Но и съ новымъ выйдетъ то же самое, если оно останется на той же степени образованія, какъ его почтенные предки.

Но если казанскіе мастера поймутъ и узнаютъ свое дѣло такъ же хорошо, какъ англійскіе кожевники, все-таки, съ улучшеніемъ путей сообщенія въ восточной Россіи, казанскому производству не удержаться уже потому, что сырье не составляетъ мѣстнаго продукта, а доставляется въ Казань. Точно такъ же, какъ оно тянется въ Казань, оно можетъ потянуться и въ другія

губерніи. Причина въ томъ, что скотоводство въ казанской губерніи въ совершенномъ упадкѣ, а при нынѣшнихъ условіяхъ земледѣльческаго быта и состоянія сельскаго хозяйства оно и не можетъ подняться. Луговодство у крестьянъ естественное, т. е. что уродится, то и хорошо; нѣтъ ни дренажей, ни орошеній. Но это бы все еще ничего, если бы крестьяне имѣли достаточно земли, а земли у нихъ именно столько, что скотъ можно держать только полусытымъ. Вотъ разсчетъ, приводимый Лантевымъ. Принимая, что десятина дастъ даже 100 пудовъ сѣна, получится со всѣхъ покосовъ Казанской губерніи 4,540,000 пудовъ сѣна въ годъ. Всего скота въ губерніи считается 2,030,000 головъ; чтобы содержать его всю зиму на сѣнѣ, нужно 10,150,000 пудовъ, а сѣна собирается только $4^1/_4$ милліона. Очевидно, что содержать на сѣнѣ скотъ невозможно, и приходится по необходимости кормить его соломой, гнившими соломенными крышами и всякой дрянью. При такой непитательной пищѣ получается скотъ малорослый и слабый. Здѣшнія лошади на седьмомъ году оказываются негодными для работы, и рѣдкая лошадь держится до 15 лѣтъ. Рогатый скотъ нѣсколько лучше и единственно потому, что онъ легче переноситъ голодъ, дурную пищу, скверную воду и всякія лишенія. Не говоря уже про недостатокъ въ сѣнѣ, въ Казанской губерніи есть мѣста, напримѣръ—Ядринскій уѣздъ, гдѣ зачастую встрѣчается недостатокъ въ соломѣ, и скотъ къ веснѣ едва волочитъ ноги. Какое же можетъ быть скотоводство, когда скоту ѣсть нечего! И послѣ этого находятся еще чудаки, обвиняющіе крестьянина въ томъ, что онъ не заботится объ улучшеніи породы скота; что порядочный купленный скотъ перерождается у него въ слабосильный и мелкій! Разумѣется, казанскій крестьянинъ не читалъ ни Бабста, ни его руководства къ разведенію крупнаго рогатаго скота, ни The Cow, dairy husbandry and cattle breeding, да и къ чему онъ станетъ читать ихъ, когда знаетъ, что скотъ кормить нечѣмъ. Развѣ для того, чтобы почувствовать сильнѣе, что на его скотѣ отражается неумолимый мальтусовъ законъ? Также несправедливо обвиняютъ крестьянина и въ томъ, что у него падаетъ много скота, что изъ числа заболѣвающей скотины умираетъ 75%, что крестьяне не умѣютъ ни предупреждать, ни лечить заразы. Разумѣется смѣшно, что для предупрежденія чумы просверливаютъ у скота въ рогахъ дырочки и опускаютъ туда каплю ртути. Но вѣдь если понять лучше этотъ фактъ, такъ и смѣшнаго въ немъ ничего нѣтъ. Въ обществѣ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ были люди, кажется, очень умные и образованные, въ обществѣ петербургскихъ водопроводовъ тоже, а дѣла ихъ оказались гораздо хуже мужицкаго скотоводства казанскихъ крестьянъ.

Какъ съ скотоводствомъ, такъ и съ мыловареньемъ. Кто хочетъ сберечь кожу на лицѣ и на рукахъ, тотъ, разумѣется, не долженъ мыться такъ-называемымъ казанскимъ мыломъ. Прежде, лѣтъ двадцать назадъ, варилось въ Казани много мыла, но потомъ стали соперничать съ нею верховыя губерніи и казанскій мыльный промыселъ началъ упадать. Теперь Казань варитъ только до 40,000 пудовъ мыла, тогда какъ прежде на заводѣ одного Золотарева приготовлялось его до 100,000 пудовъ въ годъ. Всѣхъ мыльныхъ заводовъ

въ Казани десять и всѣ они принадлежатъ татарамъ (Лаптевъ). Причина упадка казанскаго мыльнаго производства не въ томъ, чтобы недоставало для него сырыхъ продуктовъ, а въ невѣжествѣ мастеровъ. Ни одинъ изъ нихъ не понимаетъ сущности процесса, и въ то время, какъ въ Англіи и во Франціи дѣло это стало на научныхъ началахъ, казанскій татаринъ работаетъ все такъ же, какъ работали его предки во время завоеванія Казанскаго царства. Понятно, что лучшія и дешевѣйшія мыла, какъ напримѣръ французскаго гигіеническаго общества, или приготовляемое русскою компаніею подъ названіемъ «царскаго мыла», должны были вытѣснить казанское яичное мыло. Вмѣсто того, чтобы улучшить производство и удержать за собой мѣсто въ торговлѣ, мыловары бросились на плутовство и въ дешевые сорты яичнаго мыла стали класть желтую краску. Отъ такихъ сортовъ мыла лупится кожа, и несмотря на то, оно продается въ Казани по 60 к. сер. за фунтъ.

Въ той же степени, какъ падаетъ мыловареніе, упадаетъ сальный промыселъ и сально-свѣчное производство. Образцы сальныхъ свѣчей, бывавшіе на промышленныхъ выставкахъ, отличались и недоброкачественнымъ саломъ и небрежнымъ приготовленіемъ. А между тѣмъ, вырабатывая свѣчей до 100.000 пудовъ въ годъ, фабриканты, кажется, могли бы имѣть возможность заниматься этимъ дѣломъ добросовѣстно и улучшать производство. Но отчего же они не улучшаютъ производства? Отчего не идутъ вровень съ успѣхами технологіи? А потому и не идутъ, что не могутъ идти. Изъ 11 свѣчныхъ заводовъ 9 принадлежатъ купцамъ, т. е. людямъ, имѣющимъ повидимому возможность получить образованіе и повести дѣло порядочно, а дѣло все-таки идетъ дурно по той же причинѣ, по которой русскіе купцы не умѣютъ устроить заграничной торговли, не имѣютъ биржи въ Москвѣ, а на жалкой петербургской биржѣ находятся въ рукахъ заграничныхъ коммиссіонеровъ и биржевыхъ маклеровъ. Но если бы казанскіе свѣчные заводчики оказались вдругъ людьми просвѣщенными и развитыми: если бы они сравнялись въ познаніяхъ съ Муспратомъ, то и въ этомъ случаѣ не поддержали бы вполнѣ сально-свѣчного производства, съ которымъ стало конкурировать производство пальмовыхъ и стеариновыхъ свѣчей. Еще въ одномъ случаѣ могли бы процвѣтать сальные заводы Казани, но для этого нужно условіе, еще долго невозможное въ Россіи—возвышеніе матеріальнаго благосостоянія крестьянъ. Разумѣется, если предположить, что крестьяне найдутъ освѣщеніе лучиной и катаніемъ неудобнымъ и нездоровымъ, и станутъ жечь сальныя свѣчи, то найдется порядочная работа и не для однихъ казанскихъ заводовъ: въ этомъ случаѣ Россія доведетъ свое сально-свѣчное производство до громадной цифры двухъ милліоновъ пудовъ, не считая стеариновыхъ и пальмовыхъ свѣчей. Но когда еще наступитъ такое блаженное время!

Вообще уровень матеріальнаго благосостоянія крестьянъ Казанской губерніи очень не великъ. Занимаясь преимущественно земледѣліемъ, они не въ состояніи существовать исключительно имъ. Подспорьемъ служатъ промысловыя занятія, къ которымъ прибѣгаютъ крестьяне, какъ къ единственному средству уплаты податей и разныхъ денежныхъ сборовъ. Не имѣя капиталовъ,

крестьяне перебиваются кое-какъ съ своей промышленностью и едва сводятъ концы съ концами. Одна изъ важнѣйшихъ промышленностей Казанской губерніи—лѣсная, т. е. заготовка дровъ, бревенъ, приготовленіе мочалъ, тканье рогожъ и гонка смолы и дегтя. Рубкой и возкой лѣса крестьяне занимаются исключительно зимой. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ два работника выставятъ промышленнику 26 саж., т. е. срубятъ, вывезутъ и выгонятъ къ главному пункту по мелочнымъ рѣчкамъ. За это платится рабочимъ 30 руб.; исключивъ всѣ расходы на инструменты, на содержаніе самихъ рабочихъ и лошадей, составляющіе до 19 рублей, остается на двухъ рабочихъ чистой прибыли 11 руб. или по 5 р. 50 к. на человѣка. Вотъ весь зимній заработокъ крестьянина, живущаго заготовкой лѣса. Строевой лѣсъ даетъ нѣсколько болѣе выгодъ. Но и въ этомъ скудномъ промыслѣ крестьянину приходится испытывать потери. Особенно страдаютъ черемисы и чуваши, какъ народъ болѣ смирный. Подряжаясь заготовлять лѣсъ пятериками, они должны сдать болѣе; отъ рабочихъ требуютъ лишней прикладки на 1 аршинъ, а безъ этого не даютъ расплаты. Такимъ образомъ изъ жалкихъ 5 р. 50 к. украдетъ еще часть безсовѣстный приказчикъ! Въ тѣхъ промыслахъ, гдѣ одна физическая сила еще недостаточна, а требуется нѣкоторое техническое образованіе, крестьянскій заработокъ нѣсколько болѣе. Напримѣръ тканье рогожъ даетъ чистаго заработка въ четыре мѣсяца болѣе 7 руб., а дѣланіе кулей и цыновокъ отъ 10 до 12 рублей. Такимъ образомъ одинъ изъ самыхъ выгодныхъ заработковъ даетъ отъ $2^1/_2$ 3 р. въ мѣсяцъ. Остальные промыслы — дѣланіе гребенокъ, гончарное производство, выдѣлка овчинъ, кузнечное мастерство даютъ еще менѣе. На кузнечномъ ремеслѣ, считающемся однимъ изъ выгодныхъ, кузнецъ получаетъ выгодъ чистаго дохода немного болѣе 20 рублей. Кузнецы же деревенскіе, работающіе въ покривившихся, жалкаго вида, кузницахъ и занимающіеся поправкой и изготовленіемъ земледѣльческихъ орудій, оковкой телѣгъ, заработываютъ выгодъ не болѣе 25 рублей, а за всѣми расходами на матеріалъ, содержаніе кузницы и ремонтъ инструментовъ, очистится не болѣе 8 рублей серебромъ. Для людей недостаточно знакомыхъ съ промышленными силами крестьянъ, цифры эти поясняютъ, почему экономическій бытъ крестьянъ не отличается особеннымъ блескомъ; почему у него и сермяга плоха, и изба смотритъ на бокъ, и ѣстъ онъ всякую дрянь, вдохновившую русскихъ патріотовъ сочинить извѣстную поговорку—«что русскому здорово, то нѣмцу смерть». Дѣйствительно, нужно имѣть очень ограниченныя потребности и желудокъ травояднаго животнаго, чтобы переваривать смѣсь изъ сырого кваса, рѣдьки, кочарыжекъ, кислаго молока, огурцовъ, составляющихъ обыкновенную пищу русскаго крестьянина. Людямъ, незнакомымъ съ физіологіей и новѣйшими ея открытіями, кажется смѣшнымъ, когда послѣдователи Молешота и Фохта жалѣютъ нѣмцевъ, питающихся картофелемъ; когда нравственныя качества человѣка и его энергію они ставятъ въ прямой зависимости отъ пищи; когда они дѣлаютъ параллель между травояднымъ, вялымъ воломъ и энергическимъ хищнымъ животнымъ. Но смѣхъ въ этомъ случаѣ ничего не опровергаетъ и ничего не доказываетъ, кромѣ невѣжества и недостатка познаній.

Сельскіе хозяева давно знаютъ, что тяжелая работа и дурная пища создаютъ даже изъ хорошаго скота породу тупую и слабосильную. Законы физіологіи одинаковы для всѣхъ животныхъ организмовъ и, разумѣется, тысяча лѣтъ, въ теченіе которыхъ русскій человѣкъ не питался мясомъ двѣсти постныхъ дней въ году, а полтораста дней потому, что пѣтъ мяса, и замѣнилъ животную пищу растительной, должны были сдѣлать въ его организмѣ большую перемѣну и сообщить его нравственнымъ качествамъ и характеру нѣсколько воловій оттѣнокъ. Чтобы понять все значеніе мясной пищи, нужно взглянуть на англичанина. Его свѣжесть, плотность, сила мускуловъ и энергія находится въ прямой связи съ хорошей питательной, мясной пищей.

Въ томъ, что русскій крестьянинъ ѣстъ кочарыжки и огурцы, винить его, разумѣется, нельзя, менѣе всего виноватъ онъ самъ. Наше образованное сословіе вышло изъ того же народа и, очутившись въ иныхъ условіяхъ, скоро научилось не только ѣсть говядину, но и вошло во вкусъ французской кухни. Весь вопросъ исключительно въ развитіи экономическихъ условій, въ возможности развитія матеріальнаго благосостоянія. Но пока условія экономическаго быта русскаго крестьянина не измѣнятся, онъ не перестанетъ быть травоядным, и не почувствуетъ тѣхъ высокихъ нравственныхъ потребностей, въ недостаткѣ которыхъ его укоряютъ наши самородки-моралисты. Теперь всѣхъ безпокоитъ забота объ образованіи мужика; каждый придумываетъ свой проектъ, желая создать у насъ вѣкъ Перикла, но забываютъ моралисты одно,— что на голодное брюхо — ученіе глухо; что человѣку сытому, имѣющему досугъ отъ заботъ о пропитаніи, явится сама собой потребность къ такъ называемымъ высшимъ наслажденіямъ, и тогда вѣкъ Перикла придетъ самъ собой. Насъ одолѣваетъ бѣдность и больше ничего. Всѣ же жалобы на пьянство, грубость и всякіе пороки русскаго человѣка, при всей ихъ справедливости, пустыя слова и больше ничего, пока не обезпечены потребности желудка и не улучшенъ матеріальный бытъ. Но уровень матеріальныхъ потребностей русскаго человѣка не поднимется скоро, даже при весьма выгодныхъ условіяхъ экономическаго быта. Нужно, чтобы цѣлое поколѣніе привыкло жить иначе и воспиталось въ новыхъ условіяхъ и гражданскаго, и экономическаго положенія.

Въ Казани есть еще промыселъ, составляющій ея славу и гордость — тарантасы и сани. Этимъ дѣломъ занимается не Казань собственно, а прилегающія къ ней селенія. Достоинство экипажей зависитъ преимущественно отъ хорошей ихъ ковки. Куютъ экипажи подгородные кузнецы, а оси идутъ изъ тагильскаго завода Демидова. Приготовленіе кузововъ, хода и колесъ составляетъ отдѣльный промыселъ. Такимъ образомъ въ казанскомъ экипажномъ производствѣ существуетъ полнѣйшая система раздѣленія работъ, а въ Казани только собираются экипажи и отдѣлываются окончательно. Этимъ занимаются особые хозяева-мастера. Изъ нихъ первое мѣсто занимаетъ Романовъ. Особенность Романова въ томъ, что онъ работаетъ безъ запроса и безъ обмана. Экипажъ, купленный у Романова, стóитъ нѣсколько дороже, чѣмъ у другихъ мастеровъ, но зато купившій можетъ быть смѣло увѣренъ, что экипажъ прой-

детъ пять тысячъ верстъ по ужасной сибирской дорогѣ безъ починки. Этого нельзя сказать про тарантасы другихъ мастеровъ. Хорошее качество романовскихъ тарантасовъ зависитъ отъ строгаго пріема работы деревенскихъ мастеровъ. Плешки въ желѣзѣ, неакуратность, неточность работы и пригонки отдѣльныхъ частей, допускаемыя другими мастерами, Романовыми не допускаются и ненадежная вещь не принимается. Но зато болѣе акуратная работа оплачивается дороже; въ этомъ причина высшей цѣны романовскихъ тарантасовъ, которые продаются рублей на двадцать пять дороже противъ экипажей другихъ мастеровъ. Зачѣмъ же не всѣ экипажи дѣлаются одного качества? На это казанскій мастеръ отвѣтилъ, что есть покупщики, которымъ нужны не качество вещи, а только низкая цѣна, и для такихъ-то покупщиковъ и работаютъ мастера, спустя рукава.

Экипажный промыселъ, кажется, единственный, которому суждено процвѣтать еще долго въ Казани. Причина въ томъ, что Казань лежитъ какъ-разъ въ ближайшемъ пунктѣ къ мѣстамъ, гдѣ еще долго нельзя будетъ ѣздить въ экипажахъ европейскаго фасона; что казанскіе мастера дѣйствительно овладѣли вполнѣ технической стороной тарантаснаго дѣла и едва ли гдѣ нибудь въ Россіи найдутся имъ соперники; наконецъ, въ Казанской губерніи произрастаютъ какъ-разъ всѣ древесныя породы, имѣющія качества, необходимыя для сообщенія деревяннымъ частямъ экипажа высшей доброты: липа, дубъ, вязъ, береза. Съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ, пароходства и шоссейныхъ дорогъ тарантасы будутъ все болѣе и болѣе оттѣсняться къ востоку и сдѣлаются наконецъ достояніемъ исключительно Сибири; а въ этомъ случаѣ, разумѣется, самымъ естественнымъ пунктомъ ихъ изготовленія будетъ Казань.

Съ другой стороны то, что поможетъ тарантасу остаться спеціальностью Казани, убьетъ промыслы, составлявшіе до сихъ поръ исключительную особенность этого города. До развитія пароходства Казань играла значительную роль, какъ дѣйствительно удобнѣйшій пунктъ для доставки и сбыта сырыхъ произведеній. Казань служила складочнымъ пунктомъ сибирскимъ товарамъ, приходившимъ зимнимъ путемъ; точно такъ же и товары съ Нижегородской ярмарки, назначавшіеся въ Сибирь и въ Уральскій край, или водой до Казани и отсюда уже гужемъ. Съ развитіемъ пароходства по Камѣ это значеніе Казани стало падать, и промежуточнымъ складочнымъ пунктомъ, въ торговыхъ сношеніяхъ съ Сибирью и губерніями при-уральскими, дѣлается Пермь. Отъ этого число обозовъ, проходящихъ въ Казань, годъ отъ году уменьшается, и городъ Казань, какъ торговый пунктъ, несмотря на развитіе торговли вообще въ Казанской губерніи, годъ отъ году падаетъ. Такимъ образомъ съ 1835 по 1840 годъ разгружалось въ Казани товаровъ среднимъ числомъ на 4,309,356 руб., а въ 1857 году только на 2,910,795 руб. Грузилось же товаровъ: съ 1835—1840 года на 3,490,182 р., а въ 1857 году на 3,994,883 р. (Лаптевъ). Цифры эти, разумѣется, не даютъ вполнѣ точнаго понятія о степени и характерѣ упадка торговли Казани, потому что вмѣсто рода и количества товаровъ указываютъ неясную и шаткую величину ихъ цѣны. Но ужъ такова у насъ манера собирать статистическія свѣдѣнія, что изъ нихъ никогда почти

нельзя получить вполнѣ точнаго понятія о предметѣ, и вмѣсто цифръ, имѣющихъ смыслъ, приходится удовольствоваться или цифрами, дающими приблизительное понятіе, или несчастными *средними* выводами, недающими никакого понятія. Впрочемъ, зная, что цѣны на всѣ предметы первой необходимости поднялись въ Россіи въ послѣднее десятилѣтіе почти вдвое, легко увидимъ, что приволъ товаровъ въ Казань уменьшился въ теченіи двадцати лѣтъ на 63%, а вывозъ почти на 40%.

III.

Кама. Пермь. Русскія механическія способности.

Отъ Казани до Перми можно плыть съ удовлетворительными удобствами на пароходахъ общества «Самолетъ», «Кавказъ и Меркурій». Плаваніе совершается въ пятеро сутокъ и тянется нестерпимо долго. Причина очень простая. Кама гораздо многоводнѣе Волги и способнѣе для судоходства. Ни пороговъ, ни мелей по ней нѣтъ. Она вскрывается позже Волги, течетъ быстрѣе и можетъ поднимать суда большаго размѣра. Вотъ и все о Камѣ, что узнаетъ любознательный путешественникъ въ первые же полчаса плаванія. Затѣмъ, во всѣ остальные пятеро сутокъ, передъ нимъ многоводная, широкая рѣка, протекающая по пустынной, необработанной, безлюдной мѣстности. Хотя на Камѣ, въ предѣлахъ Казанской губерніи, считается два города и 23 деревни, съ населеніемъ около 35 т. душъ, такъ что на каждую версту приходится по 19 человѣкъ, и по одному населенному пункту на каждыя 7 верстъ, но, глядя на необитаемость и пустынность береговъ рѣки, сомнѣваешься и въ этомъ разсчетѣ; а между тѣмъ разсчетъ вѣренъ. Дѣло въ томъ, что деревни стоятъ не на самомъ берегу, и замѣчаешь ихъ только тогда, когда пароходъ останавливается у станціи для грузки дровъ. Грузятъ дрова дѣвки и бабы, получая за это самую ничтожную плату, если не ошибаюсь— полторы или двѣ копѣйки за сажень.

Непріятность путешествія увеличивается у насъ въ Россіи тѣмъ, что невозможно разсчитать заранѣе ни времени, ни издержекъ, ни способа поѣздки. Отъ этого, вмѣсто десяти дней пути, приходится иногда проѣхать мѣсяцъ, вмѣсто рубля истратить два, и разсчитывая на пароходъ, ѣхать въ дѣйствительности въ телѣгѣ. Знаетъ ли, напримѣръ, хоть одинъ изъ жителей Россіи, во сколько времени и въ чемъ можно ѣхать, ну хоть въ Сибирь, и во сколько обойдется ему дорога? Никто этого не знаетъ кромѣ тѣхъ, кто уже ѣздилъ; ни въ одномъ печатномъ объявленіи нельзя найти отвѣта на эти вопросы. Да и тѣ, кто ѣздилъ, могутъ сказать утвердительно только о пути того времени, когда они совершали его. Въ Петербургѣ можно узнать только одно, что изъ Твери идутъ пароходы «Самолетъ» до Казани и потомъ до Перми. Публикаціи объ этомъ помѣщаются довольно часто въ газетахъ. Но есть ли кромѣ Самолета другія компаніи—это неизвѣстно; что беретъ «Самолетъ» за

мѣста и за багажъ, въ объявленіяхъ компаніи не говорится. За этими свѣдѣніями нужно отправляться въ правленіе общества. Далѣе, что̀ стоитъ содержаніе на пароходѣ—также неизвѣстно. Разумѣется, разсчитывая на maximum, т. е. предполагая, что стаканъ воды стоитъ 25 коп., а порція супу или котлетъ 1 руб., можно еще сообразить кое-что. Но всѣ эти свѣдѣнія далеко не полны. Всѣ наши компаніи пароходства, кажется, и хлопочутъ только объ одномъ — сдѣлать какъ можно менѣе извѣстнымъ то, что болѣе всего интересуетъ путешественника. Отъ этого въ объявленіяхъ «Самолета» развѣ только въ гостинницахъ обозначены дни и часы отхода пароходовъ, а цѣнъ не показано. Потомъ, никому неизвѣстно, существуютъ ли на Волгѣ другія пароходныя компаніи. Только во время плаванія узнаешь, что есть общество «Кавказъ и Меркурій», «Волга», «Польза», «Дружина», «Нептунъ» и другія; что пароходы общества «Волги» лучшіе; что на нихъ лучше и содержаніе, лучше и помѣщеніе; нѣтъ ничего напоминающаго управу благочинія и т. д. Зачѣмъ же общества эти не даютъ знать о себѣ? Отчего только «Самолетъ» и черными, и красными объявленіями накричалъ о себѣ такъ, что петербургскіе жители имѣютъ полное право думать, что кромѣ пароходовъ «Самолета» другихъ и не плаваетъ по Волгѣ. Въ этомъ случаѣ «Самолетъ» одинъ и поступалъ по европейски, хотя и не вполнѣ, потому что умолчалъ о цѣнахъ, но по крайней мѣрѣ на столько хорошо, что заявилъ о своемъ существованіи, а другія компаніи не сдѣлали даже и этого, разсчитывая по древнеславянскому обычаю, что̀ кому что нужно, тотъ и найдетъ что ищетъ. Впрочемъ, если бы цѣны за проѣздъ и были объявлены, путешественникъ не долженъ быть увѣренъ, что съ него возьмутъ по объявленію. Со мной было два случая. Прочтенный «Самолетомъ», который отъ Твери до Казани беретъ за багажъ 1 р. 25 к. съ пуда, такъ что вещи обошлись мнѣ ровно столько, сколько я заплатилъ за мѣсто, я не захотѣлъ повторить такую же исторію съ отправкой вещей отъ Казани до Перми, гдѣ съ пуда берутъ по рублю. По справкамъ оказалось, что можно послать вещи съ буксирнымъ пароходомъ по 36 к. съ пуда, а съ меня взяли только 20 к. Отчего же могло это случиться? Случилось очень просто — пароходная любезность и больше ничего. Отъ пріемщика зависѣло взглянуть на чемоданы и сундуки какъ на «багажъ» или какъ на «товаръ»; онъ взглянулъ какъ на товаръ. На Байкалѣ поступаютъ иначе. Компанія публикуетъ, что за переправку тарантаса берется отъ 10 до 15 руб. Подъѣзжаешь къ берегу, отправляешься въ контору и узнаешь, что переправа тарантаса будетъ стоить 30 р. Какъ тридцать! Да у васъ въ объявленіи сказано отъ 10 до 15? — Да, сказано, но вашъ тарантасъ большой. — Ну такъ вы и публикуйте, что за большіе тарантасы 30 р. — Намъ осенью даютъ по шестидесяти, только ради бога возьмите; впрочемъ поговорите съ хозяиномъ.—Переговоры кончились тѣмъ, что взяли 15 р. Къ чему такія исторіи? Однимъ только и можно объяснить ихъ, что въ Азіи и въ мѣстахъ пограничныхъ съ ней не слѣдуетъ ожидать европейскихъ порядковъ. Въ этомъ же причина, почему русскіе промышленники до сихъ поръ не понимаютъ всей важности объявленій. Не говоря уже про удобство для поку-

нателей и самъ продавецъ остается въ большомъ выигрышѣ. У насъ не такъ. Еще петербургскіе торговцы научились отъ иностранцевъ понимать важность объявленій, но провинціальные считаютъ ихъ рѣшительнымъ пустякомъ, вѣроятно основываясь на томъ, что истинное достоинство невозможно ни скрыть, ни убавить, и что оно всплываетъ какъ правда. Жаль только, что правда не всегда всплываетъ, или всплываетъ поздно. По этой же причинѣ и казанскіе мастера, гордые своей извѣстностью, не считаютъ нужнымъ ни публиковать о своихъ тарантасахъ, ни объяснять, въ какихъ мѣстахъ, губерніяхъ или городахъ есть склады казанскихъ тарантасовъ. Можно ихъ обвинить еще и въ томъ, что они не хотятъ знать промышленныхъ выставокъ. Разумѣется, для плохихъ и недобросовѣстныхъ мастеровъ, разсчитывающихъ на обманъ, выставки не представляютъ ничего привлекательнаго, кромѣ самообличенія, но для мастера, вѣрно понимающаго торговое и промышленное дѣло и дорожащаго хорошею репутаціей, выставка имѣетъ большое значеніе: она лучшая рекомендація его издѣлій, создающая извѣстность и привлекающая покупщиковъ. Этого до сихъ поръ не понимаютъ ни тарантасные, ни всякіе другіе русскіе мастера, и оттого теряютъ обоюдно и торговцы, и покупатели. Не зная, что въ Казани есть такіе мастера, какъ Романовъ, и что тарантасы его совершенно новые продаются въ Перми, я забрался въ Казань десятью днями ранѣе, чтобы уладить себѣ тарантасъ по вкусу. Потомъ однако оказалось, что сожалѣніе совершенно напрасно; время все равно пришлось бы потерять, и опять отъ той же причины—недостатка объявленій. О буксирныхъ пароходахъ приходится справляться также только въ конторѣ, что для казанскаго жителя не совсѣмъ удобно, потому что пароходная пристань лежитъ за 7 верстъ отъ города, а для иногородныхъ и совсѣмъ невозможно. Случается однако, что за два дня до прихода парохода, или въ день прихода, разнесутъ по городу объявленія и наклеятъ ихъ кое въ какихъ лавкахъ. Но и такимъ объявленіямъ вѣрить вполнѣ не слѣдуетъ, потому что, если срокъ отплытія назначенъ 25 числа, то ничто не мѣшаетъ пароходу отплыть въ дѣйствительности 28 или даже 1 числа слѣдующаго мѣсяца. Точно такъ же, если вамъ скажутъ, что вещи ваши прибудутъ въ Пермь черезъ десять дней, не вѣрьте и этому. За свое легковѣріе я поплатился тѣмъ, что прожилъ въ Перми четыре дня въ ожиданіи своихъ вещей, плывшихъ, вмѣсто десяти, пятнадцать дней. Человѣкъ факта легко оправдаетъ все это. Но дѣло не въ оправданіи: всякому дѣйствію есть всегда причина, а въ томъ, что у насъ нельзя ничего разсчитать, что у насъ не знаешь ни о чемъ во время и вѣрно; что вмѣсто десяти дней тратишь на поѣздку двадцать четыре; что не сообразишь ни расходовъ, ни времени и наткнешься на такія случайности, которыя невозможны ни въ одномъ мало-мальски благоустроенномъ обществѣ. Мы приходимъ въ великое удивленіе, читая въ газетахъ, что лондонскій часовой мастеръ Бенетъ заплатилъ тысячу фунтовъ (6,250 р.) за помѣщеніе объявленія на первой страницѣ каталога нынѣшней лондонской выставки. А между тѣмъ Бенетъ больше ничего, какъ человѣкъ, вполнѣ понимающій значеніе и важность

объявленій; человѣкъ, знающій навѣрное, что вмѣсто тысячи фунтовъ, истраченныхъ имъ на объявленіе, онъ получитъ двѣ.

Какъ я уже сказалъ, на всемъ сибирскомъ трактѣ только два города, отличающіеся совершенной мертвенностью. Пермь въ этомъ случаѣ далеко перещеголяла Тверь. Въ Твери встрѣтилъ я на улицахъ хотя трехъ человѣкъ; но въ Перми, проживъ четыре дня и разъѣзжая по городу по разнымъ направленіямъ, я не встрѣчалъ кромѣ куръ и собакъ рѣшительно никого. Только по утрамъ нарушалась мертвенность бряцаніемъ цѣпей арестантовъ, проходившихъ по нашей улицѣ подъ карауломъ; то же бряцанье повторялось вечеромъ, когда арестанты возвращались съ работы. Случалось еще иногда, что проплылъ мимо извощикъ вздумавшій прокатиться, видно со скуки, недождавшись сѣдока. Даже въ гостиномъ дворѣ та же тишина и отсутствіе жизни. Проходилъ я мимо его нѣсколько разъ и ни въ одной лавкѣ не видѣлъ ни одного покупщика. Въ то время, какъ въ казенномъ, аристократическомъ городѣ, населенномъ власти и цивилизованнымъ сословіемъ, не было рѣшительно признаковъ жизни, точно будто бы всѣ отдыхали послѣ плотнаго торжественнаго обѣда, въ нижней части города, на берегу Камы, у соляныхъ магазиновъ и на пристаняхъ буксирныхъ пароходовъ было довольно оживленно. Нельзя сказать, чтобы оживленіе это могло сравняться съ дѣятельностью приволжскихъ городовъ, но по крайней мѣрѣ были видны люди. Главнѣйшая работа шла у казенныхъ соляныхъ магазиновъ. Грузилась соль. Сотни двѣ женщинъ, молодыхъ и сильныхъ, бойко носили мѣшки съ солью, подшучивая другъ надъ другомъ и подсмѣиваясь иногда за надзиравшими за ними солдатами. Работа заключалась въ слѣдующемъ. Каждая женщина принимала на суднѣ мѣшокъ въ два пуда, взваливала его на плеча, взносила по узкой, прямой, высокой лѣстницѣ, пристроенной снаружи магазина, въ самый верхъ, высыпала соль внутрь магазина, сбѣгала внизъ, потомъ на барку, подставляла мѣшокъ работнику, тотъ насыпалъ его полный солью, и она съ нимъ поднималась вновь подъ крышу магазина. За эту постоянную бѣготню въ теченіе 12 часовъ съ грузомъ вверхъ и внизъ платится работницѣ 15 к. Разумѣется, надо очень нуждаться въ деньгахъ и жить въ сторонѣ, представляющей весьма слабую возможность ихъ заработка, чтобы идти на такой бурлацкій трудъ за 15 копѣекъ! Это—экономическая сторона вопроса, въ которой нужно винить не женщинъ, а тѣ обстоятельства, которыя гонятъ ихъ въ эту работу. Еще хорошо, что явился и этотъ промыселъ. А то чѣмъ бы существовать мѣщанамъ въ этомъ юномъ городѣ, гдѣ незамѣтно никакихъ признаковъ жизни, никакихъ признаковъ потребности въ человѣческомъ трудѣ, никакого экономическаго и промышленнаго развитія. Но въ этомъ дѣлѣ есть еще и сторона техническая, и тутъ представляется замѣчательная неспособность работницъ упростить и облегчить свой трудъ. Онѣ могли бы насыпать соль въ магазинъ, не бѣгая внизъ и вверхъ по лѣстницѣ. Стоило бы только встать въ два ряда, отъ барки съ солью до двери магазина; одинъ рядъ передавалъ бы мѣшки съ солью для высыпки въ магазинъ, а другой рядъ возвращалъ бы на барку опорожненные мѣшки для новой нагрузки, какъ

это дѣлается, напримѣръ, въ Самарѣ, при засыпкѣ магазиновъ пшеницей. Но работницамъ даже не приходитъ и мысль упростить свой трудъ. Онѣ находятъ свою работу тяжелой; возвращаясь домой, чувствуютъ боль и въ лопаткахъ, и въ икрахъ, и въ рукахъ, а явившись на работу назавтра продолжаютъ ее тѣмъ же способомъ, какъ дѣлали и вчера, и третьяго дня. Эту пассивность русскаго рабочаго можно видѣть чаще всего при нагрузкѣ и выгрузкѣ товаровъ. Отрицать совершенно прогрессъ въ этомъ дѣлѣ нельзя, но прогрессъ этотъ даетъ себя чувствовать слишкомъ медленно. Разумѣется, петербургскіе биржевые артельщики наловчились катать бочки, носить ящики, возить экипажи, перетаскивать и ломкій и неломкій товаръ. Но довольно видѣть петербургскаго же ломового извощика, чтобы оцѣнить и ловкость, и способности провинціальнаго носильщика. Онъ рѣшительно какъ будто бы и не владѣетъ другими способностями, кромѣ медвѣжьей силы, и только въ ней ищетъ спасенья. Оттого, зацѣпитъ ли вещь за бортъ парохода, или за какой нибудь предметъ, случайно лежащій на дорогѣ, рабочій только усугубитъ упругость мускуловъ, напряжетъ всѣмъ тѣломъ и глядишь, вещь дѣйствительно пройдетъ; а того что лопнетъ бортъ парохода, или сломится вещь — рабочій не разбираетъ; ему нужно сломать всѣ препятствія и онъ точно ихъ ломаетъ. Татары въ этомъ случаѣ далеко способнѣе русскихъ: въ нихъ больше сметки и меньше медвѣжьей неуклюжести; въ Казани ихъ предпочитаютъ русскимъ рабочимъ. Особенно больно смотрѣть на грузку вещей и товаровъ, гдѣ пароходство возникло недавно — лѣтъ десять, пятнадцать. Кажется вкатить бочку — вещь простая, и бочки точно вкатываютъ легко, если приходится катить прямо, безъ всякихъ поворотовъ. Но дѣло принимаетъ другой видъ, когда встрѣтится новый случай. Такъ въ Тюмени грузили баржу бочками. Приходилось ихъ грузить не изъ магазина, прямо по сходнямъ положеннымъ на баржу, а съ лодки, подплывшей къ сходнямъ съ боку. Вся трудность заключалась въ томъ, чтобы сдвинуть бочку съ мѣста и, докативъ ее до главныхъ сходней, повернуть на нихъ подъ прямымъ угломъ и затѣмъ катить на баржу. Всѣхъ бочекъ было штукъ триста. Кажется сейчасъ же и можно бы было сообразить всѣ трудности; но рабочіе не утруждали себя соображеніями. «Ну-ка, ребята, на махъ», самое обыкновенное правило рабочихъ, примѣнялось и тутъ къ каждой бочкѣ и зато сколько было брани, крику, уханья, сколько потратилось лишней силы, сколько ушло даромъ времени! Если рабочіе получали поденщины 20 к., то ужъ разумѣется каждый изъ нихъ на одной этой грузкѣ истратилъ силы за четыре рабочихъ дня. Но съ другой стороны правъ и чернорабочій, когда онъ говоритъ, что ему нельзя дѣлать иначе. Къ его физической силѣ, окружающая его экономическая дѣятельность, не дала ему никакого подспорья. Англичане, нѣмцы и французы придумали разныя подъемныя машины и разными вспомогательными механическими средствами старались сократить расходъ на физическую силу. Но русскій купецъ и промышленникъ должно быть еще не нуждается въ этомъ; грузились же товары сотни лѣтъ простымъ способомъ, отчего же имъ не грузиться еще сотни лѣтъ тѣмъ же способомъ? Дѣйствуя въ водоворотѣ такихъ экономическихъ понятій и чернорабочій ос-

тается все тѣмъ же ломовикомъ и еще долго останется имъ. Разумѣется, прежде чѣмъ мы доростемъ до вспомогательныхъ механическихъ средствъ, много поломаемъ пароходовъ, потопимъ грузу и всякаго товара, измучимъ животныхъ и задавимъ людей. Но стоитъ ли сокрушаться объ этихъ мелочахъ, когда весь вредъ заключается только въ томъ, что вмѣсто одной силы тратится двѣ, вмѣсто часа — сутки, вмѣсто рубля — пять рублей. Незная русскихъ механическихъ способностей, штетинскіе нѣмцы удивляются, отчего бочки съ саломъ приходятъ къ нимъ въ такомъ жалкомъ видѣ, что необходимо перемѣнить на всѣхъ обручи. Для нѣмцевъ это тѣмъ болѣе непонятно, что бочки плывутъ на пароходѣ, гдѣ укладываются неподвижно и слѣдовательно лопнуть обручамъ нѣтъ никакой причины; но нѣмцы не знаютъ только одного, какимъ способомъ вкатились бочки въ трюмъ; въ этомъ-то и весь секретъ. А что бы сказали нѣмцы, когда бы увидѣли байкальскій способъ разгрузки пароходовъ! Со стороны Иркутска, гдѣ стоитъ «знаменитая» гостинница, устроена на Байкалѣ пристань, и товары и экипажи взводятся на пароходъ удобно по сходнямъ. Но съ другой, Посольской стороны не существуетъ никакихъ удобствъ ни для путешественниковъ, ни для ихъ вещей, ни для самаго парохода. Пристани на берегу нѣтъ, и потому пароходъ бросаетъ якорь не доходя до берега за полверсты. Этотъ способъ остановки не считается нигдѣ въ свѣтѣ удобнымъ; не считается онъ удобнымъ и на Байкалѣ, съ той только разницей, что во всѣхъ частяхъ свѣта люди, дожившіе до сознанія какого нибудь неудобства, стараются его устранить. На Байкалѣ это нѣсколько иначе. Всѣ, и хозяева пароходовъ, и купцы, отправляющіе свои товары, и путешественники, и представители мѣстной власти, и простой народъ, и пароходная прислуга находятъ, что останавливаться въ открытомъ озерѣ во время качки,—а Байкалъ не бываетъ никогда спокоенъ,—не совсѣмъ удобно. Но изъ этого ничего не выходитъ; пристани все таки нѣтъ, да вѣроятно пройдетъ еще столѣтіе, прежде чѣмъ она явится. Скажутъ, что дамба или вообще пристань такого устройства, въ которую бы входилъ пароходъ спокойно во время бури, стоитъ дорого, кому ее строить, да и за чѣмъ, когда пристаютъ пароходы и такъ. Разумѣется, дамба или искусственная гавань стоитъ денегъ; но не нужно забывать, что здѣсь идетъ рѣчь о кяхтинскомъ трактѣ, объ единственномъ почтовомъ и торговомъ пути, соединяющемъ Забайкалье и Амуръ съ Россіей. Въ западной Европѣ мѣста, имѣющія и сотой доли такого значенія, устраиваются такъ, чтобы людямъ не приходилось ни рисковать жизнью, ни имуществомъ. Есть, напримѣръ, на сѣверномъ берегу Франціи, при впаденіи Сены въ Ламаншъ, небольшая деревушка Трувиль, населенная рыбаками. Пристават здѣсь къ берегу очень неудобно, потому что Ламаншъ такъ же безпокоенъ, какъ и Байкалъ. И вотъ люди устроили входъ для своихъ рыбачьихъ судовъ и укрываются въ него въ бурю. Эти самые бѣдные рыбаки, поселясь на Посольской сторонѣ Байкала, разумѣется давно бы устроили пристань и гавань; а байкальцы, перенесенные въ Трувиль, только бы сокрушались, что Ламаншъ ломаетъ и топитъ суда, и сдружившись съ этой бѣдой, не шевельнули бы ни однимъ пальцемъ для ея устраненія.

Эти-то самые байкальцы разгружаютъ свои пароходы такъ: байкальскіе пароходы имѣютъ размѣры пароходовъ мореходныхъ: они высоки, съ глухими бортами. Пассажировъ и вещи принимаютъ въ большія лодки и на веслахъ доставляютъ на берегъ. Лодки устроены для перевозки тюковъ, но не людей: а потому въ нихъ нѣтъ лавокъ и каждый пассажиръ садится на чемъ знаетъ и какъ знаетъ. Обыкновенно сидѣньемъ служатъ собственныя вещи. Это еще все ничего и самое маленькое изъ неудобствъ; точно также, хотя и неудобно, но выносимо—пересаживаніе съ парохода въ лодку. Если лодка подойдетъ къ трапу, то, опустившись по немъ, путешественнику остается сдѣлать только на дно лодки прыжокъ въ два аршина; но если этого по какимъ нибудь причинамъ не случится, и придется садится съ носа, то путешественнику предстоитъ трудная штука опуститься съ высоты двухъ саженъ. Все это говорится о пароходѣ «Генералъ Корсаковъ»; можетъ быть другой пароходъ удобнѣе—не знаю. Разумѣется матросы по возможности облегчаютъ эту операцію; одинъ возьметъ васъ за руку, другой подъ мышку, третій за талію, такъ что того и гляди, что или вывихнутъ руку, или сломятъ ребро. Но положеніе экипажей и лошадей гораздо ужаснѣе. Здѣсь русская изобрѣтательность и смышленость, прославленная покойнымъ Булгаринымъ, доходитъ дѣйствительно до высшаго своего развитія. Положить сходни съ парохода на лодку невозможно, потому что и лодку, и пароходъ качаетъ. А потому байкальцы ухитрились такъ. Къ концу фокъ-рея, т. е. къ поперечной перекладинѣ первой носовой мачты, привязываются крѣпкіе желѣзные блоки, съ пропущенными сквозь нихъ толстыми смолеными канатами. Концы этихъ канатовъ захватываютъ лошадь подъ животъ у переднихъ и заднихъ ногъ, а за противоположные концы берутся люди и тянутъ лошадь къ верху. Такъ какъ концы фокъ-рея выдаются за борты парохода, или говоря яснѣе, она много длиннѣе ширины парохода, то приподнятая лошадь, отдѣлившись отъ палубы, повиснетъ на канатахъ совершенно вертикально надъ водой. Тогда начинаютъ спускать канаты по немногу, пока лошадь не встанетъ на дно подведенной къ пароходу лодки. Такимъ же способомъ опускаютъ въ лодку и тарантасы, зацѣпляя ихъ канатами за переднія и заднія колеса. Для безопасности тарантасы разгружаются совершенно. Но это не мѣшаетъ владѣльцу тарантаса смотрѣть съ ужасомъ, когда экипажъ его, отдѣлившись отъ парохода начнетъ приходить въ вертикальное положеніе и повиснетъ на высотѣ двухъ, а можетъ и трехъ саженъ надъ лодкой. Это самая критическая минута, особенно если затрещатъ канаты и блокъ, что случается нерѣдко. Разумѣется, управляющій пароходомъ увѣряетъ, что это ничего, что тарантасъ опустятъ спокойно; но сомнительно, чтобы и онъ самъ былъ дѣйствительно убѣжденъ въ томъ, что говоритъ.

Всѣ эти факты, повидимому мелкіе, мы приводимъ не безъ основанія: они важны въ томъ отношеніи, что показываютъ, что на каждой степени экономическаго развитія и цивилизаціи человѣкъ проявляетъ свои способности и находчивость такъ или иначе. Россія въ этомъ отношеніи, можетъ быть, и счастливѣе покамѣстъ западной Европы, потому что успѣхи механики стоятъ у насъ въ уровень съ развитіемъ остальныхъ сторонъ экономической

дѣятельности, какъ это было на западѣ до изобрѣтенія машинъ. Съ развитіемъ ихъ и съ громадными успѣхами механики, машина замѣнила человѣка: производительность фабрикъ и мануфактуръ усилилась въ гигантскихъ размѣрахъ, тогда какъ земледѣліе, благодаря отсталости агрономіи и земледѣльческой химіи, осталось при прежней продуктивности и при прежнихъ несовершенныхъ способахъ культуры. Вотъ почему человѣку, сдѣлавшемуся лишнимъ, не находилось мѣста въ земледѣльческомъ быту и не оставалось куска хлѣба. Отъ подобной бѣды спасала насъ до сихъ поръ единственно наша экономическая отсталость и неразвитость, при самомъ низкомъ уровнѣ потребностей крестьянскаго сословія. Въ этой патріархальности быта, при несовершенствѣ всѣхъ пріемовъ, требовалось во всемъ большее число рабочихъ рукъ и больше времени; оттого лишніе люди оказывались невозможными, а вся страна, производя мало и имѣла всего мало. Но теперь начинается у насъ другой порядокъ. Къ какимъ онъ приведетъ результатамъ, сказать еще нельзя, потому что неизвѣстно, какъ мы разрѣшимъ вопросы, касающіеся земледѣльческаго быта Россіи; въ какой пропорціи установится число безземельныхъ къ земледѣльцамъ, и на сколько привьется къ народу артельное начало, во всѣхъ производствахъ, служащихъ подспорьемъ его земледѣльческой производительности. Въ настоящее время вѣрно только одно, что на всѣхъ европейскихъ рынкахъ мы должны уступать иностранцамъ даже въ сбытѣ хлѣба. Роль житницы, если не вполнѣ кончилась, то уже начинаетъ кончаться для Россіи. Австралія, Америка, Австрійскія славянскія земли и Венгрія доставляютъ въ Европу хлѣбъ и высшаго достоинства, и по болѣе низкой цѣнѣ, чѣмъ Россія, и Россіи, не имѣющей ни желѣзныхъ дорогъ, ни устроенныхъ и главныхъ путей, ни шоссе, рѣшительно невозможно съ ними бороться. Вытѣсненной разъ на европейскомъ рынкѣ, ей будетъ очень трудно возстановить свои отношенія, и пройдутъ десятки лѣтъ, прежде чѣмъ Россія войдетъ въ силу и вернетъ навшее къ ней довѣріе. Но все будетъ зависѣть отъ того, какую роль въ общей производительности Россіи будетъ играть земледѣльческое сословіе. «Во времена очень тяжелыя, говоритъ Мишле (Le Peuple, ч. I, гл. 1)— это слова Стюарта Милля—въ эпохи всеобщей бѣдности, когда и богачъ бываетъ принужденъ продавать, бѣднякъ видитъ себя въ состояніи покупать; не является никакихъ покупателей; приходитъ въ лохмотьяхъ поселянинъ съ своимъ лундоромъ и пріобрѣтаетъ клочокъ земли. За этими временами разоренія, когда поселянинъ могъ только пріобрѣтать землю, всегда слѣдовало внезапное возвышеніе изобилія, котораго не умѣли объяснить. Напримѣръ, около 1500 года, когда Франція, истощенная Людовикомъ XI, довершаетъ свое разореніе въ Италіи, дворянство, идущее въ походъ, принуждено продавать; земли, перейдя въ новыя руки, вдругъ расцвѣтаютъ; народъ работаетъ, строится. Это прекрасное время на языкѣ монархической исторіи называется временемъ «добраго» Людовика XII».

«Къ несчастію, оно непродолжительно. Едва земля приведена въ хорошее положеніе, на нее обрушивается фискъ; начинаются религіозныя волненія, истребляющія все, что есть на землѣ; начинаются ужасныя бѣдствія, страш-

ные голодные годы, въ которые матери ѣдятъ своихъ дѣтей. Можно ли повѣрить, что страна оправится? Но едва окончилась война, на этомъ опустошенномъ полѣ, изъ этой еще дымящейся хижины является поселянинъ съ деньгами, которыя успѣлъ сберечь. Онъ покупаетъ; чрезъ 10 лѣтъ лицо Франціи измѣнилось; чрезъ 20 или 30 всѣ имѣнія удвоились, утроились въ цѣнности. Эта эпоха также называется именемъ короля, «добраго» Генриха IV и великаго Ришелье.»

«О третьей эпохѣ нечужно и говорить—это была эпоха революціи.»

«Кто хочетъ изучать картины, противоположныя этимъ, пусть сравнитъ эти историческіе періоды, ознаменованные раздробленіемъ большой и созданіемъ малой собственности, съ тяжелымъ страданіемъ націи, сопровождавшимъ изгнаніе мелкихъ йоменовъ для очищенія мѣста большимъ пастбищамъ, съ этимъ великимъ экономическимъ событіемъ англійской исторіи въ XVI вѣкѣ и съ продолжительнымъ ухудшеніемъ въ положеніи рабочихъ классовъ послѣ этого событія.»

Любители историческихъ примѣровъ найдутъ о чемъ подумать надъ этими фактами, объясняемыми весьма просто экономической теоріей послѣдняго времени. Понятно, почему нужно желать, чтобы для экономическаго благосостоянія всякой страны каждый земледѣлецъ имѣлъ свою или общинную землю; чтобы не существовало большихъ личныхъ богатствъ; чтобы большія предпріятія свершались участіемъ множества мелкихъ капиталовъ; чтобы земледѣлецъ не былъ принужденъ идти въ рабочіе или къ земледѣльцу, или къ фабриканту; и чтобы артельное начало и экономическая самостоятельность служила основаніемъ всей экономической дѣятельности. Желанія эти, кажется, очень умѣренны; но и для осуществленія ихъ нужно пережить много и ждать долго.

Во всю дорогу отъ Казани до Перми представился мнѣ только одинъ интересный экономическій фактъ. Плыла съ нами артель судорабочихъ изъ крестьянъ, приписанныхъ къ какому-то частному заводу. Послѣ освобожденія, крестьяне эти, для уплаты разныхъ податей и повинностей, увидѣли необходимость идти на заработокъ. Дома добыть деньги было рѣшительно невозможно, и крестьяне отправились на промыселъ, доступный всякому человѣку, когда у него цѣлы руки и ноги, —въ бурлачество. За проводь судовъ отъ Перми до Казани каждый рабочій получалъ ровно столько, что, уплативъ за мѣсто на пароходѣ и затѣмъ пройдя пѣшкомъ 500 верстъ до своей деревни, онъ возвращался безъ копѣйки въ карманѣ, употребивъ на такую выгодную работу два мѣсяца. Очень можетъ быть, что крестьяне эти, какъ новички, дозволяли себѣ излишества, неизвѣстныя бурлакамъ, т. е. кромѣ хлѣба и воды ѣли иногда молоко или даже брали мясо; очевидно, что люди не умѣли справиться съ заработанными деньгами, не умѣли разсчитать десять рублей такъ, чтобы имъ достало пяти рублей въ мѣсяцъ—на сапоги, рукавицы, лямку, ѣду и за мѣста на пароходѣ. Вотъ они и наказаны за неразсчетливость!

IV.

Пашня вмѣсто дороги. Екатеринбургъ. Фабричные. Ихъ техническая неразвитость.

Пермская губернія прославилась своими почтовыми дорогами, но вотъ какой дорогой пришлось мнѣ ѣхать въ началѣ іюня, на Тюмень. Дорога имѣла видъ узкой и безконечно длинной пашни, взрытой плугами на глубину 6—10 вершковъ. Мѣстами эта пашня была тверда какъ камень, и тогда экипажъ трясло и кидало изъ стороны въ сторону, такъ что приходилось то подскакивать и биться теменъ въ верхъ тарантаса, то качаться изъ стороны въ сторону, какъ обороченный маятникъ; мѣстами же борозды были залиты водой, и тогда къ качанью и тряскѣ прибавлялось новое неудобство: лошади, оступаясь, брызгали грязью, или выбившись изъ силъ, останавливались въ самомъ скверномъ и трудномъ мѣстѣ дороги. А между тѣмъ по сторонамъ дороги стояли рядомъ, на ровномъ разстояніи, кучи песку, поросшаго травой. Слѣдуетъ полагать, что песокъ этотъ свезенъ для поправленія дороги. Въ длинномъ спискѣ медалей и отзывовъ, присужденныхъ на нынѣшней лондонской выставкѣ, не встрѣчается Пермская губернія. Вѣроятно изъ скромности, Пермь не выслала ни фотографическаго изображенія своихъ дорогъ, ни куска этого невиданнаго нигдѣ въ мірѣ образца мѣстной производительности. Ужь разумѣется, кусокъ пермской дороги былъ бы самымъ любопытнымъ предметомъ выставки, и мѣриломъ мѣстнаго русскаго пониманья важности хорошихъ сообщеній, и вліянія ихъ на сбытъ и цѣнность русскихъ произведеній. Кстати замѣчу, что тюменскимъ трактомъ проходятъ въ годъ болѣе 80,000 одинихъ чайныхъ мѣстъ, т. е. до шести съ половиною милліоновъ фунтовъ чая; что обыкновенно на лошадь кладется пять мѣстъ, или только 10 пудовъ; что по шоссе та же лошадь можетъ везти до 70 пудовъ, по деревянной дорогѣ 250 пудовъ, и по желѣзнымъ рельсамъ до 700 пудовъ, такъ что тюменскимъ трактомъ обозная лошадь тянетъ въ семь разъ менѣе противъ шоссе и въ семьдесятъ разъ менѣе противъ желѣзной дороги. Очевидно, что экономическое развитіе страны съ пермско-тюменскими дорогами невозможно; намъ невозможно стать въ уровень съ западной Европой, пока во всѣхъ своихъ промышленныхъ предпріятіяхъ мы будемъ тратить силъ въ семьдесятъ разъ болѣе противъ нея.

А между тѣмъ былая слава пермскихъ дорогъ—вовсе не мѣстный патріотизмъ. Тамошнія дороги были точно хороши, пока ихъ поправляли натурой. Эта своего рода барщина, раззорительная для народа, даровыхъ силъ котораго не жалѣли ни становые, ни исправники, заставила замѣнить натуральную повинность денежною. Въ Кунгурскомъ уѣздѣ, напримѣръ, собирается 40 к. съ души, деньги сдаются подрядчику и ужь тотъ обязанъ чинить и содержать дорогу. Несмотря на то, что денежный сборъ есть редуцировка прежней натуральной повинности, и въ качествѣ дороги не должно бы быть замѣтно

никакихъ перемѣнъ, дорога стала все-таки хуже. Причину этого можетъ объяснить лучше всего мѣстная земская полиція. Впрочемъ не вездѣ крестьяне свобождены отъ натуральной повинности. Еще и теперь сгоняютъ мѣстамир крестьянъ за сто верстъ и чѣмъ разстояніе участка дальше отъ мѣста жительства крестьянъ, тѣмъ дорога хуже. Особенно дурны участки, содержимые башкирами.—Отчего у васъ такая скверная дорога, спросилъ я ямщика одной изъ станцій передъ Екатеринбургомъ? —Да извѣстное дѣло:—башкиръ, отвѣтилъ ямщикъ. Впрочемъ башкиръ, или русскій; но содержаніе дорогъ натурой вещь невозможная. Оно возможно только въ томъ случаѣ, если не ставить ни во что раззореніе крестьянъ; если же смотрѣть на крестьянина какъ на земледѣльца и беречь его, то хорошее качество дорогъ невозможно, потому что весной, въ распутицу, дорогу чинить нельзя, пока она не высохнетъ; а лѣтомъ сухую дорогу чинить не за чѣмъ—укатаютъ и безъ починки. Вѣроятно въ этомъ и причина, почему пермскія дороги такъ дурны во всякое время года.

Екатеринбургъ хотя и считается уѣзднымъ городомъ Пермской губерніи, но онъ скорѣе походитъ на губернскій, — въ городѣ и дома лучше, и жизни больше и потребности населенія разнообразнѣе. Причина въ томъ, что Екатеринбургъ игралъ до сихъ поръ роль столицы Урала; въ немъ были и свои заводы, и свои фабрики, и свои мастерскія, благодаря казеннымъ рабочимъ горнаго вѣдомства. Екатеринбургъ былъ мѣстнымъ центромъ. Но роль его измѣнится, если уральская желѣзная дорога минуетъ его и будутъ закрыты казенные заводы и фабрики. Съ Екатеринбургомъ случится то же, что дѣлается уже съ Казанью. Впрочемъ ужъ и теперь нѣкоторыя изъ его заведеній живутъ старой славой. Особенно разочаровываетъ гранильная фабрика; первое разочарованіе въ томъ, что она вовсе не «гранильная». На фабрикѣ ничего не гранятъ и нѣтъ въ ней ни одного камешка, который предполагалось бы гранить. Фабрика занимается исключительно приготовленіемъ столовъ, чашъ, вазъ и гигантскихъ свѣтильниковъ, въ родѣ тѣхъ, какіе служили украшеніемъ дворцовъ Семирамиды. Все это дѣлается изъ камня, исключительно по петербургскимъ приказаніямъ.

Человѣкъ, ожидающій увидѣть блестящее заведеніе, ошибется жестоко, потому что ему покажутъ всего одну комнату пыльную и грязную съ двадцатью рабочими, занятыми точеньемъ и шлифованьемъ какихъ-то каменныхъ обрубковъ. Изъ этихъ обрубковъ будутъ составлены впослѣдствіи канделабры. Объ эффектѣ этихъ будущихъ свѣтильниковъ сказать теперь еще ничего нельзя, но можно знать одно, что они будутъ очень велики и очень хорошо отшлифованы. За исключеніемъ свѣтильниковъ, находящихся въ работѣ кажется уже два года, въ настоящее время ничего не дѣлается, да вѣроятно и эти свѣтильники—лебединая пѣснь екатеринбургской гранильной фабрики.

Всѣхъ людей на фабрикѣ 100 человѣкъ; изъ нихъ работаютъ, въ двѣ смѣны, отъ 20 до 30 человѣкъ, остальные занимаютъ караулы и исполняютъ разныя хозяйственныя работы по фабрикѣ. Казенные мастеровые, какъ называются рабочіе, получаютъ жалованье довольно скудное: ученикъ въ мѣсяцъ

25 копѣекъ, а рабочіе по тремъ разрядамъ: 55 к., 90 коп. и самое большое—1 р. 10 к ; къ этому въ придачу провіантъ: два пуда муки на взрослаго рабочаго и по 1 пуду на ребенка. На жену тоже два пуда. Срокъ службы 35 лѣтъ. Прослужившій безукоризненно увольнялся съ пенсіей одной трети жалованья. Такимъ образомъ человѣкъ, хоть и хорошій, но не особенно искусный, получавшій 90 к. жалованья и паекъ на себя, жену и на дѣтей, прослужа 35 лѣтъ и обезсилѣвъ отъ работы и старости, увольнялся въ отставку съ пенсіономъ въ 3 р. 60 к. въ годъ, или 30 копѣекъ въ мѣсяцъ. Для человѣка семейнаго, кажется, не особенно много, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время пудъ муки стоитъ въ Екатеринбургѣ 1 р., сѣна пудъ 90 к., дрова сосновыя 2 р. за одноаршинную сажень. Такимъ образомъ на пенсіонъ въ 3 р. 60 к. можно имѣть хлѣба печенаго, считая на пудъ муки двадцать фунтовъ припеку,—216 фунтовъ, а полагая на взрослаго человѣка только 3 фунта въ день, этого количества достанетъ всего на 72 дня. Чѣмъ же существуетъ хилый, неспособный къ работѣ человѣкъ? Чѣмъ! существуетъ какъ знаетъ. А между тѣмъ прослужить 35 лѣтъ и сохранить силы едва ли возможно мастеровому. Извѣстны болѣзни англійскихъ шлифовщиковъ; болѣзни разныхъ сортовъ, но главнѣйшая изъ нихъ легочная чахотка. Въ Англіи дѣло это извѣстно потому, что англійское правительство нарядило для изслѣдованія разныхъ вопросовъ фабричнаго дѣла особыя коммиссіи. У насъ хотя и не было правительственныхъ коммиссій и частныхъ наблюденій, потому что не пришло для этого время, тѣмъ не менѣе довольно увидѣть шлифовальщика, чтобы сказать, что онъ страдаетъ грудью. Блѣдный цвѣтъ, общая худоба тѣла, несвободное дыханіе—вотъ признаки екатеринбургскихъ шлифовальщиковъ. Они и сами говорятъ, что всѣ страдаютъ чахоткой, потому что приходится дышать постоянно тонкой пылью наждака. Они очень хорошо знаютъ, что къ этому яду надо привыкать съ молоду, что свѣжій взрослый человѣкъ не выноситъ отравы и скоро умираетъ. Но что же дѣлать рабочему, когда не отъ него зависитъ быть или не быть шлифовальщикомъ? И онъ шелъ въ шлифовальщики, зная, что у него будетъ и болѣть грудь, и разовьется чахотка, и что онъ сильно сократитъ свою жизнь. Правда бывали примѣры, что бывшій мастеровой достигалъ глубокой старости; но кто можетъ сказать, сколько бы онъ прожилъ, если бы не работалъ наждакомъ? Одно средство нашли рабочіе, чтобы хотя нѣсколько ослабить вредное вліяніе наждаковой пыли. Они курятъ махорку и откашливаютъ мокроту, смѣшанную съ наждакомъ. Кто не куритъ, не можетъ долго выносить работы и скоро умираетъ. Въ Англіи, гдѣ вопросъ о шлифовальщикахъ обращалъ на себя серьезное вниманіе, къ шлифовальнымъ станкамъ придѣлываютъ особые снаряды, увлекающіе пыль. У насъ этого нѣтъ.

Теперь вопросъ о казенныхъ мастеровыхъ уже оконченъ; всѣ они должны быть уволены и будутъ работать на фабрикѣ по вольному найму съ платою 8, 10, 13 и 15 руб. жалованья въ мѣсяцъ. Этой мѣрой положеніе однихъ улучшится—тѣхъ, которые останутся на фабрикѣ; другимъ будетъ хуже, разумѣется временно, пока не пріищутъ себѣ занятіе и не перейдутъ на пашню.

Переходъ къ земледѣлію для фабричнаго рабочаго не легокъ; занятіе совершенно непривычное, требующее значительно большей физической силы, чѣмъ какая есть у человѣка съ разстроенной уже грудью, и требующее средствъ на первоначальное обзаведеніе, которыхъ тоже не можетъ быть у человѣка, получавшаго 55 или 90 к. въ мѣсяцъ. А между тѣмъ цѣны на все растутъ совершенно несоразмѣрно съ возвышеніемъ общаго благосостоянія, а плата рабочему остается въ прежней пропорціи. Очевидно, что рабочему худо. Разумѣется время, какъ говорятъ, лечитъ все, пройдутъ года и человѣкъ установится, найдетъ занятіе и хлѣбъ. Но для этого нужно время, а голодному ждать нельзя—онъ хочетъ ѣсть сегодня. Вопросы подобнаго рода для западной Европы вопросы жизни, но для насъ они были до сихъ поръ исключительно теоріей, да и то для очень немногихъ; остальные едва ли знаютъ о нихъ по наслышкѣ. Вотъ почему люди дальновидные смотрятъ строго на всѣ явленія, касающіяся экономическаго быта Россіи. Къ сожалѣнію, у насъ не обращаютъ еще никакого вниманія на статистику преступленій. Точныхъ цифръ у насъ нѣтъ, да покамѣстъ и быть не можетъ, потому что не всѣ проступки и преступленія открываются. Въ этомъ случаѣ общій голосъ гораздо достовѣрнѣе отчетовъ уголовныхъ палатъ и полицій, а общій голосъ говоритъ, что въ послѣднее время число кражъ въ Екатеринбургѣ увеличилось. Одна система наказаній безсильна измѣнить такое положеніе дѣла.

Екатеринбургъ составилъ себѣ нѣкогда извѣстность своими каменными вещицами. Извѣстность эта тоже незаслуженная, потому что все производство ограничилось во все время какой нибудь сотней вещицъ. Для приготовленія пресс-папье, печатокъ, пуговокъ и подобной мелочи въ Екатеринбургѣ не существуетъ особаго заведенія, и дѣломъ этимъ занимаются мастеровые гранильной фабрики въ свободное время и продаютъ ихъ въ мѣстные галантерейные магазины. Но и это жалкое въ настоящее время производство могло бы быть доведено до степени довольно значительной мѣстной промышленности, еслибы въ рабочихъ было побольше образованія, вкуса, и еслибы имъ дали средства повести его въ болѣе широкихъ размѣрахъ, на артельномъ началѣ. При той бѣдности, въ которой находится рабочій, ему невозможно ни образовать себя, ни достать рисунковъ; они поневолѣ работаютъ на купца, забирая деньги впередъ по мелочи, и, тратя по мелочи, сидятъ всегда безъ денегъ. Совсѣмъ другое, когда рабочій перестанетъ дѣлать ни къ чему ненужную каменную малину, смородину, крыжовникъ, длинныя запонки и печати изъ топаза, которыя тоже покупаютъ немногіе. Кто и гдѣ видѣлъ эти издѣлія, если не жилъ на Уралѣ? Да много ли ихъ и на Уралѣ? Но и производство этихъ мелкихъ вещей могло бы стоять гораздо выше, еслибы между рабочими были рисовальщики. Искусства у рабочихъ много; они выполняютъ всякій рисунокъ; но они, какъ и архангельскіе рѣзчики, работаютъ по прадѣдовскимъ образцамъ, бѣднымъ и по содержанію и по выбору. Отъ этого кромѣ малины, смородины и смороднаго листа рѣзчики-самородки не въ состояніи придумать ничего новаго; а если и появится новинка, то всѣ рабочіе накинутся на нее, и у всѣхъ пошелъ одинъ фасонъ, точно будто вышелъ

приказъ отъ исправника бросить всѣ остальные. Такъ случилось нынче съ печатями въ видѣ штофа и боченка; ужь другихъ печатей почти и не увидишь въ екатеринбургскихъ магазинахъ. А между тѣмъ, занимаясь приготовленіемъ печатокъ и заплокъ, мастера могли бы заняться приготовленіемъ болѣе серьезныхъ вещей изъ мрамора, который лежитъ подъ самымъ городомъ. Теперь въ Петербургъ привозятъ изъ-за границы бѣлыя мраморныя доски для столовъ, и доски эти покупаются для буфетовъ за баснословную цѣну — по 5 коп. за квадратный вершокъ. Потребность въ такихъ доскахъ должна увеличиваться постоянно, потому что наши трактирщики поймутъ же наконецъ необходимость и выгоду замѣнить вѣчно-грязное бѣлье бѣлыми мраморными досками на столахъ, какъ это и введено почти повсемѣстно во Франціи и Бельгіи. Разсчетъ прямой — не нужно бѣлья, которое при всей своей грубости стоитъ все-таки дорого, исчезнутъ лаковые столы съ вѣчными бѣлыми кругами и пятнами; устранится постоянный расходъ на стирку бѣлья и на полировку столовъ, и наконецъ явится мебель во всякомъ случаѣ болѣе изящная и прочная, чѣмъ та, къ которой привыкли посѣтители русскихъ трактировъ. Кромѣ столовъ, можно бы приготовлять подоконники, камины, доски для комодовъ, ночныхъ столиковъ, анатомическихъ театровъ и разныя мелкія вещи. За исключеніемъ 300 верстъ, вся доставка до Нижняго, Петербурга и Москвы производилась бы водой, слѣдовательно дешево. Разумѣется, промышленность эта не получила бы всесвѣтнаго значенія, но во всякомъ случаѣ она дала бы занятіе большому числу рукъ и принесла бы болѣе выгодъ, чѣмъ нынѣшнее приготовленіе пресъ-папье съ малиной и печатей въ видѣ штофовъ.

V.

Сибирскій холодъ.

Сибирь — страна самая холодная изъ всѣхъ частей земнаго шара. Ужасъ, внушаемый иностранцамъ даже однимъ словомъ — Сибирь, имѣетъ вѣрное основаніе. Только коренные сибиряки и люди освибирившіеся приходятъ въ восторгъ отъ сибирскихъ морозовъ и разсказываютъ чудеса о сибирскихъ арбузахъ, дикихъ перепкахъ, китайскихъ яблоняхъ и объ удивительной флорѣ степей. Все, что они говорятъ объ арбузахъ и дикихъ фруктовыхъ деревьяхъ, совершенная правда. Все это растетъ дѣйствительно въ Сибири; но хитрость сибиряковъ въ томъ, что отъ людей, незнакомыхъ съ географіей Сибири, они скрываютъ, какъ велико пространство такихъ благорастворенныхъ уголковъ. Европейская Россія извѣстна и своимъ климатомъ, и своей растительностью, а потому выдавать южный берегъ Крыма за всю Россію было бы неосторожно.

Повторяю, — Сибирь страна самая холодная на всемъ земномъ шарѣ, и вотъ почему западная Европа, окруженная со всѣхъ сторонъ морями, отличается умѣреннымъ климатомъ, потому что морскіе вѣтры, доходящіе до са-

мой ея средины, прохлаждаютъ лѣтніе жары и возвышаютъ зимнюю температуру. А это происходитъ отъ слѣдующихъ причинъ: морской воздухъ Средиземнаго моря, согрѣваемый горячимъ вѣтромъ, съ роскошныхъ степей Африки приноситъ лѣтомъ въ Европу умѣренную теплоту; точно также воды Атлантическаго океана нагрѣваются теплыми вѣтрами, дующими со стороны Америки. Отъ этого воды, окружающія Европу, лѣтомъ приносятъ прохладу, а зимой теплоту. Въ Сибири совершенно на выворотъ. Согрѣвающее и умѣряющее вліяніе вѣтровъ западной Европы уменьшается по мѣрѣ приближенія ихъ къ востоку, и уже въ Россіи, а тѣмъ болѣе въ восточныхъ ея частяхъ, вліяніе это совершенно прекращается; поэтому Россія отличается климатомъ въ высшей степени континентальнымъ. Сибирь находится еще въ болѣе изолированномъ положеніи; она лежитъ такъ, что ничто не смягчаетъ суровости ея мѣстныхъ климатическихъ условій. Теплые вѣтры западной Европы до нея не доходятъ, а хребты Гималайскій, Алтайскій и Саянскій не только не пускаютъ въ Сибирь экваторіальнаго тепла со стороны южной Азіи, но еще и холодятъ воздухъ своими снѣжными вершинами. Защищенная вполнѣ со стороны вліянія теплыхъ вѣтровъ, Сибирь открыта вполнѣ со стороны Ледовитаго океана и Курильскихъ острововъ. На сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Сибир море, покрытое вѣчными льдами, и льды Охотскаго моря постоянно понижаютъ температуру материка. Только небольшое пространство земли по южному склону Алтайскаго хребта, защищенное отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, пользуется южнымъ тепломъ. Но этотъ кусокъ земли сравнительно съ площадью Сибири гораздо меньше южнаго берега Крыма.

Вслѣдствіе своего географическаго положенія Сибирь отличается особенной сухостью воздуха, а эта сухость создаетъ въ свою очередь рѣзкіе переходы отъ лѣтней къ зимней температурѣ. Вотъ почему лѣто въ Сибири знойное, а зима въ высшей степени холодна, такъ что морозы доходятъ до 40 и болѣе градусовъ. Вотъ почему Сибирь, и особенно Забайкалье, отличается пнями, такъ что хлѣбъ побивается ими даже въ іюлѣ мѣсяцѣ, и вотъ почему теплое время года относительно гораздо короче холоднаго; въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Сибири уже сильные холода. Въ огромной полосѣ сѣверной Сибири лежитъ вѣчный подземный ледъ и не можетъ быть колодцевъ, такъ что люди пользуются снѣжной водой. Въ Нерчинскомъ краѣ ледяная кора начинается на 4 аршина глубины, въ мѣстахъ открытыхъ, гдѣ лучи солнца дѣйствуютъ сильнѣе; въ мѣстахъ же закрытыхъ, лѣсныхъ, моховыхъ даже на одинъ аршинъ. Въ Нерчинскомъ округѣ есть шахты, въ каменноугольныхъ развѣдкахъ, глубиной въ 13 саженъ, а въ Якутскѣ колодезь въ 60 саженъ глубины, въ которыхъ не дорылись до талой земли.

При такихъ климатическихъ условіяхъ Сибирь представляетъ особенныя трудности для сельско-хозяйственной культуры. Первое затрудненіе — страшные морозы и пней. Въ Забайкальѣ снѣгу падаетъ мало, такъ что снѣгъ въ полъ-аршина считается уже большимъ. Въ мѣстахъ открытыхъ и степныхъ снѣгъ легко сдувается вѣтрами и во многихъ мѣстахъ земля обнажается отъ него совершенно. Обнаженная земля легко крошится отъ стужи, даетъ тре-

щины иногда даже въ полъ-аршина шириной и легко сдувается вѣтрами, обнажая корни хлѣбныхъ растеній. Вотъ причина, почему въ большей части Сибири сѣется ярица. Иней—другое страшное зло Сибири. Ранніе иней нерѣдко побиваютъ хлѣбъ; но иногда иней случаются въ самой срединѣ лѣта. Лѣтній иней бываетъ вреденъ не тѣмъ, что онъ силенъ, а тѣмъ, если случится въ ясную погоду и замерзшія растенія оттаятъ быстро. Оттого страдаютъ особенно поля, обращенныя къ юго-востоку.

Такое несчастное соединеніе обстоятельствъ, наиболѣе вредныхъ для растительности, создали въ Сибири относительно бѣдную флору и фауну. Сибирь бѣднѣе числомъ видовъ растеній, чѣмъ страны, находящіяся съ нею подъ одной долготой. На сѣверѣ Сибири, во всю длину Ледовитаго океана, тянется полоса земли въ 150—200 верстъ шириной, лишенная всякой древесной растительности. Мѣстность эта, представляющая площадь въ 90 милліоновъ десятинъ, покрыта исключительно мхомъ, тундрами, каменистыми мѣстами съ лишаями и только кое-гдѣ, по сухоломъ, травяными растеніями. Слѣдующее затѣмъ пространство есть уже полоса древопрозябанія, а затѣмъ и хлѣбныхъ растеній. Тутъ возможна культура, но культура бѣдная. Изъ древесныхъ породъ господствующія: лиственница, кедръ, сосна, ель, береза, осина. Къ нимъ примѣшаны и ростутъ мѣстами тополь, липа, ива. По мѣрѣ возвышенія мѣстъ и подъемовъ горъ деревья становятся мельче и во многихъ мѣстахъ лѣсъ переставалъ расти на такихъ горныхъ высотахъ, гдѣ онъ росъ прежде. Причина этого не въ измѣненіи климатическихъ условій, а въ тѣхъ затрудненіяхъ вообще, какія представляются растительности. Подобное обстоятельство встрѣтилось и на знаменитомъ Брокенѣ. Вершину его обнажили нѣкогда отъ лѣса, а теперь, несмотря на все искусство нѣмецкихъ лѣсничихъ, имъ не удается культировать его. А между тѣмъ климатъ Германіи сталъ умѣреннѣе. То же самое ждетъ и сибирскія горы и возвышенныя мѣста. Лѣсъ рубится на нихъ свободно, лѣсныя мѣста обнажаются, почва, лишенная защиты, теряетъ слой лѣснаго пазема и постепенно становится безплоднѣе и безплоднѣе. Наконецъ она сдѣлается невозможной и для лѣсной, и для культуры хлѣбныхъ растеній. Этимъ путемъ убавляется площадь земли, годной для культуры постепенно, по мѣрѣ истребленія лѣсовъ. Разумѣется, негодность эта не безусловная. Можетъ наступить время, когда недостатокъ земли научитъ человѣка ростить хлѣбъ и лѣсъ на каменьяхъ, но пока еще наступитъ для Сибири время подобныхъ знаній, пройдутъ столѣтія; а въ эти столѣтія обнаженіе каменистыхъ и высокихъ мѣстъ будетъ идти все тѣмъ же путемъ и увеличитъ на много и площадь безплодныхъ пространствъ Сибири.

Фруктовыхъ деревъ въ Сибири нѣтъ и быть не можетъ; потому что корни деревъ не вынесутъ температуры мерзлой земли, а цвѣты побиваются ранними морозами. Только на южныхъ покатостяхъ перчинскихъ горъ растутъ дикій черемъ и китайская яблонь. Эта бѣдность во фруктахъ пополняется нѣсколько ягодами. Въ Сибири растетъ клубника, смородина, малина, крыжовникъ, клюква, брусника, мамура, морошка. Растутъ онѣ, разумѣется, не вездѣ и большая часть держится мѣстъ болѣе теплыхъ; только морошка,

клюква и частью брусника идутъ довольно далеко на сѣверъ. Такая же бѣдность и въ огородныхъ овощахъ. Короткое лѣто мѣшаетъ вызрѣвать многимъ изъ нихъ и только рѣдька и капуста, какъ менѣе чувствительныя къ холоду, растутъ почти повсемѣстно, хотя и не достигаютъ своего полнаго размѣра.

Въ животномъ царствѣ Сибири такая же бѣдность, какъ и въ царствѣ растительномъ. Напримѣръ, въ Европѣ считается 143 вида млекопитающихъ, а въ Сибири только 92. Европейское обиліе рыбъ тоже невозможно для Сибири, съ ея рѣками, впадающими въ Ледовитое море и съ низкой температурой ихъ воды.

Въ этой странѣ, жалкой по своему географическому положенію, странѣ рѣзкихъ переходовъ отъ крайностей жара къ морозамъ, леденящимъ ртуть, странѣ жалкой растительности, борьба съ природой не легка. Нужно обладать исключительными качествами, владѣть большой энергіей и большими знаніями, чтобы одолѣть подобную природу. Но владѣетъ ли сибирякъ подобными свойствами? Что сдѣлалъ онъ съ своей страной и насколько покорилъ себѣ природу? Сибирякъ сдѣлалъ мало, онъ вовсе и не одолѣвалъ природу, онъ только подчинялся ей. Если на пути попадались ему рѣки, онъ останавливался, но не шелъ дальше. Если морозъ леденилъ его, онъ старался привыкнуть къ нему, но не строилъ своего дома теплѣе. Если у него не росла морковь, свекла или капуста, онъ переставалъ ихъ сѣять, но не дѣлалъ ничего, чтобы заставить землю производить то, чего она не производила прежде. Подъ Тюменью нѣсколько лѣтъ сряду были неурожаи и крестьяне стали бросать даже хлѣбопашество; но увидѣвъ, что безъ хлѣбопашества существовать нельзя, снова взялись за него и опять по тому же методу, какъ и прежде. Частные случаи покажутъ лучше, насколько слабъ сибирякъ предъ окружающей его природой.

VI.

Непроизводительность сибирскаго труда.

Сибирь считается справедливо страной хлѣбородной, но совсѣмъ не потому, чтобы она поражала обиліемъ урожая и разнообразіемъ земледѣльческихъ продуктовъ, а единственно потому, что можетъ производить хлѣбъ, и то извѣстнаго сорта. Всѣ продукты земледѣльческой культуры, разнообразящіе потребности человѣка и его промышленную дѣятельность, въ настоящее время для Сибири невозможны. Сибирь производитъ яровую рожь, пшеницу, капусту и рѣдьку; въ ней растетъ трава для коровъ и лошадей, и только. Поэтому потребности земледѣльческаго сословія могутъ быть удовлетворены самыми простыми и неприхотливыми предметами, и при одномъ уровнѣ цивилизаціи сибиряка и русскаго, жизнь русскаго будетъ всегда выше и разнообразнѣе жизни сибиряка. Жизнь человѣка, находящагося на низкой степени цивилизаціи, находится всегда въ исключительной зависимости отъ окружаю-

щей его природы. Лапландецъ не можетъ ѣздить на лошадяхъ, потому что лошадямъ у него ѣсть нечего; онъ не можетъ одѣваться въ полотно и бумажныя ткани, потому что у него не растетъ ни ленъ, ни хлопчатникъ; онъ не можетъ питаться телятиной и рябчиками, потому что ихъ нѣтъ въ Лапландіи; ему даже незнакома капуста и морковь, не говоря уже о плодахъ, потому что лапландскій холодъ не позволяетъ расти ни тому, ни другому. И у цивилизованныхъ англичанъ, положимъ, не растетъ кофе и рисъ, нѣтъ тутовыхъ деревъ и хлопчатника; но у англичанъ есть другія условія исключительно мѣстныя, которыя сближаютъ ихъ и съ Индіей, и съ Китаемъ, и съ Америкой, — у англичанъ море рядомъ, у англичанъ пароходство. А что сдѣлаетъ самоѣдъ и лапландецъ съ пароходомъ, если бы даже онъ и завелся у него? Плыть на пароходѣ некуда, потому что не пустятъ льды, а скудная природа не даетъ ему ничего для промѣна на произведенія странъ богатыхъ природой. Нѣсколько въ такомъ же положеніи находится и Сибирь. Страна холодная и бѣдная естественными произведеніями, она растянулась такъ, что для нея не представляютъ почти никакихъ выгодъ сообщенія съ прилегающими странами. На западѣ Сибири лежитъ Россія, но Россія далеко отъ Сибири, потому что московскому ситцу нужно ѣхать до Забайкалья шесть тысячъ верстъ; а что дастъ Москвѣ Забайкалье, въ замѣнъ ея ситца? разумѣется не рожь или пшеницу, не воловью или баранью шкуру, ихъ везти не стоитъ. Страшное разстояніе возвышаетъ для восточной Сибири цѣну каждой русской вещи вдвое. Конечно, желѣзная дорога сократила бы разстояніе, но у кого есть средства для устройства ея на протяженіи шести тысячъ верстъ? На югѣ Сибири лежитъ Китай, но Китай отдѣляется отъ Сибири пустыней въ семьсотъ верстъ, и что можетъ предложить Сибирь Китаю? Прежде спрашивались тамъ мѣха, но теперь, послѣ знакомства съ англійскими фабричными издѣліями запросъ на сибирскіе мѣха уменьшился. Китайцамъ нужны еще плисы, сукна; но развѣ Сибирь производитъ и можетъ производить ихъ? Нѣтъ, товары эти идутъ изъ Россіи. Такъ что, если бы и вовсе не существовало этой семисотверстной пустыни, у Сибири не нашлось бы много добра на обмѣнъ съ китайскими произведеніями. На востокѣ Сибири Америка, и по Амуру ходятъ пароходы и даже существуетъ торговая амурская компанія. Но и отъ нихъ Сибирь не выигрываетъ ничего. Изъ Америки могутъ идти кофе, сахаръ, хлопокъ, вина, табакъ, да развѣ эти вещи нужны земледѣльческому населенію Сибири? Кофе ему не нуженъ; сигаръ и американскаго табаку онъ не куритъ, потому что предпочитаетъ махорку, которая и крѣпче и дешевле; вина винограднаго не пьетъ, потому что есть свое—хлѣбное. А хлопокъ для чего въ такой странѣ, гдѣ нѣтъ фабрикъ, гдѣ нѣтъ даже кузнецовъ, умѣющихъ ковать лошадей такъ, чтобы подковы держались на ногѣ мѣсяцъ и не сдирали торчащими изъ копыта гвоздями щиколку сосѣдней ноги. Амурская компанія напустила вначалѣ много шуму; но что она сдѣлала? Въ Перчинскѣ, ближайшемъ городѣ къ Амуру, всѣ лавки наполнены издѣліями съ нижегородской ярмарки; все русское, даже желѣзныя ведра, и нѣтъ ни одной американской вещи, ни одной американской сигары. А между тѣмъ, сахаръ въ

Перчинкѣ 50 к. фунтъ, свѣчи стеариновыя столько же. Положимъ, что стеаринъ не нуженъ для народа, но для него нуженъ сахаръ, ему нужны матеріи, полотна, сукна, потому что Сибирь производитъ въ скудномъ количествѣ и пеньку, и ленъ, и своими собственными произведеніями, если бы въ ней даже существовали фабрики, не въ состояніи одѣть все населеніе. И къ чему служитъ близость Амура и сообщенія съ Америкой, когда Сибирь не получаетъ ничего изъ Америки? А что отдастъ Сибирь Америкѣ, въ замѣнъ ея произведеній? Американецъ не возьметъ ни бараньяго сала, ни половыхъ шкуръ, ни сибирской пшеницы, потому что при отсутствіи порядочныхъ дорогъ ихъ везти невозможно, а пшеницы едва достаетъ и самимъ сибирякамъ. Остается всѣ издѣлія вымѣнивать на звонкую монету; но гдѣ ее взять въ Сибири, когда даже и бумажки здѣсь самаго истерзаннаго вида. Наконецъ Сибирь вовсе не рынокъ для закупки звонкой монеты. Здѣсь ея нѣтъ, и слѣдовательно платить американцамъ нечѣмъ; поэтому гораздо проще устроить всѣ отношенія съ русскими купцами въ кредитъ и разсчитываться съ ними понемногу бумажками. Но если бы у Сибири и были деньги: если бы она даже и устроила торговыя сношенія съ Америкой, и кромѣ колоніальныхъ товаровъ получала бы все необходимое для одежды, хозяйства, дома, земледѣлія, то, при самой выгодной покупкѣ, сибиряку все это обходилось бы крайне дорого. Всякая вещь, которую производитъ сибирякъ, обходится ему съ большей потерей силъ и времени, не только сравнительно съ европейцами и американцами, но и сравнительно съ русскими. Не зная ни машинъ, ни улучшенныхъ способовъ разныхъ производствъ, не имѣя устроенныхъ путей сообщеній; живя въ странѣ, гдѣ стоверстное разстояніе такъ же считается мелочью, какъ для петербургскаго жителя одна верста; наконецъ, обязанный справиться съ своимъ тридцатидесятинnымъ полемъ и съ стодесятинnымъ сѣнокосомъ въ три мѣсяца короткаго лѣта, сибирякъ для произведенія одного и того же результата напрягаетъ свои силы гораздо больше, чѣмъ для такого же результата напрягаетъ ихъ англичанинъ, американецъ, французъ, нѣмецъ. Произвести четверть пшеницы и доставить ее къ порту англичанину можетъ быть въ десять разъ легче, чѣмъ сибиряку. Громадныя сибирскія разстоянія попусту отнимаютъ много времени и силъ при слабосиліи лошадей. Англійскій мѣсяцъ, по продуктивности своей, уже разумѣется не меньше трехъ сибирскихъ и даже русскихъ мѣсяцевъ. Поэтому если англичанинъ получитъ отъ американца за одну четверть пшеницы бѣлье и полную для себя одежду, то сибиряку по расходу силъ и времени слѣдуетъ получить за ту же четверть три пары. А кто же ему ихъ дастъ? Очевидно, что всякое пріобрѣтеніе, въ замѣнъ собственнаго продукта, обходится сибиряку сравнительно весьма дорого; сибирякъ долженъ производить очень много, чтобъ въ замѣнъ того получить очень мало; сибирякъ не можетъ производить ничего, требующаго искусства и техническихъ знаній, потому что у него нѣтъ ни машинъ, ни фабрикъ, ни техническаго образованія; наконецъ скудность производительныхъ силъ природы и суровый климатъ снабжаютъ сибиряка сырьемъ самымъ бѣднымъ по количеству, качеству и разнообразію. Производя мало вообще, но

отдавая много, чтобы достать немного, сибирякъ для удовлетворенія своихъ потребностей долженъ постоянно сдерживать себя, ограничиваться самымъ необходимымъ, неизбѣжнымъ, и парализировать свое развитіе на каждомъ шагу. Нельзя впрочемъ обвинять тутъ сибиряка ни въ чемъ, такъ же какъ нельзя обвинять папоротникъ въ томъ, что онъ не ростетъ дубомъ. Множители, изъ которыхъ слагается результатъ труда сибиряка и англичанина, совершенно разныя величины; очевидно, что они и должны привести къ разнымъ результатамъ. Англичанинъ, какъ сила, если равенъ 2 и сибирякъ та же величина, то зато множитель труда перваго, при другихъ условіяхъ экономическаго быта, равный 5, производитъ 10; а для сибиряка множителемъ будетъ 1, а результатомъ 2. Цифры эти, взятыя произвольно, тѣмъ не менѣе объясняютъ вполнѣ вѣрно общую мысль и общую причину разницы экономическаго положенія сибиряка и иностранцевъ. Чтобы сибирякъ могъ очутиться въ положеніи болѣе выгодномъ, ему нужно установить свою мѣну такъ, чтобы продукты производства, стоющіе ему двухъ силъ, и мѣнялись на продукты, стоющіе другимъ той же самой силы. Мѣнять 2 на 4 невыгодно, а сибирякъ до сихъ поръ не зналъ другого закона въ своихъ промышленныхъ и торговыхъ сдѣлкахъ. Только въ этомъ и причина, почему Сибирь поражаетъ такой бѣдностью. Преувеличенные же толки о сибирскомъ богатствѣ произошли оттого, что богатства отдѣльныхъ личностей принимались за богатства всего населенія; по одному или двумъ золотопромышленникамъ, попившимъ шампанскимъ лошадей, заключили, что всѣ лошади Сибири пьютъ шампанское. Но и эта слава о сибирскомъ богатствѣ больше ничего, какъ преувеличенное преданіе о героическихъ временахъ края. Теперешняя прозаическая Сибирь рѣшительно ничѣмъ не напоминаетъ и не оправдываетъ своей старой репутаціи. Есть въ ней, какъ говорятъ, благословенные уголки въ родѣ Минусинскаго округа, гдѣ мужики гребутъ золото лопатами, но округъ этотъ въ сторонѣ отъ большой дороги, и я его не видѣлъ. То, что я видѣлъ, на протяженіи семи тысячъ верстъ, сдѣланныхъ въ Сибири, не напоминало ничѣмъ ни богатства, ни благоденствія края.

VII.

Зачатки пролетаріата. Экономическая неразвитость. Кто поможетъ.

Географическія границы Сибири не совпадаютъ съ границами административными. На перевалѣ уральскаго хребта, въ 17 верстахъ отъ Билимбаевскаго завода, стоитъ мраморный столбъ; по одну сторону его написано «Европа», по другую «Азія». Это-то и есть настоящая географическая граница; административная же начинается тристa верстъ дальше, не доѣзжая семидесяти верстъ до Тюмени.

Для человѣка, ѣдущаго по вспаханному полю, которое за неимѣніемъ лучшихъ сообщеній служитъ почтовымъ трактомъ, справки о качествѣ дороги

впереди составляютъ единственный важный вопросъ. На всѣ спросы получается одинъ отвѣтъ: «здѣсь дорога худа, а дальше будетъ еще хуже; въ сравненіи съ дорогой сибирской все это еще ничего; три станціи передъ Тюменью придется ѣхать мостами». И точно послѣднія три станціи вмѣсто кучъ песку, поросшихъ отъ времени травой, представлялись сплошной грязью: по сторонамъ дороги глядѣла болотная вода да кочки, да безпорядочныя болотныя насажденія; а дорога, проложенная по топкому мѣсту, была выстлана поперегъ бревнами. Дороги такого свойства очень обыкновенны въ Россіи; онѣ есть даже и подъ гордящимся европейской цивилизаціею Петербургомъ. Ну а ужъ Сибири какъ не имѣть вмѣсто шоссе гать. Но такія благоразумныя разсужденія, особенно если они дѣлаются въ путь, требуютъ отъ человѣка слишкомъ большаго благоразумія, а еще больше безчувственности. Если же васъ трясетъ до того, что вся кровь бьетъ въ голову и дѣлается шумъ въ ушахъ, когда у васъ разбиваетъ грудь до того, что вы боитесь дышать, когда станцію въ тридцать верстъ вы ѣдете 7 — 8 часовъ, а то и болѣе, когда вашъ экипажъ засядетъ въ грязи, какъ-разъ въ самомъ селеніи подлѣ вновь строющагося моста, или хлопнется въ выбоину, и передняя ось, не выдержавъ всей тяжести экипажа и силы удара, лопнетъ, а вы останетесь среди лѣсного болота, вдали отъ всякаго селенія и кузницы, — въ подобныхъ случаяхъ едва ли даже возможно воздержаться отъ негодованія и молча переносить свою бѣду. Разумѣется, браниться не ведетъ ни къ чему. Да и кого бранить? Ямщика? Ямщикъ и самъ недоволенъ дорогой, и пожалуй больше проѣзжающаго. Станціонный смотритель тоже бранитъ дорогу. Обозные ямщики и купцы, отправляющіе товары, тоже. Покупщики этихъ товаровъ понимаютъ, что дорогой провозъ падаетъ на нихъ. Мѣстное начальство не признаетъ дороги хорошею. Почтмейстеръ знаетъ, что почта идетъ медленнѣе, чѣмъ слѣдуетъ по положенію. Дурное состояніе дорогъ извѣстно даже высшимъ губернскимъ властямъ. Однимъ словомъ — всѣ говорятъ, что дорога худа; но дорога отъ этого не становится лучше. Въ чемъ же причина такого страннаго явленія. Привычка и больше ничего. Привыкли къ дурной дорогѣ и никому въ дѣйствительности не нужна другая, хорошая. Это совершенно такъ же, какъ низкій уровень потребностей въ быту рабочаго сословія. Рабочій выровь во всемъ дурномъ и свыкся съ нимъ. Онъ знаетъ, что спать на постели и подъ одѣяломъ удобнѣе и пріятнѣе, чѣмъ на голыхъ доскахъ съ клопами и тараканами; онъ знаетъ, что мясо вкуснѣе хлѣба и чай пріятнѣе квасу. Да мало ли, что онъ знаетъ, и все-таки спитъ съ клопами и тараканами, пьетъ квасъ вмѣсто чая, живетъ въ избѣ холодной, гдѣ дуетъ и съ полу, и изъ оконъ, и колотитъ свою жену, когда ему захочется. Рабочій выросъ въ такихъ привычкахъ и обычаяхъ, и находя ихъ дурными и неудобными, онъ все-таки не обращается къ другимъ. Бѣдность, скажутъ филантропы. Да, бѣдность. Бѣдность матеріальная и умственная; крѣпость первовъ, привыкшихъ къ грубымъ впечатлѣніямъ, и отсутствіе дѣйствительной потребности стать выше того уровня, въ которомъ человѣкъ поставленъ и самъ себя держитъ добровольно.

Въ Тюмени, первомъ сибирскомъ городѣ, дорога не лучше. Городъ стоитъ

на черноземной почвѣ, и въ весеннюю грязь и послѣ дождей улицы разбиваются въ немъ колесами еще хуже, чѣмъ почтовая дорога. Жители сдѣлали было опытъ улучшенія улицъ, и одинъ изъ подъемовъ выложили досками; но отношеніе этой благоустроенной дороги къ длинѣ остальныхъ улицъ такое же, какъ двухъ торцовыхъ заплатокъ Казани къ остальнымъ улицамъ города. Опытъ этотъ продолжаться, разумѣется, не будетъ; выкладывать весь городъ досками слишкомъ дорого, а къ дурной улицѣ привыкнуть еще можно; вотъ почему тюменцы останутся при своихъ черноземныхъ поляхъ.

А между тѣмъ Тюмень самый богатый и промышленный городъ Сибири. Въ Тюмень доставляются на пароходахъ китайскіе товары и оттуда идутъ гужомъ на Пермь; точно такъ же и русскіе товары останавливаются здѣсь для нагрузки ихъ на пароходы. Но это обстоятельство еще не имѣло бы особаго вліянія на оживленіе и богатство города; и Пермь служитъ грузовымъ и складочнымъ мѣстомъ, а городъ все-таки мертвый. Причина особенной оживленности Тюмени—въ ея промыслахъ и ремеслахъ. Жители Тюмени занимаются кожевеннымъ производствомъ, шьютъ бродни (особенный родъ сапоговъ съ высокими, мягкими, печеренными голенищами, для золотыхъ промысловъ), сапоги, рукавицы, варятъ мыло, ткутъ ковры и занимаются извозомъ. Кожевенное производство и приготовленіе изъ него издѣлій занимаютъ первое мѣсто. Но какъ великъ размѣръ производства? Сколько человѣкъ заняты имъ? вотъ вопросы, которые порѣшить на мѣстѣ было не совсѣмъ легко. Къ кому обратиться для свѣдѣній? Распрашивать купцовъ? Но они имѣютъ привычку не говорить правду, уменьшать размѣры своей торговли, умалчивать о выгодахъ. Распрашивать отдѣльно рабочихъ — египетская работа, и тоже не узнаешь правды. Основываться на официальныхъ данныхъ—но и онѣ совершенно произвольны. Вотъ обыкновенныя трудности, встрѣчаемыя нашими статистиками, если они захотятъ добиться правды на мѣстѣ, а не основываться на произвольной цифрѣ перваго встрѣчнаго. Вотъ однако свѣдѣнія, собранныя мной въ Тюмени.

Въ Тюмени шьется до 70,000 паръ бродней. Товаръ и дратву даютъ подрядчики купцы, и платятъ за пару 40 к. ассигнаціями. Сапожникъ можетъ сработать въ день три пары. Кожа на бродни, худая, стоитъ 75 к., хорошая — 90 к. сер., а пара бродней продается за 1 р. до 1 р. 15 к., такъ что барыша хозяину-сапожнику приходится отъ 2 до 15 к. сер. Въ производствѣ существуетъ полная система раздѣленія труда. Купецъ (капиталистъ) даетъ товаръ хозяину-сапожнику; тотъ кроитъ и отдаетъ рабочимъ къ шитью. Случается, что работаютъ въ мастерскихъ, а еще чаще работа отдается мастерамъ на домъ. Шитьемъ занимаются мужчины, женщины и даже дѣти. Въ отдаленныхъ и бѣдныхъ частяхъ города очень обыкновенная вещь увидѣть на улицѣ 10—12-лѣтнихъ дѣвочекъ, занятыхъ точаньемъ рукавицъ. Такая маленькая работница шьетъ нисколько не хуже взрослаго. Сапоги имъ не подъ силу, особенно подшивка подошвы; но онѣ точатъ голенищи и рукавицы, приготовляемыя изъ мягкой кожи. Такая дѣвочка сшиваетъ до 10 и даже 15 паръ рукавицъ въ день и получаетъ собственно за первоначальную

тачку по $1^1/_2$ коп. за пару. Работа дѣвочки ограничивается стачиваніемъ главныхъ частей. Работаетъ она въ день часовъ 10—12. За сотню рукавицъ на манеръ мурашкинскихъ платятъ купцы 4 р. сер., а за рукавицы попроще 9 р. асс. за сотню. Эти 9 руб., или 9 к. за пару, распредѣляются такъ: кройщикъ беретъ себѣ 5 к. за выкройку, выправку и чеканку готовой рукавицы (чеканъ—тисненый рисунокъ), а 4 к. асс. отдаются за полное шитье всей рукавицы. Купцы продаютъ такія рукавицы отъ 26 рублей до 31 руб. 50 к. за сотню и выручаютъ барыша отъ 5—7 и болѣе р. съ сотни. Всѣхъ рукавицъ приготовляется болѣе 300,000 паръ. Эти 5—7 руб., или барышъ купца, могли бы, разумѣется, достаться рабочимъ, но для этого нужно, чтобы рабочіе составили артель. Что же мѣшаетъ рабочимъ собираться въ артель и входить въ непосредственныя сношенія съ купцами-скупщиками! Если артельность такое присущее качество русскаго человѣка, какъ увѣряютъ многіе русскіе писатели, то отчего же мы не находимъ нигдѣ артелей, кромѣ плотниковъ? Отчего тюменскому сапожнику или рукавичнику и тюменской бабѣ, ткущей ковры, никогда и въ голову не приходила мысль ни о какой артельности? Гдѣ эта артельность, когда на каждомъ шагу въ крестьянскомъ быту видишь постоянную эксплуатацію бѣднаго богатымъ? Когда въ каждой деревнѣ есть свой богатырь, дающій за жидовскіе проценты своимъ односельцамъ и деньги, и хлѣбъ на посѣвы? Когда во всѣхъ промыслахъ, производимыхъ внѣ торговыхъ центровъ и мѣстъ, какъ напримѣръ, землекопныя работы и золотые промыслы, обыкновенно удаленные отъ жилья, существуетъ система выдачи рабочимъ натурой всего, что имъ нужно? Рабочій можетъ получить изъ хозяйской лавки чай, сахаръ, сапоги, кафтанъ, платокъ, однимъ словомъ — все, что относится до крестьянскаго быта, и выплачиваетъ ему за все съ лихвой своею работой. Такая благородная система создалась исключительно для помощи рабочему. Гдѣ же ему бѣдному купить чай или сапоги, когда ближайшая лавка лежитъ за сто верстъ. Вотъ услужливый хозяинъ и устроилъ для него лавку. И филантропично, и выгодно, т. е. для хозяина. Въ Англіи подобная система рѣшительно запрещена закономъ, потому что ею возмущалась вся страна. Но наши купцы-подрядчики возражаютъ весьма справедливо, что рабочій заплатитъ лучше дорого, чѣмъ рѣшится отказаться отъ того, что ему нужно. И это справедливо, тѣмъ болѣе, что долгъ дѣлается легко и ростетъ незамѣтно; ну а если рабочему и будетъ трудненько его обработать, чѣмъ же виноватъ въ этомъ хозяинъ, — не силой же онъ навязывалъ свой выгодный товаръ. Вотъ и основаніе, по которому сапожникъ получитъ за работу ста паръ рукавицъ 1 р. 15 к. сер., а купецъ, давшій ему работу, получитъ барыша 6 руб. сер., и только за то, что онъ далъ рукавишнику работу. Въ томъ и другомъ случаѣ купецъ получаетъ за услугу рабочему выгоду, вовсе не соразмѣрную со степенью услуги. Но что же мѣшаетъ рабочему оказать самому себѣ эту услугу? Зачѣмъ онъ пойдетъ въ артель? А пойдетъ онъ только потому, что самая мысль артельности еще чужда ему; что артельность вовсе не составляетъ непремѣнной принадлежности русскаго рабочаго и встрѣчается въ видѣ исключенія только между плотниками, между

рабочими петербургской биржи, между татарской трактирной прислугой, да въ уральскихъ рыболовныхъ ватагахъ. При всей своей печальной экономической зависимости рабочій не идетъ дальше простого пониманія что ему худо; онъ не дорось еще до обсужденія средствъ выйдти изъ этого положенія. Еще замѣтнѣе экономическая неразвитость и промышленный застой тюменцевъ въ ихъ ковровомъ производствѣ. Тюмень съ окрестными деревнями продаетъ въ годъ до 20,000 ковровъ. Петербургскіе жители могутъ видѣть эти ковры въ шорныхъ лавкахъ, у Казанскаго собора. Коверъ, продаваемый въ Петербургѣ за 7 рублей, стóитъ въ Тюмени 3 рубля. По достоинству рисунка и ткани ковры эти такъ низки, что ихъ берутъ въ Петербургѣ на попоны и для подстилки въ сани. Но и нѣтъ никакой надежды, чтобы женщины, занимающіяся тканьемъ, довели свое производство до такого совершенства, чтобы ковры ихъ стали выше попоны. Какъ производилось тканье сто лѣтъ назадъ, такъ точно производится оно и нынче; только размѣръ производства увеличился, благодаря увеличенію потребности. Тюменскіе ковры двухъ сортовъ: одни — половики, безобразнаго рисунка и самаго страннаго соединенія цвѣтовъ, ткутся совершенно прямой, холщевой тканью; другіе — бархатные, приготовляются дѣйствительно особеннымъ замѣчательнымъ способомъ. Заводится основа и затѣмъ нарѣзывается шерсть кусочками въ полвершка длиной. Этими кусочками и дѣлается бархать. Ткутъ коверъ такимъ образомъ. Дѣлаютъ уткомъ закраину ковра въ полвершка, менѣе или болѣе, потомъ нарѣзанные кусочки навязываютъ на основу непрерывнымъ рядомъ по направленію утка; навязавъ, пропускаютъ утóкъ, приколачиваютъ его бердомъ и выравниваютъ въ линію узелки, потомъ завязываютъ другой рядъ, пропускаютъ утокъ и приколачиваютъ. Затѣмъ третій рядъ узелковъ, снова утокъ и т. д. Узелки навязываютъ такъ, что каждый изъ нихъ торчитъ на лицевой сторонѣ ковра обоими своими концами. Довольно длинные концы узелковъ сравнительно съ коврами разрѣзного бархата придаютъ тюменскимъ коврамъ особенную мягкость и толстоту, которою не отличаются ковры разрѣзного бархата фабричной работы; но зато тюменскіе ковры берутъ вдвое больше шерсти и представляютъ съ изнанки шерстяную поверхность, чего нѣтъ у ковровъ машиннаго тканья. Несмотря на это неэкономическое употребленіе матеріала и на огромный трудъ, они продаются чрезвычайно дешево. Коверъ въ три арш.. длины и два аршина ширины продается въ городѣ за 3 рубля. Въ бархатномъ коврѣ такого размѣра дѣлается 100,000 завязокъ или кончиковъ, т. е. за одну копѣйку дѣлается 350 узелковъ. Шерсть съ окраской стоятъ 2 р. и рубль приходится за работу. Коверъ тчется вдвоемъ въ $3^1/_2$ дня, слѣдовательно чистая заработка въ день на двухъ одинъ рубль ассигнаціями; понятно, что существовать исключительно этимъ промысломъ нельзя; онъ можетъ быть подспорьемъ другимъ занятіямъ, или же въ состояніи дать средство для существованія только при огромномъ размѣрѣ производства на фабричный ладъ. Но тогда новая бѣда, которую теперь не испытываютъ работницы у себя на дому. Кажется, что̀ можетъ быть проще усовершенствованія производства; стóитъ измѣнить ткань, а это дастъ экономію ровно на поло-

вину въ матеріалѣ, т. е. изъ двухъ рублей сбережетъ одинъ рубль; затѣмъ ткань по рисункамъ болѣе изящнымъ, и улучшенные тюменскіе ковры найдутъ себѣ обширный сбытъ. Все это, разумѣется, просто, и все-таки невозможно для тюменцевъ. Завести механическіе ткацкіе станки не по силамъ ткачихамъ; да еслибы и было подъ силу, кто будетъ чинить ихъ въ случаѣ порчи. Можно бы завести станы съ челнокомъ-самолетомъ; но и это не приходитъ никому въ голову. Можно бы и измѣнить ткань: но кто научитъ этому? Можно бы и сочинять весьма разнообразные и красивые рисунки; но кто станетъ ихъ сочинять? И остаются тюменскіе ковры все прежними тюменскими коврами, годными на попоны, да на подстилку въ сани. Чтобы производство это вышло изъ своего азіятскаго застоя, нужно, чтобы между производителями явилась одна свѣтлая голова, и дала производству новый толчокъ. Но такой головы еще не было и нѣтъ между ткачихами, да едва ли и можно ожидать скоро ея появленія. Вотъ гдѣ бы нужно было явиться на помощь вольно-экономическому обществу, или московскому обществу сельскаго хозяйства. Общества эти владѣютъ большими капиталами, завели у себя и фермы, и библіотеки; члены собираются и въ обыкновенныя, и въ экстренныя, и въ чрезвычайныя собранія: разсуждаютъ и спорятъ о разныхъ вопросахъ; тратятъ ежегодно большія суммы на разныя по ихъ мнѣнію полезныя предпріятія; но въ чемъ польза ихъ? на сколько двинулось наше сельское хозяйство и промышленность отъ чтенія годовыхъ отчетовъ, и чему научило это общество Россію? А между тѣмъ польза отъ этихъ обществъ могла бы быть большая, хотя бы даже для Тюмени. Стоило бы ввести два, три станка простого, но лучшаго устройства, чѣмъ существующіе въ Тюмени; научить десять бабъ разнымъ ковровымъ тканямъ; завести школу рисованія и тюменскіе ковры пожалуй не уступили бы берлинскимъ. И всю эту революцію въ мѣстномъ производствѣ можно сдѣлать въ годъ, два, а въ три года имѣть своихъ рисовальщицъ и тысячи ковровыхъ узоровъ. Лучше бы всего, еслибы наши сельско-хозяйственныя общества взяли на себя поощреніе и развитіе подобныхъ крестьянскихъ производствъ, а также устройство ихъ на артельномъ началѣ, чтобы намъ избѣгнуть несчастія имѣть свой собственный фабричный и рабочій пролетаріатъ, отъ котораго уже слишкомъ тяжело приходится западной Европѣ. Артель, окрѣпнувъ, существовала бы потомъ уже и безъ содѣйствія общества. Съ тюменскими броднями и рукавицами могло бы быть то же самое. За что рабочій получаетъ отъ 100 паръ рукавицъ 1 р. 15 к., а купецъ имѣетъ выгоды отъ той же сотни паръ 6 рублей? Купецъ отвѣтитъ, что онъ имѣетъ такую выгоду потому, что владѣетъ капиталами; значитъ вина рабочаго въ томъ, что у него нѣтъ денегъ? Очевидно, что еслибы общество московское или вольно-экономическое снабжало рабочаго матеріалами и устроило склады для продажи издѣлій въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣлаются ими закупы для промысловъ, то рабочій получалъ бы не 1 р. 15 к., а можетъ быть 3 р. 15 к. И въ этомъ дѣлѣ обществу достаточно было ограничить свое содѣйствіе только тѣмъ временемъ, пока артель рукавичниковъ и сапожниковъ не окрѣпнетъ и не устроитъ сама всѣхъ спосо-

*

ній съ потребителями. Мысли эти весьма просты и легко осуществимы; но вопросъ въ томъ, способны ли наши экономическія общества на подобное дѣло? Въ состояніи ли оцѣ перестать заниматься разговорами и перейдти отъ сельско-хозяйственныхъ умозрѣній и теорій къ дѣйствительной практикѣ? Если же нашимъ сельскимъ и городскимъ промышленникамъ не помочь, они сами не встанутъ на ноги, потому что у нихъ нѣтъ для этого ни знаній, ни денегъ; будутъ они биться, какъ бьются нынче, пока не подвернется предпріимчивый и денежный человѣкъ и, устроивъ фабрики и мастерскія, не заберетъ ихъ всѣхъ къ себѣ въ рабочіе. И теперь мастерамъ худо, потому что они въ рукахъ хозяевъ-купцовъ, но по крайней мѣрѣ они работаютъ дома. Тогда же они превратятся въ фабричныхъ рабочихъ, а это зло будетъ уже настоящимъ фабричнымъ пролетаріатомъ—съ бѣдностью, невѣжествомъ и развратомъ.

Несмотря на свое выгодное промышленное положеніе, Тюмень поражаетъ огромнымъ числомъ нищихъ. Здѣсь нищенство весьма беззастѣнчиво и для многихъ существуетъ вѣроятно какъ промыселъ. Есть нищіе, особенно изъ дѣтей, одѣтые въ чистыя ситцевыя рубашки, здороваго, свѣжаго вида, просящіе милостыню какъ заученный урокъ. Есть нищіе взрослые, менѣе опрятнаго вида, которые начинаютъ ругаться, когда вмѣсто милостыни предлагаютъ имъ работу. Но есть и нищета дѣйствительная. Эта нищета живетъ въ полуразвалившихся лачужкахъ и, лишенная средствъ существованія, не можетъ жить иначе, какъ христорадничествомъ. Въ Тюмени есть нѣсколько улицъ, гдѣ живетъ нищета дѣйствительная и развратъ, вызванный нищетой. Есть жалкія лачуги, гдѣ старая, безсильная мать живетъ развратомъ дочери, для которой этотъ промыселъ служитъ подспорьемъ, когда нѣтъ поденной работы. Въ Тюмени, какъ въ промышленномъ городѣ, живутъ зародыши всего, что въ англійскихъ фабричныхъ городахъ развилось до такихъ страшныхъ размѣровъ. Предоставленная сама себѣ, наша промышленность, по своимъ печальнымъ результатамъ, не отстанетъ отъ того, что представляетъ западная Европа. Говоря объ Англіи, мы ставимъ въ укоръ англичанамъ, что у нихъ въ первой по богатству и размѣру столицѣ умираютъ люди съ голоду, самодовольно думая, что при нашемъ земельномъ богатствѣ у насъ живетъ только изобиліе. Къ сожалѣнію статистика говоритъ другое. Напримѣръ въ Казанской губерніи изъ 34 самоубійствъ, бывшихъ въ 1856 году, 3 сдѣланы отъ бѣдности и изъ 19 случаевъ въ 1857 году 1 изъ бѣдности. Переводя на проценты, выходитъ, что въ первомъ случаѣ 9, а во второмъ 5% общаго числа самоубійствъ были вызваны бѣдностью. Разумѣется, самоубійство не голодная смерть, но предупрежденіе ея. Цифры эти извлечены нами изъ статистики Казанской губерніи Лаптева. Разумѣется, Казанская губернія не составляетъ губерніи исключительной для случаевъ самоубійствъ; кромѣ того она не изъ числа особенно бѣдныхъ губерній, слѣдовательно очевидно, что случаи самоубійствъ отъ бѣдности должны повторяться и въ другихъ губерніяхъ. Въ какомъ размѣрѣ—неизвѣстно; но они есть и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Тюмень не дастъ отвѣта на этотъ вопросъ, потому что статистика

Тобольской губерніи еще не появлялась; если же составитель ея обратитъ вниманіе на экономическій бытъ народонаселенія, то разумѣется мы узнаемъ о благословенномъ уголкѣ Сибири такія вещи, что пристыдимъ и Манчестеръ и Лондонъ.

VIII.

Тюменскіе постоялые дворы. Хлѣбъ — глина. Сибирская малоземельность.

Тюмень исключительно городъ промышленный и торговый; въ немъ живутъ купцы самые значительные въ Сибири; въ Тюмени есть ремесленники, мастеровые, извощики и чернорабочіе; но общественной жизни, несмотря на 15 т. населенія, въ городѣ нѣтъ; причина простая: характеръ общественной жизни опредѣляется потребностями большинства; большинство же населенія Тюмени имѣетъ и потребности, и средства самыя ограниченныя; оно не волнуется общественными вопросами, не ищетъ утонченныхъ наслажденій и удовлетворяется весьма немногимъ. Поэтому Тюмень въ характерѣ внутренней жизни похожъ на городъ азіятскій или турецкій, съ той разницей, что турецкія кофейни замѣнены русскими кабаками. Тюменскіе богачи или тамошняя аристократія не имѣютъ, разумѣется, никакого вліянія на общій характеръ жизни города, потому что живутъ своимъ замкнутымъ небольшимъ кружкомъ.

Вслѣдствіе того, что уровень потребностей большинства весьма ограниченъ, прихотливый, даже пожалуй и неприхотливый путешественникъ, не останется доволенъ городомъ. Гостинницъ въ немъ нѣтъ, а есть постоялые дворы, не особенно щеголяющіе даже чистотой. Въ почтовой гостинницѣ, содержимой отъ вольной почты, и куда васъ провезетъ непремѣнно ямщикъ, если вы не знаете куда ѣхать, устройство нумеровъ напоминаетъ конюшню большого размѣра; а клоповъ въ каждомъ стулѣ и диванѣ, набитыхъ вмѣсто волоса кирпичами, такое обиліе, что если собрать всѣхъ клоповъ Москвы и Петербурга, то ужь разумѣется въ гостинницѣ окажется ихъ больше. Гостинницу эту можно бы цѣликомъ, какъ она есть, съ диванами, клопами, съ ея удивительными чайными приборами и съ сторожемъ при нумерахъ отправить на лондонскую выставку. Въ Европѣ, разумѣется, не видѣли такихъ диковинокъ; и почтъ-содержателю дадутъ большую золотую медаль.

Тюменскіе постоялые дворы разсчитаны на людей неприхотливыхъ и непривыкшихъ къ удобствамъ. Въ нихъ есть и мебель, есть и кровати; но на мебели сидѣть мученье, а на кроватяхъ спать невозможно, — голыя доски, съ клопами. Съ человѣка за помѣщеніе и ѣду берется рубль въ сутки. За этотъ рубль путешественникъ получаетъ два раза въ день самоваръ, къ нему

сливки, хлѣбъ и затѣмъ обѣдъ и ужинъ. Въ достовѣрности самовара и сливокъ сомнѣваться нельзя, всякій признаетъ ихъ самоваромъ и сливками. Не то съ хлѣбомъ. Хотя Тюменцы и выдаютъ свои булки и сухари за хлѣбъ, но это происходитъ часто по невѣдѣнію. Вопросъ этотъ разъясненъ вполнѣ Льюисомъ. Онъ говоритъ, что къ числу странъ, гдѣ питаются люди глиной, относятся Сіамъ, Сибирь и Камчатка, и ссылается на свидѣтельство Бурдаха. Свидѣтельство это можетъ быть подкрѣплено показаніемъ всѣхъ лицъ, посѣщавшихъ Сибирь и бывавшихъ также въ странахъ, знакомыхъ съ употребленіемъ хлѣба. То, что въ Тюмени зовется хлѣбомъ, представляетъ вещество желтовато-сѣраго цвѣта, весьма плотное, уксуснокислаго вкуса; мягкое, но лишенное упругости и чрезвычайно тяжелое. Сколько можно судить объ этомъ веществѣ наглядно, не подвергая его химическому разложенію, это должно быть или уксуснокислая, или сѣрнокислая глина. Послѣднее вѣроятнѣе, хотя химикамъ и минералогамъ подобное соединеніе неизвѣстно. Начиная отъ Тюмени и во весь путь до Перчинскаго завода путешественникъ уже не встрѣчаетъ бѣлаго хлѣба; народъ приготовляетъ вездѣ изъ пшеницы сѣрокислую глину. Только въ губернскихъ городахъ — Тобольскѣ, Томскѣ, Красноярскѣ и Иркутскѣ можно имѣть за баснословную цѣну такъ называемый бѣлый хлѣбъ. Неприхотливость людей въ этомъ случаѣ дѣйствительно замѣчательна. Въ Сибири мельницъ мало; на широкихъ рѣкахъ устраивать ихъ не умѣютъ; въ восточной Сибири люди не знаютъ что такое вѣтреная мельница, и крестьяне мелятъ муку или на мельницахъ, конныхъ, или водяныхъ. Приготовленіе крупчатки народъ не хочетъ знать, находя ее невыгодной; а потому смолотая и непросѣянная мука идетъ прямо на приготовленіе хлѣба, который печется гдѣ на дрожжахъ, а большею частію на закваскѣ. Сибирскій пшеничный хлѣбъ имѣетъ вкусъ чрезвычайно непріятный, и для человѣка, выросшаго на хлѣбѣ европейскомъ, кажется веществомъ совершенно не съѣдобнымъ, которымъ можно питаться только въ крайности.

Обѣды и ужины постоялыхъ дворовъ имѣютъ тоже нѣчто общее съ пшеничнымъ хлѣбомъ. Прежде всего дается холодное — языкъ или студень; потомъ супъ; жаркое съ огурцами или съ качанной кислой капустой: блинцы или каша и наконецъ стаканъ молока. И это каждый день. При европейскомъ способѣ приготовленія все это можетъ быть очень хорошо; но какъ въ Сибири вообще не процвѣтаютъ никакія знанія и искусства, то и тюменскіе обѣды нравятся только первые два дня послѣ дороги, гдѣ путешественникъ не находитъ ничего кромѣ яицъ, молока и глины. Съ третьяго дня обѣдъ начинаетъ претить. Ѣда постоялыхъ дворовъ была бы лучше, еслибъ она была въ чисто-русскомъ вкусѣ, если бы на ней не отразилось западное вліяніе. Теперь же тюменскіе постоялые дворы находятся въ первомъ періодѣ перехода къ гостинницамъ — и выйдутъ они ни гостинницы, ни постоялые дворы. Эта-то переходность и убійственна. Но другими имъ и быть нельзя. Гостинница выражаетъ потребности тѣхъ лицъ, для которыхъ она устроена; она стоитъ въ уровень съ тѣмъ слоемъ общества, для котораго существуетъ. По-

этому тюменскій постоялый дворъ былъ бы невозможенъ въ Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ; и нѣмецкая гостинница съ ея чистотой, кельнерами и т. д. невозможна въ Тюмени. Поэтому же въ каждомъ маленькомъ заграничномъ городѣ есть кофейныя и пивныя, гдѣ люди собираются поговорить о дѣлахъ: есть газеты и журналы; есть книжныя лавки; есть все что нужно для умственной жизни. А въ Тюмени нѣтъ ничего этого, потому что оно не нужно никому. Не говоря про Тюмень, даже въ Казани, въ этомъ университетскомъ городѣ, существуетъ одна книжная лавка, въ которой нѣтъ ничего кромѣ книжнаго хлама, въ старинныхъ кожаныхъ переплетахъ.

Съ Тюмени начинаешь чувствовать, что вступаешь въ совершенно новый міръ. Женская одежда уже не напоминаетъ русскаго сарафана; пожилыя женщины и вдовы ходятъ въ какихъ-то особенныхъ салопахъ, какіе надѣвались въ Россіи лѣтъ сорокъ назадъ; перчатки—шерстяныя или бумажныя, вязанныя—составляютъ принадлежность костюма мѣщанокъ; все напоминаетъ старину и старообрядство; даже дома отличаются массивностью и наводятъ унынie темнокоричневымъ цвѣтомъ своихъ стѣнъ, некрашенныхъ, необитыхъ тесомъ и пожелтѣвшихъ отъ сурового климата.

Съ Тюмени же кончаются всѣ удобства пути, и во всю нестерпимо долгую сибирскую дорогу не встрѣтишь нигдѣ ни газеты, ни журналовъ, какъ будто бы весь міръ вымеръ и осталась одна Сибирь. И чувствуешь, что живешь гдѣ-то въ новомъ свѣтѣ. Здѣсь какъ будто видишь совсѣмъ новую страну, только-что явившуюся послѣ геологическаго переворота и съ только-что созданнымъ человѣкомъ. Человѣкъ этотъ начинаетъ строиться и устраивать свой гражданскій и общественный бытъ. Онъ еще не знаетъ, что тамъ, за тысячу верстъ, отъ него живутъ уже люди; что люди эти могутъ помочь ему; что у нихъ есть знанія, культура. Оторванный отъ остального человѣчества онъ составляетъ особнякъ и старается доходить своимъ умомъ до всего, что уже давно извѣстно его далекимъ сосѣдямъ. Эта-то изолированность Сибири чувствуется на каждомъ шагу, когда приходишь въ соприкосновенie съ народомъ; она-то сообщаетъ всей сибирской жизни характеръ пустыни; каждое селенie, каждый даже городъ - это починокъ, лежащій одиноко въ степи. Людямъ неизвѣстны еще ни грамота, ни книгопечатанie, ни искусства; они только-что перешли изъ періода скотоводства къ ближайшему экономическому быту — земледѣльческому, и тутъ, раздѣленные огромными разстояніями, живутъ замкнутой одиночной жизнью, не интересуясь не только тѣмъ, что дѣлается тамъ въ далекой Европѣ, но и тѣмъ, что происходитъ въ сосѣдней деревнѣ.

Главная причина всего этого разумѣется въ растянутости страны: растянутости, которая даже при самомъ высокомъ развитіи гражданскаго и экономическаго быта Сибири будетъ давать себя чувствовать. Основываясь на отдѣльной цифрѣ пространства Сибири, многіе приходятъ въ воинственный восторгъ; въ нихъ является безотчетное благоговѣнie къ этому великому пространству; они чувствуютъ за нимъ силу, вовсе не подозрѣвая, что въ этомъ-то пространствѣ и заключается слабость Сибири. Въ Сибири считается 260,000

квад. миль; она больше Англіи въ 45 разъ и въ 27 разъ больше Франціи, между тѣмъ населеніе Сибири въ 312 разъ рѣже, чѣмъ населеніе Англіи, и въ 234 раза рѣже населенія Франціи; ясно, что всѣ сношенія сибиряковъ между собой на столько же затруднены, на сколько отдѣльныя лица и населенія Сибири стоятъ рѣже лицъ и населеній Англіи и Франціи. То, что для англичанина верста, то для сибиряка 45 верстъ. Можетъ ли подобный размѣръ отношеній быть выгоденъ въ общественныхъ дѣлахъ край? Тамъ, гдѣ у англичанъ работаетъ на данномъ пространствѣ 312 силъ, а во Франціи 234 силы, въ Сибири работаетъ одна. Что же тутъ хорошаго? Чѣмъ же тутъ гордиться и какимъ образомъ предполагать силу, когда ее нѣтъ?

И въ сравненіи съ Россіей Сибирь оказывается не только слабѣе въ качественномъ отношеніи, но и въ своихъ земельныхъ производительныхъ силахъ. Площадь Россіи считается въ 93,000 квад. миль, а площадь Сибири въ 260,000; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ земледѣльческомъ отношеніи Сибирь была больше. Не считая 90,000,000 десятинъ ни къ чему негодной полосы, прилегающей къ Ледовитому морю, въ каждой губерніи Сибири считается не болѣе пятой части земли годной для хлѣбопашества. Въ Тобольской губерніи считается 27,000 квад. миль общаго пространства, а земля, удобная для хлѣбопашества занимаетъ около 20 милльоновъ десятинъ, а неудобная болѣе 100 милльоновъ. Въ Томской губерніи отношеніе это нѣсколько выше. Точныхъ свѣденій по этому вопросу въ Сибири разумѣется нѣтъ. Но зная, что выше 57° климатъ не благопріятствуетъ урожаямъ, что въ Каинскомъ округѣ выше 56° начинаются уже болота, сливающіяся съ тундрами при Ледовитомъ морѣ; что къ правому берегу Иртыша прилегаетъ безплодная Кулундинская степь, можно площадь земли, годной для культуры, принять даже менѣе одной трети. Въ Енисейской губерніи только Каинскій и Минусинскій округи имѣютъ прекрасныя почвы для земледѣлія. Въ восточной части Минусинскаго округа много гористыхъ пространствъ, въ Красноярскомъ пески, а Енисейскій округъ только въ южныхъ своихъ частяхъ принадлежитъ къ земледѣльческой полосѣ. Слѣдовательно и въ этой губерніи удобная для земледѣлія площадь составляетъ менѣе одной пятой. Въ Иркутской же губерніи и въ Забайкальѣ отношеніе еще меньше, особенно въ Забайкальѣ и преимущественно въ Нерчинскомъ округѣ; Нерчинскій округъ, несмотря на свою громкую извѣстность, одинъ изъ бѣднѣйшихъ округовъ Сибири. Причиной—слишкомъ возвышенное его положеніе и вліяніе сухихъ вѣтровъ; наконецъ открытыя мѣста горъ, занимающихъ наибольшее пространство, совершенно неспособны для земледѣлія. Изъ семи лѣтъ только одинъ годъ считается урожайнымъ въ Нерчинскомъ округѣ. Такимъ образомъ, принимая только въ одну пятую полосу земли, способной для культуры, окажется, что въ Сибири земли годной для земледѣльческаго населенія всего 52,000 квад. миль или нѣсколько болѣе половины всего пространства Европейской Россіи. Выводъ этотъ для любителей большихъ пространствъ не долженъ быть утѣшителенъ, но что же дѣлать если цифры приводятъ къ такому печальному заключенію?

IX.

Сибирское пароходство. Чайная торговля. Русская переносливость и русскій разсчетъ.

О дорогѣ по западной Сибири разсказываютъ ужасы. Говорятъ, проѣздъ по ней возможенъ только въ самую сухую пору. Купцы находятъ ѣзду на почтовыхъ невыгодной. Поэтому, со времени заселенія Барабинской степи, установился обычай ѣзды на вольныхъ ямщикахъ, «дружкахъ». Прежде ѣзда Барабой была точно выгоднѣе — возили дешевле казенныхъ прогоновъ и не приходилось платить за подорожную. Теперь же ѣзда этимъ трактомъ значительно уменьшилась, потому что, послѣ нѣсколькихъ неурожаевъ и падежей, дружки подняли цѣну за провозъ. Бывали въ недавнее время случаи, что съ пріѣзжихъ брали на нѣкоторыхъ станціяхъ по 10 коп. съ лошади. Наконецъ человѣкъ небывалый рискуетъ встрѣтить разныя непріятности и прижимки; однимъ словомъ почтовымъ трактомъ ѣзда вѣрнѣе. Но почтовый трактъ такъ дуренъ, что проѣзжающіе стараются избѣгать его по возможности, и въ этомъ случаѣ помогло имъ пароходство.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ былъ устроенъ Наклѣвскимъ и Мясниковымъ первый пароходъ въ 30 силъ. Пароходъ оказался неудачнымъ и въ 1844 году былъ построенъ новый пароходъ «Основа». На эти пароходы была выдана десятилѣтняя привилегія. Съ окончаніемъ срока привилегіи, Хаминовъ и Марьинъ построили желѣзный пароходъ «Ермакъ» въ 110 силъ. Въ 1855 году явился пароходъ «Иртышъ» въ 80 силъ; а съ 1859 г. пароходство начало значительно усиливаться. Въ настоящее время всѣхъ пароходовъ 16, изъ нихъ большихъ 7: «Работникъ» въ 120 силъ, «Тюмень» 80 силъ, «Сибирякъ» 120 силъ, «Союзъ» 80 силъ. Лучшіе изъ этихъ пароходовъ для пассажирскаго плаванія «Работникъ» Наклѣвскаго и «Сибирякъ» купца Рѣшетникова. Пароходы идутъ отъ Тюмени до Томска; весь путь считается въ 3,060 верстъ. Сначала р. Турой 170 верстъ; Тоболомъ 330 верстъ, Иртышемъ 700 верстъ, Обью 1,800 верстъ и Томью—60 верстъ. Изъ нихъ Обью и Томью, т. е. почти 2,000 верстъ противъ теченія. Отъ Тюмени до Томска пароходы идутъ съ легкимъ грузомъ 15—20 дней, съ тяжелымъ 18—25 дней; обратное плаваніе, гдѣ противъ теченія приходится только 1,000 верстъ, совершается значительно скорѣе—дней въ двѣнадцать.

Вся китайская торговля идетъ теперь этимъ путемъ; перевозятъ желѣзо, колоніальные товары, чай, сукно, плисъ. Цѣна съ пуда разная, смотря по качеству товара: за колоніальные товары по 40 к. съ пуда, за мануфактурные и чай 50 к. съ пуда, за желѣзо 25 к. Въ 1861 году шесть пароходовъ въ 570 силъ заработали (фрахтъ) 350 т. или каждая сила 637 руб. Но въ нынѣшнемъ году ожидаютъ значительно меньшаго заработка, по крайней мѣрѣ тысячъ на сто. Причина въ томъ, что въ нынѣшнемъ году китайская торговля пойдетъ тише. Несмотря на значительное пониженіе пошлины на чай на Китайской границѣ, торговлѣ этой едвали удержаться. Съ дозволе-

піемъ ввоза въ Россію кантонскаго чая доставка со стороны Кяхты должна сильно уменьшиться. Пошлина въ 35 к. съ пуда, наложенная на кантонскій чай, не спасетъ нашей торговли, хотя на чай того же самаго достоинства пошлина въ Кяхтѣ только 15 к., но считая нашъ дорогой провозъ, по 20 к. съ фунта до Москвы, и упадокъ курса, намъ все-таки нельзя бороться съ англичанами. Когда огласилось, что нынче въ Петербургѣ идетъ кантонскій чай, купцы наши остановились, выжидая, что будетъ. Оказалось, что англичане доставили всего 4 т. цибиковъ, и чай этотъ, несмотря на отличный выборъ, вкусомъ ниже караваннаго. Наши купцы вздохнули; но напрасно. Англійскій чай пойдетъ къ намъ все-таки сильно, потому что онъ дешевъ. Когда прежде, при запрещенномъ ввозѣ являлось его тысячи пудовъ, то ужь разумѣется, что при дозволеніи пойдетъ его гораздо болѣе, и чайные торговцы не будутъ отъ этого въ накладѣ. Они только усилятъ свою фабрикацію и вмѣсто контрабаднаго кантонскаго чая, которые примѣшивали не только въ низкіе, но даже и въ высокіе сорты кяхтинскаго чая, станутъ примѣшивать чай кантонскій. Для покупателей выгода очевидная: цѣна на чай значительно понизится. Не останутся довольны только оптовые кяхтинскіе торговцы. Но и имъ въ сущности не за что быть недовольными, по крайней мѣрѣ это не будетъ справедливо. До сихъ поръ они дѣлали все, что можно, чтобы вести торговлю какъ можно хуже. Китайцевъ обманывали и на серебрѣ, и на мануфактурныхъ товарахъ; въ Россіи продавали чай по цѣнѣ необыкновенно высокой, ссылаясь на то, что капиталъ находится въ оборотѣ цѣлый годъ, а въ сущности желая просто набить карманъ какъ можно скорѣе. Вотъ разсчетъ. Въ Кяхтѣ чай хорошаго достоинства продается по 70 к. за фунтъ; провозъ до Москвы 20 к., пошлины 40 к., всего 1 р. 30 к., въ Москвѣ же чай продавался по 2 р. за фунтъ. Мы гордились прежде тѣмъ, что въ Кяхту идутъ высшіе сорты чая. Это дѣйствительно такъ. Но когда устроятся дороги въ Кантонъ, то весь китайскій чай пойдетъ, разумѣется, туда, и наша чайная торговля черезъ Кяхту покончится. Это должно совершиться весьма скоро. До сихъ поръ нашей китайской торговлѣ покровительствовала замкнутость Китая. Но когда поднебесная имперія открыла свои порты для западной Европы, то ужь, разумѣется, англичане и французы съумѣютъ угодить китайцамъ въ сукнахъ, плисахъ и разныхъ мануфактурныхъ товарахъ гораздо лучше, чѣмъ наши торговцы, сбывающіе гнилой московскій товаръ. Торговыя сношенія англичанъ и французовъ гораздо чище и возбуждаютъ больше довѣрія, чѣмъ русская коммерція. Наконецъ удобства доставки отвлекутъ рѣшительно всѣ чаи къ Кантону. Теперь чай, проходящій въ Кяхту, находится въ пути 3 мѣсяца и дѣлаетъ 5,000 верстъ и въ томъ числѣ 1,300 верстъ на верблюдахъ. Отъ Москвы до Кяхты 5,500 верстъ. Всего 10,500 верстъ, и изъ нихъ водой только 3,000 верстъ, а 7,000 верстъ гужемъ. А чаи, назначаемые въ западную Европу, отъ главнаго своего склада и до Шанхая дѣлаютъ только 1,000 верстъ и доставляются въ 24 дня. Вотъ почему англичане могутъ продавать въ Петербургѣ чай, начиная отъ 70 к. за фунтъ, а пожалуй и дешевле; а мы такой же чай не можемъ

продавать дешевле 1 р. 30 к. Что же касается того, что англичане будто бы не умѣютъ сохранить чаю его аромата, то это еще требуетъ подтвержденія. Дѣйствительно, кантонскій чай, несмотря на свой удивительный выборъ, пахнетъ въ приготовленіи вѣниками. Но оттого ли онъ пахнетъ, что везенъ моремъ, или оттого, что у него уже такая природа, этого еще никто не разъяснилъ. Вѣдь и кяхтинскій чай идетъ водой. Въ Россію онъ плыветъ 3,000 верстъ, а прежде возили его отъ Шанхая до Тяньзина Восточнымъ океаномъ, и находился онъ въ этомъ пути отъ 15 до 20 дней. Перевозка океаномъ уменьшилась, хоть и не прекратилась вполнѣ только по причинѣ морскихъ разбоевъ, а совсѣмъ не потому, чтобы морское плаваніе портило букетъ чая. Но если даже и такъ: если точно отъ моря чай становится хуже: неужели у англичанъ, придумавшихъ паровой двигатель, желѣзную дорогу и т. д., не достанетъ сметки сохранить чаю его ароматъ? И кто теряетъ оттого, что чай въ Россіи станетъ дешевле? Двадцать, тридцать оптовыхъ торговцевъ-монополистовъ; и прекрасно, пусть теряютъ, если отъ нихъ теряѣло большинство. Московскіе плисы, сукна и ситцы, отправлявшіеся прежде въ Китай, пусть лучше расходятся между сибиряками, а то здѣшнія сермяги ужь очень грубы и лохмотья весьма некрасивы.

Бѣдность сибирская нигдѣ не поражаетъ такъ путешественника, какъ на водномъ пути отъ Тюмени до Томска. Такъ какъ пароходы имѣютъ спеціальнымъ назначеніемъ перевозить товары, то на простыхъ путешественниковъ смотрятъ какъ на нѣчто придаточное и не особенно выгодное. И пароходчики правы. Дѣйствительно, пароходъ идущій съ грузомъ въ 30—40 т. пудовъ и выручающій съ товара въ одинъ рейсъ тысячъ пятнадцать, приноравливается во всемъ къ этому грузу. Какіе-нибудь 50—60 пассажировъ такая мелочь, что объ нихъ и не стоитъ особенно заботиться: тѣмъ болѣе, что имъ дѣлаютъ одолженіе, принимая ихъ на пароходы. Поэтому за мѣста на пароходахъ и на баржѣ не существуетъ постоянныхъ цѣнъ, а берутъ съ проѣзжающихъ по глазомѣру. Глазомѣръ этотъ имѣетъ большія колебанія. Я знаю случай, гдѣ за одинъ и тотъ же рейсъ взято съ двухъ офицеровъ— съ одного 12 р., а съ другого 25. Странно; но въ Сибири бываетъ. Съ крестьянъ берутъ тоже не менѣе 10 р.; а если они соглашаются работать въ пути, то дѣлается скидка и съ этой суммы, но совершенно произвольная, или же везутъ и совсѣмъ безплатно. Рядомъ съ этимъ произволомъ сибирское пароходство поражаетъ иногда и своимъ великодушіемъ. Мои замѣчанія относятся не ко всему сибирскому пароходству, а къ пароходу «Тюмень», на которомъ я плылъ. Съ нами плылъ даромъ саксонецъ-красильщикъ, съ котораго, по просьбѣ какого-то тюменскаго нѣмца, не взяли за провозъ не только ни копѣйки, но еще и давали ему хлѣбъ и матросскій супъ. Матросскій супъ оказался рѣшительно не подъ силу нѣмецкому желудку. Но въ этомъ впрочемъ виноватъ исключительно поваръ Самсонъ. Самсонъ нанялся въ рабочіе, и какъ по испытаніи онъ оказался вполнѣ тупоумнымъ, то капитанъ и произвелъ его въ матросскіе повара. Бо́льшаго неряхи какъ Самсонъ, нельзя даже и вообразить; онъ вѣчно чесался, чесалъ вездѣ и спину, и задъ, и подъ

мышками, точно все тѣло его покрыто сыпью. Посуды никогда не мылъ, говядину не полоскалъ, стола не чистилъ и не скоблилъ. Бывали случаи, что супъ его приготовленія оказывался такъ вкусенъ, что матросы черпали изъ рѣки воду, крошили хлѣбъ и ѣли ложками какъ похлебку. Капитанъ на всѣ эти мелочи матросскаго быта не обращалъ никакого вниманія, зная, что матросы поворчатъ между собой, да тѣмъ и кончатъ... А строптивости, или громкаго заявленія своего неудовольствія ожидать было невозможно, потому что капитанъ владѣлъ весьма дѣйствительнымъ средствомъ успокоить и не такую команду. Если какой-нибудь жалкій матросикъ подвертывался ему подъ руку, онъ трепалъ его какъ щенка, и если бы захотѣлъ, то могъ бы убить однимъ ударомъ. До этого однако не доходило, хотя и было не далеко. Такъ при послѣдней къ Томску грузкѣ дровъ въ деревнѣ Молчановой капитанъ поколотилъ такъ рабочаго, что тотъ до конца пути, т. е. двое сутокъ, не могъ придти вполнѣ въ себя. Капитанъ билъ артистически, какъ человѣкъ опытный, и побои его отличались особеннымъ свойствомъ: отъ каждаго его удара что-то мялось въ тѣлѣ, и человѣкъ походилъ на кусокъ мяса, лежавшій часа два въ толчеѣ. Въ Молчановѣ онъ набилъ матросу шею дотого, что несчастный два дня не ѣлъ ничего, и только съ трудомъ пропускалъ черезъ горло чай. Мнѣ не удалось видѣть этого побоища, потому что я уходилъ въ деревню за покупкой провизіи, но мнѣ разсказывали, что когда началось мятье, рабочіе, оставивъ переноску дровъ, образовали кругъ и молча смотрѣли на сцену. Ихъ было человѣкъ тридцать, они могли бы легко остановить этого звѣря, а между тѣмъ никто не двинулъ пальцемъ, не подалъ голоса въ защиту товарища. И рабочіе были правы. Они знали, что явись только защитникъ, капитанъ въ ту же минуту наколотитъ ему также шею; онъ переберетъ по одиночкѣ всѣхъ, и только вмѣсто одного битаго будетъ тридцать одинъ. А съ другой стороны былъ тутъ и еще разсчетъ. Рабочіе знаютъ, что драться нельзя; что если пожаловаться, то буяну достанется; но рабочіе знаютъ также, что буяны не любятъ полиціи, слѣдовательно все можно покончить мировой, къ обоюдному удовольствію. Размѣръ мировой бываетъ различенъ и можетъ доходить даже до 100 р. Скоро ли ихъ еще заработаешь. А съ жалобой какой прокъ? Носъ или голова зажившъ и такъ, а сто рублей если и достанутся кому-нибудь, то ужъ разумѣется не битому. Очевидно, что не жаловаться, а только припугнуть выгоднѣе; а буянъ все-таки наказанъ. Такая разсудительность живетъ только между русскими. Въ Казани мнѣ разсказывали о татарахъ другое. Народъ этотъ вовсе не разсчетливый. Если русскій, незнакомый съ татарскими обычаями, вздумаетъ потрепать какого-нибудь татарченка, сотни татаръ сбѣгутся на выручку своего и ужъ не дадутъ его въ обиду. Они драться не станутъ, но остановятъ драчуна и заставятъ его прогуляться въ полицію. И бурята при всей своей кротости народъ такого же склада.

Нѣмецъ-краснодѣлъ, плывшій съ нами, замѣчателенъ не тѣмъ, что не могъ ѣсть стряпни Самсона, а своей удивительной энергіей. Человѣкъ лѣтъ пятидесяти, онъ оставилъ свою родину, потому что впереди не видѣлъ ни-

чего, кромѣ нищеты. Настоящій пролетарій. онъ не пошелъ однако въ Америку, гдѣ красильщиковъ много и безъ него, а задумалъ идти въ Россію. Въ Россіи онъ уже три года. Былъ въ Петербургѣ, Москвѣ, въ Крыму, на Уралѣ, но нигдѣ не нашолъ того, что ищетъ и потому направился въ Сибирь, безъ копѣйки денегъ въ карманѣ и зная только три слова: «хлѣбъ: «квасъ», и «что стоитъ». Но чего же ищетъ нѣмецъ и почему онъ знаетъ, что найдетъ это въ Сибири? Нѣмецъ ищетъ такой городъ, гдѣ нѣтъ красильщика, нѣтъ переплетчика, нѣтъ швеи. И если такой городъ онъ найдетъ, то выпишетъ тотчасъ же своего сына-переплетчика, свою дочь-швею, втроемъ заведутъ общее хозяйство и затѣмъ старикъ умретъ съ спокойной совѣстью, что нашелъ такую счастливую сторону, гдѣ люди прежде ничего не красили, ничего не переплетали, ничего не шили.

Невысокія цѣны за мѣста, какъ 10—25 рублей, берутъ за помѣщеніе на баржѣ. На пароходѣ цѣна каюты 100 рублей, что впрочемъ составитъ тѣ же 25 рублей на человѣка, потому что въ каютѣ могутъ помѣститься четверо. Содержаніе въ пути можно имѣть свое, а можно и изъ капитанской кухни. Качество ѣды зависитъ отъ разныхъ причинъ, а болѣе всего отъ гастрономическихъ требованій капитана. Но есть въ сибирской ѣдѣ одна вещь, которую не выноситъ маломальски цивилизованный желудокъ — это супъ изъ толстой крупы и щи. Толстая крупа приготовляется изъ ячменя: она попросту вымолоченный ячмень. Разваренный въ говяжьемъ бульонѣ онъ разбухаетъ до размѣра крупнаго гороху и окрашиваетъ супъ коричнево-сѣрымъ цвѣтомъ. Это очень скверное и грязное кушанье. Сибирскіе щи, если они готовятся въ народномъ вкусѣ, тоже довольно скверны, а главное они вовсе не щи — это овсяная похлебка, къ которой иногда подбавляютъ немного кислой капусты. Такая экономія въ капустѣ объясняется рѣдкостью этой овощи. Здѣсь зачастую — говорю о Перчинскомъ округѣ — встрѣтишь крестьянское хозяйство, гдѣ на всю зиму заготовляется только двѣ шайки кислой, рубленой капусты. Варить щи изъ одной капусты очевидно невыгодно, и ее подмѣшиваютъ въ видѣ украшенія къ овсяной или къ другой какой-нибудь смѣси.

X.

Тобольскъ.

Плаваніе до Тобольска не поражаетъ ничѣмъ исключительнымъ, если впередъ настроишь себя не ожидать ничего хорошаго. Иртышъ былъ въ сильномъ разливѣ и надѣлалъ много бѣды; но онъ далеко еще не Обь. Однако и иртышскіе разливы сильно раззорили край и вмѣстѣ съ развитіемъ пароходства имѣли огромное вліяніе на упадокъ Тобольска. Въ Тобольскѣ нѣтъ

никакихъ промысловъ и потому замѣтна большая бѣдность. Но люди все еще держались немного, пока наводненія не разорили ихъ совершенно. Особенно сильныя наводненія были въ 1854, 56, 57, 58, 59 годахъ; въ 60 и 61 воды большой не было, но зато въ нынѣшнемъ 1862 году случился такой разливъ, какого и не запомнятъ старики. До такой высоты—11 арш.—доходила вода только въ 1784 году. Эти почти ежегодные разливы довели мѣщанъ до совершенной бѣдности. Въ какой степени бѣденъ городъ—можно судить изъ слѣдующей мѣры городской думы, прочитанной ею не въ какой-нибудь экономической теоріи, а придуманной своимъ умомъ: съ каждой баржи, съ каждаго парохода, останавливающагося у города, берется пошлина въ 50 р. Разумѣется, это лучшее средство отогнать отъ города все пароходство и не допускать нищенствующихъ мѣщанъ хотя до какого-нибудь заработка.

Тобольскъ, какъ и всѣ русскіе города, гораздо красивѣе издали, чѣмъ вблизи. Особенную красоту придаетъ ему острогъ, архіерейскій домъ, соборъ, семинарія и присутственныя мѣста. Всѣ эти зданія находятся въ верхней, незатопляемой части города. На этой же горѣ стоитъ и памятникъ Ермаку, высѣченный въ видѣ обелиска изъ сѣраго мрамора. На памятникѣ надпись «Ермаку, покорителю Сибири», на другой сторонѣ — 1581», на третьей «1854»—годъ покоренія Сибири и годъ смерти Ермака.

На дворѣ архіерейскаго дома другая рѣдкость: сосланный колоколъ. Про него разсказываютъ, что когда въ ночь убійства царевича Дмитрія начали звонить въ него, онъ не издалъ звука, и Годуновъ велѣлъ сослать его въ Сибирь. Это, разумѣется, преданіе. Надпись же на колоколѣ говоритъ вотъ что: «Сей колоколъ, въ который били въ набатъ при убіеніи благовѣрнаго царевича Дмитрія 1593 года, присланъ изъ города Углича въ Сибирь въ ссылку, въ градъ Тобольскъ въ часобитной церкви Всемилостиваго Спаса, что на торгу, а потомъ на софійской колокольнѣ. Вѣсу въ немъ 19 пудовъ 20 фунтовъ». Надпись принадлежитъ позднѣйшему времени, а отчего она составлена неграмотно—неизвѣстно.

Тобольскій острогъ кажется лучшій изъ острогокъ. Онъ чистъ, просторенъ, и арестантовъ содержатъ хорошо, разумѣется сравнительно. Ѣда и хлѣбъ гораздо лучше, чѣмъ та, которой угощалъ Самсонъ матросовъ Тюмени». Впрочемъ, несмотря на это, въ мою бытность въ острогѣ арестанты заявили претензію, жалуясь что хлѣбъ нехорошъ. О размѣрѣ тюремнаго замка можно судить изъ того, что во время распутицы или наибольшаго скопленія арестантовъ, въ него вмѣщается до 2000 человѣкъ. Въ острогѣ нѣсколько отдѣленій. Женщины содержатся отдѣльно отъ мужчинъ и кандальные отдѣльно отъ поселенцевъ. Кандальные помѣщаются на отдѣльномъ дворѣ, за особыми воротами. Точно такъ же существуетъ и отдѣльная «дворянская» половина. Это небольшой одноэтажный домикъ, стоящій на особомъ дворѣ. Вдоль задней наружной стѣны дома идетъ коридоръ и изъ него рядъ дверей въ отдѣльныя, очень узенькія комнаты съ окнами по фасаду. Каждая комнатка имѣетъ два шага ширины и три шага длины. Въ ней стоитъ кровать, столъ и табуретъ. Иногда мебель эта и разнообразится: можетъ слу-

читься вмѣсто одного стола—два, вмѣсто табурета стулъ или два. Въ этихъ нумерахъ содержатъ всѣхъ преступниковъ изъ дворянъ, въ чемъ бы они ни обвинялись. Комнатки хотя и очень малы, но какъ тюрьма—хороши; по крайней мѣрѣ лѣтомъ, потому что сухи, теплы и свѣтлы, на сколько это можно при маленькомъ окнѣ слуховаго фасона. Зимой же, говорятъ, въ нихъ очень сыро, но тепло. Какъ такое помѣщеніе ни печально, все же оно лучше самаго лучшаго крѣпостнаго каземата.

Тобольскій тюремный замокъ главный центральный пунктъ, куда собираются всѣ арестанты, направляющіеся въ Сибирь. Здѣсь въ Тобольскѣ существуетъ особое управленіе -приказъ о ссыльныхъ, распредѣляющій уже арестантовъ по разнымъ мѣстамъ Сибири. Такимъ образомъ всякій арестантъ изъ Россіи идетъ въ Тобольскъ, а ужъ приказъ назначаетъ куда идти каждому дальше. Если Сибирь останется мѣстомъ ссылки, то эта роль тобольскаго приказа останется за нимъ вѣроятно долго. Хотя Тобольскъ лежитъ въ сторонѣ отъ прямого тракта на Томскъ, и арестанты, при нынѣшнемъ способѣ ихъ препровожденія пѣшкомъ, дѣлаютъ кругу верстъ триста, но это не можетъ измѣнить нисколько центральности Тобольска, какъ пересылочнаго пункта, если, какъ это и предполагается, арестантовъ станутъ возить. Теперешній способъ ихъ пересылки стоитъ двухъ каторгъ и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніи; для многихъ арестантовъ, особенно изъ отдаленныхъ губерній дорога тянется два года; и этотъ срокъ не засчитывается имъ въ срокъ каторжныхъ работъ. Если предположеніе о перевозкѣ арестантовъ осуществится, то изъ Томска ихъ будутъ возить на пароходахъ, слѣдовательно на Тобольскъ. Если же нѣтъ, то Тобольскъ своимъ положеніемъ въ сторонѣ будетъ только безполезно увеличивать страданіе несчастныхъ.

XI.

Образованіе. Смертность. Голодный годъ. Послѣдніе люди.

Съ Тобольской губерніи начинается замкнутая сибирская жизнь, и можно уже безъ ошибки составить заключеніе объ общемъ характерѣ экономическаго положенія и умственнаго образованія страны. Въ губерніи считается 1,074,000 жителей, а на всю эту массу народа существуетъ 15 школъ. Въ нихъ учится 281 мальчикъ и 6 дѣвочекъ. Такимъ образомъ одна школа приходится 84,629 верстъ, и на 52,750 человѣкъ всего населенія губерніи; одинъ ученикъ на 1,362 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 68,066 женщинъ. Въ Землѣ Донскаго войска, гдѣ считается наименьшее въ Россіи число учащихся, приходится одинъ ученикъ на 400 человѣкъ, Тобольская же губернія перещеголяла вчетверо даже Донское войско. Въ тобольскихъ школахъ учатъ священники, но крестьяне Торскаго и Ишимскаго округовъ просили, чтобы къ нимъ

въ школы назначили особыхъ учителей. Причина просьбы объясняется весьма просто. Религіозно-нравственное образованіе не удовлетворяетъ живымъ потребностямъ общества. Священники учатъ можетъ быть и очень хорошо грамотѣ и закону божію, но крестьянину, подготовляющему себя къ практической торговой или промышленной дѣятельности, одной грамоты и однѣхъ молитвъ еще недостаточно. Ему нужно познакомиться и съ такими предметами, которые нашему духовенству, вѣроятно, неизвѣстны. Поэтому, сдѣлавъ изъ закона божія предметъ, положимъ, хотя и главной важности, но рядомъ съ нимъ надо учить дѣтей и тому, что необходимо имъ въ ихъ практической жизни. Промышленно-техническихъ знаній между жителями Сибири рѣшительно не существуетъ; мастеровые и ремесленники здѣсь только изъ ссыльныхъ, да и ихъ знанія такого рода, какъ будто бы каждый дошелъ до него своимъ умомъ. А между тѣмъ въ земледѣльческомъ быту эти-то знанія и важны. Чѣмъ больше знаетъ крестьянинъ, тѣмъ лучше. Пусть онъ и столяръ, и плотникъ, и кузнецъ, и слесарь, и сапожникъ, пусть онъ и мыловаръ, свѣчной производитель, винокуръ, пивоваръ, красильщикъ, бондарь, кожевникъ. Всѣ эти знанія нужны въ крестьянскомъ быту. А какое именно знаніе считаютъ крестьяне для себя болѣе важнымъ, пусть опредѣлитъ сама община, въ которой учреждена школа. Наши земледѣльцы страдаютъ именно недостаткомъ знаній, относящихся прямо къ земледѣльческому быту, недостаткомъ тѣхъ прикладныхъ знаній, безъ которыхъ невозможно сельское хозяйство. И если этимъ недостаткомъ страдаетъ крестьянинъ въ Россіи, который, при большемъ развитіи ремеслъ, можетъ еще и не знать многаго лично, то крестьянинъ сибирскій страдаетъ въ десять разъ болѣе. Въ Тобольской губерніи на милліонъ жителей, или правильнѣе: на 532,500 человѣкъ мужского населенія считается 2,616 разныхъ мастеровъ и 373 ученика, т. е. только полупроцента. При раскинутости сибирскаго населенія ему невозможно обращаться къ мастерамъ, живущимъ въ городахъ; а при недостаткѣ мастеровъ въ самыхъ селеніяхъ, крестьяне сидятъ безъ кирпича для печей, и мнутъ ихъ изъ глины, что разумѣется гораздо хуже: у бабъ нѣтъ горшковъ и кадушекъ; одна какая-нибудь жалкая деревянная чашка составляетъ всю домашнюю столовую посуду, и крестьянинъ долженъ или обходиться безъ предметовъ, необходимыхъ ему въ домашнемъ быту, или пріобрѣтать ихъ по дорогой цѣнѣ.

Но не одно сибирское земледѣльческое сословіе нуждается въ школахъ ремесленныхъ и реальныхъ; нужны высшія заведенія для лицъ, посвящающихъ себя другимъ занятіямъ. Въ Сибири нѣтъ другихъ высшихъ заведеній кромѣ гимназій, да и тѣхъ всего три, и кто желаетъ дать своимъ дѣтямъ университетское образованіе, долженъ посылать ихъ въ Россію. Это доступно только людямъ съ достаточными средствами, а много ли ихъ въ Сибири? Значитъ, всѣ люди небогатые должны отказать себѣ въ томъ, въ чемъ нельзя отказывать человѣку. Лѣтъ пятьдесятъ назадъ было предположеніе основать сибирскій университетъ и Демидовъ даже пожертвовалъ на это дѣло 50 т. р. асс., но предположеніе это и до сихъ поръ не осуществилось. Почему—не-

извѣстно. Нужно однако замѣтить, что и между сибирскими ревнителями просвѣщенія есть чудаки, воображающіе, что образованіе развиваетъ сутяжничество, котораго по ихъ мнѣнію и такъ много въ Сибири. Но сутяжничество развивается не отъ грамотности, а оттого, что или людей притѣсняютъ, или отъ невѣрнаго пониманія своихъ правъ и обязанностей. Заграницей, напримѣръ, замѣчено, что самыя тонкія преступленія совершаются людьми изъ образованнаго сословія. Стрихнинъ, какъ отрава, разныхъ сортовъ бомбы и т. д. не могли быть придуманы простыми крестьянами. Поэтому, по логикѣ ревнителей грубаго невѣжества, слѣдовало бы закрыть всѣ кафедры химіи и изгнать Жераровъ, Либиховъ, а кстати и физіологовъ, какъ людей проповѣдующихъ вредныя знанія. Европа этого однако не сдѣлала. И въ Сибири сутяжничество прекратится не стѣсненіемъ образованія, а развитіемъ его. Вѣрное пониманіе своихъ правъ дается только образованіемъ; что же касается до письменныхъ жалобъ на притѣсненія — что же, и очень хорошо, пусть пишутъ — можетъ быть станутъ меньше притѣснять? Странно во всемъ этомъ только одно, что и до сихъ поръ мы еще не знаемъ, полезно или вредно образованіе. Многіе находятъ, что образованіе вредно въ чисто гигіеническомъ отношеніи; безъ него все проще, меньше требованій, жизнь несложна, впечатлѣній мало, и главное, когда ничего не знаешь и не понимаешь, какъ-то легче на душѣ и спится и ѣстся спокойнѣе. А спокойный образъ жизни способствуетъ наиболѣе продолжительности жизни: поэтому, человѣкъ, желающій прожить какъ можно долѣе, долженъ быть какъ можно равнодушнѣе ко всему его окружающему и стараться по возможности не нарушать правильнаго хода физіологическихъ отправленій. Иначе сказать — приблизиться какъ можно болѣе къ первобытному состоянію. Къ сожалѣнію и этотъ выводъ не вѣренъ: человѣкъ въ невѣжественномъ состояніи мретъ еще сильнѣе. Въ Тобольской губерніи, напримѣръ, умерло въ 1860 году 22 тысячи мужчинъ и 20 т. женщинъ, или двадцать четвертая часть всего населенія. Въ томъ числѣ православныхъ 38 т. или 1 изъ 25 человѣкъ; единовѣрцевъ 502, или 1 изъ 40; раскольниковъ 699—1 изъ 32; католиковъ 1, т. е. 1 изъ 1,544; протестантовъ 13—1 изъ 145; евреевъ 14—1 изъ 98; магометанъ 1,208 или 1 изъ 40; язычниковъ 614 или 1 изъ 12. На основаніи этихъ свѣдѣній, взятыхъ за одинъ годъ, разумѣется нельзя строить точнаго научнаго заключенія; но нельзя также видѣть *во всемъ* этихъ цифрахъ простой случайности. Цифра смертности между католиками болѣе всѣхъ подходитъ къ счастливой случайности. Но общій выводъ, что между протестантами и католиками, точно такъ же, какъ между магометанами, евреями и русскими сектантами, смертность должна быть меньше, чѣмъ между православными, разумѣется вѣренъ. Изъ наблюденій г. Блосфельда, профессора судебной медицины при Казанскомъ университетѣ, оказывается, что въ половинѣ смертныхъ случаевъ главную роль играетъ пьянство. Извѣстно также, что быть лютеранъ, католиковъ, магометанъ, раскольниковъ много выше быта православнаго населенія Россіи, которое вмѣстѣ съ тѣмъ отличается наибольшей неумѣренностью въ употребленіи вина. Извѣстно также, что никто болѣе не оказываетъ пренебреженія

къ удобствамъ жизни, никто не бережетъ себя менѣе въ гигіеническомъ отношеніи, какъ русскіе. Правда, они составили всесвѣтную репутацію своей способностью довольствоваться малымъ и переносить всевозможныя лишенія, но къ сожалѣнію ни одинъ статистикъ, ни одинъ докторъ не показали цифрами—на какой процентъ увеличивается смертность въ русскомъ населеніи отъ этой способности русскаго человѣка. Изъ статистическихъ данныхъ, собранныхъ въ западной Европѣ, извѣстно, что чѣмъ ниже цивилизація и сильнѣе нищета, тѣмъ сильнѣе смертность. Основываясь на этомъ, изъ приведенныхъ нами цифръ можно бы вывести такое заключеніе. Наибольшимъ благосостояніемъ пользуются католики, лютеране и евреи; затѣмъ слѣдуютъ магометане и раскольники; ниже ихъ по цивилизаціи и по матеріальному довольству стоитъ русское православное населеніе и наконецъ язычники, поражающіе страшной цифрой смертности. Хотя такой выводъ и можетъ быть вѣренъ въ общихъ чертахъ, но цифры эти требуютъ еще большаго подраздѣленія. Извѣстно, что въ Тобольской губерніи считается около 57 т. поселенцевъ, а какую роль играютъ они въ цифрѣ смертности - неизвѣстно. Есть полное основаніе полагать, что между поселенцами существуетъ весьма значительная смертность. Ихъ экономическій бытъ и нравственность позволяютъ сдѣлать такое заключеніе. Но съ другой стороны слабое численное отношеніе поселенцевъ къ остальному населенію губерніи едва ли можетъ имѣть вліяніе и такое замѣтное усиленіе смертности вообще въ православномъ населеніи и, несмотря ни на какое подраздѣленіе, за православными вѣроятно и останется привилегія наибольшей смертности. Въ Россіи подобная смертность встрѣчалась только въ войскахъ, и то только до 1858 года. Всѣ эти цифры требуютъ провѣрки, а для точнаго вывода нужны наблюденія нѣсколькихъ лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, соображая бытъ сибиряка, характеръ здѣшнихъ промысловъ, суровый и перемѣнчивый климатъ и большое употребленіе вина, слѣдуетъ предположить, что сибиряки живутъ при условіяхъ не особенно способствующихъ продолжительности жизни. Разумѣется, существованіе язычниковъ печальнѣе, но зато тамъ и смертность такого размѣра, что если экономическое положеніе ихъ не улучшится, то совершенное уничтоженіе этихъ племенъ неизбѣжно.

За Тобольскомъ плаваніе наше было весьма печально, и чѣмъ дальше мы плыли, тѣмъ мѣстность становилась безлюднѣе. Хотя и ранѣе не было ничего привлекательнаго, и мы не видѣли ничего кромѣ воды и лѣса, но крайней мѣрѣ по берегамъ Иртыша попадались еще не совершенно обнищавшія селенія. Особенное уныніе навела Обь. Къ истоку Иртыша кончилась полоса хлѣбопашества, и крестьяне сѣютъ только картофель и рѣпу. Но нынѣшній разливъ помѣшалъ и этому. Обь разлилась болѣе, чѣмъ на семьдесятъ верстъ; этому разсчету трудно вѣрить, а болѣе похоже на правду мнѣніе тѣхъ крестьянъ, которые говорили, что она залила все до моря. Зная мѣстность, можно повѣрить этому, потому что пространства, удобныя для населенія, тянутся узкой полосой верстъ въ 70—100 по берегамъ Иртыша и Оби; за этой полосой начинаются болота и тундры по ту и по другую сторону рѣкъ. На

югъ безплодная полоса образуетъ громадный треугольникъ. Слѣдовательно, если Обь залила прилегающія къ ней удобныя пространства до слѣдующихъ за ними болотъ, и такимъ образомъ ширину разлива нужно считать не въ 70 или 100 верстъ, а вмѣстѣ съ площадью болотъ, по крайней мѣрѣ, тысячи въ двѣ. Съ такой дикой и разрушительной силой человѣку очевидно бороться невозможно, да онъ съ ней и не борется, а только переноситъ терпѣливо бѣду, не увѣренный вполнѣ, достанетъ ли у него силъ перенести ее. Всѣ селенія, прилегающія къ рѣкамъ, были до того залиты водой, что мѣстами торчали изъ воды только послѣднія вѣнцы избъ да крыши; ни скота, ни людей не было видно; уѣхали ли они и куда—не знаю. Въ другихъ мѣстахъ наводненіе было легче, т. е. для людей осталось еще мѣсто въ избахъ, и скотъ толпился кучами на возвышеніяхъ, нощаженныхъ разливомъ. Но чѣмъ питались люди и скотъ? Люди доѣдали остатки хлѣба, а скотъ питался тальникомъ, если онъ росъ по близости и можно было нарубить его. Понятно, что при такомъ народномъ бѣдствіи намъ нечего было и разсчитывать добыть что-нибудь отъ мѣстныхъ жителей, которые и сами чуть не умирали съ голоду. Съ начала пути мы разсчитывали на остяковъ, думая добывать отъ нихъ рыбу. Но разсчетъ этотъ оказался не вѣренъ. Рыбы не было, она расплылась по тысячеверстному разливу и остякамъ самимъ приходила послѣдняя бѣда. Уже въ началѣ Оби прибрежные жители изъ русскихъ разсказывали, что у остяковъ нѣтъ хлѣба, нѣтъ рыбы, что они ѣдятъ всякую дрянь, у кого были лошади—съѣли лошадей, и что нѣсколько человѣкъ умерло съ голоду. Между Сургутомъ и Нарымомъ пришлось убѣдиться, что все это правда. Питаясь сами богъ знаетъ какой провизіей, мы обрадовались Сургуту, но во всемъ городѣ не нашлось ничего, кромѣ водки. Поплыли дальше; чрезъ 100 верстъ с. Локосово по прозванью Попъ-горшокъ, но и тутъ ничего не достали; поплыли къ Александрову, до котораго 250 верстъ. Въ Александровѣ достали немного молока и десятокъ яицъ, и то у священника. Въ остальныхъ домахъ искать было нечего—сами жители сидѣли десять дней безъ хлѣба и питались чаемъ съ солью. Въ этомъ селѣ пришлось убѣдиться, что остякамъ точно плохо. До сихъ поръ, во всю дорогу мы видѣли остяковъ издали; или на какомъ-нибудь возвышеніи, окруженномъ со всѣхъ сторонъ водою, стояли кучками полунагіе ребятишки, смотрѣвшіе съ любопытствомъ на нашъ пароходъ, или на маленькой остяцкой лодкѣ, не больше охотничьяго челнока, подплывали къ намъ человѣкъ по пяти, по семи, просили милостыни и всѣ крестились напереръ, чтобы показать, что они крещеные. Только въ Александровѣ пришлось познакомиться ближе съ бытомъ остяковъ. Къ александровскому приходу приписано 3 волости, всего въ 928 душъ, изъ нихъ 498 мужчинъ и 430 женщинъ. Это самыя несчастныя волости изъ всего остяцкаго населенія, и волости очевидно вымирающія. Въ отношеніи возрастовъ замѣтенъ особенный перевѣсъ стариковъ надъ молодыми. Смертность вообще огромная, не меньше одного изъ двѣнадцати; но въ нынѣшнемъ году нужно полагать, что она дойдетъ до отношенія 1:9. Эти остяки всѣ крещеные, но это не мѣшаетъ имъ не понимать ничего и держаться по прежнему идоло-

поклонства. Священникъ исповѣдуетъ ихъ только, но причастія не даетъ. По образу жизни они совершенные дикари, бань не знаютъ, никогда не моются, носятъ платье изъ шкуръ прямо на голомъ тѣлѣ. Особенная смертность существуетъ между ними отъ сифилитическаго яда. По крайней мѣрѣ половина населенія страдаетъ этой болѣзнью. Подлѣ Александрова стоитъ нѣсколько юртъ. Это больше ничего какъ жерди, составленныя въ видѣ конуса и покрытыя берестой. Нѣкоторыя изъ юртъ были закрыты только вполовину. Въ каждой юртѣ разложенъ посрединѣ огонь и вокругъ него едва прикрытые лохмотьями старики и дѣти. Въ одной юртѣ, на видномъ мѣстѣ предъ огнемъ, сидѣлъ совершенно голый старикъ, покрытый весь ранами; вокругъ него бабы и ребятишки. Я далъ женщинѣ денегъ, она взяла ихъ, но лице ея не выразило ничего. Была ли она рада или нѣтъ, не знаю; да и для чего ей деньги, когда на нихъ нельзя ничего купить? У каждой юрты лежало по нѣскольку собакъ; но то были не собаки, а просто клочья длинной шерсти. Собаки лежали свернувшись, и не только не лаяли, но даже не поднимали головы. Имъ было не до того. Только одинъ молодой песъ, должно быть погорячѣе другихъ, залаялъ было хриплымъ голосомъ, но скоро замолчалъ, видно не хватило силъ. Послѣдняя къ пристани юрта смотрѣла печальнѣе другихъ. На половину безъ покрышки, она не выказывала никакихъ признаковъ жизни. Привязанная собака лежала неподвижно, какъ мертвая, а можетъ быть она была и точно мертва. Въ самой юртѣ, прислонившись къ опрокинутому челноку, лежали два какія-то продолговатыя тѣла, какъ бы два мѣшка съ мукой. То были старикъ и старуха, приготовленные къ смерти. Всѣ знали, что они должны умереть, прикрыли ихъ одеждой и оставили. Огонь потухъ и для стариковъ наступала послѣдняя минута. Я подошелъ ближе, чтобы разсмотрѣть ихъ. Одинъ изъ мѣшковъ легко пошевельнулся, должно быть доживутъ до утра, если только не замерзнутъ ночью. Холодъ стоялъ сильный. Въ противоположномъ концѣ деревни лежали еще два такіе же мѣшка и ждали послѣдней минуты.

Вахтеръ при хлѣбномъ магазинѣ, отставной солдатъ, недавно еще поступившій, разсказывалъ, что на остяковъ напала какая-то странная болѣзнь. Начнутъ пухнуть и умираютъ, а хлѣбъ имъ совсѣмъ не въ пользу, потому что привыкли къ рыбѣ, а рыбы нѣтъ. Болѣзнь эта объясняется весьма просто: два мѣсяца у остяковъ не было хлѣба; печь его они не умѣютъ и приготовляютъ двумя способами, или намѣшиваютъ муку съ горячей водой и ѣдятъ въ видѣ клейстера, или, замѣшавъ погуще, сдѣлаютъ шарикъ и, воткнувъ его на заостренную палку вертятъ надъ огнемъ, пока не подсохнетъ; истощенный человѣкъ уже не переноситъ этой пищи, онъ долженъ умереть. Есть на Оби и хлѣбные магазины, но въ Александровскомъ уже два мѣсяца нѣтъ ни зерна. Барка съ провіантомъ прошла мимо, даже не справившись, нуженъ ли людямъ хлѣбъ или нѣтъ, и если бы священникъ не удѣлилъ изъ своего хлѣба 50 пудовъ остякамъ, прикочевавшимъ къ Александровскому, пришелъ бы конецъ. Хлѣбные магазины достигаютъ цѣли только вполовину, потому что лежатъ на разстояніи ста верстъ одинъ отъ другаго. Тѣмъ, кто

подлѣ, еще удобно ѣздить за хлѣбомъ, но кто живетъ за 50 верстъ, или болѣе, разстояніе это слишкомъ велико.

Верстъ за 100, или 150 за Александровскимъ къ Нарыму, остяки живутъ лучше, ихъ коснулась цивилизація и народъ уже не терпитъ такой нужды. Къ намъ подъѣхала большая лодка, а не челнокъ, какъ это бывало ранѣе. Остяки, одѣтые на русскій ладъ и даже въ жилеты, явились для мѣны. Они привезли стерлядей и просили въ промѣнъ табаку, но табаку у насъ не было. Я предложилъ сигары; остякъ посмотрѣлъ и отвѣчалъ мнѣ: «это куритъ, богатый, а ясашному пейдетъ» и не взялъ. Видя, что табаку у насъ нѣтъ, остяки спросили отрубей, но и отрубей не нашлось на пароходѣ, и мѣна состоялась на хлѣбѣ. Другіе остяки изъ той же лодки предложили 18 карасей, имъ давали на обмѣнъ 6 фунтовъ крупы; «мало»—сказали остяки и поѣхали на баржу.

Остяки составляютъ ясашное населеніе Сибири, постепенно исчезающее отъ постоянныхъ нуждъ и лишеній. Въ мѣстахъ близкаго сосѣдства съ русскими остяки начинаютъ заниматься земледѣліемъ и живутъ уже на русскій ладъ. Первое знакомство съ русской цивилизаціей начинается разумѣется съ русской водки. Съ этимъ напиткомъ стараются знакомить остяковъ особенно русскіе промышленники, промышляющіе рыбой и мѣхами. Кроткій и добродушный остякъ входитъ съ разу во вкусъ этого зелья, и мѣна производится весьма выгодно для русскаго промышленника. Знакомство съ водкой и съ коммерческими пріемами русскихъ торговцевъ дѣлаетъ скоро изъ остяка другого человѣка; онъ входитъ во вкусъ водки и пріучается обманывать и не держать слова. А поступать ему иначе нельзя, особенно съ тѣхъ поръ, когда явилась такая страшная нужда въ хлѣбѣ. Прежде, до разливовъ, за пудъ рыбы давали пять пудовъ муки, а теперь за три пуда рыбы одинъ пудъ муки; а между тѣмъ со времени начатія пароходовъ и наводненій количество рыбы очень уменьшилось.

И русское населеніе, поселившееся по этимъ сѣвернымъ рѣкамъ, терпитъ большую нужду. Такъ называемыя села, больше ничего какъ починки дворовъ въ 5—10 и съ деревянной бѣлой церковью. Одни изъ этихъ селъ заняты промышленниками, живущими трудомъ остяковъ: они скупаютъ у нихъ рыбу, мѣха и живутъ торговлей. Хозяйства у такихъ промышленниковъ нѣтъ никакого; даже нѣтъ огородовъ, а держатъ коровъ. Но въ нынѣшнемъ году и на домашнюю скотину напала напасть. Медвѣдь, а по здѣшнему звѣрь, терпѣлъ отъ разливовъ тоже; ему осталось одно—забираться въ деревни и рѣзать скотъ. Не проходило ни одной ночи, чтобы звѣрь не уносилъ изъ деревни скотину. Въ одной, не помню какой-то, деревнѣ, въ самое короткое время медвѣди зарѣзали 30 коровъ. А между тѣмъ и медвѣдямъ не оставалось ничего другого. Бѣдствіе было общее.

Кромѣ промышленниковъ живетъ по этимъ рѣкамъ и крестьянское сельское населеніе. Земледѣліе кормитъ ихъ недостаточно, и чтобы существовать, нужно заниматься еще какими-нибудь промыслами. Многіе идутъ въ судовую работу: въ матросы, наметчики, штурвальные, лоцмана. Лоцманы и штур-

вальные составляютъ аристократію судовыхъ рабочихъ; способный и внимательный штурвальный можетъ легко перейдти и въ лоцмана. Обыкновенное жалованье на судахъ слѣдующее: лоцману отъ 250 до 300 руб.; кочегару 45 р., наметчику и штурвальному 35 руб., а простымъ рабочимъ 25 руб. въ лѣто. Лоцманы и штурвальные имѣютъ столъ съ капитанской кухни и получаютъ каждый по фунту чаю и кажется по фунту сахару въ мѣсяцъ. Положеніе рабочихъ самое печальное. Разумѣется, не на всѣхъ пароходахъ повара—«Самсоны», но на всѣхъ судахъ положеніе рабочихъ много хуже положенія остальной судовой прислуги. Въ рабочіе идетъ только человѣкъ не способный добыть себѣ пропитаніе другимъ болѣе выгоднымъ путемъ; идутъ, какъ говорятъ здѣсь, «послѣдніе люди». И точно эти послѣдніе люди породы особенной. Незнакомые съ удобствами, они притупили свои первы нуждой и всякими лишеніями. Они переносятъ спокойно и холодъ, и мокроту, и дурную пищу; для нихъ не существуетъ опредѣленнаго времени для сна и не рѣдко смѣнившись съ дежурства, поздно вечеромъ, они проигрываютъ въ карты до утра, проигрываютъ свои послѣднія деньги. Вино и карты ихъ единственныя радости. Обыкновенно на рыболовныя суда и на пароходы отдаютъ «неплательщиковъ»; а народъ этотъ обыкновенно бѣдный и большею частію неотличающійся хорошимъ поведеніемъ и трезвой жизнью. Вотъ почему ихъ и прозвали послѣдними людьми. Случается, что эти послѣдніе люди, забравъ задатки, убѣгаютъ съ судовъ и пароходовъ, или, напившись на пристани, не являются ко времени отплытія парохода. Но противъ бѣгства въ пути приняты такого рода мѣры. Пароходы не останавливаются въ людныхъ мѣстахъ, около городовъ и большихъ селеній, и если что нужно, отряжаютъ туда лодку; дрова заготовляются въ глухихъ мѣстахъ, такъ что рабочему при всемъ его желаніи оставить судно бѣжать не разсчетъ. Причины побѣговъ объясняютъ здѣсь однимъ желаніемъ бѣжать и безчестностью послѣднихъ людей. Правда, нравственность ихъ не особенно высока, понятіе о чести, долгѣ и святость договора не отличаются безукоризненностью; но правда и то, что жизнь на пароходѣ и судовая работа не представляютъ ничего плѣнительнаго; побои, кулаками, линками и вѣчная строгая дисциплина для человѣка къ ней непривычнаго не могутъ поселить въ немъ привязанности къ пароходной жизни. Оттого рабочій и бѣжитъ, что ему худо; будь ему хорошо, онъ бы не убѣжалъ. Но не такъ разсуждаетъ противная сторона. Пароходчики говорятъ, что съ «послѣднимъ человѣкомъ» нѣтъ никакого ладу, что онъ ничего не понимаетъ и толковать съ нимъ безполезно. Просвѣщать его что ли? Но вѣдь не просвѣтишь человѣка въ три мѣсяца плаванія по Оби; и кулакъ или линокъ, если и не развиваетъ способности человѣка, то по крайней мѣрѣ принуждаетъ его дѣлать то, что отъ него требуютъ. И обѣ стороны считаютъ себя правыми. Ошибка только въ томъ, что напрасно дается воля кулаку и линку, когда можно обойдтись и безъ нихъ. Но это въ сибирскихъ нравахъ. Гдѣ тутъ искать судебной расправы, когда городъ отъ города лежитъ на тысячи верстъ; по необходимости приходится прибѣгать къ личной расправѣ—кто сильнѣе или богаче, тотъ и правъ. Такой порядокъ,

разумѣется, не внушаетъ народу особенно высокихъ понятій о долѣ, чести, правѣ и человѣческомъ достоинствѣ, и тотъ же самый пароходчикъ бьетъ «послѣдняго человѣка» за то, что онъ понимаетъ по своему и долгъ, и честь, и личное достоинство, какъ будто бы онъ могъ понять ихъ иначе, чѣмъ его учили. Бурлакъ пожалуй еще бы и перенесъ все, если бы ему платили хорошо, или если бы деньги были у него въ рукахъ; а то отдадутъ его силой въ работу за недоимку, рублей за 10 за 15 въ лѣто, и изъ этихъ денегъ за четыре мѣсяца труда достанется ему какихъ-нибудь пять рублей. Что же дѣлать ему съ этими деньгами? Многаго не сдѣлаешь, развѣ что достанетъ на половину податей; но человѣкъ не камень, у него есть сердце, ему нужны радости и «послѣдній человѣкъ» несетъ свои деньги въ кабакъ. А тамъ опять недоимка; опять судовая работа и «послѣдніе люди» незамѣтно и постепенно становятся все хуже и хуже, человѣкъ, какъ говорятъ крестьяне, «изломается» и дѣлается никуда негоднымъ—хоть брось.

Но не всѣ крестьяне въ этихъ пустынныхъ и бѣдныхъ мѣстахъ «послѣдніе люди», хотя всѣ терпятъ большія лишенія и съ трудомъ зашибаютъ копѣйку. Расходы здѣшняго крестьянина на столько больше, на сколько мѣстность, въ которой онъ живетъ, неблагопріятнѣе для земледѣлія и для развитія промысловъ, по сравненію съ другими мѣстностями. Фунтъ хлѣба приходится здѣшнему крестьянину гораздо дороже, т. е. съ большей потерей силъ, чѣмъ крестьянину великороссійскому и сибиряку въ хлѣбородныхъ мѣстахъ края. А между тѣмъ потребности его такія же. Вотъ расходы обѣкаго крестьянина; разсчетъ сдѣланъ на семью въ пять душъ, а въ вѣрности разсчета ручается то обстоятельство, что цифры записаны въ присутствіи лоцмановъ и штурвальныхъ, подтвердившихъ ихъ правильность. Семью составляютъ мужъ съ женой и три сына. Рабочую силу составляютъ: отецъ и два сына, мать и маленькій сынъ не приносятъ денегъ. На содержаніе этой семьи нужно въ годъ: на ѣду 184 р., на одежду 125 р., на ремонтъ дома и хозяйства 30 р., на содержаніе скота 16 р. Кромѣ того разные платежи (налогъ, окладъ, сборы и т. д.) составляютъ 45 руб. 85 к. Всего семья должна расходовать въ годъ 400 р. 85 к. *).

Хлѣба и крупъ по 30 пуд. на человѣка, а на всѣхъ 150 пудовъ .	120 р.
Соли по пуду на человѣка, 5 пудовъ	2 —
Мяса—2 скотины и 4 свиньи	14 —
Масла коровьяго 3 пуда.	18 —
Рыбьяго жиру въ постъ, вмѣсто постнаго масла, 1 п.	5 —
Капусты и луку если есть, а если не родились, такъ и безъ нихъ. Кромѣ того огурцы, рѣпа, рѣдька и картофель	25 —
Всего на ѣду въ годъ . . .	184 р.

Одежда на одного:

Тулупъ 5 р., сапоги 3 р., азямъ 5 р., шапка 1 р., 3 рубахи 3 р., 2 пары штановъ 2 р., 3 пары портянокъ 1 р., 2 пары рукавицъ 1 р.,

---

*) Вотъ подробный разсчетъ:

2 пары валенокъ 2 р., варежки 30 к., подштанниковъ 4 пары 1 р. 20 к., всего на одного 25 р., на трехъ взрослыхъ . . . . . 75 р.
На маленькаго брата 20 р. и на мать 30 р. . . . . 50 —

Всего на одежду . . . 125 р.

Ремонтъ дома и хозяйства . . . . . 30 р.

Содержаніе скота:

Сѣна на 5 лошадей, 4 коровы дойныхъ, 2—3 подростка, 10 овецъ. (На крупную скотину въ зиму 30 копенъ, съ 1 октября до іюля, т. е. до конца разлива, а мелкая скотина кормится при большой) 400 копенъ 16 р.

Налоги и подати.

Подушный окладъ и разные казенные сборы по 22 р. асс. съ души, въ двѣ половины, съ 4 душъ . . . . . 82 р. асс.
На волостное правленіе съ 2 душъ . . . . . 10 — —
Мірскіе расходы съ 1 души . . . . . 20 — —
На содержаніе дорогъ 8 р. асс. съ души; на земскихъ лошадей 4 р. асс. съ души, междудворныя подводы 7 р. асс. съ души; все это съ двухъ душъ . . . . . 38 — —
На просвирню по 2 р. съ ревизской души . . . . . 8 — —

Всего . . . 164 р. асс. или 46 р. 85 к. с.

Большой подушный окладъ происходитъ оттого, что на крестьянахъ этой волости лежатъ значительныя недоимки.

Чѣмъ же семья эта покрываетъ свои расходы? Отецъ столяръ добываетъ въ Томскѣ 200 руб. въ годъ, одинъ сынъ тамъ же достаетъ 60 руб., другой 30 руб., итого 290 руб. Слѣдовательно на удовлетвореніе остальныхъ потребностей недостаетъ 110 руб. 85 коп. Эти 110 рублей покрываются экономіей на ѣдѣ. Въ нашемъ счетѣ были приняты пять человѣкъ, но изъ нихъ работающіе на сторонѣ живутъ на хозяйскихъ харчахъ, слѣдовательно показанные 184 рубля нужно сократить на $^3/_5$, что составитъ 110 р. 40 к. Такимъ образомъ доходъ сходится съ расходомъ. Но и крестьянамъ нельзя же жить безъ всякихъ удовольствій; они курятъ табакъ, что въ Сибири особенно необходимо, потому что легко получить цынгу; крестьянину нужно и выпить водки, а холостые любятъ и принарядиться и полакомиться и попотчивать иногда кой-кого орѣхами, пряниками или подарить головной платокъ и т. д. На все это нужны деньги. Гдѣ же взять ихъ? Эти расходныя статьи пополняются тремя источниками; во-первыхъ тѣмъ, что мясо не покупается, а бьется домашняя скотина; во-вторыхъ, экономіей на овощахъ, часть которыхъ растетъ дома въ огородахъ; въ-третьихъ тѣмъ, что сѣно заготовляется дома. А обыкновеннѣе всего дѣлается долгъ, или продается домашняя скотина.

Читатель изъ всего этого разсчета видитъ, что рѣчь идетъ о зажиточной и промышленной крестьянской семьѣ. А такихъ въ Сибири мало; нельзя же всѣмъ быть лоцманами, столярами, сапожниками или машинистами. Но и въ

этой семьѣ взрослые должны искать заработка на сторонѣ, потому что дома отецъ не досталъ бы въ годъ болѣе 100 руб., а сыновья по 15 р. каждый. Сколько же семействъ малолѣтнихъ, гдѣ неискусный и неспособный работникъ идетъ на сторону за 10 рублей въ лѣто, лишь бы добыть деньги на уплату податей, да и то съ недоимкой, и дома оставляетъ семью безъ всякихъ средствъ. Что же бабы? Онѣ ходятъ въ лѣсъ, набираютъ моху, промоютъ и высушатъ его, потомъ натолкутъ и смѣшавъ 5 фунтовъ этого порошку съ фунтомъ муки, обвариваютъ смѣсь кипяткомъ и ѣдятъ. Вмѣсто же чая пьютъ солотковый корень. Пашитокъ этотъ не считается здоровымъ, потому что человѣкъ отъ него отекаетъ. Такая печальная жизнь составляетъ удѣлъ значительнѣйшаго большинства крестьянъ отъ Тобольска внизъ по Иртышу и по Оби. Тутъ расположены четыре волости: Деньщиковская, Демьянская, Юровская и Уватская. Въ нихъ считается около 18 т. народу, но только восемь тысячъ внизъ по Иртышу на протяженіи 450 верстъ отъ Тобольска считаются особенно голодными. «Пріѣхалъ я въ прошедшемъ году домой,—разсказывалъ мнѣ одинъ крестьянинъ на пароходѣ,—а народъ отощалъ совсѣмъ и платить податей нечѣмъ, треть народу недоимщиковъ».

Кончаю о Тобольской губерніи разсказомъ о князѣ Матвѣѣ Петровичѣ Гагаринѣ. О немъ разсказываютъ, что, задумавъ образовать отдѣльное сибирское царство, онъ хотѣлъ отложиться отъ Россіи. Петръ узналъ объ этомъ и казнилъ князя. Но дѣло было проще. Князь вовсе не принадлежалъ къ числу людей, способныхъ на такой смѣлый замыселъ и Петръ В. казнилъ его не за политическую вину, а за лихоимство. Разширяя предѣлы Сибири на югъ, забираясь въ Камчатку, открывая серебряную, свинцовую руду и жемчугъ, Гагаринъ прежде всего не забывалъ себя. Обѣдъ подавался ему на 50 серебряныхъ блюдахъ, комнаты были обиты шелковыми обоями, вышитыми серебромъ и золотомъ, а двѣ комнаты были обложены сплошь жемчугомъ. Кареты его были окованы серебромъ и даже лошади ковались серебряными подковами. Бухгольцъ, поссорившійся съ Гагаринымъ за неудачный походъ въ Джунгарію, былъ по представленію Гагарина вызванъ въ Петербургъ и разсказалъ Петру о грабительствахъ сибирскаго губернатора. Оберъ-фискалъ Нестеровъ провѣрилъ чрезъ своихъ чиновниковъ слова Бухгольца и оказалась правда. Въ 1717 году Гагарина вызвали въ Петербургъ, подъ предлогомъ необходимости его присутствія по дѣлу о царевичѣ Алексѣѣ, а въ то же время Петръ В. послалъ въ Тобольскъ довѣренныхъ людей для розыска. Подтвердилось все; обнаружены страшныя злоупотребленія и притѣсненія народа, и у Гагарина найдено наличными деньгами 3,500,000 руб. Гагарина предали суду. Два года томился въ тюрьмѣ обвиняемый, его пытали, били кнутами, но онъ не сознался. 16 марта повѣсили Гагарина, и тѣло его оставалось на висѣлицѣ до конца апрѣля.

СИБИРЬ

ПО БОЛЬШОЙ ДОРОГѢ.

XII.

Сибирская честность. — Одно слово сочувствія и три слова бранныхъ. — 80% бродячаго населенія.

Пароходы останавливаются, не доходя пяти верстъ до Томска. Пристань не имѣетъ того пріятнаго вида, какой обыкновенно сообщается пароходнымъ пристанямъ. Нѣтъ этихъ яркоцвѣтныхъ домиковъ на судахъ, какіе украшаютъ волжскія пароходныя пристани. Вмѣсто этого стоитъ рядъ дворовъ, обнесенныхъ высокими, сплошными массивными заборами, съ двумя воротами съ каждой стороны: со стороны рѣки и съ противоположной стороны. Къчему это военное положеніе? Противъ кого эти укрѣпленія? И отчего ихъ нѣтъ ни въ Казани, ни въ Перми, ни на Волгѣ, гдѣ нагружаются въ суда товары и болѣе разнообразные, и въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ Томскѣ? Потому ихъ нѣтъ на Волгѣ, что они тамъ ненужны, и потому они устроены въ Томскѣ, что безъ нихъ ни одинъ купецъ не можетъ быть увѣренъ, что его товаръ попадетъ въ полномъ количествѣ на пароходъ. Воровству при грузкѣ много помогало между прочимъ пустынное положеніе пристаней, къ которымъ примыкаетъ вплоть кустарный лѣсъ. А главная причина заключалась въ особенномъ качествѣ томскаго населенія.

Разсказамъ о честности сибирскаго населенія нужно вѣрить столько же, какъ и разсказамъ о сибирскихъ арбузахъ и персикахъ. Не нужно никакихъ уголовныхъ статистикъ и полицейскихъ объявленій о кражахъ, чтобы опредѣлить, спокойно или неспокойно въ какой-нибудь сторонѣ. Если, пріѣзжая въ Россію, видишь, что крестьяне запираютъ избы на ночь просто на щеколду; если крестьяне не знаютъ употребленія ставень и устраиваютъ ихъ исключительно какъ украшеніе; если на почтовой станціи можно оставить смѣло экипажъ безъ всякаго надзора, то очевидно, что жители не боятся

воровъ, и воровство вещь рѣдкая. Но если, пріѣхавъ въ Сибирь, вы видите, что пароходная пристань укрѣплена какъ острогъ; что у каждой крестьянской избы устроены ставни съ желѣзными засовами; если на почтовой станціи вамъ не совѣтуютъ оставлять экипажа безъ надзора, то очевидно, что въ Сибири опасности отъ воровства гораздо больше, чѣмъ въ Россіи. Есть сибиряки, разсказывающіе петербургскимъ жителямъ, что они не знали никогда, что значитъ запирать двери. Но это разсказываютъ люди или бывшіе «начальствомъ», или начальствующіе и доныне. У начальства, разумѣется, воровать не разсчетъ, и воровство случается не у нихъ, а обворовываютъ купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ; обворовываютъ лавки, церкви, обозы; крадутъ товаръ при грузкѣ. Въ доказательство того, что Сибирь Аркадія, вамъ говорятъ, что здѣсь и не знаютъ другой прислуги, кромѣ ссыльныхъ. И это правда. Коренной сибирякъ не учился поварскому искусству, потому что въ крестьянскомъ быту оно не нужно; коренная сибирячка не знаетъ стирать и крахмалить бѣлья, потому что носятъ бѣлье другого качества; коренная сибирячка не знаетъ, какъ ходить за барынями и барышнями, потому что въ деревняхъ нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ; коренной сибирякъ не умѣетъ мести и убирать салоновъ, потому что салонъ крестьянину не извѣстенъ. Однимъ словомъ, крестьянинъ, какъ человѣкъ земледѣльческаго быта, знаетъ только свой бытъ, но не знаетъ быта барскаго; онъ не оставитъ свой домъ, свою землю, свой крестьянскій промыселъ, чтобы сдѣлаться поваромъ, кучеромъ, камердинеромъ, лакеемъ; а крестьянская женщина также не броситъ своей семьи, чтобы превратиться въ горничную, модистку или прачку тонкаго бѣлья. А между тѣмъ для чиновничьяго населенія всѣ эти люди нужны. Гдѣ же ихъ взять, когда коренная Сибирь не создавала никогда изъ своего населенія прислуги? Въ этомъ случаѣ помогло соседство Россіи и русскіе помѣщики. Прислуга—это вполнѣ самобытное сословіе, видоизмѣненіе древнихъ домашнихъ рабовъ, создалось въ Россіи принудительнымъ путемъ изъ дворни, изъ городскихъ сословій, видѣвшихъ въ услуженіи единственное средство для существованія. Помѣщичьему участію принадлежитъ здѣсь первое мѣсто; помѣщики первые занялись спеціальнымъ воспитаніемъ людей для домашнихъ надобностей и они же населили Сибирь прислугой спеціалистами. Поваръ, камердинеръ, лакей, горничная, прачка, кучеръ, незнавшіе никогда ничего кромѣ жизни въ барскомъ домѣ, явившись въ Сибирь, искали для существованія своего средствъ сподручныхъ. Становиться земледѣльцами имъ было трудно; жить въ глуши въ деревнѣ, послѣ нѣсколько болѣе цивилизованныхъ привычекъ, болѣе высокаго быта, чѣмъ крестьянскій, было нелегко; и вотъ поваръ шелъ въ повара, лакей въ лакеи, а горничная въ горничныя. Такъ поступали поселенцы, т. е. люди, сосланные на поселеніе. Съ каторжными установился подобный же обычай. По прибытіи партіи на мѣсто, обыкновенно спрашивали, кто изъ прибывшихъ знаетъ какое ремесло, и обыкновенно поваръ становится опять поваромъ, а горничная опять горничной. Вотъ почему въ Сибири не знаютъ большею частью другой прислуги, кромѣ ссыльныхъ. А что эта прислуга большею частью хороша, то и въ этомъ нѣтъ никакой

психологической задачи. Изъ-за чего хорошему человѣку сдѣлаться дурнымъ? Между множествомъ случаевъ ссылки за дѣйствительную вину, или за дѣйствительную безнравственность, есть много и такихъ, что человѣкъ и самъ не знаетъ, за что онъ очутился въ Сибири. Здѣсь есть много людей, сосланныхъ за кражу, воровство, развратъ, разбой, убійство; много людей дѣйствительно испорченныхъ; но есть и такіе, которые дѣлали шалость нарочно для того, чтобы уйти отъ своихъ господъ; есть такіе, которые дѣлали проступки въ минуту увлеченія и горячности. При прежнемъ правѣ помѣщиковъ отсылать своихъ людей въ Сибирь бывали такого рода случаи, - когда отстраняли человѣка только потому, что не нравилась физіономія, или потому, что нравилась чья-нибудь физіономія, а онъ мѣшалъ; или потому, что наговоритъ дворецкій, камердинеръ, ключница. У насъ на пароходѣ былъ поваръ, который очутился въ Сибири потому, что побилъ дворецкаго; а дворецкаго побилъ онъ за то, что тому хотѣлось выдать за него свою дочь, а повару не хотѣлось прикрывать барскихъ грѣховъ. И пошли у нихъ ссоры. Дворецкій жаловался часто барину на повара, а поваръ злобился и искалъ случая сорвать сердце. Разъ дворецкій приходитъ въ кухню, придрался къ мелочи и хотѣлъ даже ударить повара, а тотъ подмялъ его подъ себя и поколотилъ его чумичкой, такъ что тотъ едва ушелъ. Разумѣется драться не хорошо, да вѣдь не хорошо и выводить человѣка изъ терпѣнія и доводить его до бѣды. Поваръ въ Сибири, а дворецкій остался при баринѣ. Видѣлъ я шестидесятилѣтнюю женщину, сосланную въ Сибирь потому, что она не понравилась лицомъ новымъ господамъ. Живетъ она на одномъ мѣстѣ лѣтъ пятнадцать и ею не могутъ нахвалиться. Между сосланными горничными чаще всего услышишь подобное объясненіе причины ссылки. Очень можетъ быть, что въ разсказахъ горничныхъ половина лжи, но затѣмъ остается и половина правды, и во всякомъ случаѣ такъ-называемая антипатія, или говоря по просту «не понравилась лицомъ», играла весьма не маловажную роль въ отношеніяхъ барынь къ своимъ горничнымъ. Есть здѣсь прачки, сосланныя за порчу господскаго бѣлья; есть женщины, отправленныя потому, что онѣ мѣшали исполненію нѣкоторыхъ соображеній своего барина, есть и такіе, которые отправлены потому, что не хотѣли продать господину своего коня. Пусть будетъ во всѣхъ этихъ разсказахъ ссыльныхъ половина правды, но кто же имѣетъ основаніе утверждать, что господа дѣйствовали всегда безошибочно; что въ отношеніяхъ къ прислугѣ у нихъ существовало полнѣйшее безпристрастіе; что барыни бывали всегда справедливы къ своимъ горничнымъ; что хорошенькое личико не смущало иногда барскаго сердца и не возбуждало въ сердцѣ барыни ревности? Не судомъ опредѣлялась виновность человѣка и не на основаніи положительнаго закона, указывающаго, что считается проступкомъ и преступленіемъ, отсылались помѣщичьи люди въ Сибирь, а по однимъ личнымъ соображеніямъ и заключеніямъ. Много здѣсь людей безъ вины виноватыхъ. Будь вина сосланныхъ такого свойства, что и предвидѣлъ и указывалъ законъ, будь преступленіе уголовное, они бы и судились уголовнымъ закономъ. Но о симпатіяхъ и антипатіяхъ законъ не го-

воритъ ни слова; объ опасеніяхъ супруги за вѣрность мужа тоже не говоритъ законъ и многое не считаетъ виной, что служило иногда поводомъ къ ссылкѣ. Здѣсь дѣйствовало личное право; не обращались къ суду потому, что судъ не нашелъ бы вины.

Что же удивительнаго, что прислуга въ Сибири изъ ссыльныхъ, когда другой и нѣтъ? Или что прислуга эта хороша, когда она и до ссылки была такой же? У насъ служитъ теперь отставной каторжный, съ клеймами на лицѣ, человѣкъ сосланный за убійство. Все это доказываетъ только одно, что сосланные вовсе не такіе страшные злодѣи, и что между ними есть хорошіе люди, но все это еще не дѣлаетъ изъ Сибири Аркадіи, страны населенной добродѣтельными людьми. Если бы это было такъ, откуда бы взяться тѣмъ удивительнымъ разсказамъ, которыми васъ преслѣдуютъ всю сибирскую дорогу. Уже въ Петербургѣ говорили мнѣ, что нужно быть осторожнымъ подъ Кунгуромъ и подъ Тюкалинскомъ. Въ Казани сибирскіе тарантасы приготовляются нѣсколько иначе, чѣмъ для Россіи. Задніе ящики обтягиваются желѣзомъ, и на подушкѣ подъ задней осью по краямъ ящика наколачиваются большіе желѣзные гвозди. Романовъ, старавшійся доказать мнѣ, что гвозди эти дѣйствительно нужны, въ числѣ доводовъ ихъ полезности привелъ и такой: разъ воръ, взобравшись на заднюю ось, чтобы подрѣзать ящикъ, сорвался какъ-то въ ухабъ и упалъ животомъ на гвозди. Ни ямщикъ, ни проѣзжающій, не подозрѣвая ничего, продолжали путь. Ужъ на станціи узнали они, въ чемъ дѣло, когда пришлось снимать трупъ несчастнаго. Люди, придумавшіе подобныя ловушки, вѣроятно имѣли къ тому поводъ и не стали бы наколачивать гвоздей и обшивать ящики желѣзомъ, если бы тарантасы назначались для дѣйствительной Аркадіи. Въ Казани же разсказывали мнѣ, что и желѣзные ящики не достигаютъ цѣли; что ночью нужно быть осторожнымъ; что теперь разрѣзываютъ у тарантасовъ кожу, и воръ, пропустивъ руку внутрь экипажа, вытаскиваетъ чрезъ это отверстіе, что придетъ ему по вкусу. Тамъ же сообщали даже неправдоподобныя вещи о ловкости дорожныхъ грабителей. Говорили, что за Пермью татары, занимающіеся подрѣзываніемъ обозовъ, для безопасности придумали такой способъ. Они раздѣваются до гола, намазываютъ тѣло мыломъ, довольно толсто, и отправляются на ночной промыселъ. Въ случаѣ неудачи, когда обозные поймаютъ вора, ловкій татаринъ выскользаетъ у нихъ изъ рукъ какъ угорь, и убѣгаетъ. Въ Перми не совѣтовали ѣхать ночью первую станцію за Кунгуромъ. На станціи Бѣлоярской внуки ссыльно-каторжныхъ Березовскаго завода занимались подрѣзкой обозовъ въ самомъ селѣ. Въ сентябрѣ 1861 года послѣ одного наглаго грабежа, посадили въ острогъ 25 семействъ и послѣ этого обозы стали проходить спокойно черезъ село. Въ Тюмени каждый день разсказываютъ происшествія: то солдатъ пришелъ лечить бабу отъ живота, выпилъ на ея счетъ водки и унесъ у нея самоваръ, цѣнныя вещи и деньги; то у купца стянули двѣ кадки меду и принесли ихъ въ даръ кому слѣдуетъ, а воръ все-таки не открытъ; то выпилили у дома уголъ, влѣзли въ домъ и вынесли всѣ пожитки; то убили лошадь и сняли съ нея кожу, чтобы продать

кожевнику. Въ Томскѣ прошедшую зиму найдено 30 мертвыхъ тѣлъ, а кто и за что сгубилъ души—неизвѣстно. Пріѣзжаю въ Маріинскъ и слышу вездѣ разговоры о свѣжемъ происшествіи. Молодой мѣщанинъ, судившійся по подозрѣнію въ убійствѣ отца, убилъ въ кабакѣ цѣловальника и подсочника, выкралъ деньги и поджогъ кабакъ. Желая отвлечь отъ себя подозрѣніе, онъ черезчуръ переусердствовалъ, и его заподозрили и посадили въ полицію. Арестованный убѣжалъ чрезъ трубу. На четвертой станціи за Маріинскомъ подрѣзали у обоза 3 мѣста съ чаемъ. За Ачинскомъ опять три мѣста. Чрезъ нѣсколько станцій дальше опять три. На одной станціи, по поводу разговора о фальшивыхъ бумажкахъ, хозяинъ сказалъ мнѣ: «это все дѣлаетъ народъ россійскій, а сибирякъ по просту убиваетъ», и при этомъ разсказалъ тоже какое-то недавнее происшествіе. Однимъ словомъ вездѣ слышишь разсказы о воровствѣ, грабежѣ и убійствахъ. На послѣднемъ почлегѣ предъ Ачинскомъ мнѣ показывали на станціи старуху, которую чуть было не задушили разбойники. Въ прошедшемъ году скиталось въ тѣхъ мѣстахъ около 50 бѣглыхъ каторжныхъ. Старуха шла домой съ богомолья, или изъ церкви, съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ. Злодѣи сняли съ бабы платокъ и придушили ее, оставивъ ребенка. Когда они ушли, дѣвочка распутала платокъ и старуха отдышалась. Къ чему было это злодѣйство? Не боялись ли бѣглые, что о нихъ старуха скажетъ въ деревнѣ? Но бѣглыхъ здѣсь никто не ловитъ, и бояться имъ некого. Послѣ этого происшествія почта одно время ходила съ конвоемъ. А между тѣмъ на каждой станціи, въ каждомъ городѣ вамъ скажутъ «у насъ спокойно», а вотъ въ Маріинскѣ такъ точно шалятъ». А въ Маріинскѣ скажутъ, что у нихъ спокойно, а шалятъ въ Ачинскѣ. Въ западной Сибири ссылаются на восточную; въ восточной на западную. Въ Красноярскѣ разсказываютъ о двухъ разбойничьихъ шайкахъ, занимавшихся разбоемъ на большихъ дорогахъ, и только что пойманныхъ, и объ атаманѣ одной изъ нихъ, повинившемся въ 12 душахъ. Въ Мальцанской станціи опять разсказы о новыхъ убійствахъ, сдѣланныхъ въ Усольи (Иркутскій соледваренный заводъ, населенный каторжными), и объ убійствахъ подъ Тельминской фабрикой.—Убили двухъ крестьянъ, но убійцъ поймали. На той же станціи морской офицеръ, проѣзжавшій изъ Забайкалья, разсказывалъ объ убійствѣ тамъ четырехъ человѣкъ и о томъ, что поймали 100 бродягъ. Разсказъ этотъ оказался нѣсколько преувеличеннымъ. Убили точно четырехъ: торгующаго жилка съ сыномъ и купеческаго прикащика съ кучеромъ; но ста бродягъ поймано не было. Въ Иркутскѣ, среди бѣлаго дня и прямо противъ моихъ оконъ, поймали вора, стащившаго въ мучной лавкѣ выручку. Всего денегъ было 25 рублей. Его поймали. Онъ отбивался отчаянно, но не отбился. На другой день 5 его товарищей—думаютъ, что они же и виновники убійствъ—приплыли въ Иркутскъ на лодкѣ. Оказались бѣглые изъ Нерчинскаго округа. Но особенно предостерегали меня въ Читѣ—не ѣхать отнюдь ночью. Предостерегали старожилы, люди хорошо знакомые съ краемъ. Вѣроятно у нихъ было на то основаніе. Какимъ образомъ понимать цѣлый рядъ приведенныхъ мною фактовъ? Можно сказать, что преступленія

существуютъ вездѣ, гдѣ есть люди; что преступленія совершаются въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ. и это будетъ справедливо. Но можно также сказать, что нигдѣ въ Россіи на протяженіи самаго длиннаго почтоваго тракта проѣзжающій не услышитъ и четверти того, что ему разскажутъ на большомъ сибирскомъ трактѣ. Незнакомые съ статистикой уголовныхъ преступленій въ Россіи, многіе изъ насъ вѣровали въ патріархальность и чистоту нравовъ народа потому только, что факты изъ этой патріархальной жизни были извѣстны только немногимъ офиціальнымъ лицамъ. Разъ даже кто-то, чуть ли не Булгаринъ, въ порывѣ патріотизма сталъ доказывать, что въ Россіи нравы гораздо чище и преступленій гораздо меньше, чѣмъ въ западной Европѣ. Разумѣется, если съ числомъ фактовъ, публикованныхъ Европой, сравнивать число число публикованныхъ фактовъ изъ Русской жизни, то Россія окажется земнымъ раемъ, гдѣ неизвѣстны ни пороки, ни преступленія, ни печали, ни страданія. Но кого мы обманываемъ? Кто выигрываетъ оттого, что мы скрываемъ сами отъ себя правду? И что за деликатность въ обращеніи съ научными вопросами? Что за сентиментальность въ отношеніяхъ къ народу и вѣчное желаніе смотрѣть и на себя и на народъ, какъ на маленькихъ дѣтей? Это самоуниженіе до того еще сидитъ въ насъ во всѣхъ, что многіе пріобрѣли себѣ довольно громкую извѣстность такими журнальными статьями, которыя для будущаго историка нашего времени послужатъ фактомъ отсутствія въ насъ чувства собственнаго достоинства. Вопросы жизни разрѣшаются не чувствительностью и нѣжностями, а знаніемъ. Современная наука даетъ бездну готовыхъ отвѣтовъ: вся наша бѣда въ томъ, что мы отворачиваемся отъ знаній и опыта западной Европы и по какому-то смѣшному самообольщенію хотимъ дойти своимъ умомъ, умомъ русскихъ самородковъ, до того, что уже давно извѣстно нашимъ сосѣдямъ.

Смотря на совершающіеся факты безъ самообольщенія и самоуниженія, разумѣется, придешь къ тому заключенію, котораго и миновать невозможно. Перестанешь видѣть арбузы и персики тамъ, гдѣ едва вызрѣваетъ капуста и брюква. Перестанешь видѣть Аркадію тамъ, гдѣ еще нужно много труда и много образованія, чтобы поднять хоть нѣсколько и личную, и гражданскую нравственность. Наша привычка къ преувеличенію идетъ до того, что мы идеализируемъ всякую мелочь и придаемъ всему фальшивый смыслъ. Общій обычай называть преступниковъ «несчастными», или класть въ запискахъ молоко и хлѣбъ для бѣглыхъ выставлялся постоянно за какую-то грандіозную черту русскаго характера; тутъ видѣли и новое уголовное міросозерцаніе и гуманность, незнакомую европейцамъ, и еще что-то такое. Но такъ ли все это? Хорошо еще, что Викторъ Гюго, написавъ свой послѣдній романъ, показалъ нашимъ сентименталистамъ, что и въ понятіяхъ европейцевъ люди страдающіе считаются тоже «несчастными». А то выходило, какъ будто бы только мы русскіе и умѣемъ сочувствовать людскимъ страданіямъ. Можетъ быть, намъ страданія извѣстны короче; можетъ быть, намъ лучше извѣстно, что не всякій наказываемый бываетъ виноватъ въ дѣйствительности; а можетъ быть и то, что мы придаемъ меньшее значеніе всякому проступку и даже

преступленію человѣка; можетъ быть, мы менѣе чувствительны къ страданію человѣка: можетъ быть, мы смотримъ равнодушнѣе и на переломленную ногу и руку, и на разбитую голову и на изувѣченное животное и сами увѣчимъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ людей и животныхъ. Принимая фактомъ сочувствіе къ наказываемымъ плетьми и ссылаемымъ въ Сибирь, не зачѣмъ преувеличивать его значеніе, когда рядомъ жизнь представляетъ факты полнѣйшаго равнодушія къ случаямъ бо́льшихъ людскихъ страданій. Дорогой я видѣлъ извощика, которому переѣхали по ногѣ выше колѣна три воза съ часмъ и ни одинъ мужикъ, ни одна баба, сочувствующая «несчастнымъ», не догадались помочь страдальцу и не отвезли въ лазаретъ, лежащій отъ деревни всего въ сорока верстахъ. Недавно въ разрѣзѣ одного золотого промысла обвалилась на рабочаго глыба земли и разломала ему страшно ногу съ сильнѣйшимъ переломомъ костей; и что́ же? не только люди, сочувствующіе «несчастнымъ», но и самые «несчастные» не оказали ему ни малѣйшей помощи, и изъ 500 жителей едва нашелся одинъ, чтобы дать его женѣ лошадь—съѣздить и навѣстить больного. А случаи изъ семейнаго быта! Мужикъ бросаетъ жену на полъ, привязываетъ косу къ ножкѣ стола, или наступаетъ на косу ногой, и бьетъ жену безъ разбора черезсѣдельникомъ и непремѣнно концомъ съ пряжкой, чтобы было больнѣе; или мужикъ, женившійся не болѣе мѣсяца, бьетъ свою жену каждый день, выгоняетъ ее ночью изъ избы и привязываетъ на всю ночь на дворѣ, какъ лошадь на выстойку. Можно подумать, что жена вызвала сама это тиранство; нѣтъ, жена просто ему не нравится, потому что у него есть любовница, съ которой онъ прижилъ пятерыхъ дѣтей, и не, смотря на женитьбу, не думалъ прерывать связи. Или мужикъ бьетъ жену, у которой на рукахъ грудной ребенокъ, ременной уздой,—бьетъ такъ, что каждую минуту ждешь, что онъ ударитъ по ребенку и убьетъ его; потомъ велитъ женѣ сѣсть верхомъ на лошадь, а самъ садится сзади и опять принимается колотить ее. Но бить въ такомъ положеніи неловко, да и лошадью управлять трудно, сидя сзади, и мужикъ слѣзаетъ, велитъ слѣзть женѣ, снова побилъ ее, потомъ сѣлъ и поѣхалъ одинъ, а жена пошла пѣшкомъ. Какъ послѣ такихъ супружескихъ ласкъ женщинѣ не выдти наконецъ изъ себя и не рѣшиться покончить все однимъ разомъ? Посмотрите на статистическіе списки женщинъ, сосланныхъ въ каторжную работу, и вы увидите, что 8% изъ нихъ сосланы за убійство и отравленіе, или за намѣреніе убить и отравить мужа. Нужна жизнь очень скверная, чтобы женщина рѣшилась на подобное преступленіе. Да не мужчина выдумалъ и выраженіе «несчастные». При всѣхъ случаяхъ наказаній на торговыхъ площадяхъ мужчины смотрятъ на упражненія палачей болѣе съ любопытствомъ, какъ на зрѣлище, не выказывая ни особеннаго сочувствія, ни несочувствія, и какъ бы стараясь сохранить полное достоинство; только женщины принимаютъ самое живое участіе въ наказываемомъ и особенно въ наказываемой, охаютъ, вздыхаютъ, и приговариваютъ безпрестанно: «ахъ, несчастный или несчастная». Никто не отвергаетъ сочувствія русскихъ къ «несчастнымъ», когда ихъ наказываютъ или ведутъ въ партіи; но эти отношенія вдругъ мѣняются, когда

наказанный начинаетъ пользоваться свободой. Сибиряки вовсе не такъ довѣрчивы и простодушны; напротивъ, въ нихъ гораздо больше замкнутости, чѣмъ въ русскихъ. Сибирякъ смотритъ недовѣрчиво на «россійскаго человѣка», а россійскій человѣкъ на сибиряка, и оба они не долюбливаютъ другъ друга. Причина въ томъ, что въ сосланномъ сибирякъ видитъ человѣка не совсѣмъ чистаго и въ отношеніяхъ къ нему остороженъ. Эта осторожность задѣваетъ «россійскаго человѣка». Брошенный въ страну во всѣхъ отношеніяхъ низшую, оторванный отъ своихъ, сосланный чувствуетъ свое одиночество, видитъ недовѣріе къ себѣ и не любитъ ни Сибири, ни сибиряка. Слово Сибирь въ его устахъ — слово бранное. Видѣлъ я много сосланныхъ, со многими изъ нихъ говорилъ, и всякій изъ нихъ, вспоминая о Россіи въ минуту досады, скажетъ «Сибирь, такъ Сибирь и есть». А сибирякъ въ противоположность къ *этому* слову сочувствія придумаетъ *три* бранныхъ слова: ворнакъ, челдонъ, каторжанъ, и въ минуту ссоры не пропуститъ случая кольнуть сосланнаго «ворнакомъ» и даже «челдономъ». Сибирякъ не забываетъ никогда своего происхожденія и говоритъ съ гордостью, что онъ «коренной», точно такъ же сосланный чувствуетъ свою нравственную подчиненность; онъ знаетъ, что онъ не совсѣмъ равный другимъ; что въ его прошедшемъ есть нѣчто, за что при случаѣ сибирякъ броситъ въ него «ворнакомъ». Еще недавно видѣлъ я сибиряка съ кровью на вискѣ и слышалъ, какъ отставной — такъ называютъ здѣсь окончившихъ срокъ работы — кричалъ ему уходя: «не зови меня ворнакомъ, я не ворнакъ тебѣ», а битый отвѣчалъ на это: «врешь, всегда буду звать ворнакомъ,—ворнакъ, ворнакъ!»

Точно такъ же и въ молокѣ, и въ хлѣбѣ, оставляемомъ въ заимкахъ, не слѣдуетъ видѣть доказательства особенной чувствительности сибиряковъ. Тутъ больше всего разсчетъ, созданный опытомъ. Бѣглые изъ остроговъ, рудниковъ и заводовъ — народъ обыкновенно весьма рѣшительный; пробираясь населенными мѣстами и придерживаясь большихъ дорогъ, они идутъ съ полной увѣренностію, что ихъ вездѣ накормятъ, и никто ловить не станетъ, а сдѣлаютъ для нихъ все это потому, что и нельзя не сдѣлать. Отказывать рѣшительному человѣку въ хлѣбѣ опасно; голодъ, какъ говоритъ Льюисъ, инстинктъ страшный; его дикая сила заставляла людей съѣдать своихъ ближнихъ, женщинъ—съѣдать своихъ дѣтей. Сибиряки хотя и не читали Льюиса, но не хуже его знаютъ, на что способенъ рѣшительный человѣкъ въ минуту голода, и чтобы отвратить отъ себя бѣду, не только не откажутъ прохожему извѣстнаго вида въ хлѣбѣ, но и предупреждаютъ его просьбу, оставляя въ заимкѣ хлѣбъ, а иногда и молоко. Сытый бродяга идетъ дальше, не дѣлая никакихъ шалостей. Въ этомъ дѣлѣ больше ничего какъ солидарность, а вовсе не нѣжность чувствъ или тонкая заботливость и предупредительность, которую едва ли выказываетъ вообще русскій простолюдинъ. Онъ даетъ хлѣбъ, чтобы у него не взяли курицу или барана; а бродяга не дѣлаетъ шалостей, чтобы его не ловили; не для того же въ самомъ дѣлѣ убѣжалъ человѣкъ изъ рудника, чтобы его схватили на полдорогѣ. У него разсчетъ не тотъ; онъ идетъ дальше, у него есть крайняя цѣль, къ которой

онъ стремится,—Россія. Россія, Томскъ ли, Тюмень. но бродяга дорогой кротокъ и тихъ, и крестьяне съ нимъ кротки и тихи. «Зачѣмъ намъ ихъ ловить, говорятъ крестьяне, они идутъ мирно, не шалятъ», но и въ этомъ есть задняя мысль, которую отъ васъ не скроютъ, если вы станете допытываться. Бродягу ловить страшно, онъ можетъ изъ мести пустить краснаго пѣтуха. Не высказывая, а можетъ быть и не сознавая, крестьянинъ чувствуетъ въ каждомъ бѣгломъ человѣка опаснаго. Бѣглый можетъ не шалить, а можетъ и напалить: онъ можетъ встрѣтить въ полѣ спящаго жида съ товаромъ, или прикащика съ деньгами, и не устоитъ противъ соблазна, тѣмъ болѣе. что денегъ нѣтъ, платье обносилось; а можетъ быть найдется и паспортъ. А случись убійство. засѣдатель начнетъ сгонять народъ на облаву и продержитъ его въ самую страду мѣсяцъ или болѣе. Я помню, какъ обрадовалъ крестьянъ одной деревни. сказавъ имъ, что мариинскій убійца пойманъ. Мужики даже перекрестились. Чему же вы такъ рады? «Какъ же не рады. совсѣмъ смучили облавой», отвѣтили они. Вотъ обратная сторона опоэтизированнаго выраженія несчастные» и сибирскаго. нынче уже сильно ослабѣвающаго обычая—оставлять въ полѣ хлѣбъ и молоко.

Всѣмъ этимъ я хотѣлъ сказать только одно, что Сибирь, какъ мѣсто ссылки, ужь никакъ не можетъ быть разсадникомъ человѣческихъ добродѣтелей; что, пополняясь людьми бо́льшею частью не совсѣмъ твердыхъ нравственныхъ убѣжденій, она представляетъ больше всякой другой стороны вѣроятностей преступникамъ и преступленіямъ; что сибиряки нисколько не обольщаются насчетъ нравственности ссыльныхъ и не кидаются на нихъ съ распростертыми объятіями. а напротивъ. скорѣе не довѣряютъ имъ, и называя иногда ссыльнаго несчастнымъ». зовутъ его также «варнакомъ», «челдономъ» и «каторжникомъ».

Гагемейстеръ. въ своемъ статистическомъ обозрѣніи Сибири, приводитъ слѣдующія цифры: въ Енисейской губерніи въ 1851 году было осуждено преступниковъ вообще 1701 человѣкъ. изъ нихъ ссыльныхъ 764, а въ 1852 году 1971, изъ нихъ ссыльныхъ 893. Такимъ образомъ число преступниковъ изъ ссыльныхъ составляетъ $^{10}/_{12}$. тогда какъ они составляютъ $^{1}/_{14}$ часть всего населенія Сибири. Но въ этихъ цифрахъ есть и еще одна особенность; въ томъ и другомъ случаѣ преступленія ссыльныхъ составляютъ 45% общаго числа преступленій. Слѣдовательно очевидно, что. не смотря на свое слабое численное отношеніе. ссыльные возвышаютъ вдвое вѣроятность проступковъ и преступленій, т. е. убавляютъ ровно на половину безопасность жизни. Изъ этого же слѣдуетъ вывести и другое заключеніе, что ссыльные обнаруживаютъ на нравственность народа вообще неблагопріятное вліяніе, и тѣмъ болѣе неблагопріятное, чѣмъ болѣе отношеніе ихъ къ остальному населенію. Въ Томскомъ и Каинскомъ уѣздахъ считалось въ 1851 году 204,528 чел. обоего пола, и въ томъ числѣ ссыльныхъ 53,000. Томскъ и до сихъ поръ остался главнымъ центральнымъ пунктомъ ссыльныхъ и въ этомъ заключается объясненіе, почему пароходныя пристани укрѣплены какъ остроги, и почему въ одну зиму найдено въ городѣ 30 мертвыхъ тѣлъ.

Распростившись съ нѣмцемъ-краснльщикомъ на пристани, я увидѣлся съ нимъ еще разъ въ городѣ. Въ Томскѣ нашлись и красильщики, и переплетчики, и швеи. Нѣмецъ рѣшился воротиться въ Россію и ужь кается, что забрался такъ далеко. Нѣмца привожу для подтвержденія справедливости сдѣланнаго мной вывода. На пути отъ пароходной пристани до города, утромъ, при полномъ днѣ, на него напали трое; одинъ изъ напавшихъ, сообразивъ, что у заплатаннаго старика едва ли придется чѣмъ поживиться, далъ знакъ товарищамъ оставить его въ покоѣ. Въ Сибири это второй случай съ нѣмцемъ: — на Уралѣ, близъ какого-то завода, отъ него отняли шесть серебряныхъ двугривенныхъ. А между тѣмъ въ Россіи ходилъ онъ вдоль и поперекъ три года, и на него нигдѣ не нападали.

Всѣ эти свѣденія относятся почти исключительно къ большому сибирскому тракту и преимущественно къ лежащимъ на немъ городамъ.

Не смотря на теоретически правильную мысль сдѣлать ссыльнаго сельскимъ жителемъ, въ практикѣ это удается не вполнѣ. Въ губерніяхъ Тобольской, Томской, Енисейской считалось въ 1851 г. ссыльныхъ: 144,318 душъ обоего пола, и изъ нихъ только 32,955 человѣкъ жили своими домами, а 111,363 человѣка, или 80% не имѣли осѣдлости. Чѣмъ и гдѣ существовалъ этотъ народъ? Они нанимаются въ работники къ крестьянамъ, идутъ на золотые пріиски, нанимаются въ услуженіе, а болѣе всего скопляются въ городахъ, гдѣ, разумѣется, представляется болѣе способовъ и средствъ добыть деньги. Вотъ почему только нѣкоторыя мѣста, болѣе благопріятствующія скопленію этого скитающагося населенія, отличаются той нравственной распущенностью, которая заставляетъ каждаго быть осмотрительнымъ и осторожнымъ и дома, и въ пути, а при случаѣ не пренебрегать даже револьверомъ, или кинжаломъ. Города и мѣстности, лежащія въ сторонѣ отъ пути передвиженія этого несѣдлаго населенія, могутъ считаться счастливыми уголками Сибири, гдѣ пожалуй можно спать спокойно, не запирая на засовы ставней и не спуская ночью съ цѣпи собаки.

XIII.

Шоссе.—Лошади.—Ссыльные, какъ причина безпорядочности.—Вымираніе ссыльныхъ.—Не быть имъ земледѣльцами.

Вездѣ нужны хорошія дороги, а въ Сибири онѣ нужнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Край непромышленный, неразвитой ни въ экономическомъ, ни въ общественномъ отношеніи. Сибирь, при своемъ громадномъ протяженіи, терпитъ чрезвычайно отъ неустройства путей сообщенія. Хуже дорогъ западной Сибири трудно вообразить что-нибудь. Къ счастію еще пароходы позволяютъ миновать 1,500 верстъ почтоваго тракта. Правда, что вмѣсто 1,500 верстъ приходится сдѣлать 3,000; вмѣсто десяти дней пробыть въ пути двадцать, ѣхать пустыней, не видя ничего кромѣ воды, но вся скука и медленность

пути выкупается тѣмъ, что путешественникъ добирается до Томска совершенно спокойный насчетъ своего здоровья и съ полной увѣренностью, что онъ спасся отъ чахотки. Восточная Сибирь уже не то. Съ границы Енисейской губерніи начинается удивительное шоссе, какихъ нѣтъ нигдѣ въ Россіи. Подобныя дороги можно еще найдти за границей, а въ Россіи только въ садахъ. Съ немногими перерывами дорога эта идетъ до самаго Иркутска. Достоинство дороги зависитъ отъ качества употребленнаго на нее матеріала. Въ Россіи шоссе мастерится изъ колотаго дикаго камня. Куски камня хотя и должны быть величиной въ кубическій вершокъ, но въ дѣйствительности это бываетъ рѣдко. Потомъ щебень насыпается сразу слишкомъ толстымъ слоемъ въ четыре вершка, не утрамбовывается и не укатывается, потому что это слишкомъ дорого, и затѣмъ дорога открывается для проѣзда. Только ямщики да ихъ лошади знаютъ, чего стоитъ укатать такую страшную дорогу, представляющую сплошную поверхность ребръ и вершинъ безчисленнаго множества маленькихъ остро-колотыхъ камешковъ. Но теріѣніе точитъ и камень; дорога наконецъ принимаетъ видъ болѣе гладкій и по сравненію съ другими, совершенно непроѣздными отъ рытвинъ и колеинъ дорогами, считается хорошей. Но такой варварскій способъ укатыванія не можетъ сдѣлать дороги ровной какъ поле, вотъ почему наши шоссе щеголяютъ больше ярко расписанными верстовыми столбами, украшенными мазанкой изъ цвѣтныхъ камешковъ, и разрисованными камнями чрезъ каждые сто сажень; самое же шоссе остается навсегда неровнымъ, пыльнымъ и грязнымъ, отличаясь изяществомъ и чистотой лишь въ несущественныхъ частяхъ. Мы же, поѣздивъ за границей, по тамошнимъ дорогамъ, удивляемся, отчего у нѣмцевъ дороги гладкія, а у насъ нѣтъ. Да нѣмцы укатываютъ дороги въ то время, когда ихъ дѣлаютъ, а не экипажами проѣзжающихъ и ногами несчастныхъ почтовыхъ лошадей. Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такого страшнаго числа разбитыхъ ногами лошадей какъ въ Россіи, потому что нигдѣ нѣтъ такихъ ужасныхъ шоссе. Въ Сибири дороги другого свойства, и лошади тамъ съ цѣлыми ногами. Почтовый трактъ въ Восточной Сибири устраивался постепенно; каждый годъ насыпался тонкій слой мелкой гальки и укатывался легко и незамѣтно. Отъ этого дорога вышла совершенно гладкой и ровной, какъ полъ; такъ что въ состояніи привести проѣзжающаго въ восторгъ. Къ сожалѣнію земныя наслажденія не прочны, и восторгъ смѣняется быстро другимъ чувствомъ, когда пытливый и не кстати наблюдательный путешественникъ захочетъ узнать, какимъ волшебствомъ могли явиться подобныя восхитительныя дороги, напоминающія Европу, въ странѣ менѣе всего на нее похожей? Дороги явились распорядительностію мѣстнаго начальства, безъ всякихъ пособій отъ казны, такъ-называемымъ хозяйственнымъ образомъ, и весьма просто. Бывшій нѣкогда въ Енисейской губерніи губернаторъ П.... отдалъ приказъ, чтобы была дорога, и исправникъ — фамилію его забылъ — отдалъ приказъ согнать крестьянъ на дорогу, обрыть ее канавами и навезти гальку; все такъ и сдѣлалось. Въ этомъ же родѣ строились и египетскія пирамиды; разумѣется, египтянамъ не нравилось ходить на работу даромъ, и не нравилось имъ это

исключительно по дикости ихъ права; но Хеопсъ думалъ свое — онъ зналъ, что неудовольствіе пройдетъ, лишенія и страданія людей кончатся и забудутся, а пирамиды останутся, и человѣчество въ позднемъ потомствѣ будетъ недоумѣвать предъ обиліемъ экономическихъ средствъ египтянъ и приходить въ восторгъ отъ памятниковъ. Для П.... и енисейскаго исправника потомство наступило гораздо скорѣе, чѣмъ для египетскихъ пирамидъ. Ужь теперь народъ смутно припоминаетъ годы своего бѣдствія, есть даже такіе, что хвалятъ исправника; и проѣзжающіе давно приходятъ въ восторгъ отъ енисейскихъ дорогъ и думаютъ, что съ русскимъ человѣкомъ можно создать все, даже новыя египетскія пирамиды.

При всей забывчивости народа фактъ устройства дороги остается все тѣмъ же фактомъ; трудъ остается тѣмъ же трудомъ и чрезмѣрная натуральная повинность въ прошедшемъ или въ настоящемъ не уменьшается въ своемъ размѣрѣ отъ забывчивости народа. Даже съ большей вѣроятностью можно предположить, что и забывчивость народа больше кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная. Годы бѣдствій забываются не легко—обыкновенно долго въ народѣ живетъ воспоминаніе о большомъ пожарѣ, сильномъ неурожаѣ, постоянныхъ наводненіяхъ и о голодныхъ годахъ. А устройство енисейскаго шоссе больше всего имѣло сходство съ ежегодно повторявшимся наводненіемъ. Такъ по крайней мѣрѣ можно думать на основаніи слѣдующаго чисто теоретическаго соображенія. Во что обходится верста шоссе въ Россіи? Предположимъ, что въ 1.000 рублей. Какъ? не можетъ быть, скажутъ строители, да одинъ щебень обойдется тысячъ въ шесть, а земляныя работы, мосты и т. д.? Возраженіе справедливое; но оно пейдетъ къ нашему вопросу, потому что намъ нужно доказать, что устроить шоссе натуральной повинностью для крестьянъ легко. И такъ верста шоссе стоитъ 1,000 рублей; длина почтоваго тракта по Енисейской губерніи 536 верстъ, и слѣдовательно работа при вольномъ наймѣ стоила бы 536,000 рублей. Разумѣется, производя работу по предварительно составленной смѣтѣ, дорога могла бы обойдтись въ 5.360,000 рублей, т. е. по 10,000 за версту; но намъ кажется эта цифра невѣроятной, хоть и возможной. Въ Енисейской губерніи въ 1851 году считалось крестьянъ 74,520 человѣкъ мужского пола. Это число ревизское, изъ нихъ $^1/_3$ (только) малолѣтнихъ и стариковъ, неспособныхъ къ работѣ; далѣе, не всѣ же крестьяне живутъ при большой дорогѣ: иные слишкомъ далеко въ сторонѣ и не могутъ работать натурой. Такихъ навѣрно окажется $^1/_{10}$. Слѣдовательно число лицъ, на которыхъ пало устройство дороги, составляло 42,228 человѣкъ, или съ каждаго пришлось 12 р. 69 к. Сумма, какъ видитъ читатель, небольшая: тѣмъ болѣе, что крестьянинъ не вносилъ въ сущности ни копѣйки; а работалъ лично, работалъ лѣтомъ и лѣтомъ сибирскимъ, самымъ короткимъ въ свѣтѣ, когда нужно особенно усиленно работать въ полѣ, чтобы справиться съ хлѣбомъ, сѣномъ и успѣть приготовить землю къ весеннему посѣву,—работалъ не подлѣ своей деревни, а отправлялся иногда верстъ за двѣсти и даже далѣе; на время работы онъ запасался хлѣбомъ или бралъ деньги, чтобы прокормиться; а въ то же время у него и дома шла горячая

работа въ полѣ. Кто же горячился тамъ? Работали бабы, или самъ хозяинъ, а для шоссе посылался работникъ или нанимался какой-нибудь человѣкъ, которому дома дѣлать нечего, потому что у него нѣтъ дома. На этой суммы стоило только первоначальное устройство; остается еще ежегодный ремонтъ, который производится ежегодно. Эта ежегодная работа при наймѣ за себя на дорогу работника обходится въ 3—5 рублей серебромъ; а въ Пермской губерніи по Кунгурскому округу собирается съ души на исправленіе дороги только 40 к. въ годъ. Правда, нынче уже не сгоняютъ крестьянъ въ рабочую пору на устройство или ремонтъ шоссе, и имъ стало легче; но дорожная повинность остается все-таки самой тягостной повинностью сибирскаго крестьянина и ни одинъ крестьянинъ не платитъ столько, сколько сибирскій. Въ Россіи всѣ казенныя и общественныя повинности составляютъ только около 5 рублей съ души, а въ Сибири на одну дорогу нужно отдать отъ 5 до 10 рублей, а въ Забайкальѣ даже и болѣе. Приводимое мной теоретическое соображеніе, разумѣется, ближе всего къ минимуму, чтобы не слишкомъ запутать читателя тяжелымъ положеніемъ крестьянина; но Гагемейстеръ, основываясь на офиціальныхъ источникахъ, говоритъ, что въ 1851 году натуральная повинность стоила крестьянамъ Восточной Сибири 98,563 работниковъ и 106,260 подводъ, а крестьяне посылаются на исправленіе дорогъ даже за 500 верстъ. Въ видѣ смягченія этой послѣдней цифры г. Гагемейстеръ прибавляетъ, что объ уравненіи дорожной повинности «дѣлается на мѣстѣ соображеніе».

Частные золотопромышленники говорили мнѣ, что, при заключеніи контрактовъ съ рабочими имъ приходится платить не рѣдко податей, повинностей и недоимокъ до 35 руб. и больше за человѣка. Въ Европейской Россіи на 12 милл. оклада съ государственныхъ крестьянъ приходится $3^1/_2$ милліона недоимокъ, или недоборъ составляетъ $8^1/_3\%$. Этотъ недоборъ слѣдуетъ понимать въ смыслѣ прямой невозможности или вѣрнѣе безсилія уплаты всей суммы. Энергическія мѣры, употребляемыя для взысканія, не позволяютъ допустить другой причины. Между тѣмъ русскій крестьянинъ находится въ положеніи значительно выгоднѣйшемъ противъ сибиряка: онъ и платитъ меньше и легче зарабатываетъ деньги. Но вотъ цифры, приводимыя г. Гагемейстеромъ за 1851 годъ. Этотъ годъ слѣдуетъ признать болѣе удобнымъ для точнаго заключенія, чѣмъ нынѣшніе послѣдніе года, потому что переходъ заводскихъ крестьянъ въ казаки свершился, а манифестовъ о сложеніи недоимокъ не было. Податей и всѣхъ окладныхъ сборовъ въ 1851 году поступило по Восточной Сибири 695,087 р. $50^1/_4$ к. сер., а податныхъ недоимокъ къ 1 января 1852 года числилось за 1851 годъ—164,719 р. $6^1/_4$ к., и за прошлые года 350,344 р. $69^1/_4$ к. Такимъ образомъ недоимка одного года составляла почти 24%, а недоимки прежнихъ лѣтъ $50^1/_2\%$ годоваго оклада; всего же недоимка составляла почти 75%! (Стат. обозр. Сибири, ч. III стр. 70). Недоимка является вслѣдствіе невозможности уплаты, а откуда является невозможность уплатить,—читатель знаетъ и самъ.

На красноярскомъ же шоссе пришлось мнѣ убѣдиться, что сибирская ѣзда

вовсе не отличается такой быстротой, какъ говорятъ о ней сибиряки и какъ разсказывалъ Мюнхгаузенъ. Мюнхгаузена везли такъ быстро, что его шпага, высунувшаяся изъ экипажа, стучала по верстамъ, какъ по частоколу. Такая быстрая ѣзда въ Сибири уже не существуетъ, не смотря даже на красноярское шоссе. Одну станцію въ 18 верстъ провезли меня дѣйствительно въ часъ, но это была только одна станція; а вообще везли нисколько не скорѣе, чѣмъ въ Россіи. Напротивъ, въ Забайкальѣ было три случая, когда лошади встали дорогой и разъ, отъѣхавъ только три версты отъ станціи. Ямщики объяснили это тѣмъ, что нынче неурожай травъ. И это дѣйствительно такъ: травы вездѣ выгорѣли, и чѣмъ будутъ питаться лошади зимой — предвидѣть мудрено. Вѣрно только то, что къ веснѣ лошади будутъ едва волочить ноги. Это объясняется вотъ чѣмъ. Въ Сибири не существуетъ вообще заботливаго ухода за скотомъ, а тѣмъ болѣе за лошадьми, которыя переносятъ больше и рѣже подвергаются болѣзнямъ, чѣмъ рогатый скотъ. Обиліе настбищныхъ травъ позволяетъ держать огромное количество лошадей. Онѣ живутъ табунами въ степяхъ и лѣто и зиму, постоянно на подножномъ корму. Бывали да и теперь есть такіе хозяева изъ инородцевъ, которые даже не знаютъ счета своимъ лошадямъ. Что дѣлается съ такимъ табуномъ, какія терпитъ онъ бѣды, сколько жеребятъ падетъ отъ бурь, непогодъ и лишеній всякаго рода; сколько погибнетъ лошадей отъ волковъ — хозяинъ этого не знаетъ. Но за то лошадь, вытерпѣвшая и холодъ, и голодъ, и оставшаяся въ живыхъ, бываетъ способной переносить всякія лишенія. Вотъ секретъ крѣпости сибирскихъ лошадей. Разумѣется, такая лошадь не отличается особенными способностями: она дика, затуплена нуждой и холодомъ, слабосильна въ возкѣ тяжестей, такъ что тройка не можетъ везти рысью тридцати пудовъ: но зато переноситъ легко станцію въ 40 верстъ и пробѣжитъ еще 10 верстъ не ѣвши. Этими качествами отличаются особенно бурятскія лошади. Въ Забайкальѣ существуетъ два странныхъ обычая: послѣ большого перегона, лошади не даютъ ни пить, ни ѣсть по крайней мѣрѣ полсутки: а осенью охотники до скачекъ приготовляютъ своихъ лошадей тѣмъ, что привязываютъ ихъ на короткомъ поводу къ столбу или забору на ночь, такъ чтобы лошадь не могла лечь, и держатъ ихъ на холоду, не давая ни пить ни ѣсть. По мнѣнію сибиряковъ, лошадь станетъ крѣпче, когда продрожитъ нѣсколько ночей отъ холоду, въ ней сконцентрируется сила и спадетъ лѣтнее рыхлое тѣло. Есть даже такіе физіологи, что, привязывая зимой лошадей на выстойку, обливаютъ ихъ водой; зато бываетъ нерѣдко, что физіологъ, придя утромъ развязать свою лошадь, къ крайнему своему удивленію находитъ, что дрожанье пошло не впрокъ — лошадь замерзла. Понятно, что лошади, способныя выносить обливанье при 30 до 40-мъ морозѣ, должны быть лошади весьма переносливыя и, разумѣется, очень тупыя. Только при обиліи лошадей можно обращаться съ ними такъ, и только обиліемъ ихъ и, слѣдовательно, рѣдкостью запряжки объясняется и рьяность сибирскихъ лошадей. При томъ кормѣ, которымъ пользуется сибирская лошадь, она выноситъ только половину труда. Ямщикъ, имѣющій 30 лошадей на подножномъ корму, получаетъ отъ нихъ услуги

столько, сколько оказали бы ему 15 лошадей на содержаніи болѣе внимательномъ. Но у ямщика и у всякаго сибирскаго крестьянина есть свой разсчетъ. Внимательный уходъ стоитъ ему труда, а овесъ—деньгъ, тогда какъ лошадь, плодящаяся въ табунѣ и сама добывающая себѣ пищу, не стоитъ ничего. На одной станціи ямщику говорятъ, что пристяжная смотритъ очень невесело, все опускаетъ къ землѣ голову и легла. «Поводи ее, можетъ и разойдется», говорятъ ему. Ямщикъ подошелъ къ лошади и вмѣсто всякаго воженья похлесталъ ее кнутомъ. «Что же ты ее бьешь, говорю я ему, вѣдь лошадь запалилась, поводи ее, а то пропадетъ.»—А пусть ее пропадаетъ — отвѣтилъ ямщикъ. И это дѣлалъ не работникъ, а хозяинъ. Ясно, что лошади не стоятъ для него многаго.

При малосиліи сибирскихъ лошадей, отъ дурного подножнаго корма и особенно въ неурожайный годъ, необходимо имѣть ихъ въ двойномъ и въ тройномъ числѣ, потому что тамъ, гдѣ русская и всякая лошадь пробѣжитъ сто верстъ, сибирская лошадь сдѣлаетъ только пятьдесятъ, слѣдовательно на сто верстъ нужно имѣть двѣ лошади. Поэтому человѣкъ, незнакомый съ сибирскимъ коневодствомъ, будетъ имѣть самый ошибочный взглядъ на дѣло, когда, прочитавъ въ почтовомъ дорожникѣ, что на почтовыхъ станціяхъ въ Забайкальѣ полагается семь паръ, вообразитъ, что пара значитъ двѣ лошади, и слѣдовательно на станціи всего четырнадцать лошадей. Эти семь паръ, если ихъ содержатъ семь хозяевъ, представляютъ въ сущности все количество лошадей, принадлежащихъ этимъ хозяевамъ, или, если у каждаго по двадцати лошадей, семь паръ равны 140 лошадямъ. Такимъ образомъ, когда на станціи впрягаютъ въ экипажъ пять лошадей, по сибирскому счету это значитъ пара. Такая пара чрезъ извѣстное положенное число часовъ должна снова стать на очередь; такъ и дѣлается въ Россіи; но въ Сибири пара эта пускается въ табунъ и въ замѣнъ ея приводятся изъ табуна свѣжія лошади. При сильномъ разгонѣ, когда не успѣютъ привести изъ табуна лошадей свѣжихъ, приходится проѣзжающему ѣхать иногда на лошадяхъ недавно воротившихся, и въ такомъ случаѣ лошади или станутъ на первомъ пригоркѣ, или везутъ всю станцію почти шагомъ. При неурожаѣ же травъ подобный случай возможенъ даже и съ свѣжими лошадьми. Вотъ почему къ будущей веснѣ лошади должны отощать совершенно. Бѣдныя животныя будутъ даромъ трудиться зимой надъ разгребаніемъ снѣга: они подъ нимъ не найдутъ ничего, кромѣ жалкихъ остатковъ того, что уже успѣли общипать лѣтомъ, и къ веснѣ будутъ едва волочить ноги. Еще на русскихъ станціяхъ будетъ лошадямъ овесъ, но буряты овса не дадутъ, потому что это баловство, и лошадь должна добывать средства пропитанія въ степи своимъ умомъ. Впередъ можно пожалѣть и того, кто попадетъ будущей весной по Братской степи, и бурятъ, и бурятскихъ лошадей.

Впрочемъ напасти на сибирскихъ лошадей вовсе не особенная рѣдкость. Голодъ для нихъ вещь обыкновенная и они мрутъ ежегодно въ огромномъ числѣ отъ голода, холода, трудовъ и сибирской язвы. Въ Барабинской степи я не былъ, но мнѣ говорили, что тамъ былъ сильный падежъ скота; и де

какого размѣра онъ можетъ доходить, ссылаюсь на профессора Липовскаго. Онъ говоритъ, что въ 1830 году, по свидѣтельству г. Бѣлуги, инспектора врачебной управы, погибло въ Барабинской степи отъ сибирской язвы 150,000 лошадей.

Вполнѣ за вѣрность этой цифры ручаться нельзя, потому что у насъ не существуетъ точныхъ свѣденій, даже о смертности между людьми. А неточность эта въ Сибири при растянутости страны, при бродячемъ сельномъ населеніи должна быть гораздо значительнѣе. Нигдѣ человѣкъ не находится подъ такимъ сильнымъ вліяніямъ природы, какъ въ Сибири. Нигдѣ онъ не оказываетъ большаго безсилія предъ естественными вліяніями, какъ здѣсь. Неурожаи, голодъ, холодъ, болѣзни, климатическія явленія, все это принимаетъ въ Сибири характеръ неотразимой судьбы и человѣкъ подчиняется факту, не дѣлая ничего для предупрежденія бѣдствія, или для ослабленія его вліянія. Этотъ порядокъ вовсе не исключительный для Сибири, и въ Россіи то же самое, но въ Сибири культура народа еще ниже, а борьба съ природой труднѣе. Въ какой степени трудно давалась Сибирь русскому, можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ. Сибирь покорена Ермакомъ въ 1582 году. Сибирскіе города основаны: Тобольскъ въ 1587 г., Березовъ въ 1593, Сургутъ въ 1593, Тора въ 1594, Томскъ въ 1604, Красноярскъ въ 1628, Енисейскъ въ 1619, Иркутскъ въ 1652 году. Даже на Амурѣ были мы уже въ 1643 году. Но что же представляетъ Сибирь къ 1863 году, спустя 281 годъ послѣ ея покоренія? Всѣхъ городовъ въ Сибири—губернскихъ, областныхъ, окружныхъ и заштатныхъ—34, а въ Россіи европейской 644; такимъ образомъ въ европейской Россіи одинъ городъ приходится на 143 квадр. мили, а въ Сибири на 7650 миль. Если въ теченіе трехъ столѣтій въ Сибири устроилось только 34 города, очевидно, что въ большемъ ихъ числѣ не было никакой необходимости. И это совершенно справедливо. Городъ, какъ центръ промышленной и торговой дѣятельности, какъ рынокъ для сельскаго производителя, гдѣ онъ сбудетъ, что ему ненужно, и купитъ, что ему необходимо для дальнѣйшаго производства, не играетъ въ Сибири важной роли. Свои торговыя операціи крестьянинъ особенно свершаетъ у себя дома, ему ненужно для этого особаго города, а торговыя операціи крестьянина такъ слабы, что нигдѣ, ни въ городахъ, ни въ селахъ не замѣтишь никакого особеннаго движенія; вездѣ все тихо и малолюдно, какъ въ Перми, точно люди ничего не продаютъ и не покупаютъ; точно каждый приготовляетъ для себя дома все, что ему нужно. За исключеніемъ Тюмени, Томска и Иркутска, похожихъ дѣйствительно на города, всѣ остальные города Сибири похожи скорѣе на села. Они имѣютъ значеніе какъ административные пункты, но для сельскаго населенія не значатъ ничего. Да и что можетъ значить какой-нибудь Сургутъ, Нарымъ, и самая столица сибирская, Иркутскъ,—городъ самый оживленный по мелочной торговлѣ, гдѣ народный рынокъ напоминаетъ обжорный рядъ и толкучку петербурга — для крестьянина, тихо живущаго за двѣсти, триста верстъ отъ города. Онъ знаетъ Иркутскъ потому, что тамъ живетъ начальство, а ѣздить ему туда не зачѣмъ. Вездѣ, гдѣ развивается сильно промышленность и тор-

говля, ростутъ сильно города. Такъ въ Англіи, гдѣ число фабрикъ и заводовъ составляетъ 5117, гдѣ цѣнность вывоза фабричныхъ произведеній доходитъ до 60 м. ф. стерл. и втрое большее количество потребляется дома, города и городское населеніе ростутъ съ необыкновенной быстротой. Въ Англіи, исключая Ирландіи, въ городахъ считается такое же число жителей, какъ и въ селахъ (10 мил.). Ясно, что производства и промышленныя отношенія, требующія большихъ удобствъ, чѣмъ какія представляются имъ въ сельскихъ мѣстностяхъ, стягиваютъ жителей къ городамъ. Но можетъ быть Сибирь хочетъ сказать міру свое сибирское слово? Можетъ быть въ Сибири оцѣнено зло, происходящее отъ скопленія въ одномъ мѣстѣ большихъ массъ населеній? Можетъ быть Сибирь съумѣла соединить условія городской жизни съ условіемъ чисто сельскаго быта? Можетъ быть сибирскія сельскія общины представляютъ то счастливое сочетаніе земледѣльческаго и фабричнаго труда, о которомъ такъ мечтаютъ экономисты-новаторы? Если все это такъ, то въ Сибири сельское населеніе должно благоденствовать; сибирскія деревни должны имѣть веселый и счастливый видъ; въ сибирскихъ деревняхъ должна быть чистота и повсюду радость и веселье.

Такъ думалъ и я, когда, наслышавшись въ Петербургѣ о громадныхъ сибирскихъ селахъ, о сибирской дешевизнѣ, о патріархальности и чистотѣ сибирскихъ нравовъ, подъѣзжалъ къ границѣ Сибири съ особеннымъ радостнымъ чувствомъ, съ надеждой увидѣть что-то небывало-новое, иные нравы, иные обычаи, а главное молодую, свѣжую силу и жизнь. Точно на границѣ Сибири и Россіи попадаются большія села, съ массивными постройками, съ разными рѣзными вычурами на ставняхъ, съ мощеными дворами, съ внутреннимъ убранствомъ, такимъ же тяжелымъ и прочнымъ, какъ и наружность домовъ. Но села эти не должны идти въ счетъ сибирскихъ селъ. Эти села потому и носятъ характеръ старины; въ нихъ потому видна и сила, и порядокъ, что главную массу ихъ населенія составляютъ раскольники. И въ другихъ раскольничьихъ селеніяхъ Сибири, гдѣ бы они ни попадались, въ восточной или западной Сибири, видна та же порядочность, видно во всемъ довольство. Самая наружность жителей другого рода, точно они составляютъ особое племя. Красныя, полныя, бѣлолицыя, свѣжія женщины, въ цвѣтныхъ опрятныхъ сарафанахъ, опрятные, почтеннаго вида старики, красивые парни; во всемъ порядочность, чистота и довольство. Тутъ вы не встрѣтите тѣхъ нечесаныхъ, закопченныхъ неопрятностью физіономій, въ дряныхъ полушубкахъ, съ пьянымъ, тупымъ и мрачнымъ взглядомъ, которые поражаютъ въ другихъ селеніяхъ Сибири. Но семейскихъ, какъ зовутъ раскольниковъ въ Сибири, здѣсь мало; всѣхъ ихъ считается здѣсь небольше 65 т. челов. обоего пола, считая раскольниковъ всѣхъ сектъ, на 4 м. 200 т. всего населенія, или 1,54%. Это такая капля въ морѣ, что на характеръ жизни всего населенія они не могутъ обнаружить замѣтнаго вліянія. Это оазисы въ пустынѣ, на которыхъ отдыхаетъ путникъ, утомленный видомъ общей безпорядочности и бѣдности. Во весь свой долгій путь я видѣлъ не болѣе шести такихъ селеній и одно порядочное русское село Тулунъ въ Иркутской гу-

берніи. Во всѣхъ остальныхъ люди какъ будто бы только-что начали колонизоваться; они еще строятся и обзаводятся и живутъ во временныхъ домахъ. А между тѣмъ исторія колонизаціи Сибири говоритъ другое. Съ самаго завоеванія ея началось заселеніе этой страны, заселеніе по преимуществу принудительное. Поселяли ямщиковъ; помѣщики ссылали своихъ крестьянъ и это засчитывалось имъ въ счетъ поставки рекрутъ; бѣглымъ и бродягамъ, прибывавшимъ въ Сибирь, объявлялось прощеніе. Наконецъ правительство отсылало туда преступниковъ, военноплѣнныхъ, раскольниковъ. Отсылка воровъ, разбойниковъ и бродягъ началась уже съ половины 17 столѣтія, а съ отмѣной смертной казни число ссылаемыхъ увеличилось значительно. Какой процентъ общаго населенія Сибири составили за все время ссыльные?—Неизвѣстно. Но если взять въ разсчетъ, что Сибирь служитъ мѣстомъ ссылки болѣе двухсотъ лѣтъ, что она постоянно служила притономъ для людей, бѣжавшихъ изъ Россіи, чтобы избѣгнуть наказанія, то, разумѣется, процентное отношеніе этихъ людей къ нештрафному населенію Сибири будетъ весьма значительно. Гагемейстеръ, отъ котораго я беру эти свѣдѣнія, говоритъ, что съ 1823 года по 1851 годъ прибыло въ Сибирь ссыльнаго населенія 137,350 человѣкъ; а въ 1823—24 году ихъ было 19,533 человѣка; слѣдовательно все число ссылаемыхъ съ 23 года и по настоящее время можно принять въ 250,000 человѣкъ. Изъ нихъ женщинъ не болѣе 60,000. Изъ числа сосланныхъ по приговорамъ судебныхъ мѣстъ въ 1851 и 1852 годахъ было: мужчинъ моложе 10 лѣтъ—3,387; отъ 40—50 лѣтъ—1,571; отъ 50—60—1,279; старѣе 60—286, всего 6,526 человѣкъ. Женщинъ моложе 10 л.—756; отъ 40—50—105; отъ 50—60—34; старѣе 60—27. Всего 922 женщины. Слѣдовательно, половина мужчинъ и $^1/_5$ женщинъ—старѣе 40 лѣтъ. Этотъ преклонный возрастъ мужчинъ, если тоже самое отношеніе существовало постоянно, т. е. если преступленія совершались постоянно въ возрастѣ зрѣломъ и приближающемся къ зрѣлому, точно такъ же если отношеніе числа сосланныхъ женщинъ къ мужчинамъ сохранялось приблизительно такое же, что, разумѣется, и было, то этотъ возрастъ не могъ оставаться безъ вліянія на населенность и на населеніе Сибири. Изъ свѣдѣній за 1851 г. (Гагемейстеръ) видно, что изъ числа 200,000 человѣкъ, сосланныхъ въ Сибирь, о которыхъ имѣлись свѣдѣнія съ 1323 года, въ 1851 году было на лицо не болѣе половины. Отъ какихъ бы причинъ ни исчезла эта половина—отъ матеріальныхъ ли лишеній, безпорядочной ли жизни, бываетъ, но фактъ тотъ, что сильное населеніе исчезаетъ несоразмѣрно быстро съ общимъ размѣромъ смертности въ Россіи. И если въ такой же степени убывало оно и до 1823 года, то очевидно, что съ половины 17 столѣтія перебывало много въ Сибири ссыльныхъ людей. Являясь въ лѣтахъ, приближающихся къ преклоннымъ, и въ несоразмѣрно большомъ числѣ мужчинъ предъ женщинами, они имѣли чрезвычайно малое вліяніе на внутреннее приращеніе населенія. Кромѣ того свободныя отношенія половъ, неизбѣжныя при такой численной несоразмѣрности, имѣли еще большее вліяніе на уменьшеніе числа рожденій. А если присоединить къ этому совершенную безпечность въ

уходѣ за дѣтьми и бездомность наибольшаго числа ссыльныхъ, то обнаруживается, что безъ приращенія извнѣ ссыльное населеніе Сибири давно бы уже перевелось. Доказать вѣрность этого теоретическаго вывода свѣдѣніями статистическими, разумѣется, нельзя, по двумъ причинамъ: вопервыхъ, что свѣдѣній нѣтъ (кажется бы довольно и этой одной); а вовторыхъ если бы и были свѣденія, то на вѣрность ихъ положиться нельзя. Послѣднее подтверждается извѣстнымъ случаемъ съ Гумбольдтомъ, во время путешествія его въ Сибири. Гумбольдту доставлялись свѣденія мѣстными властями, а мѣстныя власти получили для этого разграфленные листочки; въ каждой графѣ помѣщалось отдѣльное свѣденіе. По одному изъ такихъ листочковъ, возвратившихся отъ засѣдателя (становой приставъ), оказалось, что въ Сибири растутъ померанцы, апельсины, лимоны, персики. А засѣдатель, получившій замѣчаніе за эту дичь, оправдывался тѣмъ, что онъ боялся показаться нераспорядительнымъ въ глазахъ начальства. Это не анекдотъ; но вотъ и другой фактъ. По метрическимъ книгамъ Сибири значится, что съ 1834 по 1852 г. родилось больше чѣмъ умерло 702.288 человѣкъ, а между тѣмъ дѣйствительное приращеніе православнаго населенія составляло только 280,856 душъ. Ошибка почти втрое.

Ссыльные, имѣвшіе такое слабое вліяніе на увеличеніе населенія, въ первомъ колѣнѣ, обнаруживали въ замѣнъ того другое, болѣе сильное, вліяніе; они придавали всей сибирской жизни какой-то не осѣдлый характеръ, и способствовали размноженію особаго типа людей, совершенно непохожихъ на типъ великороссійскій. Помѣсь племенъ началась уже съ самаго завоеванія Сибири, когда одинокіе холостые казаки приживали дѣтей съ туземками. И въ послѣдствіи недостатокъ женщинъ и самая разнородная смѣсь ссылаемыхъ изъ Россіи національностей создали какую-то особую помѣсь, въ которой азіатскій характеръ физіономіи береть значительный перевѣсъ надъ типомъ чисто русскимъ. Широкія скулы, смуглый цвѣтъ лица и глаза, лежащіе нѣсколько вкось, вещь довольно обыкновенная между забайкальскими русскими. Отъ этого человѣкъ свѣжій отличаетъ почти безъ ошибки «россійскаго» человѣка отъ сибирскаго уроженца, въ которомъ кромѣ оттѣнка монгольскаго характера, есть еще приземистость и коренастость. Не даромъ докторъ Рихтеръ, въ Дрезденѣ, говорилъ мнѣ, что коренастые и желѣзнаго сложенія люди сохранились только въ Сибири, которой не коснулась еще европейская цивилизація. Рихтеръ и не воображалъ, какую говорилъ онъ правду, хотя съ другой стороны Сибирь могла бы представить ему образцы сильныхъ, рослыхъ, красивыхъ русскихъ людей изъ раскольничьяго населенія, заслуживающихъ дѣйствительно вниманія по чистотѣ крови.

Но самымъ сильнымъ и самымъ вреднымъ вліяніемъ на характеръ сибирской жизни было нравственное вліяніе ссыльныхъ. Матеріальное положеніе каждаго изъ нихъ со времени судебнаго процесса и до окончательнаго водворенія въ Сибири было такого рода, что большею частью перевоспитывало совершенно человѣка. Принимая, что осужденный пробылъ только годъ въ острогѣ и полтора года въ пути, окажется въ общемъ итогѣ сумма такихъ

матеріальныхъ лишеній и вреднаго нравственнаго вліянія, что человѣкъ долженъ былъ упасть до весьма низкаго уровня потребностей. Какъ бы человѣкъ ни жилъ бѣдно дома, его пища была всегда гораздо лучше острожнаго содержанія и тѣхъ явствъ, къ которымъ человѣкъ привыкаетъ на этапахъ. Какъ бы изба его ни была бѣдна и неблагоустроена, она была всегда лучше острога и этапныхъ помѣщеній. Какъ бы крестьянинъ ни жилъ тѣсно дома, и какъ бы его изба ни была грязна, но она была всегда гораздо чище арестантскаго застѣнка и дома ему не приходилось спать на полу или подъ нарами, или проводить ночь сидя скорчившись, какъ это зачастую приходится арестантамъ зимой. Два, три года такой жизни, семь тысячъ верстъ пѣшкомъ, заключеніе съ людьми испорченными, постоянная праздность, грубость обращенія всѣхъ начальствующихъ, начиная со сторожа до смотрителя, нищенство въ пути и въ острогѣ — все это должно непремѣнно обнаружить вліяніе на характеръ всей послѣдующей жизни ссыльнаго. Вліяніе можетъ быть слабое, можетъ быть сильное, но вліяніе есть. Уже одна трехлѣтняя праздность, вызывающая разныя острожныя бесѣды и игры, заключаетъ въ себѣ всѣ начала для развитія въ человѣкѣ привычки къ такой жизни, какую трудно согласить съ земледѣльческимъ бытомъ. Сколько людей получили привычку шататься, и, побывавъ разъ въ арестантской партіи, вышли на вѣки бродягами. Изъ людей съ такими привычками не создашь земледѣльцевъ; человѣка, упавшаго до самаго низкаго уровня матеріальныхъ потребностей, не поднимешь принудительными мѣрами, и человѣка, привыкшаго къ лѣни, не заставишь трудиться больше того, сколько онъ считаетъ нужнымъ. Размѣръ его потребностей дошелъ до minimum'а, а для удовлетворенія минимума нужно не много. Явившись въ страну съ высокой цивилизаціей, гдѣ люди не ходятъ въ отрепьяхъ, гдѣ нравственныя потребности стоятъ выше простаго пьянства въ кабакѣ, гдѣ люди живутъ въ довольствѣ и грубость чувствъ неизвѣстна, человѣкъ, разумѣется, постарается попасть въ этотъ общій тонъ жизни. Но въ какой тонъ попадать человѣку тамъ, гдѣ все окружающее поетъ почти ту же самую пѣсню? Откуда взяться энергіи, когда ей не зачѣмъ и не чѣмъ возбуждаться? Можетъ быть, человѣкъ и понимаетъ, что онъ поступаетъ нехорошо, а можетъ быть онъ этого и не понимаетъ. Во всякомъ случаѣ онъ доволенъ своимъ положеніемъ; будь онъ недоволенъ, онъ попытался бы выдти изъ него и разумѣется вышелъ бы. Примѣры подобной энергіи попадаются въ Сибири. А если у человѣка нѣтъ энергіи, если человѣку и не нужно больше того, что у него есть? О чемъ тутъ хлопотать.

Кромѣ этихъ нравственныхъ причинъ дѣйствуютъ и причины экономическія. Земледѣлецъ силенъ семействомъ; чѣмъ больше работниковъ, тѣмъ онъ сильнѣе. А ссыльный является одиночкой. Безъ женщины хозяйство даже самое бѣдное невозможно. А гдѣ взять ему тотчасъ же по прибытіи жену? Изъ ссыльныхъ? Но онѣ составляютъ только десятую часть общаго числа ссыльныхъ. Изъ сибирячекъ? Но развѣ за поселенца, неимѣющаго ровно ничего, и котораго никто не знаетъ, рѣшатся выдать дочь? Что же дѣлать поселенцу? Какая у него возможность стать земледѣльцемъ? Ихъ пробовали приписывать къ селеніямъ

старожиловъ, пробовали водворять отдѣльными селеніями и изъ этого вышло только то, что енисейское шоссе получило видъ дороги, по которой только что прошелъ непріятель. Въ двадцатыхъ годахъ состоялось предположеніе селить поселенцевъ деревнями на счетъ правительства. Постройки начались въ 1829 году и кончены чрезъ десять лѣтъ. Выстроили 22 селенія съ 1487 домами для 5955 ссыльныхъ! Селенія эти существуютъ и теперь, но что это за селенія! Первая деревня отъ Ачинска, — Торутано. знакомитъ вполнѣ со всѣми остальными, лежащими на почтовой дорогѣ. Дома съ покачнувшимися крыльцами, безъ оконъ и дверей, или съ окнами, заколоченными досками. Кромѣ этихъ печальныхъ домовъ. стоятъ еще въ деревнѣ небольшія, бѣдныя избенки. Въ нихъ видна таже сильная нужда и безпорядочность; въ рамахъ вмѣсто стеколъ бо́льшею частію бумага, пузыри. кожа: а случается. что пустое мѣсто въ рамѣ заткнуто просто тряпкой. И рядъ такихъ деревень тянется почти на 300 верстъ, до села Тулунъ. Иркутской губерніи. На мои вопросы о причинахъ такого печальнаго положенія деревень отвѣчали разно. Ачинскій ямщикъ говорилъ о торутинцахъ, что между ними много воровъ; что крестьяне живутъ хлѣбопашествомъ и подрѣзываніемъ обозовъ; что нынѣшней весной у каждаго обоза, проходившаго ночью, срѣзывали по меньшей мѣрѣ три мѣста. Дальше за Канскомъ, гдѣ развалившіяся деревни лежали почти сплошнымъ рядомъ, бѣдность объяснялась такъ. Отъ устройства дороги упалъ извозъ; прежде ѣзжали и съ товарами, и съ проѣзжающими, и случалось не рѣдко, что за 10 верстъ брали 10 рублей. Вздорожалъ хлѣбъ, ибо упало земледѣліе—и такъ упадокъ слѣдуетъ понимать въ смыслѣ чисто мѣстномъ. а также въ смыслѣ неурожаевъ. Дѣйствительная же причина дороговизны объясняется тѣмъ, что съ развитіемъ золотопромышленности хлѣбъ пошелъ на пріиски. Многіе поселенцы казенныхъ домовъ умерли, другіе разбѣжались. третьи спились; наконецъ, многіе ушли на золотые пріиски. Какъ въ физіологіи нельзя сказать, какой агентъ животной экономіи занимаетъ первое мѣсто. потому что всѣ они одинаково нужны для жизни, такъ и въ настоящемъ случаѣ всѣ причины дѣйствовали одинаково сильно. Отъ одной изъ причинъ не явилось бы то. что представляютъ эти деревни; только всѣ причины въ совокупности создали это общее разореніе. Но въ числѣ причинъ пропущена еще одна. Казенные дома строились для двухъ семействъ, и для этого домъ съ четырьмя окнами по фасаду, дѣлился сквозными сѣнями на двѣ половины. Жить двумъ семьямъ въ одномъ домѣ трудно: ссоры на каждомъ шагу. И поселенцы въ самомъ началѣ оставляли казенные дома и строили въ той же деревнѣ особыя избы, чтобы жить отдѣльными семьями. Но отчего же поселенцы не вышли земледѣльцами, когда все повидимому благопріятствовало этому, и прекрасныя даровыя помѣщенія, и плодородная почва, и мѣстность, удобная для сбыта земледѣльческихъ произведеній? Не вышли они по самой простой причинѣ— потому что и не могли выйдти. Прежде всего не вышли они потому, что острожная жизнь и двухлѣтнее путешествіе по сибирскимъ этапамъ отучило людей отъ постояннаго энергическаго труда, а во вторыхъ. земледѣль-

ческій трудъ при безсемейности сильныхъ давалъ имъ самое слабое вознагражденіе. И что могъ добыть сильный даже и женатый? Откуда могъ онъ ожидать приращенія рабочихъ силъ въ своей семьѣ? Поселенцу оставалось одно—искать себѣ занятіе болѣе выгодное, чѣмъ земледѣліе, и онъ нашелъ его въ работѣ на золотыхъ пріискахъ. Работа на промыслахъ—работа земледѣльческая, на которой въ Россіи составили себѣ такую громкую извѣстность такъ называемые поляки. Человѣкъ долженъ вынуть въ день, смотря по грунту, извѣстную кубическую мѣру земли. Урокъ доходитъ до кубической сажени. Тяжесть этого труда увеличивается еще разными непріятностями въ образѣ жизни. Работы производятся, обыкновенно, т. е. почти всегда, въ мѣстахъ безлюдныхъ; приходится копать стоя въ водѣ; помѣщенія устраиваются временныя, гдѣ, разумѣется, нѣтъ никакихъ удобствъ, гдѣ люди спятъ по-острожному. Однимъ словомъ работа на частныхъ промыслахъ та же, какъ и въ каторгѣ; но отличается отъ нея тѣмъ, что люди работаютъ не по принужденію. Пріятность труда увеличивается еще тѣмъ, что люди уходятъ на пріиски иногда за 1000 верстъ. Кажется, трудъ этого рода не можетъ имѣть никакого сравненія съ трудомъ земледѣльческимъ, и не смотря на то поселенецъ бросаетъ домъ, жену и бредетъ за 1000 верстъ, предпочитая тяжелое и неудобное легкому и удобному. У поселенца разсчетъ самый вѣрный. Одинокому нельзя заниматься пашней, по крайней мѣрѣ трудно, а копать землю на пріискахъ можно. Одинокій при небольшой запашкѣ легко подвергается всѣмъ случайностямъ неурожая, а плата на пріискахъ всегда вѣрная. У одинокаго земледѣльца можетъ пасть его единственная лошаденка или корова, и хозяйство его падаетъ; а на пріискахъ не нужно ему ни лошади, ни коровы, и нѣтъ риску. Земледѣліе занятіе сложное, съ нимъ много хлопотъ; а на золотыхъ промыслахъ заботиться не о чемъ, кромѣ личной заботы о себѣ. Въ сельскомъ хозяйствѣ есть занятіе на круглый годъ, а на пріискахъ работа только лѣтомъ. Земледѣліе даетъ все натурой, и нужно кромѣ того добыть еще деньги, а золотые промыслы за четыре мѣсяца работы даютъ 200 рублей. Очевидно, что матеріальныя выгоды всѣ на сторонѣ золотыхъ пріисковъ. А удовольствія общественной жизни и во время самой работы—орлянка, и пьла, особенно послѣ окончательнаго разсчета, когда вся ватага, добравшись до перваго села, предается всѣмъ излишествамъ и самому крайнему разгулу. Какая сельская жизнь можетъ представить подобныя наслажденія? Правда, не многіе воротятся домой съ деньгами, а перспектива зимы не имѣетъ ничего привлекательнаго; но много ли и нужно одинокому человѣку? А тамъ опять новые контракты, новые задатки, которые не дадутъ и умереть съ голоду, и достанутъ на выпивку, а послѣ работы съ ея окончательнымъ разсчетомъ новый разгулъ. Есть моралисты, которые обвиняютъ во всемъ этомъ частную золотую промышленность. Но золотопромышленность тутъ ни въ чемъ не виновата. Золотопромышленникъ нанимаетъ рабочаго, всѣ отношенія ихъ заключаются въ исполненіи обоюдныхъ условій—одинъ долженъ работать, другой долженъ заплатить ему за работу. Какъ расходуетъ свои деньги купецъ—рабочему нѣтъ дѣла, и какъ расходуетъ ихъ рабочій—купцу также нѣтъ дѣла.

Золотопромышленникъ, разумѣется, привлекаетъ рабочія силы, но они не отвлекаютъ ихъ отъ земледѣлія. Прежде, когда золотопромышленность была слаба, ссыльные точно такъ же не дѣлались земледѣльцами, какъ они не дѣлаются ими и теперь. Золотопромышленность только дала ссыльнымъ средства для жизни, которыхъ они не имѣли прежде, и спасла отъ нищенства тѣхъ изъ нихъ, которые безъ нея ходили бы непремѣнно по міру. Если ссыльные не дѣлаются земледѣльцами, если шатанье съ мѣста на мѣсто, юла, орлянка и пьянство нравится имъ больше, чѣмъ скромное и незавидное положеніе сибирскаго земледѣльца, то это происходитъ оттого, что въ ссыльномъ, въ его личныхъ качествахъ, въ условіяхъ его экономическаго и общественнаго положенія чрезвычайно мало данныхъ, чтобы создать изъ него крестьянина. Что промыслы не отвлекаютъ поселенцевъ отъ занятій сельскимъ хозяйствомъ, можно видѣть изъ того, что въ 1851 году въ Тобольской губерніи изъ числа 29,301 ссыльныхъ было водворенныхъ 25% (7526 ч.), а въ Тобольской губерніи нѣтъ золотыхъ промысловъ; въ Томской и Енисейской губерніяхъ, гдѣ существуютъ пріиски, считалось водворенныхъ: въ Томской $20^2/_3\%$— 7735 на 37,363 ссыльныхъ; а въ Енисейской губерніи 18% или 5210 водворенныхъ на 30,869 человѣкъ. Если бы золотопромышленность имѣла такое вредное вліяніе, разница составляла бы не пять процентовъ, а болѣе. Если же этого нѣтъ, то изъ приведенныхъ нами цифръ выводится только то заключеніе, что золотопромышленность уменьшаетъ охоту къ настоящему водворенію на 5 до 6%. Что же касается до 75% тобольскихъ неосѣдлыхъ поселенцевъ, то ими лучше всего и доказывается, что поселенцамъ выгоднѣе и легче заниматься другими промыслами, чѣмъ земледѣліемъ. Заключеніе будетъ полнѣе, когда опредѣлится, какое число поселенцевъ принадлежало до ссылки къ земледѣльческому сословію. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ требовать, чтобы всѣ портные, сапожники, кузнецы, повара, мѣщане, прибывъ въ Сибирь, превратились бы вдругъ въ земледѣльцевъ. Какой же процентъ общаго числа ссыльныхъ составляютъ земледѣльцы? Точно отвѣтить на этотъ вопросъ я не могу, не имѣя для того статистическихъ данныхъ. Но отвѣтъ приблизительный и слѣдовательно вполнѣ достаточный для общаго соображенія можно дать даже на основаніи тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя у меня подъ рукою. Въ 1856 и 1857 годахъ въ Казанской губерніи было сдѣлано среднимъ числомъ 636 преступленій. Изъ нихъ на долю дворянства, купечества, духовенства и разночинцевъ приходится $1^1/_3\%$; на мѣщанъ $18^2/_3\%$ и на крестьянъ 80%. Принимая эти цифры приблизительно вѣрными для всего числа ссыльныхъ, обнаружится, что на 20% слѣдуетъ уже разсчитывать впередъ, что они не сдѣлаются земледѣльцами; а если вмѣсто 20 выходитъ въ Сибири 80%, не желающихъ селиться, то эти 60 лишнихъ процентовъ явились вслѣдствіе системы тюремнаго заключенія и способа препровожденія арестантовъ и отъ новыхъ условій экономическаго положенія одиночекъ поселенцевъ.

При всей медленности цивилизаціи въ нашемъ народѣ, онъ все-таки идетъ впередъ; при всей его неразвитости онъ все-таки не такъ глупъ и не такъ невѣжественъ, какъ у насъ привыкли его считать нѣкоторые. Даже ссыльный

вовсе не такой дурной человѣкъ. Онъ замотался, отбился отъ дѣла, привыкъ къ безпорядочности, любитъ выпить и отсталъ отъ семейной жизни. Но если и нынче, при организованной системѣ пересылки этаповъ, уровень матеріальныхъ и нравственныхъ потребностей понижается, то что же дѣлалось и какой переломъ совершался въ арестантахъ до изданія дѣйствующаго нынче «Устава о ссыльныхъ ? Человѣкъ, воспитанный въ спартанской умѣренности, и въ остяцкой чистоплотности только однимъ путешествіемъ въ Сибирь, воспитывалъ въ подобной же неприхотливости и своихъ дѣтей. Этимъ путемъ все новое поколѣніе становилось подъ низкій уровень потребностей своихъ родителей и не могло вести другого образа жизни, потому что нигдѣ его не видѣло. Населеніе, составившееся почти исключительно изъ ссыльныхъ и ихъ потомковъ, по самымъ условіямъ ихъ водворенія и по экономическому своему воспитанію не могло быть особенно требовательно. А къ этому присоединились еще и климатическія условія, трудность земледѣльческой культуры, промышленное неразвитіе края и большіе, сравнительно, платежи на расходы по управленію, вслѣдствіе растянутости края, и нѣкоторыя внѣшнія вліянія.

Мы знаемъ, что не вся Сибирь представляетъ такую непривлекательную картину экономическаго быта. Мы знаемъ, что есть въ Сибири привольныя мѣста; но мы знаемъ также, что эти привольныя мѣста не составляютъ общаго правила, какъ крымскій климатъ не составляетъ еще климата Россіи. Правильность и порядокъ являлись обыкновенно только у добровольныхъ переселенцевъ. Гагемейстеръ приводитъ весьма интересное свѣденіе о «каменьщикахъ» или горцахъ, занимающихъ нѣсколько селеній въ юговосточной части Томской губерніи, на самой китайской границѣ, въ неприступныхъ ущельяхъ Алтайскихъ горъ. Каменьщики образовали 22 деревни, изъ нихъ самая большая имѣетъ не болѣе 30 дворовъ. Общество каменьщиковъ составилось изъ бѣглыхъ людей разнаго званія въ началѣ XVIII столѣтія. Сюда уходили раскольники, преступники, люди, желавшіе избавиться отъ исполненія общественныхъ обязанностей: наконецъ, всѣ тѣ, кому хотѣлось жить на волѣ. Эти поселенцы жили смирно, занимаясь земледѣліемъ, рыбною и звѣриною ловлей. Но когда съ разширеніемъ предѣловъ горнаго производства къ нимъ стали появляться чаще и чаще горныя поисковыя партіи, то они рѣшились «быть гласными правительству», платить ему подать и выставлять вооруженныхъ людей для защиты границы отъ набѣговъ. Предложеніе каменьщиковъ было принято и въ 1791 году правительство объявило имъ прощеніе. Каменьщики живутъ хорошо, у нихъ развито пчеловодство, скотоводство; они приготовляютъ кожи, ткутъ холсты и даже грубое сукно. Произведеніе своей промышленности они продаютъ въ сосѣднія заводскія селенія и мѣняютъ китайцамъ и киргизъ-кайсакамъ. Живутъ они чисто и опрятно въ довольствѣ, и одѣваются съ какой-то щеголеватостью. У каменьщика за плечами всегда винтовка, а на кушакѣ виситъ длинный ножъ. Типъ каменьщиковъ сѣверорусскій; ихъ движенія выказываютъ отвагу, проворство, удаль, а лицо выражаетъ смѣлость. Большинство горцевъ знаетъ грамоту. По вотъ еще нѣче-

ресный фактъ, сообщенный мнѣ въ Иркутскѣ. Въ 1857 году землемѣръ, обходившій какія-то земли по р. Киренгѣ, наткнулся на какое-то селеніе, не показанное на планѣ. Оказались раскольники; село называется Карамъ: населенія въ немъ 114 человѣкъ. О существованіи этого села не знало ни земское, ни какое другое начальство; раскольники жили тихо, занимались хлѣбопашествомъ и торговлею. Торговля шла даже съ Иркутскомъ. Для этого, когда нужно, посылался одинъ изъ крестьянъ, который покупалъ и продавалъ, что назначалось обществомъ. Этотъ крестьянинъ былъ единственный человѣкъ, у котораго былъ паспортъ. Открытіе землемѣра сдѣлалось, разумѣется, извѣстнымъ гдѣ слѣдуетъ, и крестьяне с. Карамъ поступили въ вѣденіе земской полиціи. Говорятъ, что крестьяне жили прежде очень зажиточно.

XIV.

Сибирскіе «Амуры». Иркутскъ.

Красноярскъ первый сибирскій городъ, гдѣ можно отдохнуть отъ дороги и вознаградить убыль въ тѣлѣ отъ дорожнаго поста. Въ городѣ двѣ гостиницы Амуръ» и «Одесса»; послѣдняя извѣстна подъ названіемъ гостиницы Шлау. Нѣмецкое прозвище гостиницы хотя и плѣнило меня, но комнаты оказались низки, окна малы и мебель фасона тридцатыхъ годовъ—жесткіе стулья и узкіе, жесткіе, высокіе диваны. Человѣкъ, памятній себѣ въ дорогѣ бока, бываетъ обыкновенно требовательнѣе; послѣднюю станцію ужъ онъ мечтаетъ объ отдыхѣ, о мягкомъ диванѣ, о вкусномъ обѣдѣ и о чистой удобной постели, гдѣ можно протянуться во весь ростъ. Гостиница Шлау не удовлетворила этому идеалу, но «Амуръ» оказался хуже. Въ «Амурѣ» претензіи на аристократизмъ и на внѣшній блескъ; тамъ есть большія масляныя картины въ золоченыхъ рамахъ, перегородки въ видѣ ширмъ съ красной подбойкой; гардины на окнахъ изъ ситца и даже ручной органъ. Все это уже подернулось слоемъ копоти и сквозь внѣшній блескъ проглядываетъ пыль и нечистота. И всѣ сибирскіе «Амуры» такого свойства. Надо замѣтить, что со времени пріобрѣтенія р. Амура пошла мода на гостиницы «Амуръ». Амуры завелись въ Красноярскѣ, Иркутскѣ и даже въ Читѣ. Но чѣмъ эти «Амуры» дальше, тѣмъ они хуже. Въ этомъ виноваты не тѣ, кто устроиваетъ гостиницы, а тѣ, для кого онѣ устроены. Гостиница опредѣляетъ лучше всего нравы населенія, а наше населеніе, останавливающееся въ гостиницахъ, вовсе не такого свойства, чтобы поддерживало чистоту и порядокъ. Гостиница можетъ страдать отъ причинъ «естественныхъ»; но зачѣмъ же плевать и сморкаться на стѣны; зачѣмъ маслить обои головами и полировать стѣны спинами; зачѣмъ шаркать вездѣ спичками? Проѣзжающій разсуждаетъ, что онъ платитъ за постой деньги; но будто бы только вслѣдствіе этого онъ обходится безъ носового платка? Тутъ просто привычка сморкаться въ руку и больше ни-

чего. Человѣку совсѣмъ ненужна чистота, и отого онъ и грязенъ вокругъ себя. При русскомъ обычаѣ путешествовать съ лакеями и горничными чистотѣ гостиницъ наносится еще большій ущербъ. У барина, ѣдущаго въ степь, лакей уже непремѣнно плюетъ въ потолокъ и какъ Петрушка Чичикова заноситъ вездѣ свой запахъ; а запахъ этотъ по своей крѣпости въѣдается въ обои, за панель, въ углы комнатъ и вообще въ такія мѣста, куда не заглядываетъ никогда ни половая щетка, ни пыльная тряпка. Этотъ удушающій, безкислородный воздухъ самая ужасная вещь русскихъ гостиницъ. Чистый воздухъ въ комнатѣ русскому какъ будто бы и не нуженъ и въ сибирскихъ постройкахъ весьма обыкновенная вещь, что въ лѣтнихъ рамахъ устроены форточки, а въ зимнихъ ихъ нѣтъ. Другой недостатокъ гостиницъ въ томъ, что нужно возить съ собой кровать, перину или тюфякъ, подушки и все постельное бѣлье. И это дѣйствительно необходимо, потому что гостиницы находятся въ переходномъ состояніи отъ неудобствъ крестьянскаго быта къ требованіямъ европейской цивилизаціи. Деревянныя кровати гостиницъ съ ихъ жирными и испятненными и прессованными тюфяками, пропитанными насквозь самымъ густымъ безкислороднымъ воздухомъ, способны привести въ ужасъ даже людей, видавшихъ на своемъ вѣку скорпіоновъ и животныхъ между готтентотами. Въ устройствѣ почлега русскій человѣкъ выказалъ вполнѣ свое знаніе гигіены и физіологіи. Для помѣщенія кровати избирается всегда самый негодный уголъ у печки, или закоулокъ, куда не достигнетъ ни одинъ лучъ свѣта, ни струйки свѣжаго воздуха. Такой и самъ по себѣ темный уголокъ обносится еще кругомъ непроницаемымъ для свѣта и воздуха заборомъ и служитъ помѣщеніемъ для кровати. По этой системѣ устроены спальни въ иркутскомъ «Амурѣ». Вся ошибка нашихъ содержателей гостиницъ только въ томъ, что въ нихъ развито слишкомъ эстетическое чувство. Они не понимаютъ, что эстетическое чувство—инстинктъ полезнаго, а самое полезное для человѣка—его здоровье, т. е. содержаніе организма въ условіяхъ благопріятныхъ для его развитія и существованія. Недостатокъ такого простого знанія ведетъ къ тому, что человѣка помѣстятъ въ темную комнату, когда ему необходимъ свѣтъ; положатъ его на постель, гдѣ міріады блохъ и клоповъ некусаютъ его не хуже мускитовъ; дадутъ ему постель, пропитанную всякими міазмами, и въ одну ночь отравятъ ему кровь и загноятъ легкія, такъ что человѣкъ начнетъ хирѣть, вовсе не подозрѣвая, что болѣзнь эта порождена въ немъ русской трактирной постелью. Качество пищи соотвѣтствуетъ вполнѣ гигіеническимъ условіямъ помѣщенія. За присутствіе полуды въ самоварахъ и кострюляхъ не ручается ничто, и если послѣ гостиничныхъ обѣдовъ не случаются съ проѣзжающими корчи и холерные припадки, то это объясняется только незначительностью отравленія. Извѣстно, что кострюли лудятся у насъ уже тогда, когда очевидность отсутствія полуды становится несомнѣнной повару. А это несомнѣннымъ является только въ томъ случаѣ, если полуда сошла совершенно. Но даже и тутъ повара иногда спорятъ. Свѣжесть припасовъ — другой вопросъ; свѣжесть, какъ извѣстно, зависитъ отъ способности провизіи сохраняться болѣе или менѣе долго. Долѣе

всѣхъ гостиничныхъ припасовъ сохраняется телятина; вотъ почему телятина въ гостиницахъ есть всегда, почему ее разогрѣваютъ разъ сорокъ и почему она вѣчно пахнетъ. Для сбереженія расходовъ найдено также весьма удобнымъ замѣнять масло говяжьимъ жиромъ и бараньимъ саломъ. Послѣднее обстоятельство придаетъ кушанью вкусъ и запахъ сальной свѣчки, что даже и цѣнится многими любителями баранины. Но если въ экономическихъ основаніяхъ гостиничныхъ порядковъ не берутся въ соображеніе современные успѣхи физіологіи и гигіены, какъ знаній новыхъ и не совершенно безспорныхъ, зато эстетика становится на первомъ планѣ. Въ каждомъ номерѣ мебель обивается по-возможности яркими матеріями; на окнахъ висятъ драпировки, украшенныя бронзовыми карнизами и розетками; на столахъ красныя съ синимъ бумажныя или шерстяныя салфетки; на стѣнахъ картинки въ золоченыхъ рамкахъ. Обои всегда высшаго достоинства — темныя, бархатныя. Правда, что не найдется въ гостиницѣ ни одного номера, гдѣ бы матерія на всѣхъ стульяхъ и диванахъ была цѣла; гдѣ бы салфетки не представляли напластованій всего, что на нихъ ѣлось и пилось съ самаго учрежденія гостиницы; гдѣ бы обои не дали трещинъ, въ особенности по близости печей. Но во всемъ этомъ нельзя винить никого, кромѣ проѣзжающихъ. Они сидятъ на мебели, они пачкаютъ салфетки.

При такой роскоши устройства помѣщеній очевидно, что и цѣны комнатъ должны соотвѣтствовать богатству ихъ убранства. Вотъ почему въ сибирскихъ «Амурахъ» приходится платить 1, $1\frac{1}{2}$, и даже 2 рубля въ сутки за комнату, гдѣ нельзя сидѣть на мебели, потому что она набита кирпичами; гдѣ нельзя спать на постели, потому что задохнешься и будешь изъѣденъ москитами; гдѣ нельзя быть сытымъ, потому что на двухъ дается одинъ обѣдъ, а берутъ деньги какъ за два, и гдѣ за сутки заплатишь то, на что въ Германіи проживешь цѣлую недѣлю.

Относительно Красноярской гостиницы я былъ требователенъ, но узнавъ, что значатъ гостиницы въ другихъ сибирскихъ городахъ, я чувствую вполнѣ скорость и опрометчивость своего сужденія. Въ Красноярскѣ небольшая комната, безъ кровати, стоитъ 1 р. въ сутки; самоваръ съ булкой и сливками 40 к.; обѣдъ изъ 3-хъ блюдъ 75 к.; бутылка обыкновеннаго квасу 10 к.; но все это подается безукоризненно чисто; обѣдъ свѣжъ, вкусенъ, сытъ и приготовленъ поварски. Разумѣется, спанье безъ кровати и постели не совсѣмъ удобно, потому что въ диванѣ клопы. Пробовалъ я спать, составивъ два ломберныхъ стола, но они скрипятъ, и каждую минуту боишься свалиться; пробовалъ я спать на полу, но и это неудобно — дуетъ, забираются клопы и въ щель двери могутъ забѣжать мыши. Всѣ эти матеріальныя неудобства помѣщенія окупались по крайней мѣрѣ ѣдой, возстановившей мои силы, и чистотой, которая уже не попадалась больше по всему сибирскому тракту.

Иркутскій Амуръ хуже красноярской Одессы». Въ «Амурѣ» хозяинъ отличается больше глубокимъ знакомствомъ съ эстетикой, чѣмъ съ гигіеной и физіологіей. Поэтому каждая вещь гостиницы служитъ больше для укра-

шенія и не отличается практической примѣняемостью къ дѣлу. На окнахъ, обращенныхъ на солнечную сторону, сторъ нѣтъ, вѣроятно потому, что по законамъ эстетики въ нихъ нѣтъ ничего прекраснаго, а гардины устроены такъ въ обтяжку, что, спущенныя, они не сходятся на четверть и все тянутся на свое старое мѣсто. На стульяхъ можно сидѣть только въ почтительномъ положеніи подчиненнаго предъ начальникомъ, потому что въ другомъ, болѣе удобномъ положеніи помѣститься нельзя. На диванѣ жестко, какъ на камнѣ. Въ закоулкѣ, гдѣ помѣщается кровать, темно и безкислородно до невыносимости. Такъ какъ закоулокъ явился не при первоначальномъ устройствѣ гостиницы, а послѣ, когда сукониыхъ обоевъ было уже негдѣ достать, то бока закоулка образованы изъ натянутаго на рамы холста и выкрашены подъ мраморъ грязно-лиловаго цвѣта, въ тонъ обоевъ. Двери, какъ у театральныхъ декорацій, изъ полотна, натянутаго на рамки, выкрашенныя бѣлой клеевой краской и обведенныя въ приличныхъ мѣстахъ черными и сѣрыми подосками, изображающими филенки. Такая комната, невыносимая въ зной, стоитъ въ сутки 1 р. 50 к. Чистота не входила въ соображеніе ни при устройствѣ гостиницы, ни считается необходимой и въ настоящее время. Поэтому проѣзжающій имѣетъ право требовать только то, что есть, и не можетъ претендовать на то, чего нѣтъ. Для предупрежденія недоразумѣній счетъ подается каждый день.

Впрочемъ иркутскій «Амуръ» можетъ не нравиться только тѣмъ, кто путешествуетъ съ запада на востокъ. Путешествующіе съ востока на западъ, остаются, разумѣется, имъ довольны, особенно послѣ «Амура» читинскаго.

Чита, главный городъ Забайкальской области, наводитъ на путешественника великое уныніе. Построенный на пескѣ, растянутый на большомъ пространствѣ, городъ этотъ имѣетъ видъ большого бѣднаго села, лежащаго въ песчаной пустынѣ. Оживленіе и людность только на площади, у кабака. Но что за физіономіи! Послѣ предупрежденій, сдѣланныхъ мнѣ въ Читѣ насчетъ осторожности въ пути, физіономіи эти казались мнѣ еще ужаснѣе. А между тѣмъ всѣ эти страшныя лица принадлежатъ людямъ можетъ быть очень мирнымъ: какимъ-нибудь скромнымъ рабочимъ, собравшимся подкрѣпить свои истощенныя силы? Все это можетъ быть. Разумѣется, послѣ Иркутска Чита очень печальный городъ, и недостатки ея не выкупаются ни домами князя Волконскаго, ни князя Трубецкого, ни другими старыми воспоминаніями, создавшими репутацію Читы.

Иркутскъ, не смотря на его скверныя гостиницы, единственный городъ Сибири, имѣющій городской характеръ. По числу рынковъ, лавокъ, магазиновъ, обилію и разнообразію предметовъ торговли, которые бросаются въ глаза при бѣгломъ знакомствѣ съ городомъ, Иркутскъ, разумѣется, самое высшее проявленіе производительныхъ силъ Сибири. Какъ Англія создала Лондонъ, и Франція Парижъ, такъ Сибирь создала Иркутскъ. Она гордится имъ, и не видѣть Иркутска значитъ не видѣть Сибири. При всемъ своемъ административномъ значеніи Иркутскъ все-таки не исключительно административный пунктъ. Власти могутъ оставить городъ, и онъ все-таки оста-

нется по прежнему силой и украшеніемъ страны. Разумѣется, сила Иркутска не особенно велика, торговля его не обширна, жителей не много (почти 19 т.), но вѣдь и въ Сибири не много силъ, не много жителей, не велика торговля. По силамъ страны и ея произведенія. Разумѣется, если не увлекаться патріотическимъ восторгомъ, и единицей для сравненія брать послѣдніе результаты человѣческой мысли и человѣческой производительности, то иркутскія папиросы Нестерева, Свѣшникова, Краузе напоминаютъ больше кипарисную кору, чѣмъ турецкій табакъ; фотографія Нестерева тоже плоха; въ лавкахъ, кромѣ квасу, рыбьяго жиру, свинины, говядины, муки, нѣтъ ничего, принадлежащаго собственно Сибири. Все остальное, что нужно для жизни, т. е. предметы такой же первой необходимости, какъ хлѣбъ, мясо и дрова, получаются Иркутскомъ изъ Россіи. Иркутскъ до сихъ поръ не съумѣлъ устроить торговыхъ сношеній съ Америкой и выписываетъ весь товаръ изъ Москвы и продаетъ его ровно вдвое противъ Россіи, и ни въ чемъ особенно не выказываетъ сибирскаго генія. Хоть бы изобрѣли какой-нибудь сибирскій архитектурный стиль, или сложили какъ-нибудь иначе общественную жизнь. Иркутскъ не сочинилъ ничего. Пролетки иркутскія тѣ же общерусскія пролетки, на какихъ страдаютъ ѣздоки во всей Россіи, съ тою только разницей, что иркутскія тяжелѣе и неуклюжѣе. Иркутскіе дома тѣ же русскіе дома, съ тою только разницей, что въ нихъ вовсе незамѣтно особеннаго стремленія строителей приноровиться къ сибирскимъ морозамъ. Моды иркутскія берутся изъ Москвы и Петербурга, и Иркутскъ не смѣетъ придумать ничего для защиты женскихъ головъ противъ зимняго холода, пока Петербургъ не пришлетъ ему мѣховую шляпу или бобровую шапку. Общественной жизни въ Иркутскѣ нѣтъ, а есть микроскопическіе кружочки, гдѣ темы для разсужденій и разговоровъ даютъ петербургскіе и московскіе журналы, приходящіе въ Иркутскъ чрезъ два мѣсяца. То, что принимается нѣкоторыми иркутскими патріотами за самостоятельное проявленіе мѣстной общественности, гражданскихъ доблестей и гражданской самостоятельности, въ сущности невинное препровожденіе времени, отъ недостатка серьёзныхъ занятій. Года два назадъ вышлось въ Иркутскѣ особенное оживленіе по случаю одного уголовнаго скандала. Шуму и бѣготни по улицамъ было много; но прошелъ первый пылъ и всѣ успокоились, и только осталось одно воспоминаніе о событіи, о которомъ чрезъ два года разсказываютъ еще со всѣми подробностями всякому новому проѣзжающему, какъ о событіи, имѣвшемъ міровое значеніе.

У Иркутска нѣтъ своихъ серьёзныхъ интересовъ и нѣтъ внутренней общественной жизни. Изъ 18,800 человѣкъ населенія, тѣхъ, кто считаетъ себя способнымъ понимать общественные и гражданскіе интересы, наберется не болѣе 100 человѣкъ, положимъ 200, ну хоть 300, вѣдь это всего полтора процента. Неужели эти полтора процента составляютъ Иркутскъ? Неужели Иркутскъ живетъ ими, и только потому и Иркутскъ, что въ немъ есть триста людей, разсуждающихъ объ общественныхъ вопросахъ? Да и эти 300 человѣкъ, почему они спеціально иркутскіе граждане?—почему перенесенные въ

Москву, въ Харьковъ, Кострому, они не сдѣлаются точно такъ же гражданами московскими, харьковскими, костромскими? Однимъ словомъ, въ чемъ спеціальность гражданскихъ интересовъ Иркутска? Въ чемъ его гражданская жизнь? въ чемъ особенность и самостоятельность иркутской мысли? какъ бы онъ думалъ и чувствовалъ, не получая газетъ и журналовъ изъ Москвы и Петербурга? Иркутскъ просто кусокъ Коломны, занесенный отъ Петербурга за 7,000 верстъ, и примѣшавшійся къ 18 тысячамъ собственно сибирскаго народа, не проникшаго покамѣстъ ни въ чемъ самостоятельной мысли, и собирающагося все еще съ силами, чтобы сказать свое сибирское слово. И при всемъ томъ Иркутскъ все-таки лучшій сибирскій городъ. Самая ужасная сторона сибирской жизни—въ отдаленности Сибири отъ Петербурга, въ отсутствіи внутренняго общественнаго интереса, въ печальной необходимости жить двумя мѣсяцами позже и тратиться въ безполезныхъ словопреніяхъ, не подвигающихъ ни на волосъ дѣла. Здѣсь легче всего убѣдиться человѣку, что онъ не нуженъ, и углубиться въ своекорыстные личные интересы и, съуживая кругозоръ, сдѣлаться человѣкомъ дѣйствительно ненужнымъ. Какъ во Франціи вся внутренняя жизнь страны въ Парижѣ, какъ Парижъ — мозгъ Франціи, такъ Петербургъ умъ и сердце Россіи. Не жить въ Петербургѣ значитъ быть оторваннымъ отъ Россіи, а Иркутскъ ли, Камчатка, Ситха или русскія владѣнія въ Америкѣ — вся разница только въ географической широтѣ и долготѣ мѣста.

XV.

Сибирская дороговизна. — Невыгоды отъ высокаго уровня потребностей.

Сибирская дешевизна извѣстна въ Россіи всѣмъ, но никто не знаетъ тамъ о сибирской дороговизнѣ. Было точно время, когда пудъ муки продавался въ Тобольскѣ за 15 к., пудъ сѣна стоилъ 5 к., а овса четверть 65 к. Въ Томскѣ стоили подобныя же цѣны. Но то было въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, время это ушло невозвратно. Много перемѣнъ случилось послѣ того въ Сибири; стали развиваться золотые промыслы; пошли наводненія и неурожаи; населеніе совершенно непроизводительное и промысловое увеличилось въ пропорціи большей, чѣмъ число земледѣльческихъ производителей; заводскіе крестьяне обращены въ казаки; казаки переселены на Амуръ; съ 1858 года выслано въ Забайкалье 13,000 штрафныхъ солдатъ. Все это подняло цѣны на земледѣльческія произведенія, и съ тѣхъ поръ о дешевизнѣ не слышно нигдѣ въ Сибири. Нынче въ западной Сибири цѣна хлѣба въ городахъ 1 р. за пудъ, въ деревняхъ отъ 40 до 80 копѣекъ; говядина 3—4 к. за фунтъ. Въ Иркутскѣ и во всемъ Забайкальѣ—мука 50 к. за пудъ, овесъ также, сѣна возъ (15 п.) отъ 1 р. 30 до 2 р., говядина 2 р. п., дрова 2 р. одно-

полѣнная сажень. Сравнительно съ Петербургомъ цѣны умѣренныя, потому что въ Петербургѣ давно уже забылось время, когда фунтъ говядины стоилъ 3 к. ас., а фунтъ хлѣба 1 к.; хорошо еще, что политическая экономія учитъ, что дороговизна всего есть первый признакъ высшаго экономическаго благосостоянія. Изъ этой экономической теоремы слѣдуетъ очевидно, что, если въ 1803 году въ Петербургѣ фунтъ говядины стоилъ 3 к. ас., а фунтъ ржаного хлѣба 1 к., въ 1862 году говядина стоитъ 12 к. сер., а хлѣбъ 2 к. сер., т. е. первая стала дороже въ 14 разъ, а хлѣбъ въ 7 разъ, то потребители говядины стали богаче въ 17 разъ, а потребители хлѣба въ 7. Въ примѣненіи къ Сибири, гдѣ противъ начала нынѣшняго столѣтія хлѣбъ поднялся въ цѣнѣ въ 25 разъ, выходитъ, что и люди стали богаче въ 25 разъ; а по отношенію къ Петербургу, въ Сибири жить выгоднѣе, потому что легче достигнуть богатства. Но факты говорятъ другое; они противорѣчатъ политической экономіи, которая въ Сибири рѣшительно собьется съ толку. По какимъ, напримѣръ, экономическимъ принципамъ дѣйствуетъ станціонный смотритель, который за тарелку студени беретъ съ проѣзжающаго рубль? По какимъ принципамъ дѣйствуетъ баба на станціи, которая за крынку молока беретъ 25 к. и увѣряетъ еще, что въ деревнѣ молоко стоитъ 20 к? По какимъ принципамъ дѣйствуетъ другая баба, которая, получивъ за крынку молока 20 к., говоритъ проѣзжему: «а за хлѣбъ?» Почему въ Сибири самоваръ на станціи стоитъ вездѣ 15 к., а еще чаще говорятъ: что пожалуете, надѣясь получить 20 к.—когда вездѣ въ Россіи, и даже въ иркутскомъ «Амурѣ» только 10 к. Какой процессъ экономическаго мышленія происходитъ въ головѣ того мужика, который за телѣгу въ одну лошадь, чтобы доѣхать съ томской пристани до Томска, запросилъ 5 р., и когда ему замѣтили, что дорого, онъ, не отвѣтивъ ни слова, спустился къ рѣкѣ и сталъ мыть руки, какъ будто бы онъ только за этимъ и приходилъ? Какими соображеніями руководствовался ямщикъ въ Нерчинскѣ, когда съ купца, не доставшаго почтовыхъ лошадей, спросилъ за станцію въ $26^1/_2$ верстъ, на тройку, 25 руб., и не согласился везти за 20 р.? А между тѣмъ въ Томскѣ, на другой день послѣ несговорчиваго ямщика, извощики взяли за тройку только 3 р. 50 к., и въ Нерчинскѣ за ту же 26 верстную станцію и за 7 лошадей 11 р., или далѣе къ Нерчинскому заводу везли вольные за казенные прогоны. «Запросомъ» и «предложеніемъ» объяснить всего этого нельзя. Разъясненіе этой экономической задачи нужно искать скорѣе въ томъ обстоятельствѣ, что люди не нуждаются въ деньгахъ; и не нуждаются въ нихъ или совершенные безсребренники, или люди дикіе, незнакомые съ употребленіемъ денегъ. Но сибиряки—ни безсребренники, ни дикари. Вопросъ этотъ очевидно физіологическій: это вопросъ о нервахъ и о мозговомъ веществѣ, которые у сибиряковъ отличаются другими свойствами, чѣмъ у западныхъ народовъ. Но и экономистамъ есть тутъ полезный урокъ. Они могутъ убѣдиться, что сила обычая играетъ въ экономическихъ отношеніяхъ гораздо большую роль, чѣмъ запросъ и предложеніе.

По этой силѣ обычая каждый ямщикъ, каждый смотритель, каждая ко-

морница, смотритъ на проѣзжающаго какъ на свою дойную корову. Только мертвый не залѣзаетъ въ его карманъ. И нужно полагать, что возможность путешествія на почтовыхъ будетъ скоро привиллегіей только богачей. Прежде когда не было вольныхъ почтъ, платилось на пару—мѣстами 5, мѣстами 3 к. Съ вольными почтами пришлось платить 6 к. на пару. Но отъ этого крестьянамъ не стало выгодиѣе. Содержатель вольной почты законтрактовалъ ямщиковъ платить имъ все тѣже 5 к., а съ проѣзжающаго беретъ 6. Эта лишняя копѣйка берется изъ кошелька проѣзжающаго исключительно въ пользу содержателя. Справедливо, что содержатель трудится и долженъ имѣть вознагражденіе за свой трудъ; но что за дѣло до этого проѣзжающему, когда единственная разница, которую онъ замѣчаетъ въ томъ, что дорога стала обходиться ему дороже противъ прежняго на 2%? Путешественникъ не имѣлъ бы еще права жаловаться, когда бы онъ могъ нанимать вольныхъ ямщиковъ, но этого не позволяется. Вольная почта монополь, монополь насчетъ крестьянскаго заработка и насчетъ кошелька проѣзжающаго, приносящая выгоду одному лицу, а убытокъ многимъ. Если привиллегіи считаютъ необходимыми для огражденія отъ соперничества едва возникающихъ производствъ, то этого нельзя сказать о нашемъ ямскомъ промыслѣ; въ настоящемъ случаѣ стѣсненъ крестьянинъ, чтобы дать силу вновь открытому способу наживаться насчетъ другихъ. Въ Сибири вольныхъ почтъ пока нѣтъ; но въ 20% есть плѣнительная сила, и, какъ говорятъ, насчетъ вольныхъ почтъ въ западной Сибири составляется уже предположеніе. Это значитъ, что вмѣсто 3 придется платить 6 к. на веретy за пару, и дорога станетъ дороже на 100%. Пусть такъ, если ужъ это неизбѣжно; но пусть 100% достаются не монополисту; пусть возитъ всякій, кто хочетъ, а почты содержатъ артели ямщиковъ. Въ этомъ по крайней мѣрѣ будетъ экономическій смыслъ.

Сила необузданнаго ничѣмъ экономическаго обычая вещь самая ужасная для небогатаго путешественника. Во многихъ случаяхъ, разумѣется, можно избѣгнуть излишняго расхода. Если путешественникъ, подъѣзжая къ станціи, замѣчаетъ, что на окнахъ стоятъ крынки съ цвѣтами и красуются занавѣски; если на стѣнахъ висятъ картинки; если смотрительша въ шерстяномъ платьѣ и слѣдовательно для работъ по хозяйству держитъ работницу, то очевидно, что въ такомъ семействѣ, для удовлетворенія болѣе развитыхъ потребностей нужно болѣе средствъ, и слѣдовательно за всѣ жизненные припасы путешественникъ долженъ платить по высшей трактирной цѣнѣ. Политическая экономія объясняетъ этотъ фактъ точно такъ же, высшимъ уровнемъ потребностей; а какъ путешественнику до чужихъ высокихъ потребностей нѣтъ дѣла, и аппетитъ не будетъ удовлетворенъ полнѣе, если вмѣсто 20 копѣекъ онъ заплатитъ за студень 1 рубль, то та же политическая экономія велитъ ѣхать немедленно на другую станцію, гдѣ нѣтъ крынокъ съ цвѣтами и смотрительша не держитъ работницы. Этимъ же высокимъ уровнемъ потребностей объясняется дороговизна переѣзда черезъ Байкалъ, объѣхать который къ сожалѣнію нельзя. Содержателя байкальскаго пароходства, разумѣется, люди самаго высокаго уровня потребностей и своеобразнаго пониманія экономическихъ

вопросовъ. А отъ этого переѣздъ черезъ Байкалъ не представляетъ ничего кромѣ неудобствъ, опасностей и ужасной дороговизны. На иркутской сторонѣ Байкала стоитъ рядъ деревянныхъ одноэтажныхъ домовъ печальнаго казарменнаго вида. Въ одномъ живетъ хозяинъ, въ другомъ контора, въ остальныхъ двухъ номера. Номера самаго унылаго вида, съ голыми деревянными стѣнами, скудной, никуда негодной мебелью, съ некрашеными дверями и окнами. Не помню гдѣ-то мнѣ говорили: «на Байкалѣ вы увидите знаменитую гостиницу» и это было сказано безъ иронiи. Дѣйствительно, знаменитая,—если тюремное помѣщенiе можно считать гостинницей. Въ дворянской половинѣ тобольскаго острога хотя комнаты и меньше, но крайней мѣрѣ стѣны въ нихъ штукатурены и выбѣлены, двери крашенныя, мебель ничуть не хуже, и есть готовая постель съ одѣяломъ и бѣльемъ. Между байкальскимъ этаномъ и пароходной пристанью лежитъ болото съ торчащими пнями, и посреднѣ его дорога къ сходнямъ. Подлѣ домовъ груды щепокъ, оставшихся отъ построекъ. Все это нельзя считать особеннымъ удобствомъ, но содержатели пароходовъ разсуждаютъ иначе. Имъ кажется, что можно брать деньги и за красоты гостинницы, и за грязь на пароходѣ, и за каюту, въ которой льетъ дождь, и за лѣсенницу въ каюту скользкую, грязную и безъ перилъ, и за 10 часовой переѣздъ, когда его можно совершить въ два часа и т. д. Не вдаваясь въ подробности, довольно сказать, что переѣздъ черезъ Байкалъ, съ ночлегомъ въ гостинницѣ, съ перевозкой тарантаса, стоитъ для семьи изъ 3 лицъ — *пятьдесятъ рублей серебромъ*. Въ видѣ назидательнаго сравненiя можно бы прибавить, что переѣздъ изъ Парижа въ Лондонъ, для трехъ же лицъ, стоитъ 105 фран. (25 руб.); что разстоянiе отъ Парижа до Лондона въ восемь разъ больше; что переѣздъ черезъ Ламаншъ дѣлается въ 3 часа, а Ламаншъ шире вдвое Байкала. Но назидательность этой параллели не ведетъ ни къ чему—байкальское плаванiе не сдѣлается отъ этого ни дешевле, ни скорѣе. А всему причиной высокiй уровень потребностей. Логика высокаго уровня потребностей въ томъ, что если человѣкъ, какъ потребитель, привыкъ къ бархату и ананасамъ, а какъ производитель онъ сдѣлаетъ въ годъ всего одинъ аршинъ сукна, то съ покупщика за этотъ жалкiй аршинъ слѣдуетъ взять все то, что стоитъ производителю вся его жизнь, со всѣми его прихотями, бархатами, ананасами и со всѣми убытками, происходящими отъ непониманiя дѣла. Чѣмъ виноватъ путешественникъ, что пароходъ дѣлаетъ 60 верстъ въ 10 часовъ и жжетъ вслѣдствiе того втрое болѣе дровъ, а за лишнiя дрова платитъ пассажиръ? Чѣмъ виноватъ путешественникъ, что у парохода нѣтъ гавани и онъ разбивается о свою собственную пристань, но и этотъ убытокъ платитъ тоже путешественникъ? Но ужъ таково печальное положенiе путешественника, — всякiй, кто обираетъ его на дорогѣ, дѣлаетъ видъ, что оказываетъ ему одолженiе, потому что могъ бы взять еще дороже. Да отчего и не брать? Байкальскiе пароходчики могли бы назначить смѣло за порцiю котлетъ 2 р., а за переѣздъ 20 рублей съ человѣка и проѣзжающiе платили бы—все выгоднѣе, чѣмъ идти пѣшкомъ, или ѣхать верхомъ по кругоморской дорогѣ, или переплывать Байкалъ въ челнокѣ.

XVI.

Казаки. Буряты. Какъ живутъ горные рабочіе.

Казакъ въ Россіи явленіе органическое, но въ Сибири они создались другимъ путемъ. Послѣ смерти Ермака, когда всѣ сподвижники его разбѣжались, правительство стало создавать въ Сибири войско. Оно набиралось изъ охотниковъ, бѣглыхъ, ссыльныхъ, изъ помѣщичьихъ крестьянъ; въ казаки записывали служилыхъ людей и даже малолѣтковъ. Этотъ порядокъ увеличенія состава казачьяго войска причисленіемъ туда людей разнаго званія продолжался до послѣдняго времени, когда въ 1851 г. записаны въ казаки 10.516 человѣкъ государственныхъ крестьянъ, 28,992 человѣка крестьянъ, приписанныхъ къ перчинскимъ заводамъ и 386 отставныхъ солдатъ и инвалидовъ. Наконецъ, въ 1858 году, назначено высылать въ восточную Сибирь въ казаки изъ штрафованныхъ солдатъ внутренней стражи. Такихъ штрафованныхъ оказалось 13 000 человѣкъ, и въ первый годъ изъ нихъ выслано 5 т. человѣкъ, высылка остальныхъ должна быть окончена къ 1862 году.

Сибирскій казакъ несетъ службу весьма разнообразную. Онъ и полицейскій служитель, и внутренняя и пограничная стража; онъ рубитъ и возитъ лѣсъ для построекъ и сплавовъ на Амуръ, онъ служитъ на частныхъ и казенныхъ пріискахъ, онъ крестьянинъ и солдатъ. Въ Сибири всюду казаки; они водятъ партіи арестантовъ, они ловятъ бѣглыхъ, они стоятъ на часахъ, они ѣздятъ съ приказчиками золотопромышленниковъ, они возятъ даже проѣзжающихъ. Въ Забайкальѣ, о которомъ я теперь буду говорить, русскій человѣкъ имѣетъ только три главныхъ общественныхъ положенія — заводскій служитель, казакъ, ссыльный. Изобиліе казачества становится уже замѣтнымъ съ Читы; а отъ Перчинска и до Перчинскаго завода, на протяженіи 270 верстъ и нѣтъ другихъ селеній, кромѣ казачьихъ. То, что не принадлежитъ къ казачеству — русскіе крестьяне, буряты, тунгусы, живетъ въ сторонѣ отъ большой дороги, и проѣзжающій видитъ исключительно казаковъ и казачьи селенія. Сибирскій импровизованный казакъ, создавшійся изъ мирнаго населенія, не имѣвшаго нужды, какъ запорожцы и донцы, быть вѣчно на площадяхъ и ходить съ шашкой и винтовкой, имѣетъ вполнѣ гражданскій видъ и, разумѣется, не отличается и воинскими наклонностями. Техника военнаго дѣла едва ли хорошо ему извѣстна. Полусолдатъ, полукрестьянинъ, казакъ живетъ своей землей, своимъ трудомъ. Отлучка на службу отрываетъ его отъ земледѣльческаго труда и идетъ въ убытокъ его полевому хозяйству. Войсковое начальство должно наблюдать, чтобы казакъ не изнурялся и не былъ употребляемъ въ занятія не соотвѣтственныя его назначенію. Но если начальство выполняетъ это въ дѣйствительности, его заботливость не можетъ идти дальше служебныхъ отношеній къ казаку; казакъ прежде всего солдатъ, а до его агрономическихъ разсчетовъ, когда дѣло касается службы, начальству не только не должно быть особенной заботы, да оно при всемъ своемъ желаніи

и не можетъ помочь ему. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ объять необъятное. Вотъ объясненіе невозможности согласить земледѣліе съ военнымъ ремесломъ казака. Сибирскіе казаки очередуются бо́льшею частью черезъ годъ; забайкальскіе идутъ на службу чрезъ два года въ третій. Это значитъ, что въ общемъ числѣ первыхъ пѣтъ дома половины, а у вторыхъ одной трети, всего взрослаго населенія. И слѣдовательно, все земледѣльческое производство первыхъ сводится къ половинѣ, а вторыхъ къ двумъ третямъ, количества возможнаго при полной наличности всѣхъ работниковъ. Въ частности этотъ разсчетъ можетъ представиться въ другомъ видѣ. Земля и для яровыхъ и для озимыхъ посѣвовъ приготовляется всегда осенью; срокъ поступленія на службу есть январь; съ февраля казакъ оставляетъ свой домъ; одиночки несутъ службу наравнѣ съ прочими. Условія эти такого рода, что согласовать ихъ совершенно невозможно. Одиночкѣ, отправляющемуся на службу въ январѣ, поднимать осенью землю не зачѣмъ, потому что весной ему не придется работать, а возвратившись слѣдующей зимой, ему нельзя сѣять, потому что онъ не приготовилъ землю осенью. Такимъ образомъ одинокому казаку можно заниматься или ремеслами или постоянно служить одинъ годъ за себя, а другой по найму за другаго. Разумѣется разсчетъ этотъ не будетъ всегда вѣренъ въ дѣйствительности, потому что наряды на службу могутъ быть и меньше нормальнаго размѣра, но подобная экономія въ людяхъ составляетъ сама по себѣ отклоненіе отъ нормы, и можетъ имѣть на общій итогъ всей земледѣльческой производительности казаковъ только случайное вліяніе.

Учрежденіе изъ заводскихъ крестьянъ казачьяго войска дало возможность располагать весьма значительными силами для колонизаціи Амура и для разныхъ работъ по заселенію. Казаки командировались въ Читѣ, гдѣ заготовляли лѣсъ для разныхъ построекъ и даже строили суда и паромы; казаки переселялись сначала по наряду, потомъ по жребію на Амуръ; наконецъ этими же казаками выстроены всѣ помѣщенія для своего начальства — дома для батальонныхъ, бригадныхъ разныхъ командировъ и другія зданія, необходимыя для управленія. Примѣрная оцѣнка труда казаковъ можетъ имѣть нѣкоторый экономическій интересъ. Всѣхъ казаковъ въ забайкальскомъ войскѣ считается 51,461, а треть, находящаяся на службѣ, составляетъ 17,154 человѣка. Принимая, что каждый изъ нихъ рубкой лѣса, постройкой судовъ, домовъ, выгрузкой, нагрузкой и сплавомъ судовъ и своей службой на пріискахъ и въ другихъ занятіяхъ наработалъ въ день не болѣе какъ на 40 коп., весь трудъ ихъ можетъ быть оцѣненъ въ день въ 6,161 р. 60 коп., а въ годъ, считая только 300 рабочихъ дней въ 1,848,480 рублей. Кромѣ этого остающіеся казаки вносили по 3 р. съ души на разные войсковые расходы и на содержаніе войскового управленія, и исправляли разныя натуральныя повинности — починяли дороги, содержали междудворную гоньбу и т. д. Считая всѣ денежныя отдачи и натуральныя повинности только въ 6 р. съ души, расходы казаковъ, оставшихся дома, составляли въ годъ 205,848 руб., а вся годичная услуга всего забайкальскаго войска можетъ быть оцѣнена въ 2,054,328 р. Со времени занятія Амура въ 1851 г., трудъ казацкій составилъ 20,543,280

рублей. Теперь, когда преувеличенные толки о значеніи пріамурскихъ земель смѣнились болѣе разсудительнымъ взглядомъ на дѣло; когда амурскіе панегиристы перестали сулить амурскій кофе, сахарный тростникъ, хлопчатую бумагу; когда ни амурская компанія, ни сибирское купечество, ни даже американцы не придумали какъ сдѣлать изъ Амура торговый путь, и Забайкалье и вся Сибирь продовольствуются по прежнему московскими товарами —трудъ казаковъ на устройство амурскаго края получаетъ еще большее значеніе. Они, какъ и сподвижники Ермака, переносили всѣ тягости для очень отдаленнаго потомства. Для нынѣшней же Сибири Амуръ, при всемъ своемъ выгодномъ географическомъ положеніи, значитъ не болѣе Оби: по Оби везти некуда, потому что Сибирь едва сама существуетъ своимъ трудомъ, а излишковъ у нея нѣтъ. А скоро ли наступитъ то счастливое время, когда флоты торговыхъ судовъ будутъ приплывать по Амуру съ иностранными товарами и, вымѣнивъ ихъ на сибирскія издѣлія, развезутъ ихъ по всему міру, сказать довольно трудно. Знаемъ мы только одно, что Сибирь страна очень бѣдная, Забайкалье по преимуществу, и торговать имъ съ Европой и Америкой нечѣмъ.

А между тѣмъ съ заселеніемъ Амура повторяется та же исторія, какъ и съ колонизаціей Сибири, на Амуръ посылаютъ штрафованныхъ людей. 13 тысячъ солдатиковъ, прозванныхъ здѣсь «кадетами», «сынками»,—люди такого закала, что едвали Амуръ выиграетъ отъ нихъ что нибудь. Кадеты», проходя по Сибири, составили себѣ такую репутацію, что ихъ боялись здѣсь такъ же, какъ въ Россіи цыганъ. Съ приходомъ цыганъ въ деревню обыкновенно все прячется и запирается на ключъ. Съ кадетами такъ же. Въ каждомъ городѣ Сибири разсказывали мнѣ про кадетовъ десятки воровскихъ анекдотовъ. Но, кромѣ мелочного плутовства, они дѣлали и вещи крупныя, весьма близко подходящія къ грабежу Такой находчивый и безстрашный народъ не составитъ большого пріобрѣтенія для новой страны. Для Амура нужны земледѣльцы и люди, привыкшіе къ труду, а кадетъ земледѣльцемъ никогда не будетъ. Сосыльные не сдѣлались крестьянами, не сдѣлаются ими и кадеты. Ихъ пробовали приписывать къ казачьимъ слободамъ, но вышло то, что послѣдовало распоряженіе объ отсылкѣ кадетовъ на Амуръ и въ Николаевскъ. Казаки считаютъ, что изъ 13 т. кадетовъ только десятая часть женатыхъ и изъ нихъ треть людей годныхъ, значитъ только отъ $3^1/_3{}^0/_0$ можно ожидать пользы для земледѣлія.

Остальное населеніе Забайкалья не обнаруживаетъ тоже вполнѣ своихъ экономическихъ силъ. Чисто земледѣльческое населеніе, какъ русскіе крестьяне, буряты и тунгусы не отличаются настойчивымъ, энергическимъ трудомъ. При неразвитости потребностей они довольствуются плохими помѣщеніями, плохой пищей и плохимъ сельскимъ хозяйствомъ, скудные продукты котораго вполнѣ достаточны для ихъ скудныхъ потребностей. Но кромѣ недостатка въ земледѣльцѣ нравственныхъ качествъ, производительность его земледѣльческаго труда встрѣчаетъ задержку и въ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ края. Верхнеудинскій округъ состоитъ изъ каменистыхъ

горь, болотныхъ возвышенностей и изъ разныхъ долинъ, большею частью песчаныхъ и солонцеватыхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ расширяются до того, что принимаютъ видъ степи, какъ напримѣръ Удская долина, извѣстная подъ названіемъ Братской (бурятской) степи, по которой проложена почтовая дорога. Эта степь долгое время считалась даже неспособной для земледѣлія. Буряты, составляющіе половину населенія Забайкалья, занимаютъ мѣста большею частью мало способныя для земледѣлія, и ихъ земледѣліе находится въ самомъ печальномъ положеніи. Буритъ довольствуется еще меньшимъ, чѣмъ русскій забайкалецъ; домъ его похожъ скорѣе на кучу бревенъ, покрытую берестой чѣмъ на избу. Надворныхъ строеній никакихъ, а есть у дома небольшая загородка изъ кольевъ. Но и такого рода помѣщенія встрѣчаются только у бурятъ высшей цивилизаціи. Болѣе дикіе изъ нихъ живутъ просто въ шалашахъ, имѣющихъ видъ куба или цилиндра. Изъ какихъ матеріаловъ строятся эти цилиндры, не знаю, но издали, съ дороги, они имѣютъ земляной видъ. Нужно полагать, что при 40° сибирскомъ морозѣ въ таковыхъ цилиндрахъ не должно быть особенно тепло. Буряты не отличаются особенной чистоплотностью, хотя они и опрятнѣе остяковъ; «братское масло» и «братское молоко» пользуются въ Забайкальи большой извѣстностью по своей нечистотѣ и вони, и путешественнику не мѣшаетъ на переѣздъ чрезъ «братскую степь» запасаться съѣстнымъ, потому что бурятское молоко въ бурятской чашкѣ не только ѣда не вкусная, грязная и вонючая, но и опасная,— буряты народъ хотя смирный и честный, но между ними живутъ болѣзни, съ которыми лучше не знакомиться.

Нерчинскій округъ еще хуже Верхнеудинскаго. Земледѣліе даетъ ему не всегда то, что ему нужно даже для его собственныхъ потребностей. Тутъ двѣ причины, — особенно неблагопріятныя климатическія условія и недостатокъ рукъ, занятыхъ земледѣліемъ. Изъ тунгусовъ и бурятъ занимаются хлѣбопашествомъ весьма немногіе; изъ общаго числа казаковъ только двѣ трети имѣютъ сельско-хозяйственное значеніе, затѣмъ остается небольшое число государственныхъ поселянъ, у которыхъ земледѣліе весьма плохо, и наконецъ заводскіе служители, вольные рабочіе на пріискахъ и ссыльно-каторжные съ ихъ видоизмѣненіемъ—поселенцами и богадѣльщиками, непроизводящіе ни одного зерна хлѣба. Все это непроизводительное въ сельско-хозяйственномъ отношеніи населеніе придаетъ краю какой-то бродячій, кочевой характеръ, и не только не способствуетъ развитію земледѣльческой культуры, но даже мѣшаетъ ей.

Особенно грустный видъ имѣютъ населенія горнаго заводскаго округа. Даже обширнѣйшее населеніе—Большой Нерчинскій заводъ, представляетъ кучу самыхъ жалкихъ домишковъ, напоминающихъ скорѣе бурятскую или тунгусскую деревню. Большимъ наружнымъ великолѣпіемъ отличаются дома начальствующихъ лицъ. Крытые тесомъ и штукатуренные дома эти и сами смотрятъ очень грустно, просятъ ремонта и нисколько не убавляютъ тяжелаго впечатлѣнія, производимаго всѣмъ населеніемъ. Нерчинскій заводъ похожъ на мѣсто, изъ котораго половина жителей уже выселилась, а осталь-

ные собираются оставить свои шалаши. Нельзя сказать, чтобы хижины завода имѣли полуразрушенный видъ: они можетъ быть и очень прочны, но размѣры ихъ и способъ постройки такого рода, какіе возможны гдѣ-нибудь въ пустынной и безлѣсной степи и у народа, впервые познакомившагося съ осѣдлой жизнью.

Читатель познакомится съ характеромъ нерчинскихъ построекъ изъ слѣдующаго описанія, сдѣланнаго мною по точнымъ примѣрамъ домовъ въ натурѣ. Дома эти не въ Нерчинскомъ заводѣ, но это все равно, потому что характеръ постройки общій всѣмъ поселеніямъ на горныхъ промыслахъ и заводахъ. Промыселъ, о которомъ я буду говорить теперь, лежитъ въ небольшой долинѣ подлѣ ручейка на мѣстѣ открытомъ, ровномъ. Вдоль промысла идетъ главная улица шириной сажень въ тридцать. Въ началѣ ея домъ смотрителя, противъ дома, на разстояніе ширины улицы, стоитъ круглая каменная будка, сажени три вышиной и въ двѣ сажени въ поперечникѣ, имѣющая видъ круглаго крѣпостного бастіона. У будки на часахъ стоитъ и день и ночь казакъ, ибо въ будкѣ хранится золото. Домъ смотрителя и будка стоятъ при въѣздѣ въ поселеніе; это какъ бы починный пунктъ промысла, къ которому лѣпились постепенно всѣ остальныя постройки. На главной же улицѣ, въ началѣ ея, стоятъ по обѣ стороны: магазинъ, столярная, кузница, казармы для холостыхъ рабочихъ, казарма для казаковъ. Подъ прямымъ угломъ въ этой улицѣ, за будкой съ золотомъ, фасадомъ къ выѣзду стоятъ три большихъ флигеля—лазаретъ съ принадлежностями. Въ углу, образуемомъ лазаретными постройками и казенными помѣщеніями, по главной улицѣ, помѣщаются дома жителей промысла. И они расположились тоже въ нѣкоторомъ порядкѣ, не въ такомъ стройномъ, какъ въ городахъ, но все-таки улицами. Всѣхъ домовъ въ промыслѣ сто или нѣсколько больше. Жители образовались изъ заводскихъ служителей, каторжныхъ работающихъ, каторжныхъ, отбывшихъ свой срокъ, поселенцевъ. Вотъ образчики ихъ построекъ: 1) изба четыре аршина длины, четыре ширины, вышины, отъ земли до крыши, 3 аршина, кругомъ на поларшина заваленка. Всѣхъ вѣнцовъ выше заваленки 12, слѣдовательно бревна толщиной около 3 вершковъ каждое. Къ избѣ пристроены сѣни въ $2^1/_2$ аршина длиной и шириной, изъ лѣсу болѣе тонкаго. Полъ въ сѣняхъ земляной. Въ сѣняхъ стоятъ на небольшой скамейкѣ 3 ведра для воды, затѣмъ на полу еще два ведра, двѣ дуги, грабли, вилы для сѣна, нѣсколько мѣшковъ. Потолка въ сѣняхъ нѣтъ. Изъ сѣней дверь въ избу. Направо, въ углу, русская печь, занимающая треть всего пространства. Налѣво, у стѣны, два аршинныхъ сундука. Въ лѣвомъ углу, противъ двери, небольшой столъ, вдоль той же стѣны узенькая скамейка шириной не болѣе 6 вершковъ. Вся изба, печь, стѣны и потолокъ выбѣлены. Человѣкъ въ два аршина и восемь вершковъ можетъ стоять только согнувшись. Посуда—3 небольшихъ чугунчика, 5 горшковъ, 5 маленькихъ деревянныхъ китайскихъ чашекъ. Въ этой избѣ живетъ семь душъ: старуха съ холостымъ, взрослымъ сыномъ, женатый сынъ съ женой и ребенкомъ, замужняя дочь съ мужемъ. «Какъ же вы помѣщаетесь всѣ ночью», спросилъ я холо-

стого сына?—Мать въ томъ углу, женатый братъ въ этомъ, зять съ женой здѣсь, а я тутъ. И дѣйствительно помѣщенія оказалось для всѣхъ достаточно. Вмѣсто теса изба крыта кусками бересты, а береста держится кольями, наложенными рядами на разстояніи 6—8 вершковъ, какъ это дѣлается съ соломенными крышами. При домѣ нѣтъ никакихъ хозяйственныхъ построекъ, но къ дому примыкаетъ небольшой огородъ, обнесенный изгородью изъ кольевъ, и къ нему приплетенъ небольшой, сажени въ двѣ, четыреугольникъ, въ которомъ стоятъ двѣ лошади, незащищенныя рѣшительно ничѣмъ противъ вѣтра, дождя, солнца и холода. 2) Изба 4 аршина длины и 4 ширины, вышина 2 аршина внутри, а снаружи ниже, 13 вѣнцовъ, т. е. лѣсъ тоньше 3 вершковъ, есть даже жерди тоньше двухъ вершковъ. Къ избѣ придѣланы сѣни изъ кольевъ. Дверь въ избу 1 аршинъ вышины, такъ что въ нее нужно лѣзть какъ въ окошко. Печь въ правомъ углу занимаетъ мѣста $2^1/_2$ аршина въ длину и два аршина въ ширину. Вдоль лѣвой стѣны отъ входа стоитъ кровать безъ постели; навалены какія-то ветошки и женскія платья. Въ лѣвомъ переднемъ углу столъ $^3/_4$ аршина длины и $^1/_2$ аршина ширины. Печь, стѣны, потолокъ выбѣлены. Полъ деревянный лежитъ прямо на землѣ. Посуда: 2 глиняныя кадки, 2 чугунчика, глиняный чайникъ, 3 китайскія чашки, деревянная солонка, 2 ножа, 4 вилки, 5 деревянныхъ ложекъ. Живутъ двѣ семьи: мужъ съ женой и съ 4 маленькими дѣтками, и еще мужъ съ женой и однимъ ребенкомъ, а другимъ мать беременна. Изба крыта берестой. 3) Земляника, на скатѣ бугра, спереди вышиной два аршина, а задняя стѣна совсѣмъ въ землѣ, такъ что крыша одной стороной лежитъ на землѣ. Сѣней нѣтъ. Входъ прямо съ улицы, дверь въ аршинъ вышиной. Съ каждой стороны двери по крошечному окну въ полъаршина. У самаго основанія съ лѣвой стороны вмѣсто двери пробито въ стѣнѣ отверстіе, и отъ него прорыта къ основанію бугра канава. Полъ лежитъ на землѣ.—Для чего у васъ пробита въ стѣнѣ дыра и проведена эта канава? спросилъ я у хозяйки.—Да зимой изъ подъ пола бьетъ ключъ, такъ чтобы спустить воду.—Какъ ключъ? а отъ чего его нѣтъ теперь?—Да онъ открывается зимой, и бьетъ оттуда съ боку. И у васъ полъ зимой всегда въ водѣ?—Да, въ водѣ. Есть у васъ дѣти?—Есть. Они могутъ простудиться. Нѣтъ, они не спятъ на полу. Въ этомъ оригинальномъ домѣ живутъ двѣ семьи, мужъ съ женой и четырьми дѣтками, и мужъ съ женой, но безъ дѣтей.—Гдѣ же вы помѣщаетесь ночью? —Тѣ бездѣтные подмащиваютъ себѣ въ этомъ углу (передній у входа), а мы спимъ тутъ, и баба показала на узкія нары между печкой и стѣной, прямо противъ двери. Построекъ при домѣ нѣтъ никакихъ, а есть огородъ сажень въ десять. Земляника крыта берестой. 4) Изба $2^1/_2$ аршина длины и ширины, съ русской печкой, занимающей половину избы. Вышина избы $1^1/_2$ аршина, кругомъ завалинка. Вѣнцовъ 11, значитъ каждая жердь немного толще вершка. Крыши нѣтъ, а навалена безпорядочной кучей земля и лиственичная кора. Къ избѣ пристроены сѣни: что стоитъ въ нихъ, не знаю, потому что у дверей виситъ замокъ. Знаю, что живутъ бездѣтные мужъ съ женой, и жена лежитъ въ горячкѣ, значитъ мужъ, уйдя на работу, на пріі-

некъ, заперъ жену. Рядомъ съ избой стоитъ баня того же размѣра также съ земляной крышей, съ дверью въ аршинъ. 5) Изба въ $3^1/_2$ аршина длины и ширины, вышина $2^1/_2$ аршина, 9 вѣнцовъ, т. е. толщина бревенъ нѣсколько болѣе 3 вершковъ. Крыша изъ бересты. Подлѣ избы сѣни съ земляным поломъ, въ избѣ печь и кровать занимаютъ $^3/_4$ всего пространства. Посуда—нѣсколько чашекъ и горшковъ. Печь, стѣны и потолокъ выбѣлены. Живетъ одна семья: мужъ съ женой и съ 6 дѣтьми, и у нихъ на квартирѣ два ссыльныхъ. 6) Изба изъ пятиершковыхъ бревенъ въ 3 сажени длины. Входная дверь въ сѣни съ деревяннымъ поломъ, налѣво чуланчикъ, направо изба. Въ избѣ самоваръ, четыре фаянсовыхъ тарелки, деревянная и каменная посуда. Изба обнесена дворомъ. Хозяинъ строитъ новые. Живутъ: отставной служитель съ женою, бездѣтные; жена лежитъ въ постели три года. Скамейка вдоль стѣны, столъ, кровать отличаются массивностью: въ углу большой образъ; въ сѣняхъ висятъ нѣсколько говяжьихъ стяговъ, на дворѣ двое санней, двѣ телѣги. Вся изба выбѣлена.

Общій характеръ построекъ, какъ видно изъ этихъ описаній, слѣдующій. Избы низкія, маленькія, изъ самаго тонкаго лѣса, какой въ Россіи употребляется для постройки помѣщеній для скота. Надворныхъ строеній нѣтъ, дворовъ тоже, и есть небольшіе огороды изъ кольевъ: скотъ помѣщается въ открытыхъ загородкахъ. Избы крыты берестой. Внутри изба выбѣлена. Живетъ вмѣстѣ большею частью нѣсколько семействъ. Посуды мало. На основаніи этихъ признаковъ коммиссіи экспертовъ изъ англичанъ, какія назначались англійскимъ правительствомъ для опредѣленія экономическаго положенія фабричныхъ работъ, вывели бы такое заключеніе, что народъ, о которомъ идетъ рѣчь, живетъ въ странѣ безлѣсной, сельскимъ хозяйствомъ онъ не занимается, потому что земля не производитъ рѣшительно ничего, а живетъ какими-нибудь промыслами, но какими — коммиссія опредѣлить не можетъ, потому что въ домахъ не найдено никакихъ инструментовъ, машинъ и орудій. Климатъ въ странѣ долженъ быть весьма теплый, и морозы жителямъ неизвѣстны. Живутъ по нѣсколько семействъ, или потому, что жители отличаются гостепріимствомъ и пріютили странниковъ, или можетъ быть гостятъ родные, или наконецъ помѣщеніе дано новымъ поселенцамъ, не успѣвшимъ еще построить себѣ домовъ. Посуды же мало потому, вѣроятно, что жители питаются больше плодами и фруктами. Люди же, знакомые съ сибирскими морозами и съ почвой Перчинскаго округа, вывели бы совершенно противоположное заключеніе. Они бы сказали, что вездѣ по горамъ, окружающимъ промыселъ, лѣсу много, и если люди строятъ себѣ модели избъ вмѣсто избъ настоящихъ, если они роютъ землянки, если они живутъ по нѣскольку семействъ вмѣстѣ, если у нихъ нѣтъ ни дворовъ, ни надворныхъ строеній, ни посуды, то это можетъ произойдти только отъ крайней бѣдности. Но ни англійская коммиссія экспертовъ, ни знатоки Сибири не будутъ правы. Люди, живущіе на промыслѣ, работаютъ или на пріискѣ, или занимаются сельскимъ хозяйствомъ. Въ домѣ N 1 три взрослыхъ работника въ полномъ цвѣтѣ силы. Старшій сынъ заводскій служитель, работая на пріискѣ, получаетъ въ

мѣсяцъ жалованья шесть рублей; братъ его, тоже служитель, получаетъ жалованья 2 р. въ мѣсяцъ. Зять—каторжный, находящійся въ работѣ, состоитъ машинистомъ при паровой машинѣ и мастеръ на всѣ руки—онъ колесникъ, экипажный мастеръ, столяръ, слесарь и кузнецъ. Работа на рудникѣ начинается въ 8 часовъ утра и кончается въ часъ, слѣдовательно свободнаго времени отъ казенной работы остается еще часовъ шесть. Все это повидимому говоритъ въ пользу возможности экономическаго благосостоянія; а между тѣмъ люди живутъ далеко отъ этого благосостоянія. Правда, они пьютъ чай каждый день, но чай карымскій, т. е. кирпичный, варятъ его въ чугунахъ и пьютъ безъ сахару; за обѣдомъ одно кушанье — похлебка, въ скоромные дни съ говядиной, а въ постные пустая; въ похлебкѣ бываетъ иногда картофель; каши не ѣдятъ никогда; послѣ обѣда слѣдуетъ паужинъ, т. е. опять чай сваренный въ котлѣ, и за ужиномъ опять та же похлебка, что и за обѣдомъ. Семья эта одна изъ зажиточныхъ и держитъ даже двухъ лошадей и коровъ. Въ избѣ N 2 живутъ уже гораздо бѣднѣе; тамъ пьютъ чай, когда онъ есть, и ѣдятъ мясо, когда заведутся деньги, что бываетъ не всегда. Въ землянкѣ N 3 живутъ люди даже состоятельные; у нихъ двѣ коровы; работаютъ по вольной цѣнѣ, и живутъ въ этой землянкѣ семь лѣтъ, и семь лѣтъ каждую зиму точится у нихъ ручекъ, и люди такъ привыкли къ нему, что пожалуй будутъ скучать, когда придется имъ жить въ избѣ безъ ручейка. Хозяинъ N 6 держитъ скота головъ двадцать, и кромѣ того, что имѣетъ все свое домашнее, продаетъ еще хлѣбъ на сторону, а для пашни и уборки хлѣба нанимаетъ рабочихъ. Если посмотрѣть, въ чемъ ходятъ всѣ эти люди, то не составишь себѣ высокаго мнѣнія объ ихъ гардеробѣ и вкусѣ. Праздничной одежды у нихъ какъ будто и нѣтъ. Мужики и въ праздники и въ будни ходятъ всѣ въ тѣхъ же рубашкахъ и штанахъ неопредѣленнаго, больше земляного цвѣта, и въ нагольныхъ тулупахъ съ прорѣхами по швамъ. Отчего же хозяинъ N 6, не смотря на то, что онъ одинъ держитъ 20 головъ скота, живетъ въ просторной бревенчатой избѣ, сѣетъ хлѣбъ и продаетъ его на сторону, а у другихъ этого нѣтъ? оттого у нихъ нѣтъ многаго, что имъ довольно и того, что они имѣютъ; оттого они ходятъ въ одеждѣ земляного цвѣта и въ драныхъ полушубкахъ, что имъ не нужны цвѣтныя рубашки и дубленые романовскіе полушубки; оттого у нихъ и бьютъ зимой ключи въ избахъ, что это не считается ими неудобствомъ и никого не безпокоитъ. Здѣсь вопросъ сводится опять къ низкому уровню потребностей. Англичанинъ-филантропъ, увидѣвшій землянку съ ручейкомъ и лежащаго въ ней больнаго ребенка, пришелъ бы въ ужасъ, а житель землянки посмотрѣлъ бы на него съ удивленіемъ и разумѣется съ той же улыбкой, съ какой смотрѣла на меня баба, во время моихъ распросовъ. Люди эти до того затупѣли въ неудобствахъ жизни, что для нихъ непонятно, о чемъ ихъ спрашиваютъ, чему удивляются, и почему русскимъ кажется неудобнымъ то, что для нихъ очень удобно. Но вопросъ въ томъ, воспитались ли люди въ этомъ низкомъ уровнѣ потребностей или они жили лучше? Нужда заставила ихъ довольствоваться неудобнымъ или какія-нибудь другія обстоятельства?

Три рода людей работаютъ въ рудникахъ и на золотыхъ промыслахъ — ссыльно-каторжные, заводскіе служители и вольнонаемные. То, что я буду говорить о положеніи этихъ людей, относится ко времени прошедшему; съ 1863 года всѣмъ имъ будетъ лучше — заводскіе служители будутъ освобождены и даже ссыльно-каторжные будутъ работать по другой цѣнѣ.

Было время, когда Нерчинскій округъ давалъ золота мало. Такъ съ 1838 по 1843 годъ добыто золота всего 35 пуд. 20 фун. 56 зол. Съ 1844 года добыча золота усилилась, а съ 1850 года работы пошли еще сильнѣе. Въ этомъ усиленіи производства и заключалась главная причина упадка матеріальнаго благосостоянія обязательныхъ рабочихъ. Ими распоряжались такъ, какъ требовали выгоды производства, а выгоды производства заключались въ томъ, чтобы придти къ возможно выгоднѣйшему результату. Страдалъ ли отъ этого чей-нибудь интересъ, когда выигрывала золотопромышленность, распорядителю производствомъ не было дѣла. Ему нужно было добыть какъ можно больше золота, и онъ добывалъ. Такой способъ разработки песковъ можетъ быть нехорошъ въ техническомъ отношеніи, но я говорю не объ этомъ, а объ расходѣ силъ. И если вопросъ добычи поставить въ единственную зависимость отъ размѣра рабочей силы, то понятно, что съ двадцатью рабочими можно добыть золота вдвое, чѣмъ съ десятью. Вотъ и вся исторія золотопромышленности, съ которой удалось поднять сразу добычу золота вдвое. Теперь эта теорія оставлена уже въ Нерчинскомъ округѣ, и пески разработываются если и съ менѣе блестящимъ, зато съ болѣе прочнымъ и постояннымъ успѣхомъ.

Когда явилось стремленіе усилить добычу золота, разсчетъ съ рабочей силой былъ очень простъ. Ставили возможно большее число рабочихъ рукъ, а если недоставало рабочихъ—увеличивали число рабочихъ часовъ. Петръ имѣетъ трехъ взрослыхъ сыновей, и живетъ въ Нерчинскомъ заводѣ, а нужны рабочіе въ Шахтаму, въ Кару, въ Казаково, и семью Петра разбиваютъ — одинъ сынъ идетъ въ Шахтаму, другой въ Кару, третій въ Казаково. Открывается ли новый пріискъ — опять распредѣленіе рабочихъ, и семья изъ четырехъ рабочихъ распредѣляется на четыре разныхъ промысла. Такое распредѣленіе семьи могло быть невыгоднымъ для сельскаго хозяйства, но цѣлью золотопромышленности было не сельское хозяйство, не экономическій бытъ рабочихъ, а полученіе возможно большаго количества золота, и въ смыслѣ золотопромышленности распорядители были правы. Можно возразить, что и для золотопромышленности такой порядокъ можетъ быть тоже невыгоденъ, что обезсилѣвшіе и обнищавшіе рабочіе не въ состояніи сдѣлать того, что дѣлаетъ рабочій свободный. Но это замѣчаніе не вѣрно: рабочему дается урокъ, и онъ долженъ его отработать; если же не отработаетъ, то съ него взыщутъ. Еще и до сихъ поръ живетъ здѣсь преданіе объ одномъ распорядителѣ, который не иначе ходилъ по промыслу, какъ съ двумя казаками по бокамъ и съ палачомъ сзади. Лѣниваго рабочаго наказывали тутъ же, и не кончить урока или замѣшкать съ нимъ былъ очевидный неразсчетъ. Особенно трудное положеніе рабочихъ было въ Карѣ. Для усиленія добычи надо

было увеличить число рабочихъ; въ рабочихъ не было недостатка; отвсюду наслали ссыльно-каторжныхъ и заводскихъ служителей, и работа пошла самая горячая; но рабочихъ послать было легче, чѣмъ устроить для нихъ помѣщеніе. Въ наскоро-сколоченныхъ казармахъ помѣстились люди тѣснѣе, чѣмъ помѣщаютъ большую партію арестантовъ дорогой, на этапѣ. Открылись болѣзни — тифъ и цынга. Число больныхъ было такъ велико, что и въ лазаретѣ лежали они, какъ въ этапѣ. Всѣ свободныя мѣста были заняты. Больные лежали на койкахъ, на полу между койками, и на полу у оконъ. Пошли морозы, а работы все продолжались; въ наскоро сколоченныхъ лазаретахъ ходилъ морозъ, и у больныхъ примерзали къ плитусамъ волосы. Число умершихъ въ одинъ годъ дошло до тысячи человѣкъ. До сихъ поръ, да вѣроятно и долго, будетъ памятенъ этотъ годъ. Какой-то ссыльный описалъ этотъ годъ довольно печальными стихами. Но дѣло не въ качествѣ стихотворенія, а въ печальномъ фактѣ, вызвавшемъ его. Жестокое обращеніе съ рабочими, дурное содержаніе показались невыносимыми даже для ссыльно-каторжныхъ, видѣвшихъ и кнутъ, и остроги, испытавшихъ трехкопѣечное содержаніе въ пути по Сибири. Явилась даже мысль убить распорядителя, и это случилось бы непремѣнно: ссыльно-каторжный не болтаетъ по пустому, онъ не понимаетъ угрозы, да и не угрожаетъ, а если рѣшилъ убить, такъ и убьетъ. Заговоръ однако открылся — шпіоны есть и между каторжными и распорядитель былъ спасенъ. Не смотря на всѣ усиленныя мѣры, золота все-таки не добыли 100 пудовъ, а 70 съ чѣмъ-то.

Этотъ періодъ усиленнаго производства раззорилъ многихъ рабочихъ. Менѣе всего пострадали ссыльно-каторжные, а изъ нихъ подлежавшіе еще тюремному заключенію. Кому приходится сидѣть въ тюрьмѣ, для того не составляетъ особенной разницы, сидѣть ли въ Карѣ, или въ Шахтамѣ. У человѣка въ тюремномъ заключеніи нѣтъ хозяйства и терять ему нечего. Но какъ скоро каторжный отсидѣлъ свои года — отъ 1 до 3, смотря по сроку каторжной работы — онъ можетъ жить своимъ домомъ, своимъ хозяйствомъ. Для такого рабочаго не все равно, жить ли ему тамъ, гдѣ у него домъ, или перебираться за сто верстъ и обзаводиться всѣмъ вновь. Положеніе заводскихъ служителей было еще хуже. Каторжный является въ ссылку одинъ: если онъ женится, то женится въ ссылкѣ, хозяйство его несложно, потому что ему не на что обзаводиться — отъ 70 ти копѣекъ до 2 р. 25 к. жалованья въ мѣсяцъ и 2 пуда муки научатъ ограничивать свои потребности и оставить привычки, невозможныя при такихъ ограниченныхъ средствахъ. Но заводскій служитель туземецъ, онъ членъ семьи, у него отецъ, мать, братья, сестры. Всякій переводъ съ мѣста на мѣсто ослабляетъ силы семьи и роняетъ ее ниже и ниже въ экономическомъ отношеніи. Такой рабочій, оторванный отъ дома и переведенный на другой промыселъ, понимаетъ очень хорошо, что его могутъ перевести точно такъ же и еще въ новое мѣсто. Все зависѣло отъ того, найдется ли новый пріискъ, а пріиски открывались. Понятно, что, переведенный изъ своего коренного жительства, онъ и обзаводился на новомъ мѣстѣ такъ, чтобы въ случаѣ новаго перевода ему пришлось терять

какъ можно меньше. Не имѣя средствъ нанимать плотниковъ, которыхъ здѣсь и вообще очень мало, онъ строилъ себѣ избу самъ, и строилъ ее съ возможно меньшей потерей силъ. Вмѣсто бревенъ онъ рубилъ жерди и колья, потому что ихъ можно вытащить на себѣ, а для бревенъ нужна лошадь, которой у него нѣтъ. Вмѣсто трехсаженной избы онъ строилъ трехъаршинную клѣтушку, и дѣлалъ ее вышиною въ два аршина, потому что при такомъ размѣрѣ нужно и меньше лѣсу на постройку, и меньше дровъ зимой. Вмѣсто кадушекъ и всякой посуды онъ заводился двумя, тремя ведрами для воды, ложкой, вилкой, ножикомъ, да чугуничкомъ. Вотъ и все хозяйство заводскаго служителя и каторжнаго, не увѣреннаго въ прочности своего мѣстопребыванія. При переводѣ въ другое мѣсто потеря его будетъ не велика, и все хозяйство можно легко унести на себѣ, а домъ, если его не удастся продать, жалѣть нечего, особенно если онъ строился двумя или тремя рабочими, поселившимися вмѣстѣ. Вотъ причины, почему промысловыя поселенія имѣютъ видъ довольно печальный; почему въ избахъ живетъ по пяти, шести человѣкъ; почему у людей нѣтъ никакого хозяйства: почему бабы, у которыхъ все дѣло ограничивается приготовленіемъ какой нибудь жалкой похлебки и надзоромъ за избой въ два квадратныхъ аршина, сидятъ цѣлый день сложа руки; почему люди со средствами живутъ въ земляпкахъ и равнодушно смотрятъ на ключъ, бьющій у нихъ изъ подъ пола. Всѣ эти люди—какъ проѣзжающіе на станціи, которыхъ задержалъ недостатокъ лошадей. На станціи бѣдно и неудобно, но и бѣдность и неудобство переносятся легко; проѣзжающій не станетъ ни поправлять станціоннаго дома, ни заводить въ немъ другой мебели.

Съ будущаго года кончается для служителей обязательная служба. Манифестомъ 8 марта 1861 года имъ дана свобода и они обращены въ крестьянское сословіе.

Какъ они устроятся и будутъ жить, предвидѣть не трудно: они будутъ жить лучше, чѣмъ жили до сихъ поръ, сдѣлаются осѣдлыми людьми, заведутся хозяйствомъ и перестанутъ бѣгать.

XVII.

Бродяги.

Побѣги и бродяжничество составляютъ особенность сибирскаго населенія и спеціальность Сибири. Кто же бѣгаетъ здѣсь? Бѣгаютъ каторжные, бѣгаютъ поселенцы, бѣгаютъ рабочіе съ частныхъ золотыхъ промысловъ, бѣгаютъ судорабочіе, бѣгаютъ заводскіе служители, однимъ словомъ бѣгаетъ всякій, кто находитъ, что бѣжать лучше, чѣмъ оставаться въ работѣ. Для каторжнаго побѣгъ разсчетъ. Если онъ удачно свелъ съ лица клейма, и нѣтъ уликъ,

что онъ каторжный, его какъ бродягу сошлютъ на поселеніе. Можно иногда и ошибиться въ разсчетѣ, а иногда и нѣтъ. Въ Томскѣ я видѣлъ, какъ наказывали трехъ бродягъ. Одинъ молодой крестьянинъ сдѣлалъ показаніе, что онъ принадлежалъ такому-то помѣщику. Показаніе подтвердилось; но при осмотрѣ нашли у подсудимаго на спинѣ бѣлыя блестящія полоски, расположенныя довольно правильными параллельными рядами. Ихъ признали за слѣды наказанія шпицрутенами, а обвиняемаго за бѣжавшаго военнаго арестанта, и приговорили его къ 60 ударамъ плетей и къ ссылкѣ въ каторжную работу. Тутъ, если и былъ разсчетъ—онъ не удался. Но другіе бываютъ счастливѣе.

Во весь свой путь по Сибири я встрѣчалъ почти каждый день бродягъ; были дни, когда попадалось ихъ человѣкъ по двадцати. Разъ на одной станціи ямщику захотѣлось покурить, но огня у него не было. Увидѣвъ въ сторонѣ отъ дороги шалашъ и дымъ, ямщикъ остановилъ лошадей и побѣжалъ за огнемъ. Ямщикъ увидѣлъ сейчасъ же, что имѣетъ дѣло съ бродягами, попросилъ у нихъ огня, распросилъ, откуда они, тѣ сказали, что изъ Перчинскаго завода; ямщикъ поблагодарилъ ихъ и простился. Бродягу узнать не трудно. То, что называютъ «подозрительнымъ видомъ» въ сущности дурная, грязная, сборная одежда. Костюмъ убѣжавшаго съ заводовъ и не можетъ отличаться изяществомъ и чистотой. Штаны и рубашку мыть въ пути некогда; а если и придется вымыть, этимъ не придашь имъ щеголеватости. Вотъ почему черноземно-земляной цвѣтъ одежды есть первый признакъ бродяги; лицо у бродяги всегда темное, загорѣлое, точно будто оно закопчено пороховымъ дымомъ. Происходитъ ли это отъ того, что бродяга моется рѣдко, или отъ загару—не знаю; знаю только, что бродяга весь темный, точно рабочій изъ каменно-угольныхъ копей. Имущества у бродяги немного—узелокъ за спиной, въ рукахъ палка, и то не всегда, вотъ и все. Бродяга идетъ смѣло, потому что и бѣгаютъ только люди рѣшительные. Случалось, что бродяги, и преимущественно военнаго вида, ни мало не смущались звономъ почтоваго колокольчика; они шли смѣлымъ, твердымъ шагомъ и проходили мимо такъ близко, что пристяжная едва ихъ не задѣвала. Бродяги этого сорта должны быть люди опытные, знающіе сразу, гдѣ грозитъ имъ опасность и какъ слѣдуетъ себя держать, чтобы не навлечь подозрѣнія. Они не только идутъ смѣло, но и смотрятъ прямо въ глаза проѣзжающему. Впрочемъ и бояться бродягамъ нечего. Будь встрѣчный хоть самъ капитанъ-исправникъ, или даже губернаторъ, и они не сдѣлаютъ ничего: не выскочитъ же въ самомъ дѣлѣ изъ тарантаса и не гнаться за бродягой по полямъ и по лѣсамъ. Другіе, менѣе опытные, или болѣе трусливые, сходятъ съ дороги и садятся въ кусты, выжидая когда проѣдетъ экипажъ. Случается, что и трусы, въ компаніи съ смѣлыми, не даютъ дороги; но смѣлый проходитъ мимо, не обращая на проѣзжаго ровно никакого вниманія, или смотритъ прямо въ глаза; трусъ же или опуститъ глаза въ землю, или поклонится и, пройдя, оборачивается еще нѣсколько разъ, чтобы убѣдиться, что за нимъ нѣтъ погони.

Съ ранней весны весь сибирскій путь покрывается бродягами. Бѣглые идутъ непрерывной вереницей, одинъ за другимъ по одиночкѣ и компаніями—

два, три, семь человѣкъ. Рѣдкій день, когда не встрѣтишь бродягу. Каторжные бѣгутъ съ работъ, изъ острогокъ, съ этаповъ, изъ партій во время пути. А между тѣмъ вездѣ надзоръ, вездѣ караулы; стража подвергается строгой отвѣтственности за побѣгъ арестанта. Отчего же побѣги? Побѣги оттого, что желаніе арестанта бѣжать, —эта его единственная мечта, не дающая ему покоя ни днемъ, ни ночью, сильнѣе острожнаго надзора сторожей. У человѣка, рѣшившагося бѣжать, всѣ его нравственныя силы сосредоточены на этой одной мысли; у его же тюремщика нѣтъ равносильнаго интереса; вотъ почему арестантъ, который захочетъ бѣжать, убѣжитъ непремѣнно. Его могутъ поймать послѣ, но убѣжать не помѣшаютъ. Свобода для арестанта — высшее наслажденіе, о которомъ онъ только мечтаетъ. Уровень его матеріальныхъ потребностей упалъ низко; онъ довольствуется и грязными нарами и скудной пищей; но не въ этомъ для него тягость его положенія. Ему нужна свобода, ему нужна возможность идти куда онъ хочетъ лѣсами, полями, грѣться на солнцѣ, гдѣ онъ хочетъ и сколько хочетъ, зная, что никто не придетъ помѣшать ему, никто не станетъ бить и сѣчь его за это, никто не погонитъ на ненавистную для него работу, не представляющую для него никакого интереса. Дорога ли этимъ людямъ свобода, видно изъ того, на что они рѣшаются и что переносятъ. Бродягѣ предстоитъ сдѣлать пѣшкомъ тысячи верстъ; вначалѣ изъ каторги, если бродяга ушелъ изъ Нерчинскаго округа, ему нужно идти лѣсами стороной, чтобы не попасться въ руки казаковъ, не подвергнуться подъ бурятскую пулю; бродяга знаетъ, что тунгусъ положитъ его при первой встрѣчѣ, чтобы завладѣть его жалкой рубашкой и штанами; бродяга знаетъ, что горами вокругъ Байкала онъ можетъ умереть съ голоду; бродяга знаетъ, что на пути придутся ему десятки переправъ: все это знаетъ онъ хорошо, и все-таки бѣжитъ. Многіе изъ нихъ погибаютъ подъ пулями дикарей, тонутъ въ рѣкахъ, можетъ быть, даже умираютъ съ голоду; кто знаетъ это, кто знаетъ, сколько ихъ погибаетъ! и люди все-таки бѣгутъ и бѣгутъ. Но куда же бѣгутъ они? Они и сами не знаютъ того. Разумѣется, самое лучшее добраться до Россіи, но это удается немногимъ; обыкновенно ихъ ловятъ еще въ Сибири. Бродяга идетъ, пока его не схватятъ—это вѣчный жидъ, бредущій безъ конца; это перелетная птица, направляющаяся весной отъ востока къ западу.

Вопросъ о бѣглыхъ, какъ вопросъ статистическій, одинъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ. Иванъ Петровъ, убѣжавшій изъ острога или изъ каторги, съ момента побѣга сдѣлался или Карпомъ непомнящимъ родства, или Осипомъ Игнатьевымъ. Есть люди, которые бѣгаютъ весь свой вѣкъ и перемѣняютъ десятки именъ. Каждый изъ нихъ знаетъ, что̀ ждетъ его за побѣгъ, и получивъ свое «жалованье» (плети), бѣжитъ снова. Многихъ воротятъ снова на работу, но подъ другимъ именемъ, другіе уйдутъ на поселеніе, третіе погибнутъ. Сколько воротятъ, сколько погибнутъ —сказать нельзя. Въ Нерчинскомъ округѣ въ 1861 году убѣжало ссыльныхъ 328 человѣкъ, служителей 51, изъ нихъ поймано ссыльныхъ 126 человѣкъ, служителей 14, т. е. первыхъ 38%, вторыхъ 24%, куда дѣлись остальные? Гдѣ

эти 4299 человѣкъ, которые по спискамъ завода считаются въ бѣгахъ за послѣдніе десять лѣтъ? Сколько изъ нихъ попало на поселеніе; сколько застрѣлено тунгусами или бурятами; сколько умерло съ голоду, отъ трудностей пути, отъ болѣзней; сколько утонуло? На эти вопросы нѣтъ отвѣтовъ. Можно сказать только одно, что люди бѣгутъ потому, что имъ дурно; тотъ не бѣжитъ, кому хорошо. Разумѣется, каждый изъ каторжныхъ долженъ имѣть впереди сдѣлаться поселенцемъ, жениться, имѣть дѣтей, жить своимъ хозяйствомъ. Но нѣтъ ли во всемъ этомъ болѣе теоріи, чѣмъ практики? Каторжный, присланный на 20 лѣтній срокъ и пришедшій на мѣсто 30 лѣтъ, къ какому способенъ хозяйству, отработавъ свое время въ рудникѣ или на пріискѣ? Не сдѣлаться ужъ ему на старости земледѣльцемъ, когда онъ не держалъ сохи болѣе двадцати лѣтъ. Молодые, явившіеся на короткій срокъ, могутъ еще заняться хозяйствомъ: они и занимаются, но только не земледѣліемъ. А сколько приходитъ пожилыхъ, которые, отслуживъ свое время, выходятъ въ «богадѣльщики» и живутъ подаяніемъ? И вотъ перспектива для большинства ссыльныхъ. Ужъ если каторжному невозможно быть нищимъ, такъ лучше ему сдѣлаться нищимъ на свободѣ. И каторжный бѣжитъ. Въ настоящее время всѣхъ каторжныхъ въ нерчинскихъ заводахъ 3,992, изъ нихъ не въ работахъ 1,127 человѣкъ, а всѣхъ бѣжавшихъ, какъ я уже сказалъ, считается 4,299 человѣкъ, или 109% ; это значитъ, что все населеніе ссыльно-каторжныхъ убѣгаетъ въ десять лѣтъ, и въ девять лѣтъ пополняется новыми ссыльными. Фактъ весьма интересный въ томъ отношеніи, что разъясняетъ значеніе каторжной работы. Если каторга имѣетъ единственной цѣлью наказаніе человѣка, она достигаетъ своей цѣли. Человѣкъ наказанъ плетьми или кнутомъ, сидѣлъ долго въ острогѣ, два года шелъ въ кандалахъ къ мѣсту ссылки, на мѣстѣ заключался въ тюрьмѣ отъ 1 до 3 лѣтъ и тоже въ кандалахъ, наконецъ находился въ работѣ отъ 6 до 20 лѣтъ и «вышелъ въ отставку» въ такомъ возрастѣ, когда ему уже поздно приняться за какое-нибудь занятіе, требующее свѣжихъ силъ. Строже этого наказать человѣка нельзя — всю жизнь онъ провелъ въ лишеніяхъ и на старости лѣтъ не имѣетъ впереди ничего кромѣ нищенства. Сущность этого наказанія въ томъ, чтобы поставить человѣка какъ можно ниже въ экономическомъ отношеніи и наказывать его рядомъ постоянныхъ лишеній и трудностей. Если наказаніе имѣетъ эту цѣль, оно достигаетъ ее вполнѣ. Но если наказаніе должно имѣть въ виду нравственное исправленіе человѣка, оно не достигаетъ цѣли. Уронивъ уровень матеріальныхъ потребностей, оно вмѣстѣ съ тѣмъ роняетъ и нравственность человѣка. Человѣкъ не сдѣлается лучше потому, что онъ станетъ питаться чернымъ хлѣбомъ и жить въ дурномъ помѣщеніи, работать по принужденію и будетъ лишенъ средствъ жить собственными силами и своимъ хозяйствомъ. У человѣка въ такомъ положеніи является одна мысль — бѣжать, и онъ бѣжитъ. Онъ бѣжитъ, потому что ему худо, а наказанія онъ не боится; онъ испыталъ все и знаетъ, что все можно перенести, и затѣмъ бѣжитъ снова. И всю жизнь шатается человѣкъ, пока его не пришибутъ гдѣ-нибудь, или пока онъ не умретъ гдѣ-нибудь въ острогѣ или на этапѣ. Другой не бѣ-

гаетъ, но и не становится добродѣтельнѣе. Если онъ былъ воромъ, онъ и остался имъ, и воруетъ при удобномъ случаѣ, какъ богадѣльщики, отъ которыхъ, если они явятся гдѣ-нибудь въ селеніи, нужно прятать все. И человѣкъ этотъ воруетъ именно потому, что у него нѣтъ ничего, что ему жить нечѣмъ. Воровство въ такомъ обычаѣ между арестантами, что они воруютъ постоянно другъ у друга все, что можно украсть и въ острогѣ, и въ пути, и на мѣстѣ водворенія; воруютъ вещи, деньги, куръ, свиней, барановъ. Если сосланный былъ убійца, не по минутному страстному увлеченію, а по дурному устройству организма, онъ снова убьетъ при первомъ удобномъ случаѣ;—убьетъ въ острогѣ или своего товарища, или сторожа, или въ бѣгахъ перваго встрѣчнаго, если убійство это выгодно. Кѣмъ дѣлаются эти убійства по большимъ дорогамъ, какъ не тѣми же убійцами, видѣвшими уже каторжную работу; значитъ, не исправила она ихъ. Между убійцами есть страшные люди, какъ тотъ, что поймали нынче подъ Красноярскомъ, и повинившійся въ 42 душахъ; или тотъ юноша, лѣтъ 20, не болѣе, котораго я встрѣтилъ дорогой въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, успѣвшій уже убить семь человѣкъ; или тотъ татаринъ, что, выпущенный послѣ долгаго заключенія въ острогѣ на цѣпи, пошелъ и зарѣзалъ дѣвочку, потому что давно не видѣлъ крови; или тотъ сторожъ изъ каторжныхъ при полиціи въ перчинскомъ заводѣ, который съ своей женой рѣзалъ дѣтей и взрослыхъ, ограбилъ ихъ, а чтобы не пропадало даромъ мясо, приготовлялъ изъ него пирожки и пельмени и продавалъ ихъ. Этому старику было уже болѣе шестидесяти лѣтъ; онъ съ своей женой старухой живетъ теперь въ Акатѣѣ, въ богадѣльнѣ. Кчему этимъ людямъ каторга? Тѣмъ, что она лишаетъ людей матеріальныхъ удобствъ и средствъ существованія, она вызываетъ ихъ только на новыя преступленія; она ихъ не исправляетъ, а портитъ. Для такихъ людей если вся система наказанія не направлена къ улучшенію нравственности преступниковъ, послѣдовательнѣе смертная казнь. А если наказаніе должно поставить человѣка внѣ возможности вредить и должно исправлять преступника, то прежде всего его не слѣдуетъ ронять такъ глубоко въ экономическомъ отношеніи, не дѣлать изъ него животнаго.

Заводскіе служители съ Новаго года бѣгать перестанутъ. Прежде они бѣгали, потому что положеніе ихъ было не лучше положенія каторжныхъ. Забота одна и та же — тотъ-же рудникъ и тотъ же пріискъ; но каторжный работаетъ 10 лѣтъ, рѣдкіе 20; а срокъ службы заводскому служителю былъ 35-ти-лѣтній.

XVIII.

Сибирь какъ золотое дно.

Въ началѣ завоеванія Сибири неслыханное богатство мѣховъ обратило на себя особенное вниманіе нашего правительства. Мѣха должны были поступать исключительно въ царскую казну и продажа соболей и чернобурыхъ лисицъ доставляла доходъ весьма значительный. Значеніе Сибири, какъ страны драгоцѣнныхъ мѣховъ, продолжалось до тѣхъ поръ, пока не было открыто золото. Съ этого времени Сибирь стала играть роль болѣе значительную по своему отношенію къ доходамъ государства. Но добычи драгоцѣнныхъ металловъ вовсе не такъ значительны въ Сибири, какъ думаютъ обыкновенно. Тенгоборскій вычисляетъ, что въ общей добычѣ золота на всемъ земномъ шарѣ на долю Сибири приходится, всего 5%. Съ 1848—56 г., по показанію Кольба, было вычеканено золотой монеты: въ Соединенныхъ Штатахъ 1,713 мил. фр., въ Великобританіи 1,259 мил. фр., во Франціи 2,243 мил. фр. и въ Россіи (до 1854 г.) 142 мил. фр. Изъ этихъ цифръ видно, что на роль Сибири въ золотопромышленномъ отношеніи у насъ распространенъ вообще нѣсколько преувеличенный взглядъ. Этому способствовали особенно частные золотопромышленники, которые въ былые годы дѣйствительно удивляли легковѣрныхъ людей безпутной тратой денегъ. Теперь этого уже нѣтъ. Нынѣшніе золотопромышленники и бѣднѣе, и скромнѣе прежнихъ; но золотопромышленность осталась по прежнему самымъ заманчивымъ промысломъ для частнаго человѣка, потому что можетъ дать до 300%. Выгода значительная, но многимъ ли она приходится? И что выигрываетъ отъ золотопромышленности народъ? Всѣхъ золотопромышленниковъ въ Сибири не болѣе 20 человѣкъ, или 0,000005% всего населенія. Работами на пріискахъ занимаются не болѣе 70,000 человѣкъ, т. е. 0,017%; а между тѣмъ судовый промыселъ на одной Волгѣ кормитъ до 400,000 человѣкъ. Я вовсе не отвергаю важности золотопромышленности и значенія ея для нашего государственнаго бюджета, но только замѣчаю, что на благоденствіе края и на экономическій бытъ народа и особенно земледѣльческаго сословія она не имѣетъ и не можетъ имѣть большаго вліянія. Не больше вліянія обнаруживаютъ на бытъ народа и остальныя минеральныя богатства Сибири. Въ Сибири есть яшмы, лазуревый камень, аметисты, опалы, порфиры, аквамарины, но они не кормятъ сибирскаго населенія. Гораздо важнѣе этихъ драгоцѣнностей точильные и мельничные камни, и каменный уголь. Но первые не могутъ составлять предметъ большой промышленности, а каменный уголь спокойно лежитъ въ нѣдрахъ Сибири, потому что онъ никому не нуженъ. Для Сибири не наступила еще пора ни разработки драгоцѣнныхъ металловъ и минераловъ, ни фабричной и заводской промышленности. Сибирь вступаетъ только въ періодъ земледѣльческій; она не научилась еще пахать хорошо землю, и разумѣется, у ней не можетъ быть ни силъ, ни средствъ для промышленности и торговли. Прошедшее этого дикаго края лежитъ на совѣсти исторіи, а будущее его зависитъ отъ лучшихъ условій всей нашей жизни.

ГРАЖДАНСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ ИРКУТСКАГО КРАЯ.

I.

Статистическіе источники.

Столичные журналы и газеты имѣли на «Губернскія Вѣдомости» скорѣе вредное, чѣмъ полезное вліяніе. Какая бѣда, что у «Губернскихъ Вѣдомостей» и шрифтъ слѣпой, и бумага сѣрая, или что помѣщались въ нихъ исключительно объявленія, извѣщенія, публикаціи, вызовы, благодарности начальника и тому подобное?

Въ томъ видѣ, какъ издавались «Губернскія Вѣдомости прежде, онѣ имѣли одно важное достоинство—свою физіономію. А за физіономію укорять никого нельзя, потому что физіономія зависитъ не отъ человѣка. Если у человѣка косые глаза, или скверная улыбка, это значитъ только, что въ его нервахъ есть особенности, непозволяющія глазамъ смотрѣть прямо, а лицу имѣть пріятное выраженіе. Если у человѣка рыжіе волосы, значитъ уже у него такіе соки, что производятъ непремѣнно рыжіе волосы. Наемѣшки надъ рыжимъ могутъ заставить его краситься, но отъ этого у него еще не станутъ расти волосы чернаго цвѣта.

Между тѣмъ, насмѣшки взяли свое и пробудили въ губернской прессѣ чувство щегольства. Въ этомъ-то и заключается зло, потому что хотя наружность и можно измѣнить нѣсколько инымъ покроемъ платья, но у кого, вмѣсто нервовъ, была желѣзная проволока—такъ проволокой и останется.

Теперь «Губернскія Вѣдомости» стали кидаться въ литературность; отъ этого въ нихъ относительно убавилось дѣла и прибавилось лишнихъ словъ.

Было бы полезнѣе, если бы «Губернскія Вѣдомости» служили исключительно самой подробной мѣстной хроникой. Пусть публикуютъ онѣ все, что случается въ губерніи—грабежи, убійства, кражи, банкротства; пусть даютъ статистическія свѣдѣнія объ экономическомъ бытѣ сельскихъ и городскихъ сословій, о людяхъ бѣдныхъ и богатыхъ, о томъ какъ живутъ чиновники, о томъ какъ наживаются купцы, о томъ какъ существуютъ крестьяне и мѣ-

щане. Каждая мѣстность въ Россіи такъ богата всевозможными данными, относящимися до быта нашихъ разнообразныхъ сословій, и между тѣмъ подобныя вещи такъ мало извѣстны, что наша журналистика по необходимости разсуждаетъ въ общихъ фразахъ о томъ, на что есть на мѣстахъ богатые и весьма характерные факты. Разумѣется, собирать подобныя свѣденія нелегко, но что же дѣлать: ихъ собирать все-таки нужно, потому что ими опредѣляются чрезвычайно важныя данныя.

У насъ можетъ быть все очень хорошо, мы можемъ быть умны и понимать отлично свои нужды, мы можемъ умѣть разрѣшать всѣ свои недоразумѣнія и вопросы, но при всей пріятности подобнаго убѣжденія оно требуетъ доказательствъ, подтвержденія. Безъ доказательствъ нельзя говорить ни о чемъ, а «Губернскія Вѣдомости», отражая своей хроникой всю внутреннюю жизнь провинцій, служили бы именно складомъ тѣхъ фактовъ, въ которыхъ мы такъ нуждаемся для разъясненія нашихъ вопросовъ, и въ тѣхъ доказательствахъ, отсутствіе которыхъ придаетъ характеръ голословности всему тому, что пишетъ большая часть нашихъ газетъ.

Отчего Губернскія Вѣдомости» плохи—оттого-ли, что редактируютъ ихъ столоначальники, оттого-ли, что нѣтъ средствъ, оттого-ли, что не все считаютъ возможнымъ и необходимымъ доводить до общаго свѣдѣнія, — во всякомъ случаѣ сущность факта остается та же, то есть, что «Губернскія Вѣдомости» плохи и что въ губерніяхъ нѣтъ лѣтописи, куда бы заносились всѣ провинціальныя событія и происшествія.

А подобныя лѣтописи имѣли бы большую практическую пользу и для правящихъ и для управляемыхъ. Вотъ примѣръ. Съ закрытіемъ откупа народъ, говорятъ, сталъ больше пить. Но такъ ли это? Точно ли выпито имъ большее количество вина, или это большее пьянство только кажущееся, т. е. что крестьянинъ, не зная крѣпости новой водки, не установился на мѣрѣ? Не бочка же въ самомъ дѣлѣ крестьянскій желудокъ; да и для той есть мѣра. Разслѣдованіе такого вопроса было бы особенно важно для убѣжденія тѣхъ робкихъ людей, которые изъ боязни, что Россія сопьется, готовы обратиться къ откупу и которымъ бы хотѣлось, чтобы русскій человѣкъ совсѣмъ не пилъ вина. Разумѣется, пьянство вещь нехорошая и можетъ быть нигдѣ въ мірѣ народъ не напивается до такого безобразія, какъ у насъ: но что же изъ этого? Оттого мужикъ и пьетъ, что ему нельзя иначе; измѣнятся условія его экономической и общественной жизни, онъ и пить станетъ меньше. Но не въ томъ еще бѣда, что онъ пьетъ, а въ томъ, что опивается. Отчего происходитъ это явленіе? Оттого ли, что мужикъ пьетъ много, или оттого, что онъ пьетъ отраву? Говорятъ же крестьяне, что водка очищенная въ заведеніи, положимъ, А., хороша и вкусна, а изъ заведенія Б. сжимаетъ зубы. Отчего бы это? — Одинъ, говорятъ, гонитъ черезъ уголь, другой — чрезъ известку. Такъ ли это или нѣтъ, вопросъ другой, но если явился подобный толкъ въ народѣ, отчего бы ему не явиться и въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ»? Открыли же кукельванъ въ петербургскомъ пивѣ, отчего не быть одурѣвающей примѣси и въ иркутской водкѣ? Наконецъ, отчего нигдѣ въ

мірѣ нѣтъ запоя? Кто разслѣдовалъ, насколько вредна водка, неочищенная отъ сивушнаго масла, которое извѣстно какъ ядъ? Кто знаетъ, насколько вредна водка оттого, что она бывала слишкомъ разведена водой?

Но Губернскія Вѣдомости могли бы оказать большую услугу и губернскимъ статистическимъ комитетамъ и всѣмъ людямъ, интересующимся русскими статистическими вопросами. Члены комитетовъ могутъ знать отлично свое дѣло и заниматься имъ съ усердіемъ; но не всѣ же они Кольбы. А помѣщая всѣ свои свѣдѣнія, по мѣрѣ ихъ поступленія, въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, они подвергали бы ихъ общему обсужденію, давали бы возможность заниматься статистическими выводами другимъ лицамъ; наконецъ, могли бы вызвать замѣчанія и указанія, можетъ быть, не всегда безполезныя.

Теперь же, когда факты губернской жизни передаются, какъ преданія, устнымъ путемъ, они страдаютъ прежде всего въ своей достовѣрности, а потомъ порождаютъ ошибочныя понятія и взгляды на мѣстные вопросы, безполезные и бездоказательные споры людей; желающихъ же изучать мѣстные вопросы лишаютъ этой возможности. Въ проѣздъ по большой дорогѣ соберешь свѣдѣній немного и узнаешь мало; ходьба по улицамъ незнакомаго города знакомитъ тоже недостаточно съ бытомъ населенія. Тогда какъ познакомившись хоть съ нѣкоторыми общими статистическими фактами, не трудно идти дальше, разъяснять неясное и дополнять неполное. Говоря коротко, хорошо бы, чтобы работы статистическихъ комитетовъ производились гласно, чтобы они обнародывали свои матеріалы, немедленно по ихъ полученіи, и чтобы этимъ открывалась возможность заниматься статистикой и не однимъ членамъ комитетовъ.

Нынче частный человѣкъ въ Сибири не узнаетъ ничего. Полиція за всѣми частными людьми слѣдитъ весьма зорко и старается, съ свойственной ей проницательностью, замѣчать людей вредныхъ. Что значитъ человѣкъ вредный и кто полезенъ, на это не существуетъ точныхъ указаній. Такая зависимость пониманья полезности отъ субъективнаго взгляда имѣетъ довольно значительныя неудобства, особенно для статистиковъ. Человѣкъ, неимѣющій полномочія собирать свѣдѣнія, разумѣется, не достанетъ ничего изъ официальныхъ источниковъ, и собирая сами матеріалы разными другими путями, преимущественно между крестьянами, мѣщанами и по деревнямъ, рискуетъ прослыть неблагоразумнымъ, неосторожнымъ, или еще и хуже.

Такимъ образомъ, при невозможности пользоваться свѣденіями официальными, нужно умѣть найти ихъ другими средствами. Изъ официальныхъ же источниковъ открытъ только одинъ — «Губернскія Вѣдомости». Неудовлетворительность его заключается въ томъ, что вѣдомости, издаваясь вовсе не съ статистической цѣлью, заключаютъ въ себѣ свѣденія слишкомъ неполныя, слишкомъ отрывочныя. Практическое неудобство этой неполноты въ томъ, что она даетъ просторъ всякому произвольному толкованію, что она не даетъ возможности дѣлать выводы и точныя заключенія, а позволяетъ только догадываться; догадки же могутъ быть весьма разнообразныхъ свойствъ.

То немногое, что удалось мнѣ извлечь изъ бывшихъ у меня «Иркутскихъ

Вѣдомостей» за 1862 годъ, относится до особеннаго взгляда сибиряковъ на Сибирь и до уголовной статистики. Остальныя свѣдѣнія, касающіяся экономическаго быта края, собраны мной отъ частныхъ лицъ.

II.

Сибирь—та-ли Русь?

Сибиряки считаютъ свою родину чуть ли не особой частью свѣта. Какъ южно-руссъ или полякъ, не отвергая кровнаго родства съ великоруссомъ, смотритъ на себя какъ на человѣка иной національности, такъ точно и сибирякъ. Для сибиряка нѣтъ страны лучше Сибири и въ какомъ бы концѣ Россіи сибирякъ ни находился, онъ думаетъ о Сибири, какъ объ обѣтованной землѣ, гдѣ бы ему хотѣлось провести остатокъ дней и сложить свои кости.

Подобная же черта замѣчается и у нѣмцевъ. Заграничный нѣмецъ имѣетъ весьма сложное патріотическое чувство. Напримѣръ у саксонца, кромѣ общаго германскаго патріотизма, есть еще патріотизмъ собственно саксонскій, по которому онъ не любитъ пруссака; а за тѣмъ, идетъ подраздѣленіе саксонскаго патріотизма на патріотизмъ саксенъ-веймарскій, саксенъ-алтенбургскій, саксенъ-мейнингенскій, саксенъ-кобургъ-готскій.

Въ сибирякахъ такой сложности чувствъ незамѣтно, но каждый любитъ мѣсто своей родины и многіе сибиряки даже зовутъ Сибирь матерью.

Эта привязанность не имѣетъ характера такъ называемаго національнаго чувства; она больше любовь къ своему гнѣзду, привычка къ извѣстному порядку жизни. Въ Забайкальи очень обыкновенная вещь встрѣтить людей, считаемыхъ здѣсь цивилизованными, которые будутъ увѣрять съ великимъ жаромъ, что въ Ундинской слободѣ, или въ Шелопугинѣ лучше, чѣмъ въ Петербургѣ. На дняхъ былъ въ Иркутскѣ горный урядникъ изъ нерчинскаго округа. Спрашиваютъ урядника, какъ ему нравится Иркутскъ, ожидая вѣроятно услышать похвалу сибирской столицѣ. Но урядникъ сказалъ другое: — хуже города я и не видѣлъ, отвѣчалъ онъ: — здѣсь никто не дастъ тебѣ даромъ чашки чаю и каждый норовитъ поживиться. Въ два дня я истратилъ четыре цѣлковыхъ на извощиковъ. — Урядникъ былъ, разумѣется, правъ въ томъ отношеніи, что условія иркутской жизни непохожи на тѣ несложныя общественныя отношенія, съ какими свыкаются люди на золотыхъ промыслахъ и въ казачьихъ селеньяхъ Забайкалья. Но въ чемъ же виноватъ Иркутскъ и почему онъ хуже всѣхъ городовъ? Подобный же отзывъ сдѣлаетъ коренной иркутскій житель о Петербургѣ и Москвѣ, въ которой даровой чай еще рѣже, чѣмъ въ Иркутскѣ, и извощики значительно дороже.

Если въ Петербургѣ встрѣтятся дворянинъ и крестьянинъ орловской губерніи, они не выразятъ приэтомъ не только особенно шумной радости, но

пожалуй и совсѣмъ не обрадуются, потому что въ сущности и радоваться нечему. Сибиряки не такъ; два человѣка, даже очень различныхъ общественныхъ положеній, почувствуютъ внезапно влеченіе другъ къ другу, узнавъ, что они сибиряки, совершенно какъ два заграничныхъ нѣмца, у которыхъ оказался вдругъ одинъ общій Vaterland.

Надкой любви къ своей родинѣ не замѣчается ни въ псковичахъ, ни въ новгородцахъ, ни въ рязанцахъ; но ее легко замѣтить въ финляндцахъ, нѣмцахъ, полякахъ, южно-руссахъ и въ сибирякахъ.

Чувство внезапной радости, являющееся въ человѣкѣ при видѣ своего земляка, показываетъ только, что воспоминаніе о родинѣ доставляетъ ему гораздо большее удовольствіе, чѣмъ окружающая его чуждая ему жизнь, будь то Петербургъ, Москва, Парижъ, или Лондонъ.

Но эта привязанность къ Сибири составляетъ не общую черту всего сибирскаго населенія. Здѣсь пришлый элементъ составляетъ порядочную цифру, до 300,000. Это—чиновничество и новые ссыльные. Ссыльные, оторванные силой отъ родины, бранятъ Сибирь и все сибирское: положеніе ихъ во всѣхъ отношеніяхъ далеко ниже ихъ прежняго быта въ Россіи; самая завѣтная мечта каждаго изъ нихъ увидѣть когда нибудь родину, къ которой онъ тяготѣетъ всю свою жизнь. Ссыльнаго не плѣняетъ ни вѣчно ясное небо Сибири, ни ея ширь, ни 40 градусные морозы, ни 40 градусные жары. Онъ видитъ и чувствуетъ экономическую и промышленную отсталость Сибири, ея низшій уровень цивилизаціи и туго прививается къ новой почвѣ, которая не можетъ замѣнить ему его родины. Вся причина этого недовольства въ принудительномъ переселеніи. Пусть тотъ же человѣкъ придетъ сюда добровольно и, разумѣется, взглядъ его на Сибирь измѣнится. Но въ этомъ чувствѣ недовольства нѣтъ враждебности. Новоселу только не нравится, что здѣшніе люди одѣваются и ѣдятъ нѣсколько не такъ, какъ въ Россіи; онъ смѣется надъ толстой крупой, надъ калмыцкимъ чаемъ съ солью и масломъ, но въ тоже время не отказывается ни отъ чая, ни отъ крупы и скоро привыкаетъ къ нимъ. Явясь, по его мнѣнію, изъ страны съ высшей цивилизаціей, онъ не обнаруживаетъ той энергіи, съ какой англичанинъ или нѣмецъ вноситъ всюдѣ свои обычаи и, не дѣлая уступки чужеземному элементу, остается вѣренъ привычкамъ своей родины. Русскій новоселъ больше смѣется и ворчитъ; но въ тоже время подчиняется тому, надъ чѣмъ онъ смѣется. Впрочемъ ему поступать иначе и нельзя. Ему можетъ нравиться байховый чай больше кирпичнаго, и чай въ прикуску больше чая, вареная въ горшкѣ съ солью и саломъ; но у поселенца нѣтъ средствъ купить то, что ему привычнѣе, потому что онъ бѣденъ, какъ Иръ. Поселенецъ можетъ очень любить гречневую кашу и жить въ такой мѣстности, гдѣ гречневой крупы нѣтъ; тогда онъ примется за кашу изъ толстой крупы, или совсѣмъ не станетъ ѣсть каши. Люди болѣе энергическіе принимаются за посѣвы гречи, льна и напоминаютъ въ этомъ случаѣ нѣмцевъ, колонистовъ, которые изъ заволжской степи съумѣли сдѣлать богато культированную мѣстность. Но энергія поселенца не отличается нѣмецкой настойчивостью; онъ легче падаетъ до болѣе низкаго уровня жизни, чѣмъ

возвышаетъ низкій уровень страны до своихъ потребностей и привычекъ. Отъ этого развитіе культуры земледѣльческой идетъ здѣсь медленно и малоразвитой и не энергическій пришлецъ живетъ изо дня въ день, какъ живется, не отличась ни особой предусмотрительностью, ни стремленіемъ къ улучшенію своего быта. Онъ только поддерживаетъ уровень жизни, въ которую его поставили обстоятельства, и не обнаруживаетъ особенной силы настойчивости измѣнить ее замѣтно къ лучшему.

Такая природная мягкость человѣка, такъ рѣзко отличающая нашего крестьянина отъ нѣмца и англичанина, указываетъ, что и самые способы обращенія съ нимъ должны отличаться особенной мягкостью. Нѣмецъ и англичанинъ легче устранятъ препятствія, представляемыя ему природой и человѣкомъ. Сѣверо-американскіе Штаты менѣе чѣмъ въ сто лѣтъ устроились такъ, что въ 1863 году у нихъ издавалось до 4000 газетъ и другихъ повременныхъ изданій, тогда какъ въ Сибири послѣ 300 лѣтняго ея существованія выходитъ только 4 періодическихъ изданія, да и тѣ — «Губернскія Вѣдомости». Въ Америкѣ 1000 миль каналовъ, въ Сибири ихъ нѣтъ; въ Америкѣ болѣе 1500 пароходовъ, въ Сибири ихъ только около 30; въ Америкѣ болѣе 25,000 англійскихъ миль желѣзныхъ дорогъ, въ Сибири ихъ нѣтъ совсѣмъ.

Такая разница могла произойти оттого, что производительныя силы обѣихъ странъ были разнаго качества и проявлялись при разныхъ условіяхъ. Американецъ производилъ больше, сибирякъ меньше; американецъ показалъ больше силы, сибирякъ меньше. Эта неодинаковость результатовъ могла произойти еще и отъ различія въ помѣхахъ, какія встрѣчалъ въ своемъ развитіи американецъ и сибирякъ.

Принимая за фактъ, что сибирякъ гораздо пассивнѣе американца, что мозгъ его менѣе привыкъ къ мысли и къ оцѣнкѣ обстоятельствъ, съ которыми ему приходится бороться, а отъ этого и самый трудъ сибиряка гораздо менѣе успѣшенъ, чѣмъ трудъ американца, окажется, что для экономическаго развитія одинаковой успѣшности сибирякъ долженъ пользоваться большей свободой, чѣмъ американецъ. Если личныя силы американца = 1, а условія успѣшности ихъ развитія равны тоже 4, то для сибирака, силы котораго равны только 2, нужны условія вдвое болѣе успѣшныя, чѣмъ для американца, чтобы произвести тотъ же результатъ, т. е. 16.

Сибирякъ, поселенецъ и крестьянинъ, не дѣлаетъ подобныхъ параллелей между своими производительными силами и силами американцевъ, англичанъ, нѣмцевъ, что впрочемъ не мѣняетъ факту безсилія сибирскаго производства остаться тѣмъ, чѣмъ онъ есть, и крестьянину чувствовать помѣхи. Но какъ чувствительность еще не разрѣшаетъ вопроса, то вещи, которыхъ не понимаетъ крестьянинъ, понимаетъ за него сибирская умственная аристократія. Этотъ цвѣтъ сибирской мысли и составляютъ именно тѣ сибиряки, которые видятъ въ Сибири особую часть свѣта, которые и печатно, и на словахъ заявляютъ вездѣ свой мѣстный патріотизмъ и представляютъ собой именно ту прогрессивную силу, ради которой свершается на мѣстѣ хоть какое-нибудь движеніе впередъ.

Эта умственная аристократія, взявшая на себя адвокатуру земледѣльческаго и промышленнаго населенія страны, составляетъ самый незначительный процентъ всего числа жителей Сибири. Если въ каждомъ городѣ насчитается ихъ 10 человѣкъ—и того много, то на всю Сибирь придется только 340 человѣкъ, т. е. 0,007 процента.

Не смотря на такую незначительную численность, сила сибиряковъ-патріотовъ все-таки велика. Она органическая аристократія сибирскаго населенія, вышедшая изъ народа и неотдѣленная отъ него исключительными правами. Сибирскій мѣщанинъ, учившійся въ гимназіи, остался тѣмъ же мѣщаниномъ; сфера дѣятельности его отличается только размѣромъ, а не качествомъ отъ круга дѣятельности мѣщанина, неучившагося въ гимназіи. Одинъ работаетъ въ купеческой конторѣ, другой дѣлаетъ столы, но у нихъ одно общее дѣло—коммерція, промышленность; что мѣшаетъ одному, мѣшаетъ другому: стѣсненія въ промышленности и торговлѣ могутъ чувствоваться ими только въ разной степени, но чувствуются обоими; оба они производительныя орудія одной страны и одного народа. И у купца такая же связь съ мѣщаниномъ и крестьяниномъ; они плоды одного дерева, съ той только разницей, что на одинъ свѣтило солнце больше и оттого плодъ вышелъ сочнѣе и краснѣе, другой росъ въ тѣни у болота и вышелъ суше, бѣднѣе, а можетъ и потерпѣлъ отъ червя. Купецъ потому купецъ, что у него денегъ больше; крестьянинъ потому крестьянинъ, что у него денегъ меньше. Но у крестьянина могутъ явиться деньги и онъ сдѣлается купцомъ, у купца могутъ исчезнуть деньги и онъ сдѣлается крестьяниномъ. Сила подобнаго адвоката въ томъ, что онъ служитъ представителемъ тѣхъ тысячъ мѣстныхъ производителей, которыми онъ живетъ самъ и которые живутъ имъ. Тутъ въ одной головѣ концентрируются мысли, живущія разбросъ, безъ связи въ тысячѣ головахъ.

Эти болѣе или менѣе гласные адвокаты не представили еще до сихъ поръ никакихъ фактовъ своего точнаго знанія всѣхъ условій и производительныхъ силъ Сибири, какъ не могли американцы 1870 года знать, чѣмъ будетъ Америка въ 1860 году; но общее основаніе, служащее имъ точкой отправленія, совершенно безошибочно; отсюда-то и является ихъ исключительный взглядъ на Сибирь, дѣлающій ихъ иностранцами на нижегородскомъ ярмаркѣ, въ Москвѣ и Петербургѣ.

Сибиряки чувствуютъ, а многіе изъ нихъ и знаютъ, что Сибирь можетъ и должна жить своей экономической жизнью, что невыгодно такой обширной странѣ, превышающей почти втрое европейскую Россію, получать отъ нея сахаръ, съѣчи, тарелки, ножи, ложки, кострюли, подсвѣчники, самовары, стеклянную посуду, фарфоръ и фаянсъ, ситцы, сукна, полотна, ковры, даже пряники и зажигательныя спички. Ничего этого Сибирь не дѣлаетъ, потому что не изъ чего и некому въ ней дѣлать.

Не существуетъ никакихъ доказательствъ для положительнаго утвержденія, въ какомъ именно направленіи разовьются производительныя силы страны. Можетъ быть, Сибирь никогда не будетъ дѣлать сахара, ситцевъ, миндальныхъ пряниковъ и зажигательныхъ спичекъ: но вѣрно и вполнѣ можетъ быть

доказано то обстоятельство, что успѣшному развитію внутреннихъ производительныхъ силъ народа мѣшала постоянно бѣдность населенія и невозможность, при тѣхъ условіяхъ, какія существовали, выдти-ему изъ нищеты. При бѣдности громадной массы земледѣльческаго населенія, остающейся постоянно въ одномъ положеніи, невозможенъ никакой экономическій прогрессъ, никакое развитіе промышленности. Заводить сахарный заводъ, чтобы продать въ годъ только 10 пудовъ купцамъ и чиновникамъ, такъ какъ народъ по бѣдности пьетъ чай съ солью,—нерасчетъ. Также нерасчетливо дѣлать самовары, потому что народъ варитъ чай въ горшкахъ. Посуда народу тоже ненужна, потому что онъ обходится копѣечными глиняными горшками и плошками, да китайскими деревянными чашками. Вотъ почему внутренняя, самостоятельная экономическая жизнь Сибири будетъ возможна тогда, когда народъ станетъ богаче.

Возможность такого самостоятельнаго экономическаго положенія составляетъ тотъ отдаленный идеалъ, къ которому стремятся болѣе развитые сибиряки, и въ этомъ же причина, почему ихъ возмущаютъ такъ тѣ обстоятельства, которыя по ихъ мнѣнію были главной помѣхой Сибири на пути ея экономическаго прогресса.

Считая непреложной истиной, что сибирякъ одаренъ здравымъ смысломъ, что онъ умнѣе и способнѣе русскаго, сибиряки видятъ единственную помѣху развитію страны въ томъ напливномъ русскомъ населеніи, которое являлось сюда для управленія сибиряками—въ чиновничествѣ.

Чиновничество здѣсь—всероссійскаго происхожденія, внутренней связи съ страной оно не имѣетъ; пріѣзжаетъ сюда, чтобы просвѣщать Сибирь и устраивать въ ней гражданскій порядокъ. Но что значитъ просвѣщеніе и что такое порядокъ? Этотъ повсемѣстно спорный вопросъ вышелъ спорнымъ и въ Сибири. Извѣстно, какой любовью пользуются учители и наставники въ уѣздныхъ, приходскихъ и другихъ училищахъ. Учителя весьма хлопочутъ о просвѣщеніи и порядкѣ, но достигаемые ими результаты не соотвѣтствуютъ степени ихъ усердія, тратѣ силъ и времени. Учитель стоитъ самъ по себѣ; ученики сами по себѣ. Учитель говоритъ про учениковъ, что они скверные, необузданные мальчики; а ученики говорятъ про учителя, что онъ дерется.

Въ подобномъ же отношеніи находится заѣзжее чиновничество къ кореннымъ сибирякамъ. Сельское населеніе, напримѣръ, не понимало пользы винокуренныхъ заводовъ и необходимости продавать на заводы хлѣбъ. Тогда внушили крестьянамъ, что это дѣло полезное, назначили на хлѣбъ цѣны, потому что и этого крестьяне не умѣли сдѣлать—и крестьяне повезли хлѣбъ. Если случалось, что цѣна на хлѣбъ поднималась до 50 к. за пудъ, крестьянину же давали 25—35 к. за пудъ и онъ находилъ эту цѣну для себя несходной, ему внушали, что онъ не понимаетъ своихъ выгодъ, и онъ, сознавшись въ своей ошибкѣ, везъ хлѣбъ за 25—35 к. за пудъ. Точно также крестьянинъ не понималъ прежде пользы почтовыхъ учрежденій и почтовой гоньбы; тотда ему внушили, насколько дѣло это важно для него, и онъ началъ держать почтовыя станціи за ту плату, какую признавали для него вы-

годной. Крестьянинъ или мѣщанинъ не понималъ пользы городскихъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, тогда ему внушили, какъ магазины полезны для бѣдныхъ людей въ неурожайные года, и крестьяне повезли хлѣбъ въ магазины по 40 до 50 к. ас. съ пуда съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ голода получить тотъ же пудъ обратно за 1 р. или 1 р. 50 к. ас. Купцы, мѣщане и крестьяне не понимали пользы отдачи своихъ дочерей за поселенцевъ, тогда отцамъ внушали, сколько дѣло это общеполезно, и — «только отцамъ, матерямъ и родственникамъ было извѣстно, чего стоила свобода сопряженная съ безславіемъ несчастныхъ дѣтей». Крестьянину при его неразвитости казалось что ему очень выгодно идти налѣво, но какъ другіе находили, что ему гораздо выгоднѣе идти направо, то крестьянинъ, почесывая въ затылкѣ, шелъ куда ему внушали, размышляя по пути, почему же направо выгоднѣе, чѣмъ налѣво?

Наставники народа и устроители порядка тяготѣли не къ этому народу, который они пріѣхали просвѣщать, а къ тому отдаленному центру, отъ котораго зависѣла ихъ чиновничья жизнь и смерть. Очень можетъ быть что въ своемъ простосердечіи они думали, что дѣлаютъ дѣло и приносятъ пользу краю; но только тѣ, о чьей пользѣ заботились такимъ образомъ, думали иначе. Простой человѣкъ, незнакомый съ высшими соображеніями, понималъ только одно, что 50 к. больше, чѣмъ четвертакъ, и что продать вещь за 40 к., чтобы купить потомъ ее же за рубль, невыгодно. Будущія пользы отдаленнаго потомства и тѣ глубокія соображенія, по которымъ онъ долженъ былъ бросать свой домъ, хозяйство, обработанное поле, чтобы заселить пустынный край, корчевать вновь столѣтніе пни себѣ подъ новую пашню и умирать съ голоду на мѣстѣ новаго поселенія, не выбраннаго имъ самимъ, а указаннаго ему его наставниками, тогда какъ рядомъ есть мѣсто болѣе удобное,—всего этого простой человѣкъ никакъ не могъ переварить своимъ деревяннымъ умомъ. Какъ человѣкъ положительнаго свойства, живущій настоящимъ, имѣющій одинъ только экономическій критеріумъ для оцѣнки дѣйствовавшихъ на него вліяній и обстоятельствъ — ихъ выгодности или невыгодности, промышленный и торговый человѣкъ Сибири былъ правъ. Онъ разсуждалъ правильно, считая добромъ то, что ему выгодно, и зломъ то, что ему убыточно. Такихъ чисто-экономическихъ соображеній у заѣзжихъ чиновниковъ не было, да и быть не могло. Чиновникъ знаетъ, за что ему даютъ награды и за что даютъ выговоры, и потому, руководствуясь тѣмъ же личнымъ расчетомъ, какъ и крестьянинъ, онъ дѣйствовалъ такъ, чтобы ему досталась награда, а не выговоръ. Потому что заѣзжій чиновникъ смотрѣлъ на Сибирь и сибиряковъ свысока, что онъ считалъ себя наставникомъ сибиряковъ—дикарей, съ которыми надо было употреблять строгія мѣры и принужденія, потому что люди не понимаютъ своихъ выгодъ; сибиряки во всемъ томъ злѣ, какое приходилось имъ терпѣть, обвиняютъ чиновниковъ и именно заѣзжихъ и думаютъ, что зла не будетъ, если образуются чиновники «мѣстные». Но это невѣрно. Дѣйствительно, заѣзжій чиновникъ не имѣлъ связи въ Сибирью; онъ не жилъ интересами мѣстныхъ жителей; онъ смотрѣлъ на нихъ свысока, пренебрегая обще-

ственнымъ мнѣніемъ; но все это онъ дѣлалъ не столько потому, что онъ заѣзжій, сколько потому, что онъ чиновникъ. У чиновника есть свое историческое происхожденіе и свои порода, какъ у крестьянина, ремесленника, мѣщанина, купца, дворянина. У всякаго изъ этихъ сословій есть свое міросозерцаніе, своя практика въ стремленіяхъ къ выгодѣ и пользѣ, свое пониманіе отношеній къ другимъ сословіямъ, свой кодексъ нравственности, свое пониманье ума и глупости, наконецъ свое особенное положеніе по размѣру возможности дѣлать добро и зло другимъ сословіямъ. Чиновникъ—сила большая и онъ знаетъ это: да и всѣ знаютъ тоже самое. Вся служебная практика воспитываетъ его такъ, что развиваетъ именно тѣ наклонности и тѣ стороны ума, которыя при случаѣ даютъ чувствовать всю свою силу. Развившись въ одну сторону, чиновникъ и дѣйствуетъ въ одну сторону, и какъ онъ, стоя особнякомъ и составляя свое отдѣльное сословіе, совершенно чуждъ тѣхъ интересовъ, въ которыхъ вырастаютъ всѣ производительныя сословія страны, то изъ этого и выходитъ то, что его выгоды не сходятся съ выгодами тѣхъ, кѣмъ онъ распоряжается. Купецъ уйдетъ въ мѣщанина, мѣщанинъ въ крестьянина, и обратно крестьянинъ можетъ сдѣлаться купцомъ,—потому что всѣ они какъ бы сѣмена одного рода; но чиновникъ всегда останется чиновникомъ, даже тогда, когда онъ давно уже оставилъ службу, или по бѣдности принялся за черную работу. Чиновникъ—это особая порода людей, создаваемая особенными обстоятельствами и такими учрежденіями, которыя, давая возможность развитію извѣстныхъ сторонъ ума и характера, создаютъ порядокъ административныхъ явленій, извѣстный въ своей совокупности подъ именемъ чиновничества.

Разумѣется, не у всѣхъ людей одинаковыя способности для этого и не у всѣхъ народовъ чиновникъ проявляется въ одной и той же формѣ. Такъ французскій чиновникъ отличается отъ чиновника нѣмецкаго, нѣмецкій отъ польскаго и польскій отъ русскаго. Здѣсь все зависитъ отъ характера учрежденій страны. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и чиновничьи способности не есть исключительность лицъ, носящихъ видъ-мундиръ. Купцы и мѣщане превращаются у насъ необыкновенно легко въ чиновниковъ, когда общество, облекая ихъ своимъ довѣріемъ, даетъ имъ власть. Сибирякамъ показались ужасны заѣзжіе чиновники потому, что ихъ распоряженія обхватывали народъ цѣлыми массами. Такъ нѣкогда селили ссыльныхъ цѣлыми деревнями, учили ихъ цѣлыми деревнями хлѣбопашеству, а потому они и разбѣжались цѣлыми деревнями. Такъ обращали люди въ солдаты цѣлыми десятками тысячъ, выселяли казаковъ цѣлыми селеніями, или цѣлыми слободами переводили раскольниковъ съ одного мѣста на другое; снабжали винокуренные заводы, принудительными средствами, громадными массами хлѣба, по произвольно пониженной цѣнѣ; устроивали тѣмъ же путемъ выгодную почтовую гоньбу. Во всемъ этомъ чиновникъ дѣйствовалъ, по его соображеніямъ, въ видахъ общественной пользы, цивилизаціи края и развитія въ народѣ духа промышленной предпріимчивости. Но такая принудительная система цивилизаціи казалась народу невыгодной. Нисколько не отвергая пользы почтовыхъ сообщеній, можно находить плату

за содержаніе станціи недостаточной. Въ такомъ же видѣ можетъ представляться и винокуренное дѣло, и принудительное переселеніе. Пить пиво и чаи съ сахаромъ можетъ быть и очень хорошо, но только для того, кто находитъ это для себя хорошимъ и кто самъ дѣлаетъ переходъ отъ водки къ пиву; но превратить всѣ кабаки въ пивныя лавки административнымъ порядкомъ и заставить всѣхъ мужиковъ пить чай въ прикуску будетъ неудобно, потому что не достигнетъ своей цѣли. Маленькіе Петры Великіе Сибири не знали этой простой научной истины. Только въ незнаніи ея и заключается вся причина, что всѣ отношенія чиновниковъ къ народу Сибири падали на него убыткомъ и уменьшали его матеріальное благосостояніе.

Заѣзжіе чиновники дѣйствовали такъ, но совсѣмъ не потому, чтобы они ненавидѣли Сибирь и смотрѣли на нее, какъ на личнаго врага, по крайней мѣрѣ этого доказать ничѣмъ нельзя. Они дѣйствовали такъ потому, что не умѣли, да и не могли поступать иначе. Они просвѣщали и цивилизовали Сибирь, какъ умѣли, понимая по своему просвѣщеніе и цивилизацію. Лоскутовъ, поровшій крестьянъ цѣлыми деревнями и разъѣзжавшій съ конвоемъ казаковъ и пуками розогъ, не употреблялъ бы подобныхъ административныхъ мѣръ въ Англіи, во Франціи или въ Германіи. Трескинъ не дѣлалъ бы такихъ чудесъ, какими онъ прославилъ себя въ Сибири. Даже въ европейской Россіи они не рѣшились бы на десятую долю того, что позволяли себѣ здѣсь, потому что кромѣ киргизскихъ, башкирскихъ и калмыцкихъ степей въ Россіи не было мѣста болѣе удобнаго дѣлать то, что взбредетъ человѣку на умъ, какъ Сибирь. Люди, выходившіе въ купцы, не стѣснялись выборомъ средствъ для обогащенія, мѣщанинъ, крестьянинъ, ссыльный — всякій дѣлалъ, что хотѣлъ, и если какой нибудь Трескинъ или Лоскутовъ выдались больше среди этого броженія разныхъ элементовъ едва слагавшейся гражданственности, то только потому, что были сильны характеромъ и имѣли больше возможности выказать свою силу. Однимъ словомъ, всѣ были хороши. Мѣстный чиновникъ, котораго такъ хочется сибирякамъ, сложившись изъ такихъ началъ, едва ли отличался бы въ сущности отъ чиновника заѣзжаго. Человѣкъ, сдѣлавшись чиновникомъ, и былъ бы чиновникомъ, и вдавшись въ высшія соображенія онъ логически постепенно и незамѣтно пришелъ бы къ тому, къ чему приходили почти всѣ сибирскіе администраторы. Сибири слѣдуетъ радоваться, что у нея нѣтъ своего туземнаго чиновничества, а не желать его. Въ Россіи все чиновничество туземное — но легче ли ей отъ этого? Наконецъ гдѣ у сибиряковъ доказательство, что изъ доморощенныхъ чиновниковъ не явились бы Лоскутовы и Трескины?

Литературныя иркутскія губернскія вѣдомости, дѣлающія свои выводы не изъ фактовъ, которые бы имъ легче знать, чѣмъ кому либо, въ порывѣ сентиментализма приводятъ слѣдующую выписку изъ газеты «Амуръ». Въ одномъ ученомъ обществѣ въ Петербургѣ предсѣдатель сказалъ разъ по поводу Сибири: «Сибирь — таже Русь». «Эти драгоцѣнныя для Сибири слова, говоритъ «Амуръ» и «Иркутскія Вѣдомости», не отталкиваютъ уже ее отъ Россіи, они показываютъ, что Сибирь не особенный какой-либо край, принадле-

жащій Россіи, что Сибирь не требуетъ уже для себя какихъ-либо исключеній, что теперь нѣтъ Сибири въ томъ смыслѣ, какъ ее понимали прежде, точно такъ, какъ нѣтъ прежнихъ Казани и Астрахани; Сибирь—таже Русь, и если такъ будутъ смотрѣть на Сибирь всѣ, — и частныя лица, и правительство, то съ этого времени начнется для Сибири новое время, при такомъ взглядѣ Сибирь никого не оттолкнетъ отъ себя. Подкрѣпимъ наши слова примѣрами: Русскій крестьянинъ пожелаетъ переселяться въ Сибирь; самое названіе Сибири его можетъ устрашить и остановить въ желаемомъ переселеніи; купецъ пожелаетъ перенести свою торговлю въ Сибирь; но онъ слышитъ, что Сибирь край особенный, изъ чего можетъ заключить, что и торговля здѣсь идетъ особеннымъ порядкомъ; чиновникъ пожелаетъ въ Сибирь на службу, но онъ можетъ уже съ увѣренностью заключить, что въ Сибири служба труднѣе или тоже какая-то особенная, потому что имѣетъ особенныя преимущества; словомъ, всякаго, незнакомаго съ Сибирью, одно это названіе приводитъ въ недоумѣніе въ отношеніи Сибири. Нельзя конечно сказать, чтобы Сибирь не имѣла никакихъ особенностей, сравнительно съ губерніями европейской Россіи, но эти особенности далеко не уничтожаютъ сходства между европейской Россіей и Сибирью. При обширности пространства Россіи и каждая губернія имѣетъ свои особенности. Особенности Сибири вовсе не такъ велики, чтобы можно было считать ее колоніей Россіи; общій характеръ Сибири чисто русскій; Сибирь отнюдь не колонія Россіи; она — дитя одной и той же матери — Руси; въ Сибири живутъ тѣ же русскіе люди, какъ и въ Россіи, таже въ ней вѣра, языкъ, обычаи, даже повѣрья, одежда народная. Словомъ, «Сибирь — таже Русь», скажетъ и долженъ сказать каждый, хорошо знающій Сибирь, и каждый пожелаетъ ей, чтобы, мнимая особенность ее не заставляла смотрѣть на нее особеннымъ взглядомъ и лишать ее того, что ей принесетъ одинаковую пользу съ Россіей. Укажемъ хотя на нѣкоторые примѣры: въ русскихъ губерніяхъ назначены судебные слѣдователи, въ Сибири ихъ нѣтъ; въ русскихъ губерніяхъ, если не во всѣхъ, то по крайней мѣрѣ въ болѣе значительныхъ, учреждены высшія учебныя заведенія; въ Сибири же, не смотря на ея обширность и отдаленность отъ Россіи, не во всѣхъ даже губернскихъ и областныхъ городахъ находятся гимназіи. Правда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, шла переписка объ открытіи гимназіи въ Красноярскѣ; была мысль и объ университетѣ, а въ послѣднее время, какъ слышно, предположено ходатайствовать объ учрежденіи въ Иркутскѣ лицея, но при нашей умѣренности во всемъ, при нашей исключительности, такое благо, какъ учрежденіе здѣсь высшаго учебнаго заведенія, невольно кажется благомъ, для насъ недостижимымъ, и походитъ на мечту бѣдняка о довольствѣ, едва только ему извѣстномъ...»

Все, что говоритъ авторъ приведенной замѣтки, не можетъ быть подкрѣплено имъ никакими доказательствами. Авторъ выказываетъ много чувствительности и любви къ Сибири, но такіе аргументы не представляютъ никакой силы убѣдительности. Пусть Сибирь дитя одной и той же Руси — матери, но только чтоже изъ этого? Авторъ говоритъ: пусть на Сибирь смотрятъ

какъ на Русь и тогда она не оттолкнетъ никого—ни крестьянина, ни купца, ни чиновника. Но чтобы смотрѣть такъ на Сибирь, надо, чтобы она не отличалась ничѣмъ отъ Россіи европейской. А это невозможно. Житель европейской Россіи зоветъ сибиряка сибирякомъ, а сибирякъ зоветъ его человѣкомъ «россійскимъ», не только потому, что предполагаетъ географическое различіе, но еще и потому, что эти край, при кажущемся внѣшнемъ сходствѣ, имѣютъ громадное экономическое различіе и совершенно иной сословный составъ.

Въ Сибири нѣтъ туземнаго дворянства и чиновничества, поэтому крестьянинъ не испытывалъ никогда крѣпостнаго права. Хотя въ экономическомъ отношеніи ему и не было отъ этого легче, потому что земская полиція не выказывала особенно благотворнаго экономическаго вліянія, тѣмъ не менѣе нравственная порча была все-таки слабѣе. Кромѣ того, отсутствіе дворянства давало болѣе демократическій оттѣнокъ населенію; а при отсутствіи еще и мѣстнаго дворянства, т. е. чиновничества, сибирское населеніе состояло только изъ крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ. Въ Россіи совсѣмъ иной сословный составъ. Тамъ дворянство играло всегда большую роль, да и теперь сторонники аристократическаго начала стараются создать изъ русскаго дворянства нѣчто въ родѣ англійской аристократіи. Въ Сибири такого элемента не существуетъ, слѣдовательно очевидно, что Сибирь въ этомъ отношеніи совсѣмъ не та же Русь.

Въ Россіи главное племя великорусское, смѣшавшееся съ разными вѣтвями финскаго племени. Въ Сибири помѣси совсѣмъ иныхъ племенъ. Изъ Россіи шелъ сюда тотъ, кому или самому казалось тамъ тѣсно, или кого находили тамъ непужнымъ, или вреднымъ. Рудники, заводы и вообще мѣста ссылокъ наполнялись людьми нѣсколько иной организаціи, чѣмъ тѣ, кто оставался въ Россіи, потому что для преступленія нужна иная организація и иная нервная система. Такой людъ постоянно наполнялъ Сибирь и образовалъ наконецъ съ своимъ потомствомъ нынѣшнее населеніе края. Помѣсь, особенно въ восточной Сибири, съ буратами, тунгусами, монголами образовала въ здѣшнемъ населеніи особый типъ, замѣтно отличающій коренного сибиряка отъ «россійскаго человѣка. Статистическія и физіологическія изслѣдованія до сихъ поръ еще не указали разницы въ способностяхъ, характерѣ и умственныхъ дарованіяхъ русскаго и сибиряка. Но происхожденіе ихъ совсѣмъ различное, а потому необходимо допустить различіе и въ нравственныхъ качествахъ,—различіе чисто племенное, которое создастъ то, что изъ одного человѣка выходитъ англичанинъ, изъ другаго нѣмецъ, изъ третьяго французъ. Изъ американца географическое положеніе страны создало же человѣка иной наружности и другаго характера, чѣмъ англичанинъ, отъ котораго онъ произошелъ; такое же различіе должно быть между русскимъ и сибирякомъ. Въ чемъ это различіе, наши ученые еще не опредѣлили; но они не могутъ представить и ни одного доказательства противъ этой мысли; а пока они не представили доказательствъ въ опроверженіе, нельзя опровергать и племенной разницы русскаго и сибиряка. Слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи Сибирь опять не та же Русь.

Россія, по отношенію къ своимъ европейскимъ сосѣдямъ, находится въ такомъ положеніи, какихъ Сибирь не знаетъ. Каждый политическій европейскій вопросъ, какой бы онъ ни былъ — восточный, славянскій, венгерскій, даже греческій, заставляетъ Россію насторожить свое вниманіе, приготовлять или передвигать войска, думать о своей западной границѣ. Сибирь совсѣмъ чужда этого, ей не можетъ грозить никакая опасность, ни съ сѣвера, ни съ востока, ни съ юга, ни съ запада. Здѣсь скачи куда хочешь, никуда не проскачешь; на Сибирь не пойдетъ никто войной, потому что съ нея взять нечего; ни китайцы, ни киргизы угрожать ей ничѣмъ не могутъ; границы Сибири установились твердо и Сибирь могла бы жить спокойно, не имѣя ни одного солдата. Сибирь по своему географическому положенію и по экономическому развитію находится въ такихъ скудныхъ обстоятельствахъ, что не можетъ возбудить ничьей зависти. Въ Китаѣ 400,000,000 населенія, въ Китаѣ есть чай, шелкъ, съ Китаемъ выгодно устроить торговыя сношенія, потому что есть кому продавать сукно, плисъ, разныя матеріи. Сибири продавать нечего, потому что у ней у самой ничего нѣтъ, кромѣ хлѣба для собственныхъ потребностей. Отъ этого въ Китай могли забираться французы и англичане, потому что это имъ выгодно, а въ Сибирь забираться никто не станетъ, потому что это безполезный трудъ. Съ какой границы ни завези сюда товаръ — онъ не дастъ плѣнительныхъ барышей, потому что рѣдкое земледѣльческое населеніе, перебиваясь кое-какъ, обходится большею частью своими скудными домашними средствами.

Разумѣется, въ политическомъ отношеніи «Сибирь тоже Русь», потому что составляетъ часть россійской имперіи, но Сибирь все-таки Азія: она все-таки страна, едва перешедшая отъ кочевой жизни къ земледѣлію, страна съ населеніемъ весьма подвижнымъ, страна, въ которую каждый годъ являются новые десятки тысячъ бездомныхъ людей, въ видѣ ссыльныхъ, страна, въ которой даже туземцы двигаются цѣлыми массами съ мѣста на мѣсто, — напримѣръ заселеніе Амура, обращеніе крестьянъ въ казаки и отправленіе казаковъ на Амуръ. Россія уже установилась и начинаетъ формировать внутренній порядокъ, тогда какъ Сибири разныя обстоятельства мѣшали установиться и она все еще находится въ состояніи броженія и той подвижности, которая мѣшаетъ людямъ приняться за порядочную жизнь. Россія—страна, *откуда* люди переселяются, Сибирь — страна, *куда* переселяются. Человѣку переселяющемуся нужно дать покой и льготу, переселенцу нужно осмотрѣться, уладиться, установиться. Въ странѣ, какъ Сибирь, гдѣ не угрожаютъ и не могутъ угрожать никакіе внѣшніе враги, внутренній порядокъ и экономическій бытъ уладится легко, если только не мѣшать человѣку и не стѣснять его. Какъ скоро устроивается человѣкъ, оставленный въ покоѣ, доказываетъ Америка, а въ Сибири доказали это «каменьщики», образовавшіе свои населенія въ Томской губерніи изъ разныхъ сортовъ бѣглыхъ. Никакое управленіе не касалось каменьщиковъ, потому что они забрались въ такую даль, куда не могло попасть никакое начальство. Не стѣсняемые ничѣмъ, они обра-

зовали общины, благодействующія въ экономическомъ отношеніи, а для сохраненія порядка создали свой судъ и полицію.

Воинственность къ Сибири нейдетъ потому, что воевать ей не съ кѣмъ, да и не изъ чего; времена великаго переселенія народовъ давно уже прошли и для людей на всемъ земномъ шарѣ наступила пора экономическаго развитія и разрѣшенія экономическихъ вопросовъ. Для Сибири вопросы этого рода важнѣе, чѣмъ для кого-либо: она страна населяющаяся, новая; она лежитъ такимъ особнякомъ и такъ далеко отъ запада и востока, что самый сильный политическій толчекъ на западѣ Европы въ Сибири не почувствуется, какъ ни въ Англіи, ни во Франціи не чувствовали иркутскихъ землетрясеній. Подогрѣвать въ себѣ искусственно воинственный жаръ и надѣвать рыцарскіе доспѣхи странно для Сибири потому, что изъ этого выходитъ только маскарадъ; здѣсь все мирно и для народа существуетъ только одинъ вопросъ — экономическій, потому что Сибирь страна исключительно земледѣльцевъ, ремесленниковъ, мѣщанъ и купцовъ. Въ этомъ отношеніи Сибирь имѣетъ большое сходство съ Америкой, съ этой страной негоціантовъ и промышленниковъ. Офицерство, чиновничество, дворянство въ Сибири элементъ пришлый, завозный, явившійся изъ Россіи. Высшія соображенія, придающія Сибири такъ нейдущія къ ней политическія занятія, выросли не на сибирской почвѣ.

Доводы автора замѣтки «Сибирь — таже Русь потому не достигаютъ своей цѣли, что онъ старается разчувствовать читателя, а не убѣдить его доказательствами. Онъ думаетъ, что въ Сибири нужны судебные слѣдователи и учебныя заведенія, потому что Сибирь дитя одной и той же Руси—матери. Тогда какъ для Сибири нужны справедливый судъ и образованіе совсѣмъ не по ея родственнымъ отношеніямъ съ кѣмъ-либо, а само по себѣ, потому что безъ нихъ невозможно гражданское существованіе страны. Странно было бы убѣждать, что сибирякамъ нужны воздухъ и вода, потому что въ Россіи люди дышатъ воздухомъ и пьютъ воду. Вода и воздухъ нужны каждому человѣку безъ различія его происхожденія, нужны потому, что безъ нихъ человѣкъ не можетъ жить.

Но этого мало. Особенность Сибири въ томъ, что здѣсь все дается человѣку труднѣе, чѣмъ въ Россіи; здѣсь и климатъ суровѣе, и разстоянія больше, а населеніе меньше, и разнообразіе человѣческаго труда скуднѣе. Поэтому, сибиряку, какъ человѣку новому и какъ человѣку русскому, неотличающемуся энергіей и настойчивостью англичанина, нѣмца или американца, нужно дать полную свободу въ развитіи его экономическихъ силъ и въ умственномъ образованіи. Все это возможно безъ всякихъ опасеній и задними мыслей, потому что съ присоединеніемъ Амура Сибирь можетъ успокоиться надолго отъ политическихъ соображеній. Шириться ей некуда, воевать не съ кѣмъ; а внутри будетъ все благополучно даже и безъ всякаго военнаго надзора.

III.

Бродячее населеніе и сибирская безопасность.

Разсказы о бытѣ арестантовъ и характеристики болѣе замѣчательныхъ русскихъ преступниковъ и злодѣевъ читаются у насъ теперь съ особенной любовью. Разумѣется, любовь къ такимъ разсказамъ можетъ и не доказывать желанія большинства извлечь изъ нихъ какую-нибудь существенную пользу; но съ другой стороны и разсказы не заключаютъ достаточныхъ данныхъ для точныхъ научныхъ выводовъ. Научная неудовлетворительность такихъ сочиненій заключается главнѣйше въ ихъ односторонности — въ томъ, что они направлены исключительно къ возбужденію сочувствія къ арестантамъ, къ тому, чтобы показать, что и преступникъ тоже человѣкъ. Подобное направленіе, имѣющее цѣлью разжалобить и разчувствовать читателя, могло явиться только потому, что въ большинствѣ именно и не оказывалось гуманности; что въ общественномъ мнѣніи еще не сложилось убѣжденіе, что съ арестантомъ можно обращаться по-человѣчески; что привыкнувъ видѣть арестантовъ въ самомъ жалкомъ видѣ, истомленныхъ голодомъ и дурными, нездоровыми помѣщеніями, общество сдружилось съ этимъ, какъ большинство петербургскихъ жителей сдружилось со скверпымъ петербургскимъ климатомъ, считая даже совершенно лишнимъ задавать себѣ вопросъ полезна слякоть или нѣтъ? Видно полезна, если она есть.

Но возбужденіе чувствительности и сожалѣнія вовсе не научный пріемъ; наука такимъ дѣломъ не занимается. Она обращается къ тѣмъ сторонамъ ума, которыя зовутся разумомъ и разсудкомъ; путемъ же чувствительности убѣждаютъ только тѣхъ, кого нельзя убѣждать инымъ способомъ, кто не умѣетъ понять, что человѣку нужны чистый воздухъ и здоровая питательная пища, потому что это физіологическій законъ, и кто понимаетъ вредное вліяніе міазмовъ и голода только тогда, когда ему нарисуютъ позеленѣлаго, исхудалаго человѣка, умирающаго въ изнеможеніи. Возможность убѣждать людей только этимъ способомъ предполагаетъ въ нихъ отсутствіе еще того умственнаго элемента, по которому люди иныхъ способностей видятъ во взаимныхъ услугахъ тотъ же простой законъ взаимныхъ отношеній, по которому два коммерческихъ человѣка мѣняются товарами, не считая это унизительнымъ, и въ дѣйствительности не унижая другъ друга.

Такимъ образомъ, если въ подобной формѣ изложенія виноватъ читатель, котораго невозможно убѣдить иначе, то не менѣе виноваты и авторы, неумѣвшіе найти тона, проникнутаго бо́льшимъ чувствомъ достоинства. Возбуждать слезы состраданія къ людямъ, находящимся въ невыгодныхъ и непріятныхъ для нихъ общественныхъ или экономическихъ условіяхъ, значитъ возбуждать чувство злое. Это значитъ положить между тѣмъ, кто сожалѣетъ, и тѣмъ, кого сожалѣютъ, непроходимую преграду; одного поставить на пьедесталъ, другого нарочно запачкать грязью и выкупать въ лужѣ, чтобы онъ казался

еще грязнѣе. Это тѣ же средства, какія употребляютъ нищіе, растравляющіе себѣ раны и портящіе члены, чтобы возбудить чувствительность сердобольныхъ людей. Такой порядокъ отношеній людей между собой существовалъ въ Россіи издавна и, кромѣ зла, не приносилъ ничего. Онъ только дѣлилъ людей на два лагеря: на людей, дѣлавшихъ все изъ милости, и на тѣхъ, кому дѣлалась милость. Попросилъ бы онъ меня изъ чести, и слова не сказалъ бы, а то вздумалъ требовать—выраженіе довольно обыкновенное и нынче. Поддерживать въ людяхъ такое чувство, вмѣсто того, чтобы заглушить его, дѣйствуя на другія стороны ума, можетъ только тотъ, кто находитъ полезнымъ нищенство, въ какихъ бы формахъ оно ни выражалось. Есть положенія людей вовсе не унизительныя, и между тѣмъ люди унижаются добровольно, потому что только этимъ средствомъ они могутъ раздѣлаться съ тѣми невыгодными обстоятельствами, въ которыхъ они находятся. Поступить иначе, т. е. не унижаться, значитъ погибнуть безъ помощи, потому что всякая услуга считается милостью и дѣлается изъ милости: а получить милость, т. е. ту же милостыню, можно только при нищенской формѣ ея выпрашиванія, при возбужденіи чувства состраданія, соболѣзнованія, при условіи приниженности съ одной стороны и при высокомѣріи и тщеславіи съ другой. Смѣхъ, насмѣшки, шутка считаются у насъ весьма обидными формами отношенія къ ближнему, но сожалѣніе не обижаетъ никого. «Смѣйтесь надо мной, но только не плачьте», какъ практическое правило въ большей части общественныхъ и частныхъ отношеній у насъ непонятно и невозможно и требуетъ для большинства даже разъясненій. Смѣшонъ можетъ быть всякій и надъ всякимъ можно надсмѣяться; но сожалѣть никого нельзя, потому что сожалѣніе унижаетъ человѣка. Соболѣзнованіе и сожалѣніе у насъ такая необходимая общественная форма, что каждый изъ насъ, очутившись какъ нибудь у постели больного, сейчасъ же постарается вытянуть или скривить сожалительнымъ образомъ свое лицо, чтобы заявить этимъ свое сочувствіе, тогда какъ было бы гораздо полезнѣе сходить поскорѣе, безъ гримасъ, въ аптеку.

Такая односторонность изслѣдователей-литераторовъ ведетъ къ односторонней пользѣ отъ ихъ произведеній, потому что, возбуждая исключительно сочувствіе, они оставляютъ нетронутыми всѣ остальныя стороны вопроса.

Между тѣмъ въ бытѣ арестантовъ множество разныхъ неудобствъ, неудобствъ лично для нихъ и невыгодъ для общества, потому что отъ этихъ неудобствъ безопасность общества не убавляется, а увеличивается. Лѣтъ 25 — 30 назадъ, земледѣлецъ восточной Сибири могъ отправляться въ поле на работы иначе, какъ съ винтовкой. А при такихъ условіяхъ земледѣліе едвали могло развиваться успѣшно. То, что случается теперь, не говоритъ тоже въ пользу особенной безопасности здѣшняго человѣка, какъ бы коренные сибиряки ни увѣряли въ противномъ изъ чувства патріотизма. Разбой дѣйствительно случающагося неизвѣстенъ; но и то немногое, что публикуютъ «Иркутскія Вѣдомости», говоритъ мало въ пользу безопасности здѣшнихъ земледѣльцевъ и торговцевъ изъ крестьянскаго быта. Разумѣется, безопасность людей, носящихъ нѣмецкое или французское платье и разъѣзжающихъ

на почтовыхъ лошадяхъ, гораздо выше; съ платьемъ и вещами не изъ крестьянскаго быта дѣтьси уже труднѣе и напасть на проѣзжающаго на почтовыхъ гораздо рискованнѣе. Поэтому всѣ кражи, разбои и убійства свершаются почти исключительно среди крестьянскаго населенія. Воры не гнушаются даже самыми мелочными предметами изъ крестьянскаго быта. Ворується все: хлѣбъ печеный и мука разныхъ сортовъ, по мелочамъ и оптомъ, конопляное сѣмя, крупа, веревки, возжи, топоры, косы, сапоги, шапки, армяки и всякое женское и мужское платье, безъ различія—старое или новое, всякихъ сортовъ бѣлье—тоже старое и новое. Наконецъ, свершаются кражи самого аристократическаго размѣра — напримѣръ, обворовывается вся деревенская лавка, съ панскими товарами, до послѣдней штуки.

При наклонности людей подозрѣвать въ дурномъ человѣка, уже разъ провинившагося, авторами кражъ считаютъ по преимуществу ссыльныхъ и бѣглыхъ. Но случается много кражъ такого сорта, гдѣ виолнѣ очевидно безучастіе ссыльныхъ. Напримѣръ, украдутъ заднія колеса у телѣги и дугу. Съ этими вещами бѣглому дѣлать нечего. Также разумѣется невиноваты бѣглые и въ томъ, что пропадаютъ у крестьянъ самовары, чайники и чашки. Но въ кражѣ, гдѣ вмѣстѣ съ носимымъ платьемъ вынуть изъ телѣги желѣзный шкворень, скорѣе всего будетъ виновать бродяга. Желѣзный шкворень отличное смертоносное оружіе, играющее вмѣстѣ съ топоромъ главную роль въ убійствахъ. Убійство двухъ жидовъ бѣглыми каторжными, въ компаніи съ бѣглымъ солдатомъ, сдѣланное въ Забайкальѣ въ прошедшемъ году, было совершено шкворнемъ. Для подобной же цѣли употребляются и нѣкоторыя замѣняющія орудія. Такъ, при пріемкѣ одного бѣглаго рабочаго Николаевскаго желѣзнаго завода были отобраны отъ него пистолетъ, куль, ножикъ и чугунная гиря. Куль или мѣшокъ—это сакъ-вояжъ бродяги, ножикъ нуженъ для хлѣба. Но гиря взята не для такихъ скромныхъ цѣлей; вѣсить бѣглому нечего, потому что онъ человѣкъ неторговый, и ужъ разумѣется ей бы пришлось сдѣлать свое дѣло, т. е. разыграть роль кистеня, когда бы представился случай наполнить пустой сакъ-вояжъ.

Число всѣхъ совершающихся кражъ, можетъ быть, и извѣстно мѣстнымъ властямъ, но только «Иркутскія Вѣдомости» упоминаютъ исключительно о тѣхъ, гдѣ кража свершилась, а вора нѣтъ. Нужно полагать, что публикаціи эти дѣлаются на случай отысканія пропавшихъ вещей. Насколько публикаціи помогаютъ отысканію, сказать трудно; но слѣдуетъ думать, что пользы отъ нихъ немного. Такъ, у одного поселенца балаганскаго округа украли самоваръ, фарфоровый чайникъ и двѣ пары чашекъ,—на 8-е апрѣля 62 года, а публикація о кражѣ сдѣлана 8 декабря, т. е. ровно черезъ 8 мѣсяцевъ. Или, въ 37 № вѣдомостей того же года помѣщено такое объявленіе: «въ балаганскомъ округѣ, при производствѣ слѣдствія объ ограбленіи каторжными Коломенцовымъ, Быковымъ и Липинскимъ, ссыльнаго Фреймана, во время осмотра мѣста, гдѣ совершено преступленіе, замѣчены были совершенно сгнившіе лоскутья отъ мужичьяго азяма, а при дальнѣйшемъ розыскѣ, не вдалекѣ отъ этого мѣста, въ разныхъ направленіяхъ оказалось: два черепа человѣче-

скіе, совершенно голые и сухіе, одинъ изъ нихъ больше другого, съ нижнею челюстью, отдѣлившеюся отъ черепа, зубы у обоихъ череповъ большею частью выпавшіе, около одного черепа внутри найдена присохшею небольшая часть волосъ, имѣющихъ цвѣтъ свѣтло-русый съ просѣдью, четыре кости ножныя, изъ коихъ двѣ больше другихъ двухъ, три ручныхъ кости, четыре тазовыхъ, одна кость отъ лопатки, два позвоночныхъ столба въ мелкихъ частяхъ, разные между собою по величинѣ, двѣ становыя кости, одна другой меньше, и реберныхъ костей двадцать одна». А въ слѣдующемъ №, т. е. черезъ недѣлю публикуется, что «7 августа, балаганскаго округа, черемховской волости, въ 6 верстахъ отъ Тыретскаго селенія, на дорогѣ, поселенецъ Югантъ Фреймашъ былъ остановленъ тремя бродягами, которые ограбили у Фреймана вещи и деньги 17 рублей, съ нанесеніемъ ему шишою трехъ ранъ по головѣ; грабители пойманы». Изъ этого видно, что публикаціи дѣлаются въ порядкѣ важности предметовъ. И какъ двадцать одно ребро, три ручныя кости, совершенно обглоданныя и сухія, служатъ фактами, можетъ быть, двухъ душегубствъ, то о нихъ и слѣдовало сказать ранѣе, не смотря на то, что ихъ открыли во время слѣдствія объ ограбленіи Фреймана, и не смотря на то, что открытіе ихъ не поведетъ ни къ чему. Наконецъ, изъ этого же видно еще и то, что объявленія бываютъ не всегда только въ томъ случаѣ, когда неизвѣстны воры, но публикуютъ о происшествіяхъ просто такъ, для всеобщаго свѣдѣнія. Если это такъ, то зачѣмъ не дѣлаются объявленія о всѣхъ происшествіяхъ? Какихъ свойствъ и размѣра должно быть событіе, чтобы о немъ напечатали въ губернскихъ вѣдомостяхъ? Если же все зависитъ отъ желанія или нежеланія полиціи, въ такомъ случаѣ очевидно, что для публики существуетъ большее вѣроятіе не узнать, чѣмъ узнать о происшествіяхъ, и разумѣется, найдутся полиціи, которыя изъ благоразумной скромности постараются умолчать о случившихся у нихъ кражахъ и убійствахъ, чтобы не тревожить напрасно мирныхъ обитателей, полагающихся вполнѣ на зоркость, дѣятельность, способность и неусыпность охраняющей ихъ полиціи. Судя по вѣдомостямъ, наибольшее спокойствіе живетъ въ Иркутскѣ, по крайней мѣрѣ я не нашелъ почти ни одного объявленія, изъ котораго можно бы заключить, что въ Иркутскѣ случаются кражи, грабежи и убійства. Между тѣмъ, если слушать то, что разсказываютъ, то придется придти къ другому убѣжденію: въ Иркутскѣ, какъ и вездѣ, случаются воровства, воруемыя вещи не отыскиваются и мошенничества дѣлаются иногда съ такой наглостью, что люди, содержащіеся въ острогѣ, являются въ маскарадъ и, наворовавъ тамъ деньги, часы, уѣзжаютъ затѣмъ на свою квартиру въ острогъ. Этотъ случай мошенничества былъ сдѣланъ людьми дотого смѣлыми, что они рѣшились красть часы даже у военныхъ генераловъ, стоящихъ весьма высоко въ мѣстномъ управленіи.

Если безгласностью думаютъ дѣйствовать успокоительно на общество, въ такомъ случаѣ очевидно, что полиціи, поступающія иначе, поступаютъ неблагоразумно, и самымъ неблагоразумнымъ изъ всѣхъ оказывается балаганскій судъ. Онъ съ полнѣйшей откровенностью печатаетъ о всякомъ найден-

номъ цмъ сгнившемъ трупѣ, о всякой пустой и разломанной шкатулкѣ, валяющейся на большой дорогѣ, о всякомъ пропавшемъ конѣ, кости котораго, за исключеніемъ черепа, давно разнесены хищными звѣрями и птицами. Изъ этого выходитъ то, что изъ числа всѣхъ опубликованныхъ кражъ на балаганскій округъ приходится гораздо больше грети, и человѣкъ, мало знакомый съ откровенностью балаганскаго земскаго суда, можетъ подумать, что въ балаганскомъ округѣ жизнь всего опаснѣе, а въ г. Иркутскѣ можно смѣло ложиться спать, не запирая дверей своей квартиры. Въ подобномъ мнѣніи можетъ легко утвердиться всякій новый пріѣзжій, составляющій мнѣніе о городской жизни изъ того, что онъ видитъ на улицахъ; а на улицахъ ни днемъ, ни ночью, ни въ людныхъ, ни въ пустыхъ частяхъ города не встрѣтишь никогда ни одного полицейскаго. Слѣдовательно ясно, что въ городѣ все совершенно спокойно и не бываетъ никогда никакихъ происшествій. И между тѣмъ въ Иркутскѣ бываетъ все то же и даже больше, чѣмъ въ другихъ большихъ городахъ. Такъ, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, въ двѣнадцатомъ часу ночи, въ безмолвномъ переулкѣ, гдѣ я жилъ, раздался внезапно самый отчаянный «караулъ». Кричать такимъ образомъ могъ только человѣкъ, умирающій подъ ножами убійцы. Крикъ раздавался сначала издали, потомъ, приближаясь, происходилъ предъ самымъ домомъ, потомъ началъ удаляться. Повидимому, никто особенно не безпокоился этимъ; изъ всей нашей улицы выскочило, можетъ быть,—человѣкъ пять, небольше. Всѣ спрашивали другъ друга, «что такое? что такое?» И всѣ шли самымъ скромнымъ шагомъ по направленію къ удалявшемуся человѣку, кричавшему тѣмъ же, какъ и прежде, отчаяннымъ голосомъ. Наконецъ, навстрѣчу намъ, т. е. со стороны крика, показался бѣжавшій человѣкъ, совсѣмъ босой, только въ рубашкѣ и штанахъ.—Что тамъ такое? рѣжутъ что-ли?—И я думалъ, что рѣжутъ; вскочилъ съ постели какъ былъ, лишь бы поскорѣе. — Ну, и что же?—Да ничего, пьяный поселенецъ идетъ, да оретъ, а за нимъ другой. — Чего же онъ оретъ? — Да бѣсъ его знаетъ. Тѣмъ, что личная безопасность каждаго зависитъ преимущественно отъ личной заботливости о себѣ самихъ гражданъ, объясняется слышанный мной отвѣтъ засѣдателя по поводу убійства двухъ жидовъ:— сами виноваты; у жидовъ глупая манера болтать со всякимъ; а тутъ изъ скупости, чтобы не платить на постояломъ дворѣ, вздумали еще ночевать въ полѣ. Понятно, что виноваты жиды, а не убійцы.

Относительно мѣръ, принимаемыхъ къ обезпеченію личной безопасности, простой народъ въ Сибири имѣетъ сходство съ американцами. Въ Америкѣ, въ XVII столѣтіи, когда гражданскій неустроенное общество не всегда имѣло возможность обращаться къ судебной власти, и противъ огромнаго числа мошенниковъ и людей, жившихъ на чужой счетъ, нужно было принимать быстрыя и рѣшительныя мѣры, народу было предоставлено право—дѣла извѣстнаго рода рѣшать самосудомъ. Этотъ законъ Линча позволилъ вѣшать людей съ необычайной быстротой. Поймаютъ въ полѣ человѣка, намѣревавшагося увезти чужой хлѣбъ, соберется нѣсколько гражданъ и, рѣшивъ, что человѣкъ воръ, тащатъ его къ ближайшему дереву, и въ двѣ минуты онъ уже

болтается между небомъ и землей. Расправы сибиряковъ въ этомъ же родѣ. Извѣстно, что ни одинъ обозъ и до сихъ поръ не дойдетъ благополучно отъ Кяхты до Нижняго. Подрѣзываніе обозовъ составляетъ особую промышленность, а бывали, а можетъ быть есть и теперь здѣсь купцы, сдѣлавшіе себѣ порядочное состояніе перепродажей краденаго чая, или другихъ товаровъ. Но какъ за украденное мѣсто возчики отвѣчаютъ передъ хозяиномъ, то быть неловкимъ воромъ великій рискъ. Судъ извощиковъ коротокъ и простъ: вора примутъ въ кнуты и колья, такъ что несчастный едва уноситъ ноги. Бывали случаи, что крѣпко побитый человѣкъ, приходя домой, хирѣлъ, хирѣлъ, да и отдавалъ душу Богу, тщательно скрывая отъ всѣхъ, какая приключилась съ нимъ болѣзнь. Мнѣ разсказывали крестьяне, что одному такому несчастному возчики, въ видѣ клистира, ввернули совокъ, т. е. желѣзный щупъ, которымъ берутся пробы изъ чайныхъ мѣстъ. Извощики расправляются сами потому, что суды и власти по дорогѣ рѣдки; идти къ нимъ съ жалобой не всегда ведетъ къ дѣйствительному удовлетворенію претензіи, а время дорого, особенно если кладь идетъ на срокъ.

Крестьянамъ надоѣдаютъ воры и они не любятъ ихъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ кто либо, потому что крестьянинъ бѣденъ, и каждая копѣйка и каждая вещь дается ему съ большими усиліями, чѣмъ людямъ другихъ сословій. По юридической части крестьянинъ слабъ и, выросши въ понятіяхъ, что каждая вина должна быть наказана, онъ наказываетъ по своему уму-разуму, не справляясь о томъ, какъ разсуждало бы въ данномъ случаѣ римское право. Дойдя своимъ умомъ до сознанія необходимости во многихъ случаяхъ самосуда, крестьянинъ и въ своей юстиціи дѣйствуетъ такъ, какъ будто бы на него напали на дорогѣ разбойники—онъ защищается чѣмъ ни попало. Вотъ интересный фактъ, случившійся лѣтъ пять назадъ въ восточной Сибири. Крестьянинъ Лукинъ съ своимъ племянникомъ Степаномъ Какауровымъ и съ рабочими пошли въ лѣсъ на охоту. Подходя къ своимъ ямамъ, гдѣ по ихъ мнѣнію звѣрь долженъ былъ уже находится, они услышали голосъ не то собачій, не то человѣчій. Лукинъ и говоритъ: «надо обождать, не придетъ ли кто мясничить». Это значитъ, что онъ подозрѣвалъ, что какой-то недобрый человѣкъ идетъ воспользоваться ихъ звѣремъ. И точно, по тропинкѣ къ ямамъ показался человѣкъ. Какауровъ и Лукинъ бросились за нимъ. Напавъ человѣка, Лукинъ замахнулся на него топоромъ, а Какауровъ хотѣлъ ударить его винтовкой. Но Подкорытовъ предупредилъ удары, схвативъ одной рукой топоръ, а другой винтовку. Тогда Лукинъ позвалъ своихъ людей и велѣлъ имъ связать Подкорытову ноги; ноги связали, потомъ дернули за веревку, Подкорытовъ упалъ. Послѣ этого связали ему назадъ руки, притащили къ двумъ березамъ и привязали его одной веревкой въ полтѣла, а другой за шею, притянувъ ее какъ только можно было крѣпко. Подкорытовъ во все время кричалъ: «батюшки, отпустите, я ни въ чемъ невиноватъ». Затѣмъ Какауровъ, обратившись къ бывшему съ ними мальчику, кажется, своему племяннику, говоритъ ему: «дай-ка, топоръ, я его подкую», и сталъ бить обухомъ по голымъ пяткамъ, сначала по одной, а потомъ и по другой

ногѣ. Отъ сильной боли Подкорытовъ сталъ дергать ногами: «...л, да онъ еще лягается», сказалъ Какауровъ и, заворотивъ ему ноги врозь, выше головы, замоталъ веревками къ березѣ; потомъ досталъ ножикъ и сталъ обрѣзать Подкорытову волосы съ головы; онъ даже хотѣлъ распороть ему ножемъ ноздри, но товарищи не допустили. Послѣ этого Какауровъ взялъ молотокъ и сталъ снова подковывать Подкорытова. Кончивъ эту операцію, компанія, оставивъ при Подкорытовѣ караулъ, отправилась за звѣремъ. Но Подкорытову приходилъ должно быть послѣдній часъ и караульщики стали кричать: «эй, идите сюда. Семенъ умираетъ». И точно, Семенъ совсѣмъ почернѣлъ и лишился чувствъ, у рта была пѣна. Его отвязали, приволокли къ огню и положили на сѣно. Семенъ началъ приходить въ себя и спросилъ воды. Вмѣсто воды, Какауровъ, схвативъ стягъ и сказавъ: «еще ты пить хочешь, вотъ я тебѣ дамъ», размахнулся и ударилъ, но промахнулся; потомъ схватилъ полѣно, хотѣлъ бить снова, но полѣно отъ него вырвали. Стало темнѣть и тогда Какауровъ принялся топтать больнаго колѣнями въ грудь. Переночевали. Утромъ, связавъ избитаго, они отправились верхами домой. Не доѣзжая селенія, Какауровъ снялъ съ Подкорытова кушакъ и связалъ ему руки назадъ, а подъѣзжая къ селу, снялъ съ него шапку и кричалъ: «варнака везу», потомъ толкнулъ его дуломъ и тотъ свалился съ лошади. Привезя въ деревню, онъ сдалъ Подкорытова старостѣ.

Все обращеніе Какаурова съ Подкорытовымъ на обыкновенномъ разговорномъ языкѣ называется ужаснымъ, безчеловѣчнымъ, жестокимъ и т. д. Но едва ли Какауровъ понялъ бы, когда цивилизованный человѣкъ сталъ бы подобными эпитетами опредѣлять его поступокъ. Ужасно или нѣтъ ковать человѣка, Какауровъ не знаетъ; но онъ выросъ въ такой практикѣ, гдѣ обухъ топора, стягъ, ремень съ пряжкой, полѣно и вообще всякое первое попавшееся подъ руку твердое тѣло считаются инструментами, весьма удобными для нанесенія побоевъ. Потомъ онъ видѣлъ, что побои наносятъ всегда въ такомъ размѣрѣ, чтобы сохранялись какъ можно крѣпче въ памяти битаго. Онъ видѣлъ, разумѣется, какъ и заплечный мастеръ упражняется плетью на базарной площади, при стеченіи народа, надъ спиной человѣка, обвиненнаго судомъ. Онъ слышалъ, что шпицрутены даются иногда въ такомъ числѣ, что наказываемый едва въ три срока успѣетъ собрать ихъ всѣ на свою спину. Онъ всю свою жизнь видѣлъ, что палка есть главное орудіе, которымъ лечатся нравственные недуги, которой учатъ и людей уму-разуму, которая годится и для взрослаго, и для малаго, для собаки, и для лошади. Какъ въ гомеопатіи nux vomica считается почти универсальнымъ средствомъ, такъ и палки въ практической жизни. Напалилъ ребенокъ — палка, и ребенокъ уже не повторяетъ шалости; жена ослушалась, сгрубила или поцаловалась съ солдатомъ — палка или ремень съ пряжкой, лошадь ли завязла съ возомъ въ грязи — опять палка, и возъ вытащенъ; самъ ли мужикъ надѣлалъ что нибудь и его дуютъ палкой, и онъ сноситъ удары съ полнымъ убѣжденіемъ, что невозможно же иначе. Ужасно ли все это, человѣчно ли, безчеловѣчно, жестоко или не жестоко, крестьянинъ не знаетъ: но должно быть, что все

это весьма человѣчно, потому что всегда употреблялось со всѣми рѣшительно людьми, какихъ только онъ встрѣчалъ на своемъ вѣку. Чтобы у крестьянина могло явиться представленіе о жестокости и безчеловѣчности, нужно, чтобы въ параллель съ той средой, гдѣ ни одному человѣку и домашнему звѣрю не пришлось прожить свой вѣкъ безъ побоевъ, жила бы еще и другая среда, доступная для крестьянина, гдѣ людей только ласкаютъ, оказываютъ людямъ всякое уваженіе и почтеніе, гдѣ у людей развивается новымъ обращеніемъ чувство собственнаго достоинства. Пожившъ въ такомъ кружкѣ и привыкнувъ къ пріятнымъ впечатлѣніямъ, крестьянинъ не пошелъ бы въ ту среду, гдѣ ему пришлось бы снова подставлять свою спину подъ плеть и палку. Тогда бы только побои онъ назвалъ дѣйствіемъ нечеловѣчнымъ и жестокимъ, потому что видѣлъ бы, какъ подобные же люди живутъ, весь вѣкъ не зная плети и стяга, и не только не становятся отъ этого хуже, но представляютъ такія нравственныя качества, какихъ нѣтъ у битыхъ. Теперь же мужикъ знаетъ только одно, что за битаго двухъ небитыхъ даютъ, и что всякое ученье и исправленіе нравственности совершается исключительно въ формѣ побоевъ и что если такое средство существуетъ повсемѣстно, то разумѣется потому, что ничего лучшаго и придумать нельзя. Точно также Какауровъ разсуждаетъ и о своемъ самосудѣ, если онъ только разсуждаетъ о немъ. Ему кажется совершенно въ порядкѣ вещей, что сначала онъ самъ поколотилъ Подкорытова, а потомъ отправилъ его къ старостѣ, чтобы и тотъ расправился еще съ нимъ. Все это онъ дѣлаетъ для того, чтобы Подкорытовъ удержалъ крѣпче въ памяти, что не слѣдуетъ брать чужого добра. Но, можетъ быть, Подкорытовъ шелъ по лѣсу совсѣмъ не для того, чтобы поживиться чужимъ звѣремъ? Что вину его слѣдуетъ еще опредѣлить, что для этого существуетъ особая власть, называемая судомъ,—Какауровъ, можетъ быть, и точно знаетъ все это, но онъ знаетъ еще и то, что судъ можетъ быть рѣшитъ дѣло и такъ, и иначе; онъ знаетъ также, что судъ отъ него далеко и что старики сложили поговорку: «вора ловили, да себя погубили». Тамъ еще жди суда и его рѣшенія, да и Богъ его знаетъ, какое оно будетъ; а тутъ короче и досаду выместить, да и человѣку добро, потому что отучилъ его отъ дурного.

Только выносливость и крѣпкое здоровье, или случай, спасли Подкорытова отъ смерти. Будь онъ слабѣе, или караульные невнимательнѣе, и вотъ однимъ убитымъ больше и между кандальными явился бы новый товарищъ. Спросите такого убійцу, какъ и за что попалъ онъ въ острогъ, и онъ отвѣтитъ: по несчастію, грѣхъ случился. И точно, случился грѣхъ, потому что Какауровъ хотѣлъ только поучить построже Подкорытова, но не убивать его; если бы онъ хотѣлъ убить, ему бы ничего не стоило пустить въ него зарядъ изъ винтовки, или разсѣчь его топоромъ. Человѣкъ слишкомъ горячій, Какауровъ не имѣлъ столько разсудка, чтобы понимать, что онъ дѣлаетъ, и колотилъ несчастнаго не въ мѣру потому, что не понималъ, что онъ бьетъ больше, чѣмъ человѣческая натура можетъ вынести. Невѣжество русскаго человѣка въ этомъ такъ велико, что онъ срываетъ досаду всей той силой, ка-

кая въ немъ есть. Онъ бьетъ во всю мочь, не разбирая кого онъ бьетъ – лошадь, женщину или ребенка; оттого такъ часты случаи убійствъ, по нечаянности, подъ горячую руку. Баба, убившая своего мужа чугуннымъ горшкомъ, не съумѣла только сообразить относительную крѣпость горшка и мужицкой головы. Понимай она, т. е. только задай себѣ вопросъ, чѣмъ могутъ кончиться такіе побои и разумѣется, она не стала бы бить чугуномъ. Вотъ почему и эта баба говоритъ, что она попала въ каторгу по несчастію, что случился грѣхъ. Большая часть убійцъ этого рода не понимаютъ сами, какъ случилось убійство. Вся вина ихъ въ томъ, что они люди слишкомъ горячіе и непонимающіе, что они дѣлаютъ.

Даже и другой сортъ убійцъ, люди убивающіе, чтобы ограбить и разжиться деньгами, дѣлаютъ это обыкновенно по тупоумію. Интересный фактъ этого рода представляетъ убійство, случившееся въ Саксоніи въ 1859 году. Убійцей былъ 15-лѣтній мальчикъ, Карлъ Вюстнеръ. Привожу этотъ случай потому, что при производствѣ уголовныхъ процессовъ заграницей опредѣляются съ большой обстоятельностію побудительныя причины преступленія, и самого преступника стараются разъяснить полнѣе, какъ извѣстную психологическую задачу. Всѣ наши процессы описываются и ведутся гораздо проще. Въ томъ видѣ, какъ излагаются у насъ процессы въ печати, они представляются весьма нехитрыми и несложными. Задумала ли баба отравить своего мужа, она пошла къ другой бабѣ, купила у нея мышьяку, насыпала его въ водку и дала выпить мужу. Или еще проще, разрубила ему ночью голову топоромъ, а потомъ выскочила изъ избы и объявила міру о томъ, что она сдѣлала. Но бываютъ случаи, когда сдѣланное убійство разъясняется слѣдствіемъ такъ странно, что нѣтъ никакой возможности понять изъ него что-либо. Такъ, въ 22 № Прк. Вѣд. 1862 г. разсказывается, что «поселянинъ ачинскаго округа Алексѣй Лисицынъ нанесъ топоромъ по головѣ рану поселенцу Кондратію Катышкину, который спустя три дня умеръ. Произведеннымъ по этому предмету разслѣдованіемъ обнаружено, что Лисицынъ совершилъ преступленіе, не имѣя никакой злобы къ убитому. По его словамъ, онъ ранѣе задумалъ совершить преступленіе надъ приказчикомъ Мисаиловымъ будто бы за нанесенную ему брань и обиду; но по какому-то безотчетному внушенію, безъ всякаго повода, схватилъ вблизи лежащій топоръ и ударилъ имъ по головѣ бывшаго въ одной съ нимъ казармѣ поселенца Катышкина. Это было одно мгновеніе, которое и самъ Лисицынъ называетъ безпамятствомъ. Намѣреніе Лисицына убить приказчика Мисаилова, а также и поводъ къ совершенію этого преступленія, при слѣдствіи не подтвердились». Слѣдователь не разъяснилъ здѣсь ничего; человѣкъ хотѣлъ убить одного, а убилъ другого; Петръ ли то, или Иванъ –ему все равно, лишь бы убить кого нибудь. Такіе факты у насъ нерѣдки. Такъ, въ одной острожной больницѣ два арестанта хотѣли убить третьяго за шпіонство. Но какъ они не могли найти сразу, гдѣ онъ спитъ, то и рѣшили рѣзать всѣхъ сподрядъ, потому что виноватому тогда, разумѣется, не увернуться. Убійство производится здѣсь совершенно спокойно, и человѣка рѣжутъ хладнокровнѣе, чѣмъ курицу. Какой

же процессъ происходитъ въ убійцѣ? Процессъ очень простой, тотъ же самый, какой и въ поварѣ, когда онъ рѣжетъ цыпленка или барана. Нужно зарѣзать, онъ и рѣжетъ. Чтобы приходить въ содраганіе отъ вида человѣческой крови, или чувствовать жалость къ мольбамъ жертвы, надо имѣть головной мозгъ и нервы болѣе впечатлительные и болѣе тонкаго развитія, чѣмъ какими владѣетъ русскій человѣкъ, особенно пошатавшійся по острогамъ. И съ молоду онъ ужь испыталъ на себѣ ухваты, кочерги и всякихъ сортовъ колотушки; потомъ изболтался отъ всей окружающей его нищеты и неурядицы; потомъ попалъ въ острогъ, видѣлъ плети и на своей и на чужой спинѣ, видѣлъ людей, обезображенныхъ шпицрутенами. Такая школа очень укрѣпляетъ нервы, особенно если они и раньше отличались проволочными свойствами. Къ этому человѣкъ получаетъ еще въ острогѣ философское воспитаніе; въ немъ образуется особенное міросозерцаніе и извѣстные принципы, повѣрья и предразсудки. Арестанты думаютъ, что когда убѣжишь изъ острога, то перваго кого ограбишь, чтобы завестись одеждой или сапогами, слѣдуетъ убить,—а то будетъ неблагополучно. И неопытный арестантъ, запомнивъ это правило, совершенно удовлетворяется той причиной, что будетъ неблагополучно. А что значитъ неблагополучно, онъ не спрашиваетъ, потому что этотъ вопросъ ему вовсе и не представляется. Я знаю фактъ, гдѣ бѣглый арестантъ убилъ человѣка потому, что ему понравились его новые сапоги. Если бы онъ вздумалъ снимать сапоги силой, то разумѣется, для бродяги могло бы явиться неблагополучіе, потому что его могли поймать. А тутъ дѣло кончилось безъ хлопотъ и шуму. Кто знаетъ, какимъ путемъ явились всѣ эти мертвыя тѣла, съ признаками насилія, о которыхъ публикуютъ Иркутскія вѣдомости? Я насчиталъ ихъ въ 1862 г. до 55. Но сколько случается всѣхъ убійствъ, этого нельзя сказать даже и приблизительно. Можетъ быть всѣхъ мертвыхъ тѣлъ съ признаками насилія, найдется и болѣе ста, а можетъ быть въ цифрѣ 55 заключаются всѣ убитые. Сибирь страна очень широкая, дорогъ здѣсь мало, пустырей и лѣсовъ много, народонаселеніе рѣдко, слѣдовательно совершать убійства и хоронить концы весьма удобно. Если бы здѣшніе убійцы были народъ болѣе развитой, то, разумѣется, они бы ловчѣе скрывали и свои преступленія. Но при своемъ тупоуміи и простоватости они убиваютъ самыми простыми способами, большею частью шкворнемъ, камнемъ или просто хлѣбнымъ ножемъ и, убивъ человѣка и оттащивъ его въ кусты, убійца продолжаетъ спокойно свое путешествіе. Если бы тѣла убитыхъ жидовъ убійцы зарыли въ землю, или бросили бы въ воду, то, разумѣется, убійцъ никто бы не поймалъ, и они благополучно гуляли бы теперь въ пермской, или казанской губерніяхъ. Но расчитавъ населеніе Забайкалья и на русское авось, убійцы попались скоро. Какъ русскій человѣкъ отличается неразвитіемъ въ жизни и въ своихъ потребностяхъ, такимъ же неразвитіемъ отличается онъ и въ своихъ преступленіяхъ. Того злодѣйскаго характера, тонины обдуманности и сложныхъ интригъ, которыя такъ обыкновенны въ преступленіяхъ западныхъ европейцевъ, у русскихъ нѣтъ. Русскій человѣкъ очень простъ и большею частью самъ не знаетъ,

какъ случился съ нимъ грѣхъ; оттого онъ и зоветъ свои вины глупостью, несчастіемъ и грѣхомъ. Даже убійцы по ремеслу, видавшіе много остроговъ и знакомые съ каторгой, отличаются той же тупостью и неразвитостью. Пожалуй, можно ихъ идеализировать, какъ это дѣлаютъ наши современные описатели остроговъ, но отъ идеализаціи и до дѣла еще слишкомъ далеко. Наша гражданская неразвитость видна у насъ во всемъ, во всѣхъ понятіяхъ народа и во всѣхъ преступленіяхъ простаго человѣка. Отъ этого у насъ преступленія совершаются или въ горячкѣ, въ безпамятствѣ, или въ спокойномъ состояніи духа, съ тѣмъ хладнокровіемъ, которое такъ поражаетъ цивилизованныхъ людей.

Но возвратимся къ 15-лѣтнему убійцѣ Вюстнеру. Этотъ Вюстнеръ былъ сынъ рудокопа и съ 1858 года началъ самъ работать въ рудокопнѣ. За свою ежедневную 12-ти-часовую работу онъ получалъ въ четырнадцать дней около 1 руб. 84 коп. Вюстнеръ былъ тихій и мягкосердечный мальчикъ и товарищи отзывались о немъ хорошо. Отецъ воспитывалъ его съ строгостію и иногда наказывалъ Карла, но только рукою. Карлъ былъ одѣтъ весьма бѣдно, «воскресныхъ вещей» онъ не имѣлъ, и его желаніе имѣть шляпу, какія носили всѣ его товарищи, до сихъ поръ не могло быть исполнено.

Около четырехъ часовъ утра Карлъ уходилъ изъ дому. Онъ бралъ съ собой пищу на весь день, состоявшую изъ хлѣба съ масломъ, а иногда, когда дома масла не было, изъ одного хлѣба. Теплое кушанье—картофель, супъ или кофе онъ получалъ только вечеромъ, по возвращеніи домой. Большая же часть его товарищей, родители которыхъ жили близъ рудокопни, получали отъ нихъ теплую пищу въ полдень. Порція, дававшая Вюстнеру, была такъ незначительна, что онъ съѣдалъ иногда весь хлѣбъ уже за завтракомъ. Карлъ работалъ иногда за нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей, но вырученную за это плату онъ долженъ былъ отдавать своему отцу.

Въ рудокопнѣ было заведено, что работники могли покупать у жены смотрителя хлѣбъ, масло, пиво. Отецъ Вюстнера позволилъ ему издерживать на съѣстные припасы два гроша въ двѣ недѣли. Однажды Карлъ издержалъ однимъ грошомъ болѣе и отецъ, выбранивъ его, угрожалъ, что если вина повторится, то онъ поколотитъ его сильно.

Не смотря на это долгъ его дошелъ наконецъ до 1 талера 23 грошей. Жена смотрителя требовала нѣсколько разъ уплаты и грозила попросить своего мужа вычесть долгъ изъ заработной платы.

Въ тотъ день, когда совершилось убійство, отецъ Вюстнера сказалъ ему, что пошлетъ въ полдень старшаго сына за полученіемъ заработной платы Карла. Карлъ отдалъ брату 3 талера и въ то же время заплатилъ маленькую сумму женѣ смотрителя, обѣщая расчитаться съ ней окончательно на другой день.

При работѣ Вюстнеру постоянно приходила мысль, что онъ не можетъ отдать долга. Его мучила мысль, какъ бы добыть денегъ, и на него напалъ страхъ.

Размышляя такимъ образомъ, ему въ четвертомъ часу пришла вдругъ

мысль убить кого нибудь вечеромъ, и именно кого нибудь изъ работниковъ, потому что въ этотъ день всѣ они получили плату. Въ это время онъ еще не рѣшилъ кого убить, а также гдѣ и какимъ образомъ. Когда онъ рѣшился убить, ему совсѣмъ не приходила мысль, что лучше бы никого не убивать; онъ не испытывалъ никакой внутренней борьбы. Онъ думалъ только, что замышляетъ нѣчто худое и надѣялся, что о его поступкѣ никто не узнаетъ.

Послѣ пяти часовъ онъ оставилъ рудокопню и пошелъ домой съ нѣсколькими товарищами. Дойдя до кучи хвороста, Вюстнеръ вытащилъ изъ нея сосновый сукъ, которымъ хотѣлъ убить. Когда приготовилъ онъ палку, то только тогда онъ подумалъ, что ему бы убить Палитца. Вюстнеръ былъ увѣренъ, что Палитцъ его догонитъ и нѣсколько разъ просилъ товарищей подождать Палитца. Также только дорогой подумалъ онъ въ первый разъ о томъ, гдѣ онъ убьетъ Палитца: онъ рѣшился убить его въ сосновой рощѣ, лежавшей на ихъ пути.

Вскорѣ нагналъ ихъ Палитцъ, а товарищи, расходясь по домамъ, оставили наконецъ Вюстнера и Палитца однихъ. Вюстнеръ спросилъ Палитца, много ли онъ получилъ денегъ, и узналъ, что 4 т. 18 гр. Вюстнеръ сдѣлалъ этотъ вопросъ, потому что хотѣлъ это знать и убить Палитца. Когда они были близъ рощи, то Карлъ подумалъ, что онъ будетъ бить Палитца по головѣ, но ему сейчасъ же пришло на мысль, что послѣ перваго удара Палитцъ только упадетъ и не будетъ еще убитъ, и потому ему прійдется ударить еще нѣсколько разъ».

Когда они вошли въ рощу, Карлъ ударилъ Палитца съ лѣвой стороны во всю силу. Палитцъ упалъ, сталъ визжать и сказалъ разъ или два: Карлъ пусти меня». Тогда ему стало страшно, онъ боялся, что кто нибудь придетъ, потому что Палитцъ сильно выль. Но не смотря на просьбу Палитца, онъ не могъ пустить его, такъ какъ онъ его уже ударилъ. Палитцъ хотѣлъ приподняться, но Карлъ ударилъ его еще нѣсколько разъ по лѣвой сторонѣ головы.

Когда Палитцъ былъ уже мертвъ, Карлъ вынулъ у него изъ кармана платокъ съ деньгами и при выходѣ изъ рощи спряталъ дубину въ ямѣ подъ снѣгомъ.

Все это продолжалось не болѣе десяти минутъ, и въ четверть восьмаго Карлъ былъ уже дома. Когда онъ подумалъ, что его схватятъ и что все это откроется, ему стало страшно. Осмотрѣвъ себя, онъ увидѣлъ на платьѣ и сапогахъ кровь; онъ вымылъ руки и вытеръ сапоги. Потомъ, вынувъ изъ печки супъ, онъ ѣлъ его. Послѣ супа онъ ѣлъ хлѣбъ съ масломъ и кушанье казалось ему вкуснымъ.

Поѣвши, онъ сталъ вязать чулокъ, что онъ всегда дѣлалъ по вечерамъ. Но вскорѣ ему захотѣлось спать и онъ уснулъ, положивъ руки на столъ и голову на руки. Онъ проснулся въ восемъ часовъ, разбуженный приходомъ матери, и она пошла въ сосѣдній домъ, гдѣ отецъ его свѣжевалъ корову. Дорогой у Карла болѣло сердце; ему было страшно, потому что онъ убилъ Палитца. Онъ думалъ, что это откроется.

Утромъ онъ по обыкновенію отправился на работу, но дойдя до рощи,

ему стало страшно; ему было очень нехорошо, когда онъ проходилъ черезъ рощу.

Въ рудокопнѣ никто не замѣтилъ въ Вюстнерѣ ничего особеннаго, даже послѣ того, какъ пришло извѣстіе, что нашли трупъ Палитца. Онъ исполнялъ свою работу, какъ обыкновенно.

Во время процесса Вюстнеръ былъ спокоенъ и равнодушенъ, въ немъ не было замѣтно ни раскаянія, ни страха предъ наказаніемъ. Онъ сказалъ, что присутствовалъ бы при похоронахъ Палитца, если бы имѣлъ на то время. Даже видъ убитой горемъ матери Палитца, ея дрожащій голосъ и изліянія горя и отчаянія, которыя сильно потрясли сердца всѣхъ присутствовавшихъ, не произвели на Вюстнера никакого впечатлѣнія: онъ только нѣсколько разъ наклонялъ голову и смотрѣлъ въ землю.

Только когда была вызвана его мать, онъ потерялъ свое обычное хладнокровіе. При видѣ ея Вюстнеръ началъ плакать тихо, но горько и наконецъ его громкія рыданія слились съ плачемъ его матери.

Ребенокъ убивалъ, потому что не понималъ, что онъ дѣлаетъ; все его хладнокровіе это только тупость и равнодушіе, созданныя его печальной жизнью, полною лишеній. Онъ не цѣнилъ и не могъ цѣнить жизнь, потому что она не представляла для него ничего привлекательнаго. Какое же было для него основаніе цѣнить жизнь другого? Низкій уровень матеріальнаго благосостоянія, неразвитость и нужда, вотъ что создало изъ Вюстнера убійцу. Его преступленіе просто непониманье того, что онъ сдѣлалъ. Впослѣдствіи, развившись, онъ можетъ быть и понялъ бы, что онъ сдѣлалъ, но въ моментъ свершенія убійства онъ понимать этого еще не могъ. Вотъ и причина его равнодушія. Такое непониманье очень обыкновенная вещь и въ взрослыхъ убійцахъ, когда жизнь затупила ихъ до скотскаго состоянія способностей. Въ Перчинскомъ заводѣ замужняя баба убила вмѣстѣ съ своимъ любовникомъ своего мужа, и сейчасъ же послѣ этого она «имѣла любовь». Угрызеніе совѣсти, которое такъ любятъ моралисты, возможно только въ тѣхъ, кто понимаетъ свой поступокъ, потому что совѣсть есть только способность оцѣнки своихъ дѣйствій. Но ни въ Вюстнерѣ, ни въ этихъ любовникахъ не было еще этой способности, и потому странно удивляться, почему они не убивались отъ своего ужаснаго поступка, почему они не терзались, не плакали. Не дѣлали они этого потому, что не могли; совершенно потому же, почему прикащикъ обмѣриваетъ и обвѣшиваетъ продавца, и спитъ послѣ этого спокойно: онъ не понимаетъ, что онъ дѣлаетъ.

Но есть въ поступкѣ Вюстнера обстоятельство, имѣющее практическое значеніе; оно заключается въ томъ, что у него былъ постоянно страхъ — какъ бы не узнали объ убійствѣ. Эта боязнь, чтобы преступленіе не было открыто, черта всѣхъ проступковъ и преступленій. Каждый воръ, каждый убійца боится этого и потому старается всѣми мѣрами скрыть слѣды своего преступленія, на сколько достаетъ у него на это способностей; и если, по несчастію, онъ будетъ заподозрѣнъ и преданъ суду, то и тутъ всякими выдумками и ложью старается скрыть свою вину. Вотъ почему длительное пре-

слѣдованіе преступленій путемъ общественной гласности такъ важно относительно уменьшенія ихъ числа. Но въ Сибири не только нѣтъ общественной гласности, но и полиціи подобной Петербургской. Въ Петербургѣ никто не станетъ привязывать вора къ дереву и ковать или ввинчивать въ него совокъ. Гораздо проще отвести пойманнаго мошенника въ кварталъ. Такъ тамъ и дѣлаютъ. Но въ какой кварталъ вести вора, пойманнаго возчиками на большой дорогѣ? И къ чему поведетъ представленіе его полиціи и суду? Есть ли увѣренность, что воръ будетъ точно признанъ воромъ и будетъ наказанъ? Если бы такая увѣренность жила въ возчикахъ, едва ли бы они стали расправляться съ ворами по своему. Но они изъ опытовъ прошедшихъ лѣтъ знаютъ очень хорошо, что представленіе вора даже съ полными уликами не вело ни къ чему. Бывали даже такіе случаи, что кяхтинскій купецъ заѣзжаетъ дорогой къ купцу тунгурскому и у него въ квартирѣ находитъ мѣсто съ чаемъ, съ своей мѣтой, украденное дорогой. И купецъ все-таки не заводитъ дѣла, потому что знаетъ, что изъ этого ничего не будетъ. Можетъ быть дѣятельность полиціи и судовъ Сибири измѣнилась въ послѣднее время, но народъ, воспитавшійся на преданіи, туго вѣритъ полицейскому и судебному прогрессу. Нельзя думать, чтобы возчикамъ доставляло удовольствіе бить воровъ, потому что это все-таки хлопоты и трата времени, но они рѣшаются на эту мѣру, какъ на единственную въ ихъ положеніи. А между тѣмъ въ какой степени надзоръ по большимъ дорогамъ могъ бы быть полезенъ и какъ могло бы быть значительно его вліяніе на уменьшеніе мошенничествъ и воровства, видно изъ того, что побитые возчиками воры тщательно скрываютъ причину болѣзни отъ своихъ домашнихъ и не открываютъ своего секрета даже тогда, когда они умираютъ отъ этихъ побоевъ. Однимъ пойманнымъ и преданнымъ суду воромъ запугиваются десять остальныхъ, и если они и не перестанутъ красть совсѣмъ, но крайней мѣрѣ станутъ воровать осторожнѣе и съ меньшей наглостью.

Но чтобы это случилось, необходимо, чтобы за быстрой поимкой слѣдовалъ бы и быстрый судъ. Въ Англіи напримѣръ, особенно въ Лондонѣ, дѣла идутъ такъ быстро, что нерѣдко люди, сдѣлавшіе сегодня преступленіе, завтра уже предаются суду присяжныхъ. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы и у насъ не явилась современемъ значительнѣйшая противъ нынѣшней быстрота въ производствѣ уголовныхъ процессовъ. Но этого еще мало. Человѣкъ въ большей части случаевъ дѣлаетъ то, что принуждаютъ его дѣлать обстоятельства, слагающіяся такъ или иначе подъ вліяніемъ учрежденій страны. Органическія особенности, дозволяющія человѣку уклониться такъ легко отъ установившихся порядковъ и совершать такъ называемыя тяжкія преступленія, какъ убійства, составляютъ рѣдкое исключеніе. Большая же часть преступленій и проступковъ зависитъ прямо отъ учрежденій, находящихся въ противорѣчіи съ натурой человѣка. Каждый человѣкъ дѣлаетъ только то, что ему пріятно, и старается освободиться отъ непріятнаго. Когда крестьянину, а особенно дворовому человѣку, становились совершенно невыносимы преслѣдованія помѣщика, его палки и розги—дворовый бѣжалъ, рѣшаясь лучше на скиталь-

ческую жизнь бродяги, чѣмъ терпѣть дома вѣчную каторгу. Разумѣется, человѣкъ не рѣшился бы покинуть свой домъ, если бы былъ убѣжденъ, что существуетъ другое средство измѣнить обстоятельства. Но такихъ средствъ въ распоряженіи крестьянина и двороваго человѣка не было; онъ зналъ, что нѣтъ такой власти на землѣ, которая бы изъ помѣщика-злодѣя сдѣлала добродѣтельнаго человѣка. Люди болѣе рѣшительные прибѣгали къ убійствамъ своихъ господъ и, какъ увѣряетъ одинъ русскій писатель, число убиваемыхъ помѣщиковъ доходило въ годъ среднимъ числомъ до семидесяти. Люди же, не рѣшавшіеся на подобное дѣло, бѣжали и скитались по Россіи изъ конца въ конецъ, съ фальшивыми паспортами, или совсѣмъ безъ всякаго вида. Трудности военной службы и существовавшая до сихъ поръ строгость и даже жестокость обращенія съ солдатами, а особенно съ рекрутами, создали дезертерство. Строгость же обращенія по принципу и система устрашенія была такого размѣра, что высшей мѣрой наказанія солдату за обыкновенныя преступленія было принято 6,000 ударовъ шпицрутенами. И что замѣчательно, находились люди, которые выносили даже большее число ударовъ. Если и до сихъ поръ попадаются въ Сибири старики, о спины которыхъ были избиты цѣлыя березовыя и орѣховыя рощи. И старики эти бодры и крѣпки. Что за страшная, нечеловѣческая сила жила въ этихъ людяхъ! Такъ Горкинъ, нѣкогда гроза всѣхъ проѣзжавшихъ по охотскому тракту, разбивавшій съ двумя товарищами цѣлыя роты солдатъ и толпы мужиковъ, высылаемыхъ для его поимки, человѣкъ, голова котораго изрублена вся саблями, а спина приняла безъ счету кнуты, палки и розги, до сихъ поръ, не смотря на свои 70 лѣтъ, имѣетъ видъ человѣка 45 — 50 лѣтъ. Правда, что Горкины рѣдки, но они бывали. Можетъ быть, и нынче найдутся подобные же желѣзные люди, но только наказывать ихъ такимъ жестокимъ образомъ нерасчетъ. Они не дѣлаются отъ этого лучше, и общество не выигрываетъ ничего въ своей безопасности. Когда обращеніе было здѣсь строже, когда нерчинскіе начальники ходили на работу съ двумя палачами, въ видѣ адъютантовъ, чтобы пороть рабочаго кнутомъ за малѣйшую оплошность, явилось только больше бѣглыхъ и являлись покушенія на убійство жестокихъ командировъ. Сдѣлалось начальство мягче — стали и преступники лучше. Строгость, можетъ быть, и очень полезна, но человѣкъ не чугунъ и каторжный цѣнитъ ласку и гуманное обращеніе еще болѣе, чѣмъ не каторжный. До чего доходило заблужденіе людей, полагавшихъ, что устрашеніе исправляетъ людей, можно видѣть изъ той виртуозности, съ какой былъ придуманъ нашъ неподражаемый наставникъ — кнутъ. Кнутъ состоялъ изъ четырехъ частей. Сначала деревянная рукоятка, т. е. палка длиной въ пять и толщиной въ діаметрѣ въ одинъ вершокъ. Въ концѣ этой палки прикрѣплено желѣзное кольцо. Къ кольцу привязывается другое кольцо, къ которому придѣлана плеть длиной вершковъ десять, толщины такой же какъ палка, сплетенная плотно изъ ремня, какъ казацкая нагайка. Въ концѣ этой плети опять кольцо, къ которому привязывается вторая точно такая же плеть. Плети эти тверды, какъ палки. Эти три ужасныя части, имѣющія съ кольцами длину болѣе полутора аршина, обладаютъ каче-

ствами вполнѣ способными запугать даже и не совсѣмъ робкое воображеніе. Но все это еще не кнутъ. Собственно кнутомъ считается послѣдняя, четвертая часть. Кнутъ съ виду вещь очень деликатная. Это маленькій сыромятный ремешокъ, длиной вершковъ двѣнадцать, согнутый по длинѣ въ видѣ желобка. На обѣихъ концахъ желобокъ этотъ сжатъ и загнутъ въ видѣ маленькаго крючечка. Въ такомъ видѣ желобокъ имѣетъ видъ модели очень длинной и узкой американской лодки. Ремень этотъ привязывается однимъ концомъ къ кольцу послѣдней плети. Такимъ образомъ кнутъ въ полномъ своемъ составѣ имѣетъ рукоятку, двѣ плети и желобокъ. Всѣ эти части, связанныя большими кольцами, совершенно подвижны и позволяютъ сложить кнутъ. Вся длина его почти два съ половиной аршина. Спеціальное качество желобка заключается въ томъ, что онъ, не смотря на свою кажущуюся нѣжность и опрятный цвѣтъ, твердъ, какъ желѣзо. Механизмъ сѣченія долженъ былъ, по теоріи, заключаться въ томъ, чтобы ударить наказываемаго непремѣнно ребрами желобка и разсѣчь кожу; затѣмъ крючечкомъ слѣдовало зацѣпить кончикъ помѣченной такимъ образомъ узкой полоски и снять ее въ видѣ ремня. Такъ ли водилось въ практикѣ, не знаю; но преданіе говоритъ, что между палачами бывали весьма талантливые люди, убивавшіе несчастнаго, если то было нужно, однимъ ударомъ. Такихъ виртуозовъ теперь уже нѣтъ, и кнутъ съ плетью отходятъ уже въ исторію.'

Кнутъ, при всей замысловатости его изобрѣтенія, не привелъ къ тѣмъ прекраснымъ результатамъ, какіе отъ него ожидались, и, не исправивъ нравственности людей, сошелъ со сцены. Послѣ него надъ исправленіемъ преступниковъ упражнялась плеть, но и ей пришлось убѣдиться, что нервы людей отъ побоевъ не становятся впечатлительнѣе и головной мозгъ человѣка не получаетъ иныхъ качествъ.

Такимъ образомъ главной причиной бродяжничества было крѣпостное состояніе и разныя стѣсненія военной службы. За бродяжничество было осуждено: въ 1856 году 4294 ч., въ 1857 г.—4029, и въ 1858 —3975 ч. Постепенное уменьшеніе бродяжничества произошло только потому, что по манифесту многіе, преданные суду, были въ 1857 и 58 годахъ освобождены. Число бѣглыхъ въ войскахъ достигало тоже весьма почтенной величины. Въ 1857 г. бѣжало 5791 солдатъ, въ 1858 — 5153. Изъ нихъ поймано въ 1857 г. — 2079 ч. и въ 1858 г. — 2173. Изъ числа всѣхъ преступленій бродяжничеству принадлежитъ второе мѣсто. Первое остается за воровствомъ-кражей, представляющей въ годъ обыкновенно болѣе 6000 случаевъ. Впрочемъ, въ послѣднее время воровство-кража зашло за 7000 случаевъ въ годъ.

Бывали, разумѣется, и другія причины побѣговъ; убѣгали дѣти отъ родителей, когда отцы ихъ драли ужъ слишкомъ больно; бѣгали каторжные съ заводовъ и рудниковъ; бѣгали поселенцы изъ деревень, куда ихъ посадили силой на хлѣбопашество. Но случаи эти сравнительно мелочные. Бродяжничество — черта исключительно русская и бродяга есть произведеніе русской почвы. Русскій никогда не дорожилъ особенно своей осѣдлостью и легко разставался съ ней, когда это было ему выгодно. Особенно дорожитъ ей ему и

не было причинъ. Дорожать мѣстомъ только хорошимъ и удобнымъ, гдѣ жить пріятно. Но если кругомъ все печально, заработокъ труденъ, да и эта трудовая копейка уходитъ еще не на личныя потребности крестьянина, если кромѣ бѣдности крестьянинъ терпитъ побои и долженъ былъ, какъ каторжный, работать весь свой вѣкъ не на себя, а на другихъ, не предвидя никакой возможности улучшить свое матеріальное положеніе и достигнуть обезпеченной и спокойной старости, то изъ-за чего бы дорожить ему своей деревней? И вотъ народъ, терпѣвшій разныя притѣсненія, уходилъ цѣлыми массами, переселяясь на новыя мѣста, въ пустыри, лѣса. Такъ спасались люди, до Петра отъ ратнаго дѣла и отъ дурныхъ помѣщиковъ; такъ уходили потомъ цѣлыми деревнями раскольники, спасаясь отъ утѣснявшей ихъ власти; такъ уходилъ красивую разный недовольный народъ, видѣвшій въ побѣгѣ одно средство спасенія и гдѣ нибудь на дальнемъ сѣверѣ или въ Сибири создавшій новыя населенія. Но наконецъ уходить цѣлыми массами стало не возможнымъ; дикіе лѣса исчезли, пустыя земли стали всѣ извѣстны и отъ земской полиціи укрываться новымъ поселкамъ стало невозможно. Тогда побѣги массами смѣнились побѣгами единичными, т. е. измѣнилась форма протеста, но сущность его осталась та же, и всякій русскій простой человѣкъ, недовольный своимъ положеніемъ, искалъ по прежнему спасенья въ побѣгѣ. Сыну ли стало тѣсно въ родительскомъ домѣ—бѣжитъ; крестьянину пришло ли не въ мочь отъ помѣщика — бѣжитъ; солдату тяжела военная служба или грозитъ ему наказаніе бѣжитъ; арестанту худо въ острогѣ или не хочется идти въ Сибирь — бѣжитъ; каторжнику надоѣла работа и тюремная жизнь — бѣжитъ. Бѣжавшему было трудно устроиться на одномъ мѣстѣ и онъ бродитъ, какъ волкъ, переходя изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ, пока его гдѣ нибудь не изловятъ.

Для бродячей жизни требовалось не много: способность спать на голой землѣ, подъ открытымъ небомъ, не бояться дождя когда нѣтъ крышки, питаться однимъ хлѣбомъ и водой, если не дадутъ поѣсть ничего другаго. Ко всему этому для русскаго крестьянина, солдата или арестанта не требовалось особенной привычки. Но выгода была большая въ томъ, что человѣкъ не чувствовалъ надъ собой каждую минуту грозы, что никто его не заставлялъ работать, что онъ могъ спать днемъ, когда хочетъ; однимъ словомъ, человѣкъ чувствовалъ вполнѣ свою независимость. Разумѣется, непривычный человѣкъ могъ мучиться боязнью, что его задержатъ, но противъ этого есть во-первыхъ фальшивые паспорты, потому что бумага для нихъ продается въ казначействѣ для всякаго, а мастера для подписей и печатей найдутся тоже, когда есть чѣмъ заплатить. А во вторыхъ, если и поймаютъ, то что мѣшаетъ назваться или Иваномъ непомнящимъ родства, или показать небывалую деревню и небывалаго помѣщика. Пока идутъ справки, можно убѣжать; и если не удастся или обнаружится, что первое показаніе невѣрно, можно сдѣлать второе тоже невѣрное показаніе, и удрать изъ острога. Поймаютъ второй разъ, можно сказаться Петромъ непомнящимъ, или придумать какую нибудь новую исторію и, пока дѣло тянется за всякими справками, бѣжать снова. И можно

перебиваться такъ весь свой вѣкъ, то живя подаяніемъ, то занимаясь какимъ нибудь художествомъ, то нанявшись у крестьянина работникомъ, то живя въ острогѣ на казенный счетъ. Мѣстами съ бродягами стараются обходиться очень строго и осторожно, нисколько не довѣряя ихъ невинному виду и убѣдительнымъ рѣчамъ. Медики осматриваютъ тщательно у бродягъ спины; трутъ ихъ сукномъ, чтобы обнаружить слѣды тѣлеснаго наказанія; осматриваютъ, нѣтъ ли гдѣ вытравленныхъ клеймъ: но все это съ стойкимъ человѣкомъ не ведетъ ни къ чему. Если онъ убѣжалъ изъ арестантскихъ ротъ и унесъ на спинѣ слѣды наказанія отъ шпицрутеновъ, то, разумѣется, ему нѣтъ никакого расчета разсказать всю правду, да и неблагоразумно со стороны слѣдователей полагать, что имъ удастся заставить такого человѣка раскрыть душу. Онъ очень хорошо знаетъ, что скажи онъ правду, ему предстоятъ новые шпицрутены, которые отсчитываются обыкновенно сотнями, да тысячами, а какъ бродягѣ, ему выйдутъ только розги, или въ крайнемъ случаѣ плети. Самый глупый человѣкъ не затруднится сообразить, что ему выгоднѣе. Разумѣется, при этомъ у бродягъ являются объясненія весьма страннаго свойства. Такъ въ 32 № Иркут. вѣд. 1862 г. публикуется, что бѣжавшій въ 1849 году крестьянинъ балаганскаго округа Емельянъ Ершовъ, а по воспитателю Голубевъ, возвратился въ 1861 году и отозвался, что онъ бродяжничалъ по западной и восточной Сибири. Относительно найденныхъ на тѣлѣ его знаковъ наказанія и вытравленнаго клейма онъ показалъ, что первые *произошли отъ скитальческой жизни его*, а послѣднее положено въ городѣ, Ельцѣ, орловской губерніи, гдѣ онъ осужденъ за бродяжничество. Елецкій же судъ отозвался, что въ немъ дѣла о Голубевѣ не производилось. Какъ ни странно объясненіе Голубева, что знаки наказанія произошли отъ скитальческой его жизни, но видно, что подобныя объясненія удовлетворяютъ и имѣютъ значеніе въ нашей юридической практикѣ, потому что иначе ихъ бы и не стали дѣлать. Въ этомъ случаѣ Ершовъ поступалъ какъ человѣкъ опытный. Ищи, кто онъ тамъ былъ и что надѣлалъ; не разсылать же его дагеротипныхъ портретовъ по всей Россіи, ко всѣмъ сельскимъ старостамъ. И Ершовъ знаетъ, что это невозможно; онъ знаетъ, что нѣтъ такой силы на свѣтѣ, которая бы добралась до его прошлаго, и онъ вретъ, что ему вздумается, лишь бы замести слѣдъ и сбить съ пути охотниковъ. Самое дурное чѣмъ все это можетъ кончиться - плети; а къ нимъ можетъ быть ему ужь не привыкать. Этотъ Ершовъ пришелъ на свою родину, какъ человѣкъ, которому какъ бы надоѣло шататься: это кающійся грѣшникъ. И такіе кающіеся между бродягами очень обыкновенны, особенно когда наступятъ морозы. Можетъ быть, что и не всегда именно холодъ заставляетъ ихъ явиться къ властямъ, но, къ сожалѣнію, изъ того, что публикуется въ Иркут. вѣдомостяхъ, рѣшительно невозможно добраться до побужденій этихъ кающихся грѣшниковъ, такъ что явка бродяги, кажется, какой-то безсмыслицей. Такъ 22 января, въ балаганскій земскій судъ, явился неизвѣстнаго званія человѣкъ, назвавшій себя бродягой Александромъ Овчинниковымъ, крестьяниномъ помѣщика Шкуратова, владимірской губерніи. Овчинниковъ говоритъ, что онъ бѣжалъ въ 1860 году, не

сдѣлавъ никакого преступленія, съ цѣлью избавиться отъ крѣпостной зависимости. Когда его спросили, какими рѣками и городами шелъ онъ въ Сибирь изъ владимірской губерніи, Овчинниковъ отвѣтилъ, что онъ всѣ рѣки и города перезабылъ; а на вопросъ, какія ближайшія селенія и города къ мѣсту его родины, Овчинниковъ сказалъ, что, будучи у помѣщика пастухомъ, онъ изъ дому никуда не отлучался и потому не знаетъ окрестной мѣстности. По справкамъ оказалось, что Овчинниковъ о своемъ происхожденіи налгалъ, и его отправили на работу, въ иркутскій соляваренный заводъ. Для чего явился этотъ Овчинниковъ? Неужели только для того, чтобы его высѣкли и отправили въ заводъ къ каторжнымъ? Хотя Отчинникову всего 24 года, но онъ умѣлъ же давать отвѣты такого рода, что слѣдователи не узнали отъ него ничего; точно также, онъ могъ бы сообразить и неудобство очутиться въ работѣ. Могло быть, что холода и недостатокъ средствъ заставили его искать даровато казеннаго помѣщенія. Все это могло быть, и все-таки неизвѣстно, почему Овчинниковъ явился добровольно. Весьма вѣроятно, что, при случаѣ, онъ уйдетъ снова и явится въ какомъ нибудь томскомъ судѣ подъ именемъ Петра Алексѣева, изъ него выйдетъ наконецъ опытный бродяга въ родѣ Ершова, болтавшійся по свѣту 12 лѣтъ. Впрочемъ 12 лѣтъ въ жизни бродяги еще немного. Въ тобольскомъ острогѣ сидѣлъ Иванъ-непомнящій, который дожилъ до сѣдыхъ волосъ и всю жизнь бродилъ по разнымъ губерніямъ Россіи; былъ онъ и на сѣверѣ и на югѣ; пересидѣлъ почти во всѣхъ острогахъ, и пріобрѣлъ въ осторожномъ дѣлѣ такую опытность, что можетъ убѣжать изъ всякаго острога, какъ бы устройство его ни было хитро: никто лучше его не умѣетъ уладиться въ острогѣ какъ дома, познакомиться съ арестантской аристократіей, у которой водятся и чай и деньги; никто лучше его не умѣетъ разклепать и заклепать кандаловъ, и острожные кузнецы въ этомъ случаѣ передъ нимъ — совершенные ребятишки. Ивану-непомнящему надоѣла уже скитальческая жизнь, потому что не во всякомъ возрастѣ человѣкъ способенъ бродить по свѣту, какъ волкъ, и Иванъ задумалъ воротиться на родину, въ архангельскую или вологодскую губернію. Есть между сильными и такіе, которые по двѣнадцати разъ дѣлали сибирскую дорогу въ арестантской партіи.

Но одного недовольства своимъ положеніемъ еще недостаточно, чтобы сдѣлаться бродягой, хотя недовольство есть первое побужденіе и главная причина шатанья. Нуженъ еще просторъ, степныя условія страны, позволяющія человѣку бродить сколько душѣ его угодно, съ полной увѣренностью, что онъ пройдетъ вездѣ безъ всякой помѣхи и не умретъ съ голоду. Степныя условія у насъ развиты вездѣ достаточно, особенно въ Сибири, человѣкъ гдѣ живетъ совершенно свободно, какъ въ какомъ нибудь Дагестанѣ или въ Коканѣ. Чтобы не умереть съ голоду, нужно тоже немного; русскій человѣкъ накормитъ всякаго странника, потому что за это будетъ ему награда на томъ свѣтѣ. Наконецъ, при низкомъ уровнѣ матеріальнаго состоянія нашего сельскаго сословія и при огромныхъ трудахъ его, шатанья представляютъ даже выгоды. Человѣкъ все-таки сытъ, а работать не нужно. А сколько заманчиваго

въ этой странствующей жизни, сколько новыхъ лицъ, новыхъ мѣстностей, новыхъ впечатлѣній. Люди со средствами путешествуютъ весь свой вѣкъ въ экипажахъ и по желѣзнымъ дорогамъ; бродяга—подобный же путешественникъ, но только онъ ходитъ весь свой вѣкъ пѣшкомъ и не имѣетъ постояннаго мѣста жительства.

Впрочемъ, это замѣчаніе относится до бродягъ невинныхъ, людей, скромно, безъ шалостей переходящихъ съ мѣста на мѣсто, людей, у которыхъ такъ велика потребность къ кочевой жизни, что съ появленіемъ весенняго солнышка никакія силы не удержатъ его на мѣстѣ; онъ разорветъ кандалы, подкопается острогъ и уйдетъ въ лѣсъ, чтобы валяться на травѣ, грѣясь на солнцѣ, и дышать полной грудью свѣжимъ, весеннимъ воздухомъ. Кромѣ этихъ бродягъ діллетантовъ, вся вина которыхъ въ томъ, что у нихъ нѣтъ письменнаго вида, есть сортъ бродягъ весьма рѣшительнаго характера. Изъ нихъ одни люди горячіе, страстные; другіе тупые, но всѣ они бѣгутъ потому, что имъ дурно, и въ обстоятельствахъ ихъ бродяжническои жизни заключается причина, почему они дѣлаются легко, по обстоятельствамъ, или ворами, или разбойниками, или даже убійцами.

Слѣдовательно, улучшеніе матеріальнаго быта народа и устраненіе всего загрубляющаго натуру человѣка, какъ побои, сѣченіе, плети, вотъ въ чемъ начало уменьшенія числа проступковъ и преступленій. Отмѣна тѣлеснаго наказанія отучитъ драться и родителей, а вмѣстѣ съ этимъ пойдетъ поколѣніе людей болѣе мягкихъ. Наука эта привьется скоро къ русскому, потому что русскій человѣкъ не золъ; онъ только деретъ безъ толку, вслѣдствіе убѣжденія всосаннаго имъ еще въ молодости, что за «битаго двухъ небитыхъ даютъ», и что «битая посуда два вѣка живетъ». Но философія эта уже очень поколебалась въ Россіи и живетъ въ своей первоначальной чистотѣ только въ Сибири, особенно въ восточной. Здѣсь побои, помимо своего всемогущаго дѣйствія при исправленіи нравственности дѣтей и взрослыхъ мужиковъ, помимо удивительнаго вліянія на быстроту почтовыхъ лошадей, хотя проѣзжающій бьетъ только ямщика, имѣютъ еще большое значеніе въ юридической практикѣ. По теоріи, существуютъ разныя формы уголовнаго судопроизводства: процессы—инквизиціонный, обвинительный, смѣшанный. Но все это теоріи, которая съ здѣшнимъ народомъ никуда не годится, и потому здѣсь производились допросы не на основаніи теоріи, а такъ, какъ легче добиться отъ обвиняемаго сознанія. Бывали точно удивительные случаи. Вотъ одинъ, бывшій въ 1877 году. Приходятъ въ полицію двѣ женщины и объявляютъ, что въ домѣ мѣщанина Русакова должно быть неблагополучно. Самого Русакова не было въ это время въ городѣ и оставались его жена, свояченица и его трое дѣтей: двѣ дѣвочки 8 и 10 лѣтъ, и грудной ребенокъ. Полиція пришла, выломала двери и нашла, что дѣвочки лежатъ на кровати зарѣзанныя, а ребенокъ въ люлькѣ задушенъ. Женщинъ нѣтъ. Идутъ въ огородъ и тамъ въ одной бороздѣ, между грядами, находятъ жену Русакова, съ пробитой головой; въ другой бороздѣ тѣло его свояченицы. Начались распросы, изслѣдованіе, но слѣдовъ преступленія не найдено никакихъ.

Въ то время, когда убитыхъ отвезли въ больницу для судебно медицинскаго изслѣдованія, явилась туда же знакомая Русаковыхъ, поселянка. Должно быть она сильно любила покойницъ, потому что страшно убивалась, плакала, ревѣла, рвала на себѣ волосы. Эта женщина взяла на себя обмыть трупы. Наконецъ свидѣтельство кончилось и убитыхъ похоронили. Поселянка провожала тѣло до самой могилы.

У народа сибирскаго есть повѣрье, что когда съ убитымъ начнетъ прощаться его убійца, то у покойника пойдетъ кровь. Полиція, вѣрившая вполнѣ въ юридическую непогрѣшимость этого повѣрья, наблюдала за всѣми, кто прощался съ покойницами. Когда подошла прощаться поселянка, то частному приставу показалось, что у убитыхъ потекла кровь и что поселянка вышла изъ церкви сильно смущенная.

У пристава была прачка, знакомая съ этой поселянкой. На спросъ пристава, не замѣчаетъ ли она какой нибудь перемѣны въ поселянкѣ, прачка отвѣчала, что она начала сильно пить. Это еще болѣе утвердило пристава въ его подозрѣніи и онъ поручилъ прачкѣ пригласить къ себѣ поселянку, подпоить ее и завести разговоръ объ убійствѣ. Все такъ и сдѣлалось, и Анна Ивановна въ пьяномъ видѣ призналась пріятельницѣ, что это ея дѣло. Только что она сказала это, изъ-за ширмъ выскочили спрятанные полицейскіе, и квартальный со всего маху «бацъ» Анну Ивановну въ лицо. —Ты убила Русаковыхъ? говори!—Виновата—я, отвѣтила поселянка.

Послѣ, когда Анна Ивановна сидѣла въ острогѣ, она говорила, что если бы проклятый квартальный не сконфузилъ ее внезапнымъ, оглушившимъ ее ударомъ, то разумѣется, полиція ничего бы не добилась при слѣдствіи.

Убѣжденіе въ томъ, что инквизиціонная форма допроса съ пристрастіемъ дѣйствительно ведетъ къ раскрытію истинъ, живетъ здѣсь и до сихъ поръ. Это можно заключить изъ слѣдующаго факта. Недавно у одного господина случилась кража. Подозрѣніе пало на служившую у него кухарку, но при спросѣ она не созналась. Тогда частный просилъ у господина позволенія допросить кухарку подъ розгами. Обворованный не согласился.

Въ томъ, что въ Сибири живутъ еще такія убѣжденія, винить никого нельзя. Здѣсь почва еще очень не культирована, человѣкъ первобытно простъ не только въ нижнихъ слояхъ, но даже и въ тѣхъ, куда проникаютъ европейскія идеи и гдѣ вкусъ услаждается французской кухней, шампанскимъ и гаванскими сигарами. Одни другихъ стоятъ, и французское сукно на кафтанѣ еще не сообщаетъ головѣ французскихъ идей. Отъ этого и простой народъ думаетъ, что съ пристрастіемъ узнаетъ скорѣе правду, и думаютъ такимъ образомъ тѣ, кому бы давно слѣдовало думать иначе.

Но потому, что въ Сибири такъ много простоты, потому что здѣсь соединяются всѣ удобства для бродяжничества, для укрывательства всякихъ лихихъ людей, что здѣсь легче скрыться, сдѣлавъ преступленіе, и казенной полиціи труднѣе справляться съ своимъ дѣломъ, поэтому-то и нуженъ здѣсь большій просторъ тѣмъ свободнымъ учрежденіямъ, которыя могутъ давать гражданское воспитаніе цѣлымъ массамъ сразу. Учрежденіе выборной полиціи

изъ самихъ гражданъ, т. е. изъ городскихъ и сельскихъ сословій, и гласный словесный судъ дадутъ такое воспитаніе здѣшнему хотя неразвитому, но весьма способному и неглупому человѣку, что съ молодымъ поколѣніемъ пойдутъ совсѣмъ иные порядки. По разумѣется, вмѣстѣ съ тѣмъ нужно, чтобы здѣшняго простого человѣка не могъ бить всякій, кому это вздумается. Оттого, что бить простого человѣка считается позволительнымъ, а простымъ считается тотъ, кто одѣтъ бѣдно или грязно, бываютъ иногда такіе случаи, что побитый оказывается вдругъ отставнымъ чиновникомъ или офицеромъ; бивали даже и чиновницъ.

Правительственное измѣненіе учрежденій не можетъ, разумѣется, измѣнить всѣхъ обстоятельствъ, побуждающихъ людей на дурное, такъ чтобы люди вдругъ сдѣлались добродѣтельными. Но число преступниковъ уменьшится значительно даже и отъ того, что сдѣлано. Отъ одного преобразованія откуповъ уменьшится число преступниковъ болѣе чѣмъ на тысячу человѣкъ въ годъ, ибо за нарушеніе правилъ о питейномъ сборѣ было наказанныхъ:

въ 1856 г.	. . . . .	1293 ч.
» 1857 »	. . . . .	1325 »
» 1858 »	. . . . .	1528 »

Если улучшеніемъ быта земледѣльческаго и военнаго сословій прекратится только одно бродяжничество, то и въ этомъ случаѣ число преступленій уменьшится въ годъ по крайней мѣрѣ на 4 т. случаевъ. Такимъ образомъ, отъ измѣненія только въ двухъ статьяхъ число преступленій уменьшится почти на одну треть, ибо всѣхъ обвиненныхъ въ 1858 году было 18 тысячъ человѣкъ. Но коренныя мѣры, дающія полный просторъ развитію экономическихъ силъ народа, необременительные налоги, гуманный, неразорительный для крестьянъ способъ собиранія ихъ, преобразованія въ паспортной системѣ, свобода промысловъ, улучшенія путей сообщеній и земская собственность, достаточная для покрытія всѣхъ расходовъ крестьянской семьи,—все это, улучшивъ бытъ народа, уменьшитъ непремѣнно число случаевъ святотатства, разбоевъ, грабежей и воровства всякаго рода. На воровство не ходятъ тѣ, кому тепло и сытно, а идетъ тотъ, кому холодно и голодно, кто съ малолѣтства видѣлъ только нужду, да лишенія и, можетъ быть, съ пяти лѣтъ учился протягивать руку за милостыней. Можетъ быть, все это и очень скверно и преступно, но видно, что человѣку нельзя было поступать иначе: было бы можно—воровать не пошелъ бы.

IV.

Въ предъидущей главѣ я старался доказать, что улучшеніе матеріальнаго благосостоянія людей есть главное, основное средство для уменьшенія числа преступленій. То же средство служитъ и для улучшенія нравственности уже наказанныхъ преступниковъ. При карательной системѣ, гдѣ общество является мстителемъ, гдѣ воздается кровь за кровь, око за око и зубъ за зубъ, существуетъ совершенно обратный взглядъ на дѣло. Тамъ наказаннаго стараются заставить испытывать всевозможныя лишенія; тамъ намѣренно роняютъ уровень матеріальныхъ потребностей человѣка, тамъ человѣка, привычнаго къ говядинѣ и молоку пріучаютъ къ хлѣбу и капустѣ; тамъ того, кто спалъ на голыхъ доскахъ, пріучаютъ спать на землѣ; тамъ человѣка, привыкшаго только къ колотушкамъ, пріучаютъ къ розгамъ и палкамъ. Такое матеріальное перевоспитаніе изъ человѣка горячаго дѣлаетъ озлобленнаго, изъ виноватаго по случаю—злодѣя по разсчету. Привыкнувъ ко всему дурному и зная, что хуже того, что онъ испыталъ, придумать ничего нельзя, человѣкъ, доведенный систематически до состоянія дикаго звѣря, такъ и останется звѣремъ. Онъ былъ лучше, когда ему было лучше, и сталъ хуже, когда ему стало хуже. Завися отъ обстоятельствъ, онъ и дѣйствуетъ, какъ велятъ ему обстоятельства. Въ то время, какъ карательная система была у насъ въ большомъ ходу, пріѣхалъ въ восточную Сибирь на ревизію какой-то сенаторъ. Въ Иркутскѣ въ то время существовалъ еще ремесленный домъ, гдѣ работали ссыльные. Многіе изъ нихъ уже обзавелись домами и жили отдѣльной слободой, другіе жили въ острогѣ. Матеріальное благосостояніе ихъ уже поднялось значительно, явились вещи, неизвѣстныя въ быту арестантовъ, и на полкахъ въ камерахъ стояли даже самовары. Сенаторъ очень разсердился на это и даже спросилъ смотрителя острога: «это что значитъ? Такъ-то они живутъ у васъ?..» Послѣ ревизіи многіе изъ арестантовъ были разсорены совсѣмъ. Приведу одинъ примѣръ. Въ числѣ ремесленниковъ-арестантовъ былъ кузнецъ, сосланный въ каторгу на 20 лѣтъ. Въ каторжную работу отправленъ онъ не былъ, а приписанъ къ «Ремесленному дому». Здѣсь онъ работалъ уже 19 лѣтъ, женился, имѣлъ дѣтей, пріучалъ ихъ къ ремеслу, завелъ домъ и хозяйство. Сенаторъ нашелъ, что начальство не имѣло права оставлять такого злодѣя въ ремесленномъ заведеніи, а должно было отправить его въ каторжную работу въ рудники, и кузнеца отправили въ Нерчинскій заводъ. Человѣка, точно, наказали этимъ, потому что его разсорили, но вмѣстѣ съ нимъ наказали и все его семейство, рѣшительно ни въ чемъ невиноватое. Люди, какъ муравьи, трудились 19 лѣтъ, чтобы сложить себѣ хозяйство, но вотъ пришелъ глупый человѣкъ и разбросалъ по вѣтру всю муравьиную кучу. Кузнецъ не сталъ отъ этого хуже: черезъ три года онъ воротился, чтобы снова уладивать разсоренный домъ, но развѣ не этимъ путемъ создаются озлобленные люди? Кузнецъ былъ уже не молодъ для шатанья по дорогамъ, онъ привыкъ къ семьѣ, къ домовитости и находилъ

такую жизнь удобнѣе острожнаго заключенія, или сна въ полѣ подъ открытымъ небомъ. Но человѣкъ, менѣе установившійся въ удобствахъ жизни, человѣкъ холостой легко пошелъ бы въ бродяги; а тамъ, можетъ быть, въ воры и разбойники. Статистика восточной Сибири не говоритъ ничего, насколько эта сенаторская ревизія способствовала исправленію нравственности ссыльныхъ и каторжныхъ, а нужно полагать, что она осталась не безъ вліянія.

Чтобы человѣкъ не могъ переносить дурного, нужно, чтобы онъ привыкъ къ хорошему. Съ этого и должно начинаться исправленіе штрафованныхъ людей. Ихъ нужно всѣми силами поднимать выше того матеріальнаго уровня, до котораго ихъ уронила острожная жизнь и путешествіе въ партіи арестантовъ. Предположеніе *возить* арестантовъ до мѣста ссылки принесетъ имъ огромную нравственную пользу и прежде всего тѣмъ, что уменьшитъ время праднаго путешествія пѣшкомъ, отучающаго человѣка отъ труда. Но и эта мѣра можетъ неудаться вполнѣ, если она выйдетъ для арестантовъ не облегченіемъ, а наказаніемъ. Если, какъ было писано въ одной журнальной статьѣ, для перевозки устроятъ дилижансы, гдѣ каждый арестантъ будетъ сидѣть въ особой клѣткѣ, то этимъ накажутъ нетолько арестантовъ, но и всѣхъ ямщиковъ и почтовыхъ лошадей, которымъ придется возить фургоны. Фургоны сколотятъ, разумѣется, прочнѣе; на желѣзо не поскупятся, а въ такомъ случаѣ каждый экипажъ такой, расчитанный на 10 пассажировъ, потянетъ пудовъ сто, а со всей живой кладью, арестантскими вещами, ящиками и конвойными не менѣе пудовъ полутораста. Для сибирскихъ дорогъ и сибирскихъ обывательскихъ лошадей такой экипажъ будетъ весьма непрактиченъ, потому что подъ него потребуется въ хорошую дорогу отъ 5 до 6 лошадей, а въ распутицу лошадей 8 или 10. При такомъ большомъ числѣ лошадей, онѣ будутъ только путаться и вся тяжесть падетъ на цышловыхъ, которыя будутъ пропадать, какъ послѣ скорой ѣзды сердитаго курьера. Трудность перевозки подниметъ цѣну доставки и если расходъ этотъ отнесется на счетъ земскихъ сборовъ,—что разумѣется и будетъ,—въ такомъ случаѣ крестьянамъ прибавится еще новая тягость. И для арестантовъ путешествіе въ дилижансахъ не представитъ тоже ничего плѣнительнаго. Карета будетъ разумѣется тѣсна, по крайней мѣрѣ не такъ свободна, чтобы человѣкъ могъ вытянуть вполнѣ ноги и разнообразить положеніе тѣла; если же къ этому арестантъ будетъ сидѣть съ кандалами на ногахъ, то путешествіе выйдетъ совершенной пыткой. Зимой кандалы страшно холодятъ ноги до ломоты костей, и при скудной одеждѣ арестанту невозможно будетъ отогрѣть коченѣющіе члены; лѣтомъ же, отъ тряски, кандалы набиваютъ ноги. Такимъ образомъ арестантъ будетъ страдать отъ кандаловъ и отъ невозможности расправить истомленные ѣздой члены. Неудобство ѣзды сдѣлаетъ то, что арестанты станутъ смотрѣть съ отвращеніемъ на дилижансы и, разумѣется, будутъ стараться отдѣлаться отъ путешествія, какъ они отдѣлываются отъ тюремъ — побѣгами. А лишь бы только арестантъ захотѣлъ убѣжать, онъ убѣжитъ непремѣнно.

Было бы проще сдавать перевозку арестантовъ купцамъ, занимающимся

доставкой товаровъ. Арестантовъ повезли бы также, какъ товаръ, по 6 р. съ пуда, отъ Петербурга или Москвы до Иркутска. Доставка одного арестанта съ пищей въ пути обошлась бы не дороже 30 р. Но ихъ везли бы, разумѣется, не въ дилижансахъ, а въ обыкновенныхъ телегахъ и зимнихъ повозкахъ, по четыре человѣка на одну лошадь. Для арестантовъ этотъ способъ переѣзда былъ бы гораздо спокойнѣе и удобнѣе. Для надзора въ пути могли бы быть даны конвойные, хотя въ особенно строгомъ надзорѣ и въ запираньи арестантовъ за желѣзными засовами нѣтъ особенной необходимости. Если посмотрѣть на этихъ здоровыхъ молодцовъ, съ кандалами на рукахъ и на ногахъ, идущихъ въ числѣ партіи арестантовъ, и сравнить ихъ съ нехитрымъ воинствомъ ихъ конвоирующимъ, то первый являющійся вопросъ состоитъ въ томъ: что мѣшаетъ партіи, состоящей иногда изъ 300 человѣкъ, разогнать своихъ караульныхъ и разбѣжаться? А между тѣмъ этого не бываетъ. Не бываетъ по двумъ причинамъ: по недостатку рѣшимости на подобную штуку и потому, что арестанты знаютъ, что ихъ переловятъ. Можетъ быть, переловятъ и не всѣхъ, но кто же знаетъ впередъ, кого именно не поймаютъ? Таже боязнь удерживаетъ арестантовъ отъ побѣговъ и изъ транспортовъ. Впрочемъ, при неувѣренности, что арестанты будутъ доставлены на мѣсто въ полномъ числѣ, можно для приговоренныхъ къ тяжкимъ наказаніямъ устроить небольшія запирающіяся на замкахъ повозки, одну на четыре человѣка, въ одну лошадь и безъ перегородокъ, а поселенцевъ везти въ обыкновенныхъ повозкахъ, перемѣняемыхъ на каждой станціи. Поселенцу бѣжать нѣтъ расчета, потому что его будущее вовсе не мрачно. Такой способъ отдачи доставки съ торговъ частнымъ лицамъ избавилъ бы казну отъ многихъ хлопотъ, неизбѣжныхъ при казенномъ препровожденіи арестантовъ и содержаніи ихъ въ пути.

Улучшеніе арестантскаго быта въ острогахъ должно принести тоже огромное вліяніе на улучшеніе нравственности преступниковъ. Въ Иркутскихъ вѣдомостяхъ, разумѣется, нѣтъ никакихъ данныхъ для разъясненія этого вопроса. Онѣ не говорятъ ничего, насколько увеличивается смертность въ острогахъ и насколько люди становятся лучше, или хуже отъ тюремнаго заключенія. Впрочемъ, при карательной системѣ вопросъ этотъ не имѣетъ важности. Отсидѣлъ человѣкъ въ острогѣ 3 года, отработалъ въ каторгѣ 10—15 лѣтъ, и дѣло кончилось. А сталъ ли человѣкъ отъ того лучше, до этого смотрителю нѣтъ никакого дѣла, потому что если освобожденный вздумаетъ пошалить, его снова отстегаютъ плетьми и снова посадятъ въ острогъ. При простотѣ этой системы она удобна тѣмъ, что отъ смотрителя требуетъ только одного— умѣнья пересчитать всѣхъ арестантовъ. Но въ этой простотѣ и заключаются всѣ ея недостатки. Имѣя цѣль одну—наказаніе, смотритель, какъ ближайшій исполнитель, даже при самомъ скудномъ умѣ, легко можетъ опредѣлить что хорошо, что худо. Хорошимъ, въ смыслѣ точнаго исполненія тюремной обязанности, будетъ все то, что ухудшаетъ матеріальное положеніе арестанта, а дурнымъ все то, что облегчаетъ участь заключеннаго. Поэтому дурная и голодная пища лучше хорошей и питательной, грубое обращеніе лучше ласко-

ваго, грязь лучше чистоты, холодъ и сырость лучше тепла и спертый воздухъ лучше воздуха чистаго. Всѣ эти дурныя качества до того присущи всѣмъ острогамъ и тюрьмамъ, что дурную, темную, сырую и холодную квартиру называютъ метафорически всегда тюрьмой. Это сравненіе извѣстно даже дѣтямъ, невидѣвшимъ можетъ быть никогда настоящей тюрьмы.

Вліяніе подобныхъ мѣстъ заключенія на здоровье арестантовъ весьма разрушительно. Къ сожалѣнію, ни «Иркутскія вѣдомости», ни вообще русскія статистики не сообщаютъ по этому вопросу никакихъ свѣдѣній, и десятки лѣтъ пропали въ восточной Сибири совершенно даромъ, безъ всякихъ наблюденій.

Изъ наблюденій, сдѣланныхъ заграницей, извѣстно, что заключенныхъ умираетъ вчетверо противъ людей свободныхъ. У людей свободныхъ смертность въ 4% начинается только съ 63 лѣтняго возраста, изъ чего и слѣдуетъ, что галеры сокращаютъ жизнь на 32 — 33 года. Въ центральныхъ тюрьмахъ Франціи смертность еще сильнѣе, чѣмъ на галерахъ. Въ тюрьмахъ приходится въ годъ среднимъ числомъ 5,5 смертныхъ случаевъ на 100 заключенныхъ, при среднемъ возрастѣ 30—36 лѣтъ. Между свободными людьми этого возраста смертность составляетъ только 1%. Подобная сила смертности между свободными начинается только въ 67 лѣтнемъ возрастѣ; слѣдовательно, жизнь заключенныхъ сокращается на 36 лѣтъ. Женщины переносятъ легче заключеніе и смертность между ними въ тюрьмахъ слабѣе, чѣмъ между мужчинами на галерахъ. При среднемъ возрастѣ 32 — 84 лѣтъ средняя смертность между женщинами составляетъ 3,95%, свободныя же женщины имѣютъ въ этомъ возрастѣ смертность равную 1,10. Такимъ образомъ въ то время, когда умираетъ 20 свободныхъ человѣкъ, изъ числа заключенныхъ умираетъ: въ центральныхъ тюрьмахъ 100 мужчинъ, 70 женщинъ и 76 ссыльныхъ галерныхъ.

Смертность между галерными несоразмѣрно велика въ первый годъ. Продолжительность заключенія не оказываетъ никакого замѣтнаго вліянія на увеличеніе смертности, но смертность между заключенными въ первый разъ гораздо больше, чѣмъ между заключенными не въ первый разъ. По роду прежнихъ занятій заключенныхъ, смертность распредѣляется такъ: сильнѣе всего мрутъ земледѣльцы, солдаты, бродяги и нищіе; а меньше всего смертность между заключенными городскими ремесленниками, которые вели сидячую жизнь.

О вліяніи одиночнаго заключенія на жизнь и здоровье арестантовъ не сдѣлано еще достаточныхъ наблюденій.

И у насъ замѣчено тоже, что люди, привыкшіе къ кочевой жизни, какъ киргизы или калмыки, переносятъ съ трудомъ острожное заключеніе и нерѣдко въ теченіе года впадаютъ въ сильную легочную чахотку. Причина, почему бродяга, привыкшій къ воздуху лѣсовъ и полей, употребляетъ всѣ свои силы, чтобы вырваться изъ острога съ наступленіемъ весны, заключается въ томъ же. Его организмъ зимой переноситъ легче острожныя міазмы, но весной, когда легкія его только разъ дохнули свѣжимъ воздухомъ, заключеніе въ душномъ острогѣ становится невыносимымъ. Тутъ дѣйствуетъ чисто

физіологическая причина: какъ голодъ принуждаетъ человѣка украсть съѣстное, если онъ не можетъ добыть ѣды иначе, такъ точно и бродяги бѣжатъ весной изъ острога, потому что только при этомъ условіи заключенный получитъ количество воздуха, необходимое для возстановленія его упавшихъ силъ.

Эти факты указываютъ достаточно, насколько тюремное заключеніе, ведущее къ упадку силъ, къ разстройству здоровья и къ ускоренной смерти, нельзя считать мѣрой, удовлетворительной для исправленія нравственности заключенныхъ. Тюрьма есть тѣлесное наказаніе, можетъ быть, болѣе ужасное, чѣмъ кнутъ и плети, потому что она прямо подтачиваетъ человѣческую жизнь и для людей, привыкшихъ къ свободному, степному воздуху, составляетъ настоящую пытку, нисколько не отличающуюся отъ пытки жаждой, возбуждаемой кормленіемъ селедками. Къ недостатку воздуха присоединяется еще отсутствіе достаточнаго маціона и дурная пища. Подобное искусственное увеличеніе смертности едва ли входитъ въ соображеніе закона, желающаго карать преступника. А для государства подобная система дѣйствій нерасчетъ потому, что кромѣ усиленнаго уменьшенія народонаселенія, освобожденные становятся не лучше, а скорѣе хуже.

Въ этомъ же смыслѣ сомнительна у насъ польза и одиночнаго заключенія. Въ ней нѣтъ ничего способнаго исправить непорченнаго человѣка, потому что она — пытка, съ которой не сравнятся никакіе дыбы, никакое сѣченіе сальными свѣчами. Человѣкъ только исчахнетъ въ тюрьмѣ, онъ проклянетъ своихъ мучителей тюремщиковъ, судей, приговорившихъ его къ такому наказанію, и общество, придумавшее подобную пытку.

Въ отношеніи опытовъ надъ исправленіемъ преступниковъ ни одно государство не находится въ такомъ выгодномъ положеніи, какъ Россія. Главная наша выгода въ томъ, что мы можемъ обойтись совершенно безъ тюремнаго заключенія. Заключеніе можетъ имѣть у насъ только одну цѣль – разъединеніе судимаго отъ сообщества людей, которые бы помѣшали раскрытію истины и удобство надзора надъ осужденнымъ до исполненія приговора. Такое мнѣніе основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ.

Люди дѣлаютъ проступки и преступленія или потому, что они бѣдны, или по стеченію случайныхъ обстоятельствъ, или по горячности. Истинные злодѣи, убивающіе съ наслажденіемъ, рѣдки. Всѣ эти преступники не столько народъ дурной, сколько народъ избалованный, привыкшій къ крайне безпорядочной жизни. Слѣдовательно, имъ нужно дать возможность подняться выше того матеріальнаго уровня, до котораго они опустились. Эту возможность представляетъ Сибирь, гдѣ человѣкъ мало-мальски порядочный можетъ найти легко заработокъ весьма значительный. Легкость заработка важна въ этомъ случаѣ тѣмъ, что можетъ пріучить человѣка къ труду легко и постепенно. Этого удобства не предетавляетъ Россія, гдѣ средства для существованія даются съ большей потерей силъ и гдѣ работу найти труднѣе. Въ Сибири напротивъ цѣнятся чрезвычайно высоко всѣ свободныя руки и каждому, вновь приходящему рабочему, страна рада, потому что на каждомъ шагу она испытываетъ недостатокъ въ рабочихъ силахъ. Но человѣкъ явив-

нійся сюда внезапно и снущенный съ арестантской повозки на всѣ четыре стороны, рискуетъ или умереть съ голоду или долженъ начать воровать. Нельзя бросить человѣка на произволъ судьбы въ мѣстности для него совершенно незнакомой. Хорошо еще если у него найдутся деньги на первое время; а если денегъ нѣтъ? Наняться въ работу не къ кому. Руки здѣсь цѣнятся точно, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что каждый поселенецъ принимается съ распростертыми объятіями и найдетъ себѣ работу въ первомъ попавшемся ему домѣ. Я знаю факты, гдѣ сосланные люди дѣйствительно прекрасные во всѣхъ отношеніяхъ, какъ это оказывалось впослѣдствіи, выпущенные на свободу, по прибытіи съ партіей, ходили безполезно изъ дома въ домъ, прося работы. Обносившись въ пути, ссыльный имѣлъ нѣсколько нищенскій, подозрительный видъ, и всякій, осмотрѣвъ его съ ногъ до головы, давалъ одинъ отвѣтъ нѣтъ работы. Наконецъ, послѣ трехъ дней безплоднаго шатанья по городу новый житель Иркутска пристроился на какомъ-то кирпичномъ заводѣ.

Чтобы человѣкъ съ перваго дня по прибытіи въ новый для него край не впалъ въ соблазнъ надѣлать какихъ нибудь шалостей, надо поставить его внѣ возможности подобнаго соблазна. А для этого всѣхъ ссыльныхъ необходимо сортировать по роду избранныхъ ими занятій. Кузнецовъ пристроивать къ кузницамъ, плотниковъ къ плотничьему дѣлу, каретниковъ къ экипажнымъ мастерамъ, земледѣльцевъ къ пашнѣ и чернорабочихъ или землекоповъ къ земляннымъ работамъ. Съ тѣхъ поръ какъ золотопромышленность стала переходить здѣсь въ частныя руки и стала оттягивать работниковъ отъ пашни, такъ-называемая каторжная работа должна потерять свое значеніе. Каторжнымъ въ рудникахъ здѣсь дѣлать нечего, потому что рудниковъ не существуетъ, и вольные рабочіе исполняютъ теперь ту же каторжную работу, получая за нее вольную плату. Даже на казенныхъ промысловыхъ работахъ каторжные, окончившіе срокъ тюремнаго заключенія, посажены на задѣльную плату. Такимъ образомъ экономическія условія положили начало реформѣ въ системѣ наказанія; остается сдѣлать только небольшія измѣненія, чтобы вся система наказаній получила иной видъ; потому что частные промыслы развиваются все болѣе и болѣе, а казенные упадаютъ. Очевидно, что и людей, присылаемыхъ сюда для доставленія имъ средствъ существованія и для предупрежденія шатанья по большимъ дорогамъ нужно пристроивать къ частнымъ промысламъ. Пристроиванье это необходимо потому, что въ настоящее время работа на частныхъ промыслахъ есть чистое бродяжничество. Нанявшійся рабочій, получивъ задатокъ и обыкновенно пропивъ его, отправляется пѣшкомъ за 1, 2 и даже 3 тысячи верстъ. Отработавъ и получивъ расчетъ, онъ растрачиваетъ всѣ полученныя деньги въ первомъ селеніи съ кабакомъ, и затѣмъ шатается неизвѣстно гдѣ. Иногда приходитъ къ себѣ въ деревню, а иногда и нѣтъ. Когда начинаются новые наймы, опять получаетъ задатокъ, опять бредетъ на пріискъ, опять пропиваетъ всѣ свои деньги и опять отправляется шататься. Такая жизнь можетъ испортить и не дурного человѣка, если въ немъ есть наклонность къ веселой жизни. Разгулъ между рабочими является потому, что у большой части изъ нихъ нѣтъ осѣдлости. Поселенецъ считается въ какой

нибудь волости только номинально, а въ сущности онъ болтается весь свой вѣкъ, предпочитая веселую жизнь работника на промыслахъ скучной деревенской жизни. Не имѣя осѣдлости и семьи, человѣкъ не видитъ причины держать или копить деньги. А получая сравнительно съ своими потребностями и привычками суммы несмѣтныя, рабочій кидается во всякія сумасбродства. Рабочій на промыслахъ можетъ заработать въ лѣто отъ 200 до 300 рублей. Для человѣка, привыкшаго спать на голой землѣ и питаться чернымъ хлѣбомъ съ квасомъ и рѣдькой, триста рублей — капиталъ огромный. Семьи у него нѣтъ, дома тоже и вотъ онъ тратитъ ихъ на то, на что семейный человѣкъ тратить бы не сталъ своихъ денегъ. Кромѣ безмѣрныхъ расходовъ на водку и угощеніе всякаго, кромѣ того, что у него украдутъ въ пьяномъ видѣ, нѣкоторыя широкія натуры дѣлаютъ расходы совершенно подобные тѣмъ, какими русскіе купцы поражали въ Парижѣ французовъ. Рабочему вдругъ придетъ на мысль ѣхать лѣтомъ на саняхъ. Нанимается тройка, пьяный рабочій разваливается въ пошевняхъ и ѣдетъ до перваго селенія. Или покупаетъ въ лавкѣ кусокъ ситцу, вытянетъ его за конецъ по улицѣ, такъ чтобы онъ легъ дорожкой, пройдетъ по штукѣ и броситъ. Пьющій, увлеченный общимъ разгуломъ, купитъ ведро вина, выльетъ въ лохань, вымоетъ ноги и опрокинетъ лоханку. Такая размашистость происходитъ исключительно оттого, что у людей нѣтъ нигдѣ корней; въ Россіи у человѣка былъ домъ, была можетъ быть семья, но его оторвали отъ нея; въ Сибири приписали его къ волости, въ которой ему одинокому дѣлать нечего, и затѣмъ дали паспортъ на всѣ четыре стороны. Подобное бродяжничество кончится, когда людей, нежелающихъ заниматься земледѣліемъ, вмѣсто приписки къ волостямъ, будутъ поселять на промыслахъ, въ родѣ того, какъ водворяютъ рабочихъ на казенныхъ пріискахъ нерчинскаго округа. На промыслахъ найдется занятіе и кузнецамъ, и слесарямъ, и столярамъ, и плотникамъ, и чернорабочимъ. Этимъ средствомъ въ глухихъ мѣстахъ создадутся населенія, гдѣ явится непремѣнно промышленность и торговля, потому что народъ получитъ порядочныя средства, которыми въ состояніи будетъ удовлетворить потребности пить чай, ѣсть говядину и рыбу, и носить сапоги и ситцевую рубашку. Такъ называемые каторжные могутъ быть обязаны срочной работой за задѣльную плату и подчинены болѣе строгому полицейскому надзору, чѣмъ остальные. Первое поколѣніе, можетъ быть, и не выкажетъ особенныхъ способностей къ благоустроенной гражданской жизни, но второе поколѣніе будетъ уже разумѣется хорошо. Справедливость этой мысли подтверждаетъ такъ называемый въ Иркутскѣ «Рабочій или ремесленный домъ». Дома въ настоящее время никакого нѣтъ, а такъ называется цѣлая подгородная слобода, которую отдѣляетъ отъ города рѣчка Ушаковка. Въ 1799 г. генералъ-губернаторъ Лецціано задумалъ, для развитія ремеслъ въ Иркутскѣ, воспользоваться ссыльными. Такъ какъ многіе изъ нихъ, не имѣя никакихъ средствъ, не могли обзавестись ни ремесленными инструментами, ни обратиться къ незнакомому имъ земледѣлію, то Лецціано и устроилъ ремесленный домъ. Ссыльные занимались мастерствами: столярнымъ, кузнечнымъ, шорнымъ, обойнымъ, малярнымъ, экипажнымъ,

токарнымъ, портняжнымъ, слесарнымъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ. Если Иркутскъ имѣетъ въ настоящее время ремесленниковъ по всѣмъ этимъ производствамъ, то обязанъ исключительно Леццано. Но этого еще мало; теперь ремесленный домъ составляетъ слободу дворовъ въ четыреста и въ каждомъ домѣ живетъ или столяръ, или маляръ, или кузнецъ, или экипажный и другой мастеръ. Вся слобода эта чисто ремесленная, многіе живутъ весьма зажиточно, имѣя по нѣсколько комнатъ оклеенныхъ обоями, съ мебелью, ходятъ въ нѣмецкомъ платьѣ, а женъ наряжаютъ въ атласные салопы. Я былъ во многихъ домахъ и вездѣ встрѣчалъ весьма порядочныхъ людей, даже съ свѣтскимъ лоскомъ; а между тѣмъ это все дѣти ссыльно-каторжныхъ.

Для ремесленниковъ, или людей желающихъ учиться ремесламъ, могли бы быть устроены ремесленныя заведенія. Въ восточной Сибири, не смотря на ея скотоводство, нѣтъ кожъ, и сапоги для крестьянъ привозятся за тысячи верстъ; здѣшній крестьянинъ носитъ все покупное, начиная съ штановъ и рубашки до кафтана. Слѣдовательно очевидно, что устройство поселеній, гдѣ бы приготовлялись кожи, сапоги, башмаки, рукавицы, сукна, холстъ и набивныя бумажныя матеріи, принесло бы огромную пользу мѣстному населенію, а изъ ссыльныхъ, бродячаго народа, котораго нужда заставляетъ слоняться вѣчно, сдѣлало бы осѣдлыхъ и домовитыхъ людей. Неудачные опыты съ разными казенными фабриками, бывшими въ Сибири, указываютъ только, что дѣло это должно быть ведено не на казенномъ началѣ. Лучшая форма есть ассоціація самихъ рабочихъ, находящихся подъ надзоромъ въ родѣ того, какъ дѣйствовалъ ремесленный домъ Леццано. Пособія на устройство заведеній съ уплатой въ разсрочку самими рабочими изъ вырученной суммы, отъ продажи издѣлій, были бы необходимы отъ казны; потому что только при этомъ условіи и возможно устройство подобныхъ производствъ. Тюмень съ окрестными деревнями плѣняетъ же всѣхъ своими кожевенными производствами и коврами, своей промышленной оживленностью, а восточная Сибирь и особенно Забайкалье, наводятъ уныніе своей мертвенностью и отсутствіемъ всякой промышленной дѣятельности. Но было время, когда Тюмень не отличалась большей оживленностью, чѣмъ нынѣ Забайкалье; было время когда Иркутскъ не имѣлъ кузнецовъ, слесарей и столяровъ. Сибирь всѣми своими ремесленными производствами обязана русскому народу; но народъ этотъ безъ средствъ, безъ возможности слѣдить за развитіемъ своего ремесла, безъ возможности пріобрѣсти даже хорошіе инструменты и безъ капиталовъ на обзаведеніе, и дѣйствуя какъ-бросъ, только тратилъ свои силы и съ большими усиліями достигалъ самыхъ жалкихъ результатовъ. Концентрировать эти силы дать имъ средства полнаго развитія, устроить человѣку осѣдлость и домъ, въ которомъ бы онъ устроился и пустилъ корни и улучшилъ свой бытъ — вотъ система, при которой бродяга и шатунъ установится и человѣкъ разгульной жизни остепенится. Послѣ 1812 г. какой-то плѣнный французъ сталъ плесть деревянныя шляпы и разныя коробочки въ одной изъ деревень калужской губерніи, а теперь вся деревня живетъ этимъ промысломъ. Этимъ же путемъ развивалось ткацкое производство въ ризан-

ской и владимірской губерніяхъ. Въ нижегородской цѣлыя деревни работаютъ деревянную посуду и стальныя издѣлія. Начало подобнымъ же развитіямъ производствъ цѣлыми селеніями можно положить и въ Сибири, и если исправленіе нравственности людей, признанныхъ виновными уголовнымъ судомъ, повести на этомъ началѣ, то у каждаго ссыльнаго явится свое гнѣздо, и образуются въ Сибири цѣлыя промышленныя селенія. Первое время, можетъ быть, они и будутъ имѣть нѣсколько исправительный характеръ, но изъ второго поколѣнія выйдетъ уже то, что представляетъ теперь иркутская ремесленная слобода.

Если нынѣшніе каторжники остаются вѣчными оборванцами и пьяницами, то только потому, что работа не даетъ имъ никакихъ средствъ для улучшенія своего быта. Нужно, чтобы ссыльный работалъ, какъ свободный человѣкъ, получая полное вознагражденіе за свой трудъ. Люди, которые въ наказанномъ преступникѣ хотятъ видѣть непремѣнно человѣка, истомленнаго всякими лишеніями и искалеченнаго побоями и наказаніями, скажутъ, что подобная заботливость о ссыльномъ будетъ премія, что въ Россіи жизнь многихъ тысячъ крестьянъ будетъ хуже и они изъ расчета станутъ дѣлать преступленія, чтобы очутиться на пенсіонѣ въ сибирскомъ ремесленномъ заведеніи или на золотыхъ промыслахъ. Но во-первыхъ, это не такъ, потому что людей будетъ кормить не Сибирь, а собственный ихъ трудъ, и для страны выгоднѣе имѣть людей трудящихся, чѣмъ бродягъ и пьяницъ; во-вторыхъ, государство не выигрываетъ оттого, что въ немъ есть люди истомленные нуждой и отпущенные безъ поддержки на всѣ четыре стороны, потому что такіе люди, впадая легко въ разныя погрѣшности, будутъ грозить постоянно общей безопасности и дадутъ полиціи и судамъ лишнюю работу; въ-третьихъ если ссыльнымъ въ Сибири сдѣлается такъ хорошо, что быть ихъ будетъ приманкой для россійскаго народа, то что же мѣшаетъ улучшить положеніе русскихъ въ такой степени, чтобы имъ стало еще лучше, чѣмъ сибирякамъ?

А развѣ принудительное переселеніе и обязательный трудъ не будетъ служить наказаніемъ весьма чувствительнымъ? Если же между поселенцами найдутся такіе неблагоразумные и нерасчетливые люди, которые позволятъ себѣ новыя шалости, то для такихъ могутъ быть учреждены особыя исправительныя колоніи, или въ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири, или на островахъ, чтобы преградить возможность побѣговъ.

V.

Купечество.

Похвалы любятъ только дѣти да не развитые люди. Когда пришло время дѣлать дѣло, льстить другъ другу незачѣмъ, а нужно указывать на факты,

убыточные для общества, и на причины, создающія ихъ. Поэтому, говоря о сословіяхъ Иркутска, я скажу только объ ихъ невыгодныхъ сторонахъ.

Купечество Иркутска и восточной Сибири все русскаго происхожденія: изъ туземцевъ купцовъ нѣтъ. Большая часть иркутскихъ купцовъ вышли изъ крестьянъ Вологодской губерніи, изстари забиравшихся въ Сибирь. Въ Сибирь привлекали ихъ, разумѣется, выгоды торговли съ сибирскими жителями нуждавшимися во всѣхъ фабричныхъ издѣліяхъ. Если и нынче сибиряку нужно привезти все изъ Россіи, начиная отъ спичекъ до рубашки, то лѣтъ за 100 или за 50 здѣшній человѣкъ нуждался еще больше во всемъ. Смѣльчаки ходили въ Сибирь съ красными товарами, мѣняли ихъ на пушной товаръ, продавали на деньги и обыкновенно, совершивъ нѣсколько подобныхъ путешествій, возвращались домой на-старость. Другіе оставались въ Сибири, женились и устроивали постоянную мѣстную торговлю. Способы, которыми люди составляли себѣ состояніе, были весьма различны. Въ однихъ видна изворотливость ума и находчивость, другіе не отличались особенной изобрѣтательностію. Сколько было правды и неправды въ пріемахъ перваго поколѣнія купцовъ, неизвѣстно; но второму поколѣнію богатѣть было легче. Обыкновенно разбогатѣвшій дѣдушка, или прадѣдушка выписывалъ изъ Россіи своихъ внуковъ и родственниковъ, дѣлалъ ихъ у себя прикащиками и сидѣльцами и выводилъ въ купцы. Но случалось, что внуки и племянники выходили въ богатые люди и своимъ умомъ. Главнымъ условіемъ была извѣстная степень жосткости и безпощадное, неуклонное преслѣдованіе своей цѣли. Всѣ средства большею частью были хороши, если только ими наживалась копѣйка. Излишняя чувствительность не годилась для этого, и люди пылкіе и увлекающіеся обыкновенно не набивали себѣ кармана; если же имъ и случалось разбогатѣть, то богатство уходило на пьянство, игру въ карты и на расходы, на которые такъ изобрѣтательны сырыя, широкія натуры. Такъ случалось, что разбогатѣвшій человѣкъ игралъ въ банкъ по трое сутокъ. Пьяный лежитъ онъ на диванѣ въ одной комнатѣ, у дверей стоитъ прикащикъ, а банкѣ мечутъ въ другой комнатѣ.—Даму прикажете поставить? спрашиваетъ прикащикъ.—Ну ее, туза! Тузъ поставленъ и убитъ; потомъ прикащикъ поставитъ даму, или что вздумается ему, или сто пьяному хозяину; и хозяинъ, послѣ трехъ дней и ночей занятія подобнымъ дѣломъ, совершенно доволенъ собой и даже служилъ предметомъ удивленія менѣе богатыхъ купцовъ и купеческихъ прикащиковъ. Или пьяный богачъ, развалившись въ креслѣ, держитъ подъ ногой кипу ассигнацій и, вполнѣ довольный собой, проигрываетъ ее въ тотъ же банкъ. Это были натуры мягкосердечныя, увлекающіяся, тщеславныя и широкія. Изобрѣтательность, съ какою люди умѣли тратить деньги, доходила дѣйствительно до виртуозности. Разъ купецъ—впрочемъ это уже золотопромышленникъ—ѣхалъ на сватьбу къ своему сыну верстъ за тысячу. Ѣхалъ онъ въ одной повозкѣ, а за нимъ еще пять и въ каждой по два прикащика. Къ чему же понадобились прикащики? У каждаго за пазухой лежало по двѣ бутылки шампанскаго. Это средство считалось въ тѣ времена единственнымъ средствомъ возить шампанское зимой и употреб-

лялось не совсѣмъ рѣдко. Такъ, если на купеческой сватьбѣ выпивалось все шампанское бывшее въ городѣ, то отряжались на почтовыхъ нѣсколько прикащиковъ въ ближайшій городъ, чтобы привести шампанское за пазухой. Деньги тратились преимущественно на карты и пьянство. Въ Кяхтѣ напримѣръ ни одни имянины не обходились безъ ящика шампанскаго; безъ повара не было ни одного дома; прислуга у купца, прикащики, мальчики, —толкаются въ передней, какъ у помѣщика дворня; у нѣкоторыхъ купцовъ запрягалось въ день до 9 разсыльныхъ лошадей. Пьянство и карты доходили до соотвѣтственнаго размѣра. Въ стуколку проигрывали по 10 т. р. въ вечеръ даже жены проигрывали рублей по пятисотъ въ вечеръ. А Кяхта отличается большимъ сравнительно свѣтскимъ лоскомъ, особенно женщины; выписывается много книгъ и журналовъ; есть клубъ. Въ Кяхтѣ случались кутежи баснословные. И все это только потому, что силы у людей много, нервы крѣпкіе, какъ канаты, кровь ходитъ быстро, а дѣла никакого. Въ Кяхтѣ напримѣръ, дѣло бываетъ только въ февралѣ мѣсяцѣ, въ это время только вымѣнивается и отправляется товаръ; затѣмъ остальные 11 мѣсяцевъ—занятій никакихъ. Что же дѣлать людямъ? Читать постоянно скучно, писать—нечего, толковать о китайскихъ дѣлахъ, или о политикѣ Наполеона совершенно безполезно, и люди посвящаютъ все свое время стуколкѣ, шампанскому и тому подобнымъ потѣхамъ. Хорошо ли это или дурно, всякій понимаетъ по своему; но несомнѣнно, что человѣкъ потому только и проводитъ свое время за стуколкой, что всѣ остальныя занятія не въ состояніи удовлетворить потребностямъ его ума и сердца.

Люди жосткіе бывали менѣе рѣшительны въ своихъ торговыхъ предпріятіяхъ; они не отличались качествами торговыхъ натуръ, но ихъ способъ представлялъ больше, какъ имъ казалось, вѣроятій на успѣхъ. Многіе изъ нихъ шли къ своей цѣли весьма медленно; ѣли плохо, жили бѣдно, торговали лѣтъ 30—40 всякимъ невиднымъ товаромъ, преимущественно бумажнымъ—плисъ, даба, ситецъ недорогой, миткаль, кушаки, дешевое крестьянское сукно,—и составляли большое состояніе. Разсчитываться съ людьми этого склада было трудно. Бывали изъ нихъ торговые люди, которые обсчитывать и не додавать ввели въ принципъ. Имѣешь ли ты дѣло съ кучеромъ, не додай ему гривенникъ; лакею не додай пятьдесятъ копѣекъ, покупателю тоже не додай въ сдачѣ,—вотъ какъ деньги наживай. Для такого человѣка обсчитать было святымъ дѣломъ. Онъ обсчитывалъ всѣхъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, начиная съ купца. Задержать изъ платежа хоть копѣйку составляло для него дѣло совѣсти, потому что изъ копѣекъ выходятъ рубли. А случалось, пошлютъ къ нему изъ другой лавки за долгомъ, копѣекъ въ тридцать, купецъ обижается, кричитъ посланному съ сердцемъ: «какъ ты смѣешь меня безпокоить? и гонитъ вонъ. У такихъ людей былъ обычай волочить всѣ денежные платежи, продержать чужую ассигнацію хоть одну лишнюю минутку въ карманѣ. Съ прикащиками люди подобныхъ коммерческихъ основаній были особенно тяжелы, и особенно было страшно поступать къ нимъ прикащикамъ на отчетъ. Сдаетъ хозяинъ прикащику лавку, тысячъ на пятьдесятъ,

заключитъ съ нимъ контрактъ, а при отчетѣ вдругъ недостаетъ тысячи, либо болѣе. Прикащикъ и самъ не знаетъ, какъ случился грѣхъ; а грѣхъ случился просто отъ непониманья прикащика, оттого что онъ не держался правила своего хозяина и не зналъ, что рубли образуются изъ копѣекъ. Вотъ какимъ путемъ происходили подобные недочеты. Получаются напримѣръ изъ Москвы конфекты въ ящикахъ; въ ящикѣ положимъ 22 фунта, цѣна пуду 16 р., въ розничную продажу онѣ назначены по 40 к. за фунтъ. По конфекты шли 6,000 верстъ, въ дорогѣ онѣ высохли, по крайней мѣрѣ одинъ фунтъ на ящикъ; покупателю отпускается товаръ съ походомъ, но кромѣ того покупатель еще и попробуетъ, чтобы знать, что онъ покупаетъ, а иногда и такъ, чтобы полакомиться, и въ этомъ случаѣ онъ беретъ не изъ своего фунта, а изъ ящика; бываютъ между покупательницами и такія, что нарочно ведутъ своихъ дѣтей въ лавку съ лакомствами. Отъ всего этого цѣна фунту конфектъ выйдетъ въ продажѣ уже не 40, а копѣекъ 37 или 38. Кромѣ того, въ розничной продажѣ покупатели имѣютъ манеру не доплачивать четвертей и полукопѣекъ. Берутъ пачку папиросъ, за нее слѣдуетъ получить $27\frac{1}{2}$ к., а покупщикъ дастъ только 27 к., говоритъ, что нѣтъ половины, и прикащику нужно сдѣлать уступку, потому что покупатель сердится и пожалуй начнетъ ходить въ другую лавку. Часто папиросы спрашиваются на пробу, и распечатанная пачка вся идетъ въ убытокъ прикащику. Есть покупатели, которые уносятъ вещи изъ лавки, или проще говоря, воруютъ. А сколько товару портится, напримѣръ сыръ, который и сохнетъ, и плеснѣетъ, и пропадаетъ въ крошкахъ. Наконецъ долги. Знакомый взялъ чего нибудь копѣекъ на 30, къ нему посылаютъ, а онъ отвѣчаетъ мальчику, что какъ имъ не стыдно безпокоить его изъ-за такого пустяка, да еще и выругаетъ мальчика. Хозяинъ ничего этого знать не хочетъ; ему отдай полный отчетъ, а отчетъ полный отдать нельзя, и прикащикъ попадаетъ въ острогъ. Бывали купцы, у которыхъ почти ни одинъ прикащикъ не миновалъ острога. Время, разумѣется, учило людей и тогда смѣтливый человѣкъ, изворачиваясь хозяйскими деньгами, прикупалъ выгодно чего не доставало, и покрывалъ этимъ потери. Въ этомъ же причина, почему прикащикъ разбиралъ покупателей, съ одного бралъ такую, съ другого другую цѣну, или обмѣривалъ и обвѣшивалъ покупщика; такимъ средствомъ прикащикъ и самъ наживалъ деньги.

Чтобы у человѣка образовался капиталъ, нужны были особыя обстоятельства, — не всѣмъ они представлялись. Дѣдъ, начинавшій свое дѣло съ продажи тесемокъ, иголокъ, нитокъ, гребней и разной мелочи, разнося ее въ коробкѣ по деревнямъ, хотя бралъ можетъ быть и большую пользу, но чтобы составить капиталъ для торговли на одномъ мѣстѣ и завести лавку въ городѣ, долженъ былъ исходить много дорогъ и избить много сапоговъ. Десятками лѣтъ труда добивался онъ наконецъ болѣе спокойнаго и обезпеченнаго торговаго положенія, и тогда дѣло его пило сильнѣе въ гору. Люди, начинавшіе такъ свою торговую дѣятельность, бывали обыкновенно люди строгой, суровой жизни, переносившіе всевозможныя лишенія, у которыхъ

каждый калачъ, каждый кусокъ хлѣба былъ на счету. Выработавшись въ такой суровой школѣ жизни, они вѣрили въ непогрѣшимость своихъ убѣжденій и опыта, и въ отношеніяхъ къ своимъ дѣтямъ и родственникамъ отличались суровымъ деспотизмомъ, требуя безусловнаго повиновенія себѣ во всемъ своихъ подначальныхъ. Если подначальный былъ не сынъ, а родственникъ онъ сносилъ все, пока не представлялся ему случай начать дѣло независимо отъ своего благодѣтеля, дѣда или дяди. Случаи бывали разные. Молодому человѣку давала средства нерѣдко женидьба, улаживавшаяся обыкновенно стариками, какъ коммерческое дѣло. Молодыхъ въ этихъ случаяхъ не спрашивали, считая ихъ не мыслящими. И котъ юноша, взявъ вмѣстѣ съ женой тысячъ пятьдесятъ на ассигнаціи, расчитывался съ дѣдомъ, или дядей, и начиналъ отдѣльное дѣло. Въ этихъ случаяхъ помогали молодому его отношенія къ своему покровителю и коммерческія знакомства и связи, сдѣланныя имъ во время управленія дѣлами своего хозяина. Молодой купецъ ѣхалъ въ Нижній на ярмарку, покупалъ товару тысячъ на 200 ас., уплачивая наличными можетъ быть, десятую долю, а остальное въ кредитъ, съ разсрочкой платежа въ 6, 12 и даже до 18 мѣсяцевъ; часть товара привозилъ въ Иркутскъ, часть въ Кяхту и начиналъ такимъ образомъ дѣло. На выручаемыя деньги покупался чай, пустивъ предварительно деньги въ оборотъ болѣе выгодный. Эту выгоду представляло золото, вывозъ котораго въ Китай былъ запрещенъ. Запрещеніе не было никому страшно; напротивъ, чѣмъ строже было запрещеніе, тѣмъ дѣло представлялось заманчивѣе, потому что давало больше выгодъ. Скупалось золото шлиховое, т. е. въ зернахъ, воровское съ казенныхъ золотыхъ промысловъ, и золото въ монетѣ. Изъ продажи того и другого золота образовалась даже особая промышленность, которую не могли прекратить никакія надзоры и преслѣдованія. Какъ ни строго смотрятъ за рабочими на промыслахъ, но они всегда найдутъ средства упрятать куда нибудь воровское золото и продать своимъ скупщикамъ, имена которыхъ держатъ въ великомъ секретѣ, такъ что никакое начальство никогда не могло узнать и поймать этихъ людей. Продажа и провозъ золота въ монетѣ дѣлался также ловко. Дѣло это было выгодно, потому что за золотой платилось рублей 6, а онъ продавался въ Китай рублей за 8 или за 9. Изъ числа иркутскаго и кяхтинскаго купечества, какъ говорятъ, нѣтъ почти ни одного человѣка который бы не занимался на своемъ вѣку этой выгодной коммерціей. Спекулировали на этомъ дѣлѣ и сильные и несильные торговцы: разница была только въ размѣрѣ оборотовъ. Кто побѣднѣе, тотъ скупалъ золотые по одной штучкѣ и, набравъ сотню, продавалъ купцу болѣе богатому, взявъ барыша по рублю со штуки. Ѣздили за покупкой золота и въ Россію; а чтобы лучше замаскировать причину поѣздки, благочестивый купецъ разглашалъ, что онъ ѣдетъ въ Кіевъ на богомолье, и по пути въ южномъ и западномъ краѣ скупалъ у жидовъ золотую монету.

Причина, почему торговля золотомъ развилась такъ, заключалась въ одной особенности кяхтинской торговли. Китайцы вели свое дѣло всегда дружно и стойко. Замѣтивъ, что какого нибудь товару навезено много, они возвышали

цѣну на чай и стояли крѣпко на своей цѣнѣ, выжидая, когда русскіе, потерявъ терпѣніе, согласятся на выгодную для китайцевъ сдѣлку. На стойкость надо было отвѣчать стойкостью; поэтому кяхтинское купечество приняло такую систему. Весь привезенный русскими товаръ разцѣнивался и опредѣлялось, за какое число мѣстъ чая можно было его отдавать и какое число ящиковъ чая приходилось на каждаго купца. Эта мѣра, задуманная повидимому съ хорошей цѣлью, была въ сущности насиліемъ, и привела наконецъ къ полному деспотизму сильнаго надъ слабымъ. Купцу, добывшему положимъ бѣлку или мерлушку по сходной цѣнѣ, было бы выгодно отдать ее китайцамъ по 90 к., но какъ ей установлена цѣна въ рубль, то онъ и не смѣлъ отдавать ее дешевле. Разцѣнка, какъ говорятъ, дѣлалась весьма произвольно, и сильный купецъ, имѣвшій напримѣръ большія связи съ Москвой, забравъ въ руки купцовъ мелкихъ, цѣнилъ товаръ, какъ хотѣлъ, назначая разумѣется болѣе высокія цѣны тѣмъ сортамъ, которыми торговалъ самъ. Все мелкое должно было ему подчиняться, потому что большинство дѣйствовало въ видѣ коммиссіонеровъ, и слѣдовательно «воротило» могъ повредить имъ всегда, стоило написать только какую нибудь сплетню въ Москву къ довѣрителю коммиссіонера.

Перевозка золота черезъ границу совершалась весьма просто; его перевозили и прикащики, и казенная стража, и даже сами полицейскіе чиновники. Случалось, что пригласитъ купецъ полиціймейстера къ себѣ, напоитъ его, потомъ нагрузитъ его экипажъ золотомъ, да пьянаго и везутъ домой; таможенные сторожа, разумѣется, пропускаютъ власть безъ всякаго осмотра.

Такимъ образомъ стѣснительныя мѣры принудили купцовъ къ уловкамъ, недозволительнымъ въ томъ отношеніи, что кто не рѣшался на нихъ, того и торговля была менѣе прибыльна. Но тутъ было еще и другое зло. Когда строгія преслѣдованія начальства, увеличивъ рискъ провоза, сдѣлали провозъ золота болѣе опаснымъ, но за то и болѣе выгоднымъ, то этимъ не только развращалась стража и чиновники, но явилась и въ коммерческомъ сословіи безчестность, до того времени небывалая. Прикащикъ, купецъ или чиновникъ, провозившій золото, зналъ, чѣмъ онъ рискуетъ, если попадется; но прикащикамъ или купцамъ, неисполнявшимъ порученія всѣхъ довѣрителей, рискъ этотъ не приносилъ особыхъ выгодъ, потому что спекулировалъ хозяинъ. Отсюда весьма недалекъ переходъ къ такому соображенію: рискъ большой, а выгоды нѣтъ; не лучше ли забрать все золото себѣ, и хозяину сказать, что никакихъ денегъ отъ него не получалъ. И такіе случаи бывали. Чиновники развращались тоже не менѣе. Разсказываютъ, что въ Кяхтѣ завелся обычай, что наканунѣ праздниковъ чиновники разъѣзжали къ купцамъ съ визитами и получали отъ нихъ запечатанные конвертики. Размѣръ пакетика зависѣлъ отъ важности гостя. Такое аристократическое нищенство дошло до того, что и бѣдные люди, вовсе непаходящіеся на службѣ, начали ходить къ купцамъ за сборомъ.

Раньше золота шелъ въ Китай въ большой массѣ опіумъ и тоже давалъ хорошія выгоды, потому что былъ запрещенъ. Опіумъ покупался въ Москвѣ и въ Нижнемъ.

Все это способствовало только коммерческому разврату. Контрабанда была вредна не потому, чтобы терпѣла отъ нея казна, и не потому, что ею нарушался законъ; а зло ея заключалось въ томъ, что человѣкъ, нерѣшавшійся на тайный провозъ золота, или опіума, терялъ въ торговлѣ противъ смѣльчака, отпиравшагося отъ чужого золота, подкупавшаго стражу и чиновниковъ, возившаго монету къ китайцамъ въ экипажѣ полиціймейстера. Торговля робкаго купца не могла идти бойко, а подумавъ о томъ, что дѣлаютъ другіе, и видя, что это выгодно, робкій человѣкъ рѣшался на попытку и въ свою очередь развращалъ другихъ. При такихъ порядкахъ никакая правильная торговля устроиться не можетъ. Одинъ наживаетъ потому, что рискуетъ спиной своего прикащика и подкупаетъ чиновника; другой теряетъ потому, что хочетъ держаться законности и установленій. Но сравнивъ выгоды законности и беззаконности, онъ находитъ послѣднюю болѣе плѣнительной и, начавъ поступать беззаконно, начинаетъ и богатѣть.

Кромѣ контрабанды опіума и золота, запрещенія создали еще контрабандную торговлю чаемъ, дававшую занятія и средства для жизни весьма большому числу людей. Забайкалье безъ кирпичнаго чая существовать не можетъ. Чай этотъ, вареный съ солью и саломъ, весьма питательное кушанье. Если бы у прибрежныхъ жителей Байкала не было солепыхъ омулей и кирпичнаго чая, то имъ почти пришлось бы умереть съ голоду. Такимъ образомъ чай для здѣшняго человѣка составляетъ предметъ первой необходимости. Но при высокой пошлинѣ бѣдные жители должны были бы лишиться его, и вотъ явилась контрабанда, вызванная исключительно нуждой: бѣдный человѣкъ могъ заплатить за фунтъ 40 или 60 к., но платить восемь гривенъ, или рубль былъ не въ состояніи. Было время, когда кирпичный чай ходилъ въ Забайкальи между народомъ, какъ монетная единица. Вещи и скотъ цѣнился числомъ кирпичей чая. Все это было лѣтъ 15 назадъ. Тогда въ глухихъ мѣстахъ чай возили смѣло и никто по пограничной линіи не мѣшалъ этому дѣлу, потому что всѣмъ оно было выгодно. Въ мѣстахъ же, гдѣ можно было опасаться начальства, явилась фабрикація поддѣльныхъ печатей, т. е. каждый кирпичъ украшался фальшивымъ сургучнымъ клеймомъ. Не смотря на беззаконность, контрабанда кирпичнымъ чаемъ была чистымъ благодѣяніемъ для народа, потому что, кромѣ пользы чая, какъ напитка, мѣновая торговля имъ на скотъ и лошадей открыла сбытъ скоту и давала народу средства для существованія. Въ этомъ смыслѣ преслѣдованіе контрабанды и всего того, что давало народу промышленную силу, было если и законно, тѣмъ не менѣе для народа все-таки убыточно. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣры, принимаемыя для искорененія зла воображаемаго, вели къ злу дѣйствительному—къ деморализаціи народа и къ воспитанію въ немъ безчестности. Еще Сперанскому принадлежитъ мысль, что мелкое и крупное купечество, торговавшее съ инородцами, приносило имъ больше зла, чѣмъ пользы, и потому для огражденія ихъ отъ обиранья купцами было постановлено, что только тѣ договоры купцовъ съ инородцами имѣютъ силу, которые утверждены въ волостяхъ. Очень можетъ быть, что народъ и терпѣлъ отъ купцовъ; но только мѣра, придуман-

ная противъ зла, была еще злѣе. Охотникамъ нуженъ порохъ и свинецъ, имъ нужны деньги и товары. Купцы снабжали ихъ всѣхъ этимъ, и давая впередъ, разумѣется, старались въ срокъ уплаты получить какъ можно больше пушнины. Стѣсненіе въ сдѣлкахъ повело только къ тому, что инородцамъ не отъ кого стало получать тѣ необходимые имъ предметы, которыми снабжали ихъ купцы, и инородцы лишились поддержки и кредита, можетъ быть иногда и тяжелаго для нихъ, но все-таки выручавшаго изъ нужды. Но еще вреднѣе отразилось на мѣстныхъ жителяхъ паденіе дома Кандинскихъ. Кандинскій, родоначальникъ дома, пришелъ въ Забайкалье каторжнымъ. Сынъ его, человѣкъ предпріимчивый, торгуя запрещеннымъ товаромъ, сдѣлалъ большое состояніе и такъ раскинулъ и разширилъ свои торговыя сношенія, что забралъ въ руки весь край. У него было громадное хлѣбопашество, десятинъ до пятисотъ, огромное скотоводство, лошади его славились по всему Забайкалью: онъ имѣлъ до 100 скаковыхъ лошадей и посылалъ на бурятскіе праздники для бѣговъ своихъ инородцевъ. Торговать ѣздилъ на ярмарки на своихъ тройкахъ. Ловкій въ дѣлахъ, онъ умѣлъ устроить такъ, что всѣ подряды на казенные перчинскіе заводы отдавались ему. Семья Кандинскихъ разрослась до того, что въ семейные праздники однихъ родныхъ садилось за обѣдъ человѣкъ до девяносто. Показалось одному изъ намѣстниковъ Сперанскаго, что Кандинскій слишкомъ тяжелъ для народа, что все богатство свое онъ высосалъ изъ мѣстнаго населенія, и было рѣшено разорить Кандинскаго. Предполагалось, что съ уничтоженіемъ вампира народъ станетъ полнѣть, потому что некому будетъ тянуть его соки. Кандинскій торговалъ между прочимъ и кирпичнымъ чаемъ. Этотъ-то чай и долженъ былъ погубить его—у Кандинскаго нашли мѣсто безъ таможеннаго клейма. Но самый сильный ударъ былъ нанесенъ ему, когда было объявлено, чтобы казаки не платили долговъ Кандинскому, на томъ основаніи, что мужику довѣріе только въ 5 рублей. Казаки обрадовались такому дозволенію, и какъ капиталъ Кандинскаго былъ большею частью въ долгахъ за крестьянами, то долгъ и пропалъ. Прошло много лѣтъ послѣ этой исторіи. Кандинскіе не сосали силъ народа, а народъ не сталъ богаче. Кандинскихъ убили, но съ ихъ паденіемъ исчезло довѣріе къ казакамъ, долгъ пересталъ быть святой вещью, потому что казакъ и мужикъ узнали, что можно и не платить долговъ. Можетъ быть, Кандинскіе были и большое зло для края, но подобные уроки честности — зло еще бо́льшее. Вся ошибка произошла оттого, что не сообразили самой простой вещи. Если Кандинскій держалъ всѣхъ въ своихъ рукахъ, то это происходило очевидно оттого, что въ Забайкальи не было другихъ рукъ, настолько же сильныхъ. Стоило одному Кандинскому противопоставить еще двухъ или трехъ сильныхъ торговыхъ людей, и тогда, въ случаѣ притѣсненія однимъ купцомъ, можно было бы найти спасенье у другого.

Крупные и болѣе общіе случаи составленія нѣсколько значительныхъ капиталовъ заключались въ разной контрабандной торговлѣ. Но кромѣ этого бывали случаи частные, гдѣ пріобрѣтеніе средствъ зависѣло отъ умѣнья человѣка воспользоваться тѣмъ или другимъ обстоятельствомъ. Такъ, довѣрен-

ный человѣкъ, прикащикъ или родственникъ, посланный положимъ для закупокъ въ Якутскъ, пишетъ своему довѣрителю, что полученные отъ него 3000 руб. асс. онъ потерялъ. Возвратившись, онъ по обычаю былъ поколоченъ своимъ покровителемъ и тотъ бралъ отъ него вексель. По смерти покровителя, документа не оказывается. На эти или на другія деньги, неизвѣстно, человѣкъ пристроившись къ мѣсту, ѣздитъ съ обозами, торгуетъ на ярмаркахъ, скупаетъ вѣрные векселя по 60 к. за рубль и сколачиваетъ себѣ капиталъ.

Бывало, что, поступивъ въ кашевары на судно, человѣкъ нравился хозяину своей расторопностью, попадалъ въ прикащики, торговалъ въ лавкѣ, наживалъ тысячи двѣ денегъ и, умѣя угодить хозяину тѣмъ, что хорошо ставилъ въ банкъ туза или даму, получалъ порученія и болѣе важныя: возилъ золото въ Кяхту и ѣздилъ за покупкой его въ Москву и въ Нижній. Живетъ преданіе, что подобный прикащикъ разбогатѣлъ въ одну изъ поѣздокъ. Ѣхалъ онъ вмѣстѣ съ купцомъ; купецъ дорогой умеръ; всѣ вещи, какія были у купца, оказались на лицо, а денегъ нѣтъ. Разумѣется, деньги—вещь бездоказательная, никто не знаетъ вѣрно, было они или нѣтъ, хотя нѣкоторые и утверждали, что съ купцомъ было тысячъ 50 асс. При такомъ счастьи и при возможности торговать золотомъ изъ-за спины прикащика не могло быть особенныхъ затрудненій вести дѣла уже въ размѣрѣ довольно широкомъ. Такъ, ѣздитъ сынъ въ Москву за товарами, по довѣренности своего отца. На второй или на третій годъ онъ дѣлаетъ фальшивую довѣренность, покупаетъ массу товаровъ, привозитъ, продаетъ, наступаетъ наконецъ срокъ платежей. Расплаты однако нѣтъ. Сына сажаютъ въ острогъ, сидитъ онъ три года, наконецъ дѣло кончается, какъ водится, ничѣмъ, и человѣкъ выходитъ на свободу съ капиталомъ. Для человѣка съ наличными деньгами была всегда возможность заниматься прибыльными дѣлами. Такъ возчикамъ, въ счетъ платы, купцы выдавали чай, сахаръ, леденецъ, или даже и другой товаръ. Возчику между тѣмъ нужны деньги и онъ обращается къ капиталисту, зная, что онъ скупаетъ все, что выгодно. Богатый человѣкъ, какъ водится, нажметъ и купитъ выгодно, потомъ держитъ товаръ годъ-два, выжидая крупной цѣны, и тогда-пускаетъ его въ продажу.

Дѣлались хорошія дѣла и продажей москательнаго товара, продажей на базарѣ сулемы, мышьяка и разными лекарствами—магнезіей, липовымъ цвѣтомъ, александрійскимъ листомъ, сассапарелью, пашатыремъ. Крестьянину ходить за этими вещами въ аптеку было и невыгодно и боязно, и онъ охотнѣе обращался къ купцамъ базарнымъ. Особенно прибыльной была продажа грецкихъ губокъ. Въ крупнопористыхъ изъ нихъ всегда много мелкихъ раковинъ; онѣ-то и давали цѣну губкѣ. Камушки и раковины настаивались и по р. Ленѣ употреблялись жителями, какъ средство противъ зоба.

Были очень прибыльны и барнаульскія гривны. Одинъ рубль ассигнаціями вѣсилъ фунта два и въ издѣліяхъ продавался отъ 2 до 2 р. 50 к. за фунтъ. При недостаткѣ ремесленниковъ, приготовленіе мѣдныхъ котловъ и чайниковъ для продажи на мѣстѣ въ городѣ, и въ Якутскъ бурятамъ, давало хорошіе

барыши и при безкорыстіи въ запросѣ можно было безъ особыхъ хлопотъ нажить хорошія деньги. Но барнаульская гривна представляла для изобрѣтательныхъ продавцовъ и другую выгоду. Отвѣшиваетъ купецъ старухѣ полфунта чаю и завернетъ туда барнаульскую гривну. Честная старуха думаетъ, что купецъ ошибся и несетъ ему гривну назадъ. И нынче случалось мнѣ покупать чай въ Перчинскѣ—находишь въ немъ камушки. Можетъ быть, они попали туда и безъ намѣренія со стороны продавца, но все-таки найти каменья въ чаѣ странно. Нажива такимъ средствомъ не казалась мелочной: купцу прибытокъ, а не убытокъ; а въ этомъ и сущность коммерціи. При малыхъ оборотахъ и конѣчныхъ счетахъ барнаульская гривна, подложенная въ чай, даетъ прибыли копѣекъ 5; камушки разумѣется меньше. Но когда люди старались выжимать выгоду изо всего, имъ не приходилось быть строгими въ выборѣ средствъ. Былъ здѣсь купецъ—коммиссіонеръ, имѣвшій сношенія съ Москвой. Свои отвѣты на письма онъ запечатывалъ въ вывороченные конверты тѣхъ писемъ, на которыя отвѣчалъ. Сколько же человѣкъ могъ сберечь отъ этого въ годъ? Если онъ писалъ въ день по 5 писемъ, чего разумѣется быть не могло, то въ годъ на 1800 писемъ у него могла выдти только стопа бумаги рублей въ пять. Расчетъ повидимому мелочной, но купецъ считалъ, что онъ ничего не выиграетъ, если его конверты будутъ отличаться изящнымъ видомъ и опрятностью, и пять рублей—деньги. Еще мелочнѣе повидимому вырѣзывать изъ конвертовъ кружками сургучную печать, или собирать въ особую коробку сигарные окурки; но былъ въ Иркутскѣ и такой купецъ. Сургучъ онъ вырѣзывалъ для того, что если придетъ кто въ гости, то въ самоваръ хорошо бросить такой кружокъ — пойдетъ пріятный духъ. Все выгоднѣе, чѣмъ покупать курительные порошки.

Существовало еще два способа пріобрѣтать довольно скоро капиталъ. Одинъ способъ чисто сибирскій, другой обще-русскій. Чисто сибирскій способъ заключался въ скупкѣ отъ воровъ по большимъ дорогамъ срѣзанныхъ ими съ возовъ чайныхъ мѣстъ и другого товара. Воръ сбывалъ краденное дешево, а купецъ продавалъ по настоящей цѣнѣ. Только при возможности подобнаго сбыта краденнаго могло процвѣтать и разводиться воровство по большимъ дорогамъ. У иного обоза срѣжутъ сразу три цибика чаю, это болѣе 6 пудовъ. Такую массу чая не продать скоро по деревнямъ; нужно имѣть торговлю въ городѣ и быть коммерческимъ человѣкомъ. Вотъ почему подрѣзываніе обозовъ совершается и до сихъ поръ или подъ городами, или не далеко отъ нихъ. Эта промышленность, какъ и всякое контрабандное дѣло, не представляла купцу особаго риска: отвѣчалъ своимъ животомъ, или спиной только воръ, да и то передъ извощиками, если еще имъ удастся его поймать. Обстоятельства очевидно благопріятствовали и благопріятствуютъ подобной коммерціи, а иначе она бы давно прекратилась.

Наконецъ обще-русскій способъ, при которомъ купецъ не рискуетъ ничѣмъ, — сдѣлка. Были купцы, дѣлавшіе на своемъ вѣку по три сдѣлки и платившіе въ сложности копѣекъ 25 за рубль. Это дѣлается такъ. Купецъ велъ дѣла лѣтъ пять, шесть, семь. Кредитовался, велъ торговлю недурно,

платилъ въ срокъ. Устроивъ и упрочивъ связи съ московскими купцами, онъ беретъ у нихъ товару тысячъ на 100 асс. Прежде кредитъ сибирякамъ въ Москвѣ былъ большой. На слѣдующій годъ купецъ является въ Нижній на ярмарку и отправляется къ москвичамъ. Шубенка на немъ худая, видъ жалостный, кланяется и проситъ: — сдѣлайте милость, потерпите, уплатить не могу. Москвичи знаютъ, что деньги у него припрятаны, товары переведены на чужое имя, слѣдовательно конкурсомъ ничего не сдѣлать; да и какъ возиться съ судомъ за 6000 верстъ. Между тѣмъ человѣкъ былъ все-таки ихъ работникомъ; сбывали они ему всякій залежавшійся или неходкій товаръ, брали выгоды процентовъ 30, слѣдовательно и при сдѣлкѣ потери не будетъ. Кромѣ того человѣкъ годится и впередъ, опять можно будетъ сбывать ему товаръ; а если поправится, такъ пожалуй и расплатится, — и купцы соглашаются на сдѣлку. Говорятъ, что въ Петербургѣ есть даже купцы 1 гильдіи, негнушавшіеся этимъ способомъ составленія капитала. Не всегда однако сдѣлка дѣлалась по разсчету, бывали случаи дѣйствительной невозможности уплаты. Иногда купецъ «затоварится», т. е. понадѣявшись на сбытъ, наберетъ товару слишкомъ много, разсуетъ его вездѣ и по ярмаркамъ и по городамъ; но какъ москвичи въ кредитъ отпускаютъ большею частью товаръ неходовой, то ему не трудно залежаться иногда и въ провинціи; къ этому присоединяется еще неуплата долговъ покупателями. Очень можетъ случиться, что лѣтъ въ шесть товаръ будетъ проданъ и деньги получены; но къ условленному сроку купецъ все-таки не въ состояніи расчитаться съ своими кредиторами. И вотъ опять сдѣлка, на которую соглашаются купцы по тѣмъ же причинамъ. Московскимъ и вообще не мѣстнымъ купцамъ весьма трудно опредѣлить, что побуждаетъ человѣка на сдѣлку. Легко можетъ быть, что и дѣйствительная невозможность уплаты; а можетъ быть и желаніе расквитаться съ кредиторами такъ, чтобы наказать ихъ за довѣріе. Во всякомъ случаѣ сдѣлки ослабляютъ довѣріе и приноситъ больше всего потерь купцамъ, неимѣющимъ способностей на подобную спекуляцію. Кому пришелся товаръ дешево, потому что онъ вмѣсто рубля заплатилъ 25 копѣекъ, тому можно продавать товаръ съ большимъ барышемъ, даже при низкой цѣнѣ. Рублевая вещь, за которую заплачено 25 к., обойдется съ провозомъ копѣекъ въ 40 или 50. Но кто за рублевую вещь и платилъ дѣйствительно рубль, тому она обойдется съ доставкой въ 1 р. 15 или въ 1 р. 25 к. Первый можетъ продать ее въ рубль и получить 75% прибыли; второй, продавая за 1 р. 50 к., ниже чего ему продать не выгодно, получитъ прибыли только 20%, и продастъ все-таки вдвое дороже. Дорогихъ купцовъ покупатели не любятъ, и бранятъ обдиралой, грабителемъ того, кто въ дѣйствительности никого не обманулъ и ведетъ дѣло законно. И въ этомъ случаѣ тоже, что съ золотомъ; купецъ видя, что отъ такъ называемой честности прибыли мало, а сдѣлка даетъ 75% выгоды, дастъ возможность кромѣ того еще и оборотъ скорѣе капиталъ, пойдетъ тоже на сдѣлку. При возможности подобной коммерческой практики, людямъ нѣтъ расчета быть честными, потому что имъ это невыгодно, и одинъ удачный случай скораго обогащенія привлекаетъ десятки охот-

никовъ попытать такого же счастья. То, что разсказываютъ объ удивительныхъ примѣрахъ честности русскаго купечества, можетъ быть, и вполнѣ справедливо, но только причина честности непонятна и доказываетъ только недостатокъ расчета. Нужно бы, чтобы всякая сдѣлка была бы совершенно безнаказанной и чтобы всѣ купцы шли непремѣнно на сдѣлки; еще бы лучше, если бы въ одинъ какой нибудь годъ все купечество объявило, что оно проситъ сдѣлки. Тогда по крайней мѣрѣ люди увидѣли бы сразу, какъ сдѣлки, не смотря на честный разсчетъ невыгодны для общаго хода торговли, какъ отъ нихъ терпятъ и продавцы и покупатели, какъ гибнутъ всѣ торговые обороты, — и весьма вѣроятно, что купцы подумали бы о томъ, что нужно придумать такія торговыя учрежденія и правила, при которыхъ мошенничество не встрѣчало бы премій, подобно тому, какъ это существуетъ теперь у насъ. Но подобное желаніе неосуществимо. Купцы, сдѣлавшіе сдѣлки, ѣздятъ въ прекрасныхъ экипажахъ уже на другой день расчета, они пьютъ шампанское, живутъ открыто; тѣ, кому они платили 25 к. за рубль, по прежнему жмутъ имъ руку и оказываютъ почтеніе и по прежнему дѣлаютъ кредитъ. Очевидно, что сдѣлка не только не считается нашимъ купечествомъ дѣломъ убыточнымъ, а напротивъ такой же торговой операціей, какъ и всякая продажа и покупка. Извѣстно, что всякому торговцу приходится продавать иногда товаръ въ убытокъ, но за то на другомъ онъ беретъ хорошую прибыль. Такая же вещь и сдѣлка. Она дѣло ума и находчивости и коммерческой смѣтливости. Сущность ея въ томъ, что одинъ продалъ въ убытокъ, а другой купилъ съ выгодой. Это явленіе повседневное, какъ обмѣриваніе, обвѣшиваніе въ маленькихъ лавченкахъ, или какъ запросъ торгующаго татарина, который проситъ за вещь 150 рублей, а отдаетъ за три.

Виноватыхъ во всемъ этомъ искать совершенно неблагоразумно, потому что всякій устраиваетъ у себя такой порядокъ, какой онъ по своимъ способностямъ умѣетъ выдумать. Придумать же что другое русскому торговому человѣку было совершенно невозможно, потому что онъ выросталъ въ такой коммерческой практикѣ и при такомъ семейномъ воспитаніи, которыя давали ему силу видѣть и понимать только то, что дѣлается у самыхъ его ногъ; все что отстоитъ нѣсколько дальше — недоступно его пониманью, потому что онъ этого не видитъ. Школа будущаго коммерческаго человѣка была несложна; теоріей его никакой не обременяли, а практики было много. Если онъ начиналъ свое воспитаніе съ мальчика при лавкѣ, а это самый органическій и правильный путь развитія, при которомъ человѣкъ проходилъ всѣ фазисы коммерческаго развитія, то воспитаніе совершалось такъ (я говорю собственно о лавочномъ дѣлѣ и о розничномъ торговцѣ). Утромъ до отправленія въ лавку мальчикъ долженъ вычистить хозяину сапоги, потомъ поставить самоваръ для прикащиковъ, сбѣгать въ булочную, потому что хозяйскій хлѣбъ очень часто ѣсть нельзя—черствый и невкусный. Но бѣгать въ булочную слѣдуетъ съ большой осторожностью, чтобы не попасться хозяину. Иначе хозяинъ побьетъ, да и прикащикамъ скажетъ:—ты подлецъ, развѣ недоволенъ моимъ содержаніемъ? Кончивъ дѣло дома, мальчикъ идетъ въ лавку.

Тамъ онъ долженъ вымести лавку, зазывать покупателей, подавать ему что велятъ, ворочать часто вещи не подъ силу. Первое время мальчикъ неуклюжъ бьетъ и ломаетъ товаръ, за что, смотря по характеру хозяина и сидѣльца, получаетъ больше или меньше тумаковъ. Сердитый хозяинъ бьетъ за малѣйшую неловкость. Обѣдать мальчикъ домой не ходитъ, а напьется въ лавкѣ чаю съ калачами. Вечеромъ приходя домой мальчикъ обязанъ опять поставить самоваръ, а если у хозяина гости, то подавать чай и трубки. Есть даже такіе хозяева которые требуютъ, чтобы мальчикъ сидѣлъ въ передней, или терся у притолки. Кромѣ этихъ обязанностей, мальчикъ долженъ чистить подсвѣчники, носить воду и топить печи. Чтобы быть сытымъ, мальчикъ долженъ познакомиться хорошо съ кухаркой и угождать ей потому что въ иркутскихъ купеческихъ домахъ кухарка лицо весьма важное; ея боятся не только мальчики и кучера, но даже и прикащики. Кухарка, нянька и горничная самыя вліятельныя лица въ домѣ, потому что, зная всю подноготную прислуги, онѣ могутъ сплетничать и наговаривать хозяйкѣ, а хозяйка передастъ мужу. Въ свободное время мальчика сажаютъ писать и посылаютъ за долгами. Но за послѣднее приходится получать ему большею частью щелчки да побои, потому что хозяинъ наказываетъ:—ты неотставай; а должникъ за неотвязчивость гонитъ вонъ. Вообще пока мальчикъ не вытянется, его бьютъ въ домѣ всѣ. Отъ хозяйки достается, когда онъ какъ казачекъ въ барскомъ домѣ, играя съ дѣтьми, не умѣетъ имъ угодить; хозяинъ бьетъ за лавку и неловкость; прикащикъ тоже и за лавку и если ему служить нехорошо. Плата за это время есть исключеніе. Одѣваютъ иногда хозяева, когда родители мальчика бѣдны, а если мальчикъ изъ купеческаго дома, отданный въ чужіе руки, чтобы выучился лучше, то получаетъ одежду отъ своихъ. Въ этой школѣ нескончаемыхъ побоевъ нравственность развивается особеннымъ путемъ. Мальчикъ бываетъ всегда на глазахъ, но когда его пошлютъ за чѣмъ нибудь и ему случится забѣжать домой и оттого промѣшкать, то въ оправданіе передъ хозяиномъ нужно придумать непремѣнно ложь, а иначе побьетъ. Закупая по приказанію хозяйки мелочи для дома, мальчикъ, воспитываемый слишкомъ строго, легко соблазняется лакомствами продаваемыми на улицѣ. Отсюда желаніе сдѣлать изъ хозяйскихъ денегъ экономію, т. е. начало воровства. Съ 18 лѣтъ ввѣряется мальчику уже лавка, часто безъ прикащика и наконецъ бывшій мальчикъ становится прикащикомъ, или конторщикомъ. Этимъ путемъ выходятъ весьма ловкіе розничные торговцы.

Но 18 лѣтнему молодому человѣку нужны развлеченія, а между тѣмъ безъ хозяйскаго дозволенія уйдти изъ дому нельзя; занимавшись раскуриваніемъ трубокъ, мальчикъ привыкъ курить, а хозяинъ болѣе всего щедръ на побои за эту привычку; молодому человѣку нужно общество, а общества нѣтъ, къ нему никто ходить не смѣетъ, къ роднымъ отпускаютъ его только въ большіе праздники, а къ семейство хозяина онъ рѣшительно не допускается. Читать?—по нечего; да къ чтенію нужно привыкнуть, а у прикащика для такой привычки нѣтъ ни минуты времени. Даже и безъ общества можетъ еще обойтись прикащикъ; но устоять противъ сердечныхъ влеченій ему не-

возможно. Хорошо еще если онъ сойдется съ горничной хозяина. Но если случай заведетъ его къ женщинамъ иного сорта и у нихъ придется ему выпить съ непривычки вина, или водки; заманчивость такого развлеченія дѣйствуетъ на молодого человѣка совершенно иначе, чѣмъ скромная домашняя связь съ горничной. Молодой человѣкъ начинаетъ уходить изъ дому поздно; а чтобы уйти, нужно сладиться съ дворникомъ, нужно смотрѣть сквозь пальцы на плутни и воровство дворни и такимъ образомъ создается обоюдная зависимость и круговая порука плутовства.

Воспитанный такимъ образомъ ловкій молодой торговецъ успѣетъ иногда подладиться къ хозяину, при случаѣ пожалуй и обворуетъ его, и становится наконецъ самъ купцомъ. Купцы этого сорта бываютъ всегда люди тертые, видѣвшіе много людей и случаевъ. Теорія ихъ жизни и коммерціи очень проста—наживай копѣйку—и они достигаютъ въ этомъ случаѣ изумительной ловкости, хотя и теряютъ всякое нравственное чувство. Ловкій торговецъ или купецъ не станетъ разумѣется воровать носовыхъ платковъ, но въ своемъ дѣлѣ постарается провести и обмануть всякаго, потому что эта коммерческая ловкость -признакъ способностей и ума. Такой ловкостью люди даже щеголяютъ и такимъ образомъ обманъ и плутня становятся въ ихъ глазахъ доблестью, добродѣтелью, и даже предметомъ соревнованія. Мальчикъ, выростающій въ такой практикѣ, уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ старается подражать большимъ, заслужить ихъ похвалу и развиваетъ свой умъ въ одномъ направленіи, придумывая способы, какъ бы ловчѣе продать или сбыть товаръ.

Нельзя сказать, чтобы всякій прикащикъ выходилъ непремѣнно въ купцы, многіе навсегда остаются прикащиками. Точно также нельзя сказать, чтобы всѣ они развивались односторонне, въ свою коммерческую ловкость; выходятъ иногда честныя личности.

Кому посчастливилось нажить деньги, тотъ старается открыть лавочку на мелочномъ базарѣ, или открываетъ домовую лавочку, съ мелочнымъ товаромъ: чаемъ, сахаромъ, омулями, орѣхами, масломъ. Другіе поступаютъ въ конторщики на золотые промыслы, въ Кяхту, въ питейную контору, въ обозные прикащики. Обозные прикащики это особенный типъ прикащиковъ. Было время, когда слава ихъ гремѣла въ трактирахъ и публичныхъ домахъ не только Нижняго но и Москвы. Теперь типъ обознаго уже вымираетъ; явилось пароходство, а съ нимъ транспортное коммиссіонерство, и число обозныхъ уменьшилось. Кромѣ того и время укротило нѣсколько сибирскаго сырого человѣка и денегъ стало у него меньше. Прежде же, когда коммиссіонерства не было когда каждый торгующій съ Россіей долженъ былъ отправлять свой обозъ, прикащиковъ требовалось много. Дороги были небезопасны, товаръ нужно было охранять, и хоть при каждомъ обозѣ шелъ старшій прикащикъ съ помощниками. Ихъ обязанностью было карауллить обозъ. Кажется, почему бы такое скромное занятіе могло выработать трактирнаго героя? А между тѣмъ выходилъ герой, слава котораго гремѣла во весь сибирскій путь. Приходилъ обозъ въ село или деревню, гдѣ молодыя дѣвки сейчасъ же давали имъ знать;

дѣвки не выходите, обозные пріѣхали. Сельская полиція маленькихъ городовъ была въ рукахъ обозныхъ; пріѣздъ ихъ бывалъ для полиціи праздникомъ: всѣхъ напоятъ, всѣ пьяны. Разсказываютъ, что два обозныхъ прикащика разбили разъ въ одномъ городѣ восемь кабаковъ; это называлось—сила. Они же устроили въ Тюмени драку, причемъ было перерѣзано до двадцати человѣкъ. Какимъ же путемъ создавались такіе молодцы? Патріархальнымъ воспитаніемъ. Прикащикъ, вырвавшись на свободу изъ тогдашняго гнета домашней жизни, гдѣ держали его строже, чѣмъ въ монастырѣ, кидался на вино и на женщинъ съ неистовствомъ дикаго звѣря; онъ отводилъ душу за десятки лѣтъ на подъ деспотической рукой хозяина, его семьи и купеческаго обычая. Дома у него еще были занятія, но въ пути дѣлать было нечего. Такимъ образомъ останавливается обозъ въ какомъ нибудь городѣ, стоитъ день, два, три, а иногда и больше. Какъ же убить прикащику свободное время? И онъ пьетъ и неистовствуетъ, насколько хватаетъ у него силъ и денегъ. Деньги доставались прикащику безъ особеннаго труда. Разумѣется жалованье его было невелико, рублей полтораста въ годъ, но у прикащика были доходы: онъ нанималъ возчиковъ, расчитывался съ ними; а какъ онъ расчитывался съ ними, знали только возчики, да прикащикъ. Во сколько обошелся перевозъ черезъ рѣку,—а ихъ въ Сибири много,—зналъ одинъ прикащикъ. Случалось, что изъ обозныхъ выходили купцы, но большею частью они исчезали куда-то. Обозные, подобно цѣловальникамъ, или прикащикамъ питейныхъ домовъ, пользовались такой славой, что ихъ обыкновенно брали неохотно на другія мѣста. Причина въ томъ, что избалтавшіеся и распустившіеся люди были уже неспособны къ серьезному и добросовѣстному труду. Людей этихъ не брали—и только; но никто не хотѣлъ знать, почему же они избалтались и распустились? Купецъ стараго закала, колотившій и своего сына и прикащика за всякую вину и дѣлавшій это по принципу, по преданію, думалъ, что иначе безъ подобной строгости, дѣти непремѣнно погибнутъ негодяями. Сынъ его, выросшій въ такой школѣ, на глазахъ своего папеньки, былъ скромнѣе всякой провинціальной дѣвушки—не пилъ ни вина, ни водки, не курилъ ни трубки, ни папиросъ. Но случалось ему попасть въ Кяхту, и онъ безобразничалъ похуже обознаго. Бросалъ цыганкамъ по 25 руб., напивался какъ только можно, всѣмъ безъ разбора—и водкой и шампанскимъ; нанималъ хоръ музыки, потому что будто бы безъ музыки онъ не можетъ пить. Однимъ словомъ, денегъ изводилъ кучу, шуму дѣлалъ много. Другой отецъ, не полагаясь на свое домашнее воспитаніе, посылалъ сына въ высшую науку—въ коммерческое училище. Оттуда выходилъ молодой человѣкъ дѣйствительно воспитанный нѣсколько иначе, чѣмъ воспитался бы онъ дома, подъ чубукомъ папеньки. Но папенька зналъ, что это воспитаніе теоретическое, что двойная бухгалтерія для Сибири еще ненужна, а нужна практика сибирской торговли, и отдавалъ своего сына подъ надзоръ прикащика. Сынъ, воспитанный не для сибирской торговли, иногда спивался, иногда облѣнивался, а обыкновенно охладѣвалъ къ занятіямъ своего отца. Воспитаніе пробудило въ немъ потребность дѣятельности, но торговля за прилав-

ками, отмѣриваніе и отвѣшиваніе товара покупателямъ не могло удовлетворить его. Онъ хотѣлъ чего-то другого; но чего не зналъ и самъ. Утонченное понятіе о честности, если онъ вынесъ его изъ коммерческаго училища не подходило подъ уровень мѣстныхъ понятій. Я самъ слышалъ отзывъ о двухъ молодыхъ людяхъ, попавшихъ въ Иркутскъ не по своей охотѣ, что они не годятся для торговыхъ мѣстныхъ дѣлъ и для занятій на золотыхъ промыслахъ, потому что имѣютъ о честности слишкомъ утонченное понятіе. Очевидно, что мѣстная промышленная честность какая-то иная, не общая, а условная, установленная иными общественными понятіями и другими условіями жизни. Что же и кто даетъ тонъ этимъ понятіямъ и общественнымъ отношеніямъ? Имъ даетъ направленіе самый составъ сибирскаго населенія и тѣ особенныя мѣры, которыя даютъ то или другое нравственное направленіе цѣлымъ массамъ населенія. Сибирь оттягиваетъ отъ Россіи всѣ ея дурные соки; постоянный наплывъ поселенцевъ, тысячъ по десяти въ годъ, ихъ бродяжническая жизнь, разгулъ промысловыхъ рабочихъ—эти условія не особенно благопріятны для воспитанія утонченныхъ понятій о чести. Купецъ или золотопромышленникъ, имѣющій постоянныя отношенія къ сотнямъ и тысячамъ ссыльныхъ, занятыхъ у него работой, долженъ не только знать ихъ понятія и потребности, но и дѣйствовать такъ, чтобы не лишиться впередъ ихъ, потому что иначе остановятся его дѣла. Для этого онъ долженъ приноравливаться къ рабочимъ и приближаться къ уровню понятій этого люда. Подобное сближеніе по закону нравственнаго равновѣсія, сообщаетъ и его понятіямъ и міросозерцанію иной оттѣнокъ. Стремленіе къ пріобрѣтенію, или къ наживѣ, и особенное понятіе о коммерческой честности, пріобрѣтаемое за прилавкомъ и въ розничной торговлѣ, создаетъ въ мелкомъ промышленномъ населеніи тоже своеобразную практическую коммерческую мудрость. Даже высшее коммерческое сословіе, воспитавшееся на контрабандной торговлѣ золотомъ, опіумомъ, присмотрѣвшееся къ «сдѣлкамъ», пріучается глядѣть снисходительно на окружающій его вѣчно мелочной обманъ. У отдѣльнаго человѣка нѣтъ силы измѣнить сразу понятія тысячи людей и поставить всѣ мѣстныя, общественныя и промышленныя отношенія на уровень тѣхъ высокихъ нравственныхъ правилъ, которыя онъ пріобрѣлъ своимъ внѣ сибирскимъ воспитаніемъ, или получилъ отъ природы, вслѣдствіе болѣе утонченныхъ нервовъ и болѣе совершеннаго, чѣмъ у другихъ, мозгового вещества. Какой же выходъ такому человѣку? Одинъ изъ двухъ: или онъ самъ долженъ пѣть въ общій тонъ, или идти враздрызъ всему его окружающему. Въ первомъ случаѣ онъ дѣлается такимъ какъ и всѣ; во второмъ онъ или впадаетъ въ апатію, или спивается, или уходитъ въ другое мѣсто, гдѣ живутъ люди иначе. Въ Иркутскѣ бывали такіе факты. Отецъ напримѣръ дисконтировалъ векселя, а сынъ его, человѣкъ горячей натуры, учившійся въ Москвѣ или Петербургѣ, считая такое дѣло не совсѣмъ чистымъ и не желая продолжать его задумалъ устроить стеариновый заводъ. Но отецъ нашелъ это дѣло безтолковымъ и денегъ не далъ. Тогда сынъ придумалъ устроить публичную библіотеку. Накупилъ книгъ, посадилъ прикащика, даже повѣсилъ

лампу, но читателей не нашлось. а явилось зачитыванье книгъ и разныя мелочныя непріятности. Мечтатель плюнулъ и бросилъ библіотеку, а отецъ опять сказалъ ему, что онъ завелъ безтолковое дѣло. Говорятъ, что библіотекарь началъ пить. Пилъ, пилъ, наконецъ бросилъ; сталъ читать, впалъ въ трусость и нерѣшительность и не сталъ ничѣмъ заниматься. Какой же происходилъ въ немъ внутренній процессъ и какія у него отношенія къ окружавшему его обществу? Въ внутреннемъ процессѣ обнаружилась слабость. Человѣкъ задумалъ стеариновый заводъ, отецъ нашелъ это дѣло безтолковымъ; человѣкъ завелъ библіотеку, а отецъ и тутъ увидѣлъ безтолковость. Отецъ оказался правъ, потому что вмѣсто прибыли явился убытокъ, а сынъ съ горя сталъ пить. Въ чемъ же тутъ горе? и почему непремѣнно нужно начать пить? Слабохарактерные и сердечные люди говорятъ, что человѣка заѣла среда. Среда разумѣется тутъ есть; совокупность извѣстныхъ условій опредѣляетъ дѣйствительно характеръ всей дѣятельности, не только человѣка, но и всего животнаго и растительнаго царства. Но человѣкъ не грибъ, не дерево, не напортникъ. У него нѣтъ корней и никто не привязалъ его веревками къ извѣстной мѣстности. Если ему худо что же мѣшаетъ ему уйти туда, гдѣ ему будетъ хорошо? Библіотекарю нравилась можетъ быть, Москва или Петербургская жизнь, ну и оставилъ бы онъ свой Иркутскъ, гдѣ нѣтъ ему простора, гдѣ гнететъ его и деспотизмъ отца, и дикія понятія людей, среди которыхъ онъ живетъ. Крыса и та уходитъ изъ амбара, когда ей жить неудобно, и устроиваетъ себѣ гнѣздо въ другомъ мѣстѣ. А если она не уходитъ, значитъ ей жить хорошо, и ни одна крыса не повѣритъ ей, если бы она стала жаловаться на свое положеніе. Люди въ этомъ случаѣ гораздо снисходительнѣе и слабохарактернѣе крысъ; потому что они вѣрятъ вздору и не вѣрятъ дѣлу. Если бы библіотекарю было худо, онъ бы ушелъ; а если онъ не ушелъ, значитъ ему было хорошо, и въ питьѣ онъ нашелъ себѣ большую усладу, чѣмъ въ тѣхъ условіяхъ, какія могла представить ему московская или петербургская жизнь. У человѣка достало же силы, чтобы начать пить и бросить всѣ дѣла; неужели потребовалось бы больше силы, чтобы бросить свой родной городъ и уѣхать вонъ? Въ томъ-то и дѣло, что для послѣдняго нужны другія условія. Начать пить легко, лишь бы позволилъ желудокъ и позвоночный хребетъ; когда желудокъ не разстроивается и позвоночный хребетъ не болитъ отъ пьянства, можно пить водки много. Общественное мнѣніе не казнитъ человѣка пьющаго: оно только сожалѣетъ его, потому что при условіяхъ русскаго общежитія, питье—вещь очень обыкновенная; заной пользуется у насъ правомъ гражданства, и люди умирающіе отъ пьянства вовсе нерѣдкость. Но бросить свой родной городъ, это значитъ не имѣть никакой связи съ своими родными и домашними, не имѣть съ ними ничего общаго ни въ понятіяхъ, ни въ чувствахъ, ни въ образѣ жизни, ни въ потребностяхъ. Это значитъ въ томъ же полѣ вырости особеннымъ цвѣткомъ, совсѣмъ непохожимъ на другіе. Такіе цвѣты и родятся, но рѣдко. Обыкновенныя же натуры, выросшія въ понятіяхъ своей семьи, на глазахъ глупыхъ мамокъ, няпекъ, безпутной или

вороватой дворни, подъ кулакомъ отца и подъ безтолковой лаской матери, пускаютъ крѣпкіе корни въ свою родную почву. Коммерческое училище, или даже и университетъ, только познакомятъ съ иными идеями, дадутъ большую массу свѣдѣній; но изъ глины безсильны сдѣлать черноземъ, или изъ чернозема песокъ. Глина останется глиной, хотя можетъ быть она и приметъ цвѣтъ чернозема. Во всемъ этомъ нѣтъ никакой среды и даже ненужно никакого характера. Кому холодно, тотъ надѣваетъ теплое платье; кто голоденъ, тотъ ѣстъ. Но если человѣкъ не надѣваетъ теплаго платья, значитъ ему нехолодно, и если онъ не ѣстъ, значитъ онъ неголоденъ. Человѣкъ, у котораго не связаны руки и ноги, дѣлаетъ всегда то, что ему нужно и пріятно. Если онъ пьетъ въ Иркутскѣ, вмѣсто того чтобы ѣхать въ Москву, значитъ ему пріятнѣе пить, чѣмъ ѣхать. На принятомъ условномъ языкѣ такіе люди зовутся слабохарактерными, но въ сущности тутъ нѣтъ ни слабости, ни силы, а просто ужъ человѣкъ изъ такого матеріала, что все въ немъ спитъ, или засыпаетъ легко, что ему и не нужна никакая Москва, никакая дѣятельность, а нужна водка. Люди дѣятельные бросятся въ разгулъ—и изъ нихъ создаются обозные прикащики и кутящіе купеческіе сынки. Люди вялые, слабонервные—засыпаютъ. Но отчего же не засыпалъ отецъ ею, который имѣлъ можетъ быть такіе же нервы? Отецъ не засыпалъ потому, что былъ самостоятеленъ потому, что, не имѣя средствъ, долженъ былъ добывать ихъ. Слабонервный сынъ только потому и не дѣлаетъ ничего, что у него готовая квартира, готовый обѣдъ и чай. Того же человѣка выпустите безо всего на всѣ четыре стороны—и онъ проснется къ дѣятельности, его перестанетъ заѣдать среда и онъ перестанетъ заниматься безтолковыми дѣлами. Самостоятельность и свобода въ развитіи, вотъ чего нѣтъ въ русской купеческой семьѣ, и отъ этого выходитъ все зло. Отецъ забылъ, что забравшись искателемъ приключеній въ Сибирь, онъ развивался и богатѣлъ опытомъ жизни безъ отцовской указки. Но сдѣлавшись самъ отцомъ хочетъ непремѣнно навязать свой опытъ и свою практику сыну. Жизнь отца была суровая, онъ хочетъ держать сурово и своего сына. Дай онъ ему волю и выйдетъ другое; пусти сына на свободу, пусть избираетъ путь жизни и изъ сына не выйдетъ ни кутила купеческій сынокъ, ни разгульный обозный прикащикъ, которые только потому и безобразничаютъ, что отцовскій домъ былъ для нихъ тюрьмой, и потому еще, что отцовскія деньги позволяютъ сидѣть сложа руки и тратить ихъ на женщинъ и на вино. Если изъ такихъ отдѣленныхъ дѣтей и не всѣ удадутся,—что же? значитъ и не могло быть иначе. При теперешнемъ же порядкѣ пропащихъ людей еще больше; въ семьѣ вмѣсто мира живетъ скрытая вражда, и сынъ рѣдко занимается дѣломъ своего отца.

Что дѣти не занимались дѣлами своихъ отцовъ или дѣдовъ—весьма просто: каждый дѣлаетъ то, что находитъ для себя выгоднѣе. Дѣдъ напримѣръ былъ мѣдникомъ, передѣлывалъ барнаульскія гривны въ чайники и котлы, или какъ говоритъ преданіе, нашелъ подъ Иркутскомъ старыя мѣдныя копи. Онъ нажилъ этимъ дѣломъ порядочное состояніе: зачѣмъ же сыну продол-

жать то же дѣло, когда онъ можетъ найти занятіе болѣе выгодное? И вотъ сынъ заводитъ базарную торговлю, которая гораздо прибыльнѣе и спокойнѣе мѣднаго ремесла. Изъ базарной торговли онъ выбираетъ именно ту, которая даетъ большую прибыль, и начинаетъ торговать такъ называемымъ тяжелымъ товаромъ: рукавицами, варыгами, чирками, желѣзомъ, сошниками, топорами, самоварами, дробью, свинцомъ и т. д. Или крестьянинъ начинаетъ заниматься доставками, возить товаръ въ Казань, Нижній, Москву,—скапливаетъ деньги. Сынъ его уже не привыкъ къ крестьянскому быту, потому что выросъ не въ крестьянской избѣ, а на пшеничныхъ пирогахъ. Ходить съ обозами онъ не можетъ, и для устройства транспортнаго коммиссіонерства не имѣетъ средствъ. Сынъ открываетъ уже торговлю. Ему кажется выгоднымъ такъ называемый промысловый товаръ и онъ продаетъ его на пріиски. Входя въ сношеніе съ золотопромышленниками и знакомясь съ ихъ дѣломъ, при небольшихъ даже средствахъ можно приняться за то же, а если попадется богатая розсыпь, то нетрудно сдѣлать скоро довольно значительное состояніе. Понятно, почему человѣкъ со средствами не станетъ заниматься дѣланіемъ мѣдныхъ котловъ и не станетъ ходить съ обозами по большимъ дорогамъ. Этимъ занимаются только начинающіе промышленники. А кто сдѣлалъ уже нѣкоторое состояніе, тотъ или займется торговлей и оборотами болѣе прибыльными и спокойными, или же, при недостаткѣ наклонности къ торговлѣ, обращается къ другимъ занятіямъ—идетъ въ медики, въ чиновники, въ офицеры.

Сибирское купечество еще купечество молодое, оно переживаетъ третье поколѣніе. Дѣды забрались сюда впервые, а теперь торгуютъ только внуки. Дѣды, выходившіе обыкновенно изъ крестьянъ, только клали первое основаніе купеческому капиталу. Сыновья ихъ занимались уже обыкновенно другимъ дѣломъ, потому что большія средства позволяли имъ дѣлать и болѣе выгодные обороты, невозможные для отцевъ, неимѣвшихъ еще такой силы. Внуки, занимающіеся дѣломъ на мѣстѣ, ведутъ мелочную торговлю; кто же имѣетъ большія средства, или связи съ Москвой, тѣ ведутъ торговлю кяхтинскую. Чѣмъ займутся слѣдующія поколѣнія, предвидѣть нетрудно. Для Сибири должно наступить время фабричной, заводской и мануфактурной дѣятельности и большіе свободные капиталы необходимо обратятся на это дѣло. Съ этихъ же поръ наступитъ разумѣется и наслѣдственность занятій. Прочно устроенное заводское или мануфактурное предпріятіе не можетъ кончиться скоро. Желѣзный заводъ ужь разумѣется будетъ переходить изъ рода въ родъ, какъ это и есть на Уралѣ, и тогда явятся тѣ прочные наслѣдственные формы, которыя есть заграницей и которыхъ у насъ почти не существуетъ. Непрочность сибирскихъ торговыхъ домовъ происходитъ именно отъ того броженія, которое неизбѣжно во всякомъ молодомъ обществѣ; въ Сибири каждый начинаетъ, потому что каждому и нужно начинать: тамъ столько новыхъ нетронутыхъ дѣлъ и такая нужда въ свободныхъ капиталахъ, что только стоитъ скопиться какой нибудь тысячѣ рублей, и для нея найдется тотчасъ же новое помѣщеніе. При такой нуждѣ въ капиталахъ и при

тѣхъ выгодахъ, какія они представляютъ, торговля и промышленность имѣютъ въ Сибири особенную заманчивость. Поэтому каждый ремесленникъ и мастеровой стремится заняться торговлей и попасть въ купцы. Подвижность, замѣчаемая въ торговомъ сословіи, при которой дѣти переходятъ или въ другія сословія, или начинаютъ заниматься не тѣмъ, чѣмъ занимались ихъ родители, замѣчается также и въ сословіи ремесленниковъ, съ той разницей, что здѣсь уже сами родители хлопочутъ о судьбѣ дѣтей. Каждый почти ремесленникъ, и уже всегда вдова—мать, стараются помѣстить своего сына въ мальчики въ лавку, чтобы вывести его потомъ въ прикащики, а при счастьи и въ купцы. Такой порядокъ живетъ по крайней мѣрѣ въ Иркутскѣ, и если съ одной стороны люди выбываютъ изъ купечества, обращаясь къ другимъ занятіямъ, за то съ другой мѣста ихъ пополняются, съ избыткомъ, новымъ купечествомъ, выходящимъ изъ мѣщанства и ремесленниковъ. А почему имъ такъ желательно сдѣлаться купцами, читатель увидитъ въ слѣдующей главѣ.

V.

Мѣщане.

Иркутское мѣщанство, какъ вообще мѣщанство всѣхъ русскихъ городовъ, занимается разными ремеслами, торговлей и промыслами. Цвѣтъ ремесленниковъ составляютъ потомки ссыльныхъ, работавшихъ въ ремесленномъ домѣ. Ссыльные, отработавшіе свой срокъ въ этомъ ремесленномъ или рабочемъ домѣ, устроивали подлѣ, или недалеко отъ него свой домъ, обзаводились хозяйствомъ, продолжали свое занятіе, учили ремеслу своихъ дѣтей и наконецъ мало по малу вырось подлѣ острога посадъ, или подгородная слобода. Теперь ее населяютъ потомки бывшихъ ссыльныхъ, занимающіеся своими наслѣдственными ремеслами. Приходившіе впослѣдствіи ссыльные и приходящіе теперь, если они знаютъ какое нибудь ремесло и если не нашли себѣ работы болѣе выгодной на промыслахъ, нанимаются въ рабочіе къ этимъ ремесленникамъ-старожиламъ. Этимъ путемъ выходила и выходитъ до сихъ поръ большая часть городскихъ мастеровъ. Особенность мастеровыхъ ремесленной слободы въ томъ, что они не лѣзли въ купцы, оставались такъ называемыми малолѣтками, и до сихъ поръ остаются вѣрны своему наслѣдственному занятію. Они держатъ себя лучше собственно городскихъ мѣщанъ, съ большимъ чувствомъ достоинства, честнѣе, обману, по крайней мѣрѣ мелочного въ нихъ незамѣтно, одѣваются хорошо и если напиваются, то не въ кабакѣ, а дома. Есть дома, въ которыхъ выписываютъ даже газеты. Особенно замѣтнаго состоянія у этихъ людей нѣтъ, но живутъ хорошо.

Воспитаніе мѣщанскихъ дѣтей относительно также плохо, какъ и воспитаніе дѣтей купеческихъ. Въ нравственномъ отношеніи мѣшаютъ воспитанію

сами матери, а въ техническомъ общая техническая отсталость населенія, рутина и отсутствіе внутренней силы самихъ мастеровыхъ для прогрессивнаго движенія. Кто учитъ французскую модистку, когда она придумываетъ новый фасонъ шляпки, или новый покрой платья? Кто учитъ нѣмца — столяра, или экипажнаго мастера новому фасону мебели и экипажа? Учитъ его собственное развитіе, его собственный смыслъ. Такого смысла въ иркутскихъ мастерахъ нѣтъ. У нихъ ни столяръ, ни экипажный мастеръ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о рисованьи, и работаютъ они по старому фасону, пока кто нибудь не выпишетъ изъ Москвы или изъ Петербурга экипажъ или мебель новаго фасона, или пока вновь сосланный мастеровой не принесетъ къ нимъ новое знаніе. Это техническое невѣжество очень обыкновенная вещь между русскими ремесленниками и не одного Иркутска. Въ иркутскомъ ремесленникѣ незамѣтно той черты, которой отличается ремесленникъ—нѣмецъ. Нѣмецъ гордится своимъ ремесломъ, и какой нибудь сапожникъ, или столяръ, говоритъ съ такой же гордостью, что онъ сапожникъ, какъ еслибы ему пришлось говорить, что онъ генералъ-фельдмаршалъ. Сибирскій ремесленникъ еще не умѣетъ гордиться своимъ занятіемъ; онъ не дорось до этого, потому что еще не имѣетъ силы разстаться съ азіатскими понятіями. Трудъ, какой бы онъ ни былъ, составляетъ для ремесленника Иркутскаго края не потребность, а непріятное занятіе. Онъ, какъ и сосѣдъ его степной киргизъ, работаетъ только изъ крайности, и если не стыдится труда и не наваливаетъ его на свою жену, тѣмъ не менѣе живетъ только для праздника, и праздничанье считаетъ высшимъ благомъ и цѣлью своей жизни. Это праздничанье поглощаетъ главнѣйше всѣ доходы иркутскаго ремесленника. Имѣя потребности вообще ограниченныя, а заработокъ весьма достаточный, ремесленникъ сколотитъ наконецъ довольно значительную, по его потребности, сумму. Но вотъ пришелъ праздникъ и всѣ деньги уходятъ на него. Накупятъ вина, напекутъ разныхъ разностей. Сами же во всѣ праздники не ѣдятъ и не пьютъ почти ничего. Когда напьются, начинаютъ ходить изъ дома въ домъ, и хозяинъ, къ которому пришли гости, если у него нѣтъ денегъ на вино, отдаетъ въ закладъ свое послѣднее платье. Такая ходьба и пьянство тянутся иногда сутокъ трое. Праздниковъ же у ремесленниковъ много: именины самого хозяина и его жены, Рождество, Пасха, масляница, Петровъ день и престольные праздники. Праздникъ въ Иркутскѣ имѣетъ такое значеніе и не для однихъ ремесленниковъ. Купечество тоже чтитъ праздники, и всѣ обновки, всѣ улучшенія въ домашнемъ быту дѣлаются только къ празднику или, говоря точнѣе, къ Святой и къ Рождеству. Еслибы потребовались въ домѣ новые обои, или не оклеить комнатъ зимой, или среди лѣта, а непремѣнно въ посту, ко Святой. Если нужно подновить экипажъ, его не отдадутъ мастеру лѣтомъ, а въ посту, чтобы онъ вышелъ новенькимъ къ Святой, и такъ во всемъ. Если празднику дастъ такое большое значеніе русскій крестьянинъ, это понятно—ему нуженъ отдыхъ и развлеченіе послѣ его усиленнаго земледѣльческаго труда. Но чему радуется купецъ, или хозяинъ, ремесленникъ, имѣющій рабочихъ? По мнѣнію рабочихъ, нелишенному нѣко-

тораго основанія, у хозяина всегда праздникъ: когда захочетъ послать за пивомъ, тогда и пошлетъ; когда вздумаетъ идти въ гости, тогда и пойдетъ. Купечество въ этомъ случаѣ имѣетъ пожалуй еще менѣе правъ на праздникъ, и если среди него сохранилось такое чествованіе праздниковъ и любовь къ нимъ, то это происходитъ отъ рутины, отъ наслѣдственной передачи семейныхъ привычекъ и обычаевъ, вошедшихъ въ купеческій бытъ изъ быта крестьянскаго, этого первообраза сибирской купеческой семьи.

Между праздниками ремесленниковъ и купцовъ огромная разница. Праздникъ ремесленника имѣетъ своей особенностью то, что въ этотъ день ремесленникъ истрачиваетъ свои деньги до послѣдней копѣйки. Праздникъ же купца и вообще состоятельнаго иркутскаго жителя важенъ тѣмъ, что даетъ ремесленнику средства для существованія. Постоянныхъ работъ у иркутскихъ мастеровыхъ нѣтъ. То работа набѣжитъ, то ея нѣтъ долго. Обыкновенно усиленный заработокъ ремесленниковъ начинается съ третьей недѣли великаго поста, т. е. къ Пасхѣ, или же къ Рождеству. Внѣ этого времени является работа только случайная.

Въ этихъ праздничаньяхъ и гулянкахъ мастерового видна яснѣе всего его неразвитость. Живя только для праздника, онъ тратитъ на нихъ всѣ свои сбереженія и остается по прежнему въ той же жалкой мастерской и при тѣхъ же бѣдныхъ, несовершенныхъ, допотопныхъ инструментахъ: у него нѣтъ въ запасѣ ни денегъ, ни матеріала для работы. Дѣлая заказъ, нужно дать мастеру деньги впередъ, иногда даже почти всѣ, потому что иначе ему не на что купить матеріала. У столяра рѣдко есть запасной лѣсъ, а у кузнеца желѣзо; случается часто, что столяръ, получивъ заказъ, покупаетъ лѣсъ на задатокъ. Поэтому почти вся мебель дѣлается изъ сырого лѣса; приходится долго ждать исполненія заказа, и спѣшная столярная работа невозможна. Отъ этой же причины является невольная неаккуратность, даже у честнаго мастера. Взялъ онъ заказъ къ сроку, но у него нѣтъ готоваго лѣса. Лѣсъ, положимъ, нашелъ на базарѣ, но остановка опять за пильщиками, которыхъ или не можетъ найти, или находитъ такихъ, которые заняты другой работой. На замѣчаніе, почему мастерскія ихъ такъ плохи, мастера отвѣчаютъ, что отъ лучшей мастерской работы не прибавится, и сколько есть ея въ городѣ, столько и будетъ; а заказчикъ тоже вмѣсто рубля не дастъ два. Общая черта въ отношеніяхъ мастеровыхъ къ заказчикамъ въ томъ, чтобы взять съ нихъ какъ можно дороже. По мнѣнію мастеровыхъ какъ ни удешевляй работы— больше не получишь: поэтому ужь лучше брать какъ можно дороже.

Заказы зависятъ отъ протекціи и рекомендаціи; безъ нихъ найти работу трудно. Причина понятна: заказчикъ, разумѣется, старается найти хорошаго и выгоднаго мастера. Онъ справляется о немъ у знакомыхъ, или прямо обращается къ лучшему мастеру въ городѣ. Недовѣріе къ ремесленникамъ явилось потому, что они не давали никогда особеннаго повода полагаться на ихъ честность. Разумѣется въ этомъ случаѣ виновато частью и отсутствіе ремесленной гласности. Какимъ напр. образомъ узнаетъ пріѣзжій, кто въ Иркутскѣ лучшій часовой мастеръ, кто лучшій портной, каретникъ, сапожникъ

и т. д. Онъ не только не узнаетъ, кто тамъ лучшіе мастера, но, ходя по улицамъ и отыскивая вывѣски, подумаетъ, что въ городѣ нѣтъ ни одного портного, ни одного каретника, ни одного сапожника. Только послѣ распросовъ узнаетъ, что гдѣ то за городомъ, версты три отъ центра, бѣжитъ рѣчка Ушаковка, а за ней лежитъ ремесленная слобода, въ которой живетъ первый каретникъ Милютинъ. Пусть бы городъ устроивалъ ремесленныя выставки, пусть бы онъ давалъ преміи или медали лучшимъ мастерамъ и публиковалъ объ этомъ, тогда мастера вѣроятно поспѣшили бы украсить своими объявленіями корридоры и переднія гостинницъ. Впрочемъ почему же вѣроятно? Вѣроятнѣе, что этого бы не было. Такой гласности еще мало даже въ большихъ городахъ, какъ Москва и Петербургъ, а Иркутску до нея дожить еще не скоро.

Какъ у столяровъ нѣтъ всѣхъ имъ нужныхъ инструментовъ, такъ и у кузнецовъ. Желѣзо у нихъ всегда дурное; въ кузницѣ одна наковальня, пять, шесть молотовъ, одна винтовальная доска, да нѣсколько тернуговъ. Если нужно отдѣлать ось, кузнецъ третъ ее напилками. Не говоря уже про потерю времени, но и работа выходитъ плохая. Дѣло дѣлается не такъ, потому что ни у одного иркутскаго кузнеца нѣтъ токарнаго станка. Публикѣ до этого нѣтъ никакого дѣла; ей только дай дешевую вещь, а какъ она сдѣлана, того никто не хочетъ знать. И мастера правы, не дѣлая улучшеній въ своихъ мастерскихъ. Токарный станокъ обойдется съ доставкой рублей въ полтораста. Оси, разумѣется, станутъ выходить лучшаго качества, но кто изъ покупателей согласится платить мастеру дороже за эту лучшую работу? Какъ публика не довѣритъ мастеру, такъ точно и мастеръ не цѣнитъ высоко публику. Онъ убѣжденъ, что иркутская публика не съумѣетъ отличить оси точеной отъ неточеной, и предпочтетъ изъ нихъ ту, которая дешевле. Но и публика невиновата въ томъ, что ищетъ дешеваго и предпочитаетъ ось неточеную. Весь экипажъ иркутскаго издѣлія такого свойства и такой тяжести, что сдвали въ немъ можетъ обнаружиться разница, когда вмѣсто точеной поставится ось неточеная. Да и лошади иркутскія тоже не такого нѣжнаго воспитанія, и улицы города не такого свойства, чтобы почувствовали или дали почувствовать подобную разницу. Вотъ почему иркутянинъ ѣздитъ на неточеной оси также хорошо, какъ на точеной, и лошадь его работаетъ подъ кнутомъ съ такимъ же точно усердіемъ, съ какимъ бы она везла экипажъ самаго тонкаго англійскаго издѣлія. Это и есть настоящая среда, т. е. когда всѣ обстоятельства приладились такъ одно къ другому, что улучшеніе одной частности совершенно невозможно безъ разстройства гармоніи цѣлаго. Нужно измѣнить условія мѣста такъ, чтобы явилась возможность общаго, одновременнаго прогресса, тогда и всѣ частности измѣнятся въ своей общей совокупности. Можно, разумѣется, обвинять ремесленника, какъ это я и сдѣлалъ, зачѣмъ онъ праздничаетъ, зачѣмъ прокучиваемыя деньги онъ не употребляетъ на улучшеніе своей мастерской, зачѣмъ у него нѣтъ сухого лѣса, почему у кузнеца плохое желѣзо и не заведено токарнаго станка; наконецъ, зачѣмъ онъ дѣлаетъ топорные экипажи и т. д. Но чтобы быть справедли-

вымъ, нужно въ тоже время спросить и у крестьянина, зачѣмъ у него такая дурная избенка, зачѣмъ онъ обработываетъ дурно свою пашню, зачѣмъ онъ не имѣетъ ухода за своимъ рогатымъ скотомъ, зачѣмъ онъ кормитъ свою лошадь дурно, а бьетъ ее больно, и обыкновенно безъ нужды, зачѣмъ баба его не разводила льна и не умѣетъ съ нимъ обращаться, зачѣмъ мужикъ изъ пшеницы приготовляетъ такую муку, что хлѣбъ выходитъ чернѣе ржаного, зачѣмъ у него скотъ въ 40 градусные морозы стоитъ подъ открытымъ небомъ. Нужно спросить и купца, зачѣмъ онъ на свой товаръ беретъ 40, 50, а иногда и 200 проц. барыша, зачѣмъ его торговля не отличается чистотой и разсчетомъ англійскихъ торговцевъ, зачѣмъ онъ идетъ такъ охотно на сдѣлки, зачѣмъ онъ неразборчивъ въ средствахъ наживы, зачѣмъ онъ бьетъ своего сына желѣзной полосой, зачѣмъ онъ учитъ его только читать, да писать, да зазывать покупателей и искусству во что бы то ни стало не выпустить покупателя изъ лавки, не продавъ ему товара; зачѣмъ его жена и дочь сидятъ весь свой вѣкъ сложа руки и ѣдятъ только жирныя шаньги, да пироги, толстѣютъ, да спятъ, да наряжаются къ празднику; зачѣмъ у насъ въ домѣ вѣчная воркотня, зачѣмъ купеческая семья похожа на клѣтку съ разнородными и разнохарактерными звѣрями, которые при первой возможности свободы разбѣгаются въ разныя стороны. Нужно спросить прислугу, зачѣмъ она обворовываетъ своихъ господъ, зачѣмъ горничная распутничаетъ, а кухарки стараются утащить всякій лакомый кусочекъ; зачѣмъ кучеръ обсчитываетъ хозяина на сѣнѣ и овсѣ и держитъ лошадей въ проголодь. Нужно спросить обозную и купеческаго сынка, зачѣмъ они безобразничаютъ въ трактирахъ и въ публичныхъ домахъ; нужно спросить сидѣльца въ лавкѣ, зачѣмъ онъ обмѣриваетъ и обманываетъ покупателя, а покупателя—зачѣмъ онъ не платитъ купцу долговъ, а при случаѣ не гнушается и украсть изъ лавки что ему нужно. Можно спросить и чиновника, и офицера, да и мало ли кого можно спросить, зачѣмъ они дѣлаютъ и поступаютъ такъ, а не иначе. Когда читатель найдетъ отвѣты ко всѣмъ этимъ «зачѣмъ», онъ узнаетъ, почему и у иркутскаго кузнеца нѣтъ токарнаго станка и почему иркутскій столяръ дѣлаетъ мебель изъ сырого лѣса и не исполняетъ заказа къ сроку. Каждому народу въ Европѣ можно предложить подобные вопросы; но вопросы будутъ иного свойства. Англичанина нельзя спросить, почему у него оси неточеныя, потому что онъ ѣздитъ на осяхъ точеныхъ; его нельзя спросить, зачѣмъ онъ не кормитъ свою лошадь, а только бьетъ ее, потому что онъ этого не дѣлаетъ; его нельзя спросить, почему онъ ѣстъ черный хлѣбъ вмѣсто пшеничнаго хлѣба, потому что онъ ѣстъ булки бѣлыя, какъ снѣгъ; его дочь или жену нельзя спросить, почему онѣ только ѣдятъ да спятъ, потому что онѣ занимаются дѣломъ; его нельзя спросить, зачѣмъ у него нѣтъ правды и справедливости въ судѣ и въ полиціи, потому что правосудіе живетъ у него въ томъ и въ другомъ мѣстѣ. Но и англичанину можно предложить вопросы другого рода, когда и онъ затруднится отвѣтами. И у него есть обиженные и угнетенные; и у него есть пролетаріи, и нищіе, и умирающіе съ голоду; и у него есть неправда, тупость и невѣжество; и у него есть трусы, и дураки, и воры, и негодяи.

Техническое воспитаніе иркутскаго ремесленника совершается очень просто. Положимъ, сынъ мѣщанина отдается на выучку къ столяру, обыкновенно по контракту на 3—5 лѣтъ. Содержаніе и одежда — отъ хозяина, жалованья же или на карманные расходы ни гроша. Ученикъ ѣстъ вмѣстѣ съ хозяиномъ за однимъ столомъ. Платье дается всегда плохое: полушубокъ, халатъ, двѣ рубашки, двое штановъ и саноги. По саноги надѣваются только тогда, когда приходится идти внѣ дома: дома же мальчикъ ходитъ босикомъ. Это считается удобнѣе: говорятъ, что не такъ жарко ногамъ. Обязанность мальчика въ первое время, а пожалуй и до конца ученья, бѣгать въ кабакъ за виномъ, сходить на базаръ, вымести мастерскую, принести воду или съѣздить за ней на лошади, отвезти съ хозяйкой на рѣку бѣлье для полосканья. Это домашнія, хозяйственныя занятія мальчика, какъ члена пріютившей его семьи. По технической же части онъ дѣлаетъ сначала деревянные гвозди, разогрѣваетъ клей, затѣмъ дѣлаетъ парѣзки, пилитъ, сколачиваетъ ящики и такъ постепенно идетъ дальше и дальше въ своей наукѣ. Въ теченіе пяти лѣтъ, и то если не избалуется, можетъ выдти порядочнымъ столяромъ. Затѣмъ онъ поступаетъ къ другому хозяину, или остается у своего учителя, на жалованьи, получая отъ 10 до 30 рублей въ мѣсяцъ, на хозяйскомъ содержаніи. Женятся они обыкновенно рано—лѣтъ 25, если только не сопьется, и, скопивъ деньги, открываетъ свою мастерскую. Такъ поступаютъ порядочные; но много и такихъ, что спиваются и бѣгаютъ цѣлый вѣкъ по чужимъ людямъ. Столяру обзавестись своей мастерской легко: верстакъ сдѣлаетъ самъ, а 3 стружа, 5 — 6 стамесокъ, пила и топоръ стоятъ недорого. Даже въ большихъ мастерскихъ хозяева не обзаводятся хорошими и въ достаточномъ числѣ разнообразными инструментами, а крутятся и изворачиваются дешевенькимъ и плохимъ, не заботясь объ улучшеніяхъ. Столярная работа здоровая, веселая, опрятная, и работа у себя въ дому. Поэтому ученикъ или рабочій живетъ постоянно въ хозяйской семьѣ и вражды въ отношеніяхъ у нихъ не можетъ явиться, потому что онѣ ѣдятъ и пьютъ за однимъ столомъ одно и то же. При жизни въ семьѣ, когда у хозяина есть взрослыя дочери, легко образуется домашняя связь, болѣе интимная и дѣло кончается бракомъ.

Въ праздники хозяинъ позволяетъ мастеровымъ и ученикамъ работать на себя; они дѣлаютъ садки (клѣтки), западни, ящики, шкатулки и т. п. Со средствами является обыкновенно и щегольство, а щеголь держитъ себя уже лучше, не пьетъ, не дурачится. Правда, сохраненію нравственности рабочихъ способствуетъ много самое загородное положеніе ремесленной слободы. Въ ней нѣтъ трактировъ, нѣтъ большихъ фабричныхъ артелей, базаръ далеко, въ центрѣ города, такъ что ученикъ воспитывается и растетъ внѣ соблазновъ, въ семьѣ, въ женскомъ обществѣ. Но и женское общество, а особенно воспитаніе матери дѣйствуетъ не всегда полезно, можно сказать, что всегда болѣе вредно. Отецъ бьетъ или за дѣло, или подъ пьяную руку, или сгоряча, чтобы выместить на комъ-нибудь досаду; мать же ругается и дерется безтолково и также безтолково балуетъ, и своимъ кормленіемъ разслабляетъ

организмъ ребенка. Мать же первая учитъ и лжи. Сынъ прогулялъ, запалилъ и не явился въ срокъ къ хозяину, мать беретъ вину на себя, или сочиняетъ ложь, чтобы оправдать сына. Поступая безъ толку въ минуты пѣжности, мать еще безтолковѣе въ минуты досады. Угорѣла ли она, разлила ли горшокъ щей, или разбила чашку, она ужъ бранитъ сына за все варнакомъ (каторжный), ворчитъ, что и сталъ и съѣлъ не такъ, и даже бьетъ, а потомъ суетъ пирогъ. Поэтому, гдѣ ворчливая хозяйка, а этимъ свойствомъ отличаются именно иркутскія сибирячки, въ домѣ вѣчная агитація, постоянная воркотня и „ругань то мужа, то дѣтей. Эта воркотня дѣлается вовсе не потому, чтобы баба сердилась, а такъ по привычкѣ, отъ воспитанія; она сама выросла на той же воркотнѣ и думаетъ, что хозяйка безъ воркотни, какъ плотникъ безъ топора. А большею частью и этого не думаетъ и ворчитъ себѣ такъ. Обращеніе съ дѣтьми вообще суровое; пришли ли гости, подали имъ пирога и закуски,—ребенокъ потянется къ сладкому, а мать ему въ шею пинка: —вишь, невѣжа, негодій, варнакъ. Розги въ большомъ ходу и любимая исправительная мѣра отцевъ; матери же больше даютъ пинки, подзатыльники, ругаются и ворчатъ.

Жены ремесленниковъ, обыкновенно огородницы, разводятъ табакъ, огурцы, держатъ коровъ; огородъ дастъ рублей сто и болѣе. Или же торгуютъ на базарѣ мелочью, что даетъ также копѣекъ отъ 20 до 60 въ день. Лѣтомъ, когда работы мало, ремесленники занимаются охотой съ ружьемъ, ловятъ рыбу, собираютъ грибы, ягоды.

Особенно большіе расходы у мѣщанъ въ праздники и въ крупные моменты жизни, какъ сватьба, крестины или похороны. Крестины у человѣка средняго состоянія обходятся не менѣе, какъ въ 25 руб. сер., сватьба отъ 300 до 500 руб., даже похороны взрослаго отъ 50 до 100 рублей. Зато на воспитаніе дѣтей тратится немного, небольше 20 руб. въ годъ, такъ что воспитаніе ребенка, смотря по 3-хъ или 5-ти лѣтнему сроку, обойдется въ 60 до 100 рублей серебромъ. Дѣвочекъ не учатъ.

Живутъ вообще благочестиво — соблюдаютъ посты, ходятъ въ церковь. Разврата въ семьяхъ незамѣтно: жены не гуляютъ, мужья тоже. Противное этому составляетъ уже исключеніе. Причина въ томъ, что люди заняты вѣчно дѣломъ и воображенію работать некогда. Много помогаетъ этому и правильная физическая жизнь: при работѣ ремесленникъ ѣстъ и спитъ хорошо, чтитъ среду и пятницу, удерживая свои страсти, и оттого вообще плодородны. Если хозяинъ женатъ, то спитъ большею частью на постели; холостые же—въ повалку или на верстакахъ. Если у хозяина есть взрослая дочь, и она спитъ тутъ же; но насколько это портитъ нравы—сказать не умѣю.

Каждый столяръ, устроившій свою мастерскую, старается и обзавестись своимъ домомъ. Жизнь на квартирѣ неудобна; обыкновенно ссоры съ хозяиномъ, то изъ-за пропавшаго инструмента, то изъ-за дровъ, которыми хозяинъ пользуется насчетъ столяра, то изъ-за другихъ какихъ-нибудь мелочей.

Праздникъ для семьи составляетъ большую радость, особенно для женщинъ. Все, что дѣлается, дѣлается какъ-бы только для праздника. Можно

думать, что еслибы не было праздниковъ, то женщины никогда не шили бы себѣ платьевъ, не чесались, не мылись и не мыли и не чистили своихъ домовъ. Все это дѣлается какъ будто не для себя, а напоказъ сосѣдямъ и знакомымъ. Вообще тщеславіе и суетность развиты сильно между мѣщанскимъ населеніемъ. Впрочемъ укорять въ этомъ исключительно мѣщанское населеніе иркутскаго края несправедливо. Эта азіятская черта сидитъ крѣпко во всемъ сибирскомъ населеніи и даже въ тѣхъ слояхъ общества, которые стоятъ далеко выше мѣщанскаго круга. Щегольство развито тоже очень сильно: жена мастера имѣетъ для праздниковъ непремѣнно шелковое платье и солопъ, крытый шелковой матеріей. Только самыя бѣдныя не имѣютъ этихъ необходимыхъ признаковъ жены хозяина мастерской.

Большихъ рабочихъ мастерскихъ въ Иркутскѣ почти нѣтъ; найдется ихъ двѣ, три — небольше. Обыкновенно же хозяинъ или одиночка работаетъ съ учениками или съ однимъ-двумя рабочими. Рабочихъ для большой мастерской имѣть въ Иркутскѣ трудно. Ремесленники, пришлые изъ Россіи, народъ большею частью пьяный и безпутный. Когда онъ только-что пришелъ и ищетъ себѣ мѣста, то отличается обыкновенно и трезвостью и кротостью. Но, забравъ задатокъ и начиная присматриваться къ краю, къ мѣстнымъ обычаямъ и заработкамъ, наконецъ узнавъ, что рабочія руки здѣсь рѣдки, что въ нихъ нуждаются всѣ, и ремесленники, и золотопромышленники, и городское населеніе,—рабочій начинаетъ давать себѣ уже особую цѣну и держать себя какъ человѣкъ, въ которомъ нуждаются и котораго нужно цѣнить. Тогда онъ неглижируетъ работой, пьянствуетъ дня по три въ недѣлю, пріискиваетъ подъ рукой другого хозяина, сговаривается съ нимъ въ цѣнѣ, беретъ задатокъ и уходитъ, не отработавъ даже забранныхъ впередъ денегъ. Управы на такого человѣка нѣтъ никакой и съ нимъ ничего не сдѣлаешь. Онъ всегда правъ и по его мнѣнію виноваты всегда другіе; честнаго слова для него не существуетъ, никакихъ обязательствъ онъ не хочетъ знать, жить онъ можетъ подъ открытымъ небомъ, даже безъ ѣды, если есть на что выпить, а на это всегда найдутся деньги, потому что дается и большое жалованье и въ задатокъ даютъ рублей 25 сер. и даже до 50. Съ такими наклонностями человѣкъ, лишенный всякаго нравственнаго чувства, и пьяный и безчестный, переходитъ отъ хозяина къ хозяину, наконецъ уходитъ на золотые промысла, шатается по нѣсколько лѣтъ сряду съ промысла на промыселъ и слоняется такъ цѣлый свой вѣкъ, какъ волкъ, безъ дома и пріюта, пока не обопьется, или не убьетъ его свой же товарищъ, или не умретъ онъ въ полѣ подъ кустомъ отъ неизвѣстной причины. И тогда въ «Иркутскихъ Вѣдомостяхъ» явится объявленіе, что въ такой-то волости подъ кустомъ, въ сторонѣ отъ большой дороги, найдено мертвое тѣло неизвѣстнаго человѣка, безъ признаковъ насилія. Вотъ и конецъ человѣческой карьерѣ! А отчего онъ умеръ подъ кустомъ въ восточной Сибири, а не гдѣ-нибудь въ Петербургѣ, въ роскошной спальнѣ, окруженный всѣми удобствами, банками, стклянками и знаменитыми докторами? А все причиной нервы, да мозговое вещество, которымъ обстоятельства не позволили развиться такъ, какъ они развиваются у чело-

вѣка, живущаго въ иныхъ условіяхъ и въ иной матеріальной средѣ. Растительная или животная ячейка—все ячейка, и въ одномъ случаѣ развивается изъ нея дубъ, въ другомъ—дождевикъ или плѣсень.

Мѣщане, ремесленники или мастеровые составляютъ мѣщанскую аристократію города. Къ нимъ же относятся такъ-называемые домовые мѣщане, которые выходятъ изъ купеческихъ приказчиковъ. Такой мѣщанинъ, обзаведясь своимъ домомъ, или торгуетъ въ домовой лавочкѣ, или покупаетъ телеги, дуги, ободья, сани и продаетъ ихъ обозникамъ, или же и самъ собираетъ и составляетъ телеги. Мѣщане этого сорта люди обыкновенно болѣе развитые, болѣе способные, болѣе знающіе и болѣе образованные. Но у кого способности слабѣе, кто не владѣетъ никакимъ ремесломъ, а владѣетъ только вѣчно голоднымъ желудкомъ и крѣпкими, сильными руками, тотъ идетъ въ наемщики и въ чернорабочіе. Эти мѣщане чернорабочіе выходятъ обыкновенно изъ бѣдныхъ семействъ, непріучившихъ своихъ дѣтей ни къ чему, изъ людей неспособныхъ для другаго дѣла. Они обыкновенно таскаютъ кирпичи на постройкахъ, переносятъ тяжести, завязываютъ воза, причемъ ихъ зовутъ *воровязами*. А это произошло оттого, что если приказчикъ не углядитъ за ними при увязываніи чайныхъ обозовъ, то они ворують совки и прячутъ украденный чай въ голенища и даже просто въ штаны. Чтобы воровязы воровали меньше, имъ на артель дается по фунту чаю. Но это не помогаетъ. Кража совершается обыкновенно ассоціаціей и все украденное дѣлится артелью. Этотъ фактъ важенъ между прочимъ въ томъ отношеніи, что убѣждаетъ, что и въ русскомъ человѣкѣ есть наклонность и способность къ ассоціаціи. Но только отчего артельность эта не проявляется нигдѣ? Отчего въ Иркутскѣ ни одно ремесло не производится ассоціаціей и не существуетъ ремесленныхъ артелей, а артели воровязовъ есть, и не одна, а составляются они съ непостижимой легкостью при всякой укладкѣ обозовъ и всякій разъ изъ новыхъ членовъ? Очевидно, что занятіе такимъ дѣломъ нетолько въ мѣстныхъ нравахъ, но что, по понятіямъ рабочихъ, въ немъ нѣтъ ничего предосудительнаго. И дѣйствительно это такъ. Воровство въ Иркутскѣ, да и вообще во всей Сибири, живетъ крѣпко въ нравахъ. Отъ него не страдаютъ, можетъ быть, особенно чиновники и начальства; но въ быту мѣщанскомъ и крестьянскомъ воровство такъ развито, какъ нигдѣ въ мірѣ. Полиція, разумѣется, не знаетъ о всѣхъ случаяхъ мелочнаго воровства, да и не можетъ знать о нихъ, потому что никто не ходитъ въ полицію съ объявленіями, когда случилась небольшая кража. Да и къ чему пойдетъ мѣщанинъ или крестьянинъ объявлять, что у него унесли изъ дому рубль денегъ, или шапку, или кушакъ, или платокъ, или даже кафтанъ и полушубокъ? Найти покражу невозможно и ни у какой полиціи не достанетъ ни силъ, ни средствъ открыть ее; а между тѣмъ только затѣешь дѣло, да потеряешь время. Полиція ничего не сдѣластъ, когда самъ народъ воруетъ и не предпринимаетъ ничего для уничтоженія воровства. Между тѣмъ и народъ понимаетъ это хорошо — разумѣется не въ массѣ, а отдѣльныя лица. Мнѣ приходилось говорить съ возчиками и разспрашивать ихъ о дорожныхъ ворахъ, подрѣзываю-

*

щихъ обозы. Воровство этого рода такъ укоренилось въ Сибири, что едвали удастся прекратить его скоро полицейскими и судебными мѣрами, если сами крестьяне не примутся за его искорененіе. Крестьяне отлично знаютъ другъ друга, и знаютъ они хорошо своихъ воровъ, и все-таки они терпятъ ихъ въ своемъ обществѣ—и не только терпятъ, но смотрятъ на нихъ такъ снисходительно, что если бы вопросъ коснулся удаленія вора изъ мѣста жительства, большинство станетъ на его сторонѣ и общество принимаетъ къ себѣ вора вновь. Только одна сибирская привычка къ тому, что дѣлается тамъ кругомъ позволяетъ смотрѣть на все равнодушно; но человѣку свѣжему всѣ эти обыкновенныя вещи представляются совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Разумѣется, можно привыкнуть ко всему. Привыкаютъ же люди жить въ сосѣдствѣ со львами, тиграми, гремучими змѣями; играли же наши офицеры въ Севастополѣ въ карты, подъ страшнымъ огнемъ и мріадами французскихъ и англійскихъ бомбъ и ядеръ. Но зачѣмъ же говорить, что нѣтъ воровства, грабительства и убійства, когда они есть? Зачѣмъ хвалить и даже восхищаться мѣстной безопасностью, когда ея нѣтъ въ дѣйствительности? Если севастопольскіе офицеры играли въ карты подъ непріятельскими выстрѣлами и смотрѣли равнодушно на ядра и бомбы, изъ этого еще не слѣдуетъ, что бомбы и ядра не летѣли въ Севастополь. Если африканецъ привыкъ къ сосѣдству тигра и гремучей змѣи, изъ этого еще не слѣдуетъ, что ихъ вовсе нѣтъ въ Африкѣ. Изъ своего смѣшнаго сибирскаго патріотизма и желанія похвалить свою родину и увѣрить, что въ ней все лучше, чѣмъ въ Россіи, Сибиряки даже и не замѣчаютъ, что они говорятъ вещи совершенно неправдоподобныя. Разумѣется, тамъ нѣтъ безпрестанныхъ грабежей или убійствъ и спокойнѣе чѣмъ на Кавказѣ, но и только: личная же безопасность каждаго человѣка подвергается далеко большему риску, чѣмъ въ любой даже самой безпокойной, мѣстности Россіи. Въ Сибири не существуетъ статистическихъ свѣденій по этому предмету—и вотъ почему только Сибиряки и могутъ продолжать свою вѣчную похвалу удивительной нравственности Сибирскаго населенія.

Кромѣ ломки камней и увязыванія обозовъ, мѣщане черноработіе занимаются зимой возкой и выгрузкой лѣса, осенью и весной, когда нѣтъ каменныхъ работъ или ихъ меньше; нѣкоторые работаютъ даже въ плотничьихъ артеляхъ.

Такой рабочій, смотря по искусству и силѣ, получаетъ въ день, на своихъ харчахъ, отъ 15 до 30 и даже до 50 коп. Таская камни и кирпичи, черноработій приглядывается къ работѣ кладчиковъ и каменотесовъ и иногда самъ принимается за ихъ дѣло. Ставъ такимъ образомъ уже ремесленникомъ, онъ получаетъ въ день отъ 70 коп. до 1 руб. 50 коп. Что большая часть этого народа любитъ выпить, это бы еще ничего, но они — народъ крайне лѣнивый и почти безполезный въ своей семьѣ. Работая какъ поденщикъ, онъ, разумѣется, старается за условную плату сдѣлать какъ можно меньше. Это законъ общій для всѣхъ людей, чтобы съ меньшей потерей силъ достигнуть выгоднѣйшаго результата. Такой выгоды мѣщанинъ

чернорабочій достигаетъ весьма не хитрымъ образомъ. Сидитъ онъ, напр. на своей работѣ — мимо идетъ баба. Кажется и совсѣмъ не о чемъ заговорить съ ней, а чернорабочій ухитрится найти предметъ для самаго продолжительнаго разговора. Вообще русскіе — большіе болтуны, но простой и рабочій народъ отличается у насъ этимъ качествомъ по преимуществу. Далѣе, рабочій любитъ очень курить. Явившись на работу въ 5—6 часовъ утра, онъ прежде всего принимается за трубку и тянетъ и сосетъ очень долго: тогда уже только начинаетъ работать. Въ 9 часовъ онъ завтракаетъ, въ 12 обѣдаетъ. Послѣ обѣда отдыхаетъ часа два, въ 4 часа наужинъ, а въ 8 часовъ уходитъ съ работы. Хотя такимъ образомъ рабочій день и составляетъ повидимому 14 часовъ; но въ сущности, вычитая все время куренья, ѣды, спанья и разговоровъ съ проходящими, наберется едва 6 собственно рабочихъ часовъ. Нерасчетъ рабочаго очевиденъ, потому что эти шесть часовъ ему бы лучше провести дома. Но чернорабочій такимъ образомъ вовсе и не разсчитываетъ: ему лишь бы прошелъ день, а этимъ способомъ день распредѣляется повидимому очень удобно, спокойно, необременительно.

Мѣщане чернорабочіе составляютъ низкій отстой промышленнаго населенія Иркутска. Въ семейной жизни они безпечны, лѣнивы, заработокъ свой обыкновенно пропиваютъ,—и все благосостояніе семьи зависитъ обыкновенно отъ жены рабочаго. Зимой она торгуетъ на базарѣ булками, калачами или стираетъ бѣлье. Лѣтомъ занимается огородничествомъ, торгуетъ квасомъ, овощами, свѣжей рыбой, хлѣбомъ. Заработокъ ея бываетъ въ день отъ 30 до 50 коп. Такимъ образомъ вся семья зависитъ отъ женщины: она даже кормитъ своего мужа, когда у него нѣтъ работы. Вѣчная нужда научаетъ этихъ людей цѣнить другія болѣе обезпеченныя положенія — и вотъ почему они стараются помѣстить своихъ дѣтей къ ремесленникамъ, или къ купцу въ лавку.

Самые неспособные изъ этого сорта мѣщанъ люди безъ энергіи, разные горемыки и бездомники, — составляютъ настоящихъ, или, вѣрнѣе, чисто чернорабочихъ. Они копаютъ землю, ворочаютъ и носятъ тяжести. Это народъ повидимому неспособный къ труду, требующему большей понятливости, смышлености, расторопности и искусства. Изъ этого же сорта людей создаются ямщики и даже кучера въ небогатыхъ домахъ, гдѣ лошади и экипажи обходятся и безъ тщательнаго ухода.

Базарницы, аристократки быта каменщицъ, торгутъ на базарѣ кремнями, огнивами, сѣрой, тесемками, иголками. Онѣ шьютъ и продаютъ готовое бѣлье для рабочаго класса и для людей безсемейныхъ и бездомныхъ. Онѣ вяжутъ шарфы, подбираютъ бѣличьи мѣха, ткутъ кушаки, извѣстные подъ названіемъ иркутскихъ, бьютъ орѣховое масло. Это классъ людей довольно обезпеченныхъ. Одни изъ нихъ сидятъ на базарѣ на столахъ, продавая свой немногосложный товаръ, другія—нѣтъ. Базарницы отличаются внѣшней порядочностью и опрятностью. Обыкновенно вдовы, а иногда и старыя дѣвы, онѣ большею частью имѣютъ интимныя связи; но не унижаются до выбора какого нибудь мѣщанина, или бородача, а устраиваются съ приказными, прикащи-

ками, писарями. Если случится выйдти замужъ, то и тутъ дѣлаютъ приличную партію, выходя за чиновника или писаря. Многія изъ базарницъ имѣютъ свои дома. Дочерей и сыновей своихъ, онѣ стараются вывести на лучшую дорогу, и потому въ своемъ быту онѣ держатъ себя много выше обыкновеннаго мѣщанства. Дочери ихъ носятъ шляпки и бурнусы, и у каждой есть лисій салопъ. Сами же базарницы на базарѣ—лѣтомъ въ пальто, зимой—въ заячей шубѣ; а чистый, бѣлый фартукъ — непремѣнно и лѣтомъ и зимой. Торговля ихъ разнаго размѣра: у нѣкоторыхъ наберется товару даже рублей на тысячу. Прибыль измѣняется отъ 150 до 500 руб., такъ что лѣтъ въ 20 торговли базарница можетъ скопить капиталъ тысячъ въ десять ассигнаціями.

Осадокъ базарницъ составляютъ каменьщицы, о которыхъ я уже говорилъ, а осадокъ каменьщицъ—горничныя, кухарки и публичныя женщины.

Прислуга, особенно мужская — большею частью ссыльные. Но есть прислуга и изъ мѣщанъ, а частью и изъ крестьянъ. Крестьяне отдаютъ своихъ дѣтей въ прислугу, когда семья велика, заработокъ плохъ, деньги нужны—отдаютъ дочь въ горничныя, въ работницы или въ стряпки.

Плата горничнымъ, кухаркамъ и нянькамъ отъ 1 до 4 руб. въ мѣсяцъ. Кормилицамъ отъ 4, 10 до 15 руб. Отъ хозяевъ горничная получаетъ только передникъ, а подарки къ праздникамъ изъ обносковъ. Жалованье мужской прислуги больше: дворникъ отъ 3 до 7 руб. въ мѣсяцъ и зимой хозяйская даха, а кучеръ отъ 6 до 15 руб. и выѣздное платье, т. е. кафтанъ, рукавицы, шапка.

Строгаго раздѣленія занятій прислуги не существуетъ. Дворникъ работаетъ часто за кучера, кучеръ за дворника, т. е. привезетъ воды, вымететъ дворъ. Такое же отсутствіе строгихъ границъ существуетъ и въ занятіяхъ женской прислуги.

Житье всѣхъ этихъ людей плохое. Они слишкомъ связаны—почти не могутъ выйдти изъ дому: въ мѣсяцъ достанется можетъ быть только одинъ день на гулянье. Работой они хотя и не завалены, но вѣчно суетятся, вѣчно бѣгаютъ, особенно женская прислуга. Обходятся съ ними дурно, грубо, а требовательность большая. Пыль найдутъ гдѣ нибудь—бранятъ; не такъ поставила что нибудь—тоже; пропало что нибудь — всѣ виноваты. Если господа не имѣютъ надъ прислугой права помѣщичьяго, за то вполнѣ существуетъ право полицейское. Напился ли человѣкъ—посылаютъ его съ запиской въ часть, а тамъ его или выдержатъ или выпорютъ. Кромѣ того господа расправляются и сами, т. е. дерутся; а человѣкъ отвѣтилъ не такъ, говорятъ—грубъ. Поэтому порядочные люди, успѣвшіе скопить хотя что нибудь, уходятъ изъ этого промысла, да и вообще избѣгаютъ случаевъ наняться въ услуженіе. Они пускаются или въ торговлю, или идутъ въ извощики, или въ караульные. Однимъ словомъ ищутъ такого мѣста, гдѣ самъ большой. Женщина, если не вышла замужъ, молоденькая и недурна собой, — избираетъ себѣ извѣстнаго рода промыселъ. А если знаетъ что нибудь, некрасива и не молода — идетъ въ прачки, въ поломойки, швеи.

Но если нехороши господа, то нельзя похвалить и прислугу. Наѣдутъ ли къ ней родные изъ деревни, — пойдетъ угощеніе хозяйскимъ добромъ, кормятъ и поятъ всѣмъ хозяйскимъ, даже лошадей кормятъ хозяйскимъ овсомъ и сѣномъ. На господъ смотрятъ всегда враждебно, хозяйскаго не берегутъ, а при случаѣ и украдутъ. Можетъ быть тутъ виной и хозяева, вслѣдствіе своего неделикатнаго обращенія и вѣчной ругани; но и въ простомъ человѣкѣ развита сильно страсть нажить на чужой счетъ и поживиться чужимъ добромъ.

Ремесло прислуги обнаруживаетъ самое вредное нравственное вліяніе на молоденькихъ дѣвочекъ, приходящихъ наниматься въ услуженіе изъ деревень. Пятнадцати или нѣсколько старшихъ лѣтъ дѣвочки, видя, что ея праздная хозяйка, купчиха или чиновница, то и дѣло надѣваетъ новыя платья, чтобы пощеголять, а особенно въ праздникъ, — загарается сама тайнымъ желаніемъ имѣть это наслажденіе. Но ей нельзя удовлетворить ему: все жалованье горничной одинъ рубль въ мѣсяцъ; а ей нужны ботинки, платье, бѣлье. Къ этому еще и грубое обращеніе барыни. Въ 16 лѣтъ не можетъ быть страсти, но желаніе принарядиться есть; а главное, желаніе освободиться отъ вѣчной домашней каторги, вѣчной воркотни и брани. Работая годъ, горничная на свое жалкое жалованье едва купитъ ситцевое платье; а тутъ ей представляется случай сразу завести платье, ботинки и кринолинъ. Она не видѣла ласки, а тутъ ее ласкаютъ. Можно ли сравнить эти двѣ жизни? Сойдясь съ мужчиной разъ, два, дѣвочка уже идетъ по этому пути дальше и дальше. Она, можетъ быть, и знаетъ, что дѣлаетъ нехорошо, а между тѣмъ дѣлаетъ. Случается, что и матери продаютъ своихъ дѣтей. Когда не было вмѣшательства полиціи, публичныя женщины были много нравственнѣе. Онѣ торговали собой тайно и стыдились своего ремесла. Но когда за ними стали слѣдить, когда имъ стали давать свидѣтельство, онѣ сдѣлались настоящими публичными и развратными женщинами и потеряли всякій стыдъ. На полицейское свидѣтельство гонитъ ихъ десятскій, и всегда грубо,—идутъ онѣ обыкновенно пьяныя. При свидѣтельствѣ всѣ издѣваются надъ ними—писаря, фельдшера, ученики. Грубость чувства и цинизмъ всего окружающаго убиваетъ въ этихъ женщинахъ и послѣднюю искру стыда.

Опустившись до такой степени, женщина ведетъ самое жалкое существованіе. Живетъ она бѣдно, ѣстъ и спитъ какъ попало, сыта вполнѣ никогда не бываетъ, потому что недостаточный заработокъ идетъ на туалетъ, или на пустые, менѣе нужные расходы, какъ лакомства и вино.

Женщины того же ремесла, но неизвѣстныя полиціи, живутъ хотя бѣдно, гдѣ нибудь на концѣ города; но въ нихъ нѣтъ того цинизма и безстыдства, какимъ отличаются женщины съ полицейскими свидѣтельствами. Но наступаетъ для этихъ бѣдныхъ труженицъ и другое время, когда онѣ бросаютъ свое занятіе: тогда онѣ или начинаютъ служить, или пріискиваютъ себѣ какое нибудь ремесло, или выходятъ замужъ. Эти женщины обыкновенно развитѣе обыкновенныхъ мѣщанокъ и крестьянокъ. Замѣчательно, что лѣнь не развращаетъ ихъ; онѣ занимаются хозяйствомъ, шьютъ, работаютъ и

моютъ все на себя сами; онѣ очень боятся Бога, ходятъ въ церковь, постятся, отличаются скромностью и больны бываютъ рѣдко.

Самый низшій осадокъ населенія Иркутска состоитъ изъ нищихъ. Большинство ихъ составляетъ наплывное населеніе изъ деревень; поселенцевъ и мѣщанъ между нищими мало. Женщины же напротивъ больше мѣщанки. Люди отправляются нищенствовать отъ неимѣнія заработка, или по несчастнымъ случаямъ, какъ напр. погорѣвшіе крестьяне. Но бываютъ и просто охотники заниматься нищенствомъ, какъ ремесломъ. Воля своя, заработокъ хорошъ, потому что въ день, не считая хлѣба, всегда можно собрать не менѣе рубля ассигнаціями; а платья покупать ненужно, потому что подадутъ благотворители. Бываетъ, что полиція ихъ схватитъ и отправитъ въ волость, а они опять уйдутъ, и опять наберутся въ городъ. Нищіе этого рода составляютъ обыкновенно касту нищихъ и занимаются ремесломъ наслѣдственно. Такъ, дочь нищей, родивъ сама дѣтей, дѣлаетъ всѣхъ ихъ нищими. Но кромѣ ихъ, есть еще и нищіе истинные, т. е. люди неспособные пропитать себя своимъ трудомъ. Эти нищіе имѣютъ обыкновенно постоянные дома, гдѣ имъ помогаютъ; въ одномъ домѣ дадутъ платье, въ другомъ творогу, въ третьемъ хлѣба, денегъ и т. д. Такой нищій не шляется по улицамъ цѣлый день и не протягиваетъ руку къ проходящимъ, но живетъ тѣмъ, что набралъ при обходѣ своихъ благотворителей. Онъ чувствуетъ къ нимъ пріязнь и старается отблагодарить ихъ при случаѣ.

Нищенство, промыселъ поддерживается и плодится почти исключительно купцами. Въ Иркутскѣ заведено подавать нищимъ въ субботу и купцы гостинаго двора держатся крѣпко этого обычая. Между нищими есть даже чиновники и такой нищій не проситъ, а почти требуетъ:—«я изъ благородныхъ, помогите». Но между нищими незамѣчено ни одного изъ купцовъ. Если купецъ, или торгующій мѣщанинъ обѣднѣетъ, онъ пойдетъ въ дворники, въ ломовую работу, наймется въ караульные но до нищенства не дойдетъ. Только одинъ обѣднѣвшій купеческій прикащикъ ходитъ нищимъ по своему Трапезниковскому ряду, въ которомъ онъ торговалъ нѣкогда, но и онъ не проситъ на сторонѣ. Въ торговомъ сословіи, при всѣхъ его недостаткахъ, есть свой особенный гоноръ; купецъ и прикащикъ станетъ плутовать не считая это безнравственнымъ, но у него есть свое понятіе о чести, которое его не допуститъ до личнаго униженія. При воспитаніи его били, учили обманывать, но подличать и лакействичать—нѣтъ. Отъ этого въ купеческомъ сословіи Сибири нѣтъ раболѣпія и, обнищавъ и прося помощи собрата, нищій-прикащикъ говоритъ съ гордостью: «я тридцать лѣтъ служилъ, всякій меня знаетъ и подлецомъ не назоветъ».